ADOREMVS
EX LIBRIS
P. JOUKOVSKY.

Copy 29 of 50
Binding By Sheel

С. Т. Аксаковъ.

1791—1891.

Дѣтскіе годы

Багрова-внука.

Юбилейное изданіе Н. Г. Мартынова.

Дѣтскіе годы

Багрова-внука.

Юбилейное изданіе Н. Г. Мартынова.

Этотъ оттискъ №. 29-й, отпечатанный въ память

20 Сентября 1891 г.

100-лѣтія дня рожденія

Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова,

принадлежитъ

Павлу Васильевичу

Жуковскому.

О, да!

А Онѣгинъ

Paris

1891–96/95/97!

ДѢТСКІЕ ГОДЫ
БАГРОВА-ВНУКА,

СЛУЖАЩІЕ ПРОДОЛЖЕНІЕМЪ

СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ

СЕРГѢЯ ТИМОѲЕЕВИЧА

АКСАКОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Книгопродавца Н. Г. МАРТЫНОВА.
1891.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 Сентября 1891 г.

Типографія и Фототипія В. И. Штейна. Почтамтская, № 13.

1379

Дозволено цензурою. Спб., 19 Сентября 1891 г.

Типографія и Фототипія В. И. Штейна, Почтамтская ул., № 13.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

	СТР.
Портретъ.	
Критико-біографическій очеркъ. Статья В. П. Острогорскаго.	1

II.

Предисловіе	I
Виды: Мельница на рѣкѣ Бугурусланѣ	—
» Домъ въ Знаменскомъ «Аксаково»	—
Посвященіе стихотворенія 26 Декабря 1854 г.	—
Къ читателямъ	—
Вступленіе	1
Отрывочныя воспоминанія	3
Послѣдовательныя воспоминанія	11
Дорога до Парашина	18
Парашино	32
Дорога изъ Парашина въ Багрово	43
Багрово	50
Пребываніе въ Багровѣ безъ отца и матери	61
Зима въ Уфѣ	74
Сергѣевка	97
Возвращеніе въ Уфу къ городской жизни	118
Зимняя дорога въ Багрово	125
Багрово зимой	129

	стр.
Уфа	147
Пріѣздъ на постоянное житье въ Багрово	164
Чурасово	186
Багрово послѣ Чурасова	209
Первая весна въ деревнѣ	215
Лѣтняя поѣздка въ Чурасово	255
Осенняя дорога въ Багрово	280
Жизнь въ Багровѣ, послѣ кончины бабушки	289

III.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Аленькой цвѣточекъ. Сказка ключницы Палагеи	311
Автографъ С. Т. Аксакова	—

С. Т. Аксаковъ

1791 — 1891.

Критико-біографическій очеркъ.

Статья В. П. Острогорскаго.

Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ

20 Сентября 1791—20 Сентября 1891 г.

(критико-біографическій очеркъ).

I.

Ровно столѣтіе отдѣляетъ насъ отъ появленія на свѣтъ человѣка, который, проживъ 68 лѣтъ своеобразной, но небогатой внѣшними фактами, жизнью, тихо сошелъ въ могилу еще 30 Апрѣля 1859 года, оплакиваемый не только литературой, но и всѣми, кто его сколько-нибудь зналъ. Родившись и получивъ первыя впечатлѣнія дѣтства еще въ прошломъ вѣкѣ, въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II и тяжелую эпоху Императора Павла Петровича, въ отдаленномъ глухомъ краю, въ Уфѣ и нынѣшней Оренбургской губерніи, С. Т. Аксаковъ кончаетъ свое долголѣтнее земное поприще въ первопрестольной столицѣ Москвѣ въ свѣтлую пору пробужденія Россіи, наканунѣ великаго событія — освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Отецъ двухъ высоко-даровитыхъ сыновей, Константина и Ивана Сергѣевичей, наиболѣе горячихъ и искреннихъ представителей славянофильства, Сергѣй Ти-

моѳеевичъ представляетъ въ нашей литературѣ явленіе совершенно особенное, оригинальное. Между тѣмъ какъ крупнѣйшіе представители ея, какъ Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Гоголь, Лермонтовъ и многіе другіе еще въ молодости составляютъ себѣ громкое имя и сходятъ въ могилу, не достигши даже пятидесяти лѣтъ, Сергѣй Тимоѳеевичъ, кое-что только переводившій для театра, да пописывавшій незначительныя театральныя рецензіи, вдругъ на 56 году жизни выступаетъ съ оригинальной книгой *«Записки объ уженьѣ рыбы»*, обратившей на себя общее вниманіе, а 65 и 67 лѣтъ, на краю могилы, выпускаетъ въ 1856 и 1858 гг. *Семейную хронику* и *Дѣтскіе годы Багрова внука*, сразу поставившіе его въ рядъ самыхъ крупныхъ представителей русской художественной литературы. И это тѣмъ удивительнѣе, что содержаніе его сочиненій, кажется, всего менѣе соотвѣтствовало интересамъ современности, направлявшимся въ концѣ пятидесятыхъ годовъ на изученіе ея самой. Въ этотъ лихорадочный періодъ всякихъ злобъ дня и страстнаго отношенія къ настоящему, спокойные, наивно-эпическіе разсказы старика, отвлекая умъ отъ ежедневнаго, современнаго, въ глубь недавняго прошлаго, отъ городской сутолоки въ тишь привольныхъ степей, болотъ и лѣсовъ, подъ сѣнь матери природы съ ея мирною жизнью растительной и животной, были для читателей студенымъ ключомъ, встрѣченнымъ въ жаркій день разгоряченнымъ путникомъ. Какъ онъ, этотъ путникъ, жадно бросились они на эти разсказы, чтобы въ нихъ почерпнуть хоть на минуту отдыхъ отъ злобы настоящаго и въ созерцаніи вѣчной природы и патріархальной старины обрѣсти новыя силы для дальнѣйшаго пути по новому поприщу исторической русской жизни, открывшей съ царствованіемъ Освободителя невиданныя дотолѣ перспективы.

Такія сочиненія могли создаться только Аксаковымъ, и никѣмъ больше, и именно только въ такомъ возрастѣ автора, когда онъ, подобно Пуш-

кинскому Пимену, могъ спокойно углубиться въ даль минувшаго, но тѣмъ болѣе ему дорогого. Не представляя собою творческаго вымысла, въ томъ смыслѣ, какъ понимаемъ мы его въ созданіяхъ Пушкина или Гоголя, гдѣ передъ нами вымышленные художественно созданные общіе типы и картины, *Хроника* и *Дѣтскіе годы* — совсѣмъ особенныя, высокоталантливыя воспроизведенія по памяти дѣйствительно бывшаго, но только въ строгомъ выборѣ характернаго, и притомъ глубоко-прочувствованнаго и дополненнаго фантазіею, или нѣсколько измѣненнаго тамъ, гдѣ автору самому измѣнила память, или же, гдѣ что-нибудь, какъ слишкомъ личное, интимное опускалось имъ изъ уваженія къ близкимъ лицамъ.

Еще никогда въ русской литературѣ не было ничего подобнаго и «Запискамъ объ уженьѣ» и охотничьимъ книгамъ Аксакова, гдѣ самыя разнообразныя животныя являются не какъ аллегорія въ басняхъ и сказскахъ, не какъ таинственныя существа животнаго египетскаго или индѣйскаго священнаго эпоса, а просто сами собою въ реальныхъ характерныхъ портрстахъ, съ своей дѣйствительной физіономіей и нравами, и притомъ изображенныя такъ живо и съ такимъ участіемъ, какъ будто авторъ изображаетъ не животныхъ, а людей.

Посмотримъ же, что за человѣкъ былъ этотъ оригинальный авторъ; какъ сложилась и шла его жизнь, которую онъ самъ описалъ въ своихъ книгахъ, представляющихъ главнѣйшій матеріалъ для его біографіи, а въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о его особенностяхъ, какъ писателя, и историко-литературномъ его значеніи.

II.

Приволенъ и богатъ своими природными условіями былъ Оренбургскій край, гдѣ прошла большая часть дѣтства Сергѣя Тимоѳеевича. Широкія, безпредѣльныя степи, изобильныя водами, богатыми рыбой, лѣса, густо населенные дичью, скотъ, покосы и хлѣба—всего было здѣсь вволю. Никто не мѣрилъ еще этого приволья, гдѣ кочевали на свободѣ башкиры, у которыхъ по какой-нибудь полтинѣ можно было накупить удобнѣйшей земли сколько угодно десятинъ. И столько тамъ этой земли, что при всѣхъ заселеніяхъ ея чуть не цѣлое столѣтіе русскими помѣщиками, еще въ семидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія ловкіе аферисты и всякіе плуты, искатели наживы, скупили за безцѣнокъ въ Оренбургскомъ и Уфимскомъ краю у тѣхъ же башкиръ, въ какіе-нибудь три, четыре года, около двухъ милліоновъ десятинъ чернозема и лѣса, совершивъ пріобрѣтеніе по большей части по закону, благодаря злоупотребленіямъ мѣстныхъ властей. Но въ то отдаленное время, когда дѣдушка Сергѣя Тимоѳеевича переселилъ своихъ крестьянъ въ башкирскія земли, пріобрѣтеніе послѣднихъ совершалось тихо и полюбовно, и только гораздо позже возникли споры изъ-за земель между помѣщиками и прежними полудикими землевладѣльцами.

Дика и едва тронута плугомъ и косой была въ этомъ восточномъ краю природа; дики были въ послѣднее дѣсятилѣтіе прошлаго и въ первое нынѣшняго столѣтія помѣщичьи и чиновничьи нравы, и едва едва только тронуто образованіемъ наше восточное дворянство, живущее по глухимъ деревнямъ, и городское, большею частію, чиновничье или помѣщичье общество, среди которыхъ родился и провелъ Аксаковъ свое дѣтство и юность. Неразвитость нравственнаго чувства уваженія къ себѣ, а тѣмъ болѣе къ чужой личности, особенно низ-

шей по положенію и происхожденію, какъ крестьяне, извращеніе самыхъ естественныхъ понятій по отношенію даже къ близкимъ людямъ, грубость, ложь, невѣжество, отвращеніе отъ труда, жестокость, своеволіе, не знавшее себѣ удержу — вотъ черты нравовъ, яркія картины которыхъ мы находимъ въ сатирическихъ журналахъ Новикова «Трутень» и «Живописецъ», въ Запискахъ Данилова, Болотова и въ другихъ литературныхъ памятникахъ того времени, и не только въ такой глуши, какъ Оренбургскій край, но и повсемѣстно въ Россіи, за рѣдкими исключеніями. Такую же малоутѣшительную картину нравовъ, среди которыхъ выросъ и образовался Аксаковъ, представляютъ и «*Хроника*», и «*Дѣтскіе годы*», и «*Воспоминанія*». Дѣдушка едва знаетъ грамотѣ, бабушка и тётки почти не знаютъ даже и ее, за исключеніемъ одной тетеньки, любящей читать пѣсенникъ, и не носятъ на себѣ никакихъ слѣдовъ какого бы то ни было образованія. «Дѣтское чтеніе» Новикова, читаемое вслухъ старикамъ и теткамъ малымъ ребенкомъ,—единственная духовная пища этихъ людей. Съ какимъ трудомъ и какъ случайно добываются книги для своего ребенка болѣе начитанной матерью писателя! Какой узенькій кругъ занятій у этихъ людей: ѣда, спанье, сплетни, нетрудная служба, игра въ дурачки, пасьянсъ, хозяйство, охота во всѣхъ видахъ, въ городахъ балы; развлеченія, въ родѣ раздразниванья столяра, или восьмилѣтняго мальчика пріѣзжими офицерами; богатырское подбрасыванье, въ припадкѣ веселости, помѣщикомъ Александромъ Михайловичемъ Карамзинымъ толстой приживалки, возбуждающее общій хохотъ, чудачества какого-то богача Д., воспитывающаго англійскихъ свиней и забавляющагося хорами доморощенныхъ пѣвицъ; прибавьте ко всему этому у натуръ, въ родѣ Куроѣдова, мужа двоюродной бабушки писателя, безобразное пьянство и кутежи — вотъ все времяпровожденіе этихъ людей, такъ живо обрисованное въ «*Добромъ днѣ Степана Михайловича*», въ эпопеѣ о

Куролесовѣ, и нѣкоторыхъ другихъ сочиненіяхъ Аксакова.—Не говоримъ уже о безобразіи отношеній въ семьѣ напр. у Куроѣдова, или обоихъ дѣдушекъ, гдѣ у перваго, Зубова, истязается дочь вздорной бабой мачихой, а у второго, подъ худой часъ треплется за волосы собственная жена и избивается такъ, что побои не заживаютъ цѣлый годъ.—А что творится въ самой администраціи, которая и понятія не имѣетъ о своихъ обязанностяхъ или той роли, которую она призвана играть въ государствѣ. Стоитъ закупить полицію и судъ, пьянствовать съ властями, и Куроѣдовъ можетъ запарывать на смерть своихъ крѣпостныхъ и творить безчинства, не боясь, какъ и помѣщика вообще, никакой отвѣтственности за свои противозаконные поступки. Въ болѣзнь помощника Уфимскаго намѣстника Зубова всею канцеляріею заправляетъ дѣвица, его дочь, а губернаторъ, разсчитывавшій на великія милости отъ новаго Императора, по полученіи извѣстія о кончинѣ Императрицы, приказываетъ на радостяхъ звонить въ колокола и сзываетъ къ себѣ на балъ цѣлый городъ и пьетъ за новаго Императора. Какого же развитія малѣйшаго гражданскаго чувства или сознанія общественныхъ политическихъ интересовъ можно ждать отъ этого полудикаго общества, которое на этотъ балъ ѣдетъ? Живущее совсѣмъ замкнутою узенькою жизнью эгоистическихъ мизерныхъ интересовъ, это общество до того боязливо относится ко всему, выходящему изъ этого круга, что даже обо всѣхъ извѣстіяхъ, получавшихся изъ Петербурга и всѣхъ приводившихъ въ смущеніе, говорило всегда не иначе, какъ потихоньку. Каково же было его самолюбіе, легко видѣть хоть напримѣръ, изъ того, что позорное тѣлесное наказаніе, которому подвергъ офицера, дворянина, отца писателя, какой-то полоумный полковой командиръ, не вызвало даже со стороны отца, или товарищей, никакого судебнаго дѣла. Подобные факты однако не мѣшали этимъ людямъ чваниться своимъ давнимъ дворянскимъ происхожденіемъ, напр.

при заключеніи браковъ, какъ это было со стороны дѣдушки при сватовствѣ сына, и вполнѣ сознавать и проявлять свою неограниченную волю надъ личностью, благосостояніемъ, чуть не надъ самой жизнью несчастныхъ крестьянъ, какъ это дѣлалъ Куроѣдовъ.

Если только изъ однихъ сочиненій самого Аксакова пособрать всѣ черты, обнаруживающія невѣжество и грубость этой среды, совершенно лишенной культурности даже въ самыхъ лучшихъ личностяхъ, какъ дѣдушка, пожалуй, двоюродная бабушка, и даже болѣе образованная мать; если вдуматься, какая это была чисто стихійная, примитивная жизнь, внѣ всякихъ интересовъ общественныхъ, государственныхъ, то нельзя не признать, что эта среда весьма мало могла способствовать нормальному развитію даровитаго ребенка, а тѣмъ болѣе угадать въ немъ литературное призваніе, которому слѣдовало дать во время правильное направленіе и болѣе здоровую пищу, чѣмъ одна только природа, которая и спасла ребенка.

III.

Благодаря разъясненію сына Сергѣя Тимоѳеевича, Ивана Сергѣевича, мы уже знаемъ, что *Семейная хроника*, а также и *Дѣтскіе годы Багрова внука*, представляютъ дѣйствительную лѣтопись жизни родныхъ и автобіографію покойнаго писателя, и что, вмѣсто Багровыхъ, слѣдуетъ только поставить Аксаковыхъ, вмѣсто Алексѣя, отца Багрова—Тимоѳея, вмѣсто Софьи Николаевны Зубиной, матери,—Марью Николаевну Зубову, вмѣсто Куролесовыхъ—Куроѣдовыхъ, вмѣсто Багрово—Аксаково и т. д., что и указано въ предувѣдомленіи къ посмертному изданію сочиненій Аксакова. Такимъ образомъ, отсылая читателей къ такому интересному и прав-

дивому матеріалу, какъ собственныя сочиненія покойнаго писателя, мы не будемъ подробно слѣдить за разсказами автора, а укажемъ изъ нихъ только въ хронологическомъ порядкѣ существеннѣйшія біографическія черты, освѣщая факты съ точки зрѣнія лица посторонняго, какими они могутъ казаться позднѣйшему біографу.

Хотя дѣдушка Аксакова и любилъ говорить о древнѣйшемъ происхожденіи своего рода отъ знатнаго варяга, племянника Норвежскаго Короля Гакона Слѣпаго и тщательно наблюдалъ свою родословную, но къ особенно сановитому дворянскому роду Аксаковыхъ причислить нельзя. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ встрѣчаются еще между ними воеводы и стольники, но затѣмъ пошли больше стряпчіе и простые помѣщики, причемъ нѣкоторые случжили въ военной службѣ, но выше поручиковъ дослуживались рѣдко, а по достатку принадлежали къ помѣщичьему среднему кругу. Никто изъ Аксаковыхъ ничѣмъ особеннымъ не выдавался, и широкая извѣстность этой фамиліи начинается только съ славянофильской дѣятельности сына Константина, съ самаго Сергѣя Тимоѳеевича подъ конецъ его жизни и затѣмъ его другого сына, Ивана Сергѣевича. Тѣмъ не менѣе, Аксаковы всегда строго держались старинныхъ и помѣщичьихъ традицій въ лучшихъ его сторонахъ, и домъ Аксаковыхъ, впослѣдствіи получившихъ средства къ вполнѣ безбѣдному существованію — всегда былъ въ Москвѣ лучшимъ образцомъ хлѣбосольнаго, гостепріимнаго, богобоязненнаго и радушнаго барства.

У дѣдушки, кромѣ пятерыхъ дочерей, которымъ онъ не далъ никакого образованія и которыхъ, даже замужнихъ, держалъ вмѣстѣ съ женой въ постоянномъ страхѣ передъ своей особой, былъ только одинъ сынъ, Тимоѳей, красивый собой, но женоподобный, робкій, застѣнчивый и недалекій умомъ, легко подчинявшійся чужой волѣ и находившійся всегда въ строгомъ повиновеніи у отца, человѣка безспорно умнаго и, по своему, высоко честнаго,

но совсѣмъ «стихійнаго» самодура, доходившаго до самой дикой расправы не только съ дворовыми и крестьянами, впрочемъ, его любившими, но и съ домашними.—Образованія не далъ старикъ и сыну, и едва исполнилось послѣднему 16 лѣтъ, отдалъ его въ военную службу. Въ ней «прослужилъ Тимоѳей Степановичъ три года, и былъ даже по протекціи мужа двоюродной сестры дѣдушки, Куроѣдова, безсмѣннымъ ординарцемъ при Суворовѣ.» Но Суворовъ уѣхалъ изъ Оренбургскаго края, и какой то нѣмецъ генералъ (кажется, Трейблутъ) безъ всякой вины жестоко отколотилъ палками молодаго человѣка, не смотря на его древнее дворянство. «Дѣдушка взялъ сына въ отставку и опредѣлилъ въ Уфу въ Верхній земскій судъ, гдѣ сынъ усердно и долго служилъ и былъ впослѣдствіи прокуроромъ.» Человѣкъ это былъ, что называется, простой, тихонькій, не чуждавшійся крестьянъ, его любившихъ, и большой охотникъ ловить рыбу, раковъ, ходить за дичью,—страсть, которую вмѣстѣ съ любовью къ природѣ передалъ онъ и сыну. Тимоѳей Степановичъ до брака жилъ въ Уфѣ уже восемь лѣтъ, и только раза два въ годъ наѣзжалъ къ родителямъ на побывку въ село Аксаково, отстоявшее отъ города верстахъ въ 240. «Ничего особеннаго,—пишетъ Сергѣй Тимоѳеевичъ,—съ нимъ не происходило. Тихій, скромный, застѣнчивый, ко всѣмъ ласковый, цвѣлъ онъ, какъ маковъ цвѣтъ... и вдругъ помутился ясный ручеекъ жизни молодаго двадцатисемилѣтняго деревенскаго дворянина»: онъ влюбился въ дочь Товарища Уфимскаго Намѣстника, Коллежскаго Совѣтника Николая Ѳедоровича Зубова.

Если отецъ Сергѣя Тимоѳеевича былъ именно тихоня и добрѣйшій простакъ, проводящій свою жизнь до сихъ поръ по указкѣ и произволенію крутого родителя мирно и тихо,—совсѣмъ не такова была его мать, составлявшая съ Тимоѳеемъ Степановичемъ совершенную противуположность. Это была настоящая красавица, мастерская танцорка

на балахъ, за которой увивалась вся уфимская аристократія, красавица, гордая сознаніемъ своей красоты и достоинства, почему и держала себя недоступно, очень умная, страстная, но весьма сдержанная. Съ умомъ соединяла она практичную дѣловитость и, по смерти мачихи, водившей дѣвушку въ затрапезномъ платьѣ ивсячески оскорблявшей ненавидимую падчерицу, съ семнадцатилѣтъ взяла въ свои руки весь домъ, воспитала сама и отдала по учебнымъ заведеніямъ дѣтей, а, когда жалкаго отца ея, находившагося у второй жены подъ башмакомъ, хватилъ параличъ, она сама взяла на себя управленіе всей отцовской канцеляріей. Мало того, эта женщина съумѣла еще до нѣкоторой степени и образовать себя. Вмѣстѣ съ маленькими братьями она училась у какого то француза и полу-ученаго малоросса, сосланнаго въ Уфу за плутни, ею самой разысканнаго, и даже переписывалась съ Н. И. Новиковымъ и его другомъ Аничковымъ, «присылавшимъ ей всѣ замѣчательныя сочиненія въ русской литературѣ, какія тогда появлялись.» Всѣ, по тогдашнему, умные и образованные люди, попадавшіе въ Уфу, спѣшили съ ней познакомиться, и всѣ ею очаровывались. Но жизнь безъ матери, униженія отъ мачихи, безхарактерная тряпичность отца, полное одиночество въ смыслѣ отсутствія близкихъ людей, практическая жизнь въ дѣвичествѣ, всеобщее поклоненіе, — все это поселило въ ней рядомъ со страстностью, которую она впослѣдствіи всецѣло перенесла на сына Сергѣя, значительную черствость сердца, эгоизмъ и великое самолюбіе, или, вѣрнѣе, самомнѣніе на счетъ своего ума и образованности, которой въ ней, по крайней мѣрѣ, по сочиненіямъ Аксакова, особенно ни въ чемъ не видно. Въ этой городской Уфимской аристократкѣ чиновницѣ, какъ ни симпатично представляетъ ее сынъ, — слишкомъ мало простоты, сердечности, снисходительности къ людямъ, что видно не только въ ея отношеніяхъ къ роднымъ мужа (кромѣ дѣдушки), но и къ прислугѣ и крестьянамъ, къ коимъ

относится она совсѣмъ по барски, съ плохо сдерживаемымъ презрѣніемъ. — Въ будущемъ своемъ мужѣ, она, привыкшая къ власти, нашла себѣ красиваго послушнаго раба, и не даромъ выбрала въ супружество именно такого человѣка. Во всѣхъ разсказахъ Аксакова, онъ и рисуется только какъ покорный безотвѣтный мужъ своей жены, которая даже къ нему, къ отцу, ревнуетъ сына, которымъ-бы ей хотѣлось овладѣть всецѣло всей силой своей эгоистической материнской страсти.

Вотъ на какой женщинѣ, вышедшей замужъ не по страсти, а, до нѣкоторой степени, по разсчету, 10-го Мая 1788 года, женился Тимоѳей Степановичъ послѣ цѣлой эпопеи сватовства, подробно разсказанной въ Семейной хроникѣ въ главѣ «*Женитьба молодого Багрова.*»

Какъ и слѣдовало ожидать, не особенно счастливо, даже и въ первый годъ, потекла жизнь молодыхъ супруговъ, между которыми ничего не было общаго. Размолвки и несогласія, о чемъ, очень естественно сынъ говоритъ не все, многое не договаривая и многое смягчая (*Семейная Хроника—Жизнь въ Уфѣ*), происходили безпрестанно, и смерть перваго ребенка, — дѣвочки, послѣдовавшая, повидимому, изъ за нервозности матери и слишкомъ искуственнаго ухода за ребенкомъ, едва не стоила Марьѣ Николаевнѣ жизни. Тѣмъ съ большимъ страхомъ встрѣчена была вторая беременность, но прошла благополучно, безъ особыхъ болѣзней. Когда приблизилось время родовъ съ величайшимъ вниманіемъ сталъ ухаживать за Марьей Николаевной старичокъ—акушеръ Клаусъ, ежечасно ожидая разрѣшенія отъ бремени; но беременность затягивалась. И вотъ 20-го Сентября 1791 года, когда уже самъ акушеръ не зналъ, что и думать, и даже сердился на такое промедленіе, вдругъ, даже безъ акушера, за которымъ не успѣли послать, появился на свѣтъ такъ давно желанный всѣми, и дѣдушкой, и бабушкой, и родителями, сынъ, знаменитый впослѣдствіи наслѣдникъ фамиліи Аксаковыхъ, Сергѣй

Тимоѳеевичъ. «Схватилъ новорожденнаго опытными руками опоздавшій нѣмецъ, другъ молодыхъ супруговъ, началъ его осматривать у свѣчки, вертѣть и щупать, отчего ребенокъ громко закричалъ; сунулъ ему въ ротъ палецъ, и, когда новорожденный крѣпко сжалъ его и засосалъ, нѣмецъ радостно воскликнулъ:» а, варваръ! какой славный и здоровенный!» А проходя домой, мимо подгулявшей на радостяхъ дворни, которую тотчасъ же разослалъ спать, чтобъ не безпокоить родильницу, старикъ бормоталъ про себя: «Какой счастливый мальчишка! какъ всѣ ему рады!»

«И въ самомъ дѣлѣ, разсказываетъ про себя самъ Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ родился этотъ младенецъ! Мать, страдавшая безпрестанно въ первую беременность, нося его, была совершенно здорова; никакія домашнія неудовольствія не возмущали въ это время жизни его родителей; кормилица нашлась такая, какихъ матерей бываетъ немного, что, разумѣется, сказалось впослѣдствіи на здоровьи ребенка. Желанный, прошеный и моленый даже особыми молебнами Сергію Радонежскому, онъ не только мать и отца, но и всѣхъ обрадовалъ своимъ появленіемъ на свѣтъ.»

А двадцать втораго Сентября прискакалъ въ Аксаково изъ Уфы посланный на «перемѣнныхъ» нарочный, и семья радостно привѣтствовала послѣобѣденное пробужденіе дѣдушки отъ сна поздравленіемъ съ внучкомъ. «Перекрестился дѣдушка, вскочилъ съ постели, босикомъ подошелъ къ шкапу, торопливо вытащилъ родословную, взялъ изъ чернильницы перо, провелъ черту отъ кружка съ именемъ Тимоѳей, сдѣлалъ кружокъ на концѣ своей черты и въ серединѣ его написалъ «Сергѣй.»

IV.

Дѣтство Аксакова до восьмилѣтняго возраста, когда онъ поступилъ въ Казанскую Гимназію, столь подробно описанное въ «Дѣтскихъ годахъ», составляющихъ непосредственное продолженіе «Семейной хроники», прошло въ родительскомъ домѣ, сначала въ Уфѣ, гдѣ отецъ продолжалъ служить до самой смерти дѣдушки, послѣ которой вышелъ въ отставку, и семья переѣхала на постоянное житье въ Аксаково, куда ѣзжала нѣсколько разъ и прежде. Здѣсь же провелъ Сергѣй Тимоѳеевичъ цѣлый годъ, когда его по болѣзни взяли изъ Гимназіи. Гащивалъ онъ и въ богатомъ селѣ своей двоюродной бабушки, вдовы Куроѣдовой, Надеждинѣ, завѣщанномъ ею послѣ смерти его родителямъ. Такимъ образомъ, большая часть его дѣтства прошла, такъ сказать, на лонѣ сельской природы, въ глуши Оренбургскаго края, среди патріархальныхъ помѣщичьихъ нравовъ, въ замкнутомъ кругу невѣжественной, мелочной и пустой родни (за исключеніемъ матери), хитрой дворовой няньки Параши и дядьки Евсеича. Пристально оберегаемый матерью отъ сообщенія съ дворовыми или крестьянскими ребятишками, не имѣвшій товарищей-сверстниковъ и между дѣтьми помѣщиковъ и чиновниковъ, мальчикъ росъ совершенно одиноко, если не считать сестрицы Надеженьки, очень имъ любимой, но которая была младше его. Это одиночное изолированное воспитаніе, вдали отъ всякихъ общественныхъ интересовъ, можетъ быть, и было отчасти причиной той особой субъективности, нѣкоторой нелюдимости и извѣстнаго консерватизма, которые отличали Аксакова еще юношей. Эти особенности характера отдалили его въ Гимназіи и Университетѣ отъ товарищей, въ Петербургѣ заставили его примкнуть къ людямъ пожилымъ и старымъ, какъ, наприм., мартинистъ Романовскій, Державинъ и Шишковъ, обособиться

въ тѣсный кругъ исключительно театральныхъ интересовъ и, наконецъ, зажить въ Москвѣ на множество лѣтъ до самой своей смерти исключительно въ семьѣ и кружкѣ преимущественно славянофильскомъ. Эта же ранняя изолированность отъ общества, какъ намъ кажется, и образовала въ Аксаковѣ наклонность къ мечтательности, углубленію въ себя, въ свой внутренній мірокъ, въ наблюденіе того, что конкретно, передъ глазами, но сдѣлало его совершенно неспособнымъ къ наблюденію и уразумѣнію жизни крестьянъ или общественной, политической, къ обобщеніямъ болѣе широкимъ. Иногда въ дѣтствѣ и пробуждались въ умномъ ребенкѣ пытливость и критическое отношеніе къ окружающему, но на такіе запросы не только не давалось родителями сколько-нибудь удовлетворительныхъ отвѣтовъ, но, напротивъ, они возбуждали со стороны матери даже неудовольствіе, на что не разъ и указываетъ въ «Дѣтскихъ годахъ» Аксаковъ. Такъ, неоднократно занимали ребенка неправильныя отношенія господъ къ крестьянамъ, затаенная враждебность послѣднихъ къ господамъ, вопросъ, почему учитель совсѣмъ иначе обращается съ нимъ, барченкомъ, чѣмъ съ такимъ же ученикомъ Андрюшей, но только сыномъ бѣдной женщины. Мальчика даже возмущали до болѣзненнаго припадка нѣкоторыя безобразныя явленія окружающей жизни, напримѣръ, порка учениковъ учителемъ въ Уѣздномъ училищѣ, или хлестанье ремнемъ дѣвочки бабушкой за невнимательное расчесыванье козьяго пуха. Но на вопросы отвѣта не получалось; въ Училище больше не пустили, а учителю отказали, въ бабушкину комнату онъ больше не ходилъ, и пытливость ума мало по малу заглушалась, а отъ лицезрѣнія безобразій его тщательно уберегали, да и самъ онъ пересталъ ихъ замѣчать, тѣмъ болѣе, что мать, не любившая мужиковъ, всячески отдаляла его отъ сношеній съ ними; даже рѣдко и неохотно пускала слушать пѣсни и смотрѣть работы, хороводы и святочныя

игры; хотя въ то же время и оставляла сына въ обществѣ Параши и Евсеича.

«По той же самой причинѣ, что моя мать была горожанка, какъ я уже сказалъ, разсказываетъ Аксаковъ, и также потому, что она провела въ угнетеніи и печали свое дѣтство и раннюю молодость, и потомъ получила, такъ сказать, нѣкоторое внѣшнее прикосновеніе цивилизаціи отъ чтенія книгъ и знакомства съ *тогдашними* умными и образованными людьми, — прикосновеніе, часто возбуждающее какую-то гордость и неуваженіе къ простонародному быту,—по всѣмъ этимъ причинамъ вмѣстѣ, моя мать не понимала и не любила ни хороводовъ, ни свадебныхъ и подблюдныхъ пѣсенъ, ни святочныхъ игрищъ, даже не знала ихъ хорошенько. Съ большимъ трудомъ уступала она иногда просьбамъ тетки позволить мнѣ посмотрѣть на нихъ; тетка же, какъ деревенская дѣвушка, все это очень любила; она устроивала иногда святочныя игры и пѣсни у себя въ комнатѣ, и сладкіе, чарующіе звуки народныхъ родныхъ напѣвовъ, долетая до меня изъ третьей комнаты, волновали мое сердце и погружали меня въ какое-то непонятное раздумье. Мнѣ было очень досадно, что не позволяли не только самому участвовать, но даже присутствовать на этихъ играхъ, и, вслѣдствіе такого строгаго запрещенія, меня соблазнили, наконецъ, обманывать свою умную и такъ горячо любимую мать. Разумѣется, я сначала просился и приставалъ съ вопросами къ моей матери: для чего она не пускаетъ меня на игрища? Мать отвѣчала мнѣ рѣшительно и строго: «что тамъ бываетъ много глупаго, гадкаго и неприличнаго, чего мнѣ ни слышать, ни видѣть не должно, потому что я еще дитя, не умѣющее различать хорошаго отъ дурнаго». А какъ я ничего дурнаго не видѣлъ, или, видя, не понималъ, въ чемъ они состоятъ, то повиновался неохотно, безъ внутренняго убѣжденія, даже съ неудовольствіемъ. Тетка же моя со своими сѣнными дѣвушками говорили совсѣмъ другое; онѣ утверждали,

«что у матери моей такой уже нравъ, что она всѣмъ недовольна и что все деревенское ей не нравится, что отъ того она нездорова, что ей самой не весело, такъ она хочетъ, чтобы и другіе не веселились».

Образованію въ ребенкѣ крайней раздражительности и нервности въ дѣтствѣ, весьма часто проявляющейся въ Сергѣѣ Тимоѳеевичѣ, кажется, болѣе всего способствовала его мать. Потерявъ уже перваго ребенка и несказанно обрадовавшись сыну, она всей своей страстной натурой привязалась къ нему съ самаго появленія его на свѣтъ. Эта любовь, переходившая, по выраженію одного изъ знакомыхъ Маріи Николаевны, Д. М. Мертваго, въ настоящее *обожаніе*, усилилась еще болѣе, когда ребенокъ въ раннемъ дѣтствѣ перенесъ тяжелую болѣзнь, находясь нѣсколько времени между жизнью и смертью. За этой любовью, ласками, постояннымъ, неусыпнымъ не только уходомъ, а ухаживаньемъ за мальчикомъ матери, которая никого не допускаетъ къ ребенку, кромѣ довѣренной прислуги, отецъ, боявшійся брать на руки сына изъ опасенія его уронить, какъ бы совсѣмъ стушевывается, и только впослѣдствіи, когда ребенокъ начинаетъ подростать, становится его руководителемъ и товарищемъ по части рыбной ловли, охоты, собиранія грибовъ и прогулокъ въ поле. Но, во-первыхъ, всѣ эти занятія, столь не любимыя матерью, боявшейся, какъ-бы ея Сережу не простудили, не ушибли, «*не потеряли*», не застрѣлили, какъ-бы онъ не наслушался отъ мужиковъ чего дурнаго, какъ-бы ребенокъ не отвыкъ отъ матери (она ревновала его даже къ отцу, дажей къ самой природѣ), происходили довольно рѣдко; во-вторыхъ, повидимому, съ отцомъ были у ребенка отношенія довольно холодныя, можетъ быть, подъ вліяніемъ той-же матери, и въ «Дѣтскихъ годахъ», при всѣхъ описаніяхъ этихъ прогулокъ и охоты, едва-ли не чаще чѣмъ отецъ, упоминается дядька Евсеичъ. Эта любовь, доходящая, какъ мы увидимъ ниже, до пол-

наго самоотверженія, была какая-то ужъ черезъ чуръ страстная, слишкомъ эгоистическая, самонадѣянная, убѣжденная въ своей безусловной непогрѣшности,—любовь, совершенно стѣсняющая свободу ребенка, не дающая, что называется, сдѣлать ему шага. Вѣчно мать на сторожѣ, чтобы сынъ не съѣлъ чего лишняго, почему для него готовится даже особый столъ, чтобы не услыхалъ чего отъ прислуги, чтобы, спаси Богъ, чѣмъ нибудь не разстроился, а между тѣмъ сама-же мать, чѣмъ нибудь разстроившись (а разстроивалась она часто), принимается плакать вмѣстѣ съ ребенкомъ. Эта-же любовь положительно мѣшаетъ и его занятіямъ въ гимназіи, и самая болѣзнь, по поступленіи туда, едва не кончившаяся падучкою, вызвана тою же преувеличенною материнскою страстностью. Посмотримъ же, какія заботы прикладывались къ книжному образованію мальчика, чему онъ до поступленія въ гимназію учился, что читалъ и къ чему обнаруживалъ особыя наклонности.

Рано пробудилась въ нервномъ мальчикѣ, подъ вліяніемъ сказокъ, разсказываемыхъ потихоньку отъ матери любимой дѣтьми старухой, нянькой, болѣзненная фантазія, рисовавшая ему въ темныхъ комнатахъ страшные призраки. Но мать, узнавъ объ этомъ, страшно разсердилась, и сослала няньку за «разсказываемый ею вздоръ и выдумки невѣжества» въ людскую. И хоть крайность заставила опять приставить эту женщину къ дѣтямъ, но ей строго запретили разсказывать сказки и взяли клятвенное обѣщаніе никогда не говорить о простонародныхъ предразсудкахъ и повѣрьяхъ. И какъ ни любила нянька дѣтей, какъ ни былъ привязанъ къ ней мальчикъ, но черезъ годъ ее совсѣмъ отослали въ деревню. Только разъ, во вниманіе къ болѣзни поправлявшагося сына, впослѣдствіи, когда онъ сталъ постарше, мать рѣшилась допустить къ нему ключницу Пелагею, разсказывавшую сказки, изъ которыхъ одна, *Аленькій цвѣточекъ*, чудесно воспроизведена Аксаковымъ по памяти уже въ ста-

рости; но и это сказыванье сказокъ было скоро воспрещено. Мать вѣрила только въ воспитательное значеніе книгъ, и, научивъ ребенка грамотѣ едва-ли не по четвертому году, вручила сыну книжку «*Зеркало добродѣтели*». Эту книжку съ картинками читалъ мальчикъ всякій день, такъ что, наконецъ, зналъ ее наизусть, а отъ «*Зеркала*» перешелъ къ переводу огромнаго пятитомнаго in quarto «*Домашняго лѣчебника Бухана*,» подареннаго Марьѣ Николаевнѣ, еще дѣвицѣ, однимъ изъ ея почитателей, какимъ то путешественникомъ графомъ Мантейфелемъ. Но мать нашла это чтеніе для такого возраста неудобнымъ, хотя все таки выбрала нѣкоторыя мѣста и, отмѣчая ихъ закладками, позволяла ихъ читать, и ребенокъ интересовался чтеніемъ, потому что «здѣсь описывались всѣ травы, соли, коренья и всѣ медицинскія снадобья, о которыхъ только упоминалось въ лѣчебникѣ.» Вскорѣ однако, какъ говоритъ Аксаковъ, судьба послала ему неожиданное новое наслажденіе. Одинъ изъ уфимскихъ любителей просвѣщенія, старикъ С. И. Аничковъ, услыхавъ отъ родителей, что Сережа мальчикъ прилежный и очень любитъ читать, но что читать нечего, подарилъ ему двѣнадцать разрозненныхъ книжекъ Новиковскаго *Дѣтскаго чтенія для сердца и разума*. Эта книга произвела на ребенка впечатлѣніе потрясающее до того, что онъ ходилъ, какъ помѣшанный, ничего не говорилъ, не понималъ, что ему говорятъ, и не хотѣлъ даже идти обѣдать. «Онъ прочелъ всѣ двѣнадцать книжекъ въ одинъ мѣсяцъ, съ небольшимъ, и онѣ произвели въ дѣтскомъ умѣ совершенный переворотъ и открыли мальчику цѣлый новый міръ. Онъ узналъ въ «разсужденіи о громѣ», что такое молнія, воздухъ, облака; узналъ образованіе дождя и происхожденіе снѣга. Многія явленія природы, на которыя онъ смотрѣлъ дотолѣ безсмысленно, хотя съ любопытствомъ, получили смыслъ, значеніе, и стали еще любопытнѣе. Муравьи, пчелы, и особенно, бабочки со своими превращеніями изъ яичка въ чер-

вяка, изъ червяка въ хризалиду, изъ хризалиды въ красивую бабочку—овладѣли его вниманіемъ и сочувствіемъ, и онъ получилъ непреодолимое желаніе наблюдать все это своими глазами. Собственно нравоучительныя статьи производили впечатлѣнія менѣе; но очень забавляли его «смѣшной способъ ловить обезьянъ» и «басня о старомъ волкѣ, котораго всѣ пастухи отъ себя прогоняли. Какъ восхищался онъ золотыми рыбками!» («Дѣтскіе годы»). Эти двѣнадцать разрозненныхъ книжекъ, вмѣстѣ съ «Зеркаломъ добродѣтели,» которыя ребенокъ бралъ всегда съ собой, куда-бы родители съ нимъ ни ѣхали, весьма долго оставались его единственной книжной пищей. Эти же книжки служатъ ребенку единственнымъ утѣшеніемъ, когда онъ остается временно безъ родителей у дѣдушки: ихъ безпрестанно перечитываетъ онъ и самъ, и читаетъ вслухъ даже Евсеичу. Впрочемъ, у тётушки-дѣвицы нашлись книги: Пѣсенникъ, Сонникъ и какое-то театральное сочиненіе въ родѣ водевиля. Пѣсенникъ мальчику не дали, а Сонникъ и пьеску отдали, и обѣ произвели также сильное впечатлѣніе. Всѣ нелѣпыя толкованія сновъ, поражающія своей глупостью, мальчикъ даже выучилъ наизусть и до самаго Университета вѣрилъ правдѣ этихъ толкованій. Пьеска называлась «Драматическая пустельга» и представляла что-то вродѣ модныхъ тогда пасторалей, съ пастушкой, гнавшей домой стадо гусей и пѣвшей куплеты съ припѣвомъ:

Тига, тига, домой,
Тига, тига, за мной,

или стишки, вродѣ слѣдующихъ:

Вотъ василекъ
Милый цвѣтокъ!

Этотъ драматическій вздоръ однако имѣлъ для будущаго писателя значеніе рѣшающее. Въ мальчикѣ, еще не видавшемъ никогда спектакля, онъ пробудилъ склонность къ театральнымъ сочиненіямъ,

которая росла съ каждымъ годомъ и сдѣлала страсть къ сценѣ, едва-ли, не господствующей во всю жизнь Аксакова.

Но вотъ вернулись Аксаковы отъ дѣдушки въ Уфу, гдѣ нашли гостей, двухъ сначала учившихся въ Москвѣ въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ, а теперь драгунскихъ офицеровъ, братьевъ Марьи Николаевны. Они любили читать книжки и умѣли читать наизусть стихи, что было для ребенка, дотолѣ незнавшаго, что такое стихи, и какъ ихъ читаютъ, совершенною новостью. Дядя Сергѣй Николаевичъ также очень любилъ рисовать и рисовалъ хорошо: съ нимъ былъ ящикъ съ «*соковыми*» красками и кисточкою. Уже это одно привело мальчика, любившаго смотрѣть картинки, въ восхищеніе, и онъ сталъ видѣть въ дядѣ какое-то высшее, недосягаемое существо... «Высшія же существа», повидимому, не отличались особеннымъ развитіемъ. По крайней мѣрѣ, не малое развлеченіе и забаву доставляло имъ дразнить столяра Михея, котораго доводили они до того, что онъ гонялся за ними съ деревяннымъ молоткомъ, бранилъ ихъ, а иногда даже и бивалъ. Но, не удовольствовавшись Михеемъ, юноши вмѣстѣ съ какимъ-то адъютантомъ Волковымъ перешли и къ раздразниванью ребенка, и, наконецъ, раздразнили его до того, что онъ пустилъ Волкову въ лобъ деревянный молотокъ, и затѣмъ расхворался не на шутку.

Тотъ же Аничковъ, который подарилъ мальчику Дѣтское чтеніе, далъ ему еще двѣ книжки: *Дѣтскую библіотеку* Кампе, въ переводѣ Шишкова и *Исторію о Младшемъ Кирѣ и о возвратномъ походѣ десяти тысячъ Грековъ*, сочиненіе Ксенофонта. Къ этому прибавилъ онъ еще какой-то рукописный томъ съ множествомъ чертежей и плановъ, которые мальчикъ разсматривалъ, но значенія ихъ, конечно, не понималъ. *Дѣтская библіотека* привела Аксакова въ восхищеніе и всѣ дѣтскія пѣсни изъ нея выучилъ онъ наизусть. Не менѣе понравился ему, не смотря на ранній возрастъ, и Ксенофонтъ, сдѣ-

лавшійся въ послѣдующіе годы любимымъ чтеніемъ Аксакова, живое воображеніе котораго совершенно переносило его въ преданія великой старины.

Насмѣшки дядей надъ мальчикомъ, такъ увлекавшимся чтеніемъ, но не умѣвшимъ даже подписать своей фамиліи, побудили его упросить отца и мать, чтобы они начали учить его письму. Тотъ же насмѣшникъ дядя принялся заниматься съ племянникомъ «каллиграфіей», т. е. заставилъ его выписывать для хорошаго почерка палочки; но Сережа, скоро соскучившись, потихоньку выучился писать всю азбуку, срисовывая слова съ печатныхъ книгъ. Между тѣмъ срокъ отпуска дядей кончился, и, уѣзжая, Сергѣй Николаевичъ, особенно хлопотавшій о хорошемъ почеркѣ, уговорилъ отца взять къ сыну учителя изъ народнаго училища.

«Учитель Матвѣй Васильевичъ,—разсказываетъ Аксаковъ, — былъ человѣкъ очень тихій и добрый; онъ писалъ прописи не хуже печатныхъ и принялся учить меня точно также, какъ училъ дядя. Не видя конца палочкамъ съ усами и безъ усовъ, кривымъ чертамъ и оникамъ, я скучалъ и лѣнился, а потому, чтобъ мнѣ было охотнѣе заниматься, посадили Андрюшу, сына одной бѣдной женщины, дальней родственницы матери, писать вмѣстѣ со мною».

Средство это отчасти помогло: ребенокъ началъ заниматься охотнѣе и скоро догналъ товарища. Отношеніе учителя къ ученикамъ было неодинаково; за одни и тѣ же успѣхи въ тетрадяхъ ихъ стояли различныя отмѣтки, и у барченка, конечно, лучшія, чѣмъ у бѣднаго родственника. Наблюдательный ребенокъ замѣтилъ это тотчасъ же и сталъ разсуждать: отчего такъ поступаетъ ихъ добрый учитель? и рѣшилъ по своему: «вѣрно онъ меня больше любитъ, подумалъ я, и, конечно, за то, что у меня оба глаза здоровы, а у бѣднаго Андрюши одинъ глазъ выпятился отъ бѣльма и похожъ на какую-то бѣлую пуговицу». Всѣ свои наблюденія и разсужденія ребенокъ сообщилъ родителямъ, и учи-

телю, очевидно, было сдѣлано внушенiе, такъ какъ послѣ того отмѣтки на тетрадяхъ стали появляться одинаковыя, хотя обращался учитель по прежнему съ Сережей лучше, чѣмъ съ Андрюшей.

«Я и теперь не могу понять, — разсказываетъ дальше Сергѣй Тимоѳеевичъ — какiя причины заставили мою мать послать меня одинъ разъ въ народное училище вмѣстѣ съ Андрюшей. Вѣроятно, это былъ чей-нибудь совѣтъ. Какъ ни была умна моя мать, но, по ея недостаточному образованiю, не могла ей войти въ голову, дикая тогда, мысль посылать сына въ народное училище. Въ одинъ, очень памятный для меня, день отвезли насъ съ Андрюшей въ саняхъ, подъ надзоромъ Евсеича, въ народное училище, находившееся на другомъ краю города и помѣщавшееся въ небольшомъ деревянномъ домишкѣ. Евсеичъ отдалъ насъ съ рукъ на руки Матвѣю Васильевичу, который взялъ меня за руку и ввелъ въ большую неопрятную комнату, изъ которой несся шумъ и крикъ, мгновенно утихнувшiй при нашемъ появленiи». Ряды скамеекъ, черная классная доска, мальчики разныхъ возрастовъ, бѣдно одѣтые, окрики учителя на нерадивыхъ учениковъ, группа мальчиковъ, стоявшихъ за доской на колѣняхъ, но, повидимому, ни чуть не огорченныхъ этимъ наказанiемъ, — все это ребенокъ видѣлъ и слышалъ въ первый разъ и сидѣлъ, какъ говорится, ни живъ, ни мертвъ, пораженный всѣмъ происходящимъ передъ нимъ. Шелъ урокъ ариѳметики; незнающимъ ученикамъ учитель пригрозилъ розгами, а знающихъ — хвалилъ, но и самыя похвалы сопровождались бранными словами, возбуждавшими въ ученикахъ смѣхъ, который вдругъ вырывался и вдругъ утихалъ. «Задавъ урокъ, Матвѣй Васильевичъ позвалъ сторожей; пришли трое, вооруженные пучками прутьевъ, и принялись сѣчь мальчиковъ, стоявшихъ на колѣняхъ. При самомъ началѣ этого страшнаго и отвратительнаго для меня зрѣлища, я зажмурился и заткнулъ пальцами уши. Первымъ моимъ движенiемъ было убѣ-

жать, но я дрожалъ всѣмъ тѣломъ и не смѣлъ пошевелиться. Когда утихли крики и звѣрскія восклицанія учителя, долетавшія до моего слуха, не смотря на заткнутыя пальцами уши, я открылъ глаза и увидѣлъ живую и шумную около меня суматоху; забирая свои вещи, всѣ мальчики выбѣгали изъ класса, и вмѣстѣ съ ними наказанные, такъ же веселые и рѣзвые, какъ и другіе. Матвѣй Васильевичъ подошелъ ко мнѣ съ обыкновеннымъ ласковымъ видомъ, взялъ меня за руку и прежнимъ тихимъ голосомъ просилъ засвидѣтельствовать «его нижайшее почтеніе батюшкѣ и матушкѣ». «Онъ вывелъ меня изъ опустѣвшаго класса и отдалъ Евсеичу, который проворно укуталъ меня въ шубу и посадилъ въ сани, гдѣ уже сидѣлъ Андрюша.» «Что, понравилось ли вамъ училище?» спросилъ онъ, заглядывая мнѣ въ лицо, и, не получая отвѣта, прибавилъ: «никакъ напугались? У насъ это всякій день....»

Видѣнное въ училищѣ произвело на мальчика впечатлѣніе потрясающее, выразившееся сначала безмолвнымъ волненіемъ и слезами, а потомъ изступленнымъ гнѣвомъ на Матвѣя Васильевича, поступки котораго показались ребенку злодѣйскими, какимъ то разбоемъ на большой дорогѣ, за что слѣдовало-бы учителя казнить, какъ преступника. Но мать, вѣроятно, и не знавшая хорошенько, что дѣлается въ народномъ училищѣ, постаралась успокоить сына, объяснивъ, что «подобные поступки учителя не только дозволяются, но и требуются, какъ исполненіе должности; что сами родители высѣченныхъ мальчиковъ благодарятъ учителя за строгость, а мальчики будутъ благодарить современемъ; что Матвѣй Васильевичъ могъ браниться, звѣрскимъ образомъ сѣчь своихъ учениковъ, — и оставаться въ тоже время честнымъ, добрымъ и тихимъ человѣкомъ». Какъ ни убѣдительно наставляла сына мать, но трудно было помириться дѣтскому уму и чувству съ житейской философіей, которой первый урокъ слишкомъ рано получилъ ре-

бенокъ отъ своей-же матери, и онъ возъимѣлъ къ учителю такое отвращеніе, что черезъ мѣсяцъ должны были ему отказать. А такъ какъ во всемъ городѣ другого учителя не отъискалось, то обязанности Матвѣя Васильевича приняли на себя сами родители, наблюдавшіе больше всего за тѣмъ, чтобъ ученикъ писалъ «какъ можно болѣе похоже на прописи.» Учился мальчикъ уже одинъ, только иногда вмѣстѣ съ Андрюшей; но товарищество бѣднаго мальчика не нравилось матери, и скоро Андрюша былъ удаленъ. Такимъ образомъ, за исключеніемъ наѣзжавшихъ по временамъ въ гости дѣтей изъ мѣстной аристократіи, все дѣтское общество Аксакова представляла одна нѣжно любимая имъ сестрица. Такое отчужденіе отъ дѣтскаго общества необходимо должно было отразиться на характерѣ ребенка. «Во все время моего дѣтства,—разсказываетъ Аксаковъ, и въ первые годы отрочества замѣтно было во мнѣ странное свойство: я не дружился съ своими сверстниками и тяготился ихъ присутствіемъ даже тогда, когда оно не мѣшало моимъ охотничьимъ увлеченіямъ. Это свойство называли во мнѣ нелюдимствомъ, дикостью и робостью; говорили, что я боюсь чужихъ. Мнѣ всегда были очень досадны такія обвиненія и, конечно, они умножили мою природную застѣнчивость. Это свойство не могло происходить изъ моей природы, весьма сообщительной и слишкомъ откровенной, какъ оказалось въ юношескихъ годахъ; это происходило, вѣроятно, отъ долговременной болѣзни, съ которою неразлучно отчужденіе и уединеніе, заставляющія сосредоточиваться и малое дитя, заставляющія его уходить въ глубину внутренняго своего міра, которымъ трудно дѣлиться съ посторонними людьми. Еще болѣе оно происходило отъ постояннаго, часто исключительнаго сообщества матери и постояннаго чтенія книгъ. Голова моя была старше моихъ лѣтъ, и общество однолѣтнихъ со мною дѣтей не удовлетворяло меня, а для старшихъ я былъ самъ молодъ».

Но вотъ, возвратясь послѣ двухмѣсячной жизни въ деревнѣ Сергѣевкѣ, куда мать ѣздила лечиться кумысомъ, опять въ Уфу, мальчикъ уже сталъ скучать занятіями, игрушками, собачкой, чистописаніемъ, даже книгами, уже давно прочитанными; онъ, видимо, становился старше, и умъ требовалъ пищи. Аничковъ, не перестававшій интересоваться ребенкомъ, опять подарилъ ему на этотъ разъ уже такую кучу книгъ, которую Евсеичъ едва могъ донести. Въ числѣ этихъ книгъ были: Древняя Вивліоѳика, Россіада Хераскова и полное собраніе въ двѣнадцати томахъ сочиненій Сумарокова. Вавліоѳика была отложена; но вирши Сумарокова, и особенно Россіаду, ребенокъ читалъ съ жадностью и восторженнымъ увлеченіемъ, декламируя ихъ на распѣвъ восхищеннымъ родителямъ и гостямъ. Стихи-же изъ Россіады:

Злодѣи скоро-бы вломиться въ станъ могли,
Когда-бъ не прекратилъ сію кровaву сѣчу
Князь Курбскій съ Галицкимъ врагамъ текущи встрѣчу, —

съ особымъ паѳосомъ произносимые шестилѣтнимъ ребенкомъ вызвали такую похвалу декламатору со стороны Аничкова, что онъ тутъ же обѣщалъ подарить ему Ломоносова.

Чтеніе этой Россіады вслухъ матери сдѣлалось самымъ любимымъ занятіемъ Аксакова. Не раннимъ-ли знакомствомъ съ этими напыщенными, не поэтическими, писателями объясняется въ Аксаковѣ въ молодости дурной литературный вкусъ, который впослѣдствіи заставилъ его, уже юношу, восхищаться виршами старѣющаго Державина, Шишкова и даже бездарнѣйшаго стихоплета Николева, и просмотрѣть то новое, болѣе живое, направленіе нашей литературы, которое выразилось въ Карамзинѣ, Жуковскомъ, Батюшковѣ и Пушкинѣ?

Вскорѣ къ писанію прописей, чтенію этихъ книгъ, даже до Вивліоѳики включительно, присоединились еще занятія, съ родителями же, ариѳметикой; но понималъ её мальчикъ какъ то тупо и

учился ей неохотно. Неожиданная предсмертная болѣзнь дѣдушки прекратила науку, и вся семья поѣхала въ Аксаково. А по возвращеніи въ Уфу, по смерти старика, заниматься съ Сережей было некому, такъ какъ у матери вскорѣ опять родился ребенокъ, и послѣ очень тяжелыхъ родовъ поправлялась она медленно. Мальчикъ былъ при больной матери неотлучно и читалъ ей вслухъ для развлеченія, а иногда и для ея усыпленія. Книги для развлеченія получались отъ Аничкова, а для усыпленія употреблялись прежнія дѣтскія книжки, также Херасковъ и Сумароковъ. Изъ книгъ-же для развлеченія Аксаковъ припомнилъ только одну пятнадцатитомную «*Жизнь англійскаго философа Клевеленда.*»

По выздоровленіи матери, отецъ вышелъ въ отставку, и семья переѣхала уже на постоянное житье въ Аксаково. Въ деревнѣ также нашелся благодѣтель по части книжной пищи. Нѣкто П. И. Чичаговъ, хорошій знакомый матери, далъ мальчику почитать сказки *Тысяча и одна ночь*, приведшія послѣдняго въ такое восхищеніе, что добрый человѣкъ подарилъ ему оба тома, составлявшіе все его книжное достояніе. Въ барскомъ домѣ двоюродной бабушки Аксакова, богатой вдовы Надежды Ивановны Куроѣдовой, въ Чурасовѣ, куда, будущіе ея наслѣдники, Аксаковы, пріѣхали погостить, нашлась изрядная библіотека. Книги выбирала мать, и первыя, прочитанныя мальчикомъ съ величайшимъ наслажденіемъ, были: того же Хераскова *Кадмъ и Гармонія* и *Полидоръ, сынъ Кадма и Гармоніи*, причемъ, какъ замѣчаетъ Сергѣй Тимоѳеевичъ, напыщенный языкъ этой мѣрной прозы казался ему настоящимъ «совершенствомъ». Затѣмъ послѣдовали *Арфаксадъ, халдейская повѣсть, Нума или процвѣтающій Римъ*, тоже Хераскова, и много другихъ книгъ въ томъ же родѣ. Заглядывалъ ребенокъ и въ запрещенные матерью романы, напр. *Алкивіадъ, Графъ Вельмонтъ или заблужденія разсудка* и *Достопамятная жизнь Клариссы Гарловъ*, отрывки

изъ коихъ западали ему въ душу. Наконецъ, тутъ же попались ему и *«Мои бездѣлки»* Карамзина и Карамзинскій же сборникъ стиховъ *Аониды.* Видѣлъ мальчикъ, что стихи эти уже совсѣмъ не то, что Сумарокова или Хераскова; чувствовалъ разницу, хотя содержаніе и не удовлетворяло. Часто задумывался ребенокъ, тѣмъ болѣе, что для думанья свободнаго времени было довольно; возникало въ дѣтской головкѣ вопросовъ много, но разрѣшить ихъ было некому, и онъ шелъ къ Евсеичу, а тотъ, не понимая, конечно, о чемъ болтаетъ мальчикъ и чего ему надо, говорилъ: «Да что это, соколикъ, тебѣ узнавать: отчего да почему, да на что?—такъ Богу угодно; вотъ и все». Такъ все больше и больше заключался даровитый ребенокъ въ своемъ собственномъ духовномъ міркѣ неудовлетворенныхъ вопросовъ и причудливыхъ фантазій, и что тамъ творилось въ этомъ міркѣ, не зналъ и не хотѣлъ знать никто.

Вернулись Аксаковы изъ гостей домой, въ дѣдушкину деревню, и литературныя наклонности Сережи поддерживалъ тотъ же Чичаговъ, иногда съ нимъ разговаривавшій. Восторженная декламація мальчика, подражавшаго дядямъ Зубовымъ, очень его забавляла, и своимъ каррикатурнымъ передразниваньемъ тогдашнихъ московскихъ трагиковъ, Чичаговъ, по словамъ Аксакова, не мало способствовалъ упрощенію его чтенія. Вмѣстѣ съ особенной страстью къ чтенію, рано развилась у Аксакова охота къ собиранію цвѣтовъ, травъ, червяковъ, букашекъ, бабочекъ, къ наблюденію за гнѣздами птичекъ и, вообще, къ натуральной исторіи, къ чему, по его собственнымъ словамъ, побудило его то же Новиковское «Дѣтское чтеніе». Но и здѣсь руководителей, конечно, не было, и единственной вѣрной помощницей и подругой ребенка въ этихъ натуралистическихъ упражненіямъ была его маленькая сестрица.

Новая поѣздка въ деревню къ двоюродной бабушкѣ Куроѣдовой пробуждаетъ въ мальчикѣ мно-

жество новыхъ, еще не испытанныхъ впечатлѣній и вопросовъ, которые такъ и остаются неудовлетворенными. На пути туда Аксаковы попадаютъ къ чудаку-богачу помѣщику Дурасову, зазвавшему къ себѣ семью откушать, чтобъ похвастаться своими барскими затѣями. Не видавшій до сихъ поръ ничего, кромѣ Уфы да деревень съ усадьбами степняковъ-помѣщиковъ, мальчикъ поражается и каретой четверней съ форейторомъ и двумя лакеями, присланною хозяиномъ за Аксаковыми, и барскими хоромами съ колоннадами, флигелями и башнями, напоминавшими Сережѣ описанія рыцарскихъ замковъ и загородныхъ дворцовъ англійскихъ лордовъ, и солнечными часами, и цвѣтникомъ, и статуями, и убранствомъ комнатъ. Но всего болѣе поражаетъ ребенка доморощенный оркестръ, игравшій во время обѣда, и крѣпостныя пѣвицы, пѣвшія на сценѣ по нотамъ. Долго приставалъ мальчикъ къ родителямъ, особенно къ матери, съ разспросами обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ, и, наконецъ, такъ матери надоѣлъ, что та велѣла ему болѣе о Никольскомъ (село Дурасова) не разспрашивать. Сережа все-таки не успокоился и присталъ къ отцу, но такъ и остались неразрѣшенными вопросы: «отчего вода изъ фонтана била вверхъ, отчего солнечные часы показываютъ время, какъ они устроены, и что такое значитъ возвышеніе, на которомъ сидѣли музыканты?» Получилъ мальчикъ отъ матери еще и добрую гонку за то, что въ дѣтской наивности отвѣтилъ за столомъ на поклонъ крѣпостныхъ музыкантовъ со сцены и смотрѣлъ въ ротъ пѣвицамъ. «Ты былъ точно крестьянскій мальчикъ,—говорила она, — который сроду ничего не видывалъ, кромѣ своей избы, и котораго привели въ господскій домъ».— «Я отвѣтилъ, — продолжаетъ Аксаковъ, — что точно сроду ничего подобнаго не видывалъ и потому былъ такъ удивленъ; но мать возразила, что «не надобно показывать своего удивленія», а я спросилъ, для чего не надобно его показывать?— Для того, что это было смѣшно, а мнѣ стыдно за

тебя, сказала мать. У меня вертѣлось на умѣ и на языкѣ новое возраженіе въ видѣ вопроса, но, замѣтивъ, что мать сердится, я замолчалъ».

Въ деревнѣ у Куроѣдовой мальчикъ сталъ читать теперь уже съ большею свободою, чѣмъ прежде, и прочелъ цѣликомъ нѣсколько романовъ, а именно: *Векфильдскаго священника, Герберта или прощай богатство,* но всего болѣе понравилась ему своею таинственностью *Желѣзная маска.*

Если ко всѣмъ этимъ, указаннымъ самимъ Аксаковымъ, книгамъ, присоединить еще два романа: какой-то *Франчичико Петрочіо* и *Приключенія Бенделя*, которые какъ глупымъ содержаніемъ, такъ и нелѣпымъ безграмотнымъ переводомъ возбуждали такой сильный смѣхъ, что «всѣ слушатели (въ числѣ ихъ были отецъ и мать), — по выраженію писателя, — буквально валялись отъ хохота», — вотъ и весь книжный капиталъ этого необыкновенно впечатлительнаго маленькаго чтеца, такъ жадно стремившагося къ удовлетворенію своихъ литературныхъ потребностей.

Впрочемъ, не мало перечиталъ и переслушалъ мальчикъ и еще всякаго раздирательнаго, сентиментальнаго, потѣшнаго и напыщеннаго вздора, въ изобиліи представляемаго тогдашнею русской переводной и оригинальной литературой. Семейныя чтенія у Аксаковыхъ особенно въ деревнѣ, въ долгіе осенніе и зимніе вечера, происходили часто. Читалъ то самъ мальчикъ, пріобрѣтшій практикой мало по малу хорошую дикцію, иногда мать, читавшая необыкновенно хорошо, и отецъ, хотя и не пріученный къ чтенію смолоду (у дѣдушки водились только календари, да какія то печатныя брошюрки «о Гарлемскихъ капляхъ и Элексирѣ долгой жизни»), но имѣвшій къ нему природную склонность, чему доказательствомъ служитъ огромное собраніе пѣсенъ и разныхъ тогдашнихъ стишковъ, переписанныхъ съ печатнаго его собственной рукой.»

Такъ то безъ всякаго, сколько нибудь разумно направленнаго воспитанія, въ наивной простотѣ

патріархальной помѣщичьей семьи, въ ласкѣ и холѣ, выучившись только читать и писать, дорось до девятаго года этотъ мальчикъ, рано обнаруживъ рѣдкую даровитость, къ сожалѣнію, какъ мы увидимъ потомъ, не нашедшую себѣ хорошихъ руководителей и въ Гимназіи и въ Университетѣ.

Но если и семья, и общество, которое мальчикъ видѣлъ, и книги представляли условія, далеко не соотвѣтствовавшія требованіямъ такой даровитой, правдивой и сердечной натуры, то великой и въ высшей степени благотворной въ воспитательномъ отношеніи оказалась для мальчика природа. Еще въ первые, едва памятные годы дѣтства, онъ уже засматривается картинками съ изображеніями животныхъ и растеній; другомъ его становится собачка Сурка, а первый въ жизни выѣздъ изъ города на приволье степи, съ рѣкой Демой, первая видѣнная имъ рыбная ловля, въ которой принимаетъ маленькое участіе и онъ самъ, поля, полныя хлѣба, крестьянскія работы—все это производитъ на ребенка самое живое, освѣжающее впечатлѣніе. Надобно читать всѣ эти описанія поѣздокъ въ разныя деревни и въ разныя времена года, дорогъ, уженья, охотъ, собираніе грибовъ, прогулокъ,—описанія, составленныя Аксаковымъ уже въ старости въ книгѣ *Дѣтскіе годы*, чтобъ понять, какой важный элементъ въ его дѣтствѣ составляла природа, съ которой онъ, можно сказать, «дышалъ одною жизнью.» И какъ ни была противъ всѣхъ деревенскихъ прогулокъ и всякаго рода охотъ мать, онъ все таки, благодаря уступкамъ ея въ этомъ отношеніи, отцу и Евсеичу, которому мать довѣряла ребенка, отвоевалъ себѣ нѣкоторую свободу и могъ предаваться любимымъ занятіямъ на вольномъ деревенскомъ воздухѣ. Не говоря уже о томъ, сколько разнообразнаго и живаго матеріалу давали всѣ эти незатѣйливыя экскурсіи для пытливой наблюдательности ребенка и для написанныхъ имъ впослѣдствіи чудныхъ книгъ, природа же развила въ немъ здоровое эстетическое чувство, котораго не могли

дать плохія книги, полныя напыщенной искусственности, освѣжала и регулировала его черезъ-чуръ сильную и болѣзненную фантазію, подогрѣтую чтеніемъ, выводя ребенка изъ затхлой домашней и книжной атмосферы на просторъ полей, водъ и лѣсовъ, въ любопытную жизнь всякой живой твари, рыбы, птицы, бабочки, звѣря, которыхъ всѣхъ выучился онъ любить. Эта природа, вѣчно прекрасная въ своей простотѣ, красотѣ, строгой законченности своихъ явленій, была для Аксакова спасительнымъ противовѣсомъ всему домашнему баловству, изнѣженности, барству, этой, якобы необходимой для практической жизни, лжи, которой учили его собственные родители,—словомъ, всей той пошлости, мелочности, меркантильности, чванства, которыя видѣлъ ребенокъ въ своемъ деревенскомъ домѣ. Природа давала мальчику разумное и здоровое пользованіе досугомъ; была, можно сказать, до самой Гимназіи его единственнымъ добрымъ учителемъ и воспитателемъ, давъ ему то, чего такъ часто бываютъ лишены наши дѣти: близкое знакомство съ ея разнообразными явленіями и формами, интересъ къ ней и любовь. Эти прогулки и охоты не мало способствовали и раннему знакомству Аксакова съ полевыми и другими крестьянскими работами, и не только уберегли его, не смотря на все противодѣйствіе матери сближенію съ народомъ, отъ чувства брезгливой барской гадливости къ мужику, но рано заронили въ дѣтскую душу симпатію къ простому русскому человѣку, незамѣтно выучивъ мальчика настоящему чистому русскому языку, необыкновенное знаніе богатствъ котораго писатель такъ блестяще обнаружилъ въ своихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ.

V.

Зимой 1799, когда мальчику исполнилось уже восемь лѣтъ, Аксаковы пріѣхали съ сыномъ въ Казань. Одинъ изъ ихъ уфимскихъ знакомыхъ, М. Д. Княжевичъ, переведенный прокуроромъ въ Казань, добрѣйшій и неглупый человѣкъ, у котораго оба старшіе сына учились въ Казанской гимназіи, посовѣтовалъ Аксаковымъ отдать туда же и своего Сережу. «Особенно совѣтую, говорилъ онъ его отцу,—это потому, что онъ, кажется, матушкинъ сынокъ: она его избалуетъ, разнѣжитъ и сдѣлаетъ бабой. Мальчика пора учить: въ Уфѣ никакихъ учителей не было, кромѣ Матвѣя Васильевича въ народномъ училищѣ, да и тотъ ничего не смыслилъ; а теперь переѣхали вы на житье въ деревню, гдѣ и Матвѣя Васильевича не достанешь». Отецъ безусловно съ этимъ согласился, но мать, пораженная одной мыслью о разлукѣ съ своимъ сокровищемъ, поблѣднѣла и встревоженнымъ голосомъ стала говорить, что сынъ еще малъ, слабъ здоровьемъ и такъ къ ней привязанъ, что она не можетъ вдругъ на это рѣшиться. Вечеромъ она разрыдалась вмѣстѣ съ сыномъ, долго не давая спать отцу, и наконецъ успокоила себя и ребенка твердымъ рѣшеніемъ не разставаться съ нимъ ни за что. Такъ, на этотъ разъ, намѣреніе отдать сына въ науку было отложено, и Аксаковы вернулись въ деревню. Опять потянулась для мальчика блаженная жизнь въ миломъ Аксаковѣ; опять пошло чтеніе вслухъ все того-же *Дѣтскаго чтенія для сердца и разума*, или даже *Ипокрены или утѣхи любословія*, конечно, также не въ первый разъ, но всегда съ новымъ удовольствіемъ; опять сталъ онъ декламировать дубоватые монологи изъ сумароковскихъ трагедій,— словомъ, все тоже, что и прежде.

Но прошло лѣто 1799 г., и осенью мать понемногу стала склоняться къ мысли о необходимости

разлуки съ сыномъ ради ученья. Мальчикъ увидѣлъ, что не уйти уже ему теперь отъ науки и страшно заскучалъ. Стали родители сами, какъ умѣли, подготавливать сынка къ школьному ученію. Отецъ еще въ Уфѣ захотѣлъ было прежде всего передать ему всю свою ученость по математикѣ, т. с. первыя четыре ариѳметическія правила, но сынъ тогда учился такъ непонятливо и лѣниво, что ученіе было брошено. Тутъ дѣло пошло иначе, и правила были выучены въ два мѣсяца; что же касается «каллиграфіи», то въ списываньи прописей мальчикъ достигъ даже возможнаго совершенства. Между тѣмъ близость неотвратимой разлуки съ этимъ ненагляднымъ, слабымъ и изнѣженнымъ дитятею страшно истомила мать, старавшуюся всячески казаться бодрой и веселой. Самолюбивое опасеніе за ребенка, чтобы онъ не остался неучемъ, сломило ее, и она рѣшилась отдать его по девятому году на казенное содержаніе, за четыреста верстъ, потому что другихъ средствъ доставить сыну образованіе не было.

Списавшись предварительно съ Княжевичемъ, Аксаковы съ сыномъ и старшей дочерью въ Декабрѣ того же года пріѣхали въ Казань и, перезнакомившись черезъ того же Княжевича со всѣми лицами начальственнаго и учебнаго гимназическаго персонала, съ коими надобно было имѣть дѣло, подали черезъ двѣ недѣли прошеніе директору Пекену.

Совѣтъ гимназіи предложилъ главному надзирателю и вмѣстѣ инспектору, Николаю Ивановичу Камашеву, проэкзаменовать мальчика, а доктору Бенису освидѣтельствовать его со стороны медицинской. Но Камашевъ находился въ отпуску, и должность главнаго надзирателя исправлялъ добрѣйшій и ласковый человѣкъ, надзиратель «благонравной» комнаты, Василій Петровичъ Упадышевскій, а должность инспектора Левъ Семеновичъ Левитскій. Поѣхавъ подавать просьбу, отецъ взялъ съ собой и сына, и директоръ обласкалъ мальчика. Левитскій былъ боленъ, и отецъ повезъ сына къ

нему на домъ. Тотъ очаровалъ обоихъ: началъ съ того, что мальчика разласкалъ и расцѣловалъ, далъ прочитать прозу Карамзина и стихи Дмитріева—и пришелъ въ восхищеніе, найдя, что прочтено съ чувствомъ и пониманіемъ; заставилъ что то написать—опять пришелъ въ восхищеніе. Ариѳметика также прошла отлично; но Левитскій, какъ истый словесникъ, тутъ же отозвался о математикѣ съ пренебреженіемъ. Словомъ, экзаменъ былъ такъ удаченъ, что экзаменаторъ выразилъ свое удивленіе по поводу того, какъ могъ такъ хорошо приготовиться мальчикъ такихъ лѣтъ, да еще въ деревнѣ, а, узнавъ, что, главнымъ образомъ, его готовила мать, дочь важнаго чиновника и большая охотница до книгъ и стиховъ, изрекъ: «А, теперь понимаю, отчего печать благонравія и даже изящества лежитъ на этомъ миломъ мальчикѣ:—это плодъ женскаго воспитанія, плодъ трудовъ образованной матери!» Докторскій осмотръ тоже прошелъ благополучно, но мать сама съѣздила потомъ къ докторшѣ съ визитомъ, чтобъ познакомиться и съ докторомъ, и тотъ далъ Марьѣ Николаевнѣ обѣщаніе, въ случаѣ малѣйшаго нездоровья ребенка, оказать всѣ медицинскія пособія. Познакомились родители и съ Упадышевскимъ, вдовцемъ, у котораго двое сыновей также учились въ гимназіи. Добрый старикъ, въ первый же визитъ къ Аксаковымъ, такъ полюбилъ мать Сергѣя Тимоѳеевича, что далъ ей честное слово: во-первыхъ—черезъ недѣлю перевести мальчика въ свою благонравную комнату; во-вторыхъ, смотрѣть за нимъ больше, чѣмъ даже за своими родными сыновьями. «Этотъ человѣкъ сдѣлался впослѣдствіи, говоритъ Сергѣй Тимоѳеевичъ,—истиннымъ ангеломъ хранителемъ моимъ и моей матери, и я не знаю, что было бы съ нами безъ этого благодѣтельнаго старца».

Наконецъ всѣ формальности были выполнены, и мальчика приняли на казенное содержаніе: сняли съ него мѣрку и сшили зеленый мундиръ съ краснымъ воротникомъ. Поѣхали въ соборъ, отслужили

молебенъ Казанскимъ чудотворцамъ—Гурію, Варсонофію и Герману, а изъ церкви родители отвезли сына прямо въ гимназію и отдали съ рукъ на руки Упадышевскому. Туда же поступилъ на должность комнатнаго служителя и Евсеичъ. Такъ какъ въ то время, какъ привезли мальчика, ученики были въ классахъ на верху, то мать даже могла пройти въ спальню и осмотрѣть кровать, на которой будетъ спать ея сынъ. Прощаніе, разумѣется, сопровождалось слезами и благословеніями, но особеннаго ничего не случилось. Какъ только уѣхали родители, Упадышевскій за руку свелъ новичка въ классъ чистописанія, рекомендовавъ его учителю, какъ мальчика самаго благонравнаго, и просилъ имъ заняться. Посадили Аксакова за отдѣльный столъ съ другими новичками и велѣли выписывать палочки. Онъ былъ какъ во снѣ и пока не чувствовалъ еще ни страха, ни тоски. Послѣ обѣда, котораго онъ не ѣлъ, надѣли на него форменную куртку, повязали суконный галстухъ, остригли подъ гребенку волосы, поставили во фрунтъ по ранжиру и сейчасъ же выучили ходить въ ногу. Ребенокъ исполнялъ все машинально и, повидимому, крѣпился. Но вотъ вызвали его въ пріемную къ родителямъ, и мать, въ первую минуту не узнавшая сына, всплеснула руками, ахнула и упала безъ чувствъ. Мальчикъ закричалъ, какъ изступленный, и тоже упалъ у ея ногъ. Приведенная въ себя, она уѣхала на квартиру вмѣстѣ съ сыномъ и черезъ нѣсколько дней уѣхала съ мужемъ домой въ деревню, тайкомъ отъ сына, которому оставила записку; но, не будучи въ силахъ сразу разстаться съ любимымъ ребенкомъ, еще разъ одна воротилась съ дороги, отъѣхавъ отъ Казани уже 90 верстъ и, проведя съ сыномъ вечеръ и ночь въ слезахъ и разговорахъ, окончательно отправилась въ деревню. Эти долгія прощанія страшно разстраивали мальчика. Казенные порядки въ гимназіи, даже въ то суровое время, повидимому, не особенно строгіе, были мальчику противны, а полное одиночество, такъ какъ онъ

ни съ кѣмъ изъ товарищей сойтись не могъ, усугубляло и безъ того угнетенное состоянiе духа ребенка, тѣмъ болѣе, что товарищи смѣялись надъ новичкомъ, называя его нелюдимомъ, нѣженкой, недотрогой, «матушкинымъ сынкомъ». Но за ученье Аксаковъ принялся съ жаромъ и, при быстрой способности пониманiя и хорошей памяти, черезъ мѣсяцъ не только перегналъ и оставилъ позади всѣхъ новенькихъ, но и у всѣхъ учителей сѣлъ на первый столъ вмѣстѣ съ лучшими воспитанниками. Это обстоятельство еще болѣе усилило нерасположенiе къ мальчику и тѣхъ, кого онъ обогналъ, и тѣхъ, съ кѣмъ сравнялся. Впрочемъ, гимназическая наука, въ то время, повидимому, большаго напряженiя ума отъ ребенка, особенно такого способнаго, какъ Аксаковъ, и не требовала. По крайней мѣрѣ, онъ говоритъ самъ, что уроки задавались весьма небольшiе, и, догнавъ товарищей, онъ часто выучивалъ заданное, не выходя изъ класса.

Какъ ни скучалъ мальчикъ по дому, и какъ ни тяжело было его положенiе между товарищами, но, благодаря возившемуся съ нимъ постоянно Упадышевскому, всячески старавшемуся своимъ участiемъ его развлечь, жизнь въ гимназiи кое какъ тянулась, и Аксаковъ, можетъ быть, понемногу и освоился бы съ новымъ положенiемъ, тѣмъ болѣе, что впереди были вожделѣнные каникулы; но возвращенiе изъ отпуска главнаго надзирателя, Николая Ивановича Камашева, стало для мальчика роковымъ.

Человѣкъ твердый, строгiй, дѣйствовавшiй съ непреклонною волею, но вмѣстѣ холодный, онъ ставилъ долгъ и порядокъ выше всего и, узнавъ о всякихъ послабленiяхъ, дѣлаемыхъ для Аксакова Упадышевскимъ, страшно разсердился и едва не попросилъ бѣднаго педагога оставить службу. Ребенка же онъ не взлюбилъ и даже вызвалъ его въ залѣ изъ фронта, публично сказавъ, что дурно быть избалованнымъ мальчикомъ, и что особенно не хорошо пользоваться пристрастнымъ расположенiемъ начальства. Чувство оскорбленной дѣтской

гордости, заставившее ребенка опустить глаза передъ Камашевымъ, требовавшимъ, чтобъ тотъ смотрѣлъ на него прямо, еще болѣе раздражило педагога, и послѣднiй сталъ строго слѣдить за мальчикомъ, а надзирателямъ приказывалъ, чтобы заставляли его играть вмѣстѣ съ воспитанниками, такъ какъ онъ, Камашевъ, «тихоней» и «особняковъ» не любитъ. Мало того,—Камашевъ, узнавъ, что, вопреки правилу заведенiя, переписка учениковъ съ родителями предварительно не просматривается, потребовалъ отъ Упадышевскаго, чтобы всѣ письма восьмилѣтняго Аксакова показывались ему, Камашеву. Упадышевскiй, повидимому, съ Камашевымъ не ладившiй, сталъ прямо на сторону мальчика, и, какъ бы для его пользы, началъ учить его лжи. Такъ, онъ часто твердилъ ему, чтобъ онъ всегда смотрѣлъ Николаю Ивановичу въ глаза и ничего не возражалъ на всѣ его замѣчанiя и выговоры; что же касается до писемъ домой, то предпринялъ такую мѣру: всякiй разъ ребенокъ писалъ два письма: одно оффицiальное, которое показывалось Камашеву, а другое откровенное, и оба вмѣстѣ въ одномъ конвертѣ носилъ на почту Евсеичъ. Разумѣется, Упадышевскiй сейчасъ же написалъ матери, отчего это дѣлается, и мать оцѣнила вполнѣ доброту педагога и съ своей стороны написала ему письмо съ горячею материнскою благодарностью. Такимъ образомъ, и мать, и педагогъ, изъ любви къ ребенку, въ великой наивности своей, явились его наставниками въ хитрой наукѣ практической жизни.

Прошло уже полтора мѣсяца какъ Аксаковъ поступилъ въ гимназiю, но привыкнуть къ ней онъ все еще не могъ. Все больше и больше онъ задумывался и грустилъ; потомъ грусть превратилась въ перiодическую тоску и, наконецъ, перешла въ тяжелую болѣзнь, заставившую взять мальчика домой. Много было причинъ, вызвавшихъ такой оборотъ дѣла. Легко усвоивая уроки, мальчикъ ничѣмъ не былъ занятъ, не только во все время сво-

бодное отъ ученья, но даже во время классовъ, гдѣ, кажется, производилось только спрашиванье да задаванье уроковъ. И вотъ, умственная дѣятельность ребенка, потерявъ существенную пищу, вся обратилась на безпрестанное размышленіе и разсматриваніе своего настоящаго положенія, на безпрестанное воображеніе, что-то дѣлается въ его семействѣ, какъ тоскуетъ несчастная маменька, какъ хорошо было дома и т. п. Гимназія съ этими «негодными мальчишками - товарищами», чуждавшимися «недотроги» или пристававшими къ нему, опротивѣла окончательно, и особенно Камашевъ, денно и нощно безпрестанно посѣщавшій гимназію, за которой онъ смотрѣлъ съ педантической строгостью. Этотъ Камашевъ представлялся ребенку настоящимъ тираномъ, извергомъ, злымъ духомъ, котораго страшный образъ всюду преслѣдовалъ воображеніе. Врожденное чувство правдивости наконецъ подсказало умному мальчику, какой обманъ представляютъ эти тайныя письма, и чѣмъ рискуетъ здѣсь его добрѣйшій нянька-педагогъ, и письма ребенка къ матери стали короче, осторожнѣе и сдѣлались крайне тяжелы для дѣтской совѣсти. А тутъ подходила весна: свѣтлѣй засвѣтило солнце, побѣжали ручьи, и нервы ребенка, такъ страстно любившаго природу, не выдержали. Стала нападать на мальчика истерическая тоска со слезами и рыданьями и даже обмороками и судорожными движеніями; сталъ онъ по ночамъ бродить по заведенію, наконецъ, даже упалъ безъ чувствъ въ классѣ; стали появляться галлюцинаціи изъ обрывковъ воспоминаній о домашней жизни... Пришлось уложить мальчика въ больницу, и какой-то грамотный дядька написалъ, по просьбѣ Евсеича, письмо къ матери, гдѣ безъ всякой осторожности, и даже несправедливо, извѣщалось, что молодой баринъ боленъ падучею болѣзнью, и что отдали его въ больницу.

Какъ громомъ поразило письмо родителей Аксакова. Въ страшную распутицу, одна, съ Парашей и ея мужемъ, поѣхала мать, въ простыхъ крестьян-

скихъ саняхъ, и, съ опасностью жизни, геройски переправившись пѣшкомъ по рыхлому льду черезъ начавшую уже расходиться Каму, явилась въ Казань, и, не смотря на противодѣйствіе Камашева, черезъ директора гимназіи добилась позволенія, вопреки всѣмъ правиламъ заведенія, самой ухаживать за сыномъ, котораго рѣшилась взять по выздоровленіи на время для возстановленія здоровья домой въ деревню. Мальчикъ сталъ поправляться, но взять его домой было дѣло не легкое и уладилось только послѣ великихъ и сложныхъ хлопотъ. Матери выдано было наконецъ отъ совѣта гимназіи свидѣтельство, гдѣ говорилось, что «совершенно соглашаясь съ мнѣніемъ г-на доктора Бениса, совѣтъ считаетъ необходимымъ возвратить казеннаго воспитанника Аксакова на попеченіе родителей въ деревню, а къ предписанному для больнаго декокту, полагаетъ нелишнимъ прибавить такіе-то и такіе-то медикаменты и предписать впослѣдствіи крѣпительныя холодныя ванны». Подъ свидѣтельствомъ подписались директоръ и трое учителей; но главный надзиратель Камашевъ, которому мать надѣлала дерзостей и на котораго жаловалась директору, не только не далъ своей подписи, но даже предложилъ было взыскать съ матери за пятимѣсячное пребываніе сына въ гимназіи всѣ издержки, употребленныя на его содержаніе и ученіе. На третій день по полученіи свидѣтельства, пригласили мать Аксакова въ совѣтъ, обязали ее подпиской представить сына въ гимназію по выздоровленіи, и позволили его взять. Мать, прямо изъ совѣта, въ послѣдній разъ пришла въ больницу; Евсеичъ переодѣлъ своего воспитанника въ прежнее платье и сдалъ всѣ казенныя вещи и книги; мать взяла сына за руку, вывела на крыльцо, сѣла въ присланную изъ деревни отцомъ колымагу-карету и поѣхала на квартиру, гдѣ Марья Николаевна остановилась. Въ тотъ же день вечеромъ она съѣздила съ сыномъ поблагодарить и проститься къ добрѣйшему старику-доктору Бенису, который такъ внимательно относился

къ мальчику и главнымъ образомъ способствовалъ въ совѣтѣ его временному увольненію. Благородный нѣмецъ не только не взялъ съ Аксаковыхъ ни копѣйки денегъ, но даже не принялъ подарка на память объ одолженныхъ имъ людяхъ. Отказался отъ подарка и зашедшій на другой день проститься Василій Петровичъ Упадышевскій, увидѣвъ котораго, ребенокъ опять расплакался чуть не до новаго припадка. На разсвѣтѣ соннаго Сережу потихоньку перенесли въ карету, и мать увезла наконецъ свое сокровище опять въ родную деревенскую глушь.

Такъ кончился этотъ первый опытъ формальнаго образованія изнѣженнаго ребенка, продѣланный такъ неудачно и съ такимъ страданіемъ какъ для сына, такъ и для матери.

VI.

Быстро прошелъ въ прежнихъ деревенскихъ занятіяхъ, въ рыбной ловлѣ, охотѣ, собираніи грибовъ и перечитываніи старыхъ книгъ почти цѣлый годъ. Мальчикъ на свободѣ поправился совершенно, хотя всетаки захворалъ еще разъ и дома, значительно укрѣпился и выросъ. Чтобы время не пропадало въ полной праздности, мать еще въ Казани запаслась учебными гимназическими книжками и назначила отъ двухъ до трехъ часовъ въ день для повторенія всего пройденнаго, занятій чистописаніемъ и чтеніемъ вслухъ. Въ теченіе всего года мать постоянно переписывалась съ Упадышевскимъ и узнала отъ него о большихъ въ гимназіи перемѣнахъ. Директоръ Пекенъ и страшный Камашевъ вышли въ отставку; должность директора сталъ исправлять старшій учитель исторіи Илья Ѳедоровичъ Яковкинъ, а главнаго надзирателя добрѣйшій Василій Петровичъ—благодѣтель мальчика. И вотъ, переговоривъ съ новымъ директоромъ и инспекто-

ромъ, Упадышевскій увѣдомилъ, что мальчикъ можетъ, если пожелаютъ родители, въ казенные гимназисты не вступать, а поступить своекоштнымъ, живя у кого нибудь изъ учителей. Нашлись и такіе учителя: товарищи по Московскому Университету, еще молодые люди, Иванъ Ипатовичъ Запольскій и Григорій Ивановичъ Карташевскій, которые, живя вмѣстѣ, берутъ къ себѣ пансіонеровъ и за умѣренную плату содержатъ ихъ хорошо. Родители обрадовались, и, какъ ни тяжело было платить по 300 рублей учителямъ, да тратить по 200 въ годъ на платье, книги и дядьку, рѣшились войти въ долги, чтобы только не лишить мальчика образованія. Курсъ въ гимназіи начинался въ этотъ 1801 г. 15-го Августа, а пріемъ съ 1-го, и 26-го Іюля Аксаковы повезли сына въ Казань, для вторичнаго помѣщенія въ гимназію.

Упадышевскій, немедленно посѣтившій пріѣхавшихъ Аксаковыхъ, сообщивъ слухъ о назначеніи новаго директора, казанскаго помѣщика Лихачева, торопилъ помѣщеніемъ мальчика своекоштнымъ до его пріѣзда, очень хваля рекомендуемыхъ учителей «за умъ, ученость и скромность поведенія». Одинъ изъ нихъ, Запольскій, читалъ физику, другой Карташевскій — чистую математику. Они, живя вмѣстѣ въ каменномъ домѣ, держали у себя уже семерыхъ воспитанниковъ, и больше принимать не хотѣли, но, убѣжденные неотступными просьбами Упадышевскаго, рѣшились сдѣлать для мальчика исключеніе. Отецъ поѣхалъ съ сыномъ сначала къ Яковкину, а, по полученіи его согласія на поступленіе въ своекоштные, къ Запольскому и Карташевскому. Послѣдніе приняли гостей очень любезно; но Карташевскій объявилъ рѣшительно, что самъ взять мальчика къ себѣ не можетъ, такъ какъ трое его учениковъ уже взрослые, и черезъ годъ окончатъ курсъ, чтобы поступить на службу, такъ что мальчика соглашался взять Запольскій. Вечеромъ молодые люди пріѣхали знакомиться съ матерью, которая совершенно очаровалась Карташевскимъ,

и крайне сожалѣла, что сынъ будетъ жить не у него, а отдѣльно съ воспитанниками маленькими, хотя и въ томъ же домѣ. Благодаря Упадышевскому, въ гимназіи все скоро устроилось; мальчика помѣстили въ комнаткѣ съ тремя подлѣтками товарищами (четвертый, большой богачъ, жилъ въ отдѣльной комнатѣ), и черезъ мѣсяцъ уже безъ большихъ слезъ и рыданій, Аксаковы уѣхали въ деревню. Къ удивленію своему, мальчикъ снова увидѣлъ нѣкогда страшную и противную гимназію безъ страха, даже безъ непріятнаго чувства, и, поступивъ въ тѣже низшіе классы, гдѣ были уже другіе ученики—новички, подготовленные хуже Аксакова, или лѣнтяи и малоспособные, сдѣлался въ короткое время однимъ изъ лучшихъ учениковъ.

Только всего три съ половиною года, съ Августа 1801 по Февраль 1805 пробылъ Аксаковъ въ гимназіи до поступленія въ число первыхъ студентовъ вновь основаннаго Казанскаго Университета; слѣдовательно, все гимназическое образованіе было уже окончено, когда ему еще не было даже полныхъ четырнадцати лѣтъ. Посмотримъ же, на основаніи все тѣхъ-же собственныхъ воспоминаній писателя, что дала ему гимназія, къ которой онъ относится довольно симпатично.

Во главѣ заведенія, въ качествѣ директора, сталъ помѣщикъ Лихачевъ, но почему ему именно былъ ввѣренъ такой важный постъ—неизвѣстно. Что съ самаго начала своего директорства до гимназіи ему не было никакого дѣла, видно изъ того, что своекоштные воспитанники его долго и въ глаза не видали, а въ классы онъ никогда и не заглядывалъ. Имѣлъ онъ еще къ тому же каррикатурную наружность, не внушавшую расположенія; «между прочимъ,—говоритъ Аксаковъ,—нижняя губа его была такъ велика, какъ будто ее разнесло отъ укушенія мухи или осы. Ни воспитанники, ни чиновники не уважали его», и уже въ третій годъ пребыванія Аксакова въ гимназіи, до отъѣзда его въ 1804 году на каникулы, во время обѣда, директоръ

былъ публично осмѣянъ учениками, раздраженными за дурную кашу, въ которой кто то нашелъ кусокъ свѣчнаго сала. Въ туже ночь на многихъ стѣнахъ, внутреннихъ и наружныхъ, и даже на куполѣ зданія, явились крупныя ругательныя надписи директору, мастерски начертанныя краснымъ карандашемъ печатными буквами. А за нѣсколько дней до возвращенія Аксакова съ каникулъ, вышла въ гимназіи крупнѣйшая исторія изъ за заступничества учениковъ за бѣднаго инвалида—служителя, жестоко наказаннаго за что-то палками на гимназическомъ дворѣ,—исторія, повлекшая за собой появленіе въ гимназіи солдатъ съ ружьями и штыками и исключеніе изъ старшаго класса восьми лучшихъ учениковъ. Только тогда уволили Лихачева, назначивъ на его мѣсто стараго учителя Яковкина.

Каковъ былъ составъ преподавателей по воспоминаніямъ Аксакова можно судить только отчасти, но, повидимому, они могли дать любознательному мальчику весьма мало и знаній, и умственнаго развитія, если исключить Карташевскаго, прекрасно преподававшаго математику, къ которой мальчикъ, однако, чувствовалъ чуть-ли не отвращеніе и отъ которой даже какъ-то съумѣлъ, наконецъ, чуть не совсѣмъ освободить его Карташевскій, самъ, по словамъ Аксакова, замѣчательнѣйшій и страстный математикъ, однако промѣнявшій профессуру на карьеру чиновника, и только объ одной словесности находимъ въ этихъ воспоминаніяхъ свѣдѣнія болѣе подробныя. Впрочемъ, сообразуясь съ природными наклонностями и способностями мальчика, «память котораго по математикѣ, какъ съ нимъ ни бились, и самъ Карташевскій и лучшій математикъ изъ товарищей-учениковъ, оказалась чистымъ листомъ бѣлой бумаги, гдѣ не сохранилось ни одного математическаго знака», Григорій Ивановичъ устроилъ для Аксакова «особый планъ образованія *общаго, легкаго, литературнаго*», такъ что по нѣкоторымъ предметамъ въ среднемъ курсѣ Аксаковъ и совсѣмъ не ходилъ въ классъ, что не помѣшало, однако, ему

перейти въ высшій. Но такъ какъ объ этомъ «*особомъ*» образованіи, придуманномъ Карташевскимъ, будемъ говорить ниже, то перейдемъ къ любимому Аксаковымъ словеснику.

Преподавателемъ русскаго, а вмѣстѣ и славянскаго языка, также и словесности, въ среднемъ классѣ (всѣхъ классовъ было тогда три, причемъ большая часть учениковъ оставалась по два года въ классѣ) былъ студентъ Московскаго Университета, башкирецъ Николай Михайловичъ Ибрагимовъ. Про этого человѣка говоритъ Аксаковъ, что «онъ горячо любилъ литературу, былъ очень остроуменъ, и, вообще, человѣкъ даровитый. Этотъ человѣкъ,— продолжаетъ авторъ «Воспоминаній»,—имѣлъ большое значеніе въ моемъ литературномъ направленіи, и память его для меня драгоцѣнна. Онъ первый ободрилъ меня и, такъ сказать, толкнулъ на настоящую дорогу». Отдавая должное уваженіе трогательной признательности старика Аксакова къ своему учителю, такъ тепло вспоминаемому имъ черезъ полстолѣтіе, мы, какъ безпристрастные критики прошлаго, позволимъ себѣ отнестись къ этому педагогу болѣе спокойно. Судя по «Воспоминаніямъ», онъ ничѣмъ не выдается изъ ряда нашихъ стародавнихъ словесниковъ съ схоластико-реторическимъ методомъ и содержаніемъ преподаванія на почвѣ русскаго псевдо-классицизма, напыщеннаго и совершенно чуждаго дѣйствительности, восторженныхъ поклонниковъ россійскихъ пиндаровъ, гомеровъ и вольтеровъ. Диктовалъ онъ, напримѣръ, двѣнадцатилѣтнимъ мальчикамъ по тетрадкѣ славянскую грамматику, и передъ нею какое то свое *Введеніе въ славянскую грамматику*, гдѣ излагался взглядъ на грамматику общую: одинъ ученикъ писалъ на доскѣ, другіе списывали, а потомъ выучивали. Но, такъ какъ «объяснялъ Ибрагимовъ не довольно подробно и не такъ понятно», особенно для учениковъ первогоднихъ, и совсѣмъ еще дѣтей, то «изъ этого Введенія рѣшительно никто ничего не зналъ». Аксаковъ же имѣлъ у себя заранѣе полный списокъ

этой славянской грамматики, и просмотрѣлъ его по Воскресеньямъ при помощи Карташевскаго, который также помогъ осилить и хитрое Введеніе. Когда диктованье, наконецъ, кончилось, и началось спрашиванье продиктованнаго, результатъ, конечно, оказался весьма печальный. Спрашиванье шло по порядку, въ которомъ сидѣли ученики, сначала казенные, потомъ пансіонеры, затѣмъ полупансіонеры, и наконецъ, своекоштные. «Изъ грамматики еще кое какъ отвѣчали, но Введенія не осилилъ рѣшительно никто». Дошла очередь до Аксакова. Свободные и удовлетворительные отвѣты его по грамматикѣ заинтересовали Ибрагимова, и онъ задалъ мальчику, вмѣсто трехъ, четырехъ вопросовъ, двадцать. Всѣ отвѣты были равно удачны. Ибрагимовъ, улыбался во всю ширину своего огромнаго рта и наконецъ сказалъ: «Прекрасно, прекрасно и прекрасно! Посмотримъ теперь, что скажетъ Введеніе». Отвѣты и тутъ оказались удовлетворительные. Учитель пробовалъ сбивать ученика, но не сбилъ, и пришелъ въ совершенное изумленіе и восхищеніе: осыпалъ Аксакова всевозможными похвалами, вызвалъ изъ-за стола и сразу посадилъ на третье мѣсто изъ сорока учениковъ. Такое торжество должно было особенно подѣйствовать на самолюбиваго мальчика, и вотъ гдѣ, какъ намъ кажется, слѣдуетъ искать ближайшій источникъ того пристрастія къ церковно-славянскому языку и высокому слогу, которымъ отличается Аксаковъ въ своей молодости, какъ въ литературныхъ вкусахъ, такъ и въ слогѣ своихъ произведеній. Симпатія къ учебному предмету, столь успѣшно проходимому при восторженныхъ похвалахъ учителя, естественно перешла и на литературу, тѣмъ болѣе, что съ высокимъ слогомъ Хераскова и др. мальчикъ былъ знакомъ, какъ мы видѣли, отъ ранняго дѣтства изъ домашняго чтенія и декламаціи. Не менѣе, чѣмъ въ грамматикѣ, были блестящи успѣхи Аксакова и въ россійской словесности. Ибрагимовъ проходилъ синтаксисъ русскаго языка и «производилъ практическія упражне-

нія, состоявшія изъ писанья подъ диктовку и изъ переложенія стиховъ въ прозу. «Диктовка эта,— говоритъ Аксаковъ, — была намъ очень полезна, сколько для правописанія, столько и для образованія нашего вкуса, потому что Ибрагимовъ выбиралъ лучшія мѣста изъ Карамзина, Дмитріева, Ломоносова и Хераскова, заставлялъ читать вслухъ и объяснять ихъ литературное достоинство. Онъ самъ не находилъ пользы въ «*предложеніяхъ*», и, только исполняя программу, раза два заставлялъ насъ ими заниматься, вмѣсто того упражняя насъ въ сочиненіи небольшихъ пьесъ на заданныя темы». Такимъ образомъ, литературныя наклонности мальчика нашли себѣ значительную поддержку у Ибрагимова, у котораго, одного, впрочемъ, только и оказывалъ Аксаковъ блестящіе успѣхи. По Закону Божію онъ учился, хоть и порядочно, но священникъ почему-то не долюбливалъ Аксакова, и говорилъ про него: «уроки-то онъ знаетъ твердо; но онъ не охотникъ до катехизиса и Священной исторіи». По всеобщей и русской исторіи и географіи у Яковкина Аксаковъ шелъ наравнѣ не съ лучшими, а только съ хорошими учениками. Въ языкахъ, вообще, успѣхи были плохи, безъ сомнѣнія, отъ плохихъ учителей. Самую видную роль въ гимназическомъ и университетскомъ образованіи и направленіи Аксакова игралъ его воспитатель, Григорій Ивановичъ Карташевскій, а потому на немъ и остановимся подробнѣе.

Въ старческихъ воспоминаніяхъ своего отдаленнаго прошлаго Аксаковъ, вообще склонный представлять его въ довольно розовомъ цвѣтѣ, нѣсколько разъ отзывается объ этомъ человѣкѣ съ величайшею благодарностью и уваженіемъ. Онъ былъ, по мнѣнію родителей, особенно матери Аксакова, не слышавшей въ немъ души, человѣкъ свѣтлаго ума и высокихъ качествъ, соединенныхъ съ многостороннимъ образованіемъ и основательной ученостью». Прекрасно читавшій математику еще въ гимназіи, онъ, съ основанія Казанскаго Универси-

тета, былъ сдѣланъ тамъ адъюнктъ профессоромъ, и ученики его удивляли своими знаніями; но, по непріятностямъ съ начальствомъ, бросилъ науку и сдѣлался чиновникомъ, дослужившись впослѣдствіи до мѣста директора департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, которое занималъ съ 1824 по 1829 и былъ, едва-ли, не главнымъ участникомъ или, по крайней мѣрѣ, подготовителемъ возсоединенія уніатовъ съ православною церковью. Съ 1829 по 1835 г. мы видимъ его на особенно трудномъ тогда и важномъ посту попечителя Бѣлорусскаго Учебнаго Округа, а затѣмъ съ 1838 года сенаторомъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ и скончался въ 1840 г.

Какъ мы уже сказали, онъ съ перваго раза произвелъ на мать Аксакова самое благопріятное впечатлѣніе, и скоро сблизился съ его родителями самой тѣсной дружбой, поддерживаемой постоянной перепиской съ Марьей Николаевной, и пользовался безграничнымъ ея довѣріемъ. Онъ даже провелъ у Аксаковыхъ въ имѣніи вмѣстѣ съ своимъ воспитанникомъ все лѣто 1804 г. Этотъ Карташевскій впослѣдствіи даже породнился съ Аксаковыми, ставшими уже, благодаря наслѣдству Куроѣдовой, богатыми людьми. Онъ женился на любимой Аксаковымъ сестрицѣ Надеженькѣ, выставленной подъ именемъ Наташи въ «*Дѣтскихъ годахъ*» и въ предсмертномъ разсказѣ Сергѣя Тимофеевича *Наташа*. Надежда Тимофеевна вышла сначала 16 лѣтъ за сына владѣльца богатыхъ чугунныхъ заводовъ Вятской губерніи Мосолова, но черезъ четыре года овдовѣла, а еще черезъ два, въ 1817 году вышла вторично за Карташевскаго; доживъ до глубокой старости, она скончалась въ Петербургѣ, въ Августѣ 1887 г.

Вдумываясь въ эту, безспорно даровитую, личность *единственнаго* серьезнаго воспитателя автора *Семейной хроники* (другой, Запольскій, былъ человѣкъ довольно ничтожный и, отвлекаемый своими семейными дѣлами, занимался съ учениками

мало), мы должны сказать, что вліяніе Карташевскаго едва ли было особенно благотворно для мальчика, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ сердечности. Не видно у Аксакова ни особеннаго сердечнаго сближенія даже съ кѣмъ либо изъ товарищей по квартирѣ, съ однимъ изъ которыхъ, богачомъ и чудакомъ, какимъ-то Ах—вымъ, продѣлываетъ Аксаковъ очень некрасивую шутку, открывъ въ гимназіи его маленькую тайну, довѣренную подъ великимъ секретомъ на честное слово; повидимому, не принимаетъ Аксаковъ участія въ шалостяхъ и, вообще, въ товарищескихъ интересахъ, и какъ то остается совсѣмъ въ сторонѣ отъ гимназіи, ограничиваясь однимъ посѣщеніемъ классовъ. Видимо Карташевскій, какъ человѣкъ практическій, тщательно охранялъ маменькинаго сынка отъ всякихъ вліяній, которыя могли бы повредить въ будущемъ его карьерѣ. По крайней мѣрѣ, какъ ловко уберегъ онъ своего воспитанника отъ участія въ исторіи съ директоромъ изъ за высѣченнаго солдата, гдѣ сказался естественный благородный протестъ юношей противъ жестокаго насилія надъ безпомощнымъ старикомъ; мало того, что просто-на-просто запретилъ ходить въ классы, но, чтобы слухъ объ исторіи какъ-нибудь не дошелъ до ушей воспріимчиваго мальчика, который, пожалуй, по своей горячности, примкнулъ бы къ общему дѣлу, даже увезъ Аксакова совсѣмъ изъ города въ деревню къ Запольскому, а ничего не подозрѣвавшему воспитаннику солгалъ, что ученье идетъ вяло, что многіе съ каникулъ еще не съѣхались, что, наконецъ, время стоитъ чудесное и можно еще съ недѣльку погулять и поучиться на свободѣ. Такимъ образомъ, благодаря ученому секретарю совѣта Карташевскому, Аксаковъ остался совсѣмъ въ сторонѣ, и не пострадалъ, какъ прочіе, и не получилъ даже впечатлѣній, которыя могли-бы взволновать его нѣжную душу и поселить въ умѣ вопросы для практической жизни не совсѣмъ удобные. Конечно, придя въ гимназію черезъ двѣ недѣли послѣ печальныхъ происшествій

мальчикъ узналъ все; но полезною ложью воспитателя не возмутился и уваженія къ нему не потерялъ, потому что въ умственномъ отношеніи оставался все тѣмъ-же младенцемъ, какимъ былъ и дома; пытливые-же вопросы, пробуждавшіеся было въ дѣтствѣ, уже не возбуждались. Остается Аксаковъ до самаго университета и почтительнымъ родственникомъ, помнящимъ совѣты родителей и ихъ примѣръ. Когда бабушка Куроѣдова, отъ которой родители ждали наслѣдства и которую мальчикъ не особенно любилъ, подарила ему на книги десять рублей ассигнаціями, и онъ пріобрѣлъ полное ея благоволѣніе, потѣшая ее въ деревнѣ представленіемъ «мельника» и «сбитеньщика», «всему этому, — разсказываетъ самъ Аксаковъ, — очень въ моемъ семействѣ радовались, потому что мысль о будущемъ богатствѣ, которымъ она нѣкогда обѣщала насъ надѣлить, не могла быть совершенно чуждою человѣческимъ соображеніямъ и разсчетамъ». И вотъ, прибавляетъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ Аксаковъ: «при моемъ отъѣздѣ я получилъ милостивое приказаніе отъ Надежды Ивановны писать къ ней каждый мѣсяцъ два раза, что и *было въ точности исполняемо мною до самой ея кончины.*» Какъ видно, воспитаніе въ родительскомъ домѣ и у Карташевскаго не прошло безслѣдно.

Если воспитаніе ребенка должно прежде всего имѣть цѣлью развить въ немъ правдивость и честную прямоту всѣхъ человѣческихъ отношеній, то рядомъ съ такимъ, такъ сказать, воспитаніемъ чувства правды, истины, должно непремѣнно идти возбужденіе добрыхъ алтруистическихъ чувствъ на счетъ подавленія эгоизма, воспитаніе сердца, теплоты душевной. Вотъ этой то сердечности, задушевности, которая сближаетъ ученика съ воспитателемъ на всю послѣдующую жизнь, повидимому также недоставало Карташевскому. Это былъ человѣкъ твердой воли, строго исполнявшій, по своему крайнему разумѣнію, то, что признавалъ своими обязанностями, но сухой, прямолинейный, мало

обращавшій вниманіе на то, какая богатая натура попалась ему въ руки въ мальчикѣ Аксаковѣ. Эта суховатость, черствость, насколько видно изъ Воспоминаній, не разъ тяготила мальчика, которому хотѣлось бы видѣть въ уважаемомъ воспитателѣ болѣе простоты и кроткой снисходительности. Въ дѣтствѣ, увлеченный авторитетомъ Карташевскаго, Аксаковъ находилъ холодную внѣшность послѣдняго и нѣсколько странные и сухіе его пріемы, принятые имъ за правило въ обращеніи съ молодежью, естественными, но, вспоминая о своемъ воспитателѣ въ старости, замѣчаетъ, что «теперь, конечно, я этого не думаю.»

Вліяніе Карташевскаго на мальчика увеличивалось постепенно. Какъ уже сказано, Аксаковъ поступилъ сначала не къ нему, а къ Запольскому; но послѣдній, задумавъ жениться на дѣвушкѣ съ состояніемъ и хорошаго дворянскаго рода, часто отлучался, и его уже черезъ мѣсяцъ сталъ безпрестанно замѣнять въ занятіяхъ Карташевскій. По пріѣздѣ съ каникулъ 1802 года мальчикъ—Запольскаго, уѣзжавшаго жениться, не нашелъ, и его воспитателемъ и репетиторомъ опять сталъ Григорій Ивановичъ, что продолжалось цѣлыхъ три первыхъ учебныхъ мѣсяца. Запольскій наконецъ пріѣхалъ; но Карташевскій, у котораго своихъ учениковъ уже не было, прожилъ съ дѣтьми еще съ мѣсяцъ, постоянно и добросовѣстно занимаясь ихъ ученьемъ, содержаніемъ и поведеніемъ, пока Запольскій не пріискалъ особой квартиры. Тутъ-то, въ эти четыре-пять мѣсяцевъ, особенно привязался мальчикъ къ Григорію Ивановичу, хотя никогда «ни разу не сказалъ онъ ласковаго слова и казался сухимъ и строгимъ.» «Я не могъ тогда оцѣнить достоинства этого человѣка,—пишетъ Аксаковъ,—и не могъ бы его полюбить, если бы *мать не увѣдомляла меня потихоньку, что онъ меня очень любитъ и очень хвалитъ*, и не показываетъ этого только для того, чтобъ я, по молодости своей, не избаловался отъ его похвалъ». Когда Запольскій

наконецъ переѣхалъ съ женой и учениками въ особый домъ, мальчикъ при прощаньѣ съ Карташевскимъ расплакался и хотѣлъ было обнять своего двадцатишестилѣтняго воспитателя, тотъ отстранилъ его и, будучи самъ растроганъ до слезъ (что Аксаковъ узналъ опять таки впослѣдствіи изъ письма Карташевскаго къ Марьѣ Николаевнѣ), сухо и холодно сказалъ: «Это что такое? О чемъ вы плачете? Вѣрно боитесь, что Иванъ Ипатычъ будетъ построже съ васъ взыскивать?»

У Запольскаго въ семьѣ уходъ за дѣтьми оказался плохой, не лучше и содержаніе, и ученіе. Самъ воспитатель занимался съ учениками мало и небрежно, и взялъ себѣ въ помощники нѣкоего студента, кончившаго курсъ въ духовной семинаріи, Ласточкина. Мальчикъ, кромѣ словесности, сталъ учиться хуже — и остался въ среднемъ классѣ на второй годъ, чему мать была, впрочемъ, рада, такъ какъ Карташевскій разъяснилъ ей выгоду такого оставленья; но твердо рѣшилась съ осени 1803 года, во что-бы то ни стало, отдать сына вполнѣ на руки Карташевскому, что ей и удалось, такъ какъ Запольскій пансіонъ свой закрылъ. Какъ бы съ величайшей неохотой, только послѣ долгихъ просьбъ и моленій матери, согласился Карташевскій взять къ себѣ мальчика, но «не какъ воспитанника или пансіонера, а какъ молодого товарища, и не иначе, какъ безплатно, съ особыми издержками на содержаніе въ счетъ каждаго въ отдѣльности».

Такимъ образомъ, съ февраля 1804 года Карташевскій, переѣхавшій съ мальчикомъ въ особый домъ, сталъ по отъѣздѣ матери всецѣло единственнымъ руководителемъ Аксакова, который прожилъ съ нимъ почти все остальное время гимназическаго и университетскаго курса, т. е. два съ половиною года. Карташевскій, по словамъ Аксакова, «посвятилъ себя мальчику всецѣло». Ученье въ классахъ было однако дѣломъ второстепеннымъ: главнымъ дѣломъ были упражненія домашнія». Воспитанникъ ходилъ только къ нѣкоторымъ учителямъ; классы

ариѳметики, рисованія и каллиграфіи посѣщались рѣдко, въ часы же эти онъ работалъ дома подъ руководствомъ своего наставника. Пробившись напрасно надъ совсѣмъ недававшеюся мальчику математикой, Карташевскій порѣшилъ почти совсѣмъ его отъ нея освободить, и вотъ тутъ-то и устроилъ «сообразно природнымъ наклонностямъ и способностямъ мальчика, свой собственный *особый планъ* его образованія: *общаго*, *легкаго*, *преимущественно литературнаго»*, о чемъ мы уже упоминали. Этотъ планъ, какъ намъ кажется, лишилъ Аксакова серьезнаго образованія, не давъ даже развиться его природной любознательности, чтобы дообразовать себя потомъ хоть самому, а кромѣ того задержалъ правильное развитіе великаго художественнаго таланта, обнаруженнаго только подъ старость.

Прежде всего Карташевскій выписалъ для воспитанника множество книгъ: Ломоносова, единственный тогда въ печати томъ одъ Державина съ его-же небольшимъ томикомъ анакреонтическихъ стихотвореній, Дмитріева, Капниста и Хемницера; Сумароковъ и Херасковъ у Аксакова уже были, но Карташевскій съ нимъ ихъ не читалъ: съ этими писателями онъ уже достаточно ознакомился, какъ мы видѣли, дома, наконецъ, они изучались въ классѣ словесности. Чтеніе русскихъ писателей, преимущественно стихотворцевъ, но не прежде, чѣмъ воспитанникъ уже довольно успѣлъ во французскомъ языкѣ, сдѣлалось занятіемъ главнѣйшимъ. Карташевскій, говоритъ Аксаковъ, «такъ хорошо, такъ понятно объяснялъ поэтическія красоты» (этихъ — прибавимъ отъ себя — за исключеніемъ Державина, совсѣмъ уже не поэтическихъ поэтовъ), «мысль автора и достоинство выраженій, что моя склонность къ литературѣ скоро обратилась въ страстную любовь. Безъ всякаго усилія съ моей стороны я выучивалъ всѣ лучшіе стихи изъ Державина, Ломоносова и Капниста, по выбору строгаго воспитателя; стихотворенія же Ив. Ив. Дмитріева, какъ образцоваго тогда по чистотѣ

и правильности языка, я зналъ наизусть почти всѣ». Замѣчательно, что русской прозы читалъ Карташевскій съ Аксаковымъ очень мало, такъ какъ прозаиковъ тогдашнихъ не долюбливалъ, и Аксаковъ не только не познакомился съ Новиковымъ, или Фонъ-Визинымъ, изъ которыхъ могъ бы вынести хоть нѣкоторое понятіе о дѣйствительной жизни, — но даже и съ Карамзинымъ; исключеніе дѣлалось только для нѣкоторыхъ отрывковъ изъ *Писемъ русскаго путешественника*; «*Моихъ же бездѣлокъ*» Карташевскій даже не позволялъ воспитаннику имѣть въ своей библіотекѣ. Какъ видно, въ этомъ сухомъ и упрямомъ малороссѣ турецкаго происхожденія (его прадѣдъ былъ турокъ), относившемся съ предубѣжденіемъ къ хохлацкой лѣни и тупости, совсѣмъ не было здороваго эстетическаго чувства, и никакого пониманія талантливаго ребенка, всецѣло ввѣреннаго его попеченіямъ. Какъ упорно не дозволялъ онъ мальчику пробовать дѣтскую силу на сочиненіяхъ, за которыя зло нападалъ на Ибрагимова. «Все это, братецъ мой, совершенные пустяки,—сказалъ Карташевскій этому словеснику, когда тотъ вздумалъ похвалить классное сочиненіе Аксакова, въ видѣ письма къ пріятелю, «*О красотахъ весны*»; надобно, чтобы молодой человѣкъ набрался хорошихъ примѣровъ и образовалъ свой вкусъ, читая сочинителей, пишущихъ стройно и правильно. Эту то искуственную ложноклассическую стройность и правильность, повидимому, только и цѣнилъ Карташевскій у писателей, почему и относился съ такимъ пренебреженіемъ, какъ къ порчѣ вкуса, къ «Бѣдной Лизѣ» или «Натальѣ боярской дочери». Возмущала его и любовь мальчика къ природѣ, особенно весной пробуждавшаяся въ душѣ послѣдняго всегда съ новой силой. Кажется, переломить здоровую натуру мальчика искусной дрессировкой, составляло главную задачу этого несомнѣвающагося педагога, слѣдившаго за каждымъ шагомъ ребенка. И нужно отдать Карташевскому справедливость: онъ достигалъ своей цѣли

очень искусно, и, совершенно изолируя мальчика отъ товарищей и зловредной литературы, не только не вызывалъ въ немъ протеста, но даже все болѣе и болѣе пріобрѣталъ его уваженіе.

Вмѣстѣ съ русскими книгами, были выписаны и французскія: мало понятныя для тринадцатилѣтняго мальчика проповѣди придворныхъ проповѣдниковъ Людовика XIV-го, Массильона, Бурдалу, и даже Флешье, смерть Авеля Гесснера и его же слащавыя идилліи, лишенныя всякой естественности и оригинальности, да сказки Шехерезады съ Векфильскимъ священникомъ, уже извѣстныя Аксакову въ русскомъ переводѣ, и Донъ Кихотомъ. Если къ этому присоединить еще нѣсколько книгъ, названій которыхъ Аксаковъ не помнитъ, и двѣ натуральныя исторіи съ картинками—вотъ и весь капиталъ по иностраннымъ литературамъ, выбранный педагогомъ для развитія вкуса и эстетическаго образованія мальчика, въ которомъ скрывался одинъ изъ крупнѣйшихъ по силѣ таланта русскихъ писателей. Ни съ Шиллеромъ, ни съ Гёте, ни съ Лессингомъ, ни съ Шекспиромъ, ни съ Мольеромъ, и тѣмъ болѣе Бомарше, ни даже съ Бернарденомъ де Сенъ-Пьеромъ или Лесажемъ, — словомъ, ни съ кѣмъ почти изъ лучшихъ иностранныхъ писателей познакомить его не было признано нужнымъ. Прежде всего занялся Карташевскій съ Аксаковымъ иностранными языками, преимущественно, французскимъ, и въ три мѣсяца воспитанникъ уже могъ свободно читать и понимать всякую французскую книгу. Начали съ французской хрестоматіи Les aventures d'Aristonoy, затѣмъ перешли къ Шехерезадѣ, которую читалъ мальчикъ, «въ точности исполняя приказаніе своего ментора не читать недозволенныя мѣста», и, наконецъ, къ Донъ Кихоту. Аксаковъ вспоминаетъ объ удовольствіи, съ которымъ читалъ онъ эти *«веселыя и увлекательныя»* книги; но какъ же малъ и жалокъ былъ ихъ выборъ для юношескаго пытливаго ума, которому не было предложено воспитателемъ, осуществлявшимъ планъ

именно «литературнаго образованія, по крайней мѣрѣ, если судить по собственнымъ «Воспоминаніямъ» Аксакова, почти вовсе никакихъ великихъ произведеній ни древняго, ни новаго міра. Не звучатъ ли послѣ этого въ устахъ Аксакова наивностью, или даже ироніей, его похвалы основательной и разносторонней образованности его воспитателя?

Поборовшись на каникулахъ 1804 года, и не безъ успѣха, со страстью своего податливаго и мягкаго характеромъ воспитанника къ охотѣ и прогулкамъ (на охоту просто ходить запретилъ), Карташевскій съ осени снова принялся за обрабатываніе науками головы Аксакова; но тутъ уже начали обнаруживаться на послѣднемъ новыя вліянія. Родной дядя Аксакова, А. Н. Зубовъ, пріѣхавшій въ половинѣ зимы въ Казань, свозилъ два раза въ театръ мальчика, не видавшаго еще никогда сценическаго представленія. Аксаковъ сталъ грезить видѣнными чудесами и день, и ночь, и такъ разсѣялся, что совершенно не могъ заниматься ученьемъ. Нахмурился и огорчился наставникъ и опять поборолъ своими упреками новую страсть въ ученикѣ, жаждавшемъ живыхъ впечатлѣній, но, впрочемъ, въ награду за хорошее ученье, самъ свозилъ его въ театръ въ оперу «Колбасники», а тамъ, видя, что занятія идутъ не хуже, и на другія пьесы: «Недоросль», «Ошибки, или утро вечера мудренѣе», оперу «Нина» и драму Коцебу «Графъ Вальтронъ». Такъ сильна была въ мальчикѣ страсть къ театру, которую онъ старался скрыть отъ воспитателя, что онъ выучилъ видѣнныя въ театрѣ пьесы наизусть, находя время, потихоньку отъ воспитателя, разыгрывать всѣ роли передъ самимъ собой, для чего запирался въ своей комнатѣ, или уходилъ въ пустые, холодные антресоли.

Точно также тайно отъ своего аргуса, и не подозрѣвавшаго, что такое, независимо отъ его собственной воспитательской воли, творится въ душѣ подроставшаго воспитанника, поддавшагося влече-

нію натуры, Аксаковъ сталъ сближаться съ своекоштнымъ ученикомъ, страстнымъ обожателемъ ненавистнаго Карташевскому Карамзина, Александромъ Панаевымъ, издававшимъ въ гимназіи рукописный журналъ «*Аркадскіе пастушки*». Впрочемъ, какъ ни хотѣлось Аксакову самому участвовать въ этой безобидной забавѣ, но, боясь Карташевскаго, онъ только сталъ пописывать потихоньку, для себя, храня тайну даже отъ Панаева. Въ эту же зиму 1804 года, въ гимназіи, гдѣ, съ поступленіемъ директоромъ Яковкина, стало вдругъ свободнѣе и оживленнѣе, составился благородный спектакль, возбудившій въ Аксаковѣ непреодолимое желаніе испытать свои силы на сценѣ; но онъ не посмѣлъ и заикнуться объ этомъ Карташевскому.

Вдругъ въ декабрѣ того же года получилось въ Казани оффиціальное извѣстіе, что 5-го Ноября подписанъ Императоромъ Александромъ Первымъ уставъ вновь устраиваемаго Казанскаго Университета, о чемъ уже давно носились слухи, и въ Казань пріѣхалъ новый попечитель, С. Я. Румовскій. Это событіе «дней Александровыхъ прекраснаго начала», возвѣстившаго благое намѣреніе новаго правительства дать просвѣщеніе даже такой полудикой окраинѣ, какъ нашъ тогдашній востокъ, радостно взволновало весь городъ и сразу подняло духъ общества, и особенно гимназіи, со всѣми ея наставниками и воспитанниками. Но ни профессоровъ, ни студентовъ не было: приходилось, во что бы то ни стало, создать тѣхъ и другихъ. Конференція изъ директора и всѣхъ старшихъ учителей, собиравшаяся подъ предсѣдательствомъ Румовскаго, привезшаго съ собою двухъ профессоровъ, Германа и Цеплина, положила остальныхъ набрать изъ учителей, причемъ Карташевскій назначался адъюнктъ-профессоромъ математики, а Яковкинъ прямо ординарнымъ профессоромъ исторіи и инспекторомъ; что же касается студентовъ, то положили сдѣлать таковыми всѣхъ наличныхъ гимназистовъ старшаго класса изъ второгоднихъ, за исключеніемъ двухъ

или трехъ завзятыхъ лѣнтяевъ. «Въ строгомъ смыслѣ,—говоритъ Аксаковъ,—человѣкъ десять, въ томъ числѣ и я (Аксаковъ изъ первогоднихъ попалъ, вѣроятно, по просьбѣ Карташевскаго), не стоили этого назначенія по неимѣнію достаточныхъ знаній и по молодости; не говорю уже о томъ, что никто не зналъ по латыни, и весьма немногіе знали нѣмецкій языкъ, между тѣмъ какъ съ осени нѣкоторыя лекціи необходимо было слушать на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Но тѣмъ не менѣе, шумная радость охватила всѣхъ. Всѣ обнимались, поздравляли другъ друга и давали обѣщаніе съ неутолимымъ рвеніемъ заняться тѣмъ, чего намъ не доставало, такъ, чтобы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ не стыдно было называться настоящими студентами. Сейчасъ же устроили особый латинскій классъ, и большая часть будущихъ студентовъ съ увлеченіемъ принялась за латынь». Одинъ только Аксаковъ не послѣдовалъ похвальному примѣру: какое то глупое, какъ говоритъ онъ самъ, предубѣжденіе къ латинскому языку, поставило его въ сторонѣ отъ общаго увлеченія, и Карташевскій, самъ сильный латинистъ, позволилъ Аксакову латыни не учиться.

«Нельзя безъ удовольствія и безъ уваженія вспомнить,—разсказываетъ Аксаковъ,—какою любовью къ просвѣщенью, къ наукамъ было одушевлено тогда старшее юношество гимназіи. Занимались не только днемъ, но и по ночамъ. Всѣ похудѣли, всѣ перемѣнились въ лицѣ, и начальство принуждено было принять дѣятельныя мѣры для охлажденія такого рвенія. Дежурный надзиратель всю ночь ходилъ по спальнямъ, тушилъ свѣчки и запрещалъ говорить, потому что и въ потьмахъ повторяли наизусть другъ другу отвѣты въ пройденныхъ предметахъ. Учителя были также подвигнуты такимъ горячимъ рвеніемъ учениковъ, и занимались съ ними не только въ классахъ, но всякое свободное время, по всѣмъ праздничнымъ днямъ. Григорій Ивановичъ читалъ на дому для лучшихъ математическихъ студен-

товъ прикладную математику; его примѣру послѣдовали и другіе учителя. Такъ продолжалось и въ первый годъ послѣ открытія университета. Прекрасное, золотое время! Время чистой любви къ знанію, время благороднаго увлеченія! Я могу безпристрастно говорить о немъ, потому что не участвовалъ въ этомъ высокомъ стремленіи, которое воодушевляло преимущественно казенныхъ воспитанниковъ и пансіонеровъ: своекоштные какъ то мало принимали въ этомъ участія, и мое ученіе шло своей обычной чередой, подъ руководствомъ моего воспитателя».

Такимъ образомъ, даже теперь, когда мальчику, переходившему уже въ юношество, представлялась возможность хоть сколько нибудь стать ближе къ товарищамъ, проникнуться освѣжающимъ духомъ общественности, которой ему такъ недоставало, наконецъ, просто хоть сколько нибудь подготовиться къ слушанію болѣе серьезнаго курса, и тутъ тотъ же Карташевскій упрямо остался вѣренъ своему плану особаго образованія *общаго*, *легкаго*, *литературнаго*,—плану, созданному собственнымъ умомъ его, Г. Карташевскаго, чтобы не обезпокоить маменьки чрезмѣрнымъ трудомъ сына. Впрочемъ, такой планъ и веденіе ученика вполнѣ согласовались съ желаніемъ родителей Аксакова, не только не предназначавшихъ сына никогда къ ученому званію, но даже питавшихъ къ послѣднему предубѣжденіе. «А между тѣмъ,—съ грустью вспоминаетъ Аксаковъ,—у меня было не одно только страстное увлеченіе словесностью и театромъ. Мнѣ кажется, что и натуральная исторія точно также увлекла бы меня, а можетъ быть, я и сдѣлалъ-бы что нибудь на этомъ поприщѣ.»

Но ни родители, не воспитатель не провидѣли въ ребенкѣ его разностороннихъ способностей и, не вѣдая сами, что творили, послѣдовательно лишали его способовъ идти туда, куда влекло его призваніе.

Уже 14 Февраля 1805 года университетъ от-

крылся съ шестью преподавателями и менѣе, чѣмъ съ 40, неокончившими даже гимназическаго курса, юными студентами, изъ коихъ Аксакову было всего неполныхъ четырнадцать лѣтъ. Воспитанникамъ, назначеннымъ въ студенты, не произвели даже обыкновенныхъ экзаменовъ, ни гимназическихъ, ни университетскихъ, а напротивъ, все время благоразумно употребили на продолженіе ученія, приготовительнаго для слушанія университетскихъ лекцій. Не позволилъ Карташевскій Аксакову даже дождаться перваго университетскаго акта, на которомъ должны были торжественно провозгласить имена студентовъ и раздать имъ шпаги, и за нѣсколько дней до него отправилъ мальчика съ неизмѣннымъ дядькой Евсеичемъ въ деревенскую глушь къ родителямъ. Родители плакали, радовались, а новоиспеченный студентъ мечталъ о собираніи бабочекъ, разъѣзжая въ мундирѣ, сшитомъ матерью, жалѣвшей, что еще нѣтъ шпаги, по знакомымъ и роднѣ, потѣшая всѣхъ «чтеніемъ, или, лучше сказать, разыгрываніемъ трагедій, комедій и даже оперъ, въ которыхъ онъ отвѣчалъ за всѣхъ актеровъ и актрисъ: картавилъ, гнусилъ, пищалъ, басилъ и пѣлъ на всѣ голоса, даже иногда костюмируясь съ помощью домашней рухляди.»

VII.

Жалокъ былъ въ первые годы своего существованія этотъ импровизированный университетъ съ профессорами изъ учителей и тридцатью пятью гимназистами, произведенными въ студенты. Не было даже и отдѣльнаго помѣщенія, такъ что пришлось отдѣлить для университета часть гимназическаго зданія для аудиторій, зала, студенческихъ комнатъ и столовой. Не было и раздѣленія на факультеты, а нѣкоторые студенты, въ томъ числѣ

и Аксаковъ, дослушивали, рядомъ съ университетскимъ, гимназическій курсъ. Читались: и прикладная математика съ опытной физикой, и логика съ философіей, которую преподавалъ Левитскій, державшій пансіонеровъ, напивавшійся въ одиночку каждый вечеръ и вскорѣ умершій отъ пьянства, и русская исторія, географія и статистика, и всеобщая исторія и натуральная, и латинская и греческая литература, и древности, и особо латинская и греческая словесность, и химія съ анатоміей; какой-то толстякъ Бюнеманъ читалъ по французски право естественное, политическое и народное; потомъ прибавилось еще два профессора нѣмца, русскій адъюнктъ по медицинской части, Каменскій, и новый профессоръ россійской словесности Городчаниновъ, человѣкъ крайне бездарный и отсталый, надъ которымъ студенты потѣшались—словомъ, наукъ было вполнѣ достаточно. Но, какъ видно, пылъ молодежи, такъ энергично взявшейся было за науку при полученіи извѣстія объ открытіи университета, простылъ, и наукой занимались мало и совсѣмъ по школьнически, кромѣ математики, въ которой, благодаря Карташевскому, успѣхи у иныхъ были блистательны до того, что одинъ изъ студентовъ, по оставленіи послѣднимъ каѳедры, даже временно занималъ его мѣсто. По крайней мѣрѣ, студентамъ ученая карьера улыбалась не особенно, и многіе, стремясь въ военную или статскую службу, поспѣшили оставить университетъ, не кончивъ курса.

Независимо отъ наукъ, двѣ страсти увлекли собой студенческую молодежь: театръ и литература, и обѣимъ, особенно первой, отдался Аксаковъ со всею горячностью своей, легко увлекающейся, натуры.

Въ первый же годъ существованія университета на публичной казанской сценѣ, и прежде охотно посѣщаемой юношествомъ, появился извѣстный московскій актеръ Плавильщиковъ, до того увлекшій студентовъ, и особенно Аксакова, что они положили непремѣнно устраивать домашніе спектакли и въ университетѣ. Больше всѣхъ хлопоталъ объ этомъ

Аксаковъ, которому Плавильщиковъ, отличавшійся въ «*Эдипъ въ Аѳинахъ*,» Озерова и въ «*Сынъ любви*», Коцебу, открылъ въ театральномъ искусствѣ цѣлый новый міръ, показавъ значеніе настоящей декламаціи, сильной своей простотой и естественностью. Юноша съ жаромъ принялся за радикальную переработку своей дикціи, въ чемъ, впрочемъ, помогалъ ему теперь и Карташевскій, и вскорѣ выученною ролью Пастора изъ «Сына любви» привелъ въ восторгъ всѣхъ товарищей. Послѣ многихъ хлопотъ и спектаклей въ частныхъ квартирахъ, между прочимъ, у ректора Яковкина, наконецъ не только устроился въ одномъ изъ классовъ постоянный театръ, но даже сочинился особый театральный уставъ, по которому первымъ директоромъ молодой труппы былъ единодушно выбранъ Аксаковъ. Тутъ-то и развернулись, на модномъ тогда репертуарѣ изъ пьесъ Озерова; Коцебу и нѣкоторыхъ другихъ, большею частью плохихъ переводныхъ или оригинальныхъ, недюжинныя сценическія и декламаторскія способности юноши, котораго, по его собственному признанію, истинное призваніе была—сцена. Ее любилъ Аксаковъ страстно всю жизнь, его совѣтамъ и руководству не мало обязанъ московскій театръ въ лучшую пору своего существованія; и такіе артисты, какъ Щепкинъ и Мочаловъ, высоко цѣнили его мнѣнія и указанія. Эта благородная затѣя не безъ пользы и съ великимъ для юности наслажденіемъ давала тогдашней молодежи разумное наполненіе досуга, отвлекая отъ удовольствій грубыхъ и низменныхъ. Не было только, къ сожалѣнію, у юношей разумныхъ руководителей, которые могли бы указать на лучшія пьесы иностраннаго художественнаго репертуара, напр. Шекспира, Шиллера, Лессинга, Бомарше, Мольера и др., которые могли бы способствовать большему развитію здороваго эстетическаго вкуса. Впрочемъ, одинъ опытъ въ этомъ направленіи сдѣланъ былъ: уже совсѣмъ почти приготовили къ постановкѣ Шиллеровскихъ

«*Разбойниковъ*,» но за недѣлю до представленія высшее начальство играть ихъ запретило.

Поссорившись съ товарищами изъ за раздачи ролей, Аксаковъ на мѣсяцъ вышелъ изъ группы и предался не на долго страсти къ собиранію бабочекъ, и даже анатоміи, которую, впрочемъ, бросилъ, какъ скоро дѣло дошло до анатомированія трупа, и болѣе продолжительно—литературѣ. Бо́льшее сближеніе съ товарищемъ Панаевымъ, поклонникомъ сентиментальныхъ романовъ, повело къ увлеченію романами: «Мальчикъ у ручья», Коцебу, и «Природа и любовь», Лафонтена, за что сильно напустился на Аксакова его воспитатель, и образованію даже особаго товарищескаго литературнаго кружка изъ трехъ лицъ: Аксакова, А. Панаева и Перевощикова. Они переводили непереведенныя Карамзинымъ повѣсти Мармонтеля, сочиняли стихами и прозой и взаимно читали другъ другу свои переводы и сочиненія, а съ 1806 г. даже затѣяли особое рукописное изданіе «*Журналъ нашихъ занятій*» съ сентиментальнымъ эпиграфомъ: «Многіе пишутъ для славы, мы пишемъ для удовольствія; пріятная улыбка на устахъ нашихъ товарищей и друзей есть для насъ драгоцѣнный вѣнокъ награды». Но, какъ пустымъ баловствомъ и самоуслажденіемъ былъ и этотъ наивный журналецъ, такъ же мало сколько-нибудь серьезнаго представило и литературное общество подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго намъ уже автора Введенія—Ибрагимова, находившаго, что «Карамзинъ въ цѣломъ для учениковъ гимназіи неприличенъ». Каждую недѣлю по субботамъ собирались члены, студенты и два учителя, и читали свои сочиненія въ прозѣ и стихахъ, причемъ дѣлались исправленія, если сочинитель на это соглашался; споровъ не было никогда, и сочиненія или переводы вписывались въ особую книгу. Замѣчательно, что уже въ это время пятнадцатилѣтній Аксаковъ обнаруживаетъ пристрастіе къ старому слогу и нерасположеніе къ увлеченію Карамзинымъ своего друга Панаева. «Я,

сколько могъ,—говоритъ онъ,—изгонялъ изъ «*Журнала нашихъ занятій*» идиллическое направленіе моего друга и слѣпое подражаніе Карамзину. Я въ то время боролся изо всѣхъ силъ противу этого подражанія, подкрѣпляемый книгою Шишкова «*Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ*». Это пристрастіе въ такомъ юномъ возрастѣ къ отсталой литературѣ ложно-классической, изъ коей первымъ писателемъ считалъ Аксаковъ Ломоносова, и особенно къ Шишкову съ его гоненіемъ на Карамзина, встрѣтило горячую симпатію въ «*шишковистѣ*» профессорѣ Городчаниновѣ, очень подружившемся, вслѣдствіе этого, съ такимъ благонравнымъ юношею, но возбудило общія насмѣшки товарищей, которые не давали Аксакову проходу. «Нѣсколько дней сряду—разсказываетъ онъ,—большая часть студентовъ встрѣчала меня низкими поклонами и поздравленіями, что я нашелъ себѣ достойнаго единомышленника, т. е. противника Карамзинскому направленію и обожателя Шишкова; каждый спрашивалъ о здоровьѣ Городчанинова, моего друга и покровителя, давно ли я съ нимъ видѣлся, когда увижусь, и пр. и пр.». Такимъ образомъ, уже въ ранней юности, Аксаковъ оказывается не на сторонѣ прогрессивной части общества, отъ которой шло передовое литературное развитіе Россіи; позади же остался онъ и сорокъ лѣтъ позже, когда повелъ за собою общество Бѣлинскій и др. писатели тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Къ такому, на первый взглядъ, странному въ юношѣ консерватизму, враждебному вѣянію времени, какъ мы видѣли, совершенно естественно и послѣдовательно подготовили Аксакова какъ условія жизни домашней, такъ и воспитаніе въ гимназіи. Произвести же переворотъ въ этой даровитой натурѣ, безъ всякаго почти образованія, не могъ и университетъ, едва вышедшій изъ пеленокъ и мало чѣмъ отличавшійся отъ гимназіи.

Изъ событій жизни Аксакова въ этотъ университетскій періодъ кромѣ увлеченія театромъ и ли-

тературой, выдаются два обстоятельства: во первыхъ, разрывъ съ Карташевскимъ, и во вторыхъ, полученіе родителями наслѣдства отъ двоюродной бабушки, Надежды Ивановны Куроѣдовой.

Какъ ни подчинилъ своей власти и вліянію Карташевскій мальчика, но, по мѣрѣ того, какъ послѣдній обращался въ юношу, это подчиненіе должно было становиться Аксакову тягостнѣе, тѣмъ болѣе, что сухость педагога не могла привязывать къ послѣднему особенно крѣпко. Нѣсколько случаевъ, гдѣ обычная рѣзкость Карташевскаго взорвала юношу, которому шелъ уже шестнадцатый годъ, повела къ быстрому и рѣзкому охлажденію съ обѣихъ сторонъ, и, наконецъ, къ тому, что Карташевскій самъ предложилъ воспитаннику разъѣхаться и поселиться уже одному или со своимъ пріятелемъ Александромъ Панаевымъ, на что, вслѣдствіе резоновъ и обѣщаній воспитателя остаться другомъ Аксаковыхъ, согласилась и мать. Впрочемъ, юношу поселили все-таки не одного, и не съ Панаевымъ, а помѣстили въ пансіонъ адъюнктъ-профессора философіи и логики Левицкаго, человѣка неглупаго, у котораго Аксаковъ прожилъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ, и осенью 1805 года, когда уже Карташевскаго въ Казани не было, нанялъ себѣ особый флигелекъ, близехонько отъ театра, и «въ первый разъ сталъ вести жизнь независимую и самобытную». Тутъ то на свободѣ и началось болѣе близкое общеніе съ товарищами и занятія литературой, особенно театромъ.

Но самостоятельная жизнь продолжалась недолго. Въ 1806 г. скончалась та самая богатая бабушка, Надежда Ивановна Куроѣдова, къ которой Аксаковъ писалъ почтительныя письма, и, пріѣхавъ на лѣтнюю вакацію къ родителямъ въ деревню, онъ узналъ великій секретъ, сообщенный ему таинственно ночью, когда всѣ уже спали глубокимъ сномъ, что бабушка, умирая, отказала имъ всѣ свои имѣнія и имущество, такъ что теперь они, Аксаковы, богатые люди. Перемѣна состоянія, впро-

чемъ, не произвела на юношу ни малѣйшаго впечатлѣнія. Онъ вернулся въ университетъ все тѣмъ же беззаботнымъ, «очень-очень небогатымъ» студентомъ, и даже долго забывалъ сообщить новость своему другу Панаеву. Но родители заговорили о переѣздѣ на зиму въ Казань, на будущій годъ, на зиму-же, въ Москву, а тамъ, лѣтомъ, въ Петербургъ, для опредѣленія сына на службу. Не предполагая, видно, для Аксакова большаго проку отъ казанскихъ наукъ, Карташевскій, служившій чиновникомъ въ Петербургѣ, посовѣтовалъ шестнадцатилѣтняго Сергѣя Тимоѳеевича въ слѣдующемъ, 1807 г. изъ университета взять, обѣщая доставить ему мѣсто въ Комиссіи Составленія Законовъ, къ чему Аксаковъ, впрочемъ, отнесся также довольно равнодушно, призванія къ службѣ никакого не чувствуя. Вскорѣ былъ нанятъ въ Казани большой барскій домъ, куда и переѣхали родители, и гдѣ въ мезонинѣ помѣстился и юноша.

«Наступилъ, — разсказываетъ Аксаковъ,—1807 годъ. Шла рѣшительная война съ Наполеономъ. Впервые учредилась милиція по всей Россіи; молодежь бросилась въ военную службу, и нѣкоторые изъ пансіонеровъ, особенно изъ своекоштныхъ студентовъ, подали просьбы объ увольненіи ихъ изъ университета для поступленія въ дѣйствующую армію, въ томъ числѣ и мой другъ, Александръ Панаевъ съ старшимъ братомъ своимъ, нашимъ лирикомъ, Иваномъ Панаевымъ. Краснѣя, признаюсь, что мнѣ тогда и въ голову не приходило «летѣть съ мечомъ на поле брани», но старшіе казенные студенты, всѣ черезъ годъ назначаемые въ учителя, рвались стать въ ряды нашихъ войскъ, и поприще ученой дѣятельности, на которое они охотно себя обрекали, вдругъ имъ опротивѣло; обязанность прослужить шесть лѣтъ по ученой части—вдругъ показалась имъ несноснымъ бременемъ. Сверхъ всякаго ожиданія, въ непродолжительномъ времени, исполнилось ихъ горячее желаніе: казеннымъ студентамъ позволено было вступать въ военную

службу. Это произошло уже послѣ моего выхода изъ университета. Многихъ замѣчательныхъ людей лишилась наука, и только нѣкоторые остались вѣрны своему призванію».

Въ Январѣ 1807 года подалъ Аксаковъ просьбу объ увольненіи изъ университета для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, и тотчасъ-же пересталъ ходить на лекціи, но все-таки каждый день ходилъ въ университетъ, проводя все свободное время въ горячихъ бесѣдахъ съ товарищами, причемъ даже разыгрывались иногда совсѣмъ ребячески сцены изъ Шиллеровскихъ *Разбойниковъ:* актера, игравшаго Карла Моора, привязывали въ залѣ, вмѣсто дерева, къ колонкѣ; другой — Швейцеръ, отвязывалъ его, и всѣ клялись умереть за своего атамана.

«Въ мартѣ, — разсказываетъ Аксаковъ, — получилъ я аттестатъ, по истинѣ не заслуженный мною. Мало вынесъ я научныхъ свѣдѣній изъ университета, не потому, что онъ былъ еще очень молодъ, неполонъ и неустроенъ, а потому, что я былъ слишкомъ молодъ и дѣтски увлекался въ разныя стороны страстностью моей природы. Во всю мою жизнь чувствовалъ я недостаточность этихъ научныхъ свѣдѣній, особенно положительныхъ знаній, и это много мѣшало мнѣ и въ служебныхъ дѣлахъ, и въ литературныхъ занятіяхъ».

А между тѣмъ, въ аттестатѣ были прописаны, между прочимъ, такія науки, которыя Аксаковъ зналъ только по наслышкѣ, и какихъ въ университетѣ еще и не преподавали. Этого мало,—въ аттестатѣ было сказано, что въ нѣкоторыхъ «дѣлалъ онъ значительные успѣхи», а нѣкоторыми занимался съ похвальнымъ прилежаніемъ.

VIII.

Три года, съ 1808 по 1811 г., проведенные Аксаковымъ въ Петербургѣ, на службѣ, переводчикомъ въ Комиссiи Составленiя Законовъ, куда опредѣлилъ его, какъ обѣщалъ, бывшiй его воспитатель, принадлежатъ къ той эпохѣ пробудившейся русской жизни, которую Пушкинъ знаменательно назвалъ «началомъ прекрасныхъ Александровыхъ дней.» Это пробужденiе особенно замѣтно было въ Петербургѣ, гдѣ кипѣла въ то время, вызванная самимъ правительствомъ и патрiотическимъ чувствомъ, проснувшемся подъ влiянiемъ наполеоновскихъ войнъ, законодательная дѣятельность, въ просвѣтительномъ смыслѣ, и чрезвычайно оживилась литература путемъ, особенно переводовъ, знакомившая публику съ лучшими историческими, политическими и политико-экономическими сочиненiями, касавшимися разныхъ сторонъ дѣйствительной жизни. Классицизмъ съ дряхлѣвшимъ Державинымъ и Шишковымъ во главѣ, силившимся всячески противодѣйствовать карамзинскому литературному содержанiю и языку, доживалъ свои послѣднiе дни; на горизонтѣ русской поэзiи уже всходили такiя свѣтила, какъ Жуковскiй и Батюшковъ, а въ родовомъ помѣстьѣ выросталъ уже генiальный мальчикъ Пушкинъ. Въ обществѣ велись разговоры о реформахъ, обсуждались мѣры и дйѣствiя правительства и администрацiи, книги серьезнаго содержанiя появились въ такихъ домахъ, гдѣ недавно упивались Херасковымъ, Сумароковымъ, Ломоносовымъ, Державинымъ, или произведенiями шаловливой французской музы, и даже какой нибудь невѣжда Онѣгинъ, чтобы не ударить въ грязь лицомъ въ гостиныхъ, обзавелся Адамомъ Смитомъ, и кое что изъ него прочиталъ. Изъ присутственныхъ же мѣстъ того времени Коммиссiя Составленiя Законовъ сосредоточивала въ себѣ дѣятельность наиболѣе интересную

и живую, особенно когда директоромъ ея былъ сдѣланъ М. М. Сперанскій, придавшій ходу дѣлъ необыкновенное оживленіе.

Но все это просвѣтительное общественное движеніе прошло мимо Аксакова, нисколько не повліявъ на его умственное и общественное развитіе. Не говоря уже о крайней молодости (всего шестнадцать лѣтъ было ему при выходѣ изъ университета) и малой образованности, онъ, не отличаясь любознательностью, въ смыслѣ научномъ, или общественномъ, былъ еще чрезвычайно наивенъ и прекраснодушенъ до полнаго неумѣнья различать людей. Это было какое-то необычайно чистое, цѣломудренное, послушное старшимъ, дитя природы и помѣщичьей семьи, чуждое всякимъ постороннимъ вліяніямъ,— дитя, одаренное самороднымъ, но неразвитымъ умомъ и талантами, никѣмъ не культивированными и здраво не направленными. Можно даже сказать, что у Аксакова вовсе не было юности, той юности, которая, полная избытка жизни, кипучихъ силъ, стремящихся себя чѣмъ нибудь проявить, всей душой предается увлеченіямъ, хотя бы и не совсѣмъ одобряемымъ разсудительной мудростью солидныхъ людей, влюбляется, мечтаетъ перевернуть міръ сообразно идеалу, протестуетъ, становясь на сторону всѣхъ, сочувствующихъ новымъ теченіямъ мысли, ошибается и платится за свои ошибки; бросается на все новое, въ искусствѣ, наукѣ,—словомъ, живетъ полною жизнью, чтобы, перебродивъ, остепениться и уже прочно и сознательно выбрать себѣ опредѣленную дѣятельность по сердцу.

Этой то юности у Аксакова и не было, а было только одно дѣтство, продолжавшееся довольно долго, потомъ прямо перешедшее въ спокойную зрѣлость, а тамъ и старость, жившую, кромѣ настоящаго, сладкими грезами о годахъ этого невозвратнаго прошедшаго, милаго, дѣтства.

Развѣ не настоящимъ дѣтствомъ отзываются эти школьническія, ребяческія выходки, правду сказать, даже довольно нехорошаго свойства, какъ

напр., мистификація, продѣланная надъ своимъ знакомымъ, весьма почтеннымъ старикомъ мартинистомъ Романовскимъ и цѣлымъ кружкомъ массоновъ съ извѣстнымъ Лабзинымъ во главѣ, поддѣлкою несуществующей мистической рукописи, яко бы написанной передъ смертью сумашедшимъ самоубійцей Вольфомъ (*Встрѣча съ мартинистами*); или подзадориваніе чудака Шишкова испортить драгоцѣнный альбомъ дѣвицы Турсуковой, исписанный французскими автографами разныхъ знаменитостей русскихъ и иностранныхъ.

Вотъ вслѣдствіе всѣхъ этихъ-то, сейчасъ приведенныхъ соображеній относительно характера нашего писателя въ молодые годы, и произошло съ нимъ слѣдующее. Пріѣхавъ въ 1808 году въ Петербургъ, вмѣстѣ со своими родителями, съ которыми онъ и прожилъ до ихъ отъѣзда цѣлыхъ полтора мѣсяца, Аксаковъ, сдѣлавъ въ мундирѣ необходимые визиты къ ближайшимъ знакомымъ родителей, въ первый же день отправился къ извѣстному тогда актеру Я. Е. Шушерину, къ которому у него было рекомендательное письмо отъ нѣкоего московскаго театральнаго мецената купца Какуева. Шушеринъ, рисующійся по воспоминаніямъ самого Аксакова, человѣкомъ довольно узкимъ по развитію внѣ своей спеціальности, малообразованнымъ, мелко самолюбивымъ, двуличнымъ и искательнымъ, заинтересовался талантомъ юнаго студентика, для него не безполезнаго по своимъ связямъ и положенію, и сталъ проводить съ нимъ цѣлые вечера, особенно, когда родители уѣхали, и Аксаковъ переѣхалъ съ младшимъ братомъ на особую квартиру, по близости къ Шушерину. Кромѣ воскресеній, въ которыя Аксаковъ обѣдалъ у Романовскихъ, старыхъ знакомыхъ отца, по крайней мѣрѣ до знакомства съ Шишковымъ, послѣдовавшаго позже, у этого Шушерина, или въ театрѣ, онъ проводитъ буквально все, свободное отъ службы, время; такъ что внѣ интересовъ чисто театральныхъ со всѣми сплетнями и мелочью, нѣтъ у Аксакова рѣшительно

накакихъ другихъ. Шушеринъ слушаетъ декламацію юноши, учитъ его читать и играть, самъ приводитъ его въ восторгъ своимъ чтеніемъ, ходитъ съ нимъ въ театръ смотрѣть знаменитую Жоржъ, игру которой оба потомъ разбираютъ; знакомитъ его съ другими актерами,—словомъ, въ лицѣ своемъ представляетъ Аксакову, такъ сказать, цѣлую театральную академію, но довольно таки узенькаго характера: по крайней мѣрѣ, изъ воспоминаній нигдѣ не видно, чтобы здѣсь трактовалось о чемъ нибудь, что выходило бы изъ круга ложноклассическаго репертуара или сентиментальной «*коцебятины*». И если Аксаковъ и пріобрѣлъ отъ Шушерина познанія въ декламаціи и сценическомъ искусствѣ, несомнѣнно развившіяся въ молодомъ человѣкѣ подъ вліяніемъ талантливаго артиста, то съ величайшими драматургами, какъ Шекспиръ, Лессингъ, Шиллеръ и др., тѣмъ болѣе древними, Шушеринъ, по своему малому образованію, познакомить его не могъ. Замѣчательно еще то обстоятельство, что Шушеринъ, какъ трагикъ, повидимому, почти не обращалъ вниманія на комедію, такъ что Аксаковъ мало могъ ознакомиться даже съ Мольеромъ, и держался на репертуарѣ пьесъ неестественныхъ, приподнятыхъ по тону и языку.

Единственный домъ, гдѣ, до знакомства съ Шишковымъ, Аксаковъ бывалъ по воскресеньямъ, былъ домъ давнишняго уфимскаго знакомаго его родителей идеально-честнаго, суроваго старика, начальника хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ, статскаго генерала, мартиниста Романовскаго, которому, кажется, родители поручили особый надзоръ надъ нравственностью сына. Домъ этотъ, чуждый интересовъ дня, и жившій тѣсной семейною жизнью и интересами масонскими, былъ довольно скучный и очень не нравился Аксакову, особенно, когда старикъ вздумалъ исподоволь посвящать юношу въ масонскую литературу, чтобы сдѣлать его своимъ прозелитомъ. Впрочемъ, юноша не мало убилъ времени на домашнее чтеніе мистическаго вздора

въ родѣ *Путешествія младшаго Костиса*, *Приключеній по смерти* и *Сіонскаго Вѣстника*, но такъ какъ и вообще, по собственному его признанію, «трудъ и сухость отвлеченной мысли были ему скучны и тяжелы», то тѣмъ болѣе опротивѣли ему эти книги, гдѣ онъ ровно ничего не понималъ. Познакомилъ было Аксакова Романовскій съ главой мартинистовъ Лабзинымъ, которому семнадцатилѣтній юноша, не замедлившій съ перваго-же разговора о литературѣ «высказать съ горячностью свое русское направленіе въ словесности и вообще въ образѣ мыслей», очень понравился, но знакомство это вскорѣ прекратилось, такъ какъ нехорошая, хотя и неоткрывшаяся, шутка надъ обласкавшими Аксакова стариками, Лабзинымъ и Романовскимъ, а также и сближеніе съ Шишковымъ, почти прекратила посѣщеніе этого дома Аксаковымъ, которому въ глубинѣ души очень было стыдно за свой поступокъ.

Но особенно характерно въ такомъ юношѣ сближеніе со старикомъ А. С. Шишковымъ, поглотившее все внѣслужебное время Аксакова. Любопытно и самое начало знакомства. «Не имѣя никакой протекціи и даже почти никакого знакомства въ Петербургѣ,—разсказываетъ авторъ Воспоминаній,—я попалъ на службу, единственно благодаря Карташевскому, также служившему въ Коммиссіи. Я жилъ въ Петербургѣ уединенно также, какъ и въ университетѣ, мало встрѣчая сочувствія къ моимъ убѣжденіямъ и обнаруживая ихъ еще менѣе. Я видался только съ Шушеринымъ, и въ нашихъ бесѣдахъ преимущественно дѣло шло о театрѣ и сценическомъ искусствѣ». Служилъ Аксаковъ уже полгода, но не сошелся ни съ кѣмъ изъ сослуживцевъ. Повидимому, юноша былъ забытъ, занимаясь переводами съ французскаго бумагъ своего недалекаго начальника нѣмца Розенкампфа, при которомъ и коммиссія-то сама едва не была забыта. Но вотъ директоромъ назначили знаменитаго Сперанскаго, и дѣло закипѣло. Аксакова причислили къ пись-

моводству. «Это передвиженіе, — говоритъ онъ,— было для меня счастливымъ событіемъ». Можно подумать, что самолюбіе молодаго человѣка было этимъ польщено; что ему представилась впереди дѣятельность болѣе производительная, чѣмъ переводъ нелѣпыхъ бумагъ,—ничуть не бывало. Онъ познакомился съ первымъ и единственнымъ изъ сослуживцевъ Александромъ Ивановичемъ Казначеевымъ. Услышавъ разъ на службѣ, какъ тотъ очень рѣзко бранилъ школу карамзинскихъ послѣдователей и критиковалъ переписываемую имъ бумагу Сперанскаго за иностранныя слова и обороты:— «Меня такъ и обняло,—восклицаетъ черезъ пятнадцать лѣтъ писатель, — чѣмъ-то роднымъ, такъ и повѣяло духомъ Шишкова». Для объясненія такого пристрастія Аксакова къ этому своеобразному руссофилу и поклоннику русскаго народа, которому Шишковъ отказывалъ въ просвѣщеніи и напечаталъ впослѣдствіи, что мужику не нужно знать грамотѣ, позволимъ себѣ привести весьма характерную выписку изъ воспоминаній.

«Въ 1806 году я былъ своекоштнымъ студентомъ Казанскаго университета. Мнѣ только-что исполнилось пятнадцать лѣтъ. Несмотря на такую раннюю молодость, у меня были самостоятельныя и, надо признаться, довольно дикія, убѣжденія; напримѣръ: я не любилъ Карамзина и, съ дерзостью самонадѣяннаго мальчика, смѣялся надъ слогомъ и содержаніемъ его мелкихъ прозаическихъ сочиненій! Я терпѣлъ жестокія гоненія отъ товарищей, которые всѣ были безусловными поклонниками и обожателями Карамзина. Въ одно прекрасное утро, передъ началомъ лекціи (т. е. до восьми часовъ), входилъ я въ спальныя комнаты казенныхъ студентовъ. Вдругъ поднялся шумъ и крикъ: «Вотъ онъ, вотъ онъ!» и толпа студентовъ окружила меня. Всѣ въ одинъ голосъ осыпали меня насмѣшливыми поздравленіями, что «нашелся такой-же уродъ, какъ я и профессоръ Городчаниновъ, лишенный отъ природы вкуса и чувства

къ прекрасному, который ненавидитъ Карамзина и ругаетъ эпоху, произведенную имъ въ литературѣ; закоснѣлый славяноруссъ, старовѣръ и гасильникъ, который осмѣлился напечатать свои старозавѣтныя остроты и насмѣшки, и надъ кѣмъ-же? Надъ Карамзинымъ, надъ этимъ геніемъ, который пробудилъ къ жизни нашу тяжелую, сонную словесность!...» Народъ былъ молодой, горячій и почти каждый выше и старше меня: одинъ обвинялъ, другой упрекалъ, третій возражалъ, какъ будто на мои слова, прибавляя: «а, ты теперь думаешь, что ужъ твоя взяла!» или: «а, ты теперь, пожалуй, скажешь: вотъ вамъ доказательство!» и проч. и проч. Изумленный и даже почти испуганный, я не говорилъ имъ ни слова, и, несмотря на то, чуть-чуть не побили меня за дерзкія рѣчи. Я не скоро могъ добиться, въ чемъ состояло дѣло. Наконецъ, загадка объяснилась: наканунѣ вечеромъ, одинъ изъ студентовъ получилъ книгу Александра Семеновича Шишкова: «*Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ*», которую читали вслухъ, напролетъ всю ночь, и только-что кончили, и которая привела молодежь въ бѣшенство. Вспомнили сейчасъ обо мнѣ, вообразили, какъ я этому обрадуюсь, какъ подниму носъ,—и весь гнѣвъ съ Шишкова упалъ на меня. Среди крика и шума, по счастью, раздался звонокъ, и всѣ поспѣшили на лекціи, откуда я ушелъ домой обѣдать. Послѣ обѣда я прошелъ прямо въ аудиторію, а въ шесть часовъ вечера, не заходя къ студентамъ, что прежде всегда дѣлалъ, отправился домой. Въ продолженіе сутокъ буря утихла, и на другой день никто не нападалъ на меня серьезно. Я выпросилъ почитать книгу Шишкова у счастливаго ея обладателя, и черезъ мѣсяцъ выписалъ ее изъ Москвы, и также «Прибавленіе къ разсужденію о старомъ и новомъ слогѣ». Эти книги совершенно свели меня съ ума. Пятнадцатилѣтнему юношѣ пріятно увидѣть подтвержденіе собственныхъ мнѣній, которыя, до тѣхъ поръ, никѣмъ не уважались, надъ

которыми смѣялись всѣ, и которыя часто поддерживалъ онъ самъ уже изъ одного упрямства: точно въ такомъ положеніи находился и я. Можно себѣ представить, какъ я обрадовался книгѣ Шишкова, человѣка уже немолодаго, достопочтеннаго адмирала, извѣстнаго писателя по ученой морской части, сочинителя и переводчика «Дѣтской библіотеки», которую я еще въ ребячествѣ выучилъ наизусть! Разумѣется, я призналъ его неопровержимымъ авторитетомъ, мудрѣйшимъ и ученѣйшимъ изъ людей! Я увѣровалъ въ каждое слово его книги, какъ въ святыню!... Русское мое направленіе и враждебность ко всему иностранному укрѣпились сознательно, и чувство національности выросло до исключительности. Я не смѣлъ обнаружить ихъ вполнѣ, встрѣчая во всѣхъ товарищахъ упорное противодѣйствіе, и долженъ былъ хранить мои убѣжденія въ глубинѣ души, отчего они, въ тишинѣ и покоѣ, достигли огромныхъ и неправильныхъ размѣровъ».

Бойкій человѣкъ, порицавшій Сперанскаго, оказался племянникомъ Шишкова, такимъ-же отчаяннымъ славянофиломъ, чуть не молящимся на своего дядю. Этого одного было достаточно для того, чтобы между молодыми людьми черезъ нѣсколько часовъ былъ заключенъ вѣчный союзъ братской дружбы, и на другой день Казначеевъ уже повелъ Аксакова представляться главѣ славянофиловъ, который остался очень доволенъ юношей и пригласилъ его бывать запросто.

Необыкновенно любопытно читать, видимо, съ особенной любовью, до мелкихъ подробностей, обработанную Аксаковымъ, едва-ли не лучшую въ Воспоминаніяхъ, статью о Шишковѣ. Съ какою неподражаемой наивностью повѣствуетъ авторъ о своемъ предвкушеніи встрѣчи съ «такимъ великимъ человѣкомъ, о первомъ свиданіи и о всѣхъ дальнѣйшихъ посѣщеніяхъ этого дома, сдѣлавшагося Аксакову совсѣмъ роднымъ, о своей особенной близости именно по отношенію къ одному

только главѣ семейства, которое своего главу мало уважало и надъ нимъ подсмѣивалось; съ какимъ добродушно-снисходительнымъ, шутливымъ юморомъ описываетъ Аксаковъ всѣ изумительныя чудачества и оригинальности Шишкова, который остался и до старости близокъ аксаковскому сердцу. И смѣшно, и больно читать о томъ, какъ этотъ семнадцатилѣтній юноша, хранящій въ себѣ такіе таланты, и сценическій, и литературный, такую артистическую горячность души, душевную чистоту, почти нетронутую зломъ натуру, въ эту живую эпоху лучшихъ александровскихъ дней, когда все, что мыслило и чувствовало, зажило такою полною жизнью, свое дорогое время отдаетъ впадавшему въ ребячество старику, услаждая его декламаціей Ломоносовскаго Петра Великаго, виршъ Шихматова и т. п. прелестей, безконечными бесѣдами и толкованіями наединѣ, на смѣхъ семьи и знакомыхъ, о славянскихъ корняхъ, или ублажая старика своей собственной декламаціей и разыгрываньемъ передъ его гостями спектаклей. И такъ продолжается цѣлыхъ два съ половиною года! Всѣ эти пустяки, и только они одни, и составляютъ все содержаніе трехлѣтней петербургской жизни Аксакова. Бросая службу и уѣзжая къ родителямъ въ деревню въ 1811 году, уже двадцатилѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, Аксаковъ не вынесъ изъ столицы, откуда шло въ то время просвѣщеніе, ровно ничего, относящагося къ расширенію своего умственнаго кругозора: никакихъ положительныхъ знаній, ни сближенія съ живыми людьми, никакого житейскаго опыта. Это былъ тотъ-же наивный студентъ, только пріобрѣтшій уже въ обществѣ извѣстность талантливаго актера-любителя и декламатора.

IX.

Если до выхода Аксакова въ отставку, т. е. до 1811 г., мы находимъ въ Дѣтскихъ годахъ и болѣе цѣльныхъ и обработанныхъ статьяхъ (Я. Е. Шушеринъ, Встрѣча съ мартинистами, Воспоминанія объ А. С. Шишковѣ) весьма подробную автобіографію, дающую такой обстоятельный матеріалъ біографическій, какого нѣтъ у насъ ни для одного писателя, то нельзя сказать того-же о *Литературныхъ и театральныхъ воспоминаніяхъ*, обнимающихъ періодъ съ 1812 по 1830 годъ. Эти воспоминанія, отрывочныя, часто мелочныя и случайныя, интересныя, главнымъ образомъ, для историка русскаго театра и тогдашняго общества, ярко рисуютъ пустоту какъ того московскаго литературнаго и театральнаго круга, куда попалъ Аксаковъ, благодаря Шушерину, такъ, къ сожалѣнію, и крайне пустую жизнь самого писателя, которому привелось вращаться въ такомъ ничтожномъ обществѣ всю свою молодость и дальнѣйшую жизнь до тридцатыхъ годовъ, когда уже подросъ его любимый старшій сынъ Константинъ, и Аксаковъ познакомился съ Гоголемъ.

Пробывъ, по выходѣ въ отставку, нѣкоторое время въ деревнѣ, Аксаковъ появляется въ Москвѣ въ началѣ 1812 года и тотчасъ же, черезъ старика актера Шушерина, также перебравшагося въ Москву, знакомится съ цѣлымъ рядомъ московскихъ литераторовъ: Шатровымъ, Николевымъ, Ильинымъ, Кокошкинымъ, Сергѣемъ Глинкой, Вельяшевымъ-Волынцевымъ, Ивановымъ и др. «Если исключить взбалмочнаго, но добродушнаго и симпатичнаго Глинку,—говоритъ единственный, болѣе подробный біографъ Аксакова, С. А. Венгеровъ, которымъ мы позволимъ себѣ воспользоваться для обрисовки этого періода,—то всѣ остальные, только что названные, писатели, помимо ихъ совершен-

наго умственнаго и нравственнаго ничтожества, были еще и люди крайне пошлые, лѣзшiе въ аристократы и знать, къ которой они на самомъ дѣлѣ не принадлежали. Преданные пустѣйшимъ забавамъ и развлеченiямъ, они были къ тому же помѣшаны на совершенно ложномъ представленiи о своемъ воображаемомъ высокомъ значенiи. Когда читаешь воспоминанiя обо всѣхъ этихъ ничтожностяхъ, составлявшихъ однако въ то время, едва-ли, не большую часть всей тогдашней *«литературы»*, то нельзя не согласиться съ Бѣлинскимъ въ его первой статьѣ *Литературныя мечтанiя*, «что собственно никакой настоящей литературы, какъ серьезной общественной силы, до *«Горе отъ ума»* у насъ и не было».

Но до какой степени въ то время были дѣтски понятiя о литературѣ у Аксакова, и на сколько былъ испорченъ его вкусъ, видно уже изъ того, что какой-нибудь жалкiй Николевъ, признаваемый своими прiятелями *«безсмертнымъ»*, возбуждалъ его серьезное вниманiе, и Аксаковъ даже находилъ *«сильными»* такiя, напримѣръ, чудовищныя вирши изъ трагедiи Николева «Малекъ-Адель»:

Блисталъ конь бѣлъ подъ нимъ, какъ снѣгъ Атландскихъ горъ;
Стрѣла летяща—бѣгъ, свѣча горяща—взоръ,
Дыханье—дымъ и огнь, грудь и копыта—камень,
На немъ Малекъ-Адель, или сраженiй пламень.

Какъ «безсмертный» Николевъ, такъ и всѣ другiе, высоко мнившiе о себѣ, писатели, приняли Сергѣя Тимоѳеевича очень ласково, и вскорѣ у всѣхъ нихъ сдѣлался онъ своимъ человѣкомъ. Причина такого сближенiя съ молодымъ человѣкомъ, кромѣ наивнаго прекраснодушiя и руссофильскаго направленiя юноши, заключалась, главнымъ образомъ, все въ той же декламацiи. Впрочемъ, въ это время Аксаковъ сталъ уже и пописывать, и заявилъ себя въ этомъ кругу литераторомъ, переведя въ неуклюжихъ александрiйскихъ стихахъ для бенефиса Шушерина ультраложно-классическую пе-

редѣлку Лагарпа знаменитой Софокловской трагедіи «Филоктетъ».

Время нашествія Наполеона и слѣдующіе два года провелъ Сергѣй Тимоѳеевичъ въ деревнѣ у родителей, предаваясь своимъ любимымъ занятіямъ, рыбной ловлѣ и охотѣ. Въ 1812 году онъ записался было вмѣстѣ со своимъ отцомъ въ милицію, но такъ изъ деревни и не выѣзжалъ. Чрезвычайно характерно, что даже такое событіе, какъ нашествіе Наполеона и его изгнаніе изъ Россіи, повидимому, не произвело ровно никакого впечатлѣнія на Сергѣя Тимоѳеевича, который нѣсколько разъ въ своихъ сочиненіяхъ говоритъ о своемъ именно *«русскомъ»* патріотическомъ направленіи. Въ его воспоминаніяхъ, гдѣ обстоятельно разсказывается буквально о всякомъ пустякѣ, для событій отечественной войны, какъ и для всѣхъ остальныхъ явленій отечественной жизни, мѣста не нашлось». До какой же степени этотъ, такой молодой еще, человѣкъ былъ погруженъ въ декламацію, всякіе мелко-литературные и театральные кружковые интересы и охоту въ глуши деревенскаго приволья!

Годы 1814 и 1815 Аксаковъ проводитъ то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ, гдѣ ему удается близко сойтись съ уже дряхлымъ, впадавшимъ въ дѣтство, Державинымъ, знакомству съ которымъ посвящается особая статья, весьма любопытная какъ по живому изображенію дряхлаго пѣвца Екатерины, такъ и по отношенію къ личности двадцатичетырехлѣтняго Аксакова. Здѣсь тоже, какъ и въ воспоминаніяхъ о Шишковѣ, слѣпое поклоненіе состарѣвшемуся авторитету со стороны молодаго человѣка, благоговѣющаго даже передъ чудачествами старика; все таже, продолжавшаяся почти сплошь цѣлый мѣсяцъ, декламація, которой Державинъ наконецъ совсѣмъ измучилъ Аксакова, да измучился, упиваясь слушаніемъ своихъ трагедій и самъ маститый поэтъ, такъ что его супруга, опасаясь за жизнь мужа, была наконецъ вынуждена «нѣсколько встревоженно, но учтиво и ласково просить и

умолять молодаго человѣка» нѣсколько времени не ходить къ больному, или ходить, но не читать подъ какимъ нибудь предлогомъ.» «А всего лучше, прибавила она, скажитесь больнымъ. Если онъ васъ увидитъ, то начнетъ такъ приставать, что трудно будетъ отказать ему.» Поздно спохватившійся Аксаковъ, конечно, поспѣшилъ прекратить свои посѣщенія, но исторія возбудила въ обществѣ не мало смѣха. «Говорили,—разсказываетъ Аксаковъ,—что я *«зачиталъ»* старика, и самъ *«зачитался»*, и что мы оба принуждены были не шутя лечиться. Молва подхватила это простое событіе, и распустила по городу съ обычными украшеніями. Я самъ послѣ слышалъ, какъ разсказывалъ одинъ господинъ, что «какой то пріѣзжій сумашедшій декламаторъ и сочинитель едва не уморилъ старика Державина чтеніемъ *своихъ* сочиненій, и что наконецъ принуждены были черезъ полицію вывести чтеца сочинителя изъ дома Державина и отдать на излеченіе частному лекарю.»

X.

Въ 1816 году произошло событіе, повліявшее на всю послѣдующую сорока двухъ лѣтнюю жизнь Сергѣя Тимоѳеевича, въ смыслѣ образованія изъ него счастливаго семьянина, вѣрнаго и нѣжнаго мужа и образцоваго отца. Въ этотъ годъ онъ женился на дочери Екатерининскаго генерала, Ольгѣ Семеновнѣ Заплатиной, и черезъ нѣсколько недѣль послѣ свадьбы, происходившей въ Москвѣ 2-го Іюня въ церкви Симеона Столпника на Поварской, поѣхалъ, по тогдашнему обычаю, *на долгихъ*, вмѣстѣ съ молодою женою въ заволжскую вотчину своего отца, Тимофея Степановича, извѣстную читателямъ «Семейной хроники» подъ именемъ Новаго Багрова. Настоящее же имя ея—село Знаменское или Ново—

Аксаково. Въ этомъ то селѣ, еще не отдѣленный отъ родителей по имѣнію, и поселился Аксаковъ безвыѣздно на цѣлыхъ пять лѣтъ вмѣстѣ съ женой, отцомъ и матерью.

Супруга Аксакова была женщина выдающаяся какъ по обстоятельствамъ своей жизни, такъ и по уму и характеру. Ея отецъ, небогатый курскій помѣщикъ, отличался, по словамъ сына Аксакова, Ивана Сергѣевича, замѣчательными достоинствами. Онъ служилъ въ военной службѣ, участвовалъ во всѣхъ походахъ Суворова, былъ при осадѣ Очакова, и имѣлъ георгіевскій крестъ; при Императорѣ Павлѣ командовалъ полками своего имени и вышелъ въ отставку Генералъ-Маіоромъ. При Александрѣ I, во время войны съ Наполеономъ, онъ командовалъ ополченіемъ. Его жена, мать Ольги Семеновны, была турчанка, Игель-Сюма, взятая 12-ти лѣтъ при осадѣ Очакова и ведшая свой родъ отъ самого Магомета. При Екатеринѣ плѣнные турки и турчанки размѣщались по обывателямъ, и Игель-Сюма попала въ семейство генерала Воинова, гдѣ ее окрестили и обучили русской грамотѣ по особому руководству съ текстами турецкимъ и русскимъ, составленному при Екатеринѣ II для плѣнныхъ турокъ. Въ эту то Игель-Сюму, окрещенную Маріей, необыкновенную красавицу, и влюбился молодой офицеръ Заплатинъ, и вскорѣ женился на ней. Но, стосковавшись по родинѣ, она умерла тридцати лѣтъ. У нея было четверо дѣтей, изъ которыхъ двое умерли еще въ дѣтствѣ: Ольга же, впослѣдствіи жена Сергѣя Тимоѳеевича, родилась въ 1792 году, во время похода въ Польшу, куда супруга сопровождала мужа.

Овдовѣвъ и поселившись въ деревнѣ, Заплатинъ взялъ свою старшую дочь, Ольгу, изъ пансіона, и она стала его товарищемъ, секретаремъ и другомъ. «Въ обществѣ стараго воина, разсказываетъ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, она почерпнула особый духъ доблести, рѣзко отличавшій ее отъ другихъ женщинъ и впослѣдствіи отъ ея мужа, Сергѣя Тимо-

ѳеевича, столь равнодушнаго къ политическимъ интересамъ родины. Она постоянно читала отцу историческія сочиненія, напр. исторію Ролленя въ переводѣ Тредьяковскаго, описаніе всякихъ походовъ, сраженій и т. п. Неумолимость долга, цѣломудренность, поразительная въ женщинѣ, имѣвшей 14 человѣкъ дѣтей, отвращеніе отъ всего грязнаго, сальнаго, нечистаго, суровое пренебреженіе ко всякому комфорту, правдивость, доходившая до того, что она не могла позволить сказать, что ея нѣтъ дома, когда она была дома, презрѣніе къ удовольствіямъ и забавамъ, чистосердечіе, строгость къ себѣ и ко всякой человѣческой слабости, негодованіе, рѣзкость суда, при этомъ пылкость и живость души, любовь къ поэзіи, стремленіе ко всему возвышенному, отсутствіе всякой пошлости, всякой претензіи,—вотъ отличительныя свойства этой замѣчательной женщины.»

Одного не было въ ней того, что зовется житейской мудростью: въ свѣтѣ казалась она наивною по своей неспособности къ лицемѣрію и двоедушію. Никогда не могла она скрыть ни своихъ симпатій, ни антипатій. Благоговѣйно покорялась она мужней волѣ; но, когда дѣло шло для нея о нравственномъ началѣ, мужъ долженъ былъ склониться передъ ней: не то, чтобы она только не хотѣла, но она не могла дѣйствовать вопреки своему убѣжденію. Любимыми историческими героями этой женщины были Муцій Сцевола и Корнелія, мать Гракховъ.

При этомъ она вся принадлежала русскому быту. Русскіе обычаи, особенно церковные, говѣнье, посты, семейныя встрѣчи праздниковъ, приготовленіе четверговой соли, русская широкая и хлѣбосольная кухня, русская природа, исторія,—все это было для нея дорогое, родное, близкое. Гостепріимная и общительная, она не только не отдаляла отъ мужа гостей, но очень ихъ любила и съумѣла впослѣдствіи придать своему дому характеръ особенной привлекательности для всякаго, кто бы хоть разъ побывалъ у Аксаковыхъ.

Вотъ какой супругой надѣлила судьба двадцатишестилѣтняго Сергѣя Тимоѳеевича, который ей, этой Ольгѣ Семеновнѣ, обязанъ не только столь долгимъ тихимъ семейнымъ счастьемъ, но, какъ намъ кажется, отчасти и той высокой, честной, безупречной жизнью, которая снискала ему всеобщее уваженіе. Страстный актеръ, страстный охотникъ, страстный игрокъ въ карты, въ высшей степени увлекающаяся художественная натура, Сергѣй Тимоѳеевичъ былъ, по словамъ его сына Ивана Сергѣевича, подверженъ всѣмъ слабостямъ страстнаго человѣка и, забывая весь міръ въ припадкахъ своихъ увлеченій, не зналъ въ нихъ удержу, и, Богъ знаетъ, куда бы привели его эти послѣднія. Она во время съумѣла привязать его къ дому, любовью и лаской сдерживать его порывы и направлять ихъ по своему. Уже женатый, онъ цѣлые дни проводилъ на охотѣ, цѣлыя ночи просиживалъ за картами; но, зная за собой слабости, все-таки во время сдерживался, боясь оскорбить жену, всегда оставался смиреннаго о себѣ мнѣнія, безъ гордости къ ближнему полонъ мягкой снисходительности и всепрощенія.

Въ деревнѣ, въ родительскомъ домѣ, прожилъ Сергѣй Тимоѳеевичъ безвыѣздно пять лѣтъ. Уже въ 1817 году 29 Марта родился у него сынъ Константинъ, и Сергѣй Тимоѳеевичъ страстно отдается новому чувству отца и почти буквально замѣняетъ для своего сына-первенца няньку,—такъ что ребенокъ засыпаетъ не иначе, какъ подъ отцовское баюканье. Этотъ сынъ сталъ особеннымъ любимцемъ и матери, выучившей его читать по четвертому году. «Семья, — разсказываетъ Иванъ Сергѣевичъ, котораго «*Очеркомъ семейнаго быта Аксаковыхъ*» мы и пользуемся,—ежегодно прибавлялась. Помѣщеніе было въ высшей степени тѣсно и неудобно и въ матерьяльномъ, и въ нравственномъ отношеніи. Особенно тяготилась этимъ Ольга Семеновна. Бытъ заволжскаго средняго дворянства представлялся ей гораздо грубѣе южнорусска-

го. Неопрятность, нелюбовь свекра и свекрови къ цвѣтамъ и зелени, совершенное равнодушіе къ интересамъ общественнымъ томили ее. Нѣкогда блистательная, страстная, свекровь ея, Марья Николаевна, превратилась въ старую, болѣзненную, мнительную и ревнивую женщину, до конца жизни мучимую сознаніемъ ничтожности своего супруга, и въ тоже время ко всѣмъ его ревновавшую, ибо она чувствовала, что онъ ея только боится, но что сердце его она уже утратила. Даже такъ страстно любимый сынъ Сереженька былъ разлюбленъ ею, какъ скоро онъ женился. Оба старика чувствовали, что сынъ вышелъ изъ ихъ среды. Въ домѣ всѣ боялись только одной Марьи Николаевны, и главою дома была она».

Въ 1821 году Тимоѳей Степановичъ согласился, наконецъ, выдѣлить сына Сергѣя, у котораго было тогда уже четверо дѣтей, и назначилъ ему въ вотчину село Надеждино, въ Белебейскомъ уѣздѣ, Оренбургской губерніи, во ста верстахъ отъ Новаго Аксакова. Это было то самое имѣніе, доставшееся Аксаковымъ отъ Н. И. Куроѣдовой, гдѣ нѣкогда буйствовалъ и былъ отравленъ ея мужъ, выставленный въ «Семейной хроникѣ» подъ именемъ Куролесова. Но прежде, чѣмъ переѣхать туда, Сергѣй Тимоѳеевичъ отправился съ женой и дѣтьми въ Москву, гдѣ и провелъ зиму 1821 года.

Въ Москвѣ онъ сейчасъ же возобновилъ знакомства съ пріятелями, весь отдавшись обществу, литературѣ и театру, и мигомъ окружился множествомъ друзей и пріятелей, старыхъ и новыхъ. Въ тѣсной его квартирѣ, на Сѣнной Смоленской площади (гдѣ у него весною 1822 года родилась еще дочь), толпились съ утра до вечера гости, производились чтенія, твердились роли, играли въ карты. Его тогдашними посѣтителями были: не въ мѣру превознесенный друзьями водевилистъ А. И. Писаревъ, Верховцевъ, добродушный чудакъ Загоскинъ, Дмитріевъ, еще воспитанникъ театральнаго училища

Н. Ф. Павловъ, Шаховской, Кокошкинъ и многіе другіе.

Лѣтомъ 1822 г. Аксаковъ опять отправился съ семействомъ въ Оренбургскую губернію, уже въ свое Надеждино, и прожилъ тамъ ради экономіи безвыѣздно до осени 1826 года, въ семи верстахъ отъ городишка Белебея. Въ Надеждинѣ, гдѣ 26 сентября 1823 г. родился другой знаменитый сынъ Сергѣя Тимоѳеевича, Иванъ Сергѣевичъ, рядомъ съ неизбѣжной охотой и картами, бывали часто и чтенія, при которыхъ присутствовалъ и малютка Константинъ, обнаружившій рано большія способности и, подобно отцу, литературныя наклонности. Но росъ Константинъ Сергѣевичъ, какъ и его отецъ, на произведеніяхъ нашихъ старыхъ писателей. Когда минуло Константину восемь лѣтъ, отецъ подарилъ ему въ богатомъ переплетѣ томъ стихотвореній Дмитріева, и по этой книгѣ, которую мальчикъ зналъ скоро наизусть, Ольга Семеновна учила дѣтей своихъ:

Мои сыны, любимцы славы,
Красивы, горды, величавы.

или:

Москва, Россіи дочь любима,
Гдѣ равную тебѣ сыскать?

Такъ, въ охотѣ, картахъ, чтеніи и воспитаніи дѣтей протекала жизнь Аксаковыхъ въ Надеждинѣ, откуда изрѣдка ѣзжалъ Сергѣй Тимоѳеевичъ за сто верстъ *обѣдать* къ своей матери. Посѣщали, впрочемъ, ихъ и несчастія. Такъ, отъ неосторожности сгорѣлъ домъ, умерло трое дѣтей, но зато и родилось за это время четверо. Имѣя средства весьма скромныя, задумалъ было С. Т. заняться хозяйствомъ, но это было уже совсѣмъ не его дѣло, и всѣ, повидимому, самыя выгодныя, его спекуляціи, кончались ничѣмъ. Не смотря на всѣ выгоды, которыя представляло устройство винокуреннаго завода, къ чему очень подбивали его сосѣди, взяться за это дѣло Сергѣй Тимоѳеевичъ не хотѣлъ, и, убѣдившись

окончательно въ своей хозяйственной неспособности, порѣшилъ искать службы въ Москвѣ, тѣмъ болѣе, что дѣти уже подростали, и ихъ надобно было учить. И вотъ въ августѣ 1826 года Сергѣй Тимоѳеевичъ простился съ деревней навсегда. Съ тѣхъ поръ по годъ своей кончины, въ 1859 году,— слѣдовательно, въ теченіе цѣлыхъ тридцати трехъ лѣтъ, онъ бывалъ въ Надеждинѣ только наѣздомъ всего три раза.

XI.

Въ сентябрѣ 1826 года Сергѣй Тимоѳеевичъ, вмѣстѣ съ женой и шестью дѣтьми, изъ которыхъ было четыре сына, пріѣхалъ въ Москву какъ разъ къ празднествамъ коронаціи. Къ этому же времени прибылъ въ Москву изъ Петербурга Александръ Семеновичъ Шишковъ, въ то время уже Министръ Народнаго Просвѣщенія. Явившись къ нему, и очень имъ обласканный, Аксаковъ откровенно разсказалъ о своихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, и прямо заявилъ, что ему нужно мѣсто въ Москвѣ съ порядочнымъ содержаніемъ, указывая при этомъ на новый особый Цензурный Комитетъ и хорошее цензорское жалованье. Въ первый визитъ свой къ Шишкову Аксаковъ, впрочемъ, прямо о себѣ не просилъ, а ограничился только вопросомъ, кого Шишковъ имѣетъ на мѣсто цензора ввиду. Недогадливый Шишковъ отвѣчалъ, что охотниковъ много, и что онъ и самъ не знаетъ, кого назначить. Такъ, на этотъ разъ, Аксаковъ уѣхалъ ни съ чѣмъ и, пріѣхавъ къ министру дня черезъ два, уже прямо попросилъ себѣ цензорскаго мѣста. Шишковъ былъ очень радъ и отвѣчалъ: «Почему же нѣтъ? Лучшаго цензора я желать не могу. Въ твоихъ правилахъ я увѣренъ, какъ въ моихъ собственныхъ,» —и тот-

часъ же назначилъ Аксакова цензоромъ, а самъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Это цензорство, продолжавшееся съ начала 1827 года цѣлыхъ шесть лѣтъ до перехода Аксакова въ инспекторы Межеваго Училища, доставило Сергѣю Тимоѳеевичу не мало непріятностей, не принеся при этомъ и особенныхъ служебныхъ выгодъ. Время, когда онъ принялъ на себя эту, и вообще крайне щекотливую и трудную обязанность, было крутое, и требовало тогда то въ особенности великой служебной ловкости, соединенной съ широкимъ образованіемъ и тонкимъ тактомъ. Этихъ качествъ вовсе не было у добродушнѣйшаго Сергѣя Тимоѳеевича, и, хотя онъ и былъ даже назначаемъ временно исправлять должность предсѣдателя, но вся эта служба, судя по воспоминаніямъ и по тому, что извѣстно о ней изъ другихъ источниковъ, была какая то несерьезная, и притомъ двойственная, мало послѣдовательная, показывающая, какъ приходилось ему лавировать между своей совѣстью и опасностью потерять мѣсто, и какъ, съ другой стороны, его собственное пристрастіе къ друзьямъ побуждало его подчасъ къ черезъ чуръ строгимъ преслѣдованіямъ того, къ чему слѣдовало бы отнестись снисходительнѣе. Такъ, не понимая значенія Н. А. Полеваго, который въ своемъ Московскомъ Телеграфѣ, стараясь проводить болѣе серьезныя требованія отъ литературы, зло нападалъ на друзей Аксакова, напр., Шаховскаго, и особенно водевилиста Писарева, Сергѣй Тимоѳеевичъ относился къ Московскому Телеграфу слишкомъ строго. Братъ Полеваго, Ксенофонтъ Алексѣевичъ, утверждаетъ напримѣръ, что, въ качествѣ ближайшаго помощника своего брата, онъ былъ неоднократно свидѣтелемъ отчаянія, въ которое тотъ приходилъ отъ цензорскихъ зачеркиваній Сергѣя Тимоѳеевича, и будто бы даже Аксаковъ безпощадно вымарывалъ неодобрительные отзывы о своихъ литературныхъ пріятеляхъ и той руссофильской партіи, къ которой онъ принадлежалъ. Такъ какъ до сихъ поръ эти обвиненія не опро-

вергнуты, то приходится признать справедливость факта вымарываній, придавъ имъ только иное освѣщеніе. «Надо думать,—говоритъ С. А. Венгеровъ, что, какъ человѣкъ мягкій, Сергѣй Тимоѳеевичъ, поддался вліянію своихъ литературныхъ друзей, Погодина, Загоскина и др., и, считая направленіе Полеваго вреднымъ, считая его нападки «дерзкими», вѣроятно, не находилъ ничего дурнаго въ томъ, чтобы поприжать издателя Телеграфа». «Будь г. Полевой дурной писатель,—говоритъ Аксаковъ въ журналѣ Галатея 1829 г., никогда мои руки не поднялись бы противъ него; но лицо, представляемое имъ въ нашей литературѣ, не только смѣшно, но и *вредно*: какъ издатель журнала, онъ разсѣиваетъ свои кривые толки, несправедливыя и пристрастныя сужденія; слѣдовательно, обличать его въ неправдѣ и невѣжествѣ, унижать его литературное лицо—есть долгъ каждаго любителя словесности».

«При такомъ взглядѣ на Полеваго и при слабомъ развитіи гражданскихъ чувствъ, въ кругу ближайшихъ своихъ знакомыхъ и друзей,—замѣчаетъ біографъ Аксакова,—нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Аксаковъ поднималъ на ненавистнаго журналиста не только писательскую, но и цензорскую руку». Нужно также помнить, что Сергѣй Тимоѳеевичъ былъ всегда человѣкомъ очень впечатлительнымъ, податливымъ и чрезвычайно воспріимчивымъ къ идеямъ, взглядамъ и направленію той среды, гдѣ онъ вращался, и потому неудивительно, что, рядомъ съ вліяніями хорошими, на Аксаковѣ иногда сказывались и дурныя. Излишнюю строгость, впрочемъ, уже въ концѣ своего цензорскаго поприща, когда Аксаковъ особенно боялся за свое служебное положеніе, прилагаетъ Сергѣй Тимоѳеевичъ и къ стихотвореніямъ Полежаева. Вотъ что, читаемъ, напримѣръ, въ примѣчаніяхъ П. А. Ефремова къ послѣднему изданію стихотвореній несчастнаго поэта: «Изданіе 1832 г. процензуровано С. Т. Аксаковымъ, который сдѣлалъ многочисленныя исключенія, притомъ даже

въ такихъ стихотвореніяхъ, которыя прежде появленія въ этомъ сборникѣ были напечатаны безъ пропусковъ. Изданіе 1833 г., цензурованное И. М. Снигиревымъ, съ *значительно меньшими* исключеніями, чѣмъ это дѣлалъ С. Т. Аксаковъ».

Какъ бы то ни было, строга или не строга была подневольная цензорская дѣятельность писателя, но въ концѣ концовъ она навлекла на него непріятность и кончилась отставкой. Погодинъ, познакомившійся съ Аксаковымъ еще въ 1827 г., по поводу порученнаго послѣднему цензированія погодинскаго журнала «*Московскій Вѣстникъ*», гдѣ Аксаковъ, въ видѣ приложенія, сталъ писать театральныя рецензіи, разсказываетъ, что въ 1832 г., когда за статью «Девятнадцатый вѣкъ» былъ запрещенъ издававшійся Кирѣевскимъ журналъ «*Европеецъ*», то издателя посадили въ крѣпость, а цензора Аксакова на гауптвахту. Въ этомъ же году, одновременно почти съ исторіей съ Европейцемъ, появилась въ Москвѣ напечатанная въ Университетской типографіи невиннѣйшая шуточная баллада какого-то Елистрата Фитюлькина «*Двѣнадцать спящихъ будочниковъ*», содержавшая, между прочимъ, такую строѳу, изображающую пьянаго квартальнаго:

И взвидѣлъ полицейскій глазъ,
Что въ лужѣ шевелился
Какой-то пьяница; тотчасъ
Мой крюкъ остановился,
Меня къ забору, рекъ, приставь,
А этого скотину
Скорѣй на съѣзжую отправь!
Ступай!... родному сыну
Я пьянства не прощу во вѣкъ!
Какого развращенья
Достигнулъ нынѣ человѣкъ!
И все отъ просвѣщенья!

Вѣроятно, по доносу Булгарина, обидѣвшагося словами предисловія, гдѣ насмѣшливо говорилось о его романѣ *Выжигиныхъ*, книжонка вызвала чуть не цѣлую цензурную бурю, и цензоръ, ее пропу-

ствившій, поплатился жестоко. «Отставили нашего благороднаго,—писалъ Погодинъ Шевыреву,—нашего добраго Аксакова. Какой-то пьяница написалъ глупую книжонку. Аксаковъ пропустилъ, ибо не могъ не пропустить, когда у насъ играютъ Ябеду и пр., а оберъ-полиціймейстеръ, человѣкъ сильный, вступился, и отецъ многочисленнаго семейства лишенъ службы». (Жизнь Погодина, Н. Барсукова, IV, 12).

Такъ кончилась эта несчастная служба, къ которой, впрочемъ, Аксаковъ относится въ старости шутливо-добродушно, представляя себя цензоромъ очень мягкимъ, не разъ спасавшимъ несчастныхъ издателей и авторовъ отъ свирѣпства предсѣдателя Комитета, князя Мещерскаго. Отъ цензорства черезъ два года перещелъ Аксаковъ въ 1834 г. къ административной педагогіи и поступилъ инспекторомъ Межеваго Константиновскаго училища, гдѣ потомъ былъ сдѣланъ и директоромъ. Но и эта служба, не оставившая никакого печатнаго слѣда въ воспоминаніяхъ Сергѣя Тимоѳеевича, была, повидимому, не особенно ему по сердцу. По крайней мѣрѣ, какъ только состояніе его упрочилось, такъ какъ по смерти родителей (мать умерла въ 1833 г., а отецъ въ 1837) онъ получилъ значительное наслѣдство, онъ оставляетъ службу совершенно, выйдя въ отставку въ 1839 г., и до самой своей смерти, т. е. цѣлыхъ двадцать лѣтъ, остается жить въ Москвѣ на покоѣ, освободившись уже окончательно отъ всѣхъ, столь мало подходившихъ къ нему, служебныхъ обязанностей.

XII.

Съ самаго переѣзда Аксаковыхъ въ Москву въ 1826 г. на постоянное жительство и до смерти главы дома въ 1859 г., слѣдовательно, цѣлыхъ

тридцать три года, домъ Сергѣя Тимоѳеевича былъ открытъ для друзей и знакомыхъ. Театръ, участіе въ *Московскомъ Вѣстникѣ*—Погодина, а потомъ въ *Галатеѣ*—Раича и *Атенеѣ*—Павлова, служба, карты и Дворянскій Клубъ совсѣмъ охватили Сергѣя Тимоѳеевича. Въ этихъ театральныхъ и литературныхъ интересахъ, разсказываетъ Иванъ Сергѣевичъ, принимала участіе вся семья. Дѣти знали, напр., что такъ-то была принята публикой такая-то пьеса, такой-то остроумный куплетъ сочиненъ былъ Писаревымъ. Много возни бывало съ Вадимомъ, либретто котораго, взятое изъ поэмы Жуковскаго, сочинено было, кажется, Шевыревымъ. Новый водевиль Писарева производилъ волненіе». Другимъ живымъ интересамъ была полемика съ Полевымъ, котораго рѣзкій тонъ, взятый въ литературѣ, и особенно строгое отношеніе къ театру, затрогивавшее друзей Аксакова, крайне возмущали Сергѣя Тимоѳеевича, вмѣстѣ съ своими друзьями старавшагося печатно указывать на его, будто бы невѣжество, хотя по образованію то и самъ Сергѣй Тимоѳеевичъ, и многіе изъ его друзей, напр., тѣ же Шаховской и Загоскинъ, были куда ниже Полеваго. Кромѣ театральныхъ рецензій и полемическихъ статеекъ, перевелъ еще Аксаковъ для М. С. Щепкина, сдѣлавшагося частымъ гостемъ Аксаковыхъ — *Школу женщинъ* и *Скупого* Мольера. Приходили иногда совѣтоваться на счетъ ролей и Мочаловъ, и другіе актеры.

Расширился, и къ лучшему, и кругъ знакомыхъ. Кромѣ прежнихъ друзей, Сергѣй Тимоѳеевичъ пріобрѣтаетъ еще и новыхъ, напр., М. П. Погодина, Ю. П. Венелина, профессоровъ: П. С. Щепкина, М. Г. Павлова, Шевырева и Надеждина. «День, назначенный для сбора, была суббота,—когда, обыкновенно, собирались къ Аксаковымъ обѣдать и оставались до поздней ночи. Чуждый совершенно всякихъ гражданскихъ интересовъ, Сергѣй Тимоѳеевичъ относился къ нимъ индифферентно и, не занимаясь вовсе политикой, жилъ по прежнему одни-

ми кружковыми интересами театра и литературы, своей семьи и своихъ гостей. Совершенное отсутствіе претензій, простота, радушіе вмѣстѣ съ пылкимъ и нѣжнымъ сердцемъ, трезвость и ясность ума при возможности страстныхъ порывовъ, честность, безкорыстіе, безпечность относительно матеріальныхъ выгодъ, тонкое художественное чувство, вѣрность суда,—вотъ, по свидѣтельству сына Аксакова, Ивана Сергѣевича, отличительныя качества, которыя привлекали къ Сергѣю Тимоѳеевичу всѣхъ, кто его зналъ. Не будучи не только ученымъ, но и не обладая достаточною образованностью, чуждый науки, онъ тѣмъ не менѣе былъ какимъ но нравственнымъ авторитетомъ для своихъ пріятелей, изъ которыхъ многіе были знаменитые ученые». Если вспомнить, что говорили мы ранѣе о супругѣ Аксакова, то легко себѣ представить, какою привлекательностью пользовался въ Москвѣ этотъ хлѣбосольный и гостепріимный домъ съ такими милыми, радушными хозяевами.

Но, что особенно привлекаетъ къ этой патріархальной семьѣ—это замѣчательныя отношенія родителей къ дѣтямъ и заботы о ихъ воспитаніи. Дѣти здѣсь, особенно старшіе сыновья, Константинъ и Иванъ, не только просто дѣти, любящіе своихъ родителей,—это маленькіе равноправные члены семьи, младшіе друзья отца и матери. Въ письмахъ своихъ къ далеко еще несовершеннолѣтнимъ сыновьямъ Сергѣй Тимоѳеевичъ всегда называетъ каждаго изъ нихъ не иначе, какъ «*мой сынъ и другъ*» и самъ подписывается—*твой другъ и отецъ*, и подъ его перомъ это слово «другъ» не есть только ласковое названіе:—оно опредѣляетъ на самомъ дѣлѣ отношеніе отца къ сыновьямъ: онъ былъ для нихъ искреннимъ и истиннымъ другомъ: онъ дѣйствовалъ на нихъ не только пріемомъ внѣшняго формальнаго авторитета, но гораздо болѣе вліяніемъ нѣжнаго, разумнаго, мудраго сочувствія. Этому раннему сближенію дѣтей съ родителями, а также раннему развитію первыхъ, не мало способствовало, по мнѣнію

Ивана Сергѣевича, и то, что «въ семействѣ Аксаковыхъ совсѣмъ не существовала *дѣтская*, т. е. не существовалъ тотъ сомкнутый разгороженный уголокъ, гдѣ подъ надзоромъ наемныхъ педагоговъ возрастаетъ молодое поколѣніе въ какой-то искуственной, прѣсной, атмосферѣ, не имѣющей ничего общаго съ дѣйствительною жизнью». Въ семьѣ этой дѣти были постоянно съ родителями, со старшими, и жили ихъ интересами. Такъ, старшій сынъ, Константинъ, еще ребенкомъ, писалъ повѣсть о приключеніяхъ дружины молодыхъ людей «любившихъ древнее русское оружіе», прочитываемую, по мѣрѣ написанія, вслухъ передъ всей семьей и знакомыми, а Иванъ Сергѣевичъ съ 10 лѣтъ страстно читалъ газеты, лишеніе которыхъ было для него величайшимъ и единственнымъ наказаніемъ. Не мало заботъ было приложено родителями и къ тому, чтобы дать дѣтямъ основательное образованіе. Такъ Константинъ Сергѣевичъ учился латинскому языку у извѣстнаго Венелина, греческому у Долгомостьева, а географіи у переводчика Гумбольтовскаго Космоса Фролова. Живѣйшее участіе въ его ученьи принималъ и Погодинъ, предложившій, когда Константинъ Сергѣевичъ поступилъ въ 1833 году въ Московскій Университетъ, для болѣе успѣшныхъ занятій, помѣстить его въ своемъ пансіонѣ. Весьма характеренъ отрывокъ изъ письма къ Погодину Сергѣя Тимоѳеевича, на это не согласившагося и въ письмѣ объяснившаго своему другу причины такого несогласія. «Мнѣ казалось странно, что мой старшій сынъ (это важно для братьевъ) въ то время, когда долженъ поступить въ друзья мнѣ, будетъ жить не подъ одною кровлею со мною! Мы непремѣнно, хотя безотчетно, будемъ грустить о немъ и безпокоиться о его здоровьѣ. Смѣшно, а правда. У васъ набралось уже мальчиковъ много, наберется еще больше, могутъ попасться всякіе (ихъ пороковъ не разгадаешь съ перваго взгляда), жить съ ними подъ одною кровлею не то, что сходиться въ аудиторіи, вы не безпрестанно дома, или работаете, Юрій

Ивановичъ Венелинъ также. Что если мой сынъ приметъ отъ кого нибудь изъ товарищей дурныя впечатлѣнія, или привычки? Чѣмъ я могу оправдать себя передъ собою? Я здѣсь живу самъ и крайности не имѣю удалить его изъ дома родительскаго» (Жизнь и труды М. П. Погодина. Н. Барсукова, кн. IV стр. 181—182.)

Говоря о супругѣ Сергѣя Тимоѳеевича, Ольгѣ Семеновнѣ, мы уже упоминали объ ея особенномъ пристрастіи ко всему русскому, родному, отечественному. Это направленіе, какъ нельзя болѣе, сходилось съ характеромъ и мужа, не разъ говорящаго о себѣ въ воспоминаніяхъ, какъ о великомъ руссофилѣ, и весьма уважавшаго, напр., Загоскина именно за русскій патріотическій духъ его романовъ. Такой характеръ супруговъ отражался и на всемъ домашнемъ строѣ семьи, гдѣ тщательно соблюдались русскіе обычаи и откуда даже совершенно былъ изгнанъ изъ употребленія французскій языкъ, — такъ что дѣти постоянно слышали одну русскую рѣчь и съизмальства усвоивали себѣ пристрастіе ко всему отечественному, преимущественно, въ духѣ нетронутой европеизмомъ старины и патріотической гордости и исключительности. Этотъ патріотизмъ естественно отражался и на дѣтяхъ. Еще въ Надеждинѣ, до переѣзда Аксаковыхъ въ Москву, семилѣтній Константинъ Сергѣевичъ отказывается звать отца иностраннымъ словомъ «*папаша*», а называетъ его уменьшительными именами отъ слова *отецъ* — «*отецинька*» «*отесинька*». Эти своеобразныя имена остаются за Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ до самой его кончины, и не иначе, какъ съ этими именами обращаются къ нему сыновья въ письмахъ. Въ дѣтствѣ Константинъ Сергѣевичъ видитъ во снѣ Красную площадь и Минина въ цѣпяхъ, а переѣхавъ въ Москву, которую уже любилъ, по разсказамъ родителей и патріотическимъ стихамъ, все болѣе и болѣе привязывается къ ней, дойдя впослѣдствіи до того, что сталъ считать Москву лучшимъ городомъ во всемъ мірѣ.—Свое патріотическое направленіе мальчикъ,

начитавшійся къ тому же исторіи Карамзина и другихъ книгъ по русской исторіи, передалъ и всѣмъ братьямъ и сестрамъ. Онъ читалъ эту исторію и имъ, а лѣтъ двѣнадцати установилъ въ семьѣ праздникъ въ честь нѣкоего князя Вячки, который, сражаясь съ нѣмцами при осадѣ Куксгавена, не захотѣлъ имъ сдаться и, выбросившись изъ башни, погибъ 30-го ноября. Въ честь этого событія, Константинъ Сергѣевичъ наряжался съ братьями въ желѣзныя латы и шлемы, а маленькія сестры въ сарафаны, и всѣ вмѣстѣ водили хороводъ и пѣли особую, сочиненную на этотъ случай Константиномъ Сергѣевичемъ, пѣсню, начинавшуюся словами:

«Запоемте, братцы, пѣсню славную,
«Пѣсню славную, старинную,
«Какъ бывало храбрый Вячка нашъ.....

а затѣмъ слѣдовало угощеніе, — непремѣнно русское:—пился медъ, ѣлись орѣхи, пряники и смоквы. Устроилъ Константинъ Сергѣевичъ изъ братьевъ и знакомыхъ мальчиковъ и особую дружину, причемъ, подъ руководствомъ извѣстнаго К. Ѳ. Калайдовича, при помощи крѣпостнаго столяра, приготовлялось, по театральнымъ моделямъ, оружіе; старинными же стальными палашами изъ амбаровъ села Новаго Аксакова украсилась комнатка Константина Сергѣевича, а, вмѣсто игрушекъ, служили дѣтямъ корабли изъ сахарной бумаги, составлявшіе два флота,— *русскій* и *вражескій*, т. е. англійскій или французскій, изъ которыхъ составлялись цѣлыя сраженія. Розыгрывались дѣтьми и сцены, но опять таки изъ *старинныхъ русскихъ* же комедій Княжнина и др. Увлеченіе народностью доходило до того, что дѣти даже прокалывали ножами французскія записки, присылаемыя матери знакомыми дамами, а потомъ торжественно сжигали ихъ съ пѣсней, сочиненной Константиномъ Сергѣевичемъ:

Заклубился дымъ проклятый....

Патріотическій духъ этой оригинальной семьи поднялся наконецъ такъ, что не только сынъ, Кон-

стантинъ Сергѣевичъ, по выходѣ изъ Университета, но даже и самъ отецъ перестали брить бороды и стали ходить въ русскомъ платьѣ, что считалось тогда признакомъ величайшаго либерализма и вызвало полицейское преслѣдованіе: даже самъ Погодинъ, который также отличался немалымъ патріотизмомъ, шутя говаривалъ: «Петръ Великій прорубилъ окно въ Европу, а Аксаковъ его забилъ.»

Впрочемъ, патріотизмъ Сергѣя Тимоѳеевича никогда не имѣлъ характера настоящаго славянофильства, въ смыслѣ школы, или партіи, противуположной западничеству: семья Аксаковыхъ подготовила только почву для славянофильскаго увлеченія теоретика и мечтателя Константина, а отчасти, и Ивана Сергѣевича. Да и славянофильство Константина было больше какое то мѣстное, «московское», ограничивавшее Россію едва ли не одной Москвой съ ся святынями и мѣстнымъ, излюбленнымъ характеромъ. Народъ же русскій, не въ смыслѣ отвлеченномъ, платоническомъ, но въ дѣйствительномъ, реальномъ его положеніи, а тѣмъ болѣе современная внутренняя политика Россіи, были совершенно чужды не только отцу, но и энтузіасту сыну Константину, воспитавшемуся въ тѣсномъ кругу семьи, на книгахъ, а не на знаніи дѣйствительной русской жизни.—Но, оставивъ мало прочнаго слѣда въ литературѣ, не смотря на всѣ свои способности, энтузіазмъ, высокую чистоту души, столь рано умершій, Константинъ Сергѣевичъ, особенно любимый отцомъ, а позднѣе, и братъ его Иванъ Сергѣевичъ, имѣли вмѣстѣ съ Гоголемъ, о которомъ скажемъ въ особой главѣ, громадное вліяніе на отца, и изъ него, посредственнаго литератора любителя во вкусѣ отжившаго ложноклассицизма, на старости лѣтъ сдѣлали писателя, которымъ справедливо гордится наша литература. Сохранивъ до зрѣлыхъ лѣтъ, не смотря на всѣ недостатки своего воспитанія и образованія, рѣдкую трезвость ума и душевную чистоту вмѣстѣ съ необыкновенною воспріимчивостью, Сергѣй Тимоѳеевичъ на пятомъ

десяткѣ лѣтъ какъ-бы преображается подъ вліяніемъ поступившаго въ Университетъ старшаго сына и, въ тѣсной дружбѣ съ послѣднимъ, начинаетъ жить вмѣстѣ съ нимъ интересами кружка Станкевича и Бѣлинскаго, гдѣ вращался его сынъ. Правда, этотъ кружокъ пользуется симпатіей Сергѣя Тимоѳеевича только до отъѣзда Станкевича за границу и до пріобрѣтенія особеннаго вліянія на кружокъ со стороны Бакунина, и даже возбуждаетъ въ семьѣ «опасенія», какъ-бы Костя не развратился «философіей», но члены этого кружка, а въ томъ числѣ и Бѣлинскій, у Аксаковыхъ бывали, и всѣ эти безконечные споры о философскихъ и иныхъ «вопросахъ» болѣе или менѣе, повліяли на Сергѣя Тимоѳеевича, столь близко стоявшаго къ дѣтямъ и отзывчиваго на ближайшіе интересы тѣхъ людей, среди коихъ ему приходилось вращаться. Во всякомъ случаѣ, слѣдя за сыномъ, по мѣрѣ его умственнаго роста, Сергѣй Тимоѳеевичъ и самъ росъ умственно и невольно, болѣе или менѣе, выходилъ изъ замкнутаго круга театральныхъ, мелко литературныхъ и карточныхъ интересовъ, проводя время среди даровитой и горячей студенческой молодежи и въ новомъ кругу дѣйствительно образованныхъ, и даже ученыхъ, людей, какъ хоть-бы тѣже Погодинъ и Шевыревъ, а тѣмъ болѣе профессора Павловъ, Фроловъ и мн. друг.

Что къ семьѣ Аксаковыхъ такъ горячо относился напр. ближайшій другъ Сергѣя Тимоѳеевича, Погодинъ, называвшій Ольгу Семеновну своей «командиршей», можно еще объяснить и многими общими чертами характера друзей, отличавшихся взаимно извѣстной патріархальностью; но вотъ что разсказываетъ объ этой семьѣ молодой человѣкъ, петербуржецъ, уже совсѣмъ другаго общества и вкусовъ, Ив. Ив. Панаевъ, отрывки изъ *Литературныхъ воспоминаній* котораго и приводимъ въ сокращеніи.

Панаевъ посѣтилъ Москву въ апрѣлѣ 1839 г., слѣдовательно въ тотъ моментъ, когда Бѣлинскій и

его друзья, совершенно отдавшись гегелевской философіи, искали во всемъ примиренія: и въ литературѣ, и въ жизни, строго признавая принципъ «искусства для искусства». К. С. Аксаковъ еще не разрывалъ своей дружбы съ Бѣлинскимъ, и послѣдній бывалъ у Аксаковыхъ, хотя, по большей части, только собственно у Константина, такъ какъ въ семьѣ уже начинали молодаго критика за рѣзкость мнѣній не долюбливать. Познакомившись съ Бѣлинскимъ и его друзьями, Панаевъ черезъ два дня по пріѣздѣ въ Москву счелъ своимъ долгомъ отрекомендаваться и Сергѣю Тимоѳеевичу, который воспитывался въ Казанскомъ университетѣ вмѣстѣ съ его отцомъ и дядей. Оба Аксакова, и отецъ и сынъ, приняли гостя съ необыкновеннымъ радушіемъ. «Сергѣй Тимоѳеевичъ былъ большой хлѣбосолъ и гордился этой московской добродѣтелью. Аксаковы жили тогда въ большомъ отдѣльномъ деревянномъ домѣ, на Смоленскомъ рынкѣ. Для многочисленнаго семейства Аксаковыхъ требовалась многочисленная прислуга. (Любуясь семейнымъ счастіемъ своихъ друзей, еще въ 1834 г., Погодинъ съ умиленіемъ записываетъ, по обыкновенію лаконически, въ своемъ дневникѣ: «*Девять человѣкъ дѣтей около стола!*») Домъ былъ биткомъ набитъ дворнею. Это была не городская жизнь въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ её теперь, а *патріархальная*, *широкая*, *помѣщичья жизнь*, перенесенная въ городъ. Домъ Аксаковыхъ и снаружи, и внутри, по устройству и расположенію совершенно походилъ на деревенскіе барскіе дома; при немъ были: обширный дворъ, людскія, садъ и даже баня въ саду. Сергѣю Тимоѳеевичу было въ это время съ небольшимъ 50 лѣтъ. Онъ былъ высокъ ростомъ, крѣпкаго сложенія и не обнаруживалъ ни малѣйшихъ признаковъ старости. Выраженіе его лица было необыкновенно симпатично, онъ говорилъ всегда звучно и сильно, особенно, когда декламировалъ стихи, а декламировать онъ былъ великій мастеръ. Любимымъ занятіемъ его было уженье, и онъ очень часто съ ночи отправлялся удить въ окрестности Москвы.

По вечерамъ онъ любилъ играть въ карты. Между прочими партнерами его были тогда И. Е. Великопольскій и Н. Ф. Павловъ. Тогда еще Сергѣй Тимоѳеевичъ не пользовался тою блестящею литературною извѣстностью, которую онъ пріобрѣлъ впослѣдствіи.... Я съ перваго взгляда привязался къ Сергѣю Тимоѳеевичу и скоро сошелся съ Константиномъ. У Аксаковыхъ я бывалъ почти всякій день.» Съ Константиномъ видался Панаевъ и у Бѣлинскаго, но «молодой Аксаковъ уже стоялъ на полдорогѣ между Бѣлинскимъ, представителемъ западничества, и Хомяковымъ, представителемъ зарождающагося славянофильства, склоняясь, впрочемъ, болѣе къ послѣднему; между *Московскимъ наблюдателемъ* - Бѣлинскаго, въ которомъ Константинъ Сергѣевичъ даже принималъ участіе, и между новымъ журналомъ Шевырева и Погодина—*Москвитяниномъ*, на который начиналъ смотрѣть уже съ участіемъ». Единственно, что связывало Константина Аксакова съ Бѣлинскимъ и его друзьями, была Гегелевская философія, нашедшая себѣ почву въ изолированности отъ міра общественнаго и въ примирительномъ характерѣ Аксаковской семьи. Потомъ, когда литературу стало занимать уже не исключительно «чистое искуство», но и вопросы общественные, и рѣзко обозначились двѣ партіи, славянофильская и западная, связь между Бѣлинскимъ и Константиномъ порвалась окончательно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и во всей Аксаковской семьѣ явилось даже враждебное отношеніе къ петербургскому критику. Впрочемъ, уже и въ этотъ пріѣздъ Панаева въ Москву въ 1839 г. Константинъ съ негодованіемъ говорилъ о Петербургѣ и всячески старался возбудить въ гостѣ энтузіазмъ къ Москвѣ. «—Домъ Аксаковыхъ, — продолжаетъ Панаевъ, — съ утра до вечера былъ полонъ гостями. Въ столовой ежедневно накрывался длинный и широкій семейный столъ, по крайней мѣрѣ, на 20 кувертовъ. Хозяева были такъ просты въ обращеніи со всѣми посѣщавшими ихъ, такъ безцеремонны и радушны, что къ нимъ нельзя было не привязаться. Я, по край-

ней мѣрѣ, полюбилъ ихъ всею душою. Между отцомъ и сыномъ существовала тогда самая нѣжнѣйшая привязанность, обратившаяся впослѣдствіи въ несокрушимую дружбу, когда отецъ подъ вліяніемъ сына постепенно принималъ его убѣжденія, со всѣми ихъ крайностями.»

Черезъ Аксаковыхъ Панаевъ познакомился и съ ихъ друзьями, Н. Ф. Павловымъ, директоромъ московскихъ театровъ М. Н. Загоскинымъ, извѣстнымъ московскимъ богачомъ И. Е. Великопольскимъ, М. П. Погодинымъ и др., и всѣ они очень любезно отнеслись къ нему особенно потому, что онъ былъ такъ хорошо принятъ Аксаковыми; самъ же Сергѣй Тимоѳеевичъ, видя, что его новый петербургскій знакомый всѣмъ нравится, и самъ восхищается Москвой, былъ въ восторгѣ, а восторженная статейка Панаева о Москвѣ, напечатанная въ Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду, доставила петербургскому писателю еще большее расположеніе со стороны всѣхъ Аксаковыхъ. Видѣлъ у Сергѣя Тимоѳеевича, уже передъ своимъ отъѣздомъ, Панаевъ и Гоголя, пріѣхавшаго туда вмѣстѣ съ М. С. Щепкинымъ обѣдать и обѣщавшаго прочитать первую главу Мертвыхъ душъ. Интересно отношеніе къ Гоголю Аксаковыхъ. «Нечего говорить, разсказываетъ Панаевъ,—съ какимъ восторгомъ былъ принятъ пріѣхавшій писатель. Константинъ Аксаковъ, видѣвшій въ немъ русскаго Гомера, внушилъ къ нему энтузіазмъ во всемъ семействѣ. Для Аксакова же отца сочиненія Гоголя были откровеніемъ. Они вывели его изъ рутины старой литературной школы и пробудили въ немъ новыя свѣжія силы для будущей дѣятельности. Безъ Гоголя Аксаковъ едва-ли написалъ-бы «Семейную Хронику». «Чувство глубокаго, безпредѣльнаго уваженія семейства Аксаковыхъ къ таланту Гоголя проявлялось во внѣшнихъ знакахъ, съ ребяческой наивной искренностью, доходящей до комизма. Передъ его приборомъ, за обѣдомъ, стояло не простое, а розовое стекло; съ него начали подавать кушанье; ему под-

несли любимыя макароны для пробы, которыя онъ не совсѣмъ одобрилъ и сталъ самъ мѣшать и посыпать ихъ сыромъ».

Тоже общее ухаживанiе за Гоголемъ проявилось и послѣ обѣда, когда Гоголь развалился на диванѣ въ кабинетѣ Сергѣя Тимоѳеевича, и всѣ ходили на цыпочкахъ и говорили шепотомъ, чтобъ не нарушить послѣобѣденнаго покоя генiя, относившагося, впрочемъ, ко всѣмъ этимъ знакамъ благоговѣнiя довольно небрежно. Общiй восторгъ возбудило чтенiе Гоголемъ «*Тяжбы*»; впечатлѣнiе же отъ первой главы «*Мертвыхъ душъ*» было потрясающее. «Когда онъ окончилъ,—разсказываетъ Панаевъ, и остановился, нѣсколько утомленный, обведя глазами своихъ слушателей... на лицахъ всѣхъ ясно выражалось глубокое впечатлѣнiе... Всѣ были и потрясены, и удивлены... У насъ даже мурашки пробѣгали по тѣлу отъ удовольствiя.»

«Послѣ чтенiя Сергѣй Тимоѳеевичъ въ волненiи прохаживался по комнатѣ, подходилъ къ Гоголю, жалъ ему руки и, значительно посматривая на всѣхъ насъ, повторялъ: «генiально! генiально!»

Таковъ былъ, по разсказамъ современниковъ, патрiархальный домъ Аксаковыхъ, и таковы были отношенiя Сергѣя Тимоѳеевича и его семейства къ Гоголю, къ болѣе подробному ознакомленiю съ которыми и перейдемъ.

XIII.

Цѣлыхъ двадцат лѣтъ, съ 1832 г., т. е. съ того времени, когда Гоголь еще начиналъ только свою дѣятельность «Вечерами на хуторѣ близь Диканьки», и по самую смерть, въ февралѣ 1852 года, продолжалось знакомство Сергѣя Тимоѳеевича съ Гоголемъ, перешедшее въ тѣсную дружбу, о которой оставилъ Аксаковъ любопытнѣйшiя посмертныя

записки «Исторія моего знакомства съ Гоголемъ», изданныя со включеніемъ переписки обоихъ лицъ отдѣльно въ 1890 г. Знакомство возникло черезъ Погодина, привезшаго Гоголя къ Аксакову въ одну изъ субботъ 1832 г., какъ автора «Вечеровъ», извѣстныхъ уже всему семейству; но дружескія отношенія стали образоваться позже, съ 1834 г., когда уже талантъ Гоголя сказался въ полной силѣ въ «Миргородѣ» и «Арабескахъ». «Въ нихъ, говоритъ Сергѣй Тимоѳеевичъ, уже явился великій художникъ съ глубокимъ и важнымъ значеніемъ. Мы съ Константиномъ, моя семья и всѣ люди, способные чувствовать искусство, были въ полномъ восторгѣ отъ Гоголя. Но, надобно сказать правду, что, кромѣ присяжныхъ любителей литературы во всѣхъ слояхъ общества, лучше и скорѣе оцѣнили Гоголя молодые люди. Московскіе студенты всѣ пришли отъ него въ восхищеніе, и первые распространили въ Москвѣ громкую молву о новомъ великомъ талантѣ». Это то высокое мнѣніе семьи Аксаковыхъ о талантѣ Гоголя и горячая любовь къ его произведеніямъ, кажется, болѣе всего и сблизили писателя съ Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ, уваженіе котораго къ нему возросло еще болѣе съ появленіемъ «Ревизора»; насколько же былъ великъ восторгъ Аксаковыхъ отъ «Мертвыхъ душъ», видно изъ приведеннаго выше разсказа Панаева.

Съ этого времени, т. е. съ 1839 г., и начинаются, собственно, близкія отношенія Аксакова къ Гоголю, но, по признанію Сергѣя Тимоѳеевича, не столько, какъ къ человѣку, сколько какъ къ художнику, въ которомъ онъ видѣлъ высочайшую славу Россіи. Это было какое то особое благоговѣніе, поклоненіе генію, доходящее, такъ сказать, до идолопоклонства, — поклоненіе, исключавшее всякую спокойную критику Гоголя не только какъ писателя, но даже какъ человѣка, между тѣмъ какъ самъ Гоголь держалъ себя съ Аксаковымъ не только небрежно, но и въ высшей степени неоткровенно, что и подавало не разъ поводъ къ возни-

кавшимъ между ними недоразумѣніямъ. Чего только не дѣлалъ Сергѣй Тимоѳеевичъ для Гоголя: и помогалъ ему крупными денежными суммами, которыхъ, кажется, такъ и не получалъ обратно, и исполнялъ множество его порученій, въ бытность его за границей, и возился съ постановкой его пьесъ, и съ печатаніемъ его сочиненій, и отзывы то собиралъ о его произведеніяхъ,—словомъ, дѣлалъ для него все, что только можетъ сдѣлать другъ для друга и братъ для брата, а тотъ, принимая все это какъ должное, не удостоивалъ друга даже самой обыкновенной откровенности, и только посылалъ изъ своего «далека» назидательныя наставленія и холодныя утѣшенія резонера проповѣдника. Можно сказать даже такъ, что Гоголь, слишкомъ занятый своею творческою дѣятельностью и развивающейся постепенно маніей величія, своими болѣзнями и вѣчными заботами о матерьяльномъ обезпеченіи, весьма мало интересовался собственно Аксаковымъ, хотя, повидимому, онъ натолкнулъ Аксакова писать *«Хронику»*, замѣчая въ письмѣ отъ 12 декабря 1847 года, между прочимъ, что, можетъ быть, «больше полюбилъ бы Сергѣя Тимоѳеевича, если бы онъ написалъ записки своей жизни, которыя бы *мнѣ* напоминали, какихъ людей слѣдуетъ не пропустить въ *моемъ* твореніи, и какимъ чертамъ русскаго характера не дать умереть въ народной памяти».

Какой задушевностью и сердечностью вѣетъ отъ писемъ Сергѣя Тимоѳеевича и отъ всего, что только онъ ни говоритъ о своемъ другѣ, и какъ холодны, подчасъ даже насмѣшливы, сухи, большая часть писемъ къ нему Гоголя. Нужно было имѣть всю незлобивость этой дѣтски чистой натуры Аксакова, чтобы безконечно прощать все своему другу, котораго онъ мѣрилъ не мѣркой обыкновеннаго смертнаго, а видѣлъ въ немъ только огенія съ причудливыми нервами и особенной организаціей. Это то искусственное, не простое отношеніе къ Гоголю, излишняя щепетильная деликат-

ность, опасенія, какъ бы его ни оскорбить, ни раздражить,—словомъ, вся эта возня съ геніемъ, уже носившимъ въ себѣ и безъ того великое самомнѣніе, какъ намъ кажется, принесла Гоголю не мало вреда, и едва ли не была одной изъ ближайшихъ причинъ столь ранней его гибели. Сергѣй Тимоѳеевичъ признается самъ, но уже, къ сожалѣнію, поздно, послѣ смерти Гоголя, что друзьямъ слѣдовало бы отнестись къ нему не столь осторожно, а прямѣе, энергичнѣе, не щадя подчасъ его болѣзненное самолюбіе, и рядомъ съ художникомъ видѣть въ немъ и человѣка, котораго во время необходимо было бы просто взять въ руки. И если бы, вмѣсто поклоненій и удивленій передъ геніемъ, эти друзья, и прежде всѣхъ, какъ болѣе любившій Гоголя, самъ Сергѣй Тимоѳеевичъ, настойчиво извлекли болѣющаго писателя изъ за границы и изъ общества Жуковскаго, барынь въ родѣ кающейся Магдалины, калужской губернаторши А. О. Смирновой, всякихъ ханжей въ родѣ А. П. Толстаго и т. п., общество коихъ опять таки признавалъ для Гоголя гибельнымъ самъ Аксаковъ; если бы поселился Гоголь въ Москвѣ, среди любящихъ писателя образованныхъ, свободномыслящихъ людей, онъ, можетъ быть, и не погибъ бы, и «Мертвыя души» были спасены. Непривычною силой негодованія и трезвой правдой звучатъ прекрасныя письма Аксакова къ Гоголю, послѣ его присылки въ подарокъ друзьямъ книжки Ѳомы Кемпійскаго «О подражаніи Христу», и особенно, письмо о «Перепискѣ съ друзьями», едва ли не лучшее, послѣ знаменитаго «Письма Бѣлинскаго», изъ всего написаннаго объ этой несчастной книгѣ,— но было уже поздно... Не поклоненіе, доходившее до комизма, а здоровая, спокойная критика, которой такъ настойчиво требовалъ самъ писатель у своихъ друзей, была нужна Гоголю, а этой то критики и не было даже у такого вѣрнаго друга, какъ Сергѣй Тимоѳеевичъ, слишкомъ мягко, боязливо относившійся къ писателю. Гоголь, при всей своей геніальности, былъ человѣкъ, развившійся болѣз-

ненно, и безъ достаточнаго серьезнаго образованія, къ тому же, по собственнымъ словамъ Аксакова, выбитый изъ колеи смертью Пушкина: все это нужно было во время принять къ свѣдѣнію, и не выпускать Гоголя изъ Россіи, по крайней мѣрѣ, во второй разъ. Сергѣю Тимоѳеевичу слѣдовало вмѣшаться только въ отношенія Гоголя къ Погодину, и во что-бы то ни стало перетащить друга къ себѣ; но этого сдѣлано, такъ или иначе, не было, и предчувствіе Аксакова при разставаньи съ Гоголемъ въ 1842 году оправдалось: художникъ погибалъ.

Судя по отношеніямъ къ Гоголю, Сергѣй Тимоѳеевичъ едва-ли не болѣе всѣхъ литературныхъ москвичей оцѣнилъ этотъ огромный талантъ, придавая ему значеніе не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ. Никто изъ нихъ не сокрушался такъ глубоко о его поведеніи, никто такъ горько не оплакивалъ ранней смерти писателя и не почтилъ его въ Москвѣ такимъ теплымъ некрологомъ, какъ Аксаковъ. Почему же Сергѣю Тимоѳеевичу, воспитанному на преданіяхъ ложнаго классицизма, такъ полюбился именно этотъ писатель ультра-реальной школы, и въ какой мѣрѣ понималъ онъ его? Рѣшеніе этого вопроса, какъ намъ кажется, слѣдуетъ искать какъ въ самомъ характерѣ Аксакова, такъ, отчасти, и въ тѣхъ гегеліанскихъ взглядахъ на литературу, какъ на «искусство для искусства», которые царили въ то время въ семьѣ Аксакова. Мы уже видѣли, какимъ исключительно русскимъ, патріотическимъ направленіемъ отличался Аксаковъ во всю свою жизнь и какъ даже Карамзинъ не пользовался его любовью. Дѣти его воспитывались не на Жуковскомъ, Батюшковѣ, Грибоѣдовѣ и Пушкинѣ, подвергшихся вліянію запада, а на писателяхъ старыхъ. Пушкина хоть Сергѣй Тимоѳеевичъ и цѣнилъ за «силу и точность изображеній, и особенно—чувствительность, не говоря уже объ искусствѣ составленія стиховъ», хотя и читалъ семьѣ еще въ Надеждинѣ присылаемаго по тетрадкамъ «Онѣгина», и даже восхищался напечатанной въ

Московскомъ Вѣстникѣ Погодина *Сценой въ Чудовомъ монастырѣ;* но особенной любовью въ семьѣ Аксаковыхъ, повидимому, Пушкинъ, какъ западникъ и петербуржецъ, не пользовался. По крайней мѣрѣ, Погодинъ, посѣтившій, вскорѣ по полученіи въ Москвѣ страшной вѣсти о гибели поэта, Аксаковыхъ, гдѣ много говорили о Пушкинѣ, замѣчаетъ, что *«въ этомъ семействѣ истинно горько сожалѣетъ о Пушкинѣ только одна Ольга Семеновна».* (Жизнь Погодина, Барсукова, IV, 437.) Тѣмъ менѣе могъ нравиться Аксаковымъ мрачный русскій Байронъ—Лермонтовъ. Точно также не видно, чтобы семья особенно интересовалась великими писателями западными. И вотъ, въ эту исключительно русскую семью попадаетъ писатель самородокъ, непосредственный изобразитель народной жизни, съ безобиднымъ заразительнымъ юморомъ, и «Вечера» сразу привлекаютъ къ себѣ общія симпатіи и трактуются молодежью съ точки зрѣнія «искусства для искусства». Личное знакомство съ авторомъ, не тронутымъ «европеизмомъ», съ ироническимъ отношеніемъ къ нѣмцамъ, французамъ и англичанамъ, а главное, къ Петербургу, скрѣпляетъ симпатіи, а «Старосвѣтскіе помѣщики» съ «Тарасомъ Бульбой» приводятъ всѣхъ въ восторгъ. Пьесы Гоголя, опять таки совсѣмъ русскія, да еще удивительно прочтенныя авторомъ и разъигранныя любимыми московскими актерами, особенно любезны хозяину, завзятому театралу и декламатору; «Мертвыя же души», съ ихъ патріотическими обращеніями къ Руси должны были показаться особенно любезными сердцу Сергѣя Тимоѳеевича и его супруги. Если прибавить еще ко всему этому наклонность семьи къ экспансивности и восторги Константина, то станетъ совершенно понятнымъ такое увлеченіе со стороны Сергѣя Тимоѳеевича именно Гоголемъ, который, конечно, долженъ былъ увлечь его и силою таланта, такъ какъ въ самомъ Аксаковѣ, никогда не разрывавшемъ связи съ природой, не смотря на свои ложно-классическіе литературные вку-

сы, въ глубинѣ души таился истинный художникъ. Но на сколько все-таки не вдругъ оцѣнилъ Сергѣй Тимоѳеевичъ значеніе Гоголя, видно изъ разсказа самого Аксакова. Когда, черезъ нѣсколько дней послѣ начала знакомства, Гоголь хвалилъ Загоскина за веселость, но замѣтилъ, что онъ «не то пишетъ, что слѣдуетъ для театра», Аксаковъ «легкомысленно возразилъ, что у насъ писать не о чемъ, что въ свѣтѣ все такъ однообразно, гладко, прилично и пусто, что:

даже глупости смѣшной
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!».

«Но Гоголь посмотрѣлъ на меня—говоритъ Сергѣй Тимоѳеевичъ,—какъ то значительно, и сказалъ, что комизмъ кроется вездѣ; что, живя посереди него, мы его не видимъ; но что, если художникъ перенесетъ его въ искусство, на сцену, то мы же сами надъ собой будемъ валяться отъ смѣху и будемъ дивиться, что прежде не замѣчали его. Я былъ озадаченъ этой мыслью, потому что никакъ не ожидалъ ее услышать отъ Гоголя.» Такимъ образомъ, Гоголь уже при самомъ началѣ своего знакомства съ Аксаковымъ заставляетъ Сергѣя Тимоѳеевича, крайне отзывчиваго на вліяніе сходящихся съ нимъ людей, обратиться къ пониманію искусства болѣе широкому и серьезному, чѣмъ то, которое было у него до этого знакомства, а впослѣдствіи, по мѣрѣ того, какъ все шире и шире становилось творчество Гоголя, придти, наконецъ, и самому къ литературному изображенію неукрашенной дѣйствительности, такъ оригинально и свѣжо проявившемуся въ охотничьихъ книгахъ, и особенно въ «Семейной Хроникѣ».

Тѣмъ не менѣе, хотя Сергѣй Тимоѳеевичъ и возмущался уже слишкомъ уродливыми крайностями Гоголя, какъ «*Развязкой Ревизора*» и «*Перепиской*», но трезваго критическаго пониманія Гоголя у него, повидимому, не было: изъ за великолѣпныхъ художественныхъ частностей онъ не замѣтилъ ни

слабыхъ сторонъ «*Портрета*», ни напыщенности отрывка «*Римъ*», ни даже широковѣщательныхъ обѣщанiй въ «*Мертвыхъ душахъ*» удивить мiръ изображенiемъ русскихъ добродѣтельныхъ героевъ,— и не видѣлъ всего того, что составляло истинное призванiе и силу Гоголя: т. е. изображенiя пошлой стороны современной русской жизни и безпощадный юморъ. Иначе бы, никакъ не допустилъ Аксаковъ своего Константина напечатать въ 1842 году странную статью «*Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя—Похожденiе Чичикова или Мертвыя души*», которую благоразумно не согласился помѣстить въ Москвитянинѣ Погодинъ, но съ которой Сергѣй Тимоѳеевичъ былъ согласенъ. Статья эта, прямо поставившая Гоголя наравнѣ съ Гомеромъ и Шекспиромъ и на счетъ Гоголя унижавшая всю европейскую литературу, полная изумительныхъ наивностей и курьезовъ, вызвала горячiй отпоръ со стороны Бѣлинскаго (см. сочиненiя Бѣлинскаго, часть VI) и, какъ говоритъ самъ Сергѣй Тимоѳеевичъ, принесли Гоголю не мало зла,—тѣмъ болѣе, что Аксаковъ—отецъ, ненавидѣвшiй Бѣлинскаго, яко бы «обнаружившаго гнусную враждебность къ Москвѣ, къ Русскому человѣку и ко всему нашему Русскому направленiю», допустилъ сына, оскорбленнаго справедливой рецензiей, напечатать еще противъ нея возраженiе, на которое Бѣлинскiй отвѣчалъ уже подробно, указавъ на истинное значенiе писателя и выставивъ тѣмъ ярче его недостатки, незамѣчаемые Аксаковыми. Такимъ образомъ, тотъ же Сергѣй Тимоѳеевичъ, который писалъ Гоголю, что, послѣ своего семейства, ему, Аксакову, «Мертвыя души» всего на свѣтѣ дороже, допущенiемъ въ печать всей этой неблагоразумной, восторженной и озлобленной противъ петербургскихъ журналовъ и Бѣлинскаго болтовни своего сына, къ сожалѣнiю, оказалъ Гоголю услугу очень плохую, съ одной стороны отуманивъ его неумѣренными похвалами, съ другой—возстановивъ писателя противъ истиннаго его почитателя и безпри-

страстнаго критика—Бѣлинскаго. Читая теперь, черезъ пятьдесятъ лѣтъ, эти восторженныя статьи московскихъ поклонниковъ Гоголя, К. Аксакова и Шевырева, одного изъ друзей Сергѣя Тимоѳеевича, и сравнивая съ этими статьями то, что говорилъ о Гоголѣ Бѣлинскій, нельзя не подивиться ихъ наивному идолопоклонству передъ писателемъ, только сбивавшему его съ толку, и той, по истинѣ, комической, упрямой ненависти, съ которой относились всѣ эти москвичи къ великому петербургскому критику, осмѣлившемуся, вмѣсто слѣпаго поклоненія передъ народившимся геніемъ, указать на ошибочность и опасность того пути, по которому Гоголь пошелъ.

— —

XIV.

Скажемъ нѣсколько словъ о послѣднихъ двадцати годахъ жизни Аксакова. Выйдя въ отставку въ 1839 г., Сергѣй Тимоѳеевичъ продолжаетъ, какъ мы сказали раньше, жить въ Москвѣ, выѣзжая только на лѣто на дачу. Въ 1840 г. умираетъ мужъ сестры Сергѣя Тимоѳеевича, Карташевскій, а въ 1841 г. четвертый сынъ Аксакова, Михаилъ. Въ 1842 г., окончивъ курсъ въ училищѣ Правовѣдѣнія, пріѣзжаетъ къ родителямъ въ Москву второй сынъ, Иванъ Сергѣевичъ, опредѣлившійся на службу въ Московскій 6-й Департаментъ Сената, а затѣмъ въ Декабрѣ 1843 г. уѣзжаетъ на службу въ Астрахань, откуда потомъ переводится въ Калугу. Съ этого времени начинается между нимъ и родителями постоянная переписка, доставлявшая Сергѣю Тимоѳеевичу великую отраду. Эти письма сына, который описываетъ въ нихъ подробно свою службу, встрѣчи съ разными лицами и, вообще, все съ нимъ происходящее, съ интересомъ и любовью читались всѣмъ семействомъ, и на каждое слѣдовалъ нѣжный отвѣтъ отца, видимо радовавшагося службѣ и

литературнымъ дарованіямъ сына. Многолѣтняя переписка эта, часть которой послѣ смерти самого Ивана Сергѣевича издана въ двухъ томахъ, какъ намъ кажется, значительно способствовала возбужденію въ Сергѣѣ Тимоѳеевичѣ вниманія къ интересамъ, выходившимъ изъ круга его семьи и замкнутаго московскаго кружка, и, вообще, расширила его знакомство съ тогдашнимъ положеніемъ Россіи. Иванъ Сергѣевичъ, въ противуположность неисправимому теоретику и крайнему идеалисту Константину, былъ человѣкъ жизни, которую и старался изучить непосредственно изъ наблюденій и опыта. Константину Сергѣевичу, когда уѣхалъ Иванъ Сергѣевичъ, было уже лѣтъ 27, и онъ возился съ своей диссертаціей о Ломоносовѣ, а Григорій Сергѣевичъ, пошедшій было въ военную службу, но потомъ перешедшій въ статскую, былъ очень занятъ пріобрѣтеніемъ для семьи подмосковной деревни, такъ какъ Оренбургскій край опротивѣлъ Сергѣю Тимоѳеевичу. Кромѣ Константина, въ семьѣ жило еще шесть дочерей: старшая Вѣра, годомъ моложе Константина, личность весьма даровитая; постоянно больная какою то сложною нервною болѣзнью, Ольга, предметъ самыхъ нѣжныхъ и постоянныхъ родительскихъ заботъ и любимица братьевъ, и четыре, тогда еще малолѣтнихъ, сестеръ — Любовь, Надежда, Марія и Софія.

Къ концу 1843 года поиски Григорія Сергѣевича относительно имѣнія увѣнчались наконецъ успѣхомъ. Пріобрѣтено было для семьи Аксаковыхъ сельцо Абрамцево, прелестный уголокъ на берегахъ рѣки Вори, близь Хотьковскаго монастыря, верстахъ въ 13 отъ Троицко—Сергіевской Лавры. Это имѣніе соединяло въ себѣ все, что могло особенно понравиться Сергѣю Тимоѳеевичу: и прелестное мѣстоположеніе, и удобный старинный домъ среди прекраснаго парка, и громадный прудъ съ мельницей, съ богатой рыбной ловлей, и хорошее купанье въ рѣкѣ, и обширные лѣса, изобилующіе грибами, сборъ которыхъ производился Сергѣемъ

Тимоѳеевичемъ съ артистическими пріемами. О количествѣ найденныхъ грибовъ велся дневникъ, и всѣ замѣчательные экземпляры срисовывались и сохранялись. Въ этомъ Абрамцевѣ Сергѣй Тимоѳеевичъ заживался подолгу, предаваясь со страстью своимъ любимымъ занятіямъ, особенно—уженью; здѣсь же писались всѣ его произведенія, которыя онъ посылалъ на просмотръ сыну Ивану, получая отъ него и принимая во вниманіе всѣ его замѣчанія; сюда же наѣзжали изъ Москвы и ближайшіе друзья и знакомые, безъ которыхъ Сергѣй Тимоѳеевичъ, привыкшій къ обществу, скучалъ. Такъ, бывало здѣсь не мало и дѣятелей литературныхъ, напр., Хомяковъ, Самаринъ, Тургеневъ и мн. др. Здѣсь же гостилъ въ свой пріѣздъ лѣтомъ въ 1849 г. и желанный гость Гоголь, прочитавшій, къ общему восторгу семьи, четыре главы изъ 2-й части Мертвыхъ душъ, и былъ еще три раза въ 1851 г. Здѣсь же, наконецъ, произошло послѣднее его свиданіе съ Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ, оставшимся по болѣзни въ Абрамцевѣ на зиму. Гоголь пріѣхалъ сюда изъ Оптиной пустыни 30-го сентября 1851 г. грустный и болѣзненный; но 1-го октября, въ день рожденія своей матери, за обѣдомъ развеселился, вечеромъ даже забавно пѣлъ малороссійскія пѣсни, а 3-го октября, уѣзжая въ Москву, простился съ Аксаковымъ навсегда. Точно предчувствуя вѣчную разлуку, по словамъ Сергѣя Тимоѳеевича, — Гоголь, прощаясь съ нимъ, какъ то просвѣтлѣлъ, и лицо его не только прояснилось, но сдѣлалось лучезарнымъ... Онъ благодарилъ Бога за встрѣчу на землѣ съ нимъ и его семействомъ и, протянувъ обѣ руки, крѣпко сжалъ руку друга и въ послѣдній разъ посмотрѣлъ на него такими глазами, которыхъ Аксаковъ не могъ забыть никогда.

Всегда крѣпкій и здоровый физически, Сергѣй Тимоѳеевичъ съ 1845 года начинаетъ хворать. Сначала онъ сталъ худо видѣть лѣвымъ глазомъ и лишился его совсѣмъ, а затѣмъ ослабѣлъ и правый, такъ что больной долго не могъ самъ писать, что

страшно его тяготило. Его перевезли въ деревню, гдѣ осенью болѣзнь усилилась, но духомъ онъ не падалъ. «Живемъ мы въ деревнѣ, писалъ онъ Гоголю, тихо, мирно и уединенно; даже не предвидимъ, чтобы могла зайти къ намъ скука». «Отъ утренняго чая до завтрака и потомъ до поздняго обѣда, всѣ заняты своими дѣлами: играютъ, рисуютъ, читаютъ; Константинъ что нибудь пишетъ, а я диктую. Я затѣялъ написать книжку объ уженьи не только въ техническомъ отношеніи, но и въ отношеніи къ природѣ вообще; страстный рыбакъ у меня также страстно любитъ и красоты природы; однимъ словомъ, я полюбилъ свою работу и надѣюсь, что эта книжка не только будетъ пріятна охотнику удить, но и всякому, чье сердце открыто впечатлѣніямъ ранняго утра, поздняго вечера, роскошнаго полдня и пр. Тутъ займетъ свою часть чудная природа Оренбургскаго края, какою я знавалъ ее назадъ тому 45 лѣтъ. Это занятіе освѣжило и оживило меня. Послѣ обѣда мы уже не расходимся по своимъ угламъ: весь вечеръ продолжается уже общее чтеніе. Каждый вечеръ мы читаемъ что нибудь ваше (т. е. Гоголя) по порядку выхода. Вчера кончили все; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ станемъ опять читать».

Въ 1846 году Сергѣй Тимоѳеевичъ захворалъ еще какимъ то мучительнымъ недугомъ. Но онъ мужественно борется съ нимъ, и, среди страданій, пишетъ энергическія письма къ больному Гоголю съ просьбой остановить печатаніе «*Развязки къ Ревизору*», а къ Плетневу съ убѣжденіемъ отказаться отъ изданія «*Переписки*».

Насколько, не смотря на болѣзнь, былъ бодръ духъ Аксакова, видно изъ продиктованныхъ имъ въ 1847 г. писемъ къ Гоголю и сыну Ивану, увлекшемуся было «Перепиской», что глубоко возмущало отца, горячо старавшагося вразумить сына на счетъ глубокаго паденія Гоголя, проявившагося въ этой книгѣ. Поправившись нѣсколько весной 1848 г., Сергѣй Тимоѳеевичъ, обрадовавшись теплу, пере-

ѣхалъ изъ Москвы въ Абрамцево 2-го мая, а 6-го, посидѣвъ, легко одѣтый, съ удочкой на пруду подольше, въ тотъ же вечеръ получилъ воспаленіе въ груди и въ печени, и его увезли въ Москву, гдѣ, однако, удалось старика спасти.

Такъ, то въ Москвѣ, то въ Абрамцевѣ, проходили годъ за годомъ, среди почти постоянныхъ старческихъ недуговъ Сергѣя Тимоѳеевича, не мѣшавшихъ ему однако находить отраду въ писаніи своихъ воспоминаній. Послѣднія сочиненія Аксакова «Дѣтскіе годы» (1858), «Разныя сочиненія» (1858), «Встрѣча съ Мартинистами» (въ началѣ 1859) и «Собираніе бабочекъ», писаны въ промежуткахъ тяжкихъ болѣзненныхъ припадковъ, обратившихся въ жестокую хроническую болѣзнь, и нельзя не изумляться живучести этого, такъ долго таившагося въ Сергѣѣ Тимоѳеевичѣ, творческаго духа, столь неожиданно проявившагося съ такой поразительной силой только въ старости. «Нельзя безъ умиленія вспомнить,—пишетъ одинъ изъ тогдашнихъ друзей Аксакова,—какъ за мѣсяцъ до кончины послѣдняго старшій сынъ его Константинъ Сергѣевичъ читалъ въ публичномъ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности отрывокъ изъ повѣсти своего умирающаго отца «*Наташа*», поражающій свѣжестью красокъ, живостью и необыкновенной художественной простотой; предсмертное же произведеніе «*Собираніе бабочекъ*», вышедшее въ печати уже послѣ смерти автора въ сборникѣ въ пользу бѣдныхъ студентовъ Казанскаго университета, и послѣдній отрывокъ «*Очеркъ зимняго дня*» полны такой свѣжести и чутья природы, что кажется, будто они писаны не больнымъ 68 лѣтнимъ старцемъ, а двадцатилѣтнимъ юношей».

Не перемѣнился, не смотря на недуги хозяина, и общій порядокъ гостепріимнаго дома. Какъ только больному становилось полегче, опять являлись гости, слышались въ домѣ веселый смѣхъ и живыя рѣчи, въ которыхъ принималъ участіе и хозяинъ.

Ранѣе мы привели разсказъ о домѣ Аксаковыхъ

Панаева въ 1839 г.; вотъ что разсказываетъ позднѣйшій знакомый Сергѣя Тимоѳеевича, Лонгиновъ, объ этомъ же домѣ въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ: «Домъ Аксакова былъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ въ Москвѣ. Нравственное вліяніе Сергѣя Тимоѳеевича было ощутительно не въ одномъ его семействѣ. Примѣрный супругъ, отецъ, братъ, онъ былъ и образцемъ друзей, къ которому смѣло шли за совѣтомъ и помощью его многочисленные друзья. Онъ умѣлъ съ перваго раза пріобрѣтать любовь и довѣріе всякаго и никому не отказывалъ въ своемъ содѣйствіи или участіи, а напротивъ—самъ вызывался на услуги. Это была душа чистая, исполненная христіанскихъ чувствъ, и, въ тоже время, умъ свѣтлый, прямой, соединенный съ характеромъ откровеннымъ и возвышеннымъ. Онъ сохранилъ до глубокой старости, среди тяжкихъ недуговъ, участіе ко всему прекрасному и силу воли съ какою то младенческою ясностью души».

Самъ сохранивъ до старости младенчески-чистую душу, Сергѣй Тимоѳеевичъ съ трогательною нѣжностью относился къ дѣтямъ, и особенно любилъ свою внучку, дочь сына, Ольгу Григорьевну. Еще въ 1854 году обѣщалъ онъ написать своей маленькой любимицѣ книжку, о чемъ и увѣдомлялъ внучку слѣдующимъ стихотвореньицемъ, писаннымъ сплошь собственноручно, гдѣ поздравляетъ ее съ днемъ рожденія:

26-го Декабря 1854-го года.

Шестилѣтней Олѣ.

Рано дѣдъ проснулся,
Крякнулъ, потянулся,
Давши мыслямъ волю,
Вспомнилъ внучку Олю.
Семь часовъ пробило;
Затопили печку,
Темно очень было
И зажегъ онъ свѣчку,

И дѣдушка хилый
Къ внучкѣ своей милой
Пишетъ поздравленье
Съ днемъ ея рожденья.
Пишетъ понемногу,
Часто отдыхая,
Самъ молится Богу,
Олю вспоминая:
«Дай Богъ, чтобы снова
«Олинька была
«Весела, здорова—
«Какъ всегда мила;
«Чтобъ была забавой
«Матери съ отцомъ:
«Кроткимъ, тихимъ нравомъ
«Сердцемъ и умомъ!»
Если Богъ дастъ силы,
Ровно черезъ годъ,
Олѣ, внучкѣ милой,
Дѣдушка пришлетъ
Книжку небольшую
И разскажетъ въ ней:
Про весну младую,
Про цвѣты полей,
Про малютокъ птичекъ,
Про гнѣздо яичекъ,
Бабочекъ красивыхъ,
Мотыльковъ игривыхъ,
Про лѣснаго Мишку,
Про грибочекъ бѣлый.
И читать день цѣлый
Станетъ Оля книжку.

Дѣдушка Сергѣй Аксаковъ.

Эту книжку онъ и принялся было писать тогда же, но вышла она совсѣмъ не такой, какъ онъ сначала предполагалъ. Увлекшись старыми воспоминаніями, Сергѣй Тимоѳеевичъ написалъ, вмѣсто нея, *«Дѣтскіе годы Багрова-внука»*, но все же посвятилъ книгу любимой внучкѣ. Черезъ два года, 26 декабря 1856 года, онъ пишетъ ей:

Милая моя Оля!

Два года тому назадъ я стихами обѣщалъ тебѣ прислать черезъ годъ книжку; но дай Богъ, чтобы

къ будущему дню твоего рожденія она была готова. Да и книжка выходитъ совсѣмъ не такая, какую я обѣщалъ тебѣ.

Цѣлую и поздравляю съ девятымъ годочкомъ

С. Аксаковъ».

Окруженный въ послѣдніе годы жизни, какъ и прежде, самыми нѣжными заботами всей семьи, Сергѣй Тимоѳеевичъ на закатѣ дней своихъ могъ быть утѣшенъ и общимъ вниманіемъ, которымъ почтили его за сочиненіе общество и критика, единодушно и справедливо признававшія его однимъ изъ первыхъ русскихъ писателей. Этого мало,— художественныя достоинства его произведеній были такъ ярки, что обратили вниманіе и на его нравственныя качества и доставили ему всеобщее уваженіе уже просто, какъ человѣку. Казанскій университетъ, праздновавшій въ 1854 г. свой пятидесятилѣтній юбилей, почтилъ особымъ вниманіемъ своего «перваго студента», а студенты петербургскіе, задумавъ издавать свой сборникъ ученыхъ трудовъ, сочли своимъ долгомъ испросить на это его одобреніе. Повсюду въ Россіи гремѣло имя новаго писателя, этого юнаго старца, котораго превозносили за «Семейную Хронику» всѣ, независимо отъ литературныхъ партій и взглядовъ на искусство, а писатель уже быстро приближался къ могилѣ.

Послѣдняя болѣзнь Сергѣя Тимоѳеевича длилась года полтора. Вынужденный сидѣть въ четырехъ стѣнахъ, удручаемый недугомъ, онъ чутко прислушивался къ тѣмъ новымъ вѣяніямъ, которыя несло наступившее для Россіи свѣтлое время новаго царствованія. Родные, навѣщавшіе старика друзья, газеты, которыя ему читали, знакомили его съ вѣстями о великихъ реформахъ, и съ изумленіемъ и любовью взиралъ этотъ ветеранъ прошлаго столѣтія, переживающій пятое царствованіе, мысленнымъ окомъ на пробуждающееся сознаніе всегда столь дорогой ему Россіи. Особенно занимали его,

патріархальнаго помѣщика-барина и человѣка земли, слухи о готовящемся освобожденіи крестьянъ. Всѣ эти разнообразные толки о томъ, какъ то совершится такое грандіозное, неслыханное дотолѣ, событіе, долженствующее потрясти весь организмъ страны, не могли не наводить на Сергѣя Тимоѳеевича глубокаго раздумья. Выросшій въ глухомъ краю, въ деревнѣ, среди патріархальныхъ, нерѣдко очень суровыхъ, отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, и рабскихъ и фальшивыхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ; вспоминая слышанные въ дѣтствѣ разсказы о пугачевщинѣ, о жестокостяхъ куролесовыхъ, онъ, понимая необходимость уничтоженія крѣпостнаго права и желая родинѣ добра, естественно, думалъ и о томъ, какъ то воспользуется самъ народъ этою свободой. И вотъ, когда до слуха Сергѣя Тимоѳеевича, во время уже послѣдней болѣзни, въ концѣ 1857 года, дошло обнародованіе Высочайшихъ рескриптовъ дворянству трехъ западныхъ губерній, онъ въ январѣ 1858 г. пишетъ послѣднее свое стихотвореніе «*При вѣсти о грядущемъ освобожденіи крестьянъ*», гдѣ призываетъ родную страну принять величайшій Божій даръ—свободу въ духѣ любви и кротости:

Жребій брошенъ... Роковое
Слово выслушалъ народъ...
Слово страшное, святое
Произнесъ минувшій годъ.

И смутилась Русь святая,
И задумалась она...
Чѣмъ же ты, страна родная,
Глубоко потрясена?

Иль, не вѣруя въ свободу,
Ты не смѣешь говорить?
Иль боишься, что народу
Тяжелѣе будетъ жить?

Съ плечъ твоихъ спадаетъ бремя,
Докажи, что не рабой
Прожила ты рабства время,
А смирялась предъ судьбой,

Передъ Божіимъ посланьемъ,
Въ духѣ кротости, любви,
Жизнь считая испытаньемъ:
Бунта нѣтъ въ твоей крови.

Покажи намъ, какъ оковы
Скинешь ты съ могучихъ ногъ,
Какъ пойдешь ты въ путь свой новый,
Какъ шагнешь черезъ порогъ,

О который спотыкались
Люди тысячу вѣковъ,
Гдѣ мечты изобличались
Человѣческихъ умовъ.

Какъ проснется жизнь народа,
Какъ прервется тяжкій сонъ?
Тихая-ль взойдетъ свобода
И незыблемый законъ?

Въ церковь ли пойдешь съ смиреньемъ,
Иль, начавши кабакомъ,
Всѣ свои недоумѣнья
Порѣшишь ты топоромъ?

Какъ узнать? Судебъ народныхъ
Не проникнуть въ мракъ и даль,
Не постичь путей исходныхъ,
Богомъ вписанныхъ въ скрижаль.

«Весной 1858 г. болѣзнь Сергѣя Тимоѳеевича приняла оборотъ опасный и стала причинять ему самыя тяжкія страданія, но ихъ переносилъ онъ съ чрезвычайной энергіей и терпѣніемъ. Послѣднее лѣто провелъ онъ на дачѣ близь Москвы и, несмотря на тяжелую болѣзнь, все еще имѣлъ силу въ рѣдкія минуты облегченія наслаждаться природою и диктовать новыя свои произведенія, которыя ничѣмъ не напоминаютъ того, въ какія тяжелыя минуты они созданы». Осенью 1858 года его перевезли въ городъ во вновь нанятый для него домъ на Кисловкѣ. «Какая у насъ приходская церковь»?—спросилъ онъ. Ему отвѣчали: «Бориса и Глѣба». «Въ этомъ домѣ я и умру,—сказалъ Сергѣй Тимоѳеевичъ,—въ этомъ приходѣ отпѣвали Писарева, тутъ и меня будутъ отпѣвать». Предчув-

ствіе не обмануло его. 30-го апрѣля 1859 года, въ 3-мъ часу по полуночи тихо скончался Сергѣй Тимоѳеевичъ на рукахъ столь любимой имъ семьи.

«Въ воскресенье, 3-го мая,—разсказываетъ М. Н. Лонгиновъ,—церковь св. Бориса и Глѣба наполнилась множествомъ народа; многочисленные друзья покойнаго, почти всѣ здѣшніе литераторы и ученые, наконецъ люди всѣхъ званій пришли проститься съ бездыханнымъ тѣломъ, которое оживлялъ безсмертный духъ, оставившій неизгладимые и благотворные слѣды посѣщенія своего въ здѣшнемъ мірѣ. Всѣ прощались съ чѣмъ то роднымъ, дорогимъ сердцу. Гробъ Аксакова на рукахъ былъ принесенъ въ Симоновъ монастырь и внесенъ въ ворота при пѣніи торжественной пѣсни: «Христосъ Воскресе!» Весеннее солнце освѣщало едва зазеленѣвшія деревья и поля; въ воздухѣ чувствовалось первое дыханіе весны, оживляющей природу, съ обновленіемъ которой скрылся отъ насъ навѣкъ тотъ, кто такъ умѣлъ любить и понимать чудную красоту великаго Божьяго міра.

Такая общая скорбь, которая высказалась на похоронахъ Аксакова, лучше всякихъ похвальныхъ словъ. Дай Богъ всякому, кончивъ жизненный путь, оставить по себѣ такое чистое имя, такую добрую славу и столькихъ людей, которые бы такъ искренно повторяли: «Вѣчная память!»

XV.

Въ началѣ нашего очерка указали мы на необычайно позднее проявленіе художественнаго таланта Сергѣя Тимоѳеевича, который, воспитавшись на ложноклассическихъ образцахъ, и ничѣмъ рѣшительно не выдаваясь въ своихъ литературныхъ трудахъ надъ заурядною посредственностью, на шестомъ десяткѣ лѣтъ вдругъ выступаетъ въ 1847

г. съ «Записками объ уженьѣ рыбы», а черезъ девять лѣтъ, въ 1856 г. достигаетъ апогея своей славы въ Семейной Хроникѣ, благодаря простотѣ, естественности, народности,—словомъ, именно тѣмъ качествамъ, которыми всего менѣе отличаются почти всѣ его, появлявшіеся дотолѣ въ печати, литературные опыты. Постараемся же, по возможности, объяснить кажущуюся странность.

Сергѣй Тимоѳеевичъ былъ несомнѣнный и крупный художникъ по натурѣ, обнаруживавшейся еще въ дѣтствѣ. Съ отдаленнаго младенчества, когда онъ начинаетъ себя помнить, въ сообщенныхъ впослѣдствіи въ «Дѣтскихъ годахъ», обрывкахъ смутныхъ воспоминаній онъ уже является ребенкомъ крайне воспріимчивымъ, чувствительнымъ, привязчивымъ и съ сильнымъ воображеніемъ. Вспомнимъ его дѣтскія отношенія къ матери, сестрѣ, собачкѣ, играмъ, впечатлѣніе отъ первыхъ, прочитанныхъ еще на пятомъ, шестомъ году, книгъ, способность всецѣло проникаться прочитаннымъ пытливые вопросы, которые онъ задаетъ родителямъ; вспомнимъ, какое сильное впечатлѣніе производитъ на него первая поѣздка въ деревню, рыбная ловля, слышанныя въ дѣтствѣ сказки, Шехерезада; какъ нравятся ему стихи, какъ поражаетъ его декламація дядей, которой онъ тотчасъ же начинаетъ подражать самъ, и своимъ чтеніемъ, еще ребенкомъ, удивляетъ окружающихъ. Но всего болѣе художественность этой натуры обнаруживается въ отношеніяхъ къ природѣ, во всѣхъ этихъ уженьяхъ, ловлѣ птицъ, собираніи бабочекъ, насѣкомыхъ, грибовъ, растеній. Эта природа наполняетъ, главнымъ образомъ, духовный міръ ребенка, давая ему на всю жизнь множество разнообразныхъ и неизгладимыхъ впечатлѣній, дѣлаетъ его до конца дней самымъ страстнымъ и неизмѣннымъ своимъ поклонникомъ. Къ этой природѣ постоянно рвется онъ изъ гимназіи, мечтая до галлюцинацій о деревнѣ и любимыхъ занятіяхъ; въ ней находитъ и впослѣдствіи радость и утѣшеніе, и ждетъ не дождется, когда удастся

вырваться изъ города на широкій ея просторъ. «Мнѣ ли, страстному поклоннику вѣчныхъ красотъ природы и моего чуднаго, родимаго края, свободы его полей и лѣсовъ, его роскошнаго простора и приволья,—восклицаетъ Аксаковъ въ своихъ «*Литературныхъ и театральныхъ воспоминаніяхъ*», удивляясь грусти, съ которой онъ уѣзжалъ изъ Москвы въ 1821 г.,—мнѣ-ли, безумному охотнику, грустить, разставаясь съ неволей и шумомъ городской жизни, съ пыльной и душной Москвой? Всегда весело разставался я съ обѣими столицами, всегда съ радостнымъ волненіемъ спѣшилъ въ благословенную деревню». Это то здоровое чувство природы, всегда составлявшее, такъ сказать, часть души Аксакова, его «святую святыхъ», и уберегло въ немъ художника, который и сказался прежде всего именно въ разсказахъ о природѣ. Можно, кажется, сказать съ полною увѣренностью, что деревня то, гдѣ провелъ Сергѣй Тимоѳеевичъ свое дѣтство и столько лѣтъ безвыѣздно потомъ, и гдѣ, наконецъ, живалъ подолгу почти до самой смерти, больше всего и сохранило въ немъ талантъ, не смотря на всѣ неблагопріятныя, какъ мы видѣли, условія его развитія.

Художникъ жилъ въ Аксаковѣ съ юности и въ его страсти къ драматическому искусству, которому отдаться вполнѣ, въ качествѣ присяжнаго артиста, ему не пришлось, но къ которому обнаруживалъ онъ талантъ недюженный и рѣдкій вкусъ въ оцѣнкѣ игры такихъ артистовъ, какъ М. С. Щепкинъ, Мочаловъ и др., обращавшихся къ нему за совѣтомъ и проходившихъ съ нимъ роли. И какъ ни напыщенъ и ни искусственъ былъ петербургскій и московскій репертуаръ первой четверти нашего столѣтія, но стремленіе къ простотѣ и естественности, какъ первое условіе истиннаго искусства, уже отличали нѣкоторыхъ лучшихъ нашихъ артистовъ. Можетъ быть, тотъ же Шушеринъ, отнявшій у юноши столько непроизводительнаго времени, своей естественной игрой и декламаціей болѣе или менѣе способствовалъ образованію его художествен-

наго вкуса. Этотъ вкусъ сказывается даже и въ театральныхъ рецензіяхъ и въ воспоминаніяхъ писателя, который всегда придаетъ въ игрѣ артиста особенное значеніе той же простотѣ и естественности. Говорить ли еще о также присущихъ художнику качествахъ: простотѣ, сердечности, задушевности, вообще отличавшихъ Сергѣя Тимоѳеевича въ отношеніяхъ къ людямъ? Эти качества составляютъ наиболѣе рѣзкія черты его характера, всегда привлекавшія къ нему всѣхъ, кто бы съ нимъ ни встрѣчался.

Такимъ образомъ, не смотря на увлеченіе ложнымъ классицизмомъ и всякими литературными и театральными пустяками, въ Аксаковѣ всегда и до появленія въ 1834 г. въ сборникѣ Максимовича «*Денница*» перваго художественнаго произведенія «*Буранъ*» таился истинный художникъ, но только еще не обрѣтшій своей настоящей дороги. Разсказикъ, напечатанныой безъ подписи автора, написался случайно, между работой надъ преобразованіемъ въ Институтѣ Константиновскаго Межеваго Училища, гдѣ Аксаковъ служилъ инспекторомъ. Не зная, чтобы такое дать въ книжку пріятеля, неотступную просьбу котораго хотѣлось исполнить, Сергѣй Тимоѳеевичъ попробовалъ вспомнить о слышанномъ еще въ дорогомъ ему Оренбургскомъ краѣ разсказѣ о пострадавшемъ въ метель обозѣ, и вотъ явилась статейка, съ которой и начинается художественная дѣятельность писателя. Интересно при этомъ то обстоятельство, что статейку первый, не зная, кто ее написалъ, замѣтилъ и оцѣнилъ по достоинству никто иной, какъ редакторъ Московскаго Телеграфа, Н. А. Полевой, котораго Сергѣй Тимоѳеевичъ такъ не любилъ, и даже «прижималъ», будучи цензоромъ. Вотъ что, какъ вспоминаетъ самъ Аксаковъ, приблизительно писалъ рецензентъ Телеграфа, расхвалившій сборникъ, и особенно статейку: «Буранъ»—мастерское изображеніе зимней вьюги въ степяхъ Оренбургскихъ, и если это отрывокъ изъ

романа или повѣсти, то можно поздравить публику съ художественнымъ произведенiемъ.»

Успѣхъ разсказика, понравившагося и Гоголю, увлеченiе сочиненiями послѣдняго, повѣсти Пушкина, новые взгляды на искусство, проникшiе съ поступленiемъ Константина въ Университетъ въ аксаковскую семью, наконецъ, побужденiя писать, шедшiя отъ самаго Гоголя,—все это вмѣстѣ, конечно, имѣло влiянiе на выступленiе Сергѣя Тимоѳеевича на свою настоящую литературную дорогу; но, какъ совершенно справедливо, по нашему мнѣнiю, объясняетъ А. С. Хомяковъ, первое крупное произведенiе «Записки объ уженьѣ рыбы» вызвано не какими нибудь особыми художественными цѣлями, а прихотью страстнаго рыболова, «лишеннаго случайностями жизни привычнаго наслажденiя». «Сергѣй Тимоѳеевичъ просто захотѣлъ вспомнить старые годы, прежнiя тихiя радости, а вслѣдствiе въ высшей степени общительнаго нрава пожелалъ передать ихъ, объяснить ихъ другимъ,—и написалась книга, о которой авторъ никогда и не мечталъ, чтобы она доставила ему литературную извѣстность».

Читатель тоже принялся за книгу безъ всякихъ художественныхъ ожиданiй или требованiй, просто въ надеждѣ узнать кое что объ искусствѣ уженья... и вдругъ оказалось, что отъ книги нельзя оторваться; что всѣ эти потоки, разливы озеръ и прудовъ, всѣ эти рыбы и рыбки живутъ, согрѣтыя необыкновенной симпатiей автора, и вся книга есть совсѣмъ оригинальное художественное произведенiе. Книгу прочли, критика оцѣнила ее по достоинству, и литературная извѣстность была сдѣлана. А тамъ, подъ влiянiемъ успѣха, похвалъ Гоголя, одобренiй любимыхъ сыновей, Сергѣй Тимоѳеевичъ далъ своимъ воспоминанiямъ уже полную волю и, охваченный вдохновенiемъ художника, такъ долго въ немъ таившагося, перешелъ отъ уженья къ охотѣ, и наконецъ, къ изображенiю въ «Семейной Хроникѣ» и «Дѣтскихъ годахъ» человѣческой жизни. Болѣе полвѣка таившiйся въ человѣкѣ художникъ

не только воспрянулъ для всѣхъ совершенно неожиданно, но и развернулъ, хотя и на закатѣ жизни, свой талантъ во всю ширь и глубь въ кругу матерьяла, близко знакомаго автору и столь любимаго имъ съ дѣтства.

Посмотримъ же, въ чемъ заключается художественность творчества Аксакова. Прежде всего отличаетъ ее удивительный *языкъ*, дѣлающій Сергѣя Тимоѳеевича писателемъ положительно образцовымъ, котораго съ этой стороны необходимо изучать. Всякое впечатлѣніе, всякій предметъ, будь это природа, рыба, птица, звѣрь, человѣкъ, всякое чувство съ его малѣйшими оттѣнками находятъ въ немъ совершенно точное, ясное, и притомъ, поразительно простое, мѣткое, выраженіе именно въ такомъ словѣ, которое врѣзывается въ память и даетъ читателю вполнѣ опредѣленное представленіе даннаго предмета. Какъ ни прекрасенъ, напримѣръ, языкъ Тургенева въ описаніяхъ природы; но языкъ Аксакова еще проще и ярче. Разнообразіе, богатство чисто народныхъ русскихъ словъ и оборотовъ у него поразительное. Для малѣйшаго оттѣнка въ рисовкѣ самыхъ различныхъ пейзажей разнаго характера и разныхъ временъ года, для всѣхъ этихъ мелкихъ характеристикъ разнообразнѣйшаго животнаго царства, рыбъ, дичи, звѣрушекъ, для означенія ихъ движеній, издаваемыхъ ими звуковъ,—для всего этого есть у Аксакова обильнѣйшій словесный запасъ, откуда онъ беретъ всегда именно только то, что въ данномъ случаѣ наиболѣе умѣстно, необходимо. С. А. Венгеровъ (критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ т. I, 187), приводя случайно взятый отрывокъ въ восемь строкъ изъ охотничьихъ записокъ, изображающій птичьи крики въ лѣсу, справедливо указываетъ на разнообразіе употребленныхъ для этого изображенія глаголовъ, которыхъ насчитывается до одиннадцати по особому глаголу для каждой птицы. «На подобное словесное богатство, говоритъ г. Венгеровъ, читатель натыкается буквально на каждой страницѣ

охотничьихъ записокъ» (мы бы прибавили, что и въ другихъ художественныхъ произведеніяхъ Аксакова), «и если когда нибудь Академія Наукъ вздумаетъ издать словарь языка Сергѣя Тимоѳеевича, то этотъ словарь будетъ одинъ изъ самыхъ полныхъ, одинъ изъ самыхъ обильныхъ тонкими и разнообразными оттѣнками, и притомъ, не отвлеченными словами, а конкретными, нужными для точной обрисовки реальныхъ качествъ и свойствъ». Языкъ Аксакова, самъ по себѣ, даже независимо отъ содержанія, представляетъ собой идеальный образецъ пластичности и простоты, которыхъ достигали только величайшіе писатели. «Это, по выраженію И. С. Тургенева, настоящая русская рѣчь, добродушная и прямая, гибкая и ловкая».

Вторая стихія творчества Сергѣя Тимоѳеевича, это *вымыселъ*,—не тотъ вымыселъ, который является въ созданіи образовъ и картинъ, хотя бы и возможныхъ, но въ дѣйствительности несуществующихъ,- а тотъ, который, пользуясь реальнымъ содержаніемъ, дѣйствительными фактами и лицами, съ особымъ искусствомъ сжато выставляетъ существенное, выдающееся, наиболѣе присущее, свойственное предмету, опуская случайное, добавляя недостающее, сопоставляя, комбинируя въ одно стройное цѣлое черты разрозненныя, разбросанныя, такъ что подъ перомъ писателя все, что онъ ни изображаетъ, пейзажъ ли, птицу ли, человѣка,—все выходитъ такъ ярко и типично, что нельзя ничего ни прибавить, ни убавить. Степи, лѣса, воды, метели, все это у него общія, типическія формы *русской* природы, дающія полное знакомство съ ней вообще, конечно, по преимуществу съ природой Оренбургскаго края. Всѣ эти рыбы, птицы, звѣри, начиная съ наружнаго ихъ вида, и кончая нравами—опять таки типическія изображенія *русскихъ* животныхъ, представляемыя такъ, что всѣ онѣ живутъ передъ читателемъ, раскрываясь ему во всей полнотѣ своей сущности; и кажется, что онъ, читатель, точно самъ живетъ между ними. «Когда я прочелъ, напри-

мѣръ, статью о тетеревѣ, — восклицаетъ восторгающійся «Записками ружейнаго охотника» И. С. Тургеневъ, посвятившій имъ прекрасную статью; — мнѣ, право, показалось, что лучше тетерева жить невозможно... Еслибъ тетеревъ могъ разсказать о себѣ, онъ бы, я въ томъ увѣренъ, ни слова не прибавилъ бы къ тому, что о немъ повѣдалъ намъ авторъ. Тоже самое можно сказать о гусѣ, уткѣ, вальдшнепѣ, — словомъ, обо всѣхъ птичьихъ породахъ, съ которыми онъ васъ знакомитъ.

Тотъ же творческій вымыселъ на твердой почвѣ дѣйствительности, вымыселъ, какъ сила выдвиженія существеннаго и концепсія въ цѣльномъ образѣ, врѣзывающемся въ память, видна и въ воспоминаніяхъ Аксакова. Всѣ эти лица, Шушеринъ, Державинъ, Шишковъ, мартинистъ Романовскій, обрисованы съ рельефностью необыкновенною и вводятъ читателя въ кругъ интимной жизни этихъ интересныхъ представителей русскаго общества начала нынѣшняго столѣтія. Но наибольшая сила этого творческаго вымысла проявилась въ «Семейной хроникѣ», гдѣ матерьяломъ художнику служили уже не его близкіе знакомые или родители, и не собственныя, какъ въ «Дѣтскихъ годахъ», воспоминанія пережитаго, а фамильныя преданія. Здѣсь Аксаковъ уже прямо возвышается до созданія *общихъ, крупныхъ русскихъ типовъ*, и имена дѣдушки Багрова и Куролесова стали у насъ нарицательными, наравнѣ съ безсмертными типами Гоголя.

Третья творческая стихія Сергѣя Тимоѳеевича— «то *чувство*, то отношеніе къ изображаемому, которымъ проникнуты его произведенія. Какъ, повидимому, ни спокойно, ни объективно ведется безхитростный разсказъ старика о давно минувшемъ; но повсюду, между строкъ, вы видите любящую душу, проникнутую самою широкою гуманностью. Какою то трезвою, трогательною жизнерадостностью, чѣмъ то милымъ, сердечнымъ, вѣетъ отъ этихъ успокаивающихъ душу разсказовъ. Любъ

этому старику и весь міръ Божій съ его природой, съ которой «дышетъ онъ одною жизнью», со всякою тварью,—этотъ міръ населяющей, съ дорогой родиной, которую онъ такъ любитъ безъ всякой задней мысли, за нее самое, какъ любитъ мать своего ребенка; любъ ему и человѣкъ въ этомъ мірѣ: кто бы онъ ни былъ, баринъ, или мужикъ, всякаго опишетъ Аксаковъ съ любовью и вниманіемъ, безъ раздраженія или осужденія, хотя бы то былъ самъ Куролесовъ съ его возмутительнымъ безобразіемъ, или жалкія эгоистки тетеньки. Онъ знаетъ, что пороки и слабости изображаемыхъ имъ лицъ въ значительной степени зависѣли отъ вѣка и условій жизни, и потому относится къ нимъ, подобно бытописателю, лѣтописцу, вспоминающему подъ старость то, что сохранила ему память, снисходительно и спокойно. Но особенной теплотой дышатъ тѣ страницы, гдѣ онъ говоритъ о людяхъ, ему дорогихъ: дѣдушкѣ, матери, сестрѣ, своихъ воспитателяхъ, обо всѣхъ, кто его любилъ, кому онъ былъ обязанъ чѣмъ нибудь въ дѣтствѣ, напр., о нянѣ, дядькѣ, или съ кѣмъ находилъ отраду, дѣлилъ дружбу въ своей молодости. Это то любовное, широко гуманное чувство, то трогательно благодарное, то всепрощающее,—чувство, не заслоняющее отъ читателя самихъ изображеній и позволяющее каждому дѣлать изъ нихъ свободный выводъ, дѣлаетъ Сергѣя Тимоѳеевича писателемъ особенно симпатичнымъ.

Указавъ на особенности творчества Сергѣя Тимоѳеевича, скажемъ въ заключеніе очерка, какое же его значеніе въ нашей литературѣ, и что онъ въ нее внесъ.

Въ ряду крупнѣйшихъ классическихъ нашихъ писателей девятнадцатаго вѣка Аксаковъ представляетъ собою явленіе совершенно особое не только по позднему проявленію таланта, но и по характеру и содержанію сочиненій. Это, подобно Гоголю, писатель вполнѣ *оригинальный*, *русскій*, *непосредственный*, *самородный*. Точно также, какъ и Гоголя, его мало коснулось европейское образованіе, да и

то, такъ сказать, заднимъ числомъ. Въ то время, какъ въ русской литературѣ уже господствовалъ романтизмъ, байронизмъ, въ двадцатыхъ годахъ являются Пушкинъ и Грибоѣдовъ, оба воспитавшіеся на просвѣтительныхъ западныхъ вліяніяхъ, Аксаковъ все еще остается ложно-классикомъ, однимъ изъ многочисленныхъ посредственныхъ литераторовъ-любителей, пописывавшихъ незначительныя статейки въ журналахъ да кое что переводившихъ. Является и Лермонтовъ, и успѣваетъ сойти въ могилу, не произведя на Аксакова впечатлѣнія; ведутся ожесточенные споры между москвичами-славянофилами и петербуржцами-западниками, съ Бѣлинскимъ во главѣ. Цѣлая исторія славянофильства и западничества проходитъ, по выраженію одного критика, предъ глазами Аксакова; въ литературу выступаютъ новыя силы, Герценъ, Григоровичъ, Тургеневъ, а онъ, Аксаковъ, замкнувшись въ тѣсномъ кругу семьи и московскихъ друзей, остается совершенно въ сторонѣ отъ новыхъ литературныхъ движеній, не примыкая ни къ одной изъ партій, ни къ славянофиламъ, ни къ западникамъ. Между тѣмъ, подъ вліяніемъ родственнаго ему по непосредственности самородка Гоголя и другими вліяніями, о которыхъ мы уже говорили, онъ совершенно освобождается отъ прежнихъ литературныхъ традицій и создаетъ совсѣмъ новую, свою литературу, черпая содержаніе прямо изъ русской природы и русскаго быта, почти нетронутаго никакой цивилизаціей, и рисуя эту природу и эту жизнь безъ малѣйшаго рефлекса.

Такимъ образомъ, Аксаковъ, подобно Гоголю, писатель вполнѣ оригинальный, только въ совершенно другой, противоположной ему области. Если Гоголь касается природы только попутно, для обрисовки мѣста дѣйствія, у Аксакова эта природа становится единственной темой трехъ книгъ: «Записки объ уженьѣ рыбы» (1847), «Записки ружейнаго охотника» (1852) и «Разсказы и воспоминанія охотника» (1855) и не мало занимаетъ мѣста въ

«Семейной Хроникѣ» и «Дѣтскихъ годахъ». Если Гоголь изображаетъ помѣщиковъ современныхъ, тронутыхъ внѣшностью цивилизаціи, и притомъ, пошляковъ и чудаковъ, относясь къ нимъ съ горькимъ юморомъ; Аксаковъ, напротивъ, рисуетъ помѣщичью старину глухой окраины, гдѣ наиболѣе полно сохранились формы патріархальнаго помѣщичьяго быта, характеры, такъ сказать, стихійные, непосредственные, въ которыхъ рядомъ съ дикимъ произволомъ и самодурствомъ, какъ въ старикѣ Багровѣ, уживаются и многія прекрасныя качества, возбуждающія въ авторѣ сочувствіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, рядомъ съ помѣщиками, у Аксакова въ обоихъ главнѣйшихъ произведеніяхъ, «Семейной Хроникѣ» и «Дѣтскихъ годахъ», находится и изображеніе народа съ его тяжелымъ трудомъ, великимъ терпѣніемъ и незлобіемъ. И если Гоголь показалъ намъ помѣщичью жизнь во всей пошлости ея содержанія, Григоровичъ и Тургеневъ, давшій себѣ аннибаловскую клятву борьбы съ крѣпостнымъ правомъ, выдвинули именно крѣпостныя отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ, а позднѣе Салтыковъ въ «Пошехонской старинѣ» и «Головлевыхъ» ярко выставилъ весь *ужасъ* этой жизни, не пожалѣвъ для ея изображенія мрачныхъ красокъ, Аксаковъ посмотрѣлъ на этихъ помѣщиковъ взглядомъ, такъ сказать, историка, художника, для котораго событія и лица, отошедшія въ даль прошлаго, являются естественными слѣдствіями извѣстнаго порядка вещей. Всѣ герои его повѣствованій, добрые и злые, худые и хорошіе, умные и глупые, суть прежде всего люди, въ которыхъ, рядомъ со зломъ, есть, болѣе или менѣе, и добро, которое онъ и раскрываетъ, не умалчивая о злѣ, относясь къ нему спокойно и снисходительно. Художественное возсозданіе нашего стариннаго степнаго помѣщичьяго быта въ общей неодносторонней и безпристрастно спокойной картинѣ, составляетъ самое главное достоинство «Семейной Хроники», которой, вмѣстѣ съ «Дѣтскими годами», справедливо гордится рус-

ская литература. И если всякому русскому образованному человѣку обязательно знать такія вещи, какъ «Мертвыя души», «Записки охотника», «Деревню» и «Антона Горемыку», «Пошехонскую старину», то для безпристрастной и разносторонней оцѣнки русской помѣщичьей жизни необходимо знать и Аксакова, къ которому по глубокой художественности, спокойному и объективному изображенію дѣйствительности, наиболѣе подходятъ «Старосвѣтскіе помѣщики» Гоголя, Гончаровъ съ его «Обломовымъ» и «Обрывомъ» и гр. Л. Н. Толстой съ «Дѣтствомъ и отрочествомъ». По законченности же, разносторонности и широтѣ картины, гдѣ все строго сосредоточено на изображеніи помѣщичьяго быта, безъ всякихъ примѣсей вродѣ романической интриги, или изображеній сценъ изъ другаго быта, «*Семейная хроника*» въ русской литературѣ произведеніе единственное, съ котораго слѣдуетъ начинать изученіе помѣщичьей Руси. Значительно слабѣе нѣсколько растянутые «*Дѣтскіе годы*», гдѣ многое повторяется изъ того, что такъ ярко и сжато было сказано въ «Хроникѣ»; но зато здѣсь также много прекрасныхъ картинъ природы, сценъ и лицъ, и все произведеніе представляетъ самую полную и художественную, дѣтскую психологію, съ которой у насъ можетъ быть сравнено только «Дѣтство и отрочество» гр. Л. Н. Толстаго.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ объ Аксаковѣ, какъ *мемуаристъ*. Если упреки въ излишней мелочности фактовъ и личномъ и анекдотическомъ характерѣ справедливы по отношенію къ «*Литературнымъ и театральнымъ воспоминаніямъ*», то отнюдь нельзя сказать этого про такія статьи, какъ «Воспоминанія о Шишковѣ», «Знакомство съ Державинымъ», «Я. Е. Шушеринъ» и «Встрѣча съ мартинистами». Какъ уже сказано ранѣе, онѣ, отличаясь всѣми качествами таланта писателя, даютъ яркія картины времени и художественные портреты замѣчательныхъ людей эпохи начала девятнадцатаго столѣтія, изображенныхъ съ мельчай-

шими подробностями ихъ домашняго быта, и читаются съ величайшимъ интересомъ. Что же касается «Исторіи знакомства съ Гоголемъ» и «Воспоминаній о гимназіи и университетѣ», то интересъ ихъ ужъ не художественный, а чисто біографическій.

Кромѣ нами указаннаго, есть у Сергѣя Тимоѳеевича довольно много и другихъ статей, какъ относящихся къ раннему періоду его дѣятельности, такъ и позднѣйшихъ журнальныхъ, но мы не будемъ говорить о нихъ, отсылая интересующихся къ полному собранію сочиненій Аксакова, гдѣ собрано все, что когда либо было имъ напечатано. Не въ этихъ статьяхъ слава писателя и интересъ для потомства, которое будетъ наслаждаться только тѣмъ, что создалось Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ, начиная съ «*Записокъ объ уженьѣ рыбы*» и особенно «*Семейной Хроникой*» и «*Дѣтскими годами*», какъ разсказами о живыхъ людяхъ. Не считая указанныхъ воспоминаній, до настоящаго времени дожили и будутъ жить въ русской литературѣ всегда только пять его книгъ: «Записки объ уженьѣ», «Записки ружейнаго охотника», «Разсказы и воспоминанія охотника», «Семейная хроника» и «Дѣтскіе годы», но за то, къ этимъ книгамъ будутъ обращаться съ чувствомъ національной гордости всѣ, въ комъ не заглохло чутье правды, красоты, добра, любви къ родинѣ, природѣ, человѣку. И если бы попросили насъ сказать въ нѣсколькихъ словахъ, въ чемъ заключается значеніе, какъ писателя, этого добродушнаго, симпатичнаго старика, чье кроткое и болѣзненное лицо привѣтливо глядитъ на насъ съ портрета, мы бы сказали:

Онъ очень любилъ міръ Божій, болѣе всего родину, а въ ней природу и человѣка. Богъ далъ ему великій даръ писать просто и душевно. Долго, до старости, не чуялъ онъ въ себѣ этого дара, но, почуявъ, разсказалъ о томъ, что зналъ и любилъ. И оставилъ онъ намъ чудные разсказы о родныхъ степяхъ, рѣкахъ, озерахъ, болотахъ, лѣсахъ, поляхъ,

метеляхъ и вьюгахъ, о красѣ весны и лѣта; разсказы, какъ живетъ рыба, дичь, звѣрь, и, наконецъ, и о томъ, какъ жили, или, вѣрнѣе, прозябали среди этой природы въ сытомъ бездѣльи, на готовомъ хлѣбѣ, добытомъ тяжелымъ крестьянскимъ трудомъ, старинные простые русскіе люди, по своему, непосредственно, стихійно чувствуя, не задаваясь никакими вопросами, не мучаясь никакими сомнѣніями. Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ,— нашъ вполнѣ національный русскій поэтъ безъ рефлекса и пытливаго анализа, непосредственно созерцающій жизнь и дающій намъ вѣрныя ея изображенія, согрѣтыя чувствомъ теплой любви. Изображенія эти не многочисленны, не разнообразны, но за то все, что онъ далъ, исчерпано до глубины и тонкости поразительной, и притомъ, такъ, что и этой природы, и этого наивнаго изображеннаго имъ человѣка не полюбить нельзя. Вотъ въ чемъ сила этого писателя, истиннаго сына русской земли, едва тронутой плугомъ, какъ и эта земля, заключающаго въ самомъ себѣ великую творящую силу, которая при другихъ условіяхъ, болѣе благопріятныхъ, развернулась бы шире и разнообразнѣе. Но и того, что эта сила произвела, слишкомъ довольно, чтобы къ ней отнеслось съ признательностью благодарное потомство.

Викторъ Острогорскій.

С.-Петербургъ.
1 августа 1891 года.

Дѣтскіе годы

Багрова-внука.

Предисловіе

Ивана Сергѣевича Аксакова

къ прежнимъ изданіямъ.

Первое изданіе „Дѣтскихъ годовъ Багрова-внука" вышло въ свѣтъ еще при жизни автора, незадолго до его кончины. Новое изданіе печатается съ перваго, безъ измѣненій, съ сохраненіемъ даже того обращенія „къ читателямъ", въ которомъ С. Т. Аксаковъ объясняетъ, что этихъ разсказовъ не слѣдуетъ принимать за личныя его воспоминанія и что они только записаны имъ со словъ молодаго Багрова... Подобное же объясненіе сопровождало и первыя три изданія „Семейной Хроники", и только недавно, въ четвертомъ изданіи, вставлено нами „Предувѣдомленіе", которое окончательно снимаетъ съ „Хроники" завѣсу (и безъ того, впрочемъ, очень прозрачную), и которое, по тѣсной связи „Хроники" съ „Дѣтскими годами", мы считаемъ вполнѣ умѣстнымъ перепечатать и здѣсь. Вотъ это „Предувѣдомленіе":

„Книга, извѣстная подъ общимъ названіемъ „Семейной Хроники", дѣлится на двѣ части: первая состоитъ изъ пяти

отрывковъ „Хроники семейства Багровыхъ“; вторая — изъ личныхъ „Воспоминаній“ С. Т. Аксакова о годахъ воспитанія и первой молодости. Во всѣхъ трехъ предшествовавшихъ изданіяхъ печаталось обращеніе автора къ читателямъ, въ которомъ онъ предувѣдомлялъ ихъ, что отрывки изъ „Хроники семейства Багровыхъ, близкихъ его сосѣдей, не „имѣютъ ничего общаго съ собственными его „Воспомина-„ніями“, кромѣ сходства въ названіи мѣстностей и въ нѣ-„которыхъ именахъ, данныхъ имъ произвольно». Такое предувѣдомленіе было въ то время нужно, не потому, чтобы авторъ полагалъ возможнымъ увѣрить читателей въ отсутствіи тождества обоихъ названій: Багровыхъ и *Аксаковыхъ*, Куролесовыхъ и *Куроѣдовыхъ* и проч.,—а потому, что такимъ способомъ авторъ надѣялся предотвратить толки и пересуды, непріятные для родственнаго чувства многихъ, тогда еще живыхъ, членовъ этихъ двухъ семействъ; надѣялся удержать журнальную критику въ предѣлахъ чисто-литературной оцѣнки выставленныхъ имъ характеровъ и типовъ, безъ всякаго нескромнаго разоблаченія тѣхъ обстоятельствъ, которыя могли, конечно, подразумѣваться, но которымъ еще не пришло время выступить гласно наружу.

„Но теперь, когда уже протекло пятнадцать лѣтъ со дня кончины автора; когда и другихъ многихъ, близкихъ родственниковъ уже нѣтъ и описываемыя имъ событія еще глубже ушли въ историческую даль,—теперь нѣтъ никакой надобности скрывать то, что̀ и прежде подразумѣвалось и что, будучи обнаруженнымъ и признаннымъ, способно придать всей книгѣ, сверхъ ея художественнаго достоинства, еще новое, положительное достоинство живой, несомнѣнной

правды, значеніе важнаго матеріала для исторіи русскаго общества. Одни и тѣ же лица выступаютъ и въ „Отрывкахъ изъ Семейной Хроники“ и въ „Воспоминаніяхъ“, и читатель можетъ, не смущаясь прежними предувѣдомленіями, слѣдить развитіе характеровъ и составить себѣ цѣльную картину семейнаго быта по обѣимъ частямъ книги, почти за три четверти вѣка тому назадъ. — Мы однакоже сохранили въ отрывкахъ изъ „Семейной Хроники“ прежнія вымышленныя названія, такъ какъ они уже получили извѣстность и нѣкоторое право гражданства въ русской литературѣ, — но объяснили въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ настоящія имена какъ мѣстностей, такъ и лицъ...“

На томъ же основаніи удерживаемъ мы и въ настоящемъ изданіи „Дѣтскихъ годовъ“ вымышленныя названія Багровыхъ, Куролесовыхъ и нѣкоторыя другія.

Итакъ, пусть читатель знаетъ, что одни и тѣ же лица выступаютъ и въ „Отрывкахъ изъ Хроники семейства Багровыхъ“, изъ которыхъ въ послѣднемъ, именно пятомъ отрывкѣ разсказывается рожденіе Багрова-внука, — и въ „Дѣтскихъ годахъ“, непосредственно слѣдующихъ за пятымъ отрывкомъ, и наконецъ въ приложенныхъ къ „Хроникѣ“ и изданныхъ одновременно съ нею „Воспоминаніяхъ“, непосредственно связывающихся съ „Дѣтскими годами“ разсказомъ о вступленіи Багрова-внука или С. Т. Аксакова въ Казанскую гимназію, — разсказомъ, который ведется С. Т. Аксаковымъ уже не подъ вымышленнымъ именемъ, а прямо отъ своего лица. Точно также и мать автора, Марья Николаевна Аксакова, называемая настоящимъ своимъ именемъ въ „Воспоминаніяхъ“,—то же самое лицо, которое въ „Хро-

никѣ“ и „Дѣтскихъ годахъ“ является подъ именемъ Софьи Николаевны Багровой,—а часто упоминаемая въ „Дѣтскихъ годахъ“ Прасковья Ивановна Куролесова—есть героиня разсказа „Хроники“ о Куролесовѣ, т. е. Куроѣдовѣ,—Надежда Ивановна Куроѣдова, освобожденная съ бою Степаномъ Михайловичемъ Багровымъ (т. е. Аксаковымъ) изъ-подъ желѣзныхъ затворовъ своего злодѣя-мужа.

Иванъ Аксаковъ.

Видъ мельницы на рѣкѣ Бугурусланѣ.
Описанный въ Семейной Хроникѣ.

Домъ въ Знаменскомъ «Аксаково».
Описанный въ Семейной Хроникѣ.

ВНУЧКѢ МОЕЙ,

Ольгѣ Григорьевнѣ

АКСАКОВОЙ.

26 Декабря, 1854 года.

Шестилѣтней Олѣ.

Рано дѣдъ проснулся,
Крякнулъ, потянулся;
Давши мыслямъ волю,
Вспомнилъ внучку Олю.
Семь часовъ пробило;
Затопили печку,
Темно очень было
И зажегъ онъ свѣчку,
И дѣдушка хилый
Къ внучкѣ своей милой
Пишетъ поздравленье
Съ днемъ ея рожденья.
Пишетъ понемногу,
Часто отдыхая,
Самъ молится Богу,
Олю вспоминая.
«Дай Богъ, чтобы снова
«Оличька была
«Весела, здорова—
«Какъ всегда мила;
«Чтобъ была забавой
«Матери съ отцемъ:
«Кроткимъ, тихимъ нравомъ,
«Сердцемъ и умомъ!»

Если Богъ дастъ силы,
Ровно черезъ годъ,
Олѣ, внучкѣ милой,
Дѣдушка пришлетъ
Книжку небольшую
И разскажетъ въ ней:
Про весну младую,
Про цвѣты полей,
Про малютокъ птичекъ,
Про гнѣздо яичекъ,
Бабочекъ красивыхъ,
Мотыльковъ игривыхъ,
Про лѣснаго Мишку,
Про грибочекъ бѣлый,
И—читать день цѣлый
Станетъ Оля книжку.

Дѣдушка Сергѣй Аксаковъ.

Къ читателямъ.

Я написалъ отрывки изъ „Семейной Хроники“ по разсказамъ семейства гг. Багровыхъ, какъ извѣстно моимъ благосклоннымъ читателямъ. Въ эпилогѣ къ пятому и послѣднему отрывку, я простился съ описанными мною личностями, не думая, чтобы мнѣ когда-нибудь привелось говорить о нихъ. Но человѣкъ часто думаетъ ошибочно: внукъ Степана Михайловича Багрова разсказалъ мнѣ съ большими подробностями исторію своихъ дѣтскихъ годовъ; я записалъ его разсказы съ возможною точностью, а какъ они служатъ продолженіемъ „Семейной Хроники“, такъ счастливо обратившей на себя вниманіе читающей публики, и какъ разсказы эти представляютъ довольно полную исторію дитяти, жизнь человѣка въ дѣтствѣ, дѣтскій міръ, созидающійся постепенно подъ вліяніемъ ежедневныхъ, новыхъ впечатлѣній, то я рѣшился напечатать записанные мною разсказы. Желая,

по возможности, передать живость изустнаго повѣствованія, я вездѣ говорю прямо отъ лица разскащика. Прежнія лица „Хроники“ выходятъ опять на сцену, а старшія, то-есть, дѣдушка и бабушка, въ продолженіе разсказа оставляютъ ее навсегда... Снова поручаю моихъ Багровыхъ благосклонному вниманію читателей.

С. Аксаковъ.

Вступленіе.

Я самъ не знаю, можно ли вполнѣ вѣрить всему тому, что сохранила моя память? Если я помню дѣйствительно случившіяся событія, то это можно назвать воспоминаніями не только дѣтства, но даже младенчества. Разумѣется, я ничего не помню въ связи, въ непрерывочной послѣдовательности; но многіе случаи живутъ въ моей памяти до сихъ поръ со всею яркостью красокъ, со всею живостью вчерашняго событія. Будучи лѣтъ трехъ или четырехъ, я разсказывалъ окружающимъ меня, что помню, какъ отнимали меня отъ кормилицы... Всѣ смѣялись моимъ разсказамъ и увѣряли, что я наслушался ихъ отъ матери или няньки, и подумалъ, что это я самъ видѣлъ. Я спорилъ, и въ доказательство приводилъ иногда такія обстоятельства, которыя не могли мнѣ быть разсказаны, и которыя могли знать только я, да моя кормилица или мать. Наводили справки, и часто оказывалось, что дѣйствительно дѣло было такъ, и что разсказать мнѣ о немъ никто не могъ. Но не все, казавшееся мнѣ видѣннымъ, видѣлъ я въ самомъ дѣлѣ; тѣ же справки иногда доказывали, что многаго я не могъ видѣть, а могъ только слышать.

Итакъ, я стану разсказывать изъ до-исторической, такъ сказать, эпохи моего дѣтства только то, въ дѣйствительности чего не могу сомнѣваться.

Отрывочныя воспоминанія.

Самые первые предметы, уцѣлѣвшіе на ветхой картинѣ давно-прошедшаго, — картинѣ, сильно полинявшей въ иныхъ мѣстахъ отъ времени и потока шестидесяти годовъ, предметы и образы, которые еще носятся въ моей памяти,— кормилица, маленькая сестрица и мать; тогда онѣ не имѣли для меня никакого опредѣленнаго значенія и были только безъименными образами. Кормилица представляется мнѣ сначала какимъ-то таинственнымъ, почти невидимымъ существомъ. Я помню себя лежащимъ ночью, то въ кроваткѣ, то на рукахъ матери и горько плачущимъ: съ рыданіемъ и воплями повторялъ я одно и то же слово, призывая кого-то, и кто-то являлся въ сумракѣ слабоосвѣщенной комнаты, бралъ меня на руки, клалъ къ груди... и мнѣ становилось хорошо. Потомъ помню, что уже никто не являлся на мой крикъ и призывы, что мать, прижавъ меня къ груди, напѣвая одни и тѣ же слова успокоительной пѣсни, бѣгала со мной по комнатѣ до тѣхъ поръ, пока я засыпалъ. Кормилица, страстно меня любившая, опять нѣсколько разъ является въ моихъ воспоминаніяхъ, иногда вдали, украдкой смотрящая на меня изъ-за другихъ, иногда цѣлующая мои руки, лицо и плачущая надо мною. Кормилица моя была господская крестьянка и жила за 30 верстъ; она отправлялась изъ деревни пѣшкомъ въ субботу вечеромъ и приходила въ Уфу рано поутру въ воскресенье; наглядѣвшись на меня и отдохнувъ, пѣшкомъ же возвращалась въ свою Касимовку, чтобы поспѣть на барщину. Помню, что она одинъ разъ при-

ходила, а можетъ-быть и пріѣзжала какъ-нибудь, съ моей молочною сестрой, здоровой и краснощекой дѣвочкой.

Сестрицу я любилъ сначала больше всѣхъ игрушекъ, больше матери, и любовь эта выражалась безпрестаннымъ желаніемъ ее видѣть и чувствомъ жалости: мнѣ все казалось, что ей холодно, что она голодна и что ей хочется кушать; я безпрестанно хотѣлъ одѣть ее своимъ платьицемъ и кормить своимъ кушаньемъ; разумѣется, мнѣ этого не позволяли, и я плакалъ.

Постоянное присутствіе матери сливается съ каждымъ моимъ воспоминаніемъ. Ея образъ неразрывно соединяется съ моимъ существованіемъ, и потому онъ мало выдается въ отрывочныхъ картинахъ перваго времени моего дѣтства, хотя постоянно участвуетъ въ нихъ.

Тутъ слѣдуетъ большой промежутокъ, то есть темное пятно или полинявшее мѣсто въ картинѣ давно-минувшаго, и я начинаю себя помнить уже очень больнымъ, и не въ началѣ болѣзни, которая тянулась слишкомъ полтора года, не въ концѣ ея (когда я уже оправлялся), — нѣтъ, именно помню себя въ такой слабости, что каждую минуту опасались за мою жизнь. Одинъ разъ, рано утромъ, я проснулся или очнулся, и не узнаю, гдѣ я. Все было незнакомо мнѣ: высокая, большая комната, голыя стѣны изъ претолстыхъ новыхъ сосновыхъ бревенъ, сильный смолистый запахъ; яркое, кажется, лѣтнее солнце только-что всходитъ, и сквозь окно съ правой стороны, поверхъ рѣдиннаго полога, который былъ надо мною опущенъ, ярко отражается на противоположной стѣнѣ.... Подлѣ меня тревожно спитъ, безъ подушекъ и не раздѣтая, моя мать. Какъ теперь гляжу на черную ея косу, растрепавшуюся по худому и желтому ея лицу. Меня наканунѣ перевезли въ подгородную деревню Зубовку, верстахъ въ 10-ти отъ Уфы. Видно, дорога и произведенный движеніемъ спокойный сонъ подкрѣпили меня; мнѣ стало хорошо и весело, такъ что я нѣсколько минутъ съ любопытствомъ и удовольствіемъ разсматривалъ, сквозь пологъ, окружающіе меня новые предметы. Я не умѣлъ поберечь сна бѣдной моей матери, тронулъ ее рукой и сказалъ: «Ахъ, какое солнышко! Какъ хорошо пахнетъ!» Мать вско-

чила, въ испугѣ сначала, и потомъ обрадовалась, вслушавшись въ мой крѣпкій голосъ и взглянувъ на мое посвѣжѣвшее лицо. Какъ она меня ласкала, какими называла именами, какъ радостно плакала... этого не разскажешь!... Пологъ подняли; я попросилъ ѣсть, меня покормили и дали мнѣ выпить полъ-рюмки стараго рейнвейну, который, какъ думали тогда, одинъ только и подкрѣплялъ меня. Рейнвейну налили мнѣ изъ какой-то странной бутылки, со сплюснутымъ, широкимъ, круглымъ дномъ и длинною узенькою шейкою. Съ тѣхъ поръ я не видывалъ такихъ бутылокъ. Потомъ по просьбѣ моей достали мнѣ кусочки или висюлки сосновой смолы, которая вездѣ по стѣнамъ и косякамъ топилась, капала, даже текла понемножку, застывая и засыхая на дорогѣ и вися въ воздухѣ маленькими сосульками, совершенно похожими своимъ наружнымъ видомъ на обыкновенныя ледяныя сосульки. Я очень любилъ запахъ сосновой и еловой смолы, которою курили иногда въ нашихъ дѣтскихъ комнатахъ. Я понюхалъ, полюбовался, поигралъ душистыми и прозрачными смоляными сосульками; онѣ растаяли у меня въ рукахъ и склеили мои худые, длинные пальцы; мать вымыла мнѣ руки, вытерла ихъ насухо, и я сталъ дремать... Предметы начали мѣшаться въ моихъ глазахъ; мнѣ казалось, что мы ѣдемъ въ каретѣ, что мнѣ хотятъ дать лѣкарство, и я не хочу принимать его, что вмѣсто матери стоитъ подлѣ меня нянька Агафья или кормилица... Какъ заснулъ я и что было послѣ,—ничего не помню.

Часто припоминаю я себя въ каретѣ, даже не всегда запряженной лошадьми, не всегда въ дорогѣ. Очень помню, что мать, а иногда нянька держитъ меня на рукахъ, одѣтаго очень тепло, что мы сидимъ въ каретѣ, стоящей въ сараѣ, а иногда вывезенной на дворъ; что я хнычу, повторяя слабымъ голосомъ: «супу, супу», котораго мнѣ давали понемножку, несмотря на болѣзненный мучительный голодъ, смѣнявшійся иногда совершеннымъ отвращеніемъ отъ пищи. Мнѣ сказывали, что въ каретѣ я плакалъ менѣе и вообще былъ гораздо спокойнѣе. Кажется, господа доктора въ самомъ началѣ болѣзни дурно лѣчили меня и наконецъ залѣчили почти до смерти, доведя до совершеннаго ослабленія пищеварительные органы; а можетъ-быть, что мнительность,

излишнія опасенія страстной матери, безпрестанная перемѣна лѣкарствъ были причиною отчаяннаго положенія, въ которомъ я находился.

Я иногда лежалъ въ забытьи, въ какомъ-то среднемъ состояніи между сномъ и обморокомъ; пульсъ почти переставалъ биться, дыханіе было такъ слабо, что прикладывали зеркало къ губамъ моимъ, чтобъ узнать, живъ ли я; но я помню многое, что дѣлали со мной въ то время и что говорили около меня, предполагая, что я уже ничего не вижу, не слышу и не понимаю, что я умираю. Доктора и всѣ окружающіе давно осудили меня на смерть: доктора—по несомнѣннымъ медицинскимъ признакамъ, а окружающіе—по несомнѣннымъ дурнымъ примѣтамъ, неосновательность и ложность которыхъ оказались на мнѣ весьма убѣдительно. Страданій матери моей описать невозможно, но восторженное присутствіе духа и надежда спасти свое дитя—никогда ее не оставляли. «Матушка Софья Николавна, — не одинъ разъ говорила, какъ я самъ слышалъ, преданная ей душою, дальняя родственница Чепрунова, — перестань ты мучить свое дитя; вѣдь уже и доктора и священникъ сказали тебѣ, что онъ не жилецъ. Покорись волѣ Божіей: положи дитя подъ образа, затепли свѣчку и дай его ангельской душенькѣ выйдти съ покоемъ изъ тѣла. Вѣдь ты только мѣшаешь ей и тревожишь ее, а пособить не можешь...» Но съ гнѣвомъ встрѣчала такія рѣчи моя мать и отвѣчала, что покуда искра жизни тлѣется во мнѣ, она не перестанетъ дѣлать все, что̀ можетъ, для моего спасенія,—и снова клала меня, безчувственнаго, въ крѣпительную ванну, вливала въ ротъ рейнвейну или бульону, цѣлые часы растирала мнѣ грудь и спину голыми руками, а если и это не помогало, то наполняла легкія мои своимъ дыханьемъ—и я, послѣ глубокаго вздоха, начиналъ дышать сильнѣе, какъ-будто просыпался къ жизни, получалъ сознаніе, начиналъ принимать пищу и говорить, и даже поправлялся на нѣкоторое время. Такъ бывало не одинъ разъ. Я даже могъ заниматься своими игрушками, которыя разставляли подлѣ меня на маленькомъ столикѣ; разумѣется, все это дѣлалъ я лежа въ кроваткѣ, потому что едва шевелилъ своими пальцами. Но самое главное мое удовольствіе состояло въ томъ, что приносили ко мнѣ мою ми-

лую сестрицу, давали поцѣловать, погладить по головкѣ, а потомъ нянька садилась противъ меня, и я подолгу смотрѣлъ на сестру, указывая то на одну, то на другую мою игрушку, и приказывая подавать ихъ сестрицѣ.

Замѣтивъ, что дорога мнѣ какъ-будто полезна, мать ѣздила со мной безпрестанно: то въ подгорныя деревушки своихъ братьевъ, то къ знакомымъ помѣщикамъ; одинъ разъ, не знаю куда, сдѣлали мы большое путешествіе; отецъ былъ съ нами. Дорогой, довольно рано поутру, почувствовалъ я себя такъ дурно, такъ я ослабѣлъ, что принуждены были остановиться; вынесли меня изъ кареты, постлали постель въ высокой травѣ лѣсной поляны, въ тѣни деревьевъ, и положили почти безжизненнаго. Я все видѣлъ и понималъ, что̀ около меня дѣлали. Слышалъ, какъ плакалъ отецъ и утѣшалъ отчаянную мать, какъ горячо она молилась, поднявъ руки къ небу. Я все слышалъ и видѣлъ явственно, и не могъ сказать ни одного слова, не могъ пошевелиться,— и вдругъ точно проснулся и почувствовалъ себя лучше, крѣпче обыкновеннаго. Лѣсъ, тѣнь, цвѣты, ароматный воздухъ мнѣ такъ понравились, что я упросилъ не трогать меня съ мѣста. Такъ и простояли мы тутъ до вечера. Лошадей выпрягли и пустили на траву близехонько отъ меня, и мнѣ это было пріятно. Гдѣ-то нашли родниковую воду; я слышалъ, какъ толковали объ этомъ; развели огонь, пили чай, а мнѣ дали выпить отвратительной римской ромашки съ рейнвейномъ, приготовили кушанье, обѣдали и всѣ отдыхали, даже мать моя спала долго. Я не спалъ, но чувствовалъ необыкновенную бодрость и какое-то внутреннее удовольствіе и спокойствіе, или, вѣрнѣе сказать, я не понималъ, что̀ чувствовалъ, но мнѣ было хорошо. Уже довольно поздно вечеромъ, не смотря на мои просьбы и слезы, положили меня въ карету и перевезли въ ближайшую на дорогѣ татарскую деревню, гдѣ и ночевали. На другой день поутру я чувствовалъ себя также свѣжѣе и лучше противъ обыкновеннаго. Когда мы воротились въ городъ, моя мать, видя, что я сталъ немножко покрѣпче, и сообразя, что я уже съ недѣлю не принималъ обыкновенныхъ микстуръ и порошковъ, помолилась Богу и рѣшилась оставить уфимскихъ докторовъ, а принялась лѣчить меня по домашнему лѣчебнику Бухана. Мнѣ становилось часъ отъ часу лучше, и черезъ нѣсколько

мѣсяцевъ я былъ уже почти здоровъ; но все это время, отъ кормежки на лѣсной полянѣ до настоящаго выздоровленія, почти совершенно изгладилось изъ моей памяти. Впрочемъ, одно происшествіе я помню довольно ясно; оно случилось, по увѣренію меня окружающихъ, въ самой срединѣ моего выздоровленія...

Чувство жалости ко всему страдающему доходило во мнѣ, въ первое время моего выздоровленія, до болѣзненнаго излишества. Прежде всего это чувство обратилось на мою маленькую сестрицу: я не могъ видѣть и слышать ея слезъ или крика и сейчасъ начиналъ самъ плакать; она же была въ это время нездорова. Сначала мать приказала было перевести ее въ другую комнату; но я, замѣтивъ это, пришелъ въ такое волненіе и тоску, какъ мнѣ послѣ говорили, что поспѣшили возвратить мнѣ мою сестрицу. Медленно поправляясь, я не скоро началъ ходить, и сначала цѣлые дни, лежа въ своей кроваткѣ и посадивъ къ себѣ сестру, забавлялъ ее разными игрушками или показываніемъ картинокъ. Игрушки у насъ были самыя простыя: небольшіе гладкіе шарики или кусочки дерева, которые мы называли чурочками; я строилъ изъ нихъ какія-то клѣтки, а моя подруга любила разрушать ихъ, махнувъ своею ручонкой. Потомъ началъ я бродить и сидѣть на окошкѣ, растворенномъ прямо въ садъ. Всякая птичка, даже воробей, привлекала мое вниманіе и доставляла мнѣ большое удовольствіе. Мать, которая все свободное время отъ посѣщенія гостей и хозяйственныхъ заботъ проводила около меня, сейчасъ достала мнѣ клѣтку съ птичками и пару ручныхъ голубей, которые ночевали подъ моею кроваткой. Мнѣ разсказывали, что я пришелъ отъ нихъ въ такое восхищеніе и такъ его выражалъ, что нельзя было смотрѣть равнодушно на мою радость. Одинъ разъ, сидя на окошкѣ (съ этой минуты я все уже твердо помню), услышалъ я какой-то жалобный визгъ въ саду; мать тоже его услышала, и когда я сталъ просить, чтобы послали посмотрѣть, кто это плачетъ, что «вѣрно кому-нибудь больно»,— мать послала дѣвушку, и та, черезъ нѣсколько минутъ, принесла въ своихъ пригоршняхъ крошечнаго, еще слѣпаго, щеночка, который, весь дрожа и не твердо опираясь на свои кривыя лапки, тыкаясь во всѣ стороны головой, жалобно визжалъ или *скучалъ*, какъ выражалась моя нянька. Мнѣ

стало такъ его жаль, что я взялъ этого щеночка и закуталъ его своимъ платьемъ. Мать приказала принести на блюдечкѣ тепленькаго молочка, и послѣ многихъ попытокъ, толкая рыльцемъ слѣпаго кутенка въ молоко, выучили его лакать. Съ этихъ поръ щенокъ по цѣлымъ часамъ со мной не разставался; кормить его по нѣскольку разъ въ день сдѣлалось моей любимой забавой. Его назвали Суркой, онъ сдѣлался потомъ небольшою дворняжкой и жилъ у насъ семнадцать лѣтъ, разумѣется, уже не въ комнатѣ, а на дворѣ, сохраняя всегда необыкновенную привязанность ко мнѣ и къ моей матери.

Выздоровленіе мое считалось чудомъ по признанію самихъ докторовъ. Мать приписывала его, во-первыхъ, безконечному милосердію Божію, а во-вторыхъ, лѣчебнику Бухана. Буханъ получилъ титло моего спасителя, и мать пріучила меня въ дѣтствѣ молиться Богу за упокой его души, при утренней и вечерней молитвѣ. Впослѣдствіи она гдѣ-то достала гравированный портретъ Бухана, и четыре стиха, напечатанные подъ его портретомъ на французскомъ языкѣ, были кѣмъ-то переведены русскими стихами, написаны красиво на бумажкѣ и наклеены сверхъ французскихъ. Все это, къ сожалѣнію, давно исчезло безъ слѣда.

Я приписываю мое спасеніе, кромѣ первой вышеприведенной причины, безъ которой ничто совершиться не могло, — неусыпному уходу, неослабному попеченію, безграничному вниманію матери и дорогѣ, то-есть движенію и воздуху. Вниманіе и попеченіе было вотъ какое: постоянно нуждаясь въ деньгахъ, перебиваясь, какъ говорится, съ копѣйки на копѣйку, моя мать доставала старый рейнвейнъ въ Казани, почти за 500 верстъ, черезъ стариннаго пріятеля своего покойнаго отца, кажется, доктора Рейслейна; за вино платилась неслыханная тогда цѣна, и я пилъ его понемногу, нѣсколько разъ въ день. Въ городѣ Уфѣ не было тогда такъ называемыхъ французскихъ бѣлыхъ хлѣбовъ, — и каждую недѣлю, то-есть каждую почту, щедро вознаграждаемый почтальонъ привозилъ изъ той же Казани по три бѣлыхъ хлѣба. Я сказалъ объ этомъ для примѣра; точно то же соблюдалось во всемъ. Моя мать не давала потухнуть во мнѣ догоравшему свѣтильнику жизни; едва онъ начиналъ угасать,

она питала его магнетическимъ изліяніемъ собственной жизни, собственнаго дыханія. Прочла ли она объ этомъ въ какой-нибудь книгѣ или сказалъ докторъ,—не знаю. Чудное цѣлительное дѣйствіе дороги не подлежитъ сомнѣнію. Я зналъ многихъ людей, отъ которыхъ отступались доктора, обязанныхъ ей своимъ выздоровленіемъ. Я считаю также, что двѣнадцатичасовое лежанье въ травѣ, на лѣсной полянѣ, дало первый благотворный толчокъ моему разслабленному тѣлесному организму. Не одинъ разъ я слышалъ отъ матери, что именно съ этого времени сдѣлалась маленькая перемѣна къ лучшему.

Послѣдовательныя воспоминанія.

После моего выздоровленія я начинаю помнить себя уже дитятей, не крѣпкимъ и рѣзвымъ, какимъ я сдѣлался впослѣдствіи, но тихимъ, кроткимъ, необыкновенно жалостливымъ, большимъ трусомъ и въ то же время безпрестанно, хотя медленно, уже читающимъ дѣтскую книжку съ картинками, подъ названіемъ «Зеркало добродѣтели». Какъ и когда я выучился читать, кто меня училъ и по какой методѣ,—рѣшительно не знаю; но писать я учился гораздо позднѣе и какъ-то очень медленно и долго.—Мы жили тогда въ губернскомъ городѣ Уфѣ и занимали огромный Зубинскій деревянный домъ, купленный моимъ отцомъ, какъ я послѣ узналъ, съ аукціона за 300 р. асс. Домъ былъ обитъ тесомъ, но не выкрашенъ; онъ потемнѣлъ отъ дождей, и вся эта громада имѣла очень печальный видъ. Домъ стоялъ на косогорѣ, такъ что окна въ садъ были очень низки отъ земли, а окна изъ столовой на улицу, на противоположной сторонѣ дома, возвышались аршина три надъ землей; парадное крыльцо имѣло болѣе 25 ступенекъ, и съ него была видна рѣка Бѣлая почти во всю свою ширину. Двѣ дѣтскія комнаты, въ которыхъ я жилъ вмѣстѣ съ сестрой, выкрашенныя по штукатуркѣ голубымъ цвѣтомъ, находившіяся возлѣ спальной, выходили окошками въ садъ, и посаженная подъ ними малина росла такъ высоко, что на цѣлую четверть заглядывала къ намъ въ окна, что̀ очень веселило меня и неразлучнаго моего товарища—маленькую сестрицу. Садъ, впрочемъ, былъ хотя довольно великъ, но не красивъ: кое-гдѣ ягодные кусты смородины, крыжовника и барбариса, десятка два-три тощихъ яблонь, круглые цвѣтники съ ноготками, шафранами и астрами, и ни одного большаго дерева, никакой тѣни; но и этотъ садъ доставлялъ намъ удовольствіе, особенно моей

сестрицѣ, которая не знала ни горъ, ни полей, ни лѣсовъ; я же изъѣздилъ, какъ говорили, болѣе пятисотъ верстъ. Не смотря на мое болѣзненное состояніе, величіе красотъ Божьяго міра незамѣтно ложилось на дѣтскую душу и жило безъ моего вѣдома въ моемъ воображеніи; я не могъ удовольствоваться нашимъ бѣднымъ городскимъ садомъ и безпрестанно разсказывалъ моей сестрѣ, какъ человѣкъ бывалый, о разныхъ чудесахъ, мною видѣнныхъ; она слушала съ любопытствомъ, устремивъ на меня, полные напряженнаго вниманія, свои прекрасные глазки, въ которыхъ въ то же время ясно выражалось: «братецъ, я ничего не понимаю». Да и что мудренаго: разскащику только-что пошелъ пятый годъ, а слушательницѣ—третій.

Я сказалъ уже, что былъ робокъ и даже трусоватъ; вѣроятно, тяжкая и продолжительная болѣзнь ослабила, утончила, довела до крайней воспріимчивости мои нервы, а можетъ быть и отъ природы я не имѣлъ храбрости. Первыя ощущенія страха поселили во мнѣ разсказы няньки. Хотя она собственно ходила за сестрой моей, а за мной только присматривала, и хотя мать строго запрещала ей даже разговаривать со мною, но она иногда успѣвала сообщить мнѣ кое-какія извѣстія о букѣ, о домовыхъ и мертвецахъ. Я сталъ бояться ночной темноты и даже днемъ боялся темныхъ комнатъ. У насъ въ домѣ была огромная зала, изъ которой двѣ двери вели въ двѣ небольшія горницы, довольно темныя, потому-что окна изъ нихъ выходили въ длинныя сѣни, служившія корридоромъ; въ одной изъ нихъ помѣщался буфетъ, а другая была заперта; она нѣкогда служила рабочимъ кабинетомъ покойному отцу моей матери; тамъ были собраны всѣ его вещи: письменный столъ, кресло, шкапъ съ книгами и проч. Нянька сказала мнѣ, что тамъ видятъ иногда покойнаго моего дѣдушку, Зубина, сидящаго за столомъ и разбирающаго бумаги. Я такъ боялся этой комнаты, что, проходя мимо ея, всегда зажмуривалъ глаза. Одинъ разъ, идучи по длиннымъ сѣнямъ, забывшись, я взглянулъ въ окошко кабинета, вспомнилъ разсказъ няньки, и мнѣ почудилось, что какой-то старикъ въ бѣломъ шлафрокѣ сидитъ за столомъ. Я закричалъ и упалъ въ обморокъ. Матери моей не было дома. Когда она воротилась, и я разсказалъ ей обо всемъ случившемся и обо всемъ слышанномъ

мною отъ няни, она очень разсердилась: приказала отпереть дѣдушкинъ кабинетъ, ввела меня туда, дрожащаго отъ страха, насильно и показала, что тамъ никого нѣтъ и что на креслахъ висѣло какое-то бѣлье. Она употребила всѣ усилія растолковать мнѣ, что такіе разсказы—вздоръ и выдумки глупаго невѣжества. Няньку мою она прогнала и нѣсколько дней не позволяла ей входить въ нашу дѣтскую. Но крайность заставила призвать эту женщину и опять приставить къ намъ; разумѣется, строго запретили ей разсказывать подобный вздоръ и взяли съ нея клятвенное обѣщаніе никогда не говорить о простонародныхъ предразсудкахъ и повѣрьяхъ; но это не вылѣчило меня отъ страха. Нянька наша была странная старуха, она была очень къ намъ привязана, и мы съ сестрой ее очень любили. Когда ее сослали въ людскую и ей не позволено было даже входить въ домъ, она прокрадывалась къ намъ ночью, цѣловала насъ сонныхъ и плакала. Я это видѣлъ самъ, потому-что одинъ разъ ея ласки разбудили меня. Она ходила за нами очень усердно, но, по закоренѣлому упрямству и невѣжеству, не понимала требованій моей матери и потихоньку дѣлала ей все наперекоръ. Черезъ годъ ее совсѣмъ отослали въ деревню. Я долго тосковалъ: я не умѣлъ понять, за что маменька такъ часто гнѣвалась на добрую няню, и оставался въ томъ убѣжденіи, что мать просто ее не любила.

Я всякій день читалъ свою единственую книжку «Зеркало добродѣтели» моей маленькой сестрицѣ, никакъ не догадываясь, что она еще ничего не понимала, кромѣ удовольствія смотрѣть картинки. Эту дѣтскую книжку я зналъ тогда наизусть всю; но теперь только два разсказа и двѣ картинки изъ цѣлой сотни остались у меня въ памяти, хотя они, противъ другихъ, ничего особеннаго не имѣютъ. Это «Признательный левъ» и «Самъ себя одѣвающій мальчикъ». Я помню даже физіономію льва и мальчика! — Наконецъ «Зеркало добродѣтели» перестало поглощать мое вниманіе и удовлетворять моему ребячьему любопытству,—мнѣ захотѣлось почитать другихъ книжекъ, а взять ихъ рѣшительно было негдѣ; тѣхъ книгъ, которыя читывалъ иногда мой отецъ и мать, мнѣ читать не позволяли. Я принялся было за «Домашній лѣчебникъ Бухана», но и это чтеніе мать сочла почему-то для моихъ лѣтъ неудобнымъ; впрочемъ она

выбирала нѣкоторыя мѣста и, отмѣчая ихъ закладками, позволяла мнѣ ихъ читать; и это было въ самомъ дѣлѣ интересное чтеніе, потому-что тамъ описывались всѣ травы, соли, коренья и всѣ медицинскія снадобья, о которыхъ только упоминается въ лѣчебникѣ. Я перечитывалъ эти описанія уже гораздо въ позднѣйшемъ возрастѣ и всегда съ удовольствіемъ, потому-что все это изложено и переведено на русскій языкъ очень толково и хорошо.

Благодѣтельная судьба скоро послала мнѣ неожиданное новое наслажденіе, которое произвело на меня сильнѣйшее впечатлѣніе и много расширило тогдашній кругъ моихъ понятій. Противъ нашего дома жилъ въ собственномъ же домѣ С. И. Аничковъ, старый, богатый холостякъ, слывшій очень умнымъ и даже ученымъ человѣкомъ; это мнѣніе подтверждалось тѣмъ, что онъ былъ когда-то посыланъ депутатомъ отъ Оренбургскаго края въ извѣстную коммиссію, собранную Екатериною Второй для разсмотрѣнія существующихъ законовъ. Аничковъ очень гордился, какъ мнѣ разсказывали, своимъ депутатствомъ и смѣло поговаривалъ о своихъ рѣчахъ и дѣйствіяхъ, не принесшихъ, впрочемъ, по его собственному признанію, никакой пользы. Аничкова не любили, а только уважали и даже прибаивались его рѣзкаго языка и негибкаго нрава. Къ моему отцу и матери онъ благоволилъ и даже давалъ взаймы денегъ, которыхъ просить у него никто не смѣлъ. Онъ услышалъ какъ-то отъ моихъ родителей, что я мальчикъ прилежный и очень люблю читать книжки, но что читать нечего. Старый депутатъ, будучи просвѣщеннѣе другихъ, естественно былъ покровителемъ всякой любознательности. На другой день вдругъ присылаетъ онъ человѣка за мною; меня повелъ самъ отецъ. Аничковъ, разспросивъ хорошенько, что я читалъ, какъ понимаю прочитанное и что помню, остался очень доволенъ, велѣлъ подать связку книгъ и подарилъ мнѣ... о счастіе!... «Дѣтское чтеніе для сердца и разума», изданное безденежно при «Московскихъ Вѣдомостяхъ» Н. И. Новиковымъ. Я такъ обрадовался, что чуть не со слезами бросился на шею старику, и не помня себя, запрыгалъ и побѣжалъ домой, оставя своего отца бесѣдовать съ Аничковымъ. Помню однако благосклонный и одобрительный хохотъ хозяина, загремѣвшій въ моихъ ушахъ и постепенно умолкавшій по мѣрѣ моего удаленія. Боясь, чтобы

кто-нибудь не отнялъ моего сокровища, я пробѣжалъ прямо черезъ сѣни въ дѣтскую, легъ въ свою кроватку, закрылся пологомъ, развернулъ первую часть,—и позабылъ все меня окружающее. Когда отецъ воротился и со смѣхомъ разсказалъ матери все происходившее у Аничкова, она очень встревожилась, потому что и не знала о моемъ возвращеніи. Меня отыскали лежащаго съ книжкой. Мать разсказывала мнѣ потомъ, что я былъ точно какъ помѣшанный: ничего не говорилъ, не понималъ, что́ мнѣ говорятъ, и не хотѣлъ идти обѣдать. Должны были отнять книжку, не смотря на горькія мои слезы. Угроза, что книги отнимутъ совсѣмъ, заставила меня удержаться отъ слезъ, встать и даже обѣдать. Послѣ обѣда я опять схватилъ книжку и читалъ до вечера. Разумѣется, мать положила конецъ такому изступленному чтенію: книги заперла въ свой комодъ и выдавала мнѣ по одной части, и то въ извѣстные, назначенные ею часы. Книжекъ всего было двѣнадцать, и тѣ не по порядку, а разрозненныя. Оказалось, что это неполное собраніе «Дѣтскаго чтенія», состоявшаго изъ 20-ти частей. Я читалъ свои книжки съ восторгомъ и, не смотря на разумную бережливость матери, прочелъ все съ небольшимъ въ мѣсяцъ. Въ дѣтскомъ умѣ моемъ произошелъ совершенный переворотъ, и для меня открылся новый міръ. Я узналъ въ «разсужденіи о громѣ», что́ такое молнія, воздухъ, облака; узналъ образованіе дождя и происхожденіе снѣга. Многія явленія въ природѣ, на которыя я смотрѣлъ безсмысленно, хотя и съ любопытствомъ, получили для меня смыслъ, значеніе, и стали еще любопытнѣе. Муравьи, пчелы и особенно бабочки съ своими превращеніями изъ яичекъ въ червяка, изъ червяка въ хризалиду и, наконецъ, изъ хризалиды въ красивую бабочку—овладѣли моимъ вниманіемъ и сочувствіемъ; я получилъ неопреодолимое желаніе все это наблюдать своими глазами. Собственно нравоучительныя статьи производили менѣе впечатлѣнія, но какъ забавляли меня «смѣшной способъ ловить обезьянъ» и басня «о старомъ волкѣ», котораго всѣ пастухи отъ себя прогоняли! Какъ восхищался я «золотыми рыбками»!

Съ нѣкотораго времени сталъ я замѣчать, что мать моя нездорова. Она не лежала въ постели, но худѣла, блѣднѣла и теряла силы съ каждымъ днемъ. Нездоровье началось давно,

но я этого сперва не видѣлъ и не понималъ причины, отъ чего оно происходило. Только впослѣдствіи узналъ я изъ разговоровъ меня окружавшихъ людей, что мать сдѣлалась больна отъ тѣлеснаго истощенія и душевныхъ страданій во время моей болѣзни. Ежеминутная опасность потерять страстно любимое дитя и усилія сохранить его напрягали ея нервы и придавали ей неестественныя силы и какъ бы искусственную бодрость; но когда опасность миновалась,— общая энергія упала и мать начала чувствовать ослабленіе: у нея заболѣла грудь, бокъ, и наконецъ появилось лихорадочное состояніе; тѣ же самые доктора, которые такъ безуспѣшно лѣчили меня и которыхъ она бросила, принялись лѣчить ее. Я услыхалъ, какъ она говорила моему отцу, что у нея начинается чахотка. Я не знаю, до какой степени это было справедливо, потому-что больная была, какъ всѣ утверждали, очень мнительна, и не знаю, притворно или искренно, но мой отецъ и доктора увѣряли ее, что это неправда. Я имѣлъ уже смутное понятіе, что чахотка какая-то ужасная болѣзнь. Сердце у меня замерло отъ страха, и мысль, что я причиною болѣзни матери, мучила меня безпрестанно. Я сталъ плакать и тосковать; но мать умѣла какъ-то меня разувѣрить и успокоить, что было и не трудно при ея безпредѣльной нравственной власти надо мною.

Не имѣя полной довѣренности къ искусству уфимскихъ докторовъ, мать рѣшилась ѣхать въ Оренбургъ, чтобы посовѣтоваться тамъ съ докторомъ Деобольтомъ, который славился во всемъ краѣ чудесными излѣченіями отчаянно-больныхъ. Она сама сказала мнѣ объ этомъ съ веселымъ видомъ и увѣрила, что возвратится здоровою. Я совершенно повѣрилъ, успокоился, даже повеселѣлъ и началъ приставать къ матери, чтобъ она ѣхала поскорѣе. Но для этой поѣздки надобно было имѣть деньги, а притомъ куда дѣвать, на кого оставить двухъ маленькихъ дѣтей? Я вслушивался въ безпрестанные разговоры объ этомъ между отцомъ и матерью и наконецъ узналъ, что дѣло уладилось: денегъ далъ тотъ же мой книжный благодѣтель, С. И. Аничковъ, а дѣтей, то-есть насъ съ сестрой, рѣшились завезти въ Багрово и оставить у бабушки съ дѣдушкой. Я былъ очень доволенъ, узнавъ, что мы поѣдемъ на своихъ лошадяхъ и что будемъ въ полѣ кормить. У меня сохранилось неясное, но самое пріятное

воспоминаніе о дорогѣ, которую мой отецъ очень любилъ; его разсказы о ней и еще болѣе о Багровѣ, обѣщавшіе множество новыхъ, еще неизвѣстныхъ мнѣ удовольствій, воспламенили мое ребячье воображеніе. Дѣдушку съ бабушкой мнѣ также хотѣлось видѣть, потому что я хотя и видѣлъ ихъ, но помнить не могъ: въ первый мой пріѣздъ въ Багрово мнѣ было восемь мѣсяцевъ; но мать разсказывала, что дѣдушка былъ намъ очень радъ и что онъ давно зоветъ насъ къ себѣ и даже сердится, что мы въ четыре года ни разу у него не бывали. Моя продолжительная болѣзнь, медленное выздоровленіе и потомъ нездоровье матери—были тому причиной. Впрочемъ, мой отецъ ѣздилъ прошлаго года въ Багрово, однако на самое короткое время. По обыкновенію, вслѣдствіе природнаго моего свойства—дѣлиться моими впечатлѣніями съ другими, всѣ мои мечты и пріятныя надежды я разсказалъ и старался растолковать маленькой моей сестрицѣ, а потомъ объяснить и всѣмъ, меня окружавшимъ. Начались сборы. Я собрался прежде всѣхъ: уложилъ свои книжки, то есть «Дѣтское чтеніе» и «Зеркало добродѣтели», въ которое однако я уже давно не заглядывалъ; не забылъ также и чурочки, чтобъ играть ими съ сестрицей; двѣ книжки «Дѣтскаго чтенія», которыя я перечитывалъ уже въ третій разъ, оставилъ на дорогу и съ радостнымъ лицомъ прибѣжалъ сказать матери, что я готовъ ѣхать и что мнѣ жаль только оставить Сурку. Мать сидѣла въ креслахъ, печальная и утомленная сборами, хотя она распоряжалась ими, не вставая съ мѣста. Она улыбнулась моимъ словамъ и такъ взглянула на меня, что я хотя не могъ понять выраженія этого взгляда, но былъ пораженъ имъ. Сердце у меня опять замерло, и я готовъ былъ заплакать; но мать приласкала меня, успокоила, ободрила и приказала мнѣ идти въ дѣтскую—читать свою книжку и занимать сестрицу, прибавя, что ей теперь некогда съ нами быть и что она поручаетъ мнѣ смотрѣть за сестрою; я повиновался и медленно пошелъ назадъ; какая-то грусть вдругъ отравила мою веселость, и даже мысль, что мнѣ поручаютъ мою сестрицу, что̀ въ другое время было бы мнѣ очень пріятно и лестно, теперь не утѣшила меня. Сборы продолжались еще нѣсколько дней, и наконецъ все было готово.

Дорога до Парашина.

Въ жаркое лѣтнее утро,—это было въ исходѣ іюля,— разбудили насъ съ сестрой ранѣе обыкновеннаго; напоили чаемъ за маленькимъ нашимъ столикомъ; подали карету къ крыльцу, и, помолившись Богу, мы всѣ пошли садиться. Для матери было такъ устроено, что она могла лежать; рядомъ съ нею сѣлъ отецъ, а противъ него нянька съ моею сестрицей; я же стоялъ у каретнаго окна, придерживаемый отцомъ и помѣщаясь вездѣ, гдѣ открывалось мѣстечко. Спускъ къ рѣкѣ Бѣлой былъ такъ крутъ, что понадобилось подтормозить два колеса. Мы съ отцомъ и няня съ сестрицей шли съ горы пѣшкомъ.

Здѣсь начинается рядъ еще не испытанныхъ мною впечатлѣній. Я не одинъ уже разъ переправлялся черезъ Бѣлую, но, по тогдашнему болѣзненному моему состоянію и почти младенческому возрасту, ничего этого не замѣтилъ и не почувствовалъ; теперь же я былъ пораженъ широкою и быстрою рѣкою, отлогими песчаными ея берегами и зеленою уремой на противоположномъ берегу. Нашу карету и повозку стали грузить на паро́мъ, а намъ подали большую косную лодку, на которую мы всѣ должны были перейдти по двумъ доскамъ, положеннымъ съ берега на край лодки; перевощики въ пестрыхъ мордовскихъ рубахахъ, бредя по колѣни въ водѣ, повели подъ руки мою мать и няньку съ сестрицей; вдругъ одинъ изъ перевощиковъ, рослый и загорѣлый, схватилъ меня на руки и понесъ прямо по водѣ въ лодку, а отецъ пошелъ рядомъ по дощечкѣ, улыбаясь и ободряя меня, потому что я, по своей трусости, отъ

которой еще не освободился, очень испугался такого неожиданнаго путешествія. Четверо гребцовъ сѣли въ вёсла, оттолкнулись отъ берега шестомъ, всѣ пятеро перевощиковъ перекрестились, кормчій громко сказалъ: «призывай Бога на помочь», и лодка полетѣла поперекъ рѣки, скользя по вертящейся быстринѣ, бѣгущей у самаго берега, называющейся «стремя». Я былъ такъ пораженъ этимъ невиданнымъ зрѣлищемъ, что совершенно онѣмѣлъ и не отвѣчалъ ни одного слова на вопросы отца и матери. Всѣ смѣялись, говоря, что отъ страха у меня языкъ отнялся, но это было не совсѣмъ справедливо: я былъ подавленъ не столько страхомъ, сколько новостью предметовъ и величіемъ картины, красоту которой я чувствовалъ, хотя объяснить, конечно, не умѣлъ. Когда мы стали подплывать къ другому отлогому берегу и, по мелкому мѣсту, пошли на шестахъ къ пристани, я уже совершенно опомнился, и мнѣ стало такъ весело, какъ никогда не бывало. Бѣлые чистые пески съ грядами разноцвѣтной гальки, то-есть камешковъ, широко разстилались передъ нами. Одинъ изъ гребцовъ соскочилъ въ воду, подвелъ лодку за носовую веревку къ пристани и крѣпко привязалъ къ причалу; другой гребецъ сдѣлалъ то же съ кормою, и мы всѣ преспокойно вышли на пристань. Сколько новыхъ предметовъ, сколько новыхъ словъ! Тутъ мой языкъ уже развязался, и я съ большимъ любопытствомъ сталъ разспрашивать обо всемъ нашихъ перевощиковъ. Я не могу забыть, какъ эти добрые люди ласково, просто и толково отвѣчали мнѣ на мои безчисленные вопросы и какъ они были благодарны, когда отецъ далъ имъ что-то за труды. Съ нами на лодкѣ былъ коверъ и подушки, мы разостлали ихъ на сухомъ пескѣ, подальше отъ воды, потому что мать боялась сырости, и она прилегла на нихъ; меня же отецъ повелъ набирать галечки. Я не имѣлъ о нихъ понятія и пришелъ въ восхищеніе, когда отецъ отыскалъ мнѣ нѣсколько прекрасныхъ, гладкихъ, блестящихъ разными цвѣтами камешковъ, изъ которыхъ нѣкоторые имѣли очень красивую, затѣйливую фигуру. Въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ нельзя отыскать такого разнообразія гальки, какъ на рѣкѣ Бѣлой; въ этомъ я убѣдился впослѣдствіи. Мы тутъ же нашли нѣсколько окаменѣлостей, которыя и послѣ долго у насъ хранились и которыя можно назвать рѣдкостью; это

былъ большой кусокъ пчелинаго сота и довольно большая лепешка или кучка рыбьей икры, совершенно превратившаяся въ камень. Переправа кареты, кибитки и девяти лошадей продолжалась довольно долго, и я успѣлъ набрать цѣлую кучу чудесныхъ, по моему мнѣнію, камешковъ; но я очень огорчился, когда отецъ не позволилъ мнѣ ихъ взять съ собою, а выбралъ только десятка полтора, сказавъ, что всѣ остальные—дрянь; я доказывалъ противное, но меня не послушали, и я съ большимъ сожалѣніемъ оставилъ набранную мною кучку. Мы сѣли въ карету и отправились въ дальнѣйшій путь. Мать какъ-будто освѣжилась на открытомъ воздухѣ, и я съ жаромъ началъ ей показывать и разсказывать о найденныхъ мною драгоцѣнностяхъ, которыми были набиты мои карманы; камешки очень понравились моей сестрицѣ, и нѣкоторые изъ нихъ я подарилъ ей. Въ нашей каретѣ было много дорожныхъ ящиковъ; одинъ изъ нихъ мать опростала и отдала въ мое распоряженіе, и я съ большимъ стараніемъ уложилъ въ него свои сокровища.

Сначала дорога шла лѣсистой уремой; огромные дубы, вязы и осокори поражали меня своею громадностью, и я безпрестанно вскрикивалъ: «Ахъ какое дерево! Какъ оно называется?» Отецъ удовлетворялъ моему любопытству. Дорога была песчаная; мы ѣхали шагомъ, а люди шли пѣшкомъ; они срывали мнѣ листья и вѣтки съ разныхъ деревьевъ и подавали въ карету, и я съ большимъ удовольствіемъ разсматривалъ и замѣчалъ ихъ особенности. День былъ очень жаркій, и мы, отъѣхавъ верстъ 15, остановились покормить лошадей, собственно для того, чтобъ мать моя не слишкомъ утомилась отъ перевоза черезъ рѣку и переѣзда. Эта первая кормежка случилась не въ полѣ, а въ какой-то русской деревушкѣ, которую я очень мало помню; но за то отецъ обѣщалъ мнѣ на другой день кормежку на рѣкѣ Дёмѣ, гдѣ хотѣлъ показать мнѣ какую-то рыбную ловлю, о которой я зналъ только по его же разсказамъ. Во время отдыха, въ поднавѣсѣ крестьянскаго двора, отецъ мой занимался приготовленіемъ удочекъ для меня и для себя. Это опять было для меня новое удовольствіе. Выдернули волосъ изъ лошадиныхъ хвостовъ и принялись сучить лесы; я самъ держалъ связанные волоса, а отецъ вилъ изъ нихъ тоненькую ниточку, называемую лесою. Намъ помогалъ Ефремъ

Евсеевъ, очень добрый и любившій меня слуга. Онъ не вилъ, а сучилъ какъ-то на своей колѣнкѣ толстыя лесы для крупной рыбы; грузила и крючки, припасенные заранѣе, были прикрѣплены и навязаны, и всѣ эти принадлежности, узнанныя мною въ первый разъ, были намотаны на палочки, завернуты въ бумажки и положены для сохраненія въ мой ящикъ. Съ какимъ вниманіемъ и любопытствомъ смотрѣлъ я на эти новые для меня предметы, какъ скоро понималъ ихъ назначеніе и какъ легко и твердо выучивалъ ихъ названія!— Ночевать мы должны были въ татарской деревнѣ; но вечеръ былъ такъ хорошъ, что матери моей захотѣлось остановиться въ полѣ; итакъ, у самой околицы, своротили мы немного въ сторону и расположились на крутомъ берегу маленькой рѣчки. Ночевки въ полѣ никто не ожидалъ. Отецъ думалъ, что мать побоится ночной сырости; но мѣсто было необыкновенно сухо, никакихъ болотъ и даже лѣсу не находилось по близости, потому-что начиналась уже Бакширская степь; даже влажности ночнаго воздуха не было слышно. Для меня опять готовилось новое зрѣлище: отложили лошадей, хотѣли спутать и пустить въ поле, но какъ степныя травы погорѣли отъ солнца и завяли, то послали въ деревню за свѣжимъ сѣномъ и овсомъ и за всякими съѣстными припасами. Люди принялись разводить огонь: одинъ принесъ сухую жердь отъ околицы, изрубилъ ее на полѣнья, настрогалъ стружекъ и накололъ лучины для подтопки, другой притащилъ цѣлый ворохъ хворосту съ рѣчки, а третій, именно поваръ Мокей, досталъ кремень и огниву, вырубилъ огня на большой кусокъ труту, завернулъ ее въ сухую куделю (ее возили нарочно съ собой для такихъ случаевъ), взялъ въ руку и началъ проворно махать взадъ и впередъ, внизъ и вверхъ, и махалъ до тѣхъ поръ, пока куделя вспыхнула; тогда подложили огонь подъ готовый костеръ дровъ со стружками и лучиной,—и пламя запылало. Стали накладывать дорожный самоваръ; на разостланномъ коврѣ и на подушкахъ лежала мать и готовилась наливать чай: она чувствовала себя бодрѣе. Я попросилъ позволенія развести маленькій огонекъ возлѣ того мѣста, гдѣ мы сидѣли, и когда получилъ позволеніе, то, не помня себя отъ радости, принялся хлопотать объ этомъ съ помощію Ефрема, который въ дорогѣ вдругъ сдѣлался моимъ какъ-будто дядькой. Разведеніе огня доставило мнѣ такое

удовольствіе, что я и пересказать не могу; я безпрестанно бѣгалъ отъ большаго костра къ маленькому, приносилъ щепочекъ, прутьевъ и сухаго бастыльнику для поддержанія яркаго пламени, и такъ суетился, что мать принуждена была посадить меня насильно подлѣ себя. Мы напились чаю и поѣли супу изъ курицы, который сварилъ намъ поваръ. Мать расположилась ночевать съ дѣтьми въ каретѣ, а отецъ въ кибиткѣ. Мать скоро легла и положила съ собой мою сестрицу, которая давно уже спала на рукахъ у няньки; но мнѣ не хотѣлось спать, и я остался посидѣть съ отцомъ и поговорить о завтрашней кормежкѣ, которую я ожидалъ съ радостнымъ нетерпѣніемъ; но посреди разговоровъ мы оба какъ-то задумались и долго просидѣли, не говоря ни одного слова. Небо сверкало звѣздами, воздухъ былъ наполненъ благовоніемъ отъ засыхающихъ степныхъ травъ, рѣчка журчала въ оврагѣ, костеръ пылалъ и ярко освѣщалъ нашихъ людей, которые сидѣли около котла съ горячею кашицей, хлебали ее и весело разговаривали между собою; лошади, припущенныя къ овсу, также были освѣщены съ одной стороны полосою свѣта... «Не пора ли спать тебѣ, Сережа?» — сказалъ мой отецъ послѣ долгаго молчанія, поцѣловалъ меня, перекрестилъ и бережно, чтобы не разбудить мать, посадилъ въ карету. Я не вдругъ заснулъ. Столько увидѣлъ и узналъ я въ этотъ день, что дѣтское мое воображеніе продолжало представлять мнѣ въ какомъ-то смѣшеніи всѣ картины и образы, носившіеся предо мною. А что же будетъ завтра, на чудесной Дёмѣ... Наконецъ сонъ одолѣлъ меня, и я заснулъ въ какомъ-то блаженномъ упоеніи.

Съ почевки поднялись такъ рано, что еще не совсѣмъ было свѣтло, когда отецъ сѣлъ къ намъ въ карету. Онъ сѣлъ съ большимъ трудомъ, потому что отъ спавшихъ дѣтей стало тѣснѣе. Я видѣлъ, будто сквозь сонъ, какъ онъ садился, какъ тронулась карета съ мѣста и шагомъ проѣзжала черезъ деревню, и слышалъ, какъ лай собакъ долго провожалъ насъ; потомъ крѣпко заснулъ и проснулся, когда уже мы проѣхали половину степи, которую намъ надобно было перебить поперекъ и проѣхать сорокъ верстъ, не встрѣтивъ жилья человѣческаго. Когда я открылъ глаза, всѣ уже давно проснулись, даже моя сестрица сидѣла на рукахъ у отца, смотрѣла въ отворенное окно и что-то весело лепетала. Мать сказала,

что чувствуетъ себя лучше, что она устала лежать и что ей хочется посидѣть. Мы остановились и всѣ вышли изъ кареты, чтобы переладить въ ней ночное устройство на денное. Степь, то-есть безлѣсная и волнообразная безконечная равнина, окружала насъ со всѣхъ сторонъ; кое-гдѣ виднѣлись деревья и синѣлось что-то вдали; отецъ мой сказалъ, что тамъ течетъ Дёма, и что это синѣется ея гористая сторона, покрытая лѣсомъ. Степь не была уже такъ хороша и свѣжа, какъ бываетъ весною и въ самомъ началѣ лѣта, какою описывалъ ее мнѣ отецъ и какою я послѣ самъ узналъ ее: по долочкамъ трава была скошена и сметана въ стога, а по другимъ мѣстамъ она выгорѣла отъ лѣтняго солнца, засохла и пожелтѣла, и уже сизый ковыль, еще не совсѣмъ распустившійся, еще не побѣлѣвшій, разстилался, какъ волны, по необозримой равнинѣ; степь была тиха, и ни одинъ птичій голосъ не оживлялъ этой тишины; отецъ толковалъ мнѣ, что теперь вся степная птица уже не кричитъ, а прячется съ молодыми дѣтьми по низкимъ ложбинкамъ, гдѣ трава выше и гуще. Мы усѣлись въ каретѣ по-прежнему и взяли къ себѣ няню, которая опять стала держать на рукахъ мою сестрицу. Мать весело разговаривала съ нами, и я неумолкаемо болталъ о вчерашнемъ днѣ; она напомнила мнѣ о моихъ книжкахъ, и я признался, что даже позабылъ о нихъ. Я досталъ однако одну часть «Дѣтскаго чтенія» и сталъ читать, но былъ такъ развлеченъ, что въ первый разъ чтеніе не овладѣло моимъ вниманіемъ, и читая громко вслухъ: «Канарейки, хорошія канарейки!—такъ кричалъ мужикъ подъ Машинымъ окошкомъ» и проч., я думалъ о другомъ, и всего болѣе о текущей тамъ, вдалекѣ, Дёмѣ. Видя мою разсѣянность, отецъ съ матерью не могли удержаться отъ смѣха, а мнѣ было какъ-то досадно на себя и неловко. Наконецъ, кончивъ повѣсть объ умершей съ голоду канарейкѣ и не расжалобясь, какъ бывало прежде, я попросилъ позволенія закрыть книжку и сталъ смотрѣть въ окно, пристально слѣдя за синѣющею въ сторонѣ далью, которая какъ-будто сближалась съ нами и шла пересѣчь нашу дорогу; дорога начала непримѣтно склоняться подъ изволокъ, и кучеръ Трофимъ, тряхнувъ возжами, весело крикнулъ: «Эхъ вы, милыя, пошевеливайтесь! Не далеко до Дёмы!...» И добрые кони наши побѣжали крупною рысью. Уже обозначилась зеленѣющая долина, по которой

текла рѣка, ведя за собою густую, также зеленую урему. «А вонъ, Сережа, —сказалъ отецъ, выглянувъ въ окно,—видишь, какъ прямо къ Дёмѣ идетъ тоже зеленая полоса и какъ въ разныхъ мѣстахъ по ней торчатъ бѣловатые острые шиши? Это башкирскія войлочныя кибитки, въ которыхъ они живутъ по лѣтамъ, это башкирскіе «кочи». Кабы было поближе, я сводилъ бы тебя посмотрѣть на нихъ. Ну, да когда-нибудь послѣ». Я съ любопытствомъ разсматривалъ, виднѣвшіяся вдалекѣ, лѣтнія жилища Башкирцевъ и пасущіеся кругомъ ихъ стада и табуны. Обо всемъ этомъ я слыхалъ отъ отца, но видѣлъ своими глазами въ первый разъ. Вотъ уже открылась и рѣка, и множество озеръ, и прежнее русло Дёмы, по которому она текла нѣкогда, которое тянулось длиннымъ рукавомъ и называлось *Старицей*. Спускъ въ широкую зеленую долину былъ крутъ и косогористъ; надобно было тормозить карету и спускаться осторожно; это замедленіе раздражало мою нетерпѣливость, и я бросался отъ одного окошка къ другому и суетился, какъ-будто могъ ускорить приближеніе желанной кормежки. Мнѣ велѣли сидѣть смирно на мѣстѣ, и я долженъ былъ нехотя угомониться. Но вотъ мы, наконецъ, на берегу Дёмы, у самаго перевоза; карета своротила въ сторону, остановилась подъ тѣнью исполинскаго осокоря, дверцы отворились и первый выскочилъ я,—и такъ проворно, что забылъ свои удочки въ ящикѣ. Отецъ, улыбнувшись, напомнилъ мнѣ о томъ, и на мои просьбы идти поскорѣе удить, сказалъ мнѣ, чтобъ я не торопился и подождалъ, покуда онъ все уладитъ около моей матери и распорядится кормомъ лошадей. «А ты погуляй покуда съ Ефремомъ, посмотри на перевозъ, да червячковъ приготовьте». Я схватилъ Ефрема за руку, и мы пошли на перевозъ. Величавая, полноводная Дёма, не широкая, не слишкомъ быстрая, съ какою-то необыкновенною красотою, тихо и плавно, наравнѣ съ берегами, разстилалась передо мной. Мелкая и крупная рыба металась безпрестанно. Сердце такъ и стучало у меня въ груди, и я вздрагивалъ при каждомъ всплескѣ воды, когда щука или жерихъ выскакивали на поверхность, гоняясь за мелкою рыбкой. По обоимъ берегамъ рѣки было врыто по толстому столбу, къ нимъ крѣпко былъ привязанъ мокрый канатъ, толщиною въ руку; по канату ходилъ плотъ, похожій устройствомъ на де-

ревянный полъ въ комнатѣ, утвержденный на двухъ выдолбленныхъ огромныхъ деревянныхъ колодахъ, которыя назывались тамъ «комягами». Скоро я увидѣлъ, что одинъ человѣкъ могъ легко перегонять этотъ плотъ съ одного берега на другой. Двое перевощиковъ были Башкирцы, въ остроконечныхъ своихъ войлочныхъ шапкахъ, говорившіе ломанымъ русскимъ языкомъ. Ефремъ, или Евсеичъ, какъ я его звалъ, держа меня крѣпко за руку, вошелъ со мною на плотъ и сказалъ одному Башкирцу: «Айда знакòмъ, гуляй на другой сторона». И Башкирецъ очень охотно, отвязавъ плотъ отъ причала, засучивъ свои жилистыя руки, ставъ лицомъ къ противоположному берегу и упершись ногами, началъ тянуть къ себѣ канатъ обѣими руками, и плотъ, отдѣлясь отъ берега, поплылъ поперекъ рѣки; черезъ нѣсколько минутъ мы были на томъ берегу, и Евсеичъ, все держа меня за руку, походивъ по берегу, повысмотрѣвъ выгодныхъ мѣстъ для уженья, до котораго былъ страстный охотникъ, такимъ же порядкомъ воротился со мною назадъ. Тутъ началъ онъ толковать съ обоими перевощиками, которые жили постоянно на берегу въ плетеномъ шалашѣ; немилосердно коверкая русскій языкъ, думая, что такъ будетъ понятнѣе, и примѣшивая татарскія слова, спрашивалъ онъ: гдѣ бы отыскать намъ червяковъ для уженья. Одинъ изъ Башкирцевъ скоро догадался, о чемъ идетъ дѣло, и отвѣчалъ: «Екши, екши, бачка ладно! Айда», и повелъ насъ подъ небольшую повѣть, подъ которой стояли двѣ лошади въ защитѣ отъ солнца: тамъ мы нашли въ изобиліи, чего желали. Подойдя къ каретѣ, я увидѣлъ, что все было устроено: мать расположилась въ тѣни кудряваго осокоря, погребецъ былъ раскрытъ и самоваръ закипалъ. Всѣ припасы для обѣда были закуплены съ вечера въ татарской деревнѣ, не забыли и овса, а свѣжей, сейчасъ накошенной, травы для лошадей купили у Башкирцевъ. Великолѣпная урема окружала насъ. Необыкновенное разнообразіе ягодныхъ деревьевъ и другихъ древесныхъ породъ, живописно перемѣшанныхъ, поражало своей красотой. Толстыя, какъ брёвна, черемухи были покрыты уже потемнѣвшими ягодами; кисти рябины и калины начинали краснѣть; кусты черной спѣлой смородины распространяли въ воздухѣ свой ароматическій запахъ; гибкіе и цѣпкіе стебли ежевики, покрытые крупными, еще зелеными ягодами, обви-

вались около всего, къ чему только прикасались; даже малины было много. На все это очень любовался и указывалъ мнѣ отецъ; но признаюсь, удочка такъ засѣла у меня въ головѣ, что я не могъ вполнѣ почувствовать окружавшую меня пышную и красивую урему. Какъ только мы напились чаю, я сталъ просить отца, чтобъ онъ показалъ мнѣ уженье. Наконецъ мы пошли, и Евсеичъ съ нами. Онъ уже вырубилъ нѣсколько вязовыхъ удилищъ, наплавки сдѣлали изъ толстаго зеленаго камыша, лесы привязали и стали удить съ плоту, повѣря словамъ Башкирцевъ, что тутъ «ай-ай, больно хороша беретъ рыба». Евсеичъ приготовилъ мнѣ самое легонькое удилище и навязалъ тонкую лесу съ маленькимъ крючкомъ; онъ насадилъ крошечный кусочекъ мятаго хлѣба, закинулъ удочку и далъ мнѣ удилище въ правую руку, а за лѣвую крѣпко держалъ меня отецъ: ту же минуту наплавокъ привсталъ и погрузился въ воду, Евсеичъ закричалъ: «тащи, тащи»... и я съ большимъ трудомъ вытащилъ порядочную плотичку. Я весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и совершенно не помнилъ себя отъ радости. Я схватилъ свою добычу обѣими руками и побѣжалъ показать ее матери; Евсеичъ провожалъ меня. Мать не хотѣла вѣрить, чтобъ я могъ самъ поймать рыбу, но, задыхаясь и заикаясь отъ горячности, я увѣрялъ ее, ссылаясь на Евсеича, что точно я вытащилъ самъ эту прекрасную рыбку; Евсеичъ подтвердилъ мои слова. Мать не имѣла расположенія къ уженью, даже не любила его, и мнѣ было очень больно, что она холодно приняла мою радость; а къ большому горю, мать, увидя меня въ такомъ волненіи, сказала, что это мнѣ вредно, и прибавила, что не пуститъ, покуда я не успокоюсь. Она посадила меня подлѣ себя и послала Евсеича сказать моему отцу, что пришлетъ Сережу, когда онъ отдохнетъ и придетъ въ себя. Это былъ для меня неожиданный ударъ; слезы такъ и брызнули изъ моихъ глазъ, но мать имѣла твердость не пустить меня, покуда я не успокоился совершенно. Немного погодя, отецъ самъ пришелъ за мной. Мать была недовольна. Она сказала, что, отпуская меня, и не воображала, что я самъ стану удить. Но отецъ уговорилъ мать позволить мнѣ на этотъ разъ поймать еще нѣсколько рыбокъ, и мать, хотя не скоро, согласилась. Какъ я благодарилъ моего отца! Я не знаю, что бы сдѣлалось со мной, если бы меня не пустили.

Мнѣ кажется, я бы непремѣнно захворалъ съ горя. Сестрица стала проситься со мной, и какъ уженье было всего шагахъ въ пятидесяти, то отпустили и ее съ няней посмотрѣть на наше рыболовство. Когда мы пришли, отецъ показалъ мнѣ нѣсколько крупныхъ окуней и плотицъ, которыхъ онъ выудилъ безъ меня: другая рыба въ это время не брала, потому что было уже поздно и жарко, какъ объяснилъ мнѣ Евсеичъ. Я выудилъ еще нѣсколько плотичекъ, и всякій разъ почти съ такимъ же восхищеніемъ, какъ и первую. Но какъ мать отпустила меня на короткое время, то мы скоро воротились. Отецъ приказалъ повару Мокею сварить и зажарить нѣсколько крупныхъ окуней, а всю остальную рыбу отдалъ людямъ, чтобъ они сварили себѣ уху.

Уженье просто свело меня съ ума! Я ни о чемъ другомъ не могъ ни думать, ни говорить, такъ что мать сердилась и сказала, что не будетъ меня пускать, потому что я отъ такого волненія могу захворать; но отецъ увѣрялъ ее, что это случилось въ первый разъ и что горячность моя пройдетъ; я же былъ увѣренъ, что никогда не пройдетъ, и слушалъ съ замирающимъ сердцемъ, какъ рѣшается моя участь. Удочка, дрожащій и ныряющій наплавокъ, согнутое отъ тяжести удилище, рыба, трепещущая на лесѣ,—приводили меня, при одномъ воспоминаніи, въ восторгъ, въ самозабвеніе. Все остальное время на кормежкѣ я былъ невеселъ и не смѣлъ разговаривать о рыбкахъ ни съ отцомъ, ни съ сестрицей, да и всѣ были, какъ-будто, чѣмъ-то недовольны. Въ такомъ расположеніи духа отправились мы въ дальнѣйшій путь. Мать дорогой принялась мнѣ растолковывать, почему не хорошо такъ безумно предаваться какой-нибудь забавѣ, какъ это вредно для здоровья, даже опасно; она говорила, что, забывая всѣ другія занятія для какой-нибудь охоты, и умненькій мальчикъ можетъ поглупѣть, и что вотъ теперь, вмѣсто того, чтобы весело смотрѣть въ окошко, или читать книжку, или разговаривать съ отцомъ и матерью, я сижу молча, какъ-будто опущенный въ воду. Все это она говорила и нѣжно, и ласково, и я какъ-будто почувствовалъ правду ея словъ, успокоился нѣсколько и началъ вслухъ читать свою книжку. Между тѣмъ къ вечеру пошелъ дождь, дорога сдѣлалась грязна и тяжела; высунувшись изъ окошка, я видѣлъ, какъ налипала земля къ колесамъ и потомъ отваливалась отъ нихъ толстыми пластами;

мнѣ это было любопытно и весело, а лошадкамъ нашимъ накладно, и онѣ начинали приставать. Кучеръ Трофимъ, наклонясь къ переднему окну, сказалъ моему отцу, что дорога стала тяжела, что намъ не доѣхать засвѣтло до Парашина, что мы больно запоздаемъ и лошадей *перегонимъ*, и что не прикажетъ ли онъ заѣхать для ночевки въ чувашскую деревню, мимо околицы которой мы будемъ проѣзжать. Отецъ мой и самъ уже говорилъ объ этомъ; мы поутру проѣхали 40 верстъ, да послѣ обѣда надо было проѣхать 45,—это было уже слишкомъ много, а потому онъ согласился на предложеніе Трофима. Хотя матери моей и не хотѣлось бы ночевать въ Чувашахъ, которые по неопрятности своей были ей противны, но дѣлать было нечего, и послѣдовало приказаніе—завернуть въ чувашскую деревню для ночевки. Мы не доѣхали до Парашина 15 верстъ. Черезъ нѣсколько минутъ своротили съ дороги и въѣхали въ селеніе безъ улицъ; избы были разбросаны въ безпорядкѣ; всякій хозяинъ поселился тамъ, гдѣ ему угодно, и къ каждому двору былъ свой проѣздъ. Солнце, закрытое облаками, уже садилось, дождь продолжался, и наступали раннія сумерки; мы были встрѣчены страшнымъ лаемъ собакъ, которыхъ Чуваши держатъ еще больше, чѣмъ Татары. Лай этотъ, неумолкаемо продолжавшійся и во всю ночь, сливался тогда съ рѣзкимъ бормотаньемъ визгливыхъ Чувашекъ, съ звяканьемъ ихъ мѣдныхъ и серебряныхъ подвѣсокъ и бранью нашихъ людей, потому что хозяева прятались, чтобъ избавиться отъ постояльцевъ. Долго звенѣла въ ушахъ у насъ эта пронзительная музыка. Наконецъ, отыскали выборнаго, какъ онъ ни прятался, должность котораго на этотъ разъ, за отсутствіемъ мужа, исправляла его жена-чувашка; она отвела намъ квартиру у богатаго чувашенина, который имѣлъ нѣсколько избъ, такъ что одну изъ нихъ очистили совершенно для насъ. Въ каретѣ оставаться было сыро, и мы немедленно вошли въ избу, уже освѣщенную горящею лучиной. Тутъ опять явились для меня новые, невиданные предметы: прежде всего кинулся мнѣ въ глаза нарядъ чувашскихъ женщинъ: онѣ ходятъ въ бѣлыхъ рубашкахъ, вышитыхъ красною шерстью, носятъ какіе-то черные хвосты, а головы ихъ и грудь увѣшаны серебряными, и крупными и самыми мелкими, деньгами: все это звенитъ и брякаетъ на нихъ при

каждомъ движеніи. Потомъ изумили меня огромная изба, закопченная дымомъ и покрытая лоснящеюся сажей съ потолка до самыхъ лавокъ, — широкія, устланныя поперекъ досками лавки, называющіяся «нàрами», — печь безъ трубы и, наконецъ, горящая лучина вмѣсто свѣчи, ущемленная въ такъ называемый свѣтецъ, который есть ни что иное, какъ желѣзная полоска, разрубленная сверху на-трое и воткнутая въ деревянную палку съ подножкой, такъ что она можетъ стоять, гдѣ угодно. Въ избѣ не было никакой нечистоты, но только пахло дымомъ, и не противно. Мы расположились очень удобно на широкихъ нарахъ. Отецъ доказывалъ матери моей, что она напрасно не любитъ чувашскихъ деревень, что ни у кого нѣтъ такихъ просторныхъ избъ и такихъ широкихъ наръ, какъ у нихъ, и что даже въ ихъ избахъ опрятнѣе, чѣмъ въ мордовскихъ и особенно русскихъ; но мать возражала, что Чуваши сами очень неопрятны и гадки; противъ этого отецъ не спорилъ, но говорилъ, что они предобрые и пречестные люди. Свѣтецъ, съ ущемленной въ него горящею лучиной, которую надобно было безпрестанно замѣнять новою, обратилъ на себя мое особенное вниманіе; иныя лучины горѣли какъ - то очень прихотливо: иногда пламя пылало ярко, иногда чуть-чуть перебиралось и вдругъ опять сильно вспыхивало; обгорѣвшій, обуглившійся конецъ лучины то загибался крючкомъ въ сторону, то падалъ треща, и звеня, и ломаясь; иногда вдругъ лучина начинала шипѣть, и струйка сѣраго дыма начинала бить, какъ струйка воды изъ фантанчика, вправо или влѣво. Отецъ растолковалъ мнѣ, что это была струйка не дыма, а пара, отъ сырости, находившейся въ лучинѣ. Все это меня очень занимало, и мнѣ было досадно, когда принесли дорожную свѣчу и погасили лучину. Мы всѣ провели ночь очень спокойно подъ своими пологами, безъ которыхъ мы никуда не ѣздили. Ночью дождь прошелъ; хотя утро было прекрасное, но мы выѣхали не такъ рано, потому что намъ надобно было переѣхать всего 15 верстъ до Парашина, гдѣ отецъ хотѣлъ пробыть цѣлый день. Слыша часто слово Парашино, я спросилъ, чтò это такое, и мнѣ объяснили, что это было большое и богатое село, принадлежавшее тёткѣ моего отца, Прасковьѣ Ивановнѣ Куролесовой, и что мой отецъ долженъ былъ осмотрѣть въ немъ все хозяйство и написать своей тётушкѣ, все

ли тамъ хорошо, все ли въ порядкѣ. — Верстъ за восемь до села пошли парашинскія поля, покрытыя спѣлою, высокою и густою рожью, которую уже начали жать. Поля казались такъ обширны, какъ-будто имъ и конца не было. Отецъ мой говорилъ, что онъ и не видывалъ такихъ хлѣбо́въ и что нынѣшній годъ урожай отличный. Молодые крестьяне и крестьянки, работавшіе въ однѣхъ рубахахъ, узнали нашихъ людей и моего отца; воткнувъ серпы свои въ сжатые снопы, они начали выбѣгать къ каретѣ. Отецъ велѣлъ остановиться. По загорѣлымъ лицамъ жнецовъ и жницъ текли ручьи пота, но лица были веселы; человѣкъ двадцать окружали нашу карету. Всѣ были такъ рады. «Здравствуй, батюшка Алексѣй Степанычъ! — заговорилъ одинъ крестьянинъ постарше другихъ, который былъ десятникомъ, какъ я послѣ узналъ;—давно мы тебя не видали. Матушка Прасковья Ивановна отписала къ намъ, что ты у насъ побываешь. Насилу мы тебя дождались». Отецъ мой, не выходя изъ кареты, ласково поздоровался со всѣми и сказалъ, что вотъ онъ и пріѣхалъ къ нимъ и привезъ свою хозяйку и дѣтей. Мать выглянула изъ окна и сказала: «Здравствуйте, мои друзья!» Всѣ поклонились ей, и тотъ же крестьянинъ сказалъ: «Здравствуй, матушка Софья Николавна, милости просимъ. А это сынокъ что ли твой?» продолжалъ онъ, указавъ на меня. — «Да, это мой сынъ, Сережа, а дочка спитъ»,— отвѣчалъ отецъ. Меня высунули изъ окошка. Мнѣ также всѣ поклонились и назвали меня Сергѣемъ Алексѣичемъ, чего я до тѣхъ поръ не слыхивалъ. «Всѣмъ вамъ мы рады, батюшка Алексѣй Степанычъ»,—сказалъ тотъ же крестьянинъ. Радость была непритворная, выражалась на всѣхъ лицахъ и слышна была во всѣхъ голосахъ. Я былъ изумленъ, я чувствовалъ какое-то непонятное волненіе, и очень полюбилъ этихъ добрыхъ людей, которые всѣхъ насъ такъ любятъ. Отецъ мой продолжалъ разговаривать и разспрашивать о многомъ, чего я не понималъ; слышалъ только, какъ ему отвѣчали, что, слава Богу, всѣ живутъ помаленьку; что съ хлѣбомъ не знай, какъ и совладать, потому что много народу хвораетъ. Когда же мой отецъ спросилъ, отчего въ праздникъ они на барщинѣ (это былъ первый Спасъ, то есть первое августа), ему отвѣчали, что такъ приказалъ староста Миронычъ; что въ этотъ праздникъ точно прежде не рабо-

тали, но вотъ уже года четыре какъ начали работать; что всѣ мужики постарше и бабы-ребятницы уѣхали ночевать въ село, но послѣ обѣдни всѣ пріѣдутъ, и что въ полѣ остался только народъ молодой, всего серповъ съ сотню подъ присмотромъ десятника. Отецъ и мать простились съ крестьянами и крестьянками. Я отвѣчалъ на ихъ поклоны множествомъ поклоновъ, хотя карета тронулась уже съ мѣста, и, высунувшись изъ окна, кричалъ: «Прощайте, прощайте!» Отецъ и мать улыбались, глядя на меня, а я, весь въ движеніи и волненіи, принялся разспрашивать: отчего эти люди знаютъ, какъ насъ зовутъ? Отчего они намъ рады и за что они насъ любятъ? Что такое барщина? Кто такой Миронычъ? и проч. и проч. Отецъ какъ-то затруднялся удовлетворить всѣмъ моимъ вопросамъ, но мать помогала ему, и мнѣ отвѣчали, что въ Парашинѣ половина крестьянъ родовыхъ Багровскихъ, и что имъ хорошо извѣстно, что когда-нибудь они будутъ опять наши; что его они знаютъ потому, что ѣзжалъ въ Парашино съ тётушкой, что любятъ его за то, что онъ имъ ничего худаго не дѣлалъ, и что по немъ любятъ мою мать и меня, а потому и знаютъ, какъ насъ зовутъ. Что такое староста Миронычъ — я хорошо понялъ, а что такое барщина, по моимъ лѣтамъ, понять мнѣ было трудно.

Въ этотъ разъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, не понявъ нѣкоторыхъ отвѣтовъ на мои вопросы, я не оставлялъ ихъ для себя темными и нерѣшенными, а всегда объяснялъ по-своему: такъ обыкновенно поступаютъ дѣти.— Такія объясненія надолго остаются въ ихъ умахъ, и мнѣ часто случалось потомъ, называя предметъ настоящимъ его именемъ, заключающимъ въ себѣ полный смыслъ,—совершенно его не понимать. Жизнь, конечно, объяснитъ все, и узнаніе ошибки бываетъ иногда очень огорчительно.

Послѣ ржаныхъ хлѣбо́въ пошли яровые, начинающіе уже поспѣвать. Отецъ мой, глядя на нихъ, часто говорилъ съ сожалѣніемъ: «Не успѣютъ нынче убраться съ хлѣбомъ до ненастья; рожь поспѣла поздно, а вотъ уже и яровые поспѣваютъ. А какіе хлѣба̀! въ жизнь мою не видывалъ такихъ!» Я замѣтилъ, что мать моя совершенно равнодушно слушала слова отца. Не понимая, какъ и почему, но и мнѣ было жалко, что не успѣютъ убраться съ хлѣбомъ.

Парашино.

Съ плоской возвышенности пошла дорога подъ изволокъ, и вотъ наконецъ открылось передъ нами лежащее на низменности богатое село Парашино, съ каменною церковью и небольшимъ прудомъ въ оврагѣ. Господское гумно стояло какъ городъ, построенный изъ хлѣбныхъ кладей, даже въ крестьянскихъ гумнахъ видно было много прошлогоднихъ копенъ. Отецъ мой радовался, глядя на такое изобиліе хлѣба, и говорилъ: «Вотъ крестьяне, такъ крестьяне! Сердце радуется!» Я радовался вмѣстѣ съ нимъ и опять замѣтилъ, что мать не принимала участія въ его словахъ. Наконецъ мы въѣхали въ село. Въ самое это время священникъ въ полномъ облаченіи, неся крестъ на головѣ, предшествуемый діакономъ съ кадиломъ, образами и хоругвями, и сопровождаемый огромною толпою народа, шелъ изъ церкви для совершенія водоосвященія на Іордани. Пѣніе дьячковъ заглушалось колокольнымъ звономъ и только въ промежутокъ врывалось въ мой слухъ. Мы сейчасъ остановились, вышли изъ кареты и присоединились къ народу. Мать вела меня за руку, а нянька несла мою сестрицу, которая съ необыкновеннымъ любопытствомъ смотрѣла на невиданное ею зрѣлище; мнѣ же хотя удалось видѣть нѣчто подобное въ Уфѣ, но тѣмъ не менѣе я смотрѣлъ на него съ восхищеніемъ.

Послѣ водосвятія, приложившись ко кресту, окропленные святой водою, получивъ отъ священника поздравленіе съ благополучнымъ пріѣздомъ, пошли мы на господскій дворъ, всего черезъ улицу отъ церкви. Народъ окружалъ насъ тѣсною толпою, и всѣ были такъ же веселы и рады намъ, какъ

и крестьяне на жнитвѣ; многіе старики протѣснились впередъ, кланялись и здоровались съ нами очень ласково; между ними первый былъ малорослый, широкоплечій, не молодой мужикъ съ просѣдью и съ такими необыкновенными глазами, что мнѣ даже страшно стало, когда онъ на меня пристально поглядѣлъ. Толпа крестьянъ проводила насъ до крыльца господскаго флигеля и потомъ разошлась, а мужикъ съ страшными глазами взбѣжалъ на крыльцо, отперъ двери и пригласилъ насъ войдти, приговаривая: «Милости просимъ, батюшка Алексѣй Степанычъ и матушка Софья Николавна!» Мы вошли во флигель; тамъ было какъ-будто все приготовлено для нашего пріѣзда; но послѣ я узналъ, что тутъ всегда останавливался, наѣзжавшій иногда, главный управитель и повѣренный бабушки Куролесовой, котораго отецъ съ матерью называли Михайлушкой, а всѣ прочіе съ благоговѣніемъ величали Михайломъ Максимовичемъ, и вотъ причина, почему флигель всегда былъ прибранъ. Изъ словъ отца я сейчасъ догадался, что малорослый мужикъ съ страшными глазами былъ тотъ самый Миронычъ, о которомъ я разспрашивалъ въ каретѣ. Отецъ мой освѣдомлялся у него обо всемъ, касающемся до хозяйства, и отпустилъ, сказавъ, что позоветъ его, когда будетъ нужно, и приказавъ, чтобъ нѣкоторыхъ стариковъ, названныхъ имъ по именамъ, онъ прислалъ къ нему. Какъ я ни былъ малъ, но замѣтилъ, что Миронычъ былъ недоволенъ приказаніемъ моего отца. Онъ такъ отвѣчалъ «слушаю-съ», что я какъ теперь слышу этотъ звукъ, который ясно выражалъ: «не хорошо вы это дѣлаете». Когда онъ ушелъ, я услышалъ такой разговоръ между отцомъ и матерью, который привелъ меня въ большое изумленіе. Мать сказала, что этотъ Миронычъ долженъ быть разбойникъ. Отецъ улыбнулся и отвѣчалъ, что похоже на то; что онъ и прежде слыхалъ о немъ много нехорошаго; но что онъ родня и любимецъ Михайлушки, а тётушка Прасковья Ивановна во всемъ Михайлушкѣ вѣритъ; что онъ велѣлъ послать къ себѣ такихъ стариковъ изъ Багровскихъ, которые скажутъ ему всю правду, зная, что онъ ихъ не выдастъ, и что Миронычу было это невкусно. Отецъ прибавилъ, что поѣдетъ послѣ обѣда осмотрѣть всѣ полевыя работы и приглашалъ съ собою мою мать; но она рѣшительно отказалась, сказавъ, что она не любитъ смотрѣть на нихъ, и что если онъ

хочетъ, то можетъ взять съ собой Сережу. Я обрадовался, сталъ проситься; отецъ охотно согласился. «Да, вотъ мы съ Сережей,—сказалъ мой отецъ,—послѣ чаю пойдемъ осматривать конный заводъ, а потомъ пройдемъ на родники и на мельницу». Разумѣется, я тоже очень обрадовался и этому предложенію, и мать тоже на него согласилась. Послѣ чаю мы отправились на конный дворъ, находившійся на заднемъ концѣ господскаго двора, поросшаго травою. У входа въ конюшни ожидалъ насъ, вмѣстѣ съ другими конюхами, главный конюхъ Григорій Ковляга, который съ перваго взгляда очень мнѣ понравился; онъ былъ особенно ласковъ со мною. Не успѣли мы войдти въ конюшни, какъ явился противный Миронычъ, который потомъ цѣлый день уже не отставалъ отъ отца. Мы вошли широкими воротами въ какое-то длинное строеніе, по обѣ стороны тянулись корридоры, гдѣ, направо и налѣво, въ особыхъ отгородкахъ, стояли старыя большія и толстыя лошади, а въ нѣкоторыхъ и молодыя, еще тоненькія. Тутъ я узналъ, что ихъ комнатки называются стойлами. Противъ самыхъ воротъ, на стѣнѣ висѣлъ образъ Николая Чудотворца, какъ сказалъ мнѣ Ковляга. Осмотрѣвъ обѣ стороны конюшни и похваливъ въ нихъ чистоту, отецъ вышелъ опять на дворъ и приказалъ вывести нѣкоторыхъ лошадей. Ковляга самъ выводилъ ихъ съ помощью другаго конюха. Гордыя животныя, раскормленныя и застоявшіяся, ржали, поднимались на дыбы и поднимали на воздухъ обоихъ конюховъ, такъ что они висѣли у нихъ на шеяхъ, крѣпко держась правою рукою за узду. Я робѣлъ и прижимался къ отцу; но когда пускали нѣкоторыхъ изъ этихъ славныхъ коней бѣгать и прыгать на длинной веревкѣ вокругъ державшихъ ее конюховъ, которые, упершись ногами и пригнувшись къ землѣ, едва могли съ ними ладить,—я очень ими любовался. Миронычъ во все совался, и мнѣ было очень досадно, что онъ называлъ Ковлягу Гришка Ковляженокъ, тогда какъ мой отецъ называлъ его Григорій. «А гдѣ пасутся табуны?»—спросилъ мой отецъ у Ковляги. Миронычъ отвѣчалъ, что одинъ пасется у «Кошелги», а другой у «Каменнаго оврага», и прибавилъ: «Коли вамъ угодно будетъ, батюшка Алексѣй Степанычъ, поглядѣть господскіе ржаные и яровые хлѣба и паровое поле (мы завтра отслужимъ молебенъ и начнемъ сѣвъ), то не прикажете ли подогнать туда

табуны? Тамъ будетъ уже не далеко». Отецъ отвѣчалъ: «Хорошо». Съ коннаго двора отправились мы на родники. Отецъ мой очень любилъ всякія вóды, особенно ключевыя; а я не могъ безъ восхищенія видѣть даже бѣгущей по улицамъ воды, и потому великолѣпные Парашинскіе родники, которыхъ было больше двадцати, привели меня въ восторгъ. Нѣкоторые родники были очень сильны и вырывались изъ середины горы, другіе били и кипѣли у ея подошвы, нѣкоторые находились на косогорахъ и были обдѣланы деревянными срубами съ крышей; въ срубы были вдолблены широкія липовыя колоды, наполненныя такою прозрачною водою, что казались пустыми: вода по всей колодѣ переливалась черезъ край, падая по бокамъ стеклянною бахромою. Я видѣлъ, какъ приходили крестьянки съ ведрами, оттыкали деревянный гвоздь, находившійся въ концѣ колоды, подставляли ведро подъ струю воды, которая била дугой, потому что низкій конецъ колоды лежалъ высоко отъ земли, на большихъ каменныхъ плитахъ (бока оврага состояли всѣ изъ дикаго плитняка). Въ одну минуту наполнялось одно ведро, а потомъ другое.—Всѣ родники стекали въ прудъ. Многіе необдѣланные ключи текли туда же ручейками по мелкимъ камешкамъ; между ними мы съ отцомъ нашли множество прекрасныхъ, точно какъ обточенныхъ, довольно длинныхъ, похожихъ на сахарныя головки: эти камешки назывались чортовыми пальцами. Я увидѣлъ ихъ въ первый разъ; они мнѣ очень понравились; я набилъ ими свои карманы, только названіе ихъ никакъ не могъ объяснить мнѣ отецъ, и я долго надоѣдалъ ему вопросами: что за звѣрь чортъ, имѣющій такіе крѣпкіе пальцы?—Еще полный новыхъ и пріятныхъ впечатлѣній, я вдругъ перешелъ опять къ новымъ, если не такъ пріятнымъ, за то не менѣе любопытнымъ впечатлѣніямъ: отецъ привелъ меня на мельницу, о которой я не имѣлъ никакого понятія. Прудъ наполнялся родниками и былъ довольно глубокъ; оврагъ перегораживала, запружая воду, широкая навозная плотина; посрединѣ ея стояла мельничная амбарушка; въ ней находился одинъ мукомольный поставъ, который мололъ хорошо только въ полую воду, впрочемъ не отъ того, чтобы мало было воды въ прудѣ, какъ объяснилъ мнѣ отецъ, а отъ того, что вода шла вездѣ сквозь плотину. Эта дрянная мельница показалась мнѣ чудомъ искус-

ства человѣческаго. Прежде всего я увидѣлъ падающую изъ каузной трубы струю воды прямо на водяное колесо, позеленѣвшее отъ мокроты, ворочавшееся довольно медленно, все въ брызгахъ и пѣнѣ; шумъ воды смѣшивался съ какимъ-то другимъ гудѣньемъ и шипѣньемъ. Отецъ показалъ мнѣ деревянный ларь, то-есть ящикъ, широкій вверху и узенькій внизу, какъ я увидѣлъ послѣ, въ который всыпаютъ хлѣбныя зёрна. Потомъ мы сошли внизъ, и я увидѣлъ вертящійся жерновъ и надъ нимъ дрожащій ковшикъ, изъ котораго сыпалися зёрна, попадавшія подъ камень; вертясь и раздавливая зёрна, жерновъ, окруженный лубочной обечайкой, превращалъ ихъ въ муку, которая сыпалась внизъ по деревянной лопаточкѣ. Заглянувъ сбоку, я увидѣлъ другое, такъ называемое сухое колесо, которое вертѣлось гораздо скорѣе водянаго и, задѣвая какими-то кулаками за шестерню, вертѣло утвержденный на ней камень; амбарушка была наполнена хлѣбною пылью и вся дрожала, даже припрыгивала. Долго находился я въ совершенномъ изумленіи, разглядывая такія чудеса и вспоминая, что я видѣлъ что-то подобное въ дѣтскихъ игрушкахъ; долго простояли мы въ мельничномъ амбарѣ, гдѣ какой-то старикъ, дряхлый и сгорбленный, котораго называли «засыпкой», сѣдой и хворый, мололъ всякое хлѣбное ухвостье для посыпки господскимъ лошадямъ: онъ былъ весь бѣлый отъ мучной пыли; я началъ было разспрашивать его, но замѣтя, что онъ часто и задыхаясь кашлялъ, что̀ привело меня въ жалость, я обратился съ остальными вопросамъ къ отцу: противный Миронычъ и тутъ безпрестанно вмѣшивался, хотя мнѣ не хотѣлось его слушать. Когда мы вышли изъ мельницы, то я увидѣлъ, что хлѣбная пыль и насъ выбѣлила, хотя не такъ, какъ засыпку. Я сейчасъ началъ просить отца, чтобы больнаго старичка положили въ постель и напоили чаемъ; отецъ улыбнулся и, обратясь къ Миронычу, сказалъ: «засыпка, Василій Терентьевъ, больно старъ и хворъ; кашель его забилъ, и ухвостная пыль ему не годится; его бы надо совсѣмъ отставить отъ старичьихъ работъ и не наряжать въ засыпки». — «Какъ изволите приказать, батюшка Алексѣй Степанычъ, отвѣчалъ Миронычъ; да не будетъ ли другимъ обидно? Его отставить, такъ и другихъ надо отставить. Вѣдь такихъ дармоѣдовъ и лежебоковъ много. Кто же будетъ старичьи работы исполнять?»

Отецъ отвѣчалъ, что не всѣ же старики хворы, что больныхъ надо поберечь и успокоить, что они на свой вѣкъ уже поработали. «Вѣдь ты и самъ скоро состаришься, сказалъ мой отецъ, тоже будешь дармоѣдомъ и тогда захочешь покою». Миронычъ отвѣчалъ: «Слушаю-съ; по приказанію вашему будетъ исполнено; а этого-то Василія Терентьева и не надо бы миловать: у него внукъ буянъ и намеднясь чуть меня за горло не сгребъ». Отецъ мой съ сердцемъ отвѣчалъ и такимъ голосомъ, какого я у него никогда не слыхивалъ: «Такъ ты за вину внука наказываешь больнаго дѣдушку? Да ты взыскивай съ виноватаго». Миронычъ проворно подхватилъ: «Будьте покойны, батюшка Алексѣй Степанычъ, будетъ исполнено по вашему приказанію».—Не знаю отчего я начиналъ чувствовать внутреннюю дрожь. Василій Терентьевъ, который видѣлъ, что мы остановились, и побрелъ было къ намъ, услыхавъ такія рѣчи, самъ остановился, трясясь всѣмъ тѣломъ и кланяясь безпрестанно. Когда мы взошли на гору, я оглянулся,—старикъ все стоялъ на томъ же мѣстѣ и низко кланялся. Когда же мы пришли въ свой флигель, я, забывъ о родникахъ и мельницѣ, сейчасъ разсказалъ матери о больномъ старичкѣ. Мать очень горячо приняла мой разсказъ: сейчасъ хотѣла призвать и разбранить Мироныча, сейчасъ отставить его отъ должности, сейчасъ написать объ этомъ къ тётушкѣ Прасковьѣ Ивановнѣ... и отцу моему очень трудно было удержать ее отъ такихъ опрометчивыхъ поступковъ. Тутъ послѣдовалъ долгій разговоръ и даже споръ. Я многаго не понималъ, многое забылъ и у меня остались въ памяти только отцовы слова: «Не вмѣшивайся не въ свое дѣло; ты все дѣло испортишь, ты все семейство погубишь; теперь Миронычъ не тронетъ ихъ,—онъ все-таки будетъ опасаться, чтобъ я не написалъ къ тётушкѣ, а если пойдетъ дѣло на то, чтобы Мироныча прочь, то Михайлушка его не выдастъ. Тогда мнѣ ужъ въ Парашино и заглядывать нечего, пользы не будетъ, да пожалуй и тётушка еще прогнѣвается». Мать поспорила, но уступила. Боже мой! Какое смѣшеніе понятій произошло въ моей ребячьей головѣ! За что страдаетъ больной старичекъ, что такое злой Миронычъ, какая это сила Михайлушка и бабушка? Почему отецъ не позволилъ матери сейчасъ прогнать Мироныча? Стало, отецъ можетъ это сдѣлать? Зачѣмъ же онъ не дѣлаетъ? Вѣдь онъ

добрый, вѣдь онъ никогда не сердится? Вотъ вопросы, которые кипѣли въ дѣтской головѣ моей, и я разрѣшилъ себѣ ихъ тѣмъ, что Михайлушка и бабушка не добрые люди, и что мой отецъ ихъ боится.

Чортовы пальцы я отдалъ милой моей сестрицѣ, которая очень скучала безъ меня. Мы присоединили новое сокровище къ нашимъ прежнимъ драгоцѣнностямъ—къ чуркамъ и камешкамъ съ рѣки Бѣлой, которые я всегда называлъ «штуфами» (это слово я перенялъ у старика Аничкова). Я пересказалъ сестрицѣ съ жаромъ о томъ, что̀ видѣлъ. Я постоянно сообщалъ ей обо всемъ, что̀ происходило со мной безъ нея. Теперь я сталъ замѣчать, что сестрица моя не все понимаетъ, а потому, перенимая рѣчи у няньки, старался говорить понятнымъ языкомъ для маленькаго дитяти.

Послѣ обѣда, на длинныхъ крестьянскихъ роспускахъ, отправились мы съ отцомъ въ поле; противный Мироньичъ также присѣлъ съ нами. Я ѣхалъ на роспускахъ въ первый разъ въ моей жизни и мнѣ очень понравилась эта ѣзда: сидя на сложенной вчетверо бѣлой кошмѣ, я покачивался точно какъ въ колыбели, висящей на гибкомъ древесномъ сучкѣ. По колеямъ степной дороги роспуски опускались такъ низко, что растущія высоко тра̀вы и цвѣты хлестали меня по ногамъ и рукамъ, и это меня очень забавляло. Я даже успѣвалъ срывать цвѣточки. Но я замѣтилъ, что для большихъ людей такъ сидѣть не ловко потому, что они должны были не опускать своихъ ногъ, а вытягивать и держать ихъ на воздухѣ, чтобъ не задѣвать за землю: я же сидѣлъ на роспускахъ почти съ ногами, и трава задѣвала только мои башмаки. Когда мы проѣзжали между хлѣбовъ по широкимъ межамъ, заросшимъ вишенникомъ съ красноватыми ягодами и бобовникомъ съ зеленоватыми бобами, то я упросилъ отца остановиться и своими руками нарвалъ цѣлую горсть дикихъ вишенъ, мелкихъ и жесткихъ какъ крупный горохъ; отецъ не позволилъ мнѣ ихъ отвѣдать, говоря, что онѣ кислы, потому что не поспѣли; бобовъ же дикаго персика, называемаго крестьянами бобовникомъ, я нащипалъ себѣ цѣлый карманъ; я хотѣлъ и ягоды положить въ другой карманъ и отвезти маменькѣ, но отецъ сказалъ, что «мать на такую дрянь и смотрѣть не станетъ, что ягоды въ карманѣ раздавятся и перепачкаютъ мое платье и что ихъ надо кинуть». Мнѣ

жаль было вдругъ разстаться съ ними, и я долго держалъ ихъ въ своей рукѣ, но наконецъ принужденъ былъ бросить, самъ не знаю какъ и когда.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рожь не наклонилась, не вылегла, какъ говорится, она стояла такъ высоко, что насъ съ роспусками и лошадьми не было видно. Это новое зрѣлище тоже мнѣ очень нравилось. Долго мы ѣхали межами, и вотъ началъ слышаться издалека какой-то странный шумъ и говоръ людей; чѣмъ ближе мы подъѣзжали, тѣмъ становился онъ слышнѣе, и наконецъ сквозь несжатую рожь стали мелькать блестящіе серпы и колосья горстей срѣзанной ржи, которыми кто-то взмахивалъ въ воздухѣ; вскорѣ показались плечи и спины согнувшихся крестьянъ и крестьянокъ. Когда мы выѣхали на десятину, которую жали человѣкъ съ десять, говоръ прекратился; но за то шарканье серповъ по соломѣ усилилось и наполняло все поле необыкновенными и неслыханными мною звуками. Мы остановились, сошли съ роспусковъ, подошли близко къ жнецамъ и жницамъ, и отецъ мой сказалъ какимъ-то добрымъ голосомъ: «Богъ на помочь!» Вдругъ всѣ оставили работу, обернулись къ намъ лицомъ, низко поклонились, а нѣкоторые крестьяне, постарше, поздоровались съ отцомъ и со мной. На загорѣлыхъ лицахъ была написана радость, нѣкоторые тяжело дышали, у иныхъ были обвязаны грязными тряпицами пальцы на рукахъ и босыхъ ногахъ, но всѣ были бодры. Отецъ мой спросилъ: сколько людей на десятинѣ? не тяжело ли имъ? и получивъ въ отвѣтъ, что «тяжеленько, да какже быть, рожь сильна, прихватимъ вечера»—сказалъ: «такъ жните съ Богомъ»... И въ одну минуту засверкали серпы, горсти ржи замелькали надъ головами работниковъ, и шумъ отъ рѣзки жесткой соломы еще звучнѣе, сильнѣе разнесся по всему полю. Я стоялъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Вдругъ плачъ ребенка обратилъ на себя мое вниманіе, и я увидѣлъ, что въ разныхъ мѣстахъ, между трехъ палочекъ, связанныхъ вверху и воткнутыхъ въ землю, висѣли люльки; молодая женщина воткнула серпъ въ связанный ею снопъ, подошла не торопясь, взяла на руки плачущаго младенца, и тутъ же, присѣвъ у стоящаго пятка сноповъ, начала цѣловать, ласкать и кормить грудью свое дитя. Ребенокъ скоро успокоился, заснулъ; мать положила его въ люльку, взяла серпъ и принялась жать съ особеннымъ

усиліемъ, чтобы догнать своихъ подругъ, чтобы не отстать отъ другихъ. Отецъ разговаривалъ съ Миронычемъ, и я имѣлъ время всмотрѣться во все меня окружающее. Невыразимое чувство состраданія къ работающимъ съ такимъ напряженіемъ силъ, на солнечномъ знoѣ, обхватило мою душу, и много разъ потомъ, бывая на жнитвѣ, я всегда вспоминалъ это первое впечатлѣніе... Съ этой десятины поѣхали мы на другую, на третью и такъ далѣе. Сначала мы вставали съ роспусковъ и подходили къ жнецамъ, а потомъ только подъѣзжали къ нимъ, останавливались; отецъ мой говорилъ: «Богъ на помочь». Вездѣ было одно и то же: тѣ же поклоны, тѣ же добрыя обрадованныя лица и тѣ же простыя слова: «Благодарствуемъ, батюшка Алексѣй Степанычъ». Останавливаться вездѣ было невозможно,—не достало бы времени. Мы объѣхали яровые хлѣба̀, которые тоже начинали поспѣвать, о чемъ отецъ мой и Миронычъ говорили съ безпокойствомъ, не зная, гдѣ взять рукъ и какъ убраться съ жнитвомъ. «Вотъ она, страда-то, настоящая-то страда, батюшка Алексѣй Степанычъ, говорилъ главный староста. Ржи поспѣли поздно, яровые почитай поспѣваютъ, уже и поздніе овсы стали мѣшаться, а пришла пора сѣять. Вчера Богъ далъ такого дождика, что борозду пробилъ; теперь земля сыренька и съ завтрашняго дня всѣхъ мужиковъ погоню сѣять; такъ извольте разсудить: съ однѣми бабами немного нажнешь, а ржи-то осталось половина не сжатой. Не позволите ли, батюшка, сдѣлать лишній сгонъ?» Отецъ отвѣчалъ, что крестьянамъ вѣдь также надо убираться и что отнять у нихъ день въ такую страдную пору дѣло нехорошее, и что лучше сдѣлать помочь и позвать сосѣдей. Староста началъ было распространяться о томъ, что у нихъ сосѣди дальніе и къ помочамъ непривычные; но въ самое это время подъѣхали мы къ горохамъ и макамъ, которые привлекли мое вниманіе. Отецъ приказалъ Миронычу сломить нѣсколько еще зеленыхъ головокъ мака и выдрать съ корнемъ охапку гороха съ молодыми стручками и лопатками; все это онъ отдалъ въ мое распоряженіе и даже позволилъ съѣсть одинъ молоденькій стручекъ, плоскія горошинки котораго показались мнѣ очень сладкими и вкусными. Въ другое время это заняло бы меня гораздо сильнѣе, но въ настоящую минуту ржаное поле съ жнецами и жницами наполняло мое воображеніе, и

я довольно равнодушно держалъ въ рукахъ, за тонкіе стебли, съ десятокъ маковыхъ головокъ и охапку зеленаго гороха. Возвращаясь домой, мы заѣхали въ паровое поле, довольно заросшее зеленымъ осотомъ и козлецомъ, за что отецъ мой сдѣлалъ замѣчаніе Миронычу; но тотъ оправдывался дальностью полей, невозможностью гонять туда господскія и крестьянскія стада для толоки, и увѣрялъ, что вся эта трава подрѣжется сохами и больше *не отрыгнетъ*, то-есть не выростетъ. Не смотря на все это, отецъ мой остался не совсѣмъ доволенъ паровымъ полемъ и сказалъ, что пашня мѣстами мелка и борозды рѣдки, — отчего и травы много. Солнце опускалось, и мы едва успѣли посмотрѣть два господскихъ табуна, нарочно подогнанные близко къ пару. Въ одномъ находилось множество молодыхъ лошадокъ всякихъ возрастовъ и матерей съ жеребятками, которые нѣсколько отвлекли меня отъ картины жнитва и развеселили своими прыжками и ласками къ матерямъ. Другой табунъ, къ которому, какъ говорили, и приближаться надо было съ осторожностью, осматривалъ только мой отецъ, и то ходилъ къ нему пѣшкомъ вмѣстѣ съ пастухами. Тамъ были какія-то дикія и злыя лошади, которыя бросались на незнакомыхъ людей. Уже стало темно, когда мы воротились. Мать начинала безпокоиться и жалѣть, что меня отпустила. Въ самомъ дѣлѣ я слишкомъ утомился, и заснулъ, не дождавшись даже чаю.

Проснувшись довольно поздно, потому что никто меня не будилъ, я увидѣлъ около себя большія суеты, хлопоты и сборы. Къ отцу пришли многіе крестьяне съ разными просьбами, которыхъ исполнить Мироновичъ не смѣлъ, какъ онъ говорилъ, или всего вѣрнѣе не хотѣлъ. Это узналъ я послѣ, изъ разговоровъ моего отца съ матерью. Отецъ однако не бралъ на себя никакой власти и всѣмъ отвѣчалъ, что тетушка приказала ему только осмотрѣть хозяйство и обо всемъ донести ей; но входить въ распоряженія старосты не приказывала. Впрочемъ, наединѣ съ Миронычемъ, я самъ слышалъ, какъ онъ говорилъ, что для одного крестьянина можно бы сдѣлать то-то, а для другаго то-то. На такія рѣчи староста обыкновенно отвѣчалъ: «Слушаю, будетъ исполнено», хотя мой отецъ нѣсколько разъ повторялъ: «Я, братецъ, тебѣ ничего не приказываю, а говорю только, не разсудишь ли ты самъ такъ поступить? Я и тётушкѣ донесу,

что никакихъ приказаній тебѣ не давалъ, и ты на меня не ссылайся». Къ матери моей пришло еще болѣе крестьянскихъ бабъ, чѣмъ къ отцу крестьянъ; однѣ тоже съ разными просьбами объ оброкахъ, а другія съ разными болѣзнями. Здоровыхъ мать и слушать не стала, а больнымъ давала совѣты и даже лѣкарства изъ своей дорожной аптечки. Накануне вечеромъ, когда я уже спалъ, отецъ мой видѣлся съ тѣми стариками, которыхъ онъ приказалъ прислать къ себѣ; видно, они ничего особенно дурнаго объ Миронычѣ не сказали, потому что былъ съ нимъ ласковѣе вчерашняго и даже похвалилъ его за усердіе. Священникъ съ попадьей приходили прощаться съ нами и отозвались о Миронычѣ одобрительно. Священникъ сказалъ между прочимъ, что староста — человѣкъ подвластный, исполняетъ, что ему прикажутъ, и прибавилъ съ улыбкой, что «единъ Богъ безъ грѣха и что жаль только, что у Мироныча много родни на селѣ и онъ до нея ласковъ». Я не понялъ этихъ словъ и думалъ, что чѣмъ больше родни у него и чѣмъ онъ ласковѣе къ ней, — тѣмъ лучше. Не знаю, отчего сборы продолжались очень долго, и мы выѣхали около полденъ. Миронычъ и нѣсколько стариковъ, съ толпою крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, проводили насъ до околицы. Намъ надобно было проѣхать 45 верстъ и ночевать на рѣкѣ «Икъ», о которой отецъ говорилъ, что она не хуже Дёмы и очень рыбна: пріятныя надежды опять зашевелились въ моей головѣ.

Дорога изъ Парашина въ Багрово.

Дорога — удивительное дѣло! Ея могущество непреодолимо, успокоительно и цѣлительно. Отрывая вдругъ человѣка отъ окружающей его среды, все равно, любезной ему или даже непріятной, отъ постоянно развлекающей его множествомъ предметовъ, постоянно текущей разнообразной дѣйствительности, — она сосредоточиваетъ его мысли и чувства въ тѣсный міръ дорожнаго экипажа, устремляетъ его вниманіе сначала на самого себя, потомъ на воспоминаніе прошедшаго и наконецъ на мечты и надежды — въ будущемъ; и все это дѣлается съ ясностью и спокойствіемъ, безъ всякой суеты и торопливости. Точно то было тогда со мной. Сначала смѣшанною толпою новыхъ предметовъ, образовъ и понятій роились у меня въ головѣ: Дёма, ночевка въ Чувашахъ, родники, мельница, дряхлый старичекъ - засыпка и ржаное поле со жницами и жнецами; потомъ каждый предметъ отдѣлился и уяснился, явились темныя, непонимаемыя мной мѣста или пятна въ этихъ картинахъ; я обратился къ отцу и матери, прося объяснить и растолковать ихъ мнѣ. Объясненія и толкованія показались мнѣ неудовлетворительными, вѣроятно потому, что со мной говорили какъ съ ребенкомъ, не замѣчая того, что мои вопросы были гораздо старше моего возраста. Наконецъ, я обратился къ самому свѣжему предмету моихъ недоумѣній: отчего сначала говорили о Миронычѣ какъ о человѣкѣ зломъ, а простились съ нимъ какъ съ человѣкомъ добрымъ? Отецъ съ матерью старались растолковать мнѣ, что совершенно добрыхъ людей

мало на свѣтѣ, что парашинскіе старики, которыхъ отецъ мой знаетъ давно, люди честные и правдивые, сказали ему, что Миронычъ начальникъ умный и распорядительный, заботливый о господскомъ и о крестьянскомъ дѣлѣ; они говорили, что, конечно, онъ потакаетъ и потворствуетъ своей роднѣ и богатымъ мужикамъ, которые находятся въ милости у главнаго управителя Михайлы Максимыча, но что какъ же быть? свой своему — поневолѣ другъ, и что нельзя не уважить Михайлѣ Максимычу; что Миронычъ хотя гуляетъ, но на работахъ всегда бываетъ въ трезвомъ видѣ и не дерется безъ толку; что онъ не поживился ни одною копѣйкой, ни господской, ни крестьянской, а наживаетъ большія деньги отъ дегтя и кожевенныхъ заводовъ, потому что онъ въ части у хозяевъ, то-есть у богатыхъ парашинскихъ мужиковъ, промышляющихъ въ башкирскихъ лѣсахъ сидкою дегтя и покупкою у Башкирцевъ кожъ разнаго мелкаго и крупнаго скота; что хотя хозяевамъ маленько и обидно, — ну да они богаты и получаютъ большіе барыши. Въ заключеніе старики просили, чтобы Мироныча не трогать и что всякій другой на его мѣстѣ будетъ гораздо хуже. Такое объясненіе, на которое понадобилось еще много новыхъ объясненій, очень меня озадачило. Житейская мудрость не можетъ быть понимаема дитятей; добровольныя уступки несовмѣстны съ чистотой его души, и я никакъ не могъ примириться съ мыслью, что Миронычъ можетъ драться, не переставая быть добрымъ человѣкомъ. Наконецъ, я надоѣлъ своими вопросами, и мнѣ приказали или читать книжку, или играть съ сестрицей. Книжка не шла мнѣ въ голову и я принялся разбирать свои камешки и чортовы пальцы, показывая, называя и разсказывая объ ихъ качествахъ моей сестрѣ.

Переѣздъ опять былъ огромный, слишкомъ сорокъ верстъ. Сначала, верстахъ въ десяти отъ Парашина, мы проѣхали черезъ какую-то, вновь селившуюся, русскую деревню, а потомъ тридцать верстъ не было никакого селенія и дорога шла по ровному рѣдколѣсью; кругомъ виднѣлись прекрасныя рощи, потомъ стали попадаться небольшіе пригорки, а съ правой стороны потянулись непрерывная цѣпь высокихъ и скалистыхъ горъ, иногда покрытыхъ лѣсомъ, а иногда совершенно голыхъ. Спускаясь съ пологаго ската, ведущаго къ рѣкѣ Икъ, надобно было проѣзжать мимо чувашско-мор-

довской и частью татарской деревни, называющейся Икъ Кармала̀, потому что она раскинулась по пригоркамъ рѣчки Кармалки, впадающей въ Икъ, въ полуторѣ верстѣ отъ деревни. Мы остановились возлѣ околицы, чтобы послать въ Кармалу для закупки овса и съѣстныхъ припасовъ, которые люди наши должны были привезти намъ на почевку, назначенную на берегу рѣки Ика. Солнце стояло еще очень высоко; было такъ жарко, какъ среди лѣта. Вдругъ мать начала говорить, что не лучше ли почевать въ Кармалѣ, гдѣ воздухъ такъ сухъ, и что около Ика ночью непремѣнно будетъ сыро. Я такъ и обмеръ. Отцу моему также было это непріятно, но онъ отвѣчалъ: «Какъ тебѣ угодно, матушка». Мать высунулась изъ окна, посмотрѣла на разсѣянныя чувашскія избы и, указавъ рукою на одинъ дворъ, стоявшій отдѣльно отъ прочихъ и заключавшій внутри себя небольшой холмъ, сказала: «вотъ гдѣ я желала бы остановиться». Препятствій никакихъ не было. Богатый чувашенинъ охотно пустилъ насъ на почлегъ, потому что мы не требовали себѣ избы, и мы спокойно въѣхали на огромный, еще зеленый дворъ и поставили карету, по желанію матери, на самомъ верху холма или пригорка. Видъ оттуда былъ очень хорошъ на всю живописную окрестность рѣчки Кармалки и зеленую урему Ика, текущаго въ долинѣ. Но мнѣ было не до прекрасныхъ видовъ! Всѣ мои мечты поудить вечеромъ, когда, по словамъ отца, такъ хорошо клюетъ на такой рѣкѣ, которая не хуже Дёмы, — разлетѣлись какъ дымъ, и я стоялъ точно приговоренный къ какому-нибудь наказанію. Вдругъ голосъ отца вывелъ меня изъ отчаяннаго положенія. «Сережа, сказалъ онъ, я попрошу у хозяина лошадь и роспуски, и онъ довезетъ насъ съ тобой до Ика. Мы тамъ поудимъ. Какъ только солнце станетъ садиться—я пришлю тебя съ Ефремомъ. А самъ я ворочусь, когда ужъ будетъ темно. Просись у матери», прибавилъ онъ смотря съ улыбкою въ глаза моей матери. Я не говорилъ ни слова, но когда мать взглянула на меня, то прочла все на моемъ лицѣ. Она почувствовала невозможность лишить меня этого счастія и съ досадой сказала отцу: «Какъ тебѣ не стыдно взманить ребенка? Вѣдь онъ опять такъ же взволнуется, какъ на Дёмѣ!» Тутъ я получилъ употребленіе языка и принялся горячо увѣрять, что буду совершенно спокоенъ; мать съ большимъ неудоволь-

ствіемъ сказала: «Ступай; но чтобъ до заката солнца ты былъ здѣсь». Такъ неохотно данное позволеніе облило меня холодною водой. Я хотѣлъ было сказать, что не хочу ѣхать, но языкъ не поворотился. Черезъ нѣсколько минутъ все было готово: лошадь, удочки и червяки, и мы отправились на Икъ. Впослѣдствіи я нашелъ, что Икъ ничѣмъ не хуже Дёмы; но тогда я не въ состояніи былъ имъ восхищаться: мысль, что мать отпустила меня противъ своего желанія, что она недовольна, безпокоится обо мнѣ, что я отпущенъ на короткое время, что сейчасъ надо возвращаться, — совершенно закрыла мою душу отъ сладкихъ впечатлѣній великолѣпной природы и уже зародившейся во мнѣ охоты; но мѣсто, куда мы пріѣхали, было поистинѣ очаровательно! Саженей за двѣсти повыше, Икъ раздѣлялся на два рукава, или протока, которые текли въ весьма близкомъ разстояніи другъ отъ друга. Раздѣленная вода была уже не такъ глубока, и на обоихъ протокахъ находились высокіе мосты на сваяхъ; одинъ протокъ былъ глубже и тише, а другой мельче и быстрѣе. Такая же чудесная урема, какъ и на Дёмѣ, росла по берегамъ Ика. Протоки устремлялись въ глубь ея и исчезали въ густой чащѣ деревьевъ и кустовъ. Далѣе, по обѣимъ сторонамъ Ика, протекавшаго до сихъ поръ по широкой и открытой долинѣ, подступали горы, то лѣсистыя, то голыя и каменистыя, какъ-будто готовыя принять рѣку въ свое владѣніе.

Отецъ мой выбралъ мѣсто для уженья, и они оба съ Евсеичемъ скоро принялись за дѣло. Мнѣ также дали удочку и насадили крючекъ уже не хлѣбомъ, а червякомъ, и я немедленно поймалъ небольшаго окуня; удочку оправили, закинули и дали мнѣ держать удилище, но мнѣ сдѣлалось такъ грустно, что я положилъ его и сталъ просить отца, чтобы онъ отправилъ меня съ Евсеичемъ къ матери. Отецъ удивился, говорилъ, что еще рано, что солнышко еще цѣлый часъ не сядетъ, но я продолжалъ проситься и начиналъ уже плакать. Отецъ мой очень не любилъ и даже боялся слезъ, и потому приказалъ Евсеичу отвезти меня домой, а самому поскорѣе воротиться, чтобы вечеръ поудить вмѣстѣ. Мое скорое возвращеніе удивило, даже испугало мать. «Что съ тобой, вскрикнула она, здоровъ ли ты?» Я отвѣчалъ, что совершенно здоровъ, но что мнѣ не захотѣлось удить. По нетвердому моему голосу, по глазамъ, полнымъ слезъ, она прочла

все, что̀ происходило въ моемъ сердцѣ. Она обняла меня, и мы оба заплакали. Мать хотѣла опять меня отправить удить къ отцу, но я сталъ горячо просить не посылать меня, потому что желаніе остаться было вполнѣ искренно. Мать почувствовала, что послать меня было бы такимъ же насиліемъ, какъ и непозволеніе ѣхать, когда я просился. Евсеичъ бѣго́мъ побѣжалъ къ отцу, а я остался съ матерью и сестрой; мнѣ вдругъ сдѣлалось такъ легко, такъ весело, что кажется я еще и не испытывалъ такого удовольствія. Послѣ многихъ нѣжныхъ словъ, ласкъ и разговоровъ, позаботившись, чтобы хозяйскія собаки были привязаны и заперты, мать приказала мнѣ вмѣстѣ съ сестрицей побѣгать по двору. Мы обѣжали вокругъ пригорка, на которомъ стояла наша карета, и нашли тамъ такую диковинку, что я, запыхавшись, съ радостнымъ крикомъ прибѣжалъ разсказать о ней матери. Дѣло состояло въ томъ, что съ задней стороны, изъ средины пригорка билъ родникъ; чувашенинъ подставилъ колоду, и какъ всѣ надворныя строенія были ниже родника, то онъ провелъ воду во-первыхъ въ лѣтнюю кухню, во-вторыхъ въ огромное корыто или выдолбленную колоду для мытья бѣлья и въ третьихъ въ хлѣвы, куда загонялся на ночь скотъ и лошади. Все это привело меня въ восхищеніе и обо всемъ я съ жаромъ разсказалъ матери. Мать улыбалась и хвалила догадливость чувашенина, особенно выгодную, потому что рѣка была довольно далеко. Въ дополненіе моего удовольствія, мать позволила мнѣ развести маленкій костеръ огня у самой кареты, потому что нашъ дворъ былъ точно поле. Великолѣпно опускалось солнце за темныя Икскія горы. Мы напились чаю, поужинали при свѣтѣ моего костра. Отецъ еще не возвращался. Нѣсколько разъ мелькала у меня въ головѣ мысль: что-то дѣлается на берегу Ика? Какъ-то клюетъ тамъ рыба? Но эти мысли не смущали моего радостнаго, свѣтлаго состоянія души. Какой былъ вечеръ! Какимъ чуднымъ свѣтомъ озаряла насъ постепенно угасающая заря! Какъ темнѣла понемногу вся окрестность! Вотъ уже и урема Ика скрылась въ бѣломъ туманѣ росы, и мать сказала мнѣ: «Сережа, какъ тамъ сыро; хорошо, что мы не тамъ ночуемъ». Отецъ все еще не возвращался, и мать хотѣла уже послать за нимъ, но только что мы улеглись въ каретѣ, какъ подошелъ отецъ къ окну и тихо сказалъ: «Вы еще не спите?»

Мать попеняла ему, что онъ такъ долго не возвращался. Рыбы поймали мало, но отецъ выудилъ большаго жериха, котораго мнѣ очень захотѣлось посмотрѣть. Евсеичъ принесъ пукъ горящей лучины, и я, не вылѣзая изъ кареты, полюбовался на эту славную рыбу. Отецъ перекрестилъ меня и сѣлъ ужинать. Еще нѣсколько словъ, нѣсколько ласкъ отъ матери—и крѣпкій сонъ овладѣлъ мною.

Мы никогда еще не поднимались такъ рано съ ночлега, потому что рано остановились. Я въ просонкахъ слышалъ, какъ спустили карету съ пригорка и совсѣмъ проснулся, когда сѣлъ къ намъ отецъ. Мысль, что я сейчасъ опять увижу Икъ, разгуляла меня, и я уже не спалъ до солнечнаго восхода. При блескѣ какъ-будто пылающей зари подъѣхали мы къ первому мосту черезъ Икъ; вся урема и особенно рѣка точно дымились. Я не смѣлъ опустить стекла, которое поднялъ отецъ, шепотомъ сказавъ мнѣ, что сырость вредна для матери; но и сквозь стекло я видѣлъ, что всѣ деревья и оба моста были совершенно мокры, какъ-будто отъ сильнаго дождя. Но какъ хорошъ былъ Икъ! Легкій паръ подымался отъ быстро текущихъ и мѣстами завертывающихся струй его. Высокія деревья были до половины закутаны въ туманъ. Какъ только поднялись мы на изволокъ, туманъ исчезъ и первый лучъ солнца проникъ почти сзади въ карету и освѣтилъ лицо спящей противъ меня моей сестрицы. Черезъ нѣсколько минутъ мы всѣ уже крѣпко спали. Рано поднявшись, довольно рано пріѣхали мы и на кормежку въ большое мордовское селеніе Коровино. Тамъ негдѣ было кормить въ полѣ; но какъ мать моя не любила останавливаться въ деревняхъ, то мы расположились между послѣднимъ дворомъ и околицей. Славнаго жериха, довезеннаго въ мокрой травѣ совершенно свѣжимъ, сварили на обѣдъ. Мать только-что отвѣдала, и то по просьбѣ отца; она считала рыбу вредною для себя пищей. Мнѣ тоже дали небольшой кусочекъ съ реберъ, и я нашелъ его необыкновенно вкуснымъ, что утверждалъ и мой отецъ. Выкормивъ лошадей, мы вскорѣ послѣ полденъ, часу во второмъ, пустились въ путь. Это былъ послѣдній переѣздъ до Багрова, всего 35 верстъ. Мы торопились, чтобы пріѣхать поранѣе, потому что въ Коровинѣ, гдѣ всѣ знали и моего дѣдушку и отца, мы услыхали, что дѣдушка нездоровъ. Въ продолженіи дороги мы два раза пере-

ѣхали черезъ рѣку Насягай, по весьма плохимъ мостамъ. Первый мостъ былъ такъ дуренъ, что мы должны были всѣ выйти изъ кареты, даже лошадей уносныхъ отложили и на одной парѣ коренныхъ, кое-какъ, перетащили нашу тяжелую и нагруженную карету. Тутъ Насягай былъ еще не великъ; но когда, верстъ черезъ десять, мы переѣхали его въ другой разъ, то уже увидѣли славную рѣку, очень быструю и глубокую; но все онъ былъ по крайней мѣрѣ вдвое меньше Ика, и урема его состояла изъ однихъ кустовъ. Солнце стояло еще очень высоко, «дерева въ два», какъ говорилъ Евсеичъ, когда мы съ крутой горы увидѣли Багрово, лежащее въ долинѣ между двухъ большихъ прудовъ, до половины заросшихъ камышами, и съ одной стороны окруженное высокими березовыми рощами. Я все это очень хорошо разсмотрѣлъ, потому что гора была крута, карету надобно было подтормозить и отецъ пошелъ со мною пѣшкомъ. Не знаю отчего, сердце у меня такъ и билось. Когда мать выглянула изъ окошка и увидала Багрово, я замѣтилъ, что глаза ея наполнились слезами и на лицѣ выразилась грусть: хотя и прежде, вслушиваясь въ разговоры отца съ матерью, я догадывался, что мать не любитъ Багрова и что ей непріятно туда ѣхать, но я оставлялъ эти слова безъ пониманія и даже безъ вниманія, и только въ эту минуту понялъ, что есть какія-нибудь важныя причины, которыя огорчаютъ мою мать. Отецъ также сдѣлался невеселъ. Мнѣ стало грустно и я съ большимъ смущеньемъ сѣлъ въ карету. Въ нѣсколько минутъ доѣхали мы до крыльца дома, который показался мнѣ печальнымъ и даже маленькимъ въ сравненіи съ нашимъ уфимскимъ домомъ.

Багрово.

Бабушка и тётушка встрѣтили насъ на крыльцѣ. Онѣ съ восклицаніями и, какъ мнѣ показалось, со слезами обнимались и цѣловались съ моимъ отцомъ и матерью, а потомъ и насъ съ сестрой перецѣловали. Я ту же минуту однако почувствовалъ, что онѣ не такъ были ласковы съ нами, какъ другія городскія дамы, иногда пріѣзжавшія къ намъ. Бабушка была старая, очень толстая женщина, одѣтая точно въ такой шушунъ и также повязанная платкомъ, какъ наша нянька Агаѳья, а тётушка была точно въ такой же кофтѣ и юбкѣ, какъ наша Параша. Я сейчасъ замѣтилъ, что онѣ вообще какъ-то совсѣмъ не то, что моя мать или наши уфимскія гостьи. Къ дѣдушкѣ сначала вошелъ отецъ, и потомъ мать, а насъ съ сестрицей оставили однихъ въ залѣ. Мать успѣла сказать намъ, чтобы мы были смирны, никуда по комнатамъ не ходили и не говорили громко. Такое приказаніе, вмѣстѣ съ недостаточно ласковымъ пріемомъ, такъ насъ смутило, что мы оробѣли и молча сидѣли на стулѣ совершенно одни, потому что нянька Агаѳья ушла въ корридоръ, гдѣ окружили ее горничныя дѣвки и дворовыя бабы. Такъ прошло не мало времени. Наконецъ вышла мать и спросила: «Гдѣ же ваша нянька?» Агаѳья выскочила изъ корридора, увѣряя, что только сію минуту отошла отъ насъ, между тѣмъ какъ мы, съ самаго прихода въ залу, ее и не видали, а слышали только бормотанье и шушуканье въ корридорѣ. Мать взяла насъ обоихъ за руки и ввела въ горницу дѣдушки; онъ лежалъ совсѣмъ раздѣтый въ постели. Сѣдая борода отросла у него чуть не на вершокъ, и онъ показался

мнѣ очень страшенъ. «Здравствуйте, внучекъ и внучка», сказалъ онъ, протянувъ намъ руку. Мать шепнула, чтобъ мы её поцѣловали. «Не разгляжу теперь, продолжалъ дѣдушка, жмурясь и накрывъ глаза рукою,—на кого похожъ Сережа: когда я его видѣлъ, онъ еще ни на кого не походилъ. А Надежда, кажется, похожа на мать. Завтра, Богъ дастъ, не встану ли какъ-нибудь съ постели. Дѣти, чай, съ дороги кушать хотятъ; покормите же ихъ. Ну, ступайте, улаживайтесь на новомъ гнѣздѣ».—Мы всѣ вышли. Въ гостиной ожидалъ насъ самоваръ. Бабушка хотѣла напоить насъ чаемъ съ густыми жирными сливками и сдобными кренделями, чего, конечно, намъ хотѣлось; но мать сказала, что она сливокъ и жирнаго намъ не даетъ, и что мы чай пьемъ постный, а вмѣсто сдобныхъ кренделей просила дать обыкновеннаго бѣлаго хлѣба. «Ну, такъ ты намъ скажи, невѣстушка, говорила бабушка, что̀ твои дѣтки ѣдятъ и чего не ѣдятъ: а то вѣдь я не знаю, чѣмъ ихъ подчивать; мы вѣдь люди деревенскіе и вашихъ городскихъ порядковъ не знаемъ». Тётушка подхватила, что сестрица сама будетъ распоряжаться и что пусть поваръ Степанъ къ ней приходитъ и спрашиваетъ, что нужно приготовить. Хотя я не понималъ тогда тайной музыки этихъ словъ, но я тутъ же почувствовалъ что-то чужое, недоброхотное. Мать отвѣчала очень почтительно, что напрасно матушка и сестрица безпокоятся о нашемъ кушаньѣ и что одного куринаго супа будетъ всегда для насъ достаточно; что она потому не даетъ мнѣ молока, что была напугана моей долговременною болѣзнью, а что возлѣ меня и сестра привыкла пить постный чай. Потомъ бабушка предложила моей матери выбрать для своего помѣщенія одну изъ двухъ комнатъ: или залу, или гостиную. Мать отвѣчала, что она желала бы занять гостиную, но боится, чтобы не было безпокойно сестрицѣ отъ такого близкаго сосѣдства съ маленькими дѣтьми. Тётушка возразила, что стѣна глухая, безъ двери и потому слышно не будетъ,—и мы заняли гостиную. Съ нами была желѣзная двойная кровать, которая вся развинчивалась и разбиралась. Ефремъ съ Ѳедоромъ сейчасъ ее собрали и поставили, а Параша повѣсила очень красивый, не знаю изъ какой матеріи, кажется, кисейный занавѣсъ; знаю только, что на немъ были такіе прекрасные букеты цвѣтовъ, что я, много

лѣтъ спустя, находилъ большое удовольствіе ихъ разсматривать; на окошки повѣсили такія же гардины,—и комната вдругъ получила совсѣмъ другой видъ, такъ что у меня на сердцѣ стало веселѣе. Дорожные сундуки также притащили въ гостиную и покрыли ковромъ. Я не забылъ своего ящика съ камешками, а также своихъ книгъ, и все это разложилъ въ углу на столикѣ. Передъ ужиномъ отецъ съ матерью ходили къ дѣдушкѣ и остались у него посидѣть. Насъ также хотѣли было сводить къ нему проститься, но бабушка сказала, что не надо его безпокоить и что дѣтямъ пора спать. Оставшись одни въ новомъ своемъ гнѣздѣ, мы съ сестрицей принялись болтать; я сказалъ одни потому, что нянька опять ушла и, стоя за дверьми, опять принялась съ кѣмъ-то шептаться. Я сообщилъ моей сестрицѣ, что мнѣ невесело въ Багровѣ, что я боюсь дѣдушки, что мнѣ хочется опять въ карету, опять въ дорогу, и много тому подобнаго; но сестрица, плохо понимая меня, уже дремала и говорила такой вздоръ, что я смѣялся. Наконецъ сонъ одолѣлъ ее, я позвалъ няню, и она уложила мою сестру спать на одной кровати съ матерью, гдѣ и мнѣ приготовлено было мѣстечко; отцу же постлали на канапе. Я тоже легъ. Мнѣ было сначала грустно, потомъ стало скучно, и я заснулъ. Не знаю, сколько времени я спалъ, но проснувшись увидѣлъ, при свѣтѣ лампады, теплившейся передъ образомъ, что отецъ лежитъ на своемъ канапе, а мать сидитъ подлѣ него и плачетъ.

Мать долго говорила вполголоса, иногда почти шепотомъ, и я не могъ разслушать въ связи всѣхъ ея рѣчей, хотя старался какъ можно вслушиваться. Сонъ отлетѣлъ отъ моихъ глазъ, и слова матери: «Какъ я ихъ оставлю? На кого? Я умру съ тоски; никакой докторъ мнѣ не поможетъ»; а также слова отца: «Матушка, побереги ты себя, вѣдь ты захвораешь; ты непремѣнно завтра сляжешь въ постель»... слова, схваченныя моимъ дѣтскимъ напряженнымъ слухомъ на лету, между многими другими, — встревожили, испугали меня. Мысль остаться въ Багровѣ однимъ съ сестрой, безъ отца и матери, хотя была не новою для меня, но какъ-будто до сихъ поръ непонимаемою; она вдругъ поразила меня такимъ ужасомъ, что я на минуту потерялъ способность слышать и соображать слышанное, а потому многихъ разговоровъ не понялъ, хотя и могъ бы понять. Наконецъ мать, по усиль-

нымъ просьбамъ отца, согласилась лечь въ постель. Она помолилась Богу, перекрестила насъ съ сестрой и легла. Я притворился спящимъ; но въ самомъ дѣлѣ заснулъ уже тогда, когда заснула моя мать.

Оправдалось предсказаніе моего отца! Проснувшись, я увидѣлъ, что онъ и Параша хлопотали около моей матери. Она очень захворала: у ней разлилась желчь и била лихорадка; она и прежде бывала нездорова, но всегда на ногахъ, а теперь была такъ слаба, что не могла встать съ постели. Я никогда еще не видалъ ее такъ больною... страхъ и тоска овладѣли мной. Я уже понималъ, что мои слезы огорчатъ больную, что это будетъ ей вредно—и плакалъ потихоньку, завернувшись въ широкія пóлы занавѣса, за высокимъ изголовьемъ кровати. Отецъ увидѣлъ это и, погрозя пальцемъ, указалъ на мать; я кивнулъ и потрясъ головою въ знакъ того, что понимаю, въ чемъ дѣло, и не встревожу больную.

Отецъ ходилъ къ дѣдушкѣ и воротясь сказалъ, что ему лучше и что онъ хочетъ встать. Въ залѣ тётушка разливала чай; няня позвала меня туда, но я не хотѣлъ отойдти ни на шагъ отъ матери, и отецъ, боясь, чтобъ я не расплакался, если станутъ принуждать меня, самъ принесъ мнѣ чаю и постный крендель, точно такой, какіе присылали намъ въ Уфу изъ Багрова; мы съ сестрой (да и всѣ) очень ихъ любили, но теперь крендель не пошелъ мнѣ въ горло, и, чтобы не принуждали меня ѣсть, я спряталъ его подъ огромный пуховикъ, на которомъ лежала мать. Я слышалъ въ безпрестанно растворяемую дверь, какъ весело болтала моя сестрица съ бабушкой и тётушкой, и мнѣ было отъ чего-то досадно на нее. Я слышалъ, какъ повели ее къ дѣдушкѣ и почувствовалъ, что сейчасъ придутъ за мной. Предчувствіе исполнилось въ ту же минуту: тётушка прибѣжала, говоря, что дѣдушка меня спрашиваетъ. Отецъ громко сказалъ: «Сережа, ступай къ дѣдушкѣ». Мать тихо подозвала меня къ себѣ, разгладила мои волосы, пристально посмотрѣла на мои покраснѣвшіе глаза, поцѣловала меня въ лобъ и сказала на-ухо: «Будь уменъ и ласковъ съ дѣдушкой», и глаза ея наполнились слезами. Каково же было мнѣ идти! Отецъ остался съ матерью, а тётушка повела меня за руку. Видно много страданія и страха выражалось на моемъ лицѣ, потому что тётушка, остановившись въ лакейской, приласкала меня и

сказала: «Не бойся, Сережа! Дѣдушка тебя не укуситъ». Я едва могъ удерживать слезы, готовыя хлынуть изъ глазъ, и робко переступилъ порогъ дѣдушкиной горницы. Онъ сидѣлъ на кожаныхъ, старинныхъ, какихъ-то диковинныхъ креслахъ, вездѣ по краямъ унизанныхъ мѣдными шишечками... Какъ это странно! Эти кресла и мѣдныя шишечки прежде всего кинулись мнѣ въ глаза, привлекли мое вниманіе и какъ-будто разсѣяли и немного ободрили меня. Дѣдушка былъ въ халатѣ; на колѣняхъ у него сидѣла сестрица. Увидя меня, онъ сейчасъ спустилъ ее на полъ и ласково сказалъ: «Подойди-ка ко мнѣ, Сережа», и протянулъ руку. Я поцѣловалъ ее. «Что это у тебя глаза красны? Ты никакъ плакалъ, да и теперь хочешь плакать? Видно ты боишься и не любишь дѣдушку?»—«Маменька больна», сказалъ я, собравъ всѣ силы, чтобы не заплакать. Тутъ бабушка и тётушка принялись разсказывать, что я ужасть какъ привязанъ къ матери, что не отхожу отъ нея ни на пядь и что она уже меня такъ пріучила. Говорили много въ этомъ родѣ; но дѣдушка какъ-будто не слушалъ ихъ, а самъ такъ пристально и добродушно смотрѣлъ на меня, что робость моя стала проходить. «Знаете ли, на кого похожъ Сережа?» громко и весело сказалъ онъ. «Онъ весь въ дядю, Григорья Петровича». Съ этими словами онъ взялъ меня, посадилъ къ себѣ на колѣни, погладилъ, поцѣловалъ и сказалъ: «Не плачь, Сережа. Мать выздоровѣетъ. Вѣдь это не смертное»,—и началъ меня разспрашивать очень много и очень долго объ Уфѣ и о томъ, что я тамъ дѣлалъ, о дорогѣ и проч. Я ободрился и разговорился, особенно о книжкахъ и о дорогѣ. Дѣдушка слушалъ меня внимательно, привѣтливо улыбнулся, наконецъ сказалъ, какъ-то значительно посмотря на бабушку и тётушку: «Это хорошо, что ты мать любишь. Она ходила за тобой, не щадя живота. Ступай къ ней, только не шуми, не безпокой ея и не плачь». Я отвѣчалъ, что маменька не увидитъ, что я спрячусь въ пологъ, когда захочется плакать; поцѣловалъ руку у дѣдушки и побѣжалъ къ матери. Сестрица осталась. Мать какъ-будто испугалась, услыхавъ мои скорые шаги; но увидавъ мое радостное лицо, сама обрадовалась. Я поспѣшилъ разсказать съ малѣйшими подробностями мое пребываніе у дѣдушки, и кожаныя кресла съ мѣдными шишечками также не были забыты: отецъ и даже мать

не могли не улыбаться, слушая мое горячее и обстоятельное описаніе креселъ. «Славу Богу, сказала мать, я вижу, что ты дѣдушкѣ понравился. Онъ добрый, ты долженъ любить его»... Я отвѣчалъ, что люблю и пожалуй сейчасъ опять пойду къ нему; но мать возразила, что этого не нужно, и попросила отца сейчасъ пойдти къ дѣдушкѣ и посидѣть у него: ей хотѣлось знать, что́ онъ станетъ говорить обо мнѣ и объ сестрицѣ. Хотя я повидимому былъ доволенъ пріемомъ дѣдушки, но все мнѣ казалось, что онъ не такъ обрадовался мнѣ, какъ я ожидалъ, судя по разсказамъ. Я спросилъ объ этомъ мать. Она отвѣчала, что дѣдушка теперь нездоровъ, что ему не до насъ,—а потому онъ и не ласковъ.

Вмѣстѣ съ Парашей я сталъ хлопотать и ухаживать около больной, подавая ей какое-то лѣкарство, которое она сдѣлала по Бухану, и питье изъ клюквы. Она попросила было лимоновъ; но ей отвѣчали, что ихъ даже не видывали. «Какъ я глупа», сказала мать какъ-будто про-себя, и спросила клюквы. Параша сейчасъ принесла цѣлую полоскательную чашку, прибавя, что «клюквы у нихъ много: имъ каждый годъ, по первому зимнему пути, по цѣлому возу привозятъ ее изъ стараго Багрова». Потомъ мать приказала привязать къ своей головѣ чернаго хлѣба съ уксусомъ, который мнѣ такъ нравился, что я понемножку клалъ его къ себѣ въ ротъ; потомъ она захотѣла какъ-будто уснуть и заставила меня читать. Я сейчасъ принялся за «Дѣтское чтеніе», и въ самомъ дѣлѣ мать заснула и спала цѣлый часъ. Я видѣлъ въ окошко, что сестрица гуляла съ нянькой Агаѳьей по саду, между розросшимися, старыми, необыкновенной величины кустами смородины и барбариса, какихъ я ни прежде, ни послѣ не видывалъ; я замѣтилъ, какъ выпархивали изъ нихъ птички съ красножелтыми хвостиками. Замѣтилъ, что изъ одного такого куста выпрыгнула пестрая кошка—и мнѣ очень захотѣлось туда.

Какъ только мать проснулась и сказала, что ей немножко получше, вошелъ отецъ. Я сейчасъ попросился гулять въ садъ вмѣстѣ съ сестрой; мать позволила, приказавъ мнѣ не подходить къ рѣкѣ, чего именно я желалъ, потому что отецъ часто разговаривалъ со мной о своемъ любезномъ Бугурусланѣ, и мнѣ хотѣлось посмотрѣть на него поближе. Въ саду я увидѣлъ, что сада нѣтъ, даже и такого, какіе я видѣлъ

въ Уфѣ. Это былъ скорѣе огородъ, состоявшій изъ однихъ ягодныхъ кустовъ, особенно изъ кустовъ бѣлой, красной и черной смородины, усыпанной ягодами, и—изъ яблонь, большею частію померзшихъ прошлаго года, которыя были спилены и вновь привиты черенками; все это заключалось въ огородѣ и было окружено высокими навозными грядками арбузовъ, дынь и тыквъ, безчисленнымъ множествомъ грядокъ съ огурцами и всякими огородными овощами, разными горохами, бобами, рѣдькою, морковью и проч. Вдобавокъ ко всему, вездѣ, гдѣ только было мѣстечко, росли подсолнечники и укропъ, который тамъ называли «копромъ»; наконецъ на лощинѣ, заливаемой весенней водой, зеленѣло страшное количество капусты... Вся эта некрасивая смѣсь мнѣ очень понравилась, нравится даже и теперь, и конечно гораздо болѣе подстриженныхъ липовыхъ или березовыхъ аллей и несчастныхъ елокъ, изъ которыхъ вырѣзываютъ комоды, пирамиды и шары.—Съ правой стороны, возлѣ самаго дома, текла быстрая и глубокая рѣка или рѣчка, которая вдругъ поворачивала налѣво и такимъ образомъ, составляя уголъ, съ двухъ сторонъ точно огораживала, такъ называемый, садъ. Едва мы успѣли его обойдти и осмотрѣть, едва успѣли переговорить съ сестрицей, которая съ помощью няньки разсказала мнѣ, что дѣдушка долго продержалъ ее, очень ласкалъ и наконецъ послалъ гулять въ садъ,—какъ прибѣжалъ Евсеичъ и позвалъ насъ обѣдать; въ это время, то-есть часу въ двѣнадцатомъ, мы обыкновенно завтракали, а обѣдали часу въ третьемъ; но Евсеичъ сказалъ, что дѣдушка всегда обѣдаетъ въ полдень и что онъ сидитъ уже за столомъ. Мы поспѣшили въ домъ и вошли въ залу. Дѣдушка приказалъ насъ съ сестрицей посадить за столъ прямо противъ себя; а какъ высокихъ дѣтскихъ креселъ съ нами не было, то подложили подъ насъ кучу подушекъ, и я смѣялся, какъ высоко сидѣла моя сестрица, хотя самъ сидѣлъ немного пониже. Я вспомнилъ, что, воротившись изъ саду, не былъ у матери, и сталъ проситься сходить къ ней; но отецъ, сидѣвшій подлѣ меня, шепнулъ мнѣ, чтобъ я пересталъ проситься и что я схожу послѣ обѣда; онъ сказалъ эти слова такимъ строгимъ голосомъ, какого я никогда не слыхивалъ—и я замолчалъ. Дѣдушка хотѣлъ насъ кормить разными своими кушаньями, но бабушка остановила его, сказавъ, что

Софья Николавна ничего такого дѣтямъ не даетъ и что для нихъ приготовленъ супъ. Дѣдушка поморщился и сказалъ: «Ну, такъ пусть отецъ кормитъ ихъ, какъ знаетъ». Самъ онъ и вся семья ѣли постное, и дѣдушка, не смотря на то, что первый день какъ всталъ съ постели, кушалъ ботвинью, рыбу, раки, кашу съ какимъ-то постнымъ молокомъ и грибы. Запахъ постнаго масла бросился мнѣ въ носъ, и я сказалъ: «Какъ не хорошо пахнетъ!» Отецъ дернулъ меня за рукавъ и опять шепнулъ мнѣ, чтобъ я не смѣлъ этого говорить; но дѣдушка слышалъ мои слова и сказалъ: «Эге, братъ, какой ты нѣженка». Бабушка и тётушка улыбнулись, а мой отецъ покраснѣлъ. Послѣ обѣда дѣдушка зашелъ къ моей матери, которая лежала въ постели и ничего въ этотъ день не ѣла. Посидѣвъ немного, онъ пошелъ почивать, и вотъ наконецъ мы остались одни, то-есть: отецъ съ матерью и мы съ сестрицей. Тутъ я узналъ, что дѣдушка приходилъ къ намъ передъ обѣдомъ, и увидя, какъ въ самомъ дѣлѣ больна моя мать, очень сожалѣлъ объ ней и совѣтовалъ ѣхать немедленно въ Оренбургъ, хотя прежде, что̀ было мнѣ извѣстно изъ разговоровъ отца съ матерью, онъ называлъ эту поѣздку причудами и пустою тратою денегъ, потому что не вѣрилъ докторамъ. Мать отвѣчала ему, какъ мнѣ разсказали, что теперешняя ея болѣзнь дѣло случайное, что она скоро пройдетъ и что для поѣздки въ Оренбургъ ей нужно нѣсколько времени оправиться. Снова поразила меня мысль объ разлукѣ съ матерью и отцомъ. Оставаться намъ однимъ съ сестрицей въ Багровѣ на цѣлый мѣсяцъ казалось мнѣ такъ страшно, что я самъ не зналъ, чего желать. Я вспомнилъ, какъ самъ просилъ еще въ Уфѣ мою мать поскорѣе лѣчиться; но слова, слышанныя мною въ прошедшую ночь: «я умру съ тоски, никакой докторъ мнѣ не поможетъ», поколебали во мнѣ увѣренность, что мать воротится изъ Оренбурга здоровою. Все это я объяснялъ ей и отцу, какъ умѣлъ, сопровождая свои объясненія слезами; но для матери моей не трудно было увѣрить меня во всемъ, что ей угодно, и совершенно успокоить, и я скоро, не смотря на страхъ разлуки, сталъ желать только одного: скорѣйшаго отъѣзда маменьки въ Оренбургъ, гдѣ непремѣнно вылѣчитъ ее докторъ. Съ этихъ поръ я замѣтилъ, что мать сдѣлалась осторожна и не говорила при мнѣ ничего такого, что̀ могло бы меня встре-

вожить или испугать, а если и говорила, то такъ тихо, что я ничего не могъ разслышать. Она заставляла меня долѣе обыкновеннаго читать, играть съ сестрицей и гулять съ Евсеичемъ; даже отпускала съ отцомъ на мельницу и на островъ. Прудъ и островъ очень мнѣ нравились, но, конечно, не такъ, какъ бы понравились въ другое время и какъ горячо полюбилъ я ихъ впослѣдствіи.

Черезъ нѣсколько дней мать встала съ постели; ея лихорадка и желчь прошли, но она еще больше похудѣла и глаза ея пожелтѣли. Скоро я замѣтилъ, что стали рѣшительно сбираться въ Оренбургъ, и что самъ дѣдушка торопилъ отъѣздомъ, потому что путь былъ не близкій. Одинъ разъ мать при мнѣ говорила ему, что боится обременить матушку и сестрицу присмотромъ за дѣтьми; боится обезпокоить его, если кто-нибудь изъ дѣтей захвораетъ. Но дѣдушка возразилъ, и какъ-будто съ сердцемъ, что это все пустяки, что вѣдь дѣти не чужія, и что кому же, какъ не родной бабушкѣ и тёткѣ, присмотрѣть за ними. Мать говорила, что нянька у насъ не благонадежна и что уходъ за мной она поручаетъ Ефрему, очень доброму и усердному человѣку, и что онъ будетъ со мной ходить гулять. Дѣдушка отвѣчалъ: «Ну что же, хорошо; Ефремъ доброй породы, а не то пожалуй я дамъ тебѣ свою Аксютку ходить за дѣтьми». Мать отклонила такое милостивое предложеніе, подъ разными предлогами; она знала, что Аксинья не добрая. Дѣдушка съ неудовольствіемъ промолвилъ: «Ну, какъ хочешь; я вѣдь съ своей Аксюткой не навязываюсь». Слышалъ я также, какъ моя мать просила и молила со слезами бабушку и тётушку не оставить насъ, присмотрѣть за нами, не кормить постнымъ кушаньемъ и, въ случаѣ нездоровья, не лѣчить обыкновенными ихъ лекарствами: Гарлемскими каплями и Эссенціей долгой жизни, которыми они лѣчили всѣхъ, и стариковъ и младенцевъ, отъ всѣхъ болѣзней. Бабушка и тётушка, которыя были недовольны, что мы остаемся у нихъ на рукахъ, и даже не скрывали этого, обѣщали, покоряясь волѣ дѣдушки, что будутъ смотрѣть за нами неусыпно и выполнять всѣ просьбы моей матери. На всякой случай мать оставила нѣкоторыя лекарства изъ своей аптеки и даже написала, какъ и когда ихъ употреблять, если кто-нибудь изъ насъ захвораетъ. Это было поручено тётушкѣ Татьянѣ Степановнѣ, которая все-таки

была подобрѣе другихъ и не могла не чувствовать жалости къ слезамъ больной матери, впервые разстающейся съ маленькими дѣтьми.

Все это время, до отъѣзда матери, я находился въ тревожномъ состоянiи и даже борьбѣ съ самимъ собою. Видя мать блѣдною, худою и слабою, я желалъ только одного, чтобъ она ѣхала поскорѣе къ доктору; но какъ только я или оставался одинъ, или хотя и съ другими, но не видалъ передъ собою матери, тоска отъ приближающейся разлуки и страхъ остаться съ дѣдушкой, бабушкой и тётушкой, которыя не были такъ ласковы къ намъ, какъ мнѣ хотѣлось, не любили, или такъ мало любили насъ, что мое сердце къ нимъ не лежало,—овладѣвали мной, и мое воображенiе, развитое не по лѣтамъ, вдругъ представляло мнѣ такiя страшныя картины, что я бросалъ все, чѣмъ тогда занимался: книжки, камешки, оставлялъ даже гулянье по саду и прибѣгалъ къ матери, какъ безумный, въ тоскѣ и страхѣ. Нѣсколько разъ готовъ я былъ броситься къ ней на шею и просить, чтобъ она не ѣздила или взяла насъ съ собою; но больное ея лицо заставляло меня опомниться, и желанье, чтобъ она ѣхала лѣчиться, всегда побѣждало мою тоску и страхъ. Я не понимаю теперь, отчего отецъ и мать рѣшились оставить насъ въ Багровѣ. Они ѣхали въ той же каретѣ, и мы точно также могли бы помѣститься въ ней; но мать никогда не имѣла этого намѣренiя и еще въ Уфѣ сказала мнѣ, что ни подъ какимъ видомъ не можетъ насъ взять съ собою, что она должна ѣхать одна съ отцомъ; это намѣренiе ни разу не поколебалось и въ Багровѣ, и я вполнѣ вѣрилъ въ невозможность перемѣнить его.

Черезъ недѣлю, которая, не смотря на мою печаль и мучительныя тревоги, необыкновенно скоро прошла для меня, отецъ и мать уѣхали. При прощаньи я уже не умѣлъ совладѣть съ собою, и мы оба съ сестрой плакали и рыдали; мать также. Когда карета съѣхала со двора и пропала изъ моихъ глазъ, я пришелъ въ изступленiе, бросился съ крыльца и побѣжалъ догонять карету съ крикомъ: «Маменька, воротись!» Этого никто не ожидалъ, и потому не вдругъ могли меня остановить; я успѣлъ перебѣжать черезъ дворъ и выбѣжать на улицу; Евсеичъ первый догналъ меня, за нимъ бѣжало множество народа; онъ схватилъ меня и, крѣпко держа на

рукахъ, принесъ домой. Дѣдушка съ бабушкой стояли на крыльцѣ, а тётушка шла къ намъ навстрѣчу; она стала уговаривать и ласкать меня, но я ничего не слушалъ, кричалъ, плакалъ и старался вырваться изъ крѣпкихъ рукъ Евсеича. Когда онъ, взошедъ на крыльцо, поставилъ меня на ноги передъ дѣдушкой, — дѣдушка сердито крикнулъ: «Перестань ревѣть. О чемъ плачешь? Мать воротится, не останется жить въ Оренбургѣ». И я присмирѣлъ. Дѣдушка пошелъ въ свою горницу, и я слышалъ, какъ бабушка, идя за нимъ, говорила: «Вотъ, батюшка, самъ видишь: много будетъ намъ хлопотъ: дѣти очень избалованы». Тётушка взяла меня за руку и повела въ гостиную, то-есть въ нашу спальную комнату. Милая моя сестрица, держась за другую мою руку и сама обливаясь тихими слезами, говорила: «Не плачь, братецъ, не плачь». Когда мы вошли въ гостиную, и я увидѣлъ кровать, на которой мы обыкновенно спали вмѣстѣ съ матерью, я бросился на постель и снова принялся громко рыдать. Тётушка, Евсеичъ и нянька Агафья употребляли всѣ усилія, чтобъ успокоить меня книжками, штуфами, игрушками и разговорами. Евсеичъ пробовалъ остановить мои слезы разсказами о дорогѣ, о Дёмѣ, объ уженьи и рыбкахъ; но все было напрасно; только утомившись отъ слезъ и рыданья, я наконецъ, самъ не знаю какъ, заснулъ.

Пребываніе въ Багровѣ безъ отца и матери.

Съ слишкомъ мѣсяцъ прожили мы съ сестрицей безъ отца и матери, въ негостепріимномъ тогда для насъ Багровѣ, большую часть времени заключенные въ своей комнатѣ, потому что скоро наступила сырая погода, и гулянье наше по саду прекратилось. Вотъ какъ текла эта однообразная и невеселая жизнь: какъ скоро мы просыпались, что̀ бывало всегда часу въ восьмомъ, нянька водила насъ къ дѣдушкѣ и бабушкѣ; съ нами здоровались, говорили нѣсколько словъ, а иногда почти и не говорили, потомъ отсылали насъ въ нашу комнату; около двѣнадцати часовъ мы выходили въ залу обѣдать; хотя отъ насъ была дверь прямо въ залу, но она была заперта на ключъ и даже завѣшена ковромъ, и мы проходили черезъ корридоръ, изъ котораго тогда еще была дверь въ гостинную. За обѣдомъ насъ всегда сажали на другомъ концѣ стола, прямо противъ дѣдушки, всегда на высокихъ подушкахъ; иногда онъ бывалъ веселъ и говорилъ съ нами, особенно съ сестрицей, которую называлъ козулькой; а иногда онъ былъ такой сердитый, что ни съ кѣмъ не говорилъ; бабушка и тётушка также молчали, и мы съ сестрицей, соскучившись, начинали перешептываться между собой; но Евсеичъ, который всегда стоялъ за моимъ стуломъ, сейчасъ останавливалъ меня, шепнувъ мнѣ на-ухо, чтобы я молчалъ; то же дѣлала нянька Агаѳья съ моей сестрицей. Послѣ они сказали намъ, чтобы мы не смѣли говорить, когда старый баринъ, то-есть дѣдушка, не веселъ. Послѣ обѣда мы сейчасъ уходили въ свою комнату, куда въ 6 часовъ приносили намъ чай; часовъ въ 8 обыкновенно ужинали, и насъ точно такъ же, какъ къ обѣду, вводили въ

залу и сажали противъ дѣдушки; сейчасъ послѣ ужина мы прощались и уходили спать. Первые дни заглядывала къ намъ въ комнату тётушка и какъ-будто заботилась о насъ, а потомъ стала ходить рѣже, и наконецъ совсѣмъ перестала. Мы только и видались съ нею и со всѣми за обѣдомъ, ужиномъ, при утреннемъ здорованьѣ и вечернемъ прощаньѣ. Сначала заглядывали къ намъ, подъ разными предлогами, горничныя дѣвчонки и дѣвушки, даже дворовыя женщины, просили у насъ «поцѣловать ручку», къ чему мы не были пріучены и потому не соглашались; кое-о-чемъ спрашивали и уходили; потомъ всѣ совершенно насъ оставили, и, кажется, по приказанію бабушки или тётушки, которая (я самъ слышалъ) говорила, что «Софья Николавна не любитъ, чтобъ лакеи и дѣвки разговаривали съ ея дѣтьми». Нянька Агаѳья отъ утренняго чая до обѣда и отъ обѣда до вечерняго чая также куда-то уходила; но за то Евсеичъ цѣлый день не отлучался отъ насъ и даже спалъ всегда въ корридорѣ у нашихъ дверей. Онъ или забавлялъ насъ разсказами, или игралъ съ нами, или слушалъ мое чтеніе. Тутъ-то мы еще больше сжились съ милой моей сестрицей, хотя она была такъ еще мала, что я не могъ вполнѣ раздѣлять съ ней всѣхъ моихъ мыслей, чувствъ и желаній. Она, напримѣръ, не понимала, что насъ мало любятъ, а я понималъ это совершенно; оттого она была смѣлѣе и веселѣе меня и часто сама заговаривала съ дѣдушкой, бабушкой и тёткой; ее и любили за то гораздо больше, чѣмъ меня, особенно дѣдушка; онъ даже иногда присылалъ за ней и подолгу держалъ у себя въ горницѣ. Я очень это видѣлъ, но не завидовалъ милой сестрицѣ, во-первыхъ потому, что очень любилъ ее, и во-вторыхъ потому, что у меня не было расположенія къ дѣдушкѣ, и я чувствовалъ всегда невольный страхъ въ его присутствіи. Должно сказать, что была особенная причина, почему я не любилъ и боялся дѣдушки: я своими глазами видѣлъ одинъ разъ, какъ онъ сердился и топалъ ногами; я слышалъ потомъ изъ своей комнаты какіе-то страшные и жалобные крики. Нянька Агаѳья не замедлила мнѣ все объяснить, хотя добрый Евсеичъ пенялъ, зачѣмъ она разсказываетъ дитяти то, о чемъ ему и знать не надо.

Итакъ, непримѣтно устроился у насъ особый міръ въ тѣсномъ углу нашемъ, въ нашей гостиной комнатѣ. Первые

дни послѣ отъѣзда отца и матери я провелъ въ безпрестанной тоскѣ и слезахъ; но мало-по-малу успокоился, осмотрѣлся вокругъ себя и устроился. Всякій день я принимался учить читать маленькую сестрицу, и совершенно безъ пользы, потому что во все время пребыванія нашего въ Багровѣ она не выучила даже азбуки. Всякой день заставлялъ ее слушать «Дѣтское чтеніе», читая сряду всѣ статьи безъ исключенія, хотя многихъ самъ не понималъ. Бѣдная слушательница моя часто зѣвала, напряженно устремивъ на меня свои прекрасные глазки, и засыпала иногда подъ мое чтеніе; тогда я принимался съ ней играть, строя городки и церкви изъ чурочекъ, или домà, въ которыхъ хозяевами были ея куклы; самая любимая ея игра была игра «въ гости»: мы садились по разнымъ угламъ, я бралъ къ себѣ одну или двѣ изъ ея куколъ, съ которыми пріѣзжалъ въ гости къ сестрицѣ, то-есть переходилъ изъ одного угла въ другой. У сестрицы всегда было нѣсколько куколъ, которыя всѣ назывались ея дочками или племянницами; тутъ было много разговоровъ и угощеній, полное передразниванье большихъ людей. Я очень помню, что пускался въ разныя выдумки и разсказывалъ разныя небывалыя со мной приключенія, нѣкоторымъ основаніемъ или образцомъ которыхъ были прочитанныя мною въ книжкахъ или слышанныя происшествія. Такъ, напримѣръ, я разсказывалъ, что у меня въ домѣ былъ пожаръ, что я выпрыгнулъ съ двумя дѣтьми изъ окошка (то-есть съ двумя куклами, которыхъ держалъ въ рукахъ); или, что на меня напали разбойники и я всѣхъ ихъ побѣдилъ; наконецъ, что въ Багровскомъ саду есть пещера, въ которой живетъ Змѣй-Горынычъ о семи головахъ, и что я намѣренъ ихъ отрубить. Мнѣ очень было пріятно, что мои разсказы производили впечатлѣніе на мою сестрицу и что мнѣ иногда удавалось даже напугать ее; одну ночь она худо спала, просыпалась, плакала и все видѣла во снѣ то разбойниковъ, то Змѣя-Горыныча, и прибавляла, что это братецъ ее напугалъ. Няня погрозила мнѣ, что пожалуется дѣдушкѣ, и я укротилъ пламенные порывы моей дѣтской фантазіи.— Во время отсутствія отца и матери три тётушки перебывали въ гостяхъ въ Багровѣ. Первая была Александра Степановна; она произвела на меня самое непріятное впечатлѣніе, а также и мужъ ея, который однако насъ съ сестрой очень

любилъ, часто сажалъ на колѣни и безпрестанно цѣловалъ. Новая тётушка совсѣмъ насъ не любила, все насмѣхалась надъ нами, называла насъ городскими нѣженками, и, сколько я могъ понять, очень нехорошо говорила о моей матери и смѣялась надъ моимъ отцомъ. Ея мужъ бывалъ иногда какъ-то страненъ и даже страшенъ: шумѣлъ, бранился, пѣлъ пѣсни и должно быть говорилъ очень дурныя слова, потому что обѣ тётушки зажимали ему ротъ руками и пугали, что дѣдушка идетъ, чего онъ очень боялся и тотчасъ уходилъ отъ насъ. Вторая пріѣхавшая тётушка была Аксинья Степановна, крестная моя мать; эта была предобрая, насъ очень любила и очень ласкала, особенно безъ другихъ; она даже привезла намъ гостинца, изюму и черносливу, но отдала тихонько отъ всѣхъ и велѣла такъ ѣсть, чтобы никто не видалъ; она пожурила няньку нашу за неопрятность въ комнатѣ и платьѣ, приказала перемѣнять чаще бѣлье и погрозила, что скажетъ Софьѣ Николавнѣ, въ какомъ видѣ нашла дѣтей; мы очень обрадовались ея ласковымъ рѣчамъ и очень ее полюбили. Одно смутило меня: приказанье ѣсть потихоньку подаренныя ею лакомства. Мать и отецъ пріучили меня ничего тихонько не дѣлать, и я рѣшился спрятать изюмъ и черносливъ до пріѣзда матери. Третья тётушка, Елизавета Степановна, которую всѣ называли генеральшей, пріѣзжала на короткое время: эта тётушка была прегордая и ничего съ нами не говорила. Она привезла съ собою двухъ дочерей, которыя были постарше меня; она оставила ихъ погостить у дѣдушки съ бабушкой и сама дня черезъ три уѣхала. Повидимому пребываніе двухъ двоюродныхъ сестрицъ могло бы развеселить насъ и сдѣлать нашу жизнь болѣе пріятною, но вышло совсѣмъ не такъ, и положеніе наше стало еще грустнѣе, по крайней мѣрѣ мое. Я очень видѣлъ, что съ ними поступаютъ совсѣмъ не такъ, какъ съ нами; ихъ и любили, и ласкали, и веселили, и угощали разными лакомствами; имъ даже чай наливали слаще, чѣмъ намъ: я узналъ это нечаянно, взявши ошибкой чашку двоюродной сестры. Дѣвочки эти, разумѣется, ни въ чемъ не были виноваты: онѣ чуждались насъ; но какъ ихъ научали и какъ имъ приказывали, такъ онѣ и обходились съ нами. Я пробовалъ имъ читать, но онѣ не хотѣли слушать и называли меня дьячкомъ. Онѣ были въ домѣ *свои:* вся дѣвичья и вся

дворня ихъ знала и любила, и имъ было очень весело, а на насъ никто и не смотрѣлъ. Я часто слышалъ сквозь дверь въ коррпдорѣ шепотъ и сдержанный смѣхъ, а иногда и хохотъ и возню; Евсеичъ сказывалъ мнѣ, что это горничныя дѣвушки играли съ барышнями и прятались за сундуками въ перинахъ и подушкахъ, которыми былъ заваленъ, по обѣимъ сторонамъ, широкій корридоръ. Евсеичъ предлагалъ и мнѣ поиграть; и мнѣ самому иногда хотѣлось, но у меня не доставало для этого смѣлости, да и мать, уѣзжая, запретила намъ входить въ какія-нибудь игры или разговоры съ Багровской прислугой. Евсеичъ въ продолженіе этихъ тяжелыхъ пяти недѣль сдѣлался совершенно моимъ дядькой, и я очень полюбилъ его. Я даже читывалъ ему иногда «Дѣтское чтеніе». Однажды я прочелъ ему: «Повѣсть о несчастной семьѣ *), жившей подъ снѣгомъ». Выслушавъ ее, онъ сказалъ: «не знаю, соколикъ мой (такъ онъ звалъ меня всегда), все ли правда тутъ написано; а вотъ здѣсь въ деревнѣ, прошлой зимою, доподлинно случилось, что мужикъ Ареѳій Никитинъ поѣхалъ за дровами въ лѣсъ, въ общій колокъ, всего версты четыре, да и запоздалъ; поднялся буранъ, лошаденка была плохая, да и самъ онъ былъ плохъ; показалось ему, что онъ не по той дорогѣ ѣдетъ, онъ и пошелъ отыскивать дорогу, снѣгъ былъ глубокій, онъ выбился изъ силъ, завязъ въ долочкѣ,—такъ его снѣгомъ тамъ и занесло. Лошадь постояла, отдохнула, видно прозябла, и пошла шажкомъ, да и пришла домой съ возомъ. Дома Ареѳья ждали; увидали, что лошадь пришла одна, дали знать старостѣ, подняли тревогу, и мужиковъ съ десятокъ поѣхали отыскивать Ареѳья. Буранъ былъ страшный, зги не видать! поѣздили, поискали, да такъ ни съ чѣмъ и воротились. На другой день вся барщина ѣздила отъискивать, и также ничего не нашли. Ужъ на третій день, совсѣмъ по другой дорогѣ, ѣхалъ мужикъ изъ Кудрина, ѣхалъ онъ съ звѣровой собакой; собака и причуяла что-то недалеко отъ дороги и начала лапами снѣгъ разгребать; мужикъ былъ охотникъ, остановилъ лошадь и подошелъ посмотрѣть, что тутъ такое есть; и видитъ, что собака выкопала нору, что оттуда паръ идетъ; вотъ и при-

*) „Дѣтское чтеніе", часть I-я.

нялся онъ разгребать, и видитъ, что внутри пустое мѣсто, ровно медвѣжья берлога, и видитъ, что въ ней человѣкъ лежитъ, спитъ, и что кругомъ него все обтаяло; онъ зналъ про Арееья и догадался, что это онъ. Мужикъ поскорѣе прикрылъ дыру снѣжкомъ, палъ на лошадь, да и прискакалъ къ намъ въ деревню. Народъ мигомъ собрался. Поскакали съ лопатами, откапали Арееья, взвалили на сани, прикрыли шубой и привезли домой. Дома его въ избу не вдругъ внесли, а сначала долго оттирали снѣгомъ, а онъ весь былъ талый. Арееій отъ стужи и снѣгу ровно проснулся; тогда внесли его въ избу, но онъ все былъ безъ памяти. Ужъ на другой день пришелъ въ себя, и ѣсть попросилъ. Теперь здоровъ, только какъ-то говорить сталъ дурно.—Вотъ это, мой соколикъ, ужъ настоящая правда. Коли хочешь, то я тебѣ покажу его, когда онъ придетъ на барскій дворъ. Съ тѣхъ поръ его зовутъ не Арееій, а Арева». *) Разсказъ объ Арееьѣ очень меня занялъ, и черезъ нѣсколько дней Евсеичъ мнѣ показалъ его, потому что онъ приходилъ къ дѣдушкѣ чего-то просить. Арееья всѣ называли дурачкомъ, и въ самомъ дѣлѣ онъ ничего не умѣлъ разсказать мнѣ, какъ его занесло снѣгомъ и что съ нимъ потомъ было.

Я попросилъ одинъ разъ у тётушки какихъ-нибудь книжекъ почитать. Оказалось, что ея библіотека состояла изъ трехъ книгъ: изъ «Пѣсенника», «Сонника» и какого-то театральнаго сочиненія въ родѣ водевиля. Пѣсенника почему-то она не разсудила дать мнѣ, а «Сонникъ» и театральную піеску отдала. Обѣ книжки сдѣлали на меня сильное впечатлѣніе. Я выучилъ наизусть, что́ какой сонъ значитъ, и долго любилъ толковать сны свои и чужіе, долго вѣрилъ

---

*) Замѣчательно, что этотъ несчастный Арееій, не замерзшій въ продолженіе трехъ дней подъ снѣгомъ, въ жестокіе зимніе морозы,—замерзъ лѣтъ черезъ 25, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, при самомъ легкомъ морозѣ, послѣдовавшемъ послѣ сильнаго дождя! Онъ точно также ѣздилъ въ лѣсъ за дровами, въ тотъ же общій колокъ, также потерялъ лошадь, которая пришла домой, и также вѣроятно бродилъ, отыскивая дорогу. Разумѣется, онъ измокъ, иззябъ и до того, какъ видно, выбился изъ силъ, что наконецъ, найдя дорогу, у самой околицы упалъ въ маленькій овражекъ и не имѣлъ силъ вылѣзть изъ него. Осенняя ночь длинна, и потому не извѣстно, когда онъ попалъ въ овражекъ; но на другой день, часовъ въ 8 утра, поѣхавъ на охоту, молодой Багровъ нашелъ его уже мертвымъ и совершенно окоченѣвшимъ.

Примѣч. С. А.

правдѣ этихъ толкованій, и только въ университетѣ совершенно истребилось во мнѣ это суевѣріе. Толкованія сновъ въ «Сонникѣ» были крайне нелѣпы, не имѣли даже никакихъ, самыхъ пустыхъ, извѣстныхъ въ народѣ, основаній и примѣненій. Я помню нѣкоторыя даже теперь. Вотъ нѣсколько примѣровъ: «ловить рыбу, значитъ несчастіе. Ѣхать на телѣгѣ означаетъ смерть. Видѣть себя во снѣ въ навозѣ предвѣщаетъ богатство». — Театральная піеска имѣла двойное названіе; перваго не помню, а второе было: «Драматическая пустельга». И точно, это была пустельга... но какъ она мнѣ понравилась! Начиналась она такъ: пастушка или крестьянская дѣвушка гнала домой стадо гусей и пѣла куплетъ, который начинался и оканчивался припѣвомъ:

„Тига, тига домой,
„Тига, тига за мной.

Помню еще два стишка изъ другаго куплета:

Вотъ василекъ,
Милый цвѣтокъ.

Больше ничего не помню; знаю только, что содержаніе состояло изъ любви пастушки къ пастуху, что бабушка сначала не соглашалась на ихъ свадьбу, а потомъ согласилась. Съ этого времени глубоко запала въ мой умъ склонность къ театральнымъ сочиненіямъ и росла съ каждымъ годомъ.

Дѣдушка получилъ только одно письмо изъ Оренбурга съ приложеніемъ маленькой записочки ко мнѣ отъ матери, написанной крупными буквами, чтобъ я лучше могъ разобрать; эта записочка доставила мнѣ великую радость. Тутъ примѣшивалась новость впечатлѣнія особаго рода: въ первый разъ услышалъ я рѣчь, обращенную ко мнѣ изъ-за нѣсколькихъ сотъ верстъ, и отъ кого же?—отъ матери, которую я такъ горячо любилъ, о которой безпрестанно думалъ и часто тосковалъ. До сихъ поръ еще никто ко мнѣ не писалъ ни одного слова, да я не умѣлъ и разбирать писанаго, хотя хорошо читалъ печатное.

Пошла уже пятая недѣля, какъ мы жили одни, и наконецъ такая жизнь начала сильно дѣйствовать на мой дѣтскій умъ и сердце. Чувство какого-то сиротства и робкой

грусти выражалось не только на моемъ лицѣ, но даже во всей моей наружности. Я сталъ разсѣянно играть съ сестрицей, разсѣянно читать свои книжки и слушать разсказы Евсенча. Часто, разогнувъ «Дѣтское чтеніе», я задумывался, и мое ребячье воображеніе рисовало мнѣ печальныя, а потомъ и страшныя картины. Мнѣ представлялось, что маменька умираетъ, умерла, что умеръ также и мой отецъ и что мы остаемся жить въ Багровѣ, что насъ будутъ наказывать, одѣнутъ въ крестьянское платье, сошлютъ въ кухню (я слыхалъ о наказаніяхъ такого рода) и что наконецъ и мы съ сестрицей оба умремъ. Воображаемыя картины часъ отъ часу становились ярче, и я, сидя за книжкой надъ какимъ-нибудь веселымъ разсказомъ, заливался слезами. Сестрица бросалась обнимать меня, цѣловать, спрашивать, и не всегда получая отъ меня отвѣты, сама принималась плакать, не зная о чемъ. Евсенчъ и нянька, которая въ ожиданіи молодыхъ господъ (такъ называли въ домѣ моего отца и мать) начала долѣе оставаться съ нами, —не знали, что и дѣлать. Обыкновенныя въ такихъ случаяхъ уговариванья и утѣшенья не имѣли успѣха. На вопросы, о чемъ мы плачемъ, я отвѣчалъ, что «вѣрно маменька больна, или умираетъ»; а сестрица отвѣчала, что «ей жалко, когда братецъ плачетъ». Сказали о нашихъ слезахъ тётушкѣ. Она приходила къ намъ, и на свои о томъ же вопросы получала такіе же отвѣты. Тётушка уговаривала насъ не плакать и увѣряла, что маменька здорова, что она скоро воротится и что ее ждутъ каждый день; но я былъ такъ убѣжденъ въ моихъ печальныхъ предчувствіяхъ, что рѣшительно не повѣрилъ тётушкинымъ словамъ и упорно повторялъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «вы нарочно такъ говорите». Тётушка съ досадою ушла отъ насъ. На другой день, когда мы пришли здороваться къ дѣдушкѣ, онъ довольно сурово сказалъ мнѣ: «Я слышу, что ты все хнычешь, ты плакса, а глядя на тебя и козулька плачетъ. Чтобъ я не слыхалъ о твоихъ слезахъ». Я такъ испугался, что даже поблѣднѣлъ, какъ мнѣ послѣ сказывали, и точно, я не смѣлъ плакать весь этотъ день, но за то проплакалъ почти всю ночь. Дѣдушки я сталъ бояться еще болѣе. Въ подражаніе тётушкинымъ словамъ и Евсенчъ и нянька безпрестанно повторяли: «Маменька здорова, маменька сейчасъ пріѣдетъ, вотъ ужъ она подъѣзжаетъ къ околицѣ и мы пойдемъ ихъ

встрѣчать»... Послѣднія слова сначала производили на меня сильное впечатлѣніе, сердце у меня такъ и билось, но потомъ мнѣ было досадно ихъ слушать. Прошло еще два дня; тоска моя еще болѣе усилилась, и я потерялъ всякую способность чѣмъ-нибудь заниматься. Милая моя сестрица не отходила отъ меня ни на шагъ: часто она просила меня поиграть съ ней, или почитать ей книжку, или разсказать что-нибудь. Я исполнялъ ея просьбы, но такъ неохотно, вяло и невесело, что нерѣдко посреди игры или чтенія я переставалъ играть или читать и мы, молча, печально смотрѣли другъ на друга и глаза наши наполнялись слезами. Въ одинъ изъ такихъ скучныхъ, тяжелыхъ дней вбѣжала къ намъ въ комнату дѣвушка Ѳеклуша и громко закричала: «молодые господа ѣдутъ!» Странно, что я не вдругъ и не совсѣмъ повѣрилъ этому извѣстію. Конечно, я привыкъ слышать подобныя слова отъ Евсеича и няньки; но все странно, что я такъ недовѣрчиво обрадовался; впрочемъ, слава Богу, что такъ случилось: еслибъ я совершенно повѣрилъ, то, кажется, сошелъ бы съ ума или захворалъ; сестрица моя начала прыгать и кричать: «маменька пріѣхала, маменька пріѣхала!» Нянька Агаѳья, которая на этотъ разъ была съ нами одна, встревоженнымъ голосомъ спросила: «взаправду, что ли?» — «Взаправду, взаправду, ужъ близко», отвѣчала Ѳеклуша, — «Ефремъ Евсеичъ побѣжалъ встрѣчать» — и сама убѣжала. — Нянька проворно оправила наше платье и волосы, взяла обоихъ насъ за руки и повела въ лакейскую; двери были растворены настежъ, въ сѣняхъ уже стояла бабушка, тётушка и двоюродныя сестрицы. Дождь лилъ какъ изъ ведра, такъ что на крыльцо нельзя было выйти; подъѣхала карета, въ окошкѣ мелькнулъ образъ моей матери — и съ этой минуты я ничего не помню... Я очнулся или очувствовался уже на колѣнахъ матери, которая сидѣла на канапе, положивъ мою голову на свою грудь. Вотъ была радость, вотъ было счастье!

Какъ только я совсѣмъ оправился и началъ было разспрашивать и разсказывать, — моя мать торопливо встала и ушла къ дѣдушкѣ, съ которымъ она еще не успѣла поздороваться: испуганная моей дурнотой, она не заходила въ его комнату. Черезъ нѣсколько минутъ прислали Евсеичу сказать, чтобъ онъ меня привелъ къ старому барину. На этотъ разъ я пошелъ безъ всякой робости. Тамъ была моя мать, при

ней я никого не боялся. Дѣдушка сидѣлъ на кровати, а возлѣ него по одну сторону отецъ, по другую мать. Бабушка сидѣла на дѣдушкиныхъ креслахъ, а тётушка и двоюродныя сестрицы на стульяхъ. Я не видѣлъ, или, лучше сказать, не помнилъ, что видѣлъ отца, а потому обрадовавшись прямо бросился къ нему на шею и началъ его обнимать и цѣловать.— «А, такъ ты также и отца любишь, какъ мать, весело сказалъ дѣдушка, а я думалъ, что ты только по ней соскучился. Ну, Софья Николавна, продолжалъ онъ, сынокъ твой плакса, на всѣхъ тоску нагналъ, и козулька отъ него не мало поплакала. Я ужъ на него прикрикнулъ маленько, такъ онъ поунялся». Мать отвѣчала, что я привыкъ къ ней во время своей продолжительной болѣзни. Милая моя сестрица была такъ смѣла, что я съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее: когда я входилъ въ комнату, она побѣжала мнѣ навстрѣчу съ радостными криками: «Маменька пріѣхала, тятенька пріѣхалъ!» а потомъ съ такими же восклицаніями перебѣгала отъ матери къ дѣдушкѣ, къ отцу, къ бабушкѣ и къ другимъ; даже вскарабкалась на колѣни къ дѣдушкѣ.

Отецъ съ матерью пріѣхали передъ обѣдомъ часа за два. Послѣ обѣда всѣ разошлись по обыкновенію отдыхать, а мы остались одни. Я разсказывалъ отцу и матери подробно все время нашего пребыванія безъ нихъ. Я не понималъ, что̀ долженъ былъ произвесть мой разсказъ надъ сердцемъ горячей матери, не понималъ, что моему отцу было вдвойнѣ прискорбно его слушать. Впрочемъ, еслибъ я и понималъ, я бы все разсказалъ настоящую правду, потому что былъ пріученъ матерью къ совершенной искренности. Нѣсколько разъ мать перерывала мой разсказъ; глаза ея блестѣли, блѣдное ея лицо вспыхивало румянцемъ, и прерывающимся отъ волненія голосомъ начинала она говорить моему отцу не совсѣмъ понятныя мнѣ слова; но отецъ всякій разъ останавливалъ ее знакомъ и успокоивалъ словами: «Побереги себя ради Бога, пожалѣй Сережу. Что онъ долженъ подумать?».... И всякій разъ мать овладѣвала собой и заставляла меня продолжать разсказъ. Когда я кончилъ, она выслала насъ съ сестрой въ залу, приказавъ нянькѣ, чтобы никуда не ходили и сидѣли тихо, потому что хочетъ отдохнуть; но я скоро догадался, что мы высланы для того, чтобы мать съ отцомъ могли поговорить безъ насъ. Я даже

слышалъ сквозь запертую и завѣшанную дверь сначала выразительный и явственный шопотъ, а потомъ и жаркій разговоръ вполголоса, при чемъ иногда вырывались и громкія слова. Понимая дѣло только вполовину, я однако догадывался, что маменька гнѣвается за насъ на дѣдушку, бабушку и тётушку, и что мой отецъ за нихъ заступается: изъ всего этого я вывелъ почему-то такое заключеніе, что мы должны скоро уѣхать, въ чемъ и не ошибся.

Я въ свою очередь разспросилъ также отца и мать о томъ, что случилось съ ними въ Оренбургѣ. Изъ разсказовъ ихъ и разговоровъ съ другими я узналъ, къ большой моей радости, что докторъ Деобольдъ не нашелъ никакой чахотки у моей матери, но за то нашелъ другія важныя болѣзни, отъ которыхъ и началъ было лечить ее; что лекарства ей очень помогли сначала, но что потомъ она стала тосковать о дѣтяхъ и докторъ принужденъ былъ ее отпустить; что онъ далъ ей лекарствъ на всю зиму, а весною приказалъ пить кумысъ, и что для этого мы поѣдемъ въ какую-то прекрасную деревню, и что мы съ отцомъ и Евсеичемъ будемъ тамъ удить рыбку. Все это меня успокоило и обрадовало, особенно потому, что другіе говорили, да я и самъ видѣлъ, что маменька стала здоровѣе и крѣпче. Робость моя вдругъ прошла, и печальное Багрово какъ-будто повеселѣло. Мнѣ показалось даже, а можетъ-быть оно и въ самомъ дѣлѣ было такъ, что всѣ стали къ намъ ласковѣе, внимательнѣе и больше заботились о насъ. По ребячеству моему я подумалъ, что всѣ насъ полюбили. Впрочемъ я и теперь думаю, что въ эту послѣднюю недѣлю нашего пребыванія въ Багровѣ дѣдушка точно полюбилъ меня, и полюбилъ именно съ той поры, когда самъ увидѣлъ, что я горячо привязанъ къ отцу. Онъ даже высказалъ мнѣ, что считалъ меня баловнемъ матери, матушкинымъ сынкомъ, который отца совсѣмъ не любитъ, а родныхъ его и подавно, и всѣмъ въ Багровѣ «брезгуетъ»; очевидно, что это было ему насказано, а моя неласковость, печальный видъ и робость, даже страхъ, внушаемый его присутствіемъ, утвердили старика въ такихъ мысляхъ. Теперь же, когда онъ приласкалъ меня, когда прошелъ мой страхъ и тоска по матери, когда на сердцѣ у меня повеселѣло, и я самъ сталъ къ нему ласкаться,—весьма естественно, что онъ полюбилъ меня. Въ нѣсколько дней я какъ-будто переро-

дился: сталъ живъ, сталъ рѣзовъ; къ дѣдушкѣ сталъ бѣгать безпрестанно, разсказывать ему всякую всячину и сейчасъ поподчивалъ его чтеніемъ «Дѣтскаго чтенія», и все это дѣдушка принималъ благосклонно: угрюмый старикъ также какъ-будто сталъ добрымъ и ласковымъ старикомъ. Я живо помню, какъ онъ любовался на нашу дружбу съ сестрицей, которая, сидя у него на колѣняхъ и слушая мою болтовню или чтеніе, вдругъ безъ всякой причины спрыгивала на полъ, подбѣгала ко мнѣ, обнимала и цѣловала, и потомъ возвращалась назадъ и опять вползала къ дѣдушкѣ на колѣни; на вопросъ же его: «что ты, козулька, вскочила?» она отвѣчала: «захотѣлось братца поцѣловать». Однимъ словомъ, у насъ съ дѣдушкой образовалась такая связь и любовь, такія прямыя сношенія, что передъ ними всѣ отступили и не смѣли мѣшаться въ нихъ. Двоюродныя наши сестрицы, которыя прежде были въ большой милости, сидѣли теперь у печки на стульяхъ, а мы у дѣдушки на кровати; видя, что онъ не обращаетъ на нихъ никакого вниманія, а занимается нами, генеральскія дочки (какъ ихъ называли), соскучась молчать и не принимая участія въ нашихъ разговорахъ, уходили потихоньку изъ комнаты въ дѣвичью, гдѣ было имъ гораздо веселѣе.

Хотя мать мнѣ ничего не говорила, но я узналъ изъ ея разговоровъ съ отцомъ, иногда не совсѣмъ пріятныхъ, что она имѣла недружелюбныя объясненія съ бабушкой и тётушкой, или, просто сказать, ссорилась съ ними, и что бабушка отвѣчала: «Нѣтъ, невѣстушка, не взыщи; мы къ твоимъ дѣтямъ и приступиться не смѣли. Гдѣ намъ мѣшаться не въ свое дѣло? У васъ порядки городскіе, а у насъ деревенскіе».—Всего же болѣе мать сердилась на нашу няньку и очень ее бранила. Нянька Агаѳья плакала, и мнѣ было очень ея жаль, а въ то же время она все говорила неправду; клялась и божилась, что отъ насъ и денно и нощно не отходила, и ссылалась на меня и на Евсеича. Я попробовалъ даже сказать ей: «Зачѣмъ ты, нянюшка, говоришь неправду?» Она отвѣчала, что грѣхъ мнѣ на нее нападать, и заплакала навзрыдъ. Я сталъ въ тупикъ! мнѣ приходило даже въ голову: ужъ въ самомъ дѣлѣ не солгалъ ли я на няньку Агаѳью; но Евсеичъ, который въ глаза уличалъ ее, что она все бѣгала по избамъ, успокоилъ мою робкую, ребячью совѣсть. Послѣ

этого мать сказала отцу, что она ни за что на свѣтѣ не оставитъ Агаѳью въ нянькахъ и что, пріѣхавъ въ Уфу, непремѣнно ее отпуститъ.

Начали поспѣшно сбираться въ дорогу. Срокъ отпуска моего отца уже прошелъ, да и время было осеннее. За день до нашего отъѣзда пріѣхала тётушка Аксинья Степановна. Мы съ сестрицей очень обрадовались доброй тётушкѣ и очень къ ней ласкались. Моя мать, при дѣдушкѣ и при всѣхъ, очень горячо ее благодарила за то, что она не оставила своего крестника и его сестры своими ласками и вниманіемъ, и увѣряла ее, что, покуда жива, не забудетъ ея родственной любви. Какъ я ни былъ малъ, но замѣтилъ, что бабушка и тётушка Татьяна Степановна чего-то очень перепугались. Послѣ я узналъ, что онѣ боялись дѣдушки. Я даже слышалъ, какъ мой отецъ пенялъ моей матери и говорилъ: «Хорошо, что батюшка не вслушался, какъ ты благодарила сестру Аксинью Степановну, и не догадался, а то могла бы выйти бѣда. Вѣдь ужъ ты выговорила свое неудовольствіе и матушкѣ и сестрѣ; зачѣмъ же ихъ подводить подъ гнѣвъ? Вѣдь мы завтра уѣдемъ». Мать со вздохомъ отвѣчала, что сердце не вытерпѣло и что она на ту минуту забылась и точно поступила неосторожно. Когда же крестная мать пришла къ намъ въ комнату, то мать опять благодарила ее со слезами и цѣловала ея руки.

Наконецъ мы совсѣмъ уложились и собрались въ дорогу. Дѣдушка ласково простился съ нами, перекрестилъ насъ и даже сказалъ: «Жаль, что уже время позднее, а то бы еще съ недѣльку надо вамъ погостить. Невѣстынькѣ съ дѣтьми было безпокойно жить; ну да я пристрою ей особую горницу». Всѣ прочія прощались не одинъ разъ; долго цѣловались, обнимались и плакали. Я совершенно повѣрилъ, что насъ очень полюбили, и мнѣ всѣхъ было жаль, особенно дѣдушку.

Обратная дорога въ Уфу, также черезъ Парашино, гдѣ мы только переночевали, уже совсѣмъ была не такъ весела. Погода стояла мокрая или холодная, останавливаться въ полѣ было невозможно, а потому кормежки и ночевки въ чувашскихъ, мордовскихъ и татарскихъ деревняхъ очень намъ наскучили; у Татаръ еще было лучше, потому что у нихъ избы были *бѣлыя*, то-есть съ трубами, а въ курныхъ избахъ Чу-

вашъ и Мордвы кормежки были нестерпимы: мы такъ рано выѣзжали съ ночевокъ, что останавливались кормить лошадей именно въ то время, когда еще топились печи; надо было лежать на лавкахъ, чтобы не задохнуться отъ дыму, не смотря на растворенную дверь. Мать очень боялась, чтобы мы съ сестрой не простудились, и мы обыкновенно лежали въ пологу, прикрытые теплымъ одѣяломъ. У матери отъ дыму съ непривычки заболѣли глаза и проболѣли цѣлый мѣсяцъ; только въ шестой день пріѣхали мы въ Уфу.

Зима въ Уфѣ.

После такой скучной, продолжительной и утомительной дороги я очень обрадовался нашему уфимскому просторному дому, большимъ и высокимъ комнатамъ, Суркѣ, который мнѣ также очень обрадовался, и свободѣ — бѣгать, играть и шумѣть, гдѣ угодно. Въ домѣ насъ встрѣтили неожиданные гости, которымъ мать очень обрадовалась: это были ея родные братья, Сергѣй Николаичъ и Александръ Николаичъ; они служили въ военной службѣ, въ какомъ-то драгунскомъ полку, и пріѣхали въ домовой отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Съ перваго взгляда я полюбилъ обоихъ дядей; оба очень молодые, красивые, ласковые и веселые, особенно Александръ Николаичъ: онъ шутилъ и смѣялся съ утра до вечера и всѣхъ другихъ заставлялъ хохотать. Они воспитывались въ Москвѣ, въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, любили читать книжки и умѣли наизусть читать стихи; это была для меня совершенная новость: я до тѣхъ поръ не зналъ, что̀ такое стихи и какъ ихъ читаютъ. Въ добавокъ ко всему, дядя Сергѣй Николаичъ очень любилъ рисовать и хорошо рисовалъ; съ нимъ былъ ящичекъ съ соковыми красками и кисточки... одно ужъ это привело меня въ восхищеніе. Я любилъ смотрѣть картинки, а рисованье ихъ казалось мнѣ чѣмъ-то волшебнымъ, сверхъестественнымъ: я смотрѣлъ на дядю Сергѣя Николаича какъ на высшее существо.

Хотя печальное и тягостное впечатлѣніе житья въ Багровѣ было ослаблено послѣднею недѣлею нашего тамъ пребыванія, хотя длинная дорога также приготовила меня къ

той жизни, которая ждала насъ въ Уфѣ; но, не смотря на то, я почувствовалъ необъяснимую радость и потомъ спокойную увѣренность, когда увидѣлъ себя перенесеннымъ совсѣмъ къ другимъ людямъ, увидѣлъ другія лица, услышалъ другія рѣчи и голоса, когда увидѣлъ любовь къ себѣ отъ дядей и отъ близкихъ друзей моего отца и матери, увидѣлъ ласку и привѣтъ отъ всѣхъ нашихъ знакомыхъ. Это произвело на меня такое дѣйствіе, что я вдругъ, какъ говорили, развернулся, то-есть сталъ смѣлѣе прежняго, тверже и бойчѣе. Всѣ говорили, что я перемѣнился, что я выросъ и поумнѣлъ. Должно признаться, что, слыша такіе отзывы, я сталъ самолюбивѣе и самонадѣяннѣе.

Дяди мои помѣстились въ отдѣльной столовой, изъ которой, кромѣ двери въ залу, былъ ходъ черезъ общую или проходную комнату въ большую столярную; прежде это была горница, въ которой у покойнаго дѣдушки Зубина помѣщалась канцелярія, а теперь въ ней жилъ и работалъ столяръ Михей, мужъ нашей няньки Агаѳьи, очень сердитый и грубый человѣкъ. Я прежде о немъ почти не зналъ; но мои дяди любили иногда заходить въ столярную, подразнить Михея, и забавлялись тѣмъ, что онъ сердился, гонялся за ними съ деревяннымъ молоткомъ, бранилъ ихъ и даже иногда бивалъ, что̀ доставляло имъ большое удовольствіе и чему они отъ души хохотали. Мнѣ тоже казалось это забавнымъ, и не подозрѣвалъ я тогда, что самъ буду много терпѣть отъ подобной забавы.

Здоровье моей матери укрѣплялось, и я замѣтилъ, что къ намъ стало ѣздить гораздо больше гостей, чѣмъ прежде; впрочемъ это могло мнѣ показаться: прошлаго года я былъ еще малъ, не совсѣмъ поправился въ здоровьѣ и менѣе обращалъ вниманія на все, происходившее у насъ въ домѣ. Всѣхъ знакомыхъ ѣздило очень много; но я ихъ мало зналъ. Мнѣ хорошо извѣстны и памятны только тѣ, которые бывали у насъ почти ежедневно, и которые, какъ видно, очень любили моего отца и мать, и насъ съ сестрицей. Это были: старушка Мертваго и двое ея сыновей Дм. Бор. и Ст. Бор. Мертваго, Чичаговы, Княжевичи, у которыхъ двое сыновей были почти одних лѣтъ со мною, Воецкая, которую я особенно любилъ за то, что ее звали, такъ же какъ и мою мать, Софьей Николавной, и сестрица ея, дѣвушка Пекарская; изъ воен-

ныхъ всѣхъ чаще бывали у насъ генералъ Мансуровъ съ женою и двумя дочерьми, генералъ графъ Ланжеронъ и полковникъ Л. Н. Энгельгардтъ; полковой же адъютантъ Волковъ и другой офицеръ Христофовичъ, которые были дружны съ моими дядями, бывали у насъ каждый день; докторъ Авенаріусъ—также: это былъ давнишній другъ нашего дома. Съ дѣтьми Княжевичей и Мансуровыхъ мы были дружны и часто вмѣстѣ игрывали. Дѣти Княжевичей были молодцы, потому что отецъ и мать воспитывали ихъ безъ всякой нѣги; они не знали простуды и ѣли все, что имъ вздумается, а я, напротивъ, кромѣ ежедневныхъ діэтныхъ кушаній, не смѣлъ ничего съѣсть безъ позволенія матери; въ сырую же погоду меня не выпускали изъ комнаты. Надо вспомнить, что я года полтора былъ боленъ при смерти, и потому не удивительно, что меня берегли и нѣжили; но милая моя сестрица даромъ попала на такую же діэту и береженье отъ воздуха. Иногда гости пріѣзжали обѣдать, и Боже мой! какъ хлопотала моя мать съ поваромъ Мокеемъ, весьма плохо разумѣвшимъ свое дѣло. Миндальное пирожное всегда приготовляла она сама, и смотрѣть на это приготовленье было однимъ изъ любимыхъ моихъ удовольствій. Я внимательно наблюдалъ, какъ она обдавала миндаль кипяткомъ, какъ счищала съ него разбухшую кожицу, какъ выбирала миндалины только самыя чистыя и бѣлыя, какъ заставляла толочь ихъ, если пирожное приготовлялось изъ миндальнаго тѣста, или какъ сама рѣзала ихъ ножницами и, замѣсивъ эти обрѣзки на яичныхъ бѣлкахъ, сбитыхъ съ сахаромъ, дѣлала изъ нихъ чудныя фигурки: то вѣнки, то короны, то какія-то цвѣточныя шапки или звѣзды; все это сажалось на желѣзный листъ, усыпанный мукою, и посылалось въ кухонную печь, откуда приносилось уже передъ самымъ обѣдомъ, совершенно готовымъ и поджарившимся. Мать, щегольски разодѣтая, по данному ей отъ меня знаку, выбѣгала изъ гостиной, надѣвала на себя высокій бѣлый фартукъ, снимала бережно ножичкомъ чудное пирожное съ желѣзнаго листа, каждую фигурку окропляла малиновымъ сиропомъ, красиво накладывала на большое блюдо и возвращалась къ своимъ гостямъ. Сидя за столомъ, я всегда нетерпѣливо ожидалъ миндальнаго блюда, не столько для того, чтобъ имъ полакомиться, сколько для того, чтобъ порадо-

ваться, какъ гости будутъ хвалить прекрасное пирожное, брать по другой фигуркѣ и говорить, что «ни у кого нѣтъ такого миндальнаго блюда, какъ у Софьи Николавны». Я торжествовалъ и не могъ спокойно сидѣть на моихъ высокихъ креседьцахъ и непремѣнно говорилъ на-ухо сидѣвшему подлѣ меня гостю, что все это маменька дѣлала сама. Я помню, что гости у насъ тогда бывали такъ веселы, какъ послѣ никогда уже не бывали во все остальное время нашего житья въ Уфѣ, а между тѣмъ я и тогда зналъ, что мы всякой день нуждались въ деньгахъ, и что все у насъ въ домѣ было бѣднѣе и хуже, чѣмъ у другихъ. Изъ военныхъ гостей я больше всѣхъ любилъ сначала Льва Николаевича Энгельгардта; по своему росту и дородству онъ казался богатыремъ между другими и къ тому же былъ хорошъ собою. Онъ очень любилъ меня, и я часто сиживалъ у него на колѣняхъ, съ любопытствомъ слушая его громозвучные военные разсказы и съ благоговѣніемъ посматривая на два креста, висѣвшіе у него на груди, особенно на золотой крестикъ съ округленными концами и съ надписью: «Очаковъ взятъ 1788 года 6 декабря». Я сказалъ, что любилъ его сначала; это потому, что впослѣдствіи я его боялся; онъ напугалъ меня, сказавъ однажды: «Хочешь, Сережа, въ военную службу?» Я отвѣчалъ: «Не хочу». — «Какъ тебѣ не стыдно», продолжалъ онъ: — «ты дворянинъ и непремѣнно долженъ служить со шпагой, а не съ перомъ. Хочешь въ гренадеры? Я привезу тебѣ гренадерскую шапку и тесакъ»... Я перепугался и убѣжалъ отъ него. Энгельгардтъ вздумалъ продолжать шутку, и на другой день, видя, что я не подхожу къ нему, сказалъ мнѣ: «А, трусишка! Ты боишься военной службы, такъ вотъ я тебя насильно возьму»... Съ этихъ поръ я ужъ не подходилъ къ полковнику безъ особеннаго приказанія матери, и то со слезами. Въ этомъ страхѣ утверждалъ меня мальчикъ-товарищъ, часто къ намъ ходившій, кривой Андрюшка, сынъ очень доброй женщины, преданной душевно нашему дому. Онъ былъ старше меня, и я ему вѣрилъ. Потомъ мнѣ казалось, что онъ нарочно пугалъ меня.

Послѣ чтенія, лучшимъ моимъ удовольствіемъ было смотрѣть, какъ рисуетъ дядя Сергѣй Николаевичъ. Онъ не такъ любилъ ѣздить по гостямъ, какъ другой мой дядя, меньшой его братъ, котораго называли вѣтренникомъ, и рисовалъ не

только для меня маленькія картинки, но и для себя довольно большія картины. Я не могъ бывало дождаться того времени, когда дядя сядетъ за столъ у себя въ комнатѣ, на которомъ стоялъ уже стаканъ съ водой и чистая фаянсовая тарелка, заранѣе мною приготовленная. За нѣсколько времени до назначеннаго часа я уже не отходилъ отъ дяди и все смотрѣлъ ему въ глаза; а если и это не помогало, то дергалъ его за рукавъ, говоря самымъ просительнымъ голосомъ: «Дяденька, пойдемте рисовать». Наконецъ, онъ садился за столъ, натиралъ на тарелку краски, обмакивалъ кисточку въ стаканъ, — и глаза мои уже не отрывались отъ его руки, и каждое появленіе новаго листка на деревѣ, носа у птицы, ноги у собаки, или какой-нибудь черты въ человѣческомъ лицѣ привѣтствовалъ я радостными восклицаніями. Видя такую мою охоту, дядя вздумалъ учить меня рисовать; онъ весьма тщательно приготовилъ мнѣ *оригиналы*, то-есть мелкіе и большіе полукружечки и полные круги, безъ тушовки и оттушованные, помѣщенные въ квадратикахъ, заранѣе расчерченныхъ, потомъ глазки, бровки и проч. Дядя, какъ скоро садился самъ за свою картину, усаживалъ и меня рисовать на другомъ столѣ; но ученіе сначала не имѣло никакого успѣха, потому что я безпрестанно вскакивалъ, чтобы посмотрѣть, какъ рисуетъ дядя; а когда онъ запретилъ мнѣ сходить съ мѣста, то я таращилъ свои глаза на него или взлѣзалъ на стулъ, надѣясь хоть что-нибудь увидать. Дядя догадался, что прока не будетъ, и началъ заставлять меня рисовать въ другіе часы; онъ не ошибся: въ короткое время я сдѣлалъ блистательные успѣхи для своего возраста. Дядя былъ въ восторгѣ и пророчилъ, что изъ меня выйдетъ необыкновенный рисовальщикъ. Но не всѣ пророчества сбываются, и я въ зрѣлыхъ годахъ не умѣлъ нарисовать того кружечка, который рисовалъ въ ребячествѣ.

По книжной части, библіотека моя, состоявшая изъ 12 частей «Дѣтскаго чтенія» и «Зеркала добродѣтели», была умножена двумя новыми книжками: «Дѣтской библіотекой» Шишкова и «Исторіей о Младшемъ Кирѣ и о возвратномъ походѣ десяти тысячъ Грековъ, сочиненія Ксенофонта». Книги эти подарилъ мнѣ тотъ же добрый человѣкъ, С. И. Аничковъ; къ нимъ прибавилъ онъ еще толстый рукописный томъ, который я теперь и назвать не умѣю. Я помню только,

что въ немъ было множество чертежей и плановъ, очень тщательно сдѣланныхъ и разрисованныхъ красками. Ничего не понимая, я съ великимъ наслажденіемъ перелистывалъ эту книгу, вмѣстѣ съ моею сестрицей, и растолковывалъ ей, что̀ какая фигура представляетъ и значитъ. Я долженъ былъ все сочинять и выдумывать, потому что не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о настоящемъ дѣлѣ. Какъ бы я желалъ теперь услышать мою тогдашнюю болтовню! Дѣтская библіотека, сочиненіе г. Кампе, переведенная съ нѣмецкаго А. С. Шишковымъ, особенно дѣтскія пѣсни, которыя скоро выучилъ я наизусть, привели меня въ восхищеніе *): это и не

*) Александръ Семенычъ Шишковъ, безъ сомнѣнія, оказалъ великую услугу переводомъ этой книжки, которая, не смотря на устарѣлость языка и правоучительныхъ пріемовъ, до сихъ поръ остается лучшею дѣтскою книгою. Она имѣла много изданій; кажется, первое было сдѣлано въ 1792 году. Въ изданіяхъ, которыя мнѣ случалось видѣть и сличать, текстъ оставался безъ поправки, безъ перемѣнъ. Нѣкоторыя стихотворенія, какъ напримѣръ: «Дитя, разсуждающее здраво», «Дѣтскія забавы», «Фіалка и Терновый кустъ», «Бабочка», «Счастье благодѣтельства», «Николашина похвала зимнимъ утѣхамъ» (лучше всѣхъ написанное) — можно назвать истинными сокровищами для маленькихъ дѣтей. Я имѣю теперь подъ руками три изданія Дѣтской библіотеки: 1806-го (четвертое изданіе), 1820-го и 1846-го годовъ (вѣроятно, ихъ было болѣе десяти); но, къ удивленію моему, не нахожу въ двухъ послѣднихъ небольшой драматической піески, въ которой бѣдный крестьянскій мальчикъ поетъ слѣдующую пѣсню, сложенную для его отца какимъ-то грамотеемъ. Вотъ она:

Не въ нѣгѣ я родился,
Не въ роскоши я жилъ;
Работалъ и трудился,
И хладъ и зной сносилъ.
Терпя различны муки,
Боролся я съ судьбой;
Мои суровы руки
Не знали, что̀ покой.

Я солнечнаго всходу
Ни разу не проспалъ,
Въ суровую погоду
Укрыться не искалъ.
Но, плугомъ раздирая
Утробу я земли,
То дрогнулъ, промокая,
То весь горѣлъ въ пыли.

За разными трудами
Меня зрѣлъ солнца бѣгъ:
Здѣсь твердыми стѣнами
Одѣлъ я дикой брегъ;
Тамъ каменные домы
Воздвигнулъ для другихъ,
Чуть крышу изъ соломы
Имѣя для своихъ.

Земную жилу роя,
Въ пещерахъ погребенъ,
Я солнечнаго зноя

мудрено; но удивительно, что Ксенофонтъ нравился мнѣ не менѣе, а въ послѣдующіе годы сдѣлался моимъ любимымъ чтеніемъ. Я и теперь такъ помню эту книгу, какъ-будто она не сходила съ моего стола; даже наружность ея такъ врѣзалась въ моей памяти, что я точно гляжу на нее и вижу чернильныя пятна на многихъ страницахъ, протертыя пальцемъ мѣста и завернувшіеся уголки нѣкоторыхъ листовъ. Сраженіе Младшаго Кира съ братомъ своимъ Артаксерксомъ, его смерть въ этой битвѣ, возвращеніе десяти тысячъ Грековъ подъ враждебнымъ наблюденіемъ многочисленнаго персидскаго воинства, греческая фаланга, дорійскія пляски, безпрестанныя битвы съ варварами и наконецъ море, путь возвращенія въ Грецію, которое съ такимъ восторгомъ увидѣло храброе воинство, восклицая: «ѳалатта! ѳалатта!» — все это такъ сжилось со мною, что я и теперь помню все съ совершенной ясностью.

Такъ безмятежно и весело текла моя жизнь первые мѣсяцы. Не могу въ точности припомнить, съ какого именно времени начала она возмущаться. Это случилось какъ-то

И свѣта былъ лишенъ.
Въ количествѣ премногомъ
Я злато находилъ,—
И въ рубищѣ убогомъ
Весь вѣкъ мой проводилъ.

Однакожъ въ это время,
Былъ молодъ и здоровъ,
Не чувствовалъ я бремя
Сихъ тягостныхъ трудовъ;
Безъ всякаго излишку
Довольно собиралъ,
Кормилъ свою семьишку,
Бывъ сытъ и сладко спалъ.

Но младость промелькнула,
Ея ужъ болѣ нѣтъ;
Скорбь лютая согнула
Упругій мой хребетъ....
Мой одръ, гдѣ я, страдая,
Убогъ лежу и сиръ,
Злой смерти ожидая,
Сталъ нынѣ весь мой міръ.

Почему и какъ была исключена драматическая піеса и пѣсня въ изданіяхъ 1820 и 1846 годовъ, не понимаю. Какая надобность была перепечатывать текстъ старыхъ изданій 1790 годовъ, когда было изданіе 1806 года, исправленное и значительно пополненное самимъ Шишковымъ?

А сколько силы и теплоты въ приведенной мною пѣснѣ, несмотря на неприличную для крестьянина книжность нѣкоторыхъ словъ и выраженій, хотя это извиняется тѣмъ, что пѣсню написалъ какой-то грамотей! Какъ слышна горячая любовь Шишкова къ простолюдину! *С. А.*

непримѣтно. Оба мои дяди и пріятель ихъ адъютантъ Волковъ получили охоту дразнить меня: сначала военной службой, говоря, что вышелъ указъ, по которому велѣно брать въ солдаты старшаго сына у всѣхъ дворянъ. Хотя я возражалъ, что это неправда, что это все ихъ выдумки; но проказники написали крупными буквами указъ, приложили къ нему какую-то печать — и успѣли напугать меня. Я всего болѣе повѣрилъ кривому Андрюшѣ, который началъ ходить къ намъ всякій день и который вѣроятно былъ въ заговорѣ. Эта глупая забава продолжалась довольно долго и стоила мнѣ многихъ волненій, огорченій и даже слезъ. Всего хуже было то, что я, будучи вспыльчивъ отъ природы, сердился за насмѣшки и начиналъ говорить грубости, къ чему прежде совершенно не былъ способенъ. Это забавляло всѣхъ; общій смѣхъ ободрялъ меня, и я позволялъ себѣ говорить такія дерзости, за которыя потомъ меня же бранили и заставляли просить извиненія; а какъ я, по ребячеству, находилъ себя совершенно правымъ и не соглашался извиняться, то меня ставили въ уголъ и доводили наконецъ до того, что я просилъ прощенія. Конечно, мать вразумляла меня, что все это однѣ шутки, что за нихъ не должно сердиться, и что надобно отвѣчать на нихъ шутками же; но бѣда состояла въ томъ, что дитя не можетъ ясно различать границъ между шуткою и правдою. Иногда долго я не вѣрилъ словамъ моихъ преслѣдователей и отвѣчалъ на нихъ смѣхомъ, но вдругъ какъ-то начиналъ вѣрить, оскорбляться насмѣшками, разгорячался, выходилъ изъ себя, и дерзкими бранными словами, какъ умѣлъ, отплачивалъ моимъ противникамъ. Всего болѣе доставалось отъ меня Волкову; впрочемъ развязка всегда была для меня слишкомъ невыгодна. Когда надоѣло дразнить меня солдатствомъ, да я и привыкъ къ тому и не такъ уже раздражался, отыскали другую, не менѣе чувствительную во мнѣ струну. Одинъ разъ вдругъ дядя говоритъ мнѣ потихоньку, съ важнымъ и таинственнымъ видомъ, что Волковъ хочетъ жениться на моей сестрицѣ и увезти съ собой въ походъ. Я повѣрилъ и, не имѣя ни о чемъ понятія, понялъ только, что хотятъ разлучить меня съ сестрицей и сдѣлать ее чѣмъ-то въ родѣ солдата. Гнѣвъ и ненависть, къ какой только можетъ быть способно сердце дитяти, почувствовалъ я къ Волкову, котораго

и прежде не подлюбливалъ. Волковъ на другой день, чтобы поддержать шутку, сказалъ мнѣ съ важнымъ видомъ, что батюшка и матушка согласны выдать за него мою сестрицу, и что онъ проситъ также моего согласія. Изъ этого вышло много весьма печальныхъ исторій: я приходилъ въ бѣшенство, бранился и хотѣлъ застрѣлить изъ пушки Волкова, если онъ только дотронется до моей сестрицы.—Съ этимъ господиномъ въ самое это время случилось смѣшное и непріятное происшествіе, какъ-будто въ наказаніе за его охоту дразнить людей, которому я, по глупости моей, очень радовался и говорилъ: «Вотъ Богъ его наказалъ за то, что онъ хочетъ увезти мою сестрицу». Происшествіе состояло въ слѣдующемъ: въ какой-то торжественный праздникъ у губернатора былъ балъ. Волковъ, распудренный и разодѣтый, въ чулкахъ и башмакахъ, передъ самымъ баломъ, заѣхалъ къ намъ, чтобы вмѣстѣ съ моими дядями отправиться къ губернатору. Покуда дяди мои одѣвались, Волковъ, отъ нечего дѣлать, зашелъ въ столярную къ Михею, и началъ, по обыкновенію, дразнить его и мѣшать работать. Михей былъ особенно не въ духѣ; сначала онъ довольствовался бранными словами, но, выведенный изъ терпѣнія, схватилъ деревянный молотокъ и такъ ловко ударилъ имъ Волкова по лбу, что у него въ одну минуту вскочила огромная шишка и одинъ глазъ запухъ. Ѣхать на балъ было невозможно. Дяди мои хохотали, а бѣдный Волковъ плакалъ отъ боли и досады, что не могъ попасть къ губернатору, гдѣ ему очень хотѣлось потанцовать. Разумѣется, всѣ узнали это происшествіе и долго не могли безъ смѣха смотрѣть на Волкова, который принужденъ былъ нѣсколько дней просидѣть дома и даже не ѣздилъ къ намъ: на цѣлый мѣсяцъ я былъ избавленъ отъ несноснаго дразненья.

Еще прежде я слышалъ мелькомъ, что мой отецъ покупаетъ какую-то башкирскую землю; въ настоящее же время эта покупка совершилась законнымъ порядкомъ. Превосходная земля, слишкомъ семь тысячъ десятинъ, въ тридцати верстахъ отъ Уфы, по рѣкѣ Бѣлой, со множествомъ озеръ, изъ которыхъ одно было длиною около трехъ верстъ, была куплена за небольшую цѣну. Отецъ мой съ жаромъ и подробно разсказалъ мнѣ, сколько тамъ водится птицы и рыбы, сколько родится всякихъ ягодъ, сколько озеръ, какіе чудесные растутъ лѣса. Разсказы его привели меня въ восхищеніе и

такъ разгорячили мое воображеніе, что я даже по ночамъ бредилъ новою прекрасною землею. Въ добавокъ ко всему, въ судебномъ актѣ ей дали имя «Сергѣевской пустоши», а деревушку, которую хотѣли немедленно поселить тамъ въ слѣдующую весну, заранѣе назвали «Сергѣевкой». Это мнѣ понравилось. Чувство собственности, исключительной принадлежности чего бы то ни было, хотя не вполнѣ, но очень понимается дитятей и составляетъ для него особенное удовольствіе (по крайней мѣрѣ такъ было со мной); а потому и я, будучи вовсе не скупымъ мальчикомъ, очень дорожилъ тѣмъ, что Сергѣевка—*моя:* безъ этого притяжательнаго мѣстоименія я никогда не называлъ ея. Туда весною собиралась моя мать, чтобы пить кумысъ, предписанный ей Деобольтомъ. Я считалъ дни и часы въ ожиданіи этого счастливаго событія и безъ устали говорилъ о Сергѣевкѣ со всѣми гостями, съ отцомъ и матерью, съ сестрицей и съ новою нянькой ея, Парашей. Я забылъ сказать, что Агаѳья уже была давно отставлена. Вмѣсто Параши мать взяла къ себѣ для услугъ горбушку Катерину, *княжну;* такъ всегда ее называли безъ всякой причины, вѣроятно въ шутку. Это была калмычка, купленная нѣкогда моимъ покойнымъ дѣдушкой Зубинымъ и послѣ его смерти отпущенная на волю. Мать держала ее у себя въ дѣвичьей, одѣвала и кормила такъ, изъ сожалѣнія; но теперь, приставивъ свою горничную ходить за сестрицей, она попробовала взять къ себѣ княжну и сначала была ею довольна; но впослѣдствіи не было никакой возможности ужиться съ калмычкой: лукавая азіатская природа, льстивая и злая, скучливая и непостоянная, скоро до того надоѣла матери, что она отослала горбушку опять въ дѣвичью и запретила намъ говорить съ нею, потому что точно разговоры съ нею могли быть вредны для дѣтей. Катерина имѣла привычку хвалить въ глаза и осыпать самыми униженными ласками всѣхъ господъ, и большихъ и маленькихъ, а за глаза говорила совсѣмъ другое; моему отцу и матери она жаловалась и ябедничала на всѣхъ нашихъ слугъ, а съ ними очень не хорошо говорила про моего отца и мать и чуть было не поссорила ее съ Парашей. Даже намъ съ сестрицей мимоходомъ хотѣла внушить недобрыя мысли. Я не скрывалъ отъ матери ничего мною слышаннаго, даже ни одной собственной моей мысли, разумѣется, все ей разсказалъ, и она

поспѣшила удалить отъ насъ это вредное существо. Впрочемъ горбушка, подъ именемъ княжны, прожила въ нашемъ домѣ до глубокой старости.

Когда забылась шишка на лбу, произведенная молоткомъ Михея, Волковъ и мои дяди опять принялись мучить и дразнить меня. На этотъ разъ моя любезная Сергѣевка послужила къ тому весьма дѣйствительнымъ средствомъ. Сначала Волковъ приставалъ, чтобы я подарилъ ему Сергѣевку, потомъ принимался торговать ее у моего отца; разумѣется, я сердился и говорилъ разныя глупости; наконецъ, повторили прежнее средство, еще съ бо̀льшимъ успѣхомъ: вмѣсто указа о солдатствѣ, сочинили и написали свадебный договоръ, или рядную, въ которой было сказано, что мой отецъ и мать, съ моего согласія, потому что Сергѣевка считалась моею собственностью, отдаютъ ее въ приданое за моей сестрицей въ вѣчное владѣніе П. Н. Волкову. Бумага была подписана моимъ отцомъ и матерью, то-есть подписались подъ ихъ руки; вмѣсто же меня, за неумѣньемъ грамотѣ, росписался дядя мой Сергѣй Николаичъ. Бѣдный мальчикъ былъ совершенно сбитъ съ толку! Не вѣря согласію моего отца и матери, слишкомъ хорошо зная свое несогласіе, въ то же время я вполнѣ повѣрилъ, что эта бумага, которую дядя называлъ купчею крѣпостью, лишаетъ меня и сестры и Сергѣевки; кромѣ мучительной скорби о такихъ великихъ потеряхъ, я былъ раздраженъ и уязвленъ до глубины сердца такимъ наглымъ обманомъ. Бѣшенство мое превзошло всякія границы и помрачило мой разсудокъ. Я осыпалъ дядю всѣми бранными словами, какія только зналъ; назвалъ его подъячимъ, приказнымъ крючкомъ и мошенникомъ, а Волкова, какъ главнаго виновника и преступника, хотѣлъ непремѣнно застрѣлить, какъ только достану ружье, или затравить Суркой (дворовой собаченкой, извѣстной читателямъ); а чтобы не откладывать своего мщенія надолго, я выбѣжалъ, какъ изступленный, изъ комнаты, бросился въ столярную, схватилъ деревянный молотокъ, бѣго̀мъ воротился въ гостиную и, подошедъ поближе, пустилъ молоткомъ прямо въ Волкова... Вотъ до чего можно довести добраго и тихаго мальчика такими неразумными шутками! По счастію, ударъ былъ незначителенъ; но со мною поступили строго. Наказаніе, о которомъ прежде я только слыхалъ, было исполнено надо мною: меня одѣли въ какое-то

сѣрое, толстое суконное платье и поставили въ уголъ въ совершенно пустой комнатѣ, подъ присмотромъ Ефрема Евсеича. Боже мой, какъ плакала и рыдала моя милая сестрица, бывшая свидѣтельницею происшествія! Дѣло происходило поутру; до самаго обѣда я рвался и плакалъ; напрасно Евсеичъ убѣждалъ меня, что нехорошо такъ гнѣваться, такъ бранить дяденьку и драться съ Петромъ Николаичемъ, что они со мной только пошутили, что маленькія дѣвочки замужъ не выходятъ, и что какъ же можно отнять насильно у насъ Сергѣевку? Напрасно уговаривалъ онъ меня повиниться и попросить прощенья, — я былъ глухъ къ его словамъ. Я наконецъ перестал плакать, но ожесточился духомъ и говорилъ, что я не виноватъ; что если они сдѣлали это нарочно, то все равно, и что ихъ надобно за то наказать, разжаловать въ солдаты и послать не войну, и что они должны просить у меня прощенья. Мать, которая страдала больше меня, безпрестанно подходила къ дверямъ, чтобы слышать, что̀ я говорю, и смотрѣть на меня въ дверную щель; она имѣла твердость не входить ко мнѣ до обѣда. Наконецъ она пришла, осталась со мной наединѣ и употребила всѣ усилія, чтобъ убѣдить меня въ моей винѣ. Долго говорила она; ея слова, нѣжныя и грозныя, ласковыя и строгія и всегда убѣдительныя, ея слезы о моемъ упрямствѣ — поколебали меня: я признавалъ себя виноватымъ передъ маменькой и даже дяденькой, котораго очень любилъ, особенно за рисованье; но никакъ не соглашался, что я виноватъ передъ Волковымъ; я готовъ былъ просить прощенье у всѣхъ, кромѣ Волкова. Мать не хотѣла сдѣлать никакой уступки, скрѣпила свое сердце, и, сказавъ, что я останусь безъ обѣда, что я останусь въ углу до тѣхъ поръ, покуда не почувствую вины своей и отъ искренняго сердца не попрошу Волкова простить меня, ушла обѣдать, потому что гости ее ожидали.— Тогда я ничего не понималъ, и только впослѣдствіи почувствовалъ, какихъ терзаній стоила эта твердость материнскому сердцу; но душевная польза своего милаго дитяти, можетъ-быть иногда невѣрно понимаемая, всегда была для нея выше собственныхъ страданій, въ настоящее время очень опасныхъ для ея здоровья.—Евсеичу было приказано сидѣть въ другой комнатѣ. Я остался одинъ. Тутъ-то наработало мое воображеніе! Я представлялъ себя какимъ-то героемъ,

мученикомъ, о которыхъ я читалъ и слыхалъ, страдающимъ за истину, за правду. Я уже видѣлъ свое торжество: вотъ растворяются двери, входятъ отецъ и мать, дядя, гости; начинаютъ хвалить меня за мою твердость, признаютъ себя виноватыми, говорятъ, что хотѣли испытать меня, одѣваютъ въ новое платье и ведутъ обѣдать... Дверь не отворялась, никто не входилъ, только Евсеичъ начиналъ всхрапывать, сидя въ другой комнатѣ; фантазіи мои разлетались какъ дымъ, а я начиналъ чувствовать усталость, голодъ и головную боль. Но воображеніе мое снова начинало работать, и я представлялъ себя выгнаннымъ за мое упрямство изъ дому, бродящимъ ночью по улицамъ: никто не пускаетъ меня къ себѣ въ домъ; на меня нападаютъ злыя, бѣшеныя собаки, которыхъ я очень боялся, и начинаютъ меня кусать; вдругъ является Волковъ, спасаетъ меня отъ смерти и приводитъ къ отцу и матери; я прощаю Волкова и чувствую какое-то удовольствіе. Множество тому подобныхъ картинъ роилось въ моей головѣ; но вездѣ я былъ первымъ лицомъ, торжествующимъ или погибающимъ героемъ. Слòва: герой, конечно, я тогда не зналъ, но заманчивый его смыслъ ясно выражался въ моихъ дѣтскихъ фантазіяхъ. Волненіе, слезы, продолжительное стояніе на ногахъ утомили меня. Конечно, я могъ бы сѣсть на полъ,—въ комнатѣ никого не было; но мнѣ приказано, чтобъ я стоялъ въ углу, и я ни за что не хотѣлъ сѣсть, не смотря на усталость. Часа черезъ два послѣ обѣда приходилъ ко мнѣ нашъ добрый другъ, докторъ Андрей Юрьичъ (Авенаріусъ). Онъ также уговаривалъ меня попросить прощенья у Волкова, — я не согласился. Онъ предложилъ мнѣ съѣсть тарелку супу — я отказался, говоря, что «если маменька прикажетъ, то я буду ѣсть, а самъ я кушать не хочу». Вскорѣ послѣ Авенаріуса пришла мать; я видѣлъ, что она очень встревожена; она приказала мнѣ ѣсть, и я съ покорностью исполнилъ приказаніе, хотя пища была мнѣ противна. Мать спросила меня: «Ты не чувствуешь своей вины передъ Петромъ Николаичемъ, не раскаяваешься въ своемъ поступкѣ, не хочешь просить у него прощенья?» Я отвѣчалъ, что я передъ Петромъ Николаичемъ не виноватъ, а если маменька прикажетъ, то прощенія просить буду.— «Ты упрямишься, сказала мать. Когда ты одумаешься, то пришли за мной Евсеича: тогда и я прощу тебя». Евсеичъ

подалъ свѣчку и поставилъ ее на окошко. Мать ушла, приказавъ ему остаться со мной, сѣсть у дверей и ничего не говорить. Послѣ пищи я вдругъ почувствовалъ себя нездоровымъ: голова разболѣлась и мнѣ стало жарко. Дремота начала овладѣвать мною, колѣнки постепенно сгибались, наконецъ усталость одолѣла меня, я самъ не помню, какъ сползли мои ноги, я присѣлъ въ углу и крѣпко заснулъ. Послѣ разсказали мнѣ, что Евсеичъ и самъ задремалъ, что когда пришелъ отецъ, то нашелъ насъ обоихъ спящими. Я проснулся уже тогда, когда Авенаріусъ щупалъ мою голову и пульсъ; онъ приказалъ отнести меня въ дѣтскую и положить въ постель; у меня сдѣлался сильный жаръ и даже бредъ. Проснувшись, или, лучше сказать, очувствовавшись, на другой день поутру, очень нерано, въ слабости и все еще въ жару, я не вдругъ понялъ, что̀ около меня происходило. Наконецъ все стало мнѣ ясно: я захворалъ отъ волненія и усталости; моя болѣзнь всѣхъ перепугала, а мать привела въ отчаяніе. Дѣйствительно, сбылись мои мечты, хотя отъ другихъ причинъ. Всѣ почувствовали свои вины: дядя Сергѣй Николаичъ сидѣлъ возлѣ меня и плакалъ; Волковъ стоялъ за дверью, тоже почти плакалъ и не смѣлъ войдти, чтобы не раздражить больнаго; отецъ очень грустно смотрѣлъ на меня, а мать—довольно было взглянуть на ея лицо, чтобъ понять, какую ночь она провела! Вошелъ Авенаріусъ и всѣхъ отъ меня выгналъ, приказавъ на нѣкоторое время оставить меня въ совершенномъ покоѣ. — Я выздоровѣлъ не вдругъ. Дня черезъ два, когда я не лежалъ уже въ постели, я сидѣлъ за столикомъ и во что-то игралъ съ милой сестрицей, которая не знала, какъ высказать свою радость, что братецъ выздоравливаетъ,—вдругъ я почувствовалъ сильное желаніе увидѣть своихъ гонителей, выпросить у нихъ прощенье и такъ примириться съ ними, чтобы никто на меня не сердился. Я сейчасъ вызвалъ изъ спальной мать и сказалъ ей, чего мнѣ хочется. Мать обняла меня и заплакала отъ радости (какъ она мнѣ сказала), что у меня такое доброе сердце. Волковъ былъ въ это время у дядей, и они всѣ трое ту же минуту пришли ко мнѣ. Я съ полной искренностью просилъ ихъ простить меня, особенно Волкова. Меня цѣловали и обѣщали никогда не дразнить. Мать улыбнулась и сказала очень твердо: «Да еслибъ вы и вздумали, то я уже никогда не

позволю. Я всѣхъ больше виновата и всѣхъ больше была наказана. Этого урока я никогда не забуду».

Совершенно выздоровѣвъ, я опять сдѣлался веселъ и рѣзовъ. Я скоро забылъ печальную исторію; но не могъ забыть, что меня назвали неумѣющимъ грамотѣ, и потому расписались за меня въ извѣстной бумагѣ, то-есть мнимой «рядной» или купчей. Я тогда возражалъ, что это неправда, что я умѣю хорошо читать, а только писать не умѣю; но теперь я захотѣлъ поправить этотъ недостатокъ и упросилъ отца и мать, чтобы меня начинали учить писать. Дядя Сергѣй Николаичъ вызвался удовлетворить моему желанію. Онъ началъ меня учить чистописанію или каллиграфіи, какъ онъ называлъ, и заставилъ выписывать «палочки», чѣмъ я былъ очень недоволенъ, потому что мнѣ хотѣлось прямо писать буквы; но дядя утверждалъ, что я никогда не буду имѣть хорошаго почерка, если не стану правильно учиться чистописанію, что напередъ надобно пройдти всю каллиграфическую школу, а потомъ приняться за прописи. Дѣлать нечего, я долженъ былъ повиноваться, но между тѣмъ потихоньку я выучился писать всю азбуку, срисовывая слова съ печатныхъ книгъ. Чистописаніе затянулось; срокъ отпуска моихъ дядей кончался, и они уѣхали въ полкъ, съ твердымъ однако намѣреніемъ выйдти немедленно въ отставку, потому что жизнь въ Уфѣ очень имъ понравилась. Уѣзжая, дядя Сергѣй Николаичъ, который былъ отличный каллиграфъ, уговорилъ моего отца, особенно желавшаго, чтобъ я имѣлъ хорошій почеркъ, взять мнѣ учителя изъ народнаго училища. Учителя звали Матвѣй Васильичъ (фамиліи его я никогда не слыхивалъ); это былъ человѣкъ очень тихій и добрый; онъ писалъ прописи не хуже печатныхъ и принялся учить меня точно такъ же, какъ училъ дядя. Не видя конца палочкамъ съ усами и безъ усовъ, кривымъ чертамъ и оникамъ, я скучалъ и лѣнился, а потому, чтобы мнѣ было охотнѣе заниматься, посадили Андрюшу писать вмѣстѣ со мной. Андрюша началъ учиться чистописанію гораздо прежде меня у того же Матвѣя Васильевича въ народномъ училищѣ. Это средство нѣсколько помогло: мнѣ стыдно стало, что Андрюша пишетъ лучше меня, а какъ успѣхи его были весьма незначительны, то я постарался догнать его, и въ самомъ дѣлѣ догналъ довольно скоро. Учитель нашъ имѣлъ обыкновеніе, по

окончаніи урока, продолжавшагося два часа, подписывать на нашихъ тетрадкахъ какое-нибудь изъ слѣдующихъ словъ: «посредственно, не худо, изрядно, хорошо, похвально». Скоро сталъ я замѣчать, что Матвѣй Васильичъ поступаетъ несправедливо и что если мы съ Андрюшей оба писали неудачно, то мнѣ онъ ставилъ «не худо», а ему «посредственно», а если мы писали оба удовлетворительно, то у меня стояло «очень хорошо» или «похвально», а у Андрюши «хорошо»; въ тѣхъ же случаяхъ, впрочемъ довольно рѣдкихъ, когда товарищъ мой писалъ лучше меня, — у насъ стояли одинаковыя одобрительныя слова. Замѣтивъ это, я сталъ разсуждать: отчего такъ поступаетъ нашъ добрый учитель? «Вѣрно онъ меня больше любитъ, подумалъ я, и конечно за то, что у меня оба глаза здоровы, а у бѣднаго Андрюши одинъ глазъ выпятился отъ бѣльма и похожъ на какую-то бѣлую пуговицу». Въ этой мысли вскорѣ убѣдило меня то, что Матвѣй Васильичъ былъ со мною ласковѣе, чѣмъ съ моимъ товарищемъ, чего я прежде не замѣчалъ. Всѣ мои наблюденія и разсужденія я не замедлилъ сообщить матери и отцу. Они какъ-то переглянулись и улыбнулись, и мнѣ ничего не сказали. Но въ подписяхъ Матвѣя Васильича вскорѣ произошла перемѣна; на тетрадкахъ нашихъ съ Андрюшей появились одни и тѣ же слова, у обоихъ: или «не худо» или «изрядно» или «хорошо», и я понялъ, что отецъ мой вѣрно что-нибудь говорилъ нашему учителю, но обращался Матвѣй Васильичъ всегда лучше со мной, чѣмъ съ Адрюшей.

Я и теперь не могу понять, какія причины заставили мою мать послать меня одинъ разъ въ народное училище, вмѣстѣ съ Андрюшей. Вѣроятно это былъ чей-нибудь совѣтъ, и всего скорѣе М. Д. Княжевича; но, кажется, его дѣти въ училище не ходили. Какъ ни была умна моя мать, но, по ея недостаточному образованію, не могла ей войдти въ голову, дикая тогда, мысль спосылать сына въ народное училище,— мысль, которая теперь могла бы быть для всѣхъ понятною и служить объясненіемъ такого поступка. Какъ бы то ни было, только въ одинъ, очень памятный для меня, день отвезли насъ съ Андрюшей въ саняхъ, подъ надзоромъ Евсеича, въ народное училище, находившееся на другомъ краю города и помѣщавшееся въ небольшомъ деревянномъ домишкѣ. Евсеичъ отдалъ насъ съ рукъ на руки Матвѣю Васильичу, ко-

торый взялъ меня за руку и ввелъ въ большую неопрятную комнату, изъ которой несся шумъ и крикъ, мгновенно утихнувшій при нашемъ появленіи,—комнату, всю установленную рядами столовъ со скамейками, какихъ я никогда не видывалъ; передъ первымъ столомъ стояла, утвержденная на какихъ-то подставкахъ, большая черная четвероугольная доска; у доски стоялъ мальчикъ съ обвостреннымъ мѣломъ въ одной рукѣ и съ грязною тряпицей въ другой. Половина скамеекъ была занята мальчиками разныхъ возрастовъ; передъ ними лежали на столахъ тетрадки, книжки и аспидныя доски; ученики были пребольшіе, превысокіе и очень маленькіе, многіе въ однѣхъ рубашкахъ, а многіе одѣты какъ нищіе. Матвѣй Васильичъ подвелъ меня къ первому столу, велѣлъ ученикамъ потѣсниться и посадилъ съ края, а самъ сѣлъ на стулъ передъ небольшимъ столикомъ, недалеко отъ черной доски; все это было для меня совершенно новымъ зрѣлищемъ, на которое я смотрѣлъ съ жаднымъ любопытствомъ. При входѣ въ классъ Андрюша пропалъ. Вдругъ Матвѣй Васильичъ заговорилъ такимъ сердитымъ голосомъ, какого у него никогда не бывало, и съ какимъ-то напѣвомъ: «Не знаешь?— на колѣни!» и мальчикъ, стоявшій у доски, очень спокойно положилъ на столъ мѣлъ и грязную тряпицу и сталъ на колѣни позади доски, гдѣ уже стояло трое мальчиковъ, которыхъ я сначала не замѣтилъ и которые были очень веселы; когда учитель оборачивался къ нимъ спиной, они начинали возиться и драться. Классъ былъ ариѳметическій. Учитель продолжалъ громко вызывать учениковъ по списку, одного за другимъ; это была въ то же время перекличка: оказалось, что половины учениковъ не было въ классѣ. Матвѣй Васильичъ отмѣчалъ въ спискѣ, кого нѣтъ, приговаривая иногда: «Въ третій разъ нѣтъ, въ четвертый нѣтъ—такъ розги!» Я оцѣпенѣлъ отъ страха. Вызываемые мальчики подходили къ доскѣ и должны были писать мѣломъ требуемыя цифры и считать ихъ какъ-то отъ правой руки къ лѣвой, повторяя: «единицы, десятки, сотни». При этомъ счетѣ многіе сбивались, и мнѣ самому казался онъ непонятнымъ и мудренымъ, хотя я давно уже выучился самоучкой писать цифры. Нѣкоторые ученики оказались знающими; учитель хвалилъ ихъ; но и самыя похвалы сопровождались бранными словами, по большей части неизвѣстными

мнѣ. Иногда бранное слово возбуждало общій смѣхъ, который вдругъ вырывался и вдругъ утихалъ. Перекликавъ всѣхъ по списку и испытавъ въ степени знанія, Матвѣй Васильичъ задалъ урокъ на слѣдующій разъ: дѣло шло тоже о цифрахъ, объ ихъ мѣстахъ и о значеніи нуля. Я ничего не понялъ, сколько потому, что вовсе не зналъ, о чемъ шло дѣло, столько и потому, что сидѣлъ, какъ говорится, ни живъ, ни мертвъ, пораженный всѣмъ, мною видѣннымъ. Задавъ урокъ, Матвѣй Васильичъ позвалъ сторожей; пришли трое, вооруженные пучками прутьевъ, и принялись сѣчь мальчиковъ, стоявшихъ на колѣняхъ. При самомъ началѣ этого страшнаго и отвратительнаго для меня зрѣлища, я зажмурился и заткнулъ пальцами уши. Первымъ моимъ движеніемъ было убѣжать, но я дрожалъ всѣмъ тѣломъ и не смѣлъ пошевелиться. Когда утихли крики и звѣрскія восклицанія учителя, долетавшія до моего слуха, не смотря на заткнутые пальцами уши, я открылъ глаза и увидѣлъ живую и шумную около меня суматоху; забирая свои вещи, всѣ мальчики выбѣгали изъ класса, и вмѣстѣ съ ними наказанные, такъ же веселые и рѣзвые, какъ и другіе. Матвѣй Васильичъ подошелъ ко мнѣ съ обыкновеннымъ ласковымъ видомъ, взялъ меня за руку и прежнимъ тихимъ голосомъ просилъ «засвидѣтельствовать его нижайшее почтеніе батюшкѣ и матушкѣ». Онъ вывелъ меня изъ опустѣвшаго класса и отдалъ Евсеичу, который проворно укуталъ меня въ шубу и посадилъ въ сани, гдѣ уже сидѣлъ Андрюша. «Что, понравилось ли вамъ училище?» спросилъ онъ, заглядывая мнѣ въ лицо, и, не получая отъ меня отвѣта, прибавилъ: «никакъ напугались? У насъ это всякій день». Пріѣхавъ домой, я ужасно встревожилъ свою мать, сначала безмолвнымъ волненіемъ и слезами, а потомъ изступленнымъ гнѣвомъ на злодѣйскіе поступки Матвѣя Васильича. Мать ничего не знала о томъ, что́ обыкновенно происходитъ въ народныхъ училищахъ, и конечно ни за что на свѣтѣ не подвергла бы моего сердца такому жестокому потрясенію. Успокоить и утѣшить меня сначала не было никакой возможности; въ эту минуту даже власть матери была безсильна надо мной. Наконецъ, разсказавъ все, до малѣйшей подробности, мною видѣнное и слышанное, изливъ мое негодованіе въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, какія только зналъ изъ книгъ и разговоровъ, и осудивъ Мат-

вѣя Васильича на всѣ извѣстныя мнѣ казни, я поутихъ и получилъ способность слушать и понимать разумныя рѣчи моей матери. Долго она говорила со мной, и для моего успокоенія должна была коснуться многаго, еще мнѣ неизвѣстнаго и не вполнѣ мною тогда понятаго. Трудно было примириться дѣтскому уму и чувству съ мыслью, что видѣнное мною зрѣлище не было исключительнымъ злодѣйствомъ, разбоемъ на большой дорогѣ, за которое слѣдовало бы казнить Матвѣя Васильича, какъ преступника, что такіе поступки не только дозволяются, но требуются отъ него, какъ исполненіе его должности; что самые родители высѣченныхъ мальчиковъ благодарятъ учителя за строгость, а мальчики будутъ благодарить современемъ; что Матвѣй Васильичъ могъ браниться звѣрскимъ голосомъ, сѣчь своихъ учениковъ и оставаться въ то же время честнымъ, добрымъ и тихимъ человѣкомъ. Слишкомъ рано получилъ я это раздирающее впечатлѣніе и этотъ страшный урокъ! онъ возмутилъ ясную тишину моей души. Я долго не могъ успокоиться, а отъ Матвѣя Васильича получилъ такое непреодолимое отвращеніе, что черезъ мѣсяцъ должны были ему отказать.—Чистописаніе продолжалъ я одинъ, а иногда вмѣстѣ съ Андрюшей. Учителя другаго въ городѣ не было, а потому мать и отецъ сами исправляли его должность; всего больше они смотрѣли за тѣмъ, чтобъ я писалъ какъ можно похожѣе на прописи. Матери моей какъ-то не совсѣмъ нравилось товарищество Андрюши, и онъ начиналъ рѣже ходить ко мнѣ. Итакъ, все мое дѣтское общество, кромѣ пріѣзжавшихъ иногда маленькихъ гостей Княжевичей и Мансуровыхъ, съ которыми мы очень много играли и рѣзвились, — ограничивалось обществомъ моей милой сестрицы, которая, становясь умнѣе съ каждымъ днемъ, могла уже болѣе раздѣлять всѣ мои наклонности, впечатлѣнія и забавы.

Здоровье матери было лучше прежняго, но не совсѣмъ хорошо; а потому, чтобы намъ можно было воспользоваться лѣтнимъ временемъ, въ Сергѣевкѣ дѣлались приготовленія къ нашему переѣзду: купили нѣсколько избъ и амбаровъ; въ продолженіе Великаго поста перевезли и поставили ихъ на новомъ мѣстѣ, которое выбирать ѣздилъ отецъ мой самъ; сколько я ни просился, чтобъ онъ взялъ меня съ собою, мать не отпустила. Сергѣевка исключительно овладѣла моимъ во-

браженіемъ, которое отецъ ежедневно воспламенялъ своими разсказами. Дорога въ Багрово, природа, со всѣми чудными ея красотами, не были забыты мной, а только нѣсколько подавлены новостью другихъ впечатлѣній: жизнью въ Багровѣ и жизнью въ Уфѣ; но съ наступленіемъ весны проснулась во мнѣ горячая любовь къ природѣ; мнѣ такъ захотѣлось увидѣть зеленые луга и лѣса, вòды и горы, такъ захотѣлось побѣгать съ Суркой по полямъ, такъ захотѣлось закинуть удочку, что все окружающее потеряло для меня свою занимательность, и я каждый день просыпался и засыпалъ съ мыслью о Сергѣевкѣ. Святая недѣля прошла для меня незамѣтно. Я, конечно, не могъ понимать ея высокаго значенія, но я мало обратилъ вниманія даже на то, что̀ понятно для дѣтей: радостныя лица, праздничныя платья, колокольный звонъ, безпрестанный пріѣздъ гостей, красныя яйца и проч. и проч. Приходская церковь наша стояла на возвышеніи, и снѣгъ около нея давно уже обтаялъ. Великимъ моимъ удовольствіемъ было смотрѣть, какъ бѣгутъ по косогору мутные и шумные потоки весенней воды мимо нашего высокаго крыльца, а еще бòльшимъ наслажденіемъ, которое мнѣ не часто дозволялось, — прочищать палочкой весенніе ручейки. Съ крыльца нашего была видна рѣка Бѣлая, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда она вскроется. На всѣ мои вопросы отцу и Евсеичу: «когда же мы поѣдемъ въ Сергѣевку?» обыкновенно отвѣчали: «а вотъ какъ рѣка пройдетъ».

И наконецъ пришелъ этотъ желанный день и часъ! Торопливо заглянулъ Евсеичъ въ мою дѣтскую и тревожно-радостнымъ голосомъ сказалъ: «Бѣлая тронулась!» Мать позволила, и въ одну минуту, тепло одѣтый, я уже стоялъ на крыльцѣ и жадно слѣдилъ глазами, какъ шла между неподвижныхъ береговъ огромная полоса синяго, темнаго, а иногда и желтаго льда. Далеко уже уплыла поперечная дорога, и какая-то несчастная черная корова бѣгала по ней, какъ безумная, отъ одного берега до другаго. Стоявшія около меня женщины и дѣвушки сопровождали жалобными восклицаніями каждое неудачное движеніе бѣгающаго животнаго, котораго ревъ долеталъ до ушей моихъ, и мнѣ стало очень его жалко. Рѣка на поворотѣ загибалась за крутой утесъ,— и скрылись за нимъ дорога и бѣгающая по ней черная корова. Вдругъ двѣ собаки показались на льду; но ихъ суетли-

вые прыжки возбудили не жалость, а смѣхъ въ окружающихъ меня людяхъ, ибо всѣ были увѣрены, что собаки не утонутъ, а перепрыгнутъ или переплывутъ на берегъ. Я охотно этому вѣрилъ и, позабывъ бѣдную корову, самъ смѣялся вмѣстѣ съ другими. Собаки не замедлили оправдать общее ожиданіе и скоро перебрались на берегъ. Ледъ все еще шелъ крѣпкою, сплошною, неразрывною, безконечною глыбою. Евсеичъ, опасаясь сильнаго и холоднаго вѣтра, сказалъ мнѣ: «Пойдемъ, соколикъ, въ горницу; рѣка еще не скоро взломается, а ты прозябнешь. Лучше я тебѣ скажу, когда ледъ начнетъ трескаться». Я очень неохотно послушался; но за то мать была очень довольна и похвалила Евсеича и меня. Въ самомъ дѣлѣ, не ближе какъ черезъ часъ Евсеичъ пришелъ сказать мнѣ, что ледъ на рѣкѣ ломается. Мать опять отпустила меня на короткое время, и, одѣвшись еще теплѣе, я вышелъ и увидѣлъ новую, тоже невиданную мною картину: ледъ трескался, ломался на отдѣльныя глыбы; вода всплескивалась между ними; онѣ набѣгали одна на другую, бо̀льшая и крѣпкая затопляла слабѣйшую, а если встрѣчала сильный упоръ, то поднималась однимъ краемъ вверхъ, иногда долго плыла въ такомъ положеніи, иногда обѣ глыбы разрушались на мелкіе куски и съ трескомъ погружались въ воду. Глухой шумъ, похожій по временамъ на скрипъ или отдаленный стонъ, явственно долеталъ до нашихъ ушей. Полюбовавшись нѣсколько времени этимъ величественнымъ и страшнымъ зрѣлищемъ, я воротился къ матери и долго, съ жаромъ разсказывалъ ей все, что̀ видѣлъ. Пріѣхалъ отецъ изъ присутствія, и я принялся съ новымъ жаромъ описывать ему, какъ прошла Бѣлая, и разсказывалъ ему еще долѣе, еще горячѣе, чѣмъ матери, потому что онъ слушалъ меня какъ-то охотнѣе. Съ этого дня Бѣлая сдѣлалась постояннымъ предметомъ моихъ наблюденій. Рѣка начала выступать изъ береговъ и затоплять луговую сторону. Каждый день картина измѣнялась, и наконецъ разливъ воды, простиравшійся слишкомъ на восемь верстъ, слился съ облаками. Налѣво виднѣлась необозримая водяная поверхность, чистая и гладкая, какъ стекло, а прямо противъ нашего дома вся она была точно усѣяна иногда верхушками деревъ, а иногда до половины затопленными огромными дубами, вязами и осокорями, вышина которыхъ только тогда вполнѣ

обозначилась; они были похожи на маленькіе, какъ-будто плавающіе островки.—Долго не сбывала полая вода, и эта медленность раздражала мое нетерпѣніе. Напрасно мать увѣряла меня, что она не поѣдетъ въ Сергѣевку до тѣхъ поръ, покуда не выростетъ трава: я все думалъ, что намъ мѣшаетъ рѣка и что мы оттого не ѣдемъ, что она не вошла въ берега. Вотъ уже наступила теплая, даже жаркая погода. Бѣлая вошла въ межень, улеглася въ своихъ пескахъ; давно уже зеленѣли поля и зазеленѣла урема за рѣкою, — а мы все еще не ѣхали. Отецъ мой утверждалъ, что трудно проѣхать по тѣмъ мѣстамъ, которыя были залиты весеннею водою, что грязно, топко, и что въ долочкахъ или размыло дорогу, или нанесло на нее илу; но мнѣ всѣ такія препятствія казались совершенно не стоющими вниманія. Желаніе скорѣе переѣхать въ Сергѣевку сдѣлалось у меня болѣзненнымъ устремленіемъ всѣхъ помышленій и чувствъ къ одному предмету; я уже не могъ ничѣмъ заниматься, скучалъ и привередничалъ. Можно было придвидѣть и должно было принять дѣйствительныя мѣры, чтобъ укротить во мнѣ эту страстность, эту способность увлекаться до самозабвенья и впадать въ крайности. Впослѣдствіи я слышалъ сожалѣніе моей матери, что она мало обращала вниманія на эту сторону моего характера, великую помѣху въ жизни и причину многихъ ошибокъ.

Я думалъ, что мы уже никогда не поѣдемъ, какъ вдругъ,—о счастливый день!—мать сказала мнѣ, что мы ѣдемъ завтра. Я чуть не сошелъ съ ума отъ радости. Милая моя сестрица раздѣляла ее со мной, радуясь, кажется, болѣе моей радости. Плохо я спалъ ночь. Никто еще не вставалъ, когда я уже былъ готовъ совсѣмъ. Но вотъ проснулись въ домѣ, начался шумъ, бѣготня, укладыванье, заложили лошадей, подали карету, и наконецъ, часовъ въ 10 утра, мы спустились на перевозъ черезъ рѣку Бѣлую. Вдобавокъ ко всему, Сурка былъ съ нами.

Сергѣевка.

Сергѣевка занимаетъ одно изъ самыхъ свѣтлыхъ мѣстъ въ самыхъ раннихъ воспоминаніяхъ моего дѣтства. Я чувствовалъ тогда природу уже сильнѣе, чѣмъ во время поѣздки въ Багрово; но далеко еще не такъ сильно, какъ почувствовалъ ее черезъ нѣсколько лѣтъ. Въ Сергѣевкѣ я только радовался спокойною радостью, безъ волненія, безъ замиранія сердца. Все время, проведенное мною въ Сергѣевкѣ въ этомъ году, представляется мнѣ веселымъ праздникомъ.

Мы, такъ же какъ и прошлаго года, переправились черезъ Бѣлую въ косной лодкѣ. Такіе же камешки и пески встрѣтили меня на другомъ берегу рѣки; но я уже мало обратилъ на нихъ вниманія, — у меня впереди рисовалась Сергѣевка, моя Сергѣевка, съ ея озеромъ, рѣкою Бѣлою и лѣсами. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ переправы нашей кареты и повозки, съ нетерпѣніемъ смотрѣлъ, какъ выгружались, какъ закладывали лошадей, и очень скучалъ бѣлыми сыпучими песками, по которымъ надобно было тащиться болѣе версты. Наконецъ, мы въѣхали въ урему, въ зеленую цвѣтущую и душистую урему. Веселое пѣніе птичекъ неслось со всѣхъ сторонъ, но всѣ голоса покрывались свистами, раскатами и щелканьемъ соловьевъ. Около деревьевъ въ цвѣту вились и жужжали цѣлые рои пчелъ, осъ и шмелей. Боже мой, какъ было весело! Слѣды недавно сбывшей воды вездѣ были примѣтны: сухіе прутья, солома, облѣпленная иломъ и землей, уже высохшая отъ солнца, висѣли клочьями на зеленыхъ кустахъ; стволы огромныхъ деревьевъ, высоко отъ корней, были плотно какъ-будто обмазаны также высохшей

тиной и пескомъ, который свѣтился отъ солнечныхъ лучей. «Видишь, Сережа, какъ высоко стояла полая вода», говорилъ мнѣ отецъ, «смотри-ка, вонъ этотъ вязъ точно въ шапкѣ отъ разнаго наноса; видно онъ почти весь стоялъ подъ водою». Многое въ такомъ родѣ объяснялъ мнѣ отецъ, а я, въ свою очередь, объяснялъ моей милой сестрицѣ, хотя она тутъ же сидѣла и также слушала отца. Скоро и не одинъ разъ подтвердилась справедливость его опасеній; даже и теперь во многихъ мѣстахъ дорога была размыта, испорчена вешнею водою, а въ нѣкоторыхъ долочкахъ было такъ вязко отъ мокрой тины, что сильныя наши лошади съ трудомъ вытаскивали карету. Наконецъ, мы выбрались въ чистое поле, побѣжали шибкою рысью и часу въ третьемъ пріѣхали въ такъ-называемую Сергѣевку. Подъѣзжая къ ней, мы опять попали въ урему, то-есть въ поёмное мѣсто, поросшее рѣдкими кустами и деревьями, избитое множествомъ среднихъ и маленькихъ озеръ, уже обраставшихъ зелеными камышами: это была пойма той же рѣки Бѣлой, протекавшей въ верстѣ отъ Сергѣевки и заливавшей весною эту низменную полосу земли. Потомъ мы поднялись на довольно крутой пригорокъ, на ровной поверхности котораго стояло нѣсколько новыхъ и старыхъ недостроенныхъ избъ; налѣво виднѣлись длинная полоса воды, озеро Кiишки и противоположный берегъ, довольно возвышенный, а прямо противъ насъ лежала разбросанная большая татарская деревня, такъ-называемыхъ «Мещеряковъ». Направо зеленѣла и сверкала, какъ стеклами, своими озерами пойма рѣки Бѣлой, которую мы сейчасъ переѣхали поперекъ. Мы повернули нѣсколько вправо и въѣхали въ нашу усадьбу, обгороженную свѣжимъ зеленымъ плетнемъ. Усадьба состояла изъ двухъ избъ: новой и старой, соединенныхъ сѣнями; недалеко отъ нихъ находилась людская изба, еще не покрытая; остальную часть двора занимала длинная соломенная повѣть, вмѣсто сарая для кареты и вмѣсто конюшни для лошадей; вмѣсто крыльца къ нашимъ сѣнямъ положены были два камня, одинъ на другой; въ новой избѣ не было ни дверей, ни оконныхъ рамъ, а прорублены только отверстія для нихъ. Мать была не совсѣмъ довольна и выговаривала отцу, но мнѣ все нравилось гораздо болѣе, чѣмъ нашъ городской домъ въ Уфѣ. Отецъ увѣрялъ, что рамы привезутъ завтра и, безъ косяковъ, которые еще

не готовы; приколотятъ снаружи, а вмѣсто дверей покуда совѣтовалъ повѣсить коверъ. Стали раскладываться и устраиваться: стулья, кровати и столы были привезены заранѣе. Мы скоро сѣли обѣдать. Кушанье, приготовленное также заранѣе на таганѣ въ ямѣ, вырытой возлѣ забора, показалось намъ очень вкуснымъ. Въ этой ямѣ хотѣли сбить изъ глины лѣтнюю кухонную печь. Мать успокоилась, развеселилась и отпустила меня съ отцомъ на озеро, къ которому стремились всѣ мои мысли и желанія; Евсеичъ пошелъ съ нами, держа въ рукахъ приготовленныя удочки; мать смѣялась, глядя на насъ, и весело сказала: «оконъ и дверей нѣтъ, а удочки у васъ готовы». Я отъ радости ногъ подъ собой не слыхалъ: не шелъ, а бѣжалъ въ припрыжку, такъ что надо было меня держать за руки. Вотъ оно, наконецъ, мое давно желанное и жданное великолѣпное озеро, въ самомъ дѣлѣ великолѣпное! Озеро Кіишки тянулось разными изгибами, затонами и плёсами версты на три; ширина его была очень не ровная; иногда саженей семьдесятъ, а иногда полверсты. Противоположный берегъ представлялъ лѣсистую возвышенность, спускавшуюся къ водѣ пологимъ скатомъ; налѣво озеро оканчивалось очень близко узкимъ рукавомъ, посредствомъ котораго весною, въ полую воду, заливалась въ него рѣка Бѣлая; направо за изгибомъ не видно было конца озера, по котором у, въ полуверстѣ отъ нашей усадьбы, была поселена очень большая мещеряцкая деревня, о которой я уже говорилъ, называвшаяся по озеру также Кіишки. Разумѣется, Русскіе звали ее и озеро, и вновь поселенную русскую деревушку Сергѣевку просто «Кишки»—и къ озеру очень шло это названіе, вполнѣ обозначавшее его длинное, искривленное протяженіе. Чистая, прозрачная вода, мѣстами очень глубокое, бѣлое, песчаное дно, разнообразное чернолѣсье, отражавшееся въ водѣ, какъ въ зеркалѣ, и обросшее зелеными береговыми травами, все вмѣстѣ было такъ хорошо, что не только я, но и отецъ мой и Евсеичъ пришли въ восхищеніе. Особенно былъ красивъ и живописенъ нашъ берегъ, покрытый молодой травой и луговыми цвѣтами, то-есть часть берега, не заселенная и потому ничѣмъ незагаженная; по берегу росло десятка два дубовъ необыкновенной вышины и толщины. Когда мы подошли къ водѣ, то увидали новые широкіе мостки и привязанную къ нимъ новую лодку: по-

выя причины къ новому удовольствію. Отецъ мой позаботился объ этомъ заранѣе, потому что вода была мелка и безъ мостковъ удить было бы невозможно: да и для мытья бѣлья оказались они очень пригодны; лодка же назначалась для ловли рыбы сѣтями и неводомъ. Сзади мостковъ стоялъ огромнѣйшій дубъ въ нѣсколько обхватовъ толщиною; возлѣ него росъ нѣкогда другой дубъ, отъ котораго остался только довольно высокій пень, гораздо толще стоявшаго дуба; изъ любопытства мы взлѣзли на этотъ громадный пень всѣ трое, и, конечно, занимали только маленькій краешекъ. Отецъ мой говорилъ, что на немъ могли бы усѣсться человѣкъ двадцать. Онъ указалъ мнѣ зарубки на дубовомъ пнѣ и на растущемъ дубу и сказалъ, что Башкирцы, настоящіе владѣльцы земли, каждыя сто лѣтъ кладутъ такія замѣтки на большихъ дубахъ, въ чемъ многіе старики его увѣряли; такихъ зарубокъ на пнѣ было только двѣ, а на растущемъ дубу пять, а какъ пень былъ гораздо толще и слѣдовательно старѣе растущаго дуба, то и было очевидно, что остальныя зарубки находились на отрубленномъ стволѣ дерева. Отецъ прибавилъ, что онъ видѣлъ дубъ несравненно толще и что на немъ находилось двѣнадцать замѣтокъ, слѣдовательно ему было 1,200 лѣтъ. Не знаю, до какой степени были справедливы разсказы Башкирцевъ, но отецъ имъ вѣрилъ и они казались мнѣ тогда истиной, не подверженной сомнѣнію.

Озеро было полно всякой рыбы и очень крупной; въ половодье она заходила изъ рѣки Бѣлой, а когда вода начинала убывать, то Мещеряки перегораживали плетнемъ узкій и неглубокій протокъ, которымъ соединялось озеро съ рѣкою, и вся рыба оставалась до будущей весны въ озерѣ. Огромныя щуки и жерихи то и дѣло выскакивали изъ воды, гоняясь за мелкой рыбой, которая металась и плавилась безпрестанно. Мѣстами около береговъ и травъ рябила вода отъ рыбьихъ стай, которыя тѣснились на мель и даже выскакивали на береговую траву: мнѣ сказали, что это рыба мечетъ икру. Всего болѣе водилось въ озерѣ окуней и особенно лещей. Мы размотали удочки и принялись удить. Отецъ взялъ самую большую, съ крѣпкою лесой, насадилъ какого-то необыкновенно толстаго червяка и закинулъ какъ можно дальше: ему хотѣлось поймать крупную рыбу; мы же съ Евсеичемъ удили на среднія удочки и на маленькихъ на-

возныхъ червячковъ. Клёвъ начался ту же минуту; безпрестанно брали средніе окуни и подлещики, которыхъ я еще и не видывалъ. Я пришелъ въ такое волненіе, въ такой азартъ, какъ говорилъ Евсеичъ, что у меня дрожали руки и ноги, и я самъ не понималъ, что дѣлалъ. У насъ поднялась страшная возня отъ частаго вытаскиванія рыбы и закидыванія удочекъ, отъ моихъ восклицаній и Евсеичевыхъ наставленій и удерживанья моихъ дѣтскихъ порывовъ, а потому отецъ, сказавъ: «нѣтъ, здѣсь съ вами ничего не выудишь хорошаго», сѣлъ въ лодку, взялъ свою большую удочку, отъѣхалъ отъ насъ нѣсколько десятковъ саженей подальше, опустилъ на дно веревку съ камнемъ, привязанную къ лодкѣ, и сталъ удить. Множество и легкость добычи охладили однако горячность мою и моего дядьки, который, право, горячился не меньше меня. Онъ сталъ думать, какъ бы и намъ выудить рыбу покрупнѣе. «Давай, соколикъ, удить со дна, сказалъ онъ мнѣ, и станемъ насаживать червяковъ побольше; а я закину третью удочку на хлѣбъ». Я, разумѣется, охотно согласился; наплавки передвинули повыше, такъ что они уже не стояли, а лежали на водѣ, червяковъ насадили покрупнѣе, а Евсеичъ навздѣвалъ ихъ даже десятокъ на свой крючокъ; на третью же удочку насадилъ онъ кусокъ умятаго хлѣба, почти въ орѣхъ величиною. Рыба вдругъ перестала брать, и у насъ наступила совершенная тишина. Какъ нарочно, для подтвержденія словъ моего отца, что съ нами ничего хорошаго не выудишь, у него взяла какая-то большая рыба; онъ долго возился съ нею, и мы съ Евсеичемъ, стоя на мосткахъ, принимали живое участіе. Вдругъ отецъ закричалъ: «сорвалась!» и вытащилъ изъ воды пустую удочку; крючокъ однако остался цѣлъ. «Видно я не далъ хорошенько заглотать», съ досадой сказалъ онъ; снова насадилъ крючокъ и снова закинулъ удочку. Евсеичъ очень горевалъ. «Экой грѣхъ, говорилъ онъ; теперь ужъ другая не возьметъ. Ужъ первая сорвалась, такъ удачи не будетъ!» Я же, вовсе не видавшій рыбы, потому что отецъ не выводилъ ее на поверхность воды, не чувствовавшій ея тяжести, потому что не держалъ удилища въ рукахъ, не понимавшій, что по согнутому удилищу можно судить о величинѣ рыбы,—я не такъ близко къ сердцу принялъ эту потерю и говорилъ, что, можетъ-быть, это была маленькая

рыбка. Нѣсколько времени мы сидѣли въ совершенной тишинѣ, рыба не трогала. Мнѣ стало скучно и я попросилъ Евсеича переладить мою удочку по-прежнему; онъ исполнилъ мою просьбу; наплавокъ мой всталъ, и клёвъ начался немедленно; но свои удочки Евсеичъ не переправлялъ, и его наплавки спокойно лежали на водѣ. Я выудилъ уже болѣе двадцати рыбъ, изъ которыхъ двухъ не могъ вытащить безъ помощи Евсеича; правду сказать, онъ только и дѣлалъ, что снималъ рыбу съ моей удочки, сажалъ ее въ ведро съ водой, или насаживалъ червяковъ на мой крючокъ; своими удочками ему некогда было заниматься, а потому онъ и не замѣтилъ, что одного удилища уже не было на мосткахъ, и что какая-то рыба утащила его отъ насъ саженей на двадцать. Евсеичъ поднялъ такой крикъ, что испугалъ меня; Сурка, бывшій съ нами, началъ лаять. Евсеичъ сталъ просить и молить моего отца, чтобъ онъ поймалъ плавающее удилище. Отецъ поспѣшно исполнилъ его просьбу: поднялъ камень въ лодку и, гребя весломъ то направо, то налѣво, скоро догналъ Евсеичево удилище, вытащилъ очень большаго окуня, не отцѣпляя положилъ его въ лодку и привезъ къ намъ на мостки. Въ этомъ происшествіи я уже принималъ гораздо живѣйшее участіе; крики и тревога Евсеича привели меня въ волненіе; я прыгалъ отъ радости, когда мы перенесли окуня на берегъ, отцѣпили и посадили въ ведро. Вѣроятно рыба была испугана шумомъ и движеніемъ подъѣзжавшей лодки: клёвъ прекратился и мы долго сидѣли, напрасно ожидая новой добычи. Только къ вечеру, когда солнышко стало уже садиться, отецъ мой выудилъ огромнаго леща, котораго оставилъ у себя въ лодкѣ, чтобъ не распугать, какъ видно подходившую, рыбу; держа обѣими руками леща, онъ показалъ намъ его только издали. У меня начали опять брать подлещики, какъ вдругъ отецъ замѣтилъ, что отъ воды сталъ подыматься туманъ, закричалъ намъ, что мнѣ пора идти къ матери, и приказалъ Евсеичу отвести меня домой. Очень не хотѣлось мнѣ идти; но я уже столько натѣшился рыбною ловлею, что не смѣлъ попросить позволенія остаться, и помогая Евсеичу обѣими руками нести ведро, полное воды и рыбы, хотя въ помощи моей никакой надобности не было и я скорѣе мѣшалъ ему,—весело пошелъ къ ожидавшей меня матери. Покуда я удилъ, вытаскивая рыбу или наблюдая за

движеніемъ наплавка, или безпрестанно ожидая, что вотъ сейчасъ начнется клёвъ — я чувствовалъ только волненіе страха, надежды и какой-то охотничьей жадности; настоящее удовольствіе, полную радость я почувствовалъ только теперь, съ восторгомъ вспоминая всѣ подробности и пересказывая ихъ Евсеичу, который самъ былъ участникъ моей ловли, слѣдовательно зналъ все такъ же хорошо, какъ и я; но который, будучи истиннымъ охотникомъ, такъ же находилъ наслажденіе въ повтореніи и воспоминаніи всѣхъ случайностей охоты. Мы шли и оба кричали, перебивая другъ друга своими разсказами, даже останавливались иногда, ставили ведро на землю и доканчивали какое-нибудь горячее воспоминаніе: какъ тронуло наплавокъ, какъ его утащило, какъ упиралась или какъ сорвалась рыба; потомъ снова хватались за ведро и спѣшили домой. Мать, сидѣвшая на каменномъ крыльцѣ или, лучше сказать, на двухъ камняхъ, замѣнявшихъ крыльцо для входа въ наше новое, недостроенное жилище, издали услышала, что мы возвращаемся и дивилась, что насъ долго нѣтъ. «О чемъ это вы съ Евсеичемъ такъ громко разсуждали?» спросила она, когда мы подошли къ ней. Я снова принялся разсказывать, Евсеичъ тоже. Хотя я не одинъ уже разъ замѣчалъ, что мать неохотно слушаетъ мои горячія описанія рыбной ловли, — въ эту минуту я все забылъ. Въ подтвержденіе нашихъ разсказовъ, мы съ Евсеичемъ вынимали изъ ведра то ту, то другую рыбу, а какъ это было затруднительно, то наконецъ вытряхнули всю свою добычу на землю; но увы, никакого впечатлѣнія не произвела наша рыба на мою мать. Угомонившись отъ разсказовъ, я замѣтилъ, что передъ матерью былъ разведенъ небольшой огонь и курились двѣ-три головешки, дымъ отъ которыхъ прямо шелъ на нее. Я спросилъ, что это значитъ? Мать отвѣчала, что она не знала, куда дѣваться отъ комаровъ, и только тутъ, вглядѣвшись въ мое лицо, она вскрикнула: «посмотри-ка, что сдѣлали съ тобой комары! У тебя все лицо распухло и въ крови». Въ самомъ дѣлѣ, я былъ до того искусанъ комарами, что лицо, шея и руки у меня распухли. И всего этого я даже не замѣтилъ—такъ уже страстно полюбилъ я уженье. Что же касается до комаровъ, то я никогда и нигдѣ, во всю мою жизнь, не встрѣчалъ ихъ въ такомъ множествѣ, да еще въ соединеніи съ мушкарою, которая, по-

моему, еще несноснѣе, потому что забивается человѣку въ ротъ, носъ и глаза. Причиною множества комаровъ и мошкары было изобиліе стоячей воды и лѣса. Наконецъ комары буквально одолѣли насъ, и мы съ матерью ушли въ свою комнату безъ дверей и оконъ, а какъ она не представляла никакой защиты, то сѣли на кровать подъ рѣдинный пологъ, и хотя душно было сидѣть подъ нимъ, но за то спокойно. Пологъ единственное спасеніе отъ вечернихъ и ночныхъ нападеній комаровъ.—Отецъ воротился, когда уже стало темно; онъ поймалъ еще двухъ очень большихъ лещей и увѣрялъ, что клёвъ не прекращался и что онъ просидѣлъ бы всю ночь на лодкѣ, еслибъ не боялся встревожить насъ. «Боже мой, подумалъ я, когда я буду большой, чтобъ проводить цѣлыя ночи съ удочкой и Суркой на берегу рѣки или озера?..» потому что лодки я прибаивался.

На другой день поутру, хорошенько выспавшись подъ однимъ пологомъ съ милой моей сестрицей, мы встали бодры и веселы. Мать съ удовольствіемъ замѣтила, что слѣды вчерашнихъ уязвленій, нанесенныхъ мнѣ злыми комарами, почти прошли; съ вечера натерли мнѣ лицо, шею и руки какимъ-то составомъ; опухоль опала, краснота и жаръ уменьшились. Сестрицу же комары мало искусали, потому что она рано улеглась подъ нашъ пологъ.

Началось дѣятельное устройство нашей полукочевой жизни, а главное — устройство особеннаго приготовленія и правильнаго употребленія кумыса. Для этого надобно было повидаться съ башкирскимъ кантоннымъ старшиной, Мавлютомъ Исеичемъ (такъ звали его въ глаза, а за глаза — Мавлюткой), который былъ одинъ изъ вотчинниковъ, продавшихъ намъ Сергѣевскую пустошь. Онъ жилъ если не въ деревнѣ Кіишки, то гдѣ-нибудь очень близко, потому что отецъ посылалъ его звать къ себѣ, и посланный воротился очень скоро съ отвѣтомъ, что Мавлютка сейчасъ будетъ. Въ самомъ дѣлѣ, едва мы успѣли напиться чаю, какъ передъ нашими воротами показалась какая-то странная громада верхомъ на лошади. Громада подъѣхала къ забору, весьма свободно сошла съ лошади, привязала ее къ плетню и ввалилась къ намъ на дворъ; мы сидѣли на своемъ крыльцѣ. Отецъ пошелъ навстрѣчу гостю, протянулъ ему руку и сказалъ: «салямъ маликумъ, Мавлютъ Исеичъ». Я разинулъ

ротъ отъ изумленія. Передо мной стоялъ великанъ необыкновенной толщины: въ немъ было двѣнадцать вершковъ роста и двѣнадцать пудъ вѣса какъ я послѣ узналъ; онъ былъ одѣтъ въ казакинъ и въ широчайшіе плисовые шальвары; на макушкѣ толстой головы чуть держалась вышитая золотомъ, запачканная тюбетейка; шеи у него не было; голова съ подзобкомъ плотно лежала на широкихъ плечахъ; огромная саблища тащилась по землѣ—и я почувствовалъ невольный страхъ: мнѣ сейчасъ представилось, что таковъ долженъ быть коварный Тиссафернъ, предводитель персидскихъ войскъ, сражавшихся противъ младшаго Кира. Я не замедлилъ сообщить свою догадку на-ухо своей сестрицѣ и потомъ матери, и она очень смѣялась, отчего и страхъ мой прошелъ. Мавлюткѣ принесли скамейку, на которой онъ съ трудомъ усѣлся; ему подали чаю, и онъ выпилъ множество чашекъ. Дѣло о приготовленіи кумыса для матери, о чемъ она сама просила, устроилось весьма удобно и легко. Одна изъ семи женъ Мавлютки была тутъ же заочно назначена въ эту должность: она всякій день должна была приходить къ намъ и приводить съ собой кобылу, чтобы, надоивъ нужное количество молока, заквасить его въ нашей посудѣ, на глазахъ у моей матери, которая имѣла непреодолимое отвращеніе къ нечистотѣ и неопрятности въ приготовленіи кумыса. Условились въ цѣнѣ и дали впередъ сколько-то денегъ Мавлюткѣ, чему онъ, какъ я замѣтилъ, очень обрадовался. Я не могъ удержаться отъ смѣха, слушая, какъ моя маменька старалась подражать Мавлюткѣ, коверкая свои слова. Послѣ этого начался разговоръ у моего отца съ кантоннымъ старшиной, обратившій на себя все мое вниманіе: изъ этого разговора я узналъ, что отецъ мой купилъ такую землю, которую другіе Башкирцы, а не тѣ, у которыхъ мы ее купили, называли своею, что съ этой земли надобно было согнать двѣ деревни, что когда будетъ межеваніе, то всѣ объявятъ споръ, и что надобно поскорѣе переселить на нее нѣсколько нашихъ крестьянъ. «Землимиръ, землимиръ скоро тащи, бачка Алексѣй Степанычъ, говорилъ визгливымъ голосомъ Мавлютка; зимлимиръ вся кончалъ; бѣлымъ столбамъ надо; я самъ гуляетъ на мижа».—Мавлютъ Исеичъ ушелъ, отвязалъ свою лошадь, про которую между прочимъ сказалъ, что она «въ цѣлый табунъ одна его таскай», надѣлъ свой войлочный колпакъ,

очень легко сѣлъ верхомъ, махнулъ своей страшной плетью и поѣхалъ домой. Я не даромъ обратилъ вниманіе на разговоръ башкирскаго старшины съ моимъ отцомъ. Оставшись наединѣ съ матерью, онъ говорилъ объ этомъ съ невеселымъ лицомъ и съ озабоченнымъ видомъ; тутъ я узналъ, что матери и прежде не нравилась эта покупка, потому что пріобрѣтаемая земля не могла скоро и безъ большихъ затрудненій достаться намъ во владѣніе: она была заселена двумя деревнями припущенниковъ, «Кіишками» и «Старымъ Тимкинымъ», которые жили, правда, по просроченнымъ договорамъ, но которыхъ свести на другія казенныя земли было очень трудно; всего же болѣе не нравилось моей матери то, что сами продавцы Башкирцы ссорились между собою и всякій называлъ себя настоящимъ хозяиномъ, а другаго обманщикомъ. Теперь я разсказалъ объ этомъ такъ, какъ узналъ впослѣдствіи; тогда же я не могъ понять настоящаго дѣла, а только испугался, что тутъ будутъ спорить, ссориться, а можетъ быть и—драться. Сердце мое почувствовало, что моя Сергѣевка не крѣпкая, и я не ошибся. *)

Съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе устроивалась наша полукочевая жизнь. Оконныя рамы привезли и, за неимѣніемъ косяковъ, приколотили ихъ снаружи довольно плотно; но дверей не было, и ихъ продолжали замѣнять коврами, что мнѣ казалось нисколько не хуже дверей. На дворѣ поставили большую новую бѣлую калмыцкую кибитку; боковыя войлочныя стѣнки можно было поднять, и рѣшетчатая кибитка тогда представляла видъ огромнаго зонтика съ круглымъ отверстіемъ вверху. Мы обыкновенно тамъ обѣдали, чтобы въ нашихъ комнатахъ было меньше мухъ, и обыкновенно поднимали одну сторону кибитки, ту, которая находилась въ тѣни. — Кумысъ приготовлялся отлично хорошо и мать находила его уже не такъ противнымъ, какъ прежде; но я чувствовалъ къ нему непреодолимое отвращеніе, по крайней мѣрѣ увѣрялъ въ томъ и себя и другихъ, и хотя матери моей очень хотѣлось, чтобъ я пилъ кумысъ, потому что я былъ худъ и всѣ думали, что отъ него потолстѣю, но

*) Вся Сергѣевская земля до сихъ поръ находится въ спорѣ, и тридцать душъ крестьянъ, на ней населенныхъ, имѣютъ землю въ общемъ владѣніи съ деревнями Кіишки и Старымъ Тимкинымъ. Права настоящихъ вотчинниковъ-Башкирцевъ такъ спутаны, что разобрать ихъ не только трудно, даже невозможно. *С. А.*

я отбился. Сестрица тоже не могла его переносить; онъ рѣшительно былъ ей вреденъ. По совѣсти говоря, я думаю, что могъ привыкнуть къ кумысу, но я боялся, чтобъ его употребленіе и утреннія прогулки, неразлучныя съ нимъ, не отняли у меня лучшаго времени для уженья. Охота удить рыбу часъ отъ часу болѣе овладѣвала мной; я только изъ боязни, чтобы мать не запретила мнѣ сидѣть съ удочкой на озерѣ, съ насильственнымъ прилежаніемъ занимался чтеніемъ, письмомъ и двумя первыми правилами ариѳметики, чему училъ меня отецъ. Я помню, что притворялся довольно искусно и часто пускался въ длинныя разсужденія съ матерью, тогда какъ на умѣ моемъ только и было, какъ бы поскорѣе убѣжать съ удочкой на мостки, когда каждая минута промедленія была для меня тяжкимъ испытаніемъ. Рыба клевала чудесно; неудачъ не было или онѣ состояли только въ томъ, что иногда крупной рыбы попадалось меньше. Милая моя сестрица, ходившая также иногда съ своей Парашей на уженье, не находила въ этомъ никакого удовольствія и комары скоро прогоняли ее домой.

Наконецъ, стали пріѣзжать къ намъ гости. Одинъ разъ съѣхались охотники до рыбной ловли: добрѣйшій генералъ Мансуровъ, страстный охотникъ до всѣхъ охотъ, съ женой, и Иванъ Николаевичъ Булгаковъ, также съ женой. Затѣяли большую рыбную ловлю неводомъ; достали неводъ, кажется, у Башкирцевъ, а также еще нѣсколько лодокъ; двѣ изъ нихъ побольше связали вмѣстѣ, покрыли поперекъ досками, приколотили доски гвоздями и такимъ образомъ сдѣлали маленькій паромъ съ лавочкой, на которой могли сидѣть дамы. Въ одну чудную, тихую, мѣсячную ночь, мы всѣ, кромѣ матери, отправились на тоню. Я сидѣлъ съ дамами на паромѣ. Безъ всякаго шуму, осторожно завезли неводъ и спустили его въ воду, окружа одинъ большой затонъ, или плёсо, продолговатымъ полукругомъ вдавшееся въ берегъ. Туда ночью на отмель собирались безчисленныя стаи лещей. Едва только подтянули клячи *) невода къ берегамъ затона, какъ уже начало оказываться множество захваченной рыбы; мы слѣдовали на паромѣ за мотней **) и видѣли въ ней та-

*) Клячами называются боковые концы или края невода, пришитые къ деревяннымъ палкамъ. *Примѣч. С. А.*

**) Мотня—середина невода, имѣющая фигуру длиннаго и къ концу узкаго мѣшка. *Примѣч. С. А.*

кое движеніе и возню, что наши дамы, а вмѣстѣ съ ними я, испускали радостные крики; многія огромныя рыбы прыгали черезъ верхъ, или бросались въ узкіе промежутки между клячами и берегомъ; это были щуки и жерихи. Хранившіе до тѣхъ поръ молчаніе рыбаки, плывшіе съ боковъ на лодкахъ или тянувшіе неводъ, подняли шумъ, крикъ и хлопанье клячевыми веревками по водѣ, чтобы заставить рыбу воротиться въ средину невода. Мы поспѣшили пристать къ берегу, чтобы видѣть, какъ будутъ вытаскивать рыбу. Удивительно и трудно повѣрить, что я не раздѣлялъ общаго увлеченія, и потому былъ внимательнымъ наблюдателемъ всей этой живой и одушевленной картины. Мансуровъ и мой отецъ горячились больше всѣхъ; отецъ мой только распоряжался и безпрестанно кричалъ: «Выравнивай клячи! нижніе подборы веди плотнѣе! смотри, чтобы мотня шла по середкѣ!» Мансуровъ же не довольствовался одними словами: онъ влѣзъ по колѣни въ воду и, ухватя руками нижніе подборы невода, тащилъ ихъ, притискивая ихъ къ мелкому дну, для чего долженъ былъ, согнувшись въ дугу, пятиться назадъ; онъ представлялъ такимъ образомъ пресмѣшную фигуру; жена его, родная сестра Ивана Николаича Булгакова, и жена самого Булгакова, не смотря на свое рыбачье увлеченіе, принялись громко хохотать. Наконецъ выбрали и накидали цѣлыя груды мокрой сѣти, то есть стѣнъ или крыльевъ невода, показалась мотня, изъ длинной и узкой сдѣлавшаяся широкою и круглою отъ множества попавшейся рыбы; наконецъ стало такъ трудно тащить по мели, что принуждены были остановиться изъ опасенія, чтобы не лопнула мотня; поднявъ высоко верхніе подборы, чтобы рыба не могла выпрыгивать, нѣсколько человѣкъ съ ведрами и ушатами бросились въ воду и хватая рыбу, биткомъ набившуюся въ мотню, какъ въ мѣшокъ, накладывали ее въ свою посуду, выбѣгали на берегъ, вытряхивали на землю добычу и снова бросались за нею; облегчивъ такимъ образомъ тягость груза, всѣ дружно схватились за нижніе и верхніе подборы и съ громкимъ крикомъ выволокли мотню на берегъ. Рыбы поймали такое множество, какого не ожидали, и потому послали за телѣгой; по большей части были серебряные и золотые лещи, ярко блиставшіе на лунномъ свѣтѣ; попалось также довольно крупной плотвы, язей и

окуней; щуки, жерихи и головли повыскакали, потому что были вороваты, какъ утверждали рыбаки. Сколько тутъ было суматошной бѣготни и веселаго крику! Дамы также принимали живое участіе. Я часто слышалъ восклицанія Евсеича: «Вотъ лещъ-то! Ровно заслонъ!» Но видно я былъ настоящій рыбакъ по природѣ, потому что и тогда говорилъ Евсеичу: «Вотъ еслибъ на удочку вытащить такого леща!» Мнѣ даже какъ-то стало невесело, что поймали такое множество крупной рыбы, которая могла бы клевать у насъ; мнѣ было жалко, что такъ опустошили озеро, и я печально говорилъ Евсеичу, что теперь ужъ не будетъ такого клёву, какъ прежде; но онъ успокоилъ меня, увѣривъ, что въ озерѣ такая тьма-тьмущая рыбы, что озеро такъ велико, и тянули неводомъ такъ далеко отъ нашихъ мостковъ, — что клёвъ будетъ не хуже прежняго. «Вотъ завтра самъ увидишь, соколикъ», прибавилъ онъ, и я, совершенно успокоенный его словами, развеселился и принялъ болѣе живое участіе въ общемъ дѣлѣ. Мало-по-малу все пришло въ порядокъ: крупною рыбою нагрузили телѣгу, а остальную понесли въ ведрахъ и ушатѣ. Все общество весело пошло домой за телѣгою, нагруженною рыбой. Генералъ Мансуровъ былъ довольнѣе всѣхъ, не смотря на то, что весь запачкался и вымочился чуть не по поясъ. Мать ожидала насъ на дворѣ, сидя, при дымномъ кострѣ отъ комаровъ, за самоваромъ и чайнымъ приборомъ. Шумно и живо разсказывали ей всѣ о нашихъ подвигахъ; она дивилась общему увлеченію, не понимала его, смѣялась надъ нами, а всего болѣе надъ довольно толстымъ и мокрымъ генераломъ, который ни за что не хотѣлъ переодѣться. Мать, удостовѣрившись, что мои ноги и платье сухи, напоила меня чаемъ и уложила спать подъ одинъ пологъ съ сестрицей, которая давно уже спала, а сама воротилась къ гостямъ. Какъ было весело мнѣ засыпать подъ нашимъ пологомъ, вспоминая недавнюю тоню, слыша сквозь дверь, завѣшенную ковромъ, громкій смѣхъ и веселыя рѣчи, мечтая о завтрашнемъ утрѣ, когда мы съ Евсеичемъ съ удочками сядемъ на мосткахъ! Проснувшись на другой день поутру ранѣе обыкновеннаго, я увидѣлъ, что мать уже встала, и узналъ, что она начала пить свой кумысъ и гулять по двору и по дорогѣ, ведущей въ Уфу; отецъ также всталъ, а гости наши еще спали: женщины занимали единственную комнату

подлѣ насъ, отдѣленную перегородкой, а мужчины спали на подволокѣ, на толстомъ слоѣ сѣна, покрытомъ кожами и простынями. Я проворно одѣлся, побѣжалъ къ матери поздороваться и попросился удить. Мать отпустила меня безъ малѣйшаго затрудненія, и я безъ чаю поспѣшилъ съ Евсеичемъ на озеро. Правъ былъ Евсеичъ! Никогда такъ еще не клевала рыба, какъ въ это утро. «Вотъ видишь, соколикъ, говорилъ Евсеичъ, — рыбы-то стало больше. Ее вечоръ напугали неводомъ, она и привалила сюда». Справедливо ли было заключеніе Евсеича или нѣтъ, только рыба брала отлично. Странно, что моя охотничья жадность слишкомъ скоро удовлетворилась отъ мысли: «да куда же намъ дѣваться съ этой рыбой, которой и вчера наловили такое множество?» Впослѣдствіи развилось во мнѣ это чувство въ бо́льшихъ размѣрахъ и всегда охлаждало мою охотничью горячность. Я сообщилъ мое сомнѣніе Евсеичу, но онъ говорилъ, что это ничего, что всю рыбу сегодня же пересушимъ или прокоптимъ. Хотя такое объясненіе меня нѣсколько успокоило, но я захотѣлъ воротиться домой гораздо ранѣе обыкновеннаго.

Гости прогостили у насъ еще два дня. Мансуровъ не могъ оставаться безъ какого-нибудь охотничьяго занятія; въ этотъ же день вечеромъ онъ ходилъ съ отцомъ и съ мужемъ Параши, Ѳедоромъ, ловить сѣтью на дудки перепеловъ. Очень мнѣ хотѣлось посмотрѣть этой ловли, но мать не пустила. Ѳедоръ принесъ мнѣ живаго перепела, котораго посадилъ я въ какое-то лукошечко, сплетенное Евсеичемъ изъ зеленыхъ прутьевъ. На другой день Мансуровъ ходилъ на охоту съ ружьемъ также вмѣстѣ съ моимъ отцомъ; съ нимъ было двѣ лягавыхъ собаки, привезенныхъ Мансуровымъ. Охотники принесли нѣсколько утокъ и десятка два разныхъ куликовъ; все это было разсмотрѣно мною съ величайшимъ вниманіемъ. На охоту съ ружьемъ я не смѣлъ уже и попроситься, хотя думалъ, что почему бы и мнѣ съ Суркой не поохотиться? Впрочемъ, гдѣ же было мнѣ ходить за охотниками по кочкамъ, болотамъ и камышамъ? Но за то обѣ гостьи каждый вечеръ ходили удить со мной на озеро; удить онѣ не умѣли, а потому и рыбы выуживали мало; къ тому же комары такъ нападали на нихъ, особенно на солнечномъ закатѣ, что онѣ бросали удочки и убѣгали домой;

весьма неохотно, но и я, совершенно свыкшійся съ комарами, долженъ былъ возвращаться также домой.

Наконецъ гости уѣхали, взявъ обѣщаніе съ отца и матери, что мы черезъ нѣсколько дней пріѣдемъ къ Ивану Николаичу Булгакову, въ его деревню Алмантаево, верстахъ въ двадцати отъ Сергѣевки, гдѣ гостилъ Мансуровъ съ женою и дѣтьми.—Я былъ радъ, что уѣхали гости, и понятно, что очень не радовался намѣренію ѣхать въ Алмантаево; а сестрица моя напротивъ очень обрадовалась, что увидитъ маленькихъ своихъ городскихъ подругъ и знакомыхъ: съ дѣвочками Мансуровыми она была дружна, а съ Булгаковыми только знакома.

Во все время моего дѣтства и въ первые года отрочества замѣтно было во мнѣ странное свойство: я не дружился съ своими сверстниками и тяготился ихъ присутствіемъ даже тогда, когда оно не мѣшало моимъ охотничьимъ увлеченіямъ, которымъ и въ ребячествѣ я страстно предавался. Это свойство называли во мнѣ нелюдимствомъ, дикостью и робостью; говорили, что я *боюсь* чужихъ. Мнѣ всегда были очень досадны такія обвиненія и, конечно, они умножили мою природную застѣнчивость. Это свойство не могло происходить изъ моей природы, весьма сообщительной и слишкомъ откровенной, какъ оказалось въ юношескихъ годахъ; это происходило, вѣроятно, отъ долговременной болѣзни, съ которою неразлучно отчужденіе и уединеніе, заставляющія сосредоточиваться и малое дитя, заставляющія его уходить въ глубину внутренняго своего міра, которымъ трудно дѣлиться съ посторонними людьми. Еще болѣе оно происходило отъ постояннаго, часто исключительнаго сообщества матери и постояннаго чтенія книгъ. Голова моя была старше моихъ лѣтъ и общество однолѣтнихъ со мною дѣтей не удовлетворяло меня, а для старшихъ я былъ самъ молодъ.

Здоровье матери видимо укрѣплялось. Кромѣ обыкновенныхъ прогулокъ пѣшкомъ ежедневно поутру и въ вечеру, мать очень часто ѣздила въ поле прокатываться, особенно въ сѣренькіе дни, вмѣстѣ съ отцомъ, со мною и сестрицей на длинныхъ крестьянскихъ дрогахъ, съ которыми я познакомился еще въ Парашинѣ. Мать скучала этими поѣздками, но считала ихъ полезными для своего здоровья, да онѣ и были предписаны докторами, при употребленіи кумыса; отцу

моему прогулки также были скучноваты; но всѣхъ болѣе ими скучалъ я, потому что онѣ мѣшали моему уженью, отнимая иногда самое лучшее время. Рѣдко случалось, чтобы мать отпускала меня съ отцомъ или Евсеичемъ до окончанія своей прогулки; точно то же было и вечеромъ; но почти всякій день я находилъ время поудить.

Въ половинѣ іюня начались уже сильные жары; они составляли новое препятствіе къ моей охотѣ: мать боялась дѣйствія лѣтнихъ солнечныхъ лучей; увидѣвъ же однажды, что шея у меня покраснѣла и покрылась маленькими пузыриками, какъ-будто отъ шпанской мушки, что̀, конечно, произошло отъ солнца,—она приказала, чтобы всегда въ десять часовъ утра я уже былъ дома. Какъ я просилъ у Бога сѣреньких дней, въ которые мать позволяла мнѣ удить до самаго обѣда и въ которые рыба клевала жаднѣе! Какое счастіе сидѣть спокойно съ Евсеичемъ на мосткахъ, насаживать, закидывать удочки, слѣдить за наплавками, не опасаясь, что пора идти домой, а весело поглядывая на Сурку, который всегда или сидѣлъ, или спалъ на берегу, развалясь на солнцѣ! Но за то чтеніе, письмо и ариѳметика очень тупо подвигались впередъ, и дѣтскія игры съ сестрицей начинали терять для меня свою занимательность и пріятность.

Черезъ недѣлю поѣхали мы къ Булгаковымъ въ Алмантаево, которое мнѣ очень не понравилось, чего и ожидать было должно, по моему нежеланью туда ѣхать; но и въ самомъ дѣлѣ никому не могло понравиться его ровное мѣстоположеніе и домъ на пустоплесьѣ, безъ сада и тѣни, на солнечномъ припекѣ. Правда, недалеко отъ дому протекала очень рыбная и довольно сильная рѣка, «Уршакъ», на которой, пониже деревни, находилась большая мельница съ широкимъ прудомъ; но и рѣка мнѣ не понравилась, во-первыхъ, потому, что вся отъ береговъ проросла камышами, такъ что и воды было не видно, а во-вторыхъ потому, что вода въ ней была горька, и не только люди ее не употребляли, но даже и скотъ пилъ неохотно. Впрочемъ горьковатость воды не имѣла дурнаго вліянія на рыбу, которой водилось въ Уршакѣ множество, и которую находили всѣ очень вкусною. Удить около дома было невозможно, по причинѣ отлогихъ береговъ, заросшихъ густыми камышами, а на мельницѣ удили только съ плотины около кауза и вешняка, особенно въ глубокой

ямѣ или водоеминѣ, выбитой подъ нимъ водою. Мы ѣздили туда одинъ разъ цѣлымъ обществомъ, разумѣется, около завтрака, то-есть совсѣмъ не во-время, и ловля была очень неудачна; но мельникъ увѣрялъ, что рано утромъ до солнышка, особенно съ весны и къ осени, рыба беретъ очень крупная и всего лучше въ ямѣ подъ вешнякомъ.

Хозяинъ, Иванъ Николаичъ Булгаковъ, былъ большой охотникъ до лошадей, борзыхъ собакъ и верховой ѣзды. У нихъ въ домѣ всѣ ѣздили верхомъ, — и дамы, и дѣти. Булгаковъ, какъ-то особенно меня полюбившій, захотѣлъ непремѣнно и меня посадить на лошадь. Мнѣ стыдно было сказать, что я боюсь, и я согласился. У меня была мысль, что маменька не позволитъ; но какъ нарочно, мать отвѣчала, что если я не трушу, то она очень рада. Такія слова укололи мое самолюбіе, и я, скрѣпя сердце, сказалъ, что не трушу. Привели дѣтскую маленькую лошадку; всѣ вышли на крыльцо, меня посадили и дали мнѣ въ руки поводъ. Покуда Евсеичъ велъ моего коня, я превозмогалъ свой страхъ; но какъ скоро онъ выпустилъ узду—я совершенно растерялся; поводья выпали у меня изъ рукъ, и никѣмъ не управляемая моя лошадка побѣжала рысью къ конюшнѣ. Страхъ превозмогъ самолюбіе и я принялся кричать; потерявъ равновѣсіе, я конечно бы упалъ, еслибы выбѣжавшій навстрѣчу конюхъ не остановилъ смирную лошадь. Общій хохотъ на крыльцѣ терзалъ мое ребячье самолюбіе, и я, смутившись окончательно, какъ только сняли меня съ лошади, убѣжалъ черезъ заднее крыльцо въ занимаемую нами комнату. Я долго и неутѣшно плакалъ и цѣлый день не могъ ни на кого смотрѣть. Это обстоятельство мнѣ особенно памятно потому, что я въ первый разъ сознательно подосадовалъ на отца и мать: зачѣмъ и они смѣются надо мною? «Развѣ они не видятъ, какъ мнѣ больно и стыдно? думалъ я. — Отчего же сестрица не смѣется, а жалѣетъ обо мнѣ и даже плачетъ?» Тутъ только я съ горестью убѣдился въ моей трусости, и эта мысль долго возмущала мое спокойствіе. По счастію, на другой день мы уѣхали изъ Алмантаева. Мать хотѣла пробыть два дня, но кумысъ, котораго цѣлый боченокъ былъ привезенъ съ нами во льду, окрѣпъ, и мать не могла его пить. О, съ какою радостью возвращался я въ мою милую Сергѣевку!

Сергѣевка понравилась мнѣ еще болѣе прежняго, хотя,

правду сказать, кромѣ озера и старыхъ дубовъ ничего въ ней хорошаго не было. Опять по-прежнему спокойно и весело потекла наша жизнь, я начиналъ понемногу забывать несчастное происшествіе съ верховою лошадкой, обнаружившее мою трусость и покрывшее меня, какъ я тогда думалъ, вѣчнымъ стыдомъ. Мать и отецъ и не поминали объ этомъ, а моя сестрица и подавно. Но Евсеичъ, мой добрый дядька, неугомонный Евсеичъ корилъ меня безпрестанно: «Эхъ ты, соколикъ, говорилъ онъ, — ну, чего обробилъ? Лошадка пресмирная, а ты давай кричать. Вѣдь это ты не лошади испугался, а чужихъ людей. Я вѣдь говорилъ, что ты чужихъ боишься. Ну, какой ты будешь кавалеръ? А про войну читать и разсказывать любишь. Послушать тебя, такъ ты одинъ на цѣлый полкъ пойдешь!» Эти простыя рѣчи, сказанныя безъ всякаго умысла, казались мнѣ самыми язвительными укоризнами. Я доказывалъ Евсеичу, что это совсѣмъ другое, что на войнѣ я не испугаюсь, что съ Греками я бы на всѣхъ варваровъ пошелъ. Но мысленно я уже давалъ обѣщаніе себѣ: во-первыхъ, не говорить съ Евсеичемъ о «походѣ младшаго Кира», о которомъ любилъ ему разсказывать, и во-вторыхъ, преодолѣть мой страхъ и выучиться ѣздить верхомъ. Я сталъ просить объ этомъ отца и мать и получилъ въ отвѣтъ: «ну, куда еще тебѣ верхомъ ѣздить!» и отвѣтъ мнѣ очень не понравился. Между тѣмъ укоризны Евсеича продолжались и такъ оскорбляли меня, что я иногда сердился на него, а иногда плакалъ потихоньку. Я рѣшился попросить, чтобъ онъ не говорилъ объ этомъ, и добрый Евсеичъ наконецъ пересталъ поминать про алмантаевское приключеніе. Я успокоился и сталъ забывать о немъ. Вдругъ пріѣхали Булгаковы со старшими дѣтьми. Точно что-нибудь укололо меня въ сердце! Я подумалъ, что какъ увидятъ меня, такъ и начнутъ смѣяться, и хотя этого не случилось при первой встрѣчѣ, но ежеминутное ожиданіе насмѣшекъ такъ смущало меня, что я краснѣлъ безпрестанно безъ всякой причины. Слава Богу, всѣ кромѣ меня забыли мой позоръ!... Гости прожили у насъ нѣсколько дней. Безъ А. П. Мансурова, этого добрѣйшаго и любезнѣйшаго изъ людей, охоты не клеились, хотя была и тоня, только днемъ, а не ночью, и, разумѣется, не такъ изобильная, хотя ходили на охоту съ ружьями и удили цѣлымъ обществомъ на озерѣ. Однако

всѣмъ было весело, кромѣ меня, и съ тайною радостью проводилъ я большихъ и маленькихъ гостей, впрочемъ очень милыхъ и добрыхъ дѣтей.

Проводя гостей, отецъ вздумалъ потянуть неводомъ извѣстное рыбное плесо на рѣкѣ Бѣлой, которая текла всего въ полуверстѣ отъ нашего жилья: ему очень хотѣлось поймать стерлядей, и онъ даже говорилъ мнѣ: «что, Сережа, кабы попалась бѣлорыбица или осетръ?» Я увѣрялъ, что непремѣнно попадетъ! Мы поѣхали послѣ обѣда съ цѣлымъ обозомъ: повезли двѣ лодки, неводъ и взяли съ собой всѣхъ людей. Бѣлая тутъ была не широка, потому что рѣчка Уршакъ и довольно многоводная рѣка Уфа въ нее еще не впадали; она понравилась мнѣ болѣе, чѣмъ подъ городомъ: песковъ было менѣе, русло сжатѣе, а берега гораздо живописнѣе. Отецъ взялъ съ собою ружье, и какъ нарочно на дорогѣ попалась намъ цѣлая стая куропатокъ; отецъ выстрѣлилъ и двухъ убилъ. Это былъ первый охотничій выстрѣлъ, произведенный при мнѣ и очень близко отъ меня. Онъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе, и не страха, а чувства какого-то пріятнаго волненія; когда же я увидалъ застрѣленную куропатку, особенно же, когда, увлеченный примѣромъ окружающихъ, я бросился ловить другую подстрѣленную, — я чувствовалъ уже какую-то жадность, какую-то неизвѣстную мнѣ радость. И куда дѣвалась моя жалостливость: окровавленныя, бьющіяся красивыя эти птички не возбудили во мнѣ никакого состраданія.

Только-что мы успѣли запустить неводъ, какъ вдругъ прискакала цѣлая толпа Мещеряковъ; они принялись громко кричать, доказывая, что мы не можемъ ловить рыбу въ Бѣлой, потому что вòды ея сняты рыбаками; отецъ мой не захотѣлъ ссориться съ близкими сосѣдями, приказалъ вытащить неводъ, и мы ни съ чѣмъ должны были отправиться домой. Всѣ люди наши были такъ недовольны, такъ не хотѣлось имъ уступить, что даже не вдругъ послушались приказанія моего отца. Еслибы не онъ, вышла бы непремѣнно драка. Мнѣ тоже это было очень досадно, хотя я чувствовалъ немножко, что Мещеряки правы, и только двѣ застрѣленныя куропатки, которыхъ я держалъ въ своихъ рукахъ, меня утѣшали.

Давно уже поспѣла полевая клубника, лакомиться ко-

торою позволяли намъ вдоволь. Мать сама была большая охотница до этихъ ягодъ, но употреблять ихъ при кумысѣ доктора запрещали. Вмѣсто прежнихъ безцѣльныхъ прогулокъ мать стала ѣздить въ поле по ягоды, предпочтительно на залежи. Это удовольствіе было для меня совершенно неизвѣстно и сначала очень мнѣ нравилось, но скоро наскучило; всѣ же окружающіе меня, и мужчины и женщины, постоянно занимались этимъ дѣломъ очень горячо. Мы ѣздили за клубникой цѣлымъ домомъ, такъ что только поваръ Мокей оставался въ своей кухнѣ; но и его отпускали послѣ обѣда, и онъ всегда возвращался уже къ вечеру съ огромнымъ кузовомъ чудесной клубники. У всякаго была своя посуда: у кого ведро, у кого лукошко, у кого буракъ, у кого кузовъ. Мать обыкновенно скоро утомлялась собираніемъ ягодъ, и потому садилась на дроги, выѣзжала на дорогу и каталась по ней часъ и болѣе, а потомъ заѣзжала за нами; сначала мать каталась одна или съ отцомъ, но черезъ нѣсколько дней я сталъ проситься, чтобъ она брала меня съ собою, и потомъ я уже всегда ѣздилъ прогуливаться съ нею. У насъ съ сестрицей были прекрасные съ крышечками берестовые бурачки, испещренные вытѣсненными на нихъ узорами. Милая моя сестрица не умѣла брать ягодъ, то-есть не умѣла различать спѣлую клубнику отъ неспѣлой. Я слышалъ, какъ ея нянька Параша, всегда очень ласковая и добрая женщина, вытряхивая бурачокъ, говорила: «Ну, барышня, опять набрала зеленухи!» и потомъ наполняла ея бурачокъ ягодами изъ своего кузова; у меня же оказалась претензія, что я умѣю брать ягоды и что моя клубника лучше Евсеичевой: это, конечно, было несправедливо. Вслѣдствіе той же претензіи я всегда заявлялъ, что сестрица не сама брала, и что я видѣлъ, какъ Параша насыпала ея бурачокъ своей клубникой. По возвращеніи домой начиналась новая возня съ ягодами: въ тѣни отъ нашего домика разсыпали ихъ на широкій, чистый липовый лубокъ; самыя крупныя отбирали на варенье, потомъ для кушанья, потомъ для сушки, изъ остальныхъ дѣлали русскія и татарскія постилы; русскими назывались постилы толстыя, сахарныя или медовыя, процѣженныя сквозь рѣдинку, а татарскими — тонкія, какъ кожа, со всѣми ягодными сѣмячками, довольно кислыя на вкусъ. Эти приготовленія занимали меня сна-

чала едва ли не болѣе собиранія ягодъ; но наконецъ и они мнѣ наскучили. Болѣе всего любилъ я смотрѣть, какъ мать варила варенье въ мѣдныхъ блестящихъ тазахъ на таганѣ, подъ которымъ разводился огонь, — можетъ быть потому, что снимаемыя съ кипящаго таза сахарныя пѣнки большею частью отдавались намъ съ сестрицей; мы съ ней обыкновенно сидѣли на землѣ, поджавъ подъ себя ноги, нетерпѣливо ожидая, когда масса ягодъ и сахара начнетъ вздуваться и покрываться бѣловатою пеленою.

Отецъ ѣзжалъ иногда въ поле съ сѣтками и дудками ловить перепеловъ. Я просился нѣсколько разъ, но мать не позволяла. Я уже перестал проситься, и вдругъ совершенно неожиданно мать отпустила меня одинъ разъ съ отцомъ и Ѳедоромъ посмотрѣть на эту охоту. Она мнѣ очень понравилась: когда на тихій пискъ дудочки прибѣгали перепела, подходили подъ разостланную на травѣ сѣть, когда мы всѣ трое вскакивали, а испуганная и взлетѣвшая перепелочка попадалась въ сѣтку,—я чувствовалъ сильное волненіе. Но мнѣ захотѣлось дѣйствовать самому, то-есть самому манить перепеловъ. *Бить* въ дудки заранѣе училъ меня Ѳедоръ, считавшійся въ этомъ дѣлѣ великимъ мастеромъ, и я тотчасъ подумалъ, что я самъ такой же мастеръ. Я присталъ къ отцу и Ѳедору съ неотступными просьбами, и желаніе мое исполнили, но опытъ доказалъ, что я вовсе не умѣю манить: на мои звуки не только перепела не шли подъ сѣть, но даже не откликались. Я очень огорчился и уже въ другой разъ не просился на эту охоту.

Время для питья кумыса, какъ лѣкарства, проходило; тра́вы достигли зрѣлости, а нѣкоторыя даже начинали сохнуть; кобылье молоко теряло свое цѣлебное свойство, и мы въ исходѣ іюля переѣхали въ Уфу. Кумысъ и деревенская жизнь сдѣлали моей матери большую пользу. Съ грустью оставлялъ я Сергѣевку и прощался съ ея чудеснымъ озеромъ, мостками, съ которыхъ удилъ, къ которымъ привыкъ и которыхъ видъ до сихъ поръ живетъ въ моей благодарной памяти; простился съ великолѣпными дубами, подъ тѣнью которыхъ иногда сиживалъ и которыми всегда любовался. Простился—очень надолго.

Возвращеніе въ Уфу къ городской жизни.

Двухмѣсячное пребываніе въ деревнѣ или, правильнѣе сказать, въ недостроенномъ домишкѣ на берегу озера, чистый воздухъ, свобода, уженье, къ которому я пристрастился, какъ только можетъ пристраститься ребенокъ,—все это такъ разнилось съ нашей городской жизнью, что Уфа мнѣ опостылѣла. Я загорѣлъ, какъ арапъ, и одичалъ, по общему выраженію всѣхъ нашихъ знакомыхъ. Садъ нашъ сдѣлался мнѣ противенъ, и я не заглядывалъ въ него даже тогда, когда милая моя сестрица весело гуляла въ немъ; напрасно звала она меня побѣгать, поиграть или полюбоваться цвѣтами, которыми по-прежнему были полны наши цвѣтники. Я даже сердился на маленькую свою подругу, доказывая ей, что послѣ сергѣевскихъ дубовъ, озера и полей, гадко смотрѣть на нашъ садишко съ тощими яблонями. Иногда я выходилъ только для того, чтобъ погладить, приласкать Сурку и поиграть съ нимъ; житье въ Сергѣевкѣ такъ сблизило насъ, что одинъ видъ Сурки, напоминая мнѣ мою блаженную деревенскую жизнь, производилъ на меня пріятное впечатлѣніе. Между тѣмъ загаръ мой не проходилъ и мать принялась меня чѣмъ-то лѣчить отъ него; это было мнѣ очень досадно, и я повиновался очень неохотно. Я не могъ обратиться вдругъ къ прежнимъ своимъ занятіямъ и игрушкамъ; я считалъ уже себя устарѣвшимъ для нихъ. Чистописаніе мнѣ наскучило, потому что успѣхи мои безъ учителя были слишкомъ малы; къ чтенію меня также не тянуло, потому что все было давно перечитано не одинъ разъ и многое выучено наизусть. Но, поскучавъ съ недѣльку,

я принялся, однако, писать по приказанію, а читать старое— уже по охотѣ. С. И. Аничковъ не переставалъ освѣдомляться о моихъ занятіяхъ. Онъ опять потребовалъ меня къ себѣ, опять сдѣлалъ мнѣ экзаменъ, остался отмѣнно доволенъ и подарилъ мнѣ такую кучу книгъ, которую Евсеичъ едва могъ донести; это была ужъ маленькая библіотека. Въ числѣ книгъ находились: «Древняя Вивліоѳика», «Россіада» Хераскова и полное собраніе въ 12-ти томахъ сочиненій Сумарокова. Заглянувъ въ «Вивліоѳику», я оставилъ ее въ покоѣ, а «Россіаду» и сочиненія Сумарокова читалъ съ жадностью и съ восторженнымъ увлеченіемъ. Зараженный примѣромъ одного изъ моихъ дядей, который любилъ декламировать стихи, то-есть читать ихъ на-распѣвъ, я принялся подражать ему. Матери и отцу моему видно нравилось такое чтеніе, потому что они заставляли меня декламировать при гостяхъ, которыхъ собиралось у насъ въ домѣ уже гораздо менѣе, чѣмъ въ прошедшую зиму: дяди мои были въ полку, а нѣкоторые изъ самыхъ короткихъ знакомыхъ куда-то разъѣхались. Мать была здоровѣе прежняго, менѣе развлечена обществомъ, болѣе имѣла досуга и потому болѣе времени я проводилъ вмѣстѣ съ ней. Самое любимое мое дѣло было читать ей вслухъ «Россіаду» и получать отъ нея разныя объясненія на непонимаемыя мною слова и цѣлыя выраженія. Я обыкновенно читалъ съ такимъ горячимъ сочувствіемъ, воображеніе мое такъ живо воспроизводило лица любимыхъ моихъ героевъ: Мстиславскаго, князя Курбскаго и Палецкаго, что я какъ-будто видѣлъ и зналъ ихъ давно; я дорисовывалъ ихъ образы, дополнялъ ихъ жизнь и съ увлеченіемъ описывалъ ихъ наружность; я подробно разсказывалъ, что они дѣлали передъ сраженіемъ и послѣ сраженія, какъ совѣтовался съ ними царь, какъ благодарилъ ихъ за храбрые подвиги и прочая и прочая. Мать смѣялась, а отецъ удивлялся, и одинъ разъ сказалъ: «откуда это все у тебя берется? Ты не сдѣлайся лгунишкой». А мать отвѣчала: «не безпокойся, это пройдетъ». Но въ то же время мать запрещала мнѣ разсказывать гостямъ про домашнюю жизнь Палецкаго, Курбскаго и Мстиславскаго. Какимъ совершенствомъ казалось мнѣ изображеніе послѣдняго, то-есть князя Мстиславскаго!

Сей мужъ въ сраженіяхъ не дерзокъ былъ, не злобенъ;
Но твердому кремню являлся онъ подобенъ,
Который сильный огнь въ то время издаетъ,
Когда поверхность кто его желѣзомъ бьетъ.

Гидромиръ и Асталонъ были личные враги мои, и я скорбѣлъ душою, что Гидромиръ не былъ убитъ въ единоборствѣ съ Палецкимъ. Я восхищался и казанскими рыцарями, которые

Въ уста вложивъ кинжалъ и въ руки взявъ мечи,
Которые у нихъ сверкали какъ лучи....
. . . .
И войска нашего ударили въ ограду.
Какъ стадо лебедей скрывается отъ граду,
Такъ войски по холмамъ отъ ихъ мечей текли;
Злодѣи скоро бы вломиться въ станъ могли,
Когда бъ не прекратилъ сію кровану сѣчу
Князь Курбскій съ Палецкимъ, врагамъ текущи встрѣчу.

Послѣдніе два стиха произносилъ я съ гордостью и наслажденіемъ! Я долженъ признаться, что послѣдній стихъ я и теперь произношу съ удовольствіемъ и слышу въ немъ что-то крѣпкое и стремительное. Я не преминулъ похвастаться чтеніемъ наизусть стиховъ изъ «Россіады» передъ моимъ покровителемъ С. И. Аничковымъ; онъ, выслушавъ меня, похвалилъ и обѣщалъ подарить Ломоносова.

Все было тихо и спокойно въ городѣ и въ нашемъ домѣ, какъ вдругъ послѣдовало событіе, которое не само по себѣ, а по впечатлѣнію, произведенному имъ на всѣхъ безъ исключенія, заставило и меня принять участіе въ общемъ волненіи. Въ одинъ прекрасный осенній день,— это было воскресенье или какой-нибудь праздникъ,—мы возвращались отъ обѣдни изъ приходской церкви Успенія Божіей Матери и лишь только успѣли взойдти на высокое наше крыльцо, какъ вдругъ въ народѣ, возвращающемся отъ обѣдни, послышалось какое-то движеніе и говоръ. По улицѣ во весь духъ проскакалъ губернаторскій ординарецъ-казакъ и остановился у церкви; всѣмъ, встрѣчающимся по дорогѣ, верховой кричалъ: «ступайте назадъ въ церковь, присягать новому Императору!» Народъ, шедшій въ разсыпную, пріостановился, собрался въ кучки, пошелъ назадъ и, безпрестанно усиливаясь встрѣчными людьми, уже густою толпой воротился въ церковь. Не успѣли мы получить извѣстія отъ кого-то изъ бѣгущихъ мимо, что «Государыня скончалась», какъ раздался

въ соборѣ колокольный звонъ и, подхваченный другими десятью приходами, разлился по всему городу. Отецъ и мать были очень поражены. Отецъ даже заплакалъ, а мать, тоже со слезами на глазахъ, перекрестилась и сказала: «царство ей небесное». Я былъ глубоко пораженъ, самъ не зная отъ чего. Весь домъ сбѣжался къ намъ на крыльцо, на лицахъ всѣхъ было написано смущеніе и горесть; идущій по улицѣ народъ плакалъ. Прибѣжалъ, запыхавшись, какой-то приказный изъ Верхняго Земскаго Суда и сказалъ отцу, чтобъ онъ ѣхалъ присягать въ соборъ. Отецъ поспѣшно одѣлся и уѣхалъ. Мы съ матерью и сестрицей, которая была также чѣмъ-то изумлена, вошли въ спальную. Мать помолилась Богу, сѣла на кресла и грустно задумалась. Мы съ сестрицей сидѣли противъ нея на стулѣ и молча, пристально смотрѣли. Наконецъ, мать обратила на насъ вниманіе и стала говорить съ нами, то-есть собственно со мною, потому что сестра была еще мала и не могла понимать ея словъ, даже скоро ушла въ дѣтскую къ своей нянѣ. Примѣняясь къ моему ребячьему возрасту, мать объяснила мнѣ, что Государыня Екатерина Алексѣевна была умная и добрая, царствовала долго, старалась, чтобъ всѣмъ было хорошо жить, чтобъ всѣ учились, что она умѣла выбирать хорошихъ людей, храбрыхъ генераловъ, и что въ ея царствованіе сосѣди насъ не обижали, и что наши солдаты при ней побѣждали всѣхъ и прославились. Отчасти я уже имѣлъ понятіе обо всемъ этомъ, а тутъ понялъ еще больше, и мнѣ стало очень жаль умершую Государыню. «А кто-жъ будетъ теперь у насъ Государыней?» спросилъ я. — «Теперь будетъ у насъ Государь, сынъ ея, Павелъ Петровичъ.» — «А будетъ ли онъ такой же умный и добрый?» — «Какъ угодно Богу, а мы будемъ молиться о томъ», отвѣчала мать. Я возразилъ, что «Богъ вѣроятно захочетъ, чтобъ Павелъ Петровичъ былъ умный и добрый.» Мать ничего не отвѣчала и велѣла мнѣ идти въ дѣтскую читать или играть съ сестрицей; но я просилъ ее, чтобъ она растолковала мнѣ, что значитъ присягать. Она объяснила, и я рѣшительно объявилъ, что хочу присягнуть. «Дѣтей не приводятъ къ присягѣ, сказала мать, — ступай къ сестрѣ.» Я обидѣлся. Скоро пріѣхалъ отецъ и вслѣдъ за нимъ нѣсколько знакомыхъ. Всѣ были въ негодованіи на В**, нашего, кажется, военнаго губернатора или

корпуснаго командира—хорошенько не знаю, который публично показывалъ свою радость, что скончалась Государыня, цѣлый день велѣлъ звонить въ колокола и вечеромъ пригласилъ всѣхъ къ себѣ на балъ и ужинъ. Я сейчасъ подумалъ, что губернаторъ В. долженъ быть недобрый человѣкъ; тутъ же я услышалъ, что онъ имѣлъ особенную причину радоваться: новый Государь его очень любилъ, и онъ надѣялся при немъ сдѣлаться большимъ человѣкомъ. Я прогнѣвался на В. еще больше: зачѣмъ онъ радуется, когда всѣ огорчены. Сначала я слышалъ, какъ говорила моя мать, что не надо ѣхать на балъ къ губернатору, и какъ соглашались съ нею другіе, а потомъ вдругъ всѣ рѣшили, что нельзя не ѣхать. Мать не спорила, но сказала, что останется дома. Поѣхалъ и мой отецъ, но сейчасъ воротился и сказалъ, что балъ похожъ на похороны, и что веселъ только В., двое его адъютантовъ и старый депутатъ, мой книжный благодѣтель, С. И. Аничковъ, который не могъ простить покойной Государынѣ, зачѣмъ она распустила депутатовъ, собранныхъ для совѣщанія о законахъ, и говорилъ, что «пора мужской рукѣ взять скипетръ власти...»

И этотъ день принесъ мнѣ новыя, неизвѣстныя прежде понятія и заставилъ меня перечувствовать неиспытанныя мною чувства. Когда я легъ спать въ мою кроватку, когда задернули занавѣски моего полога, когда все затихло вокругъ, воображеніе представило мнѣ поразительную картину: мертвую Императрицу, огромнаго роста, лежащую подъ чернымъ балдахиномъ, въ черной церкви (я наслушался толковъ объ этомъ), и подлѣ нея, на колѣняхъ, новаго Императора, тоже какого-то великана, который плакалъ, а за нимъ громко рыдалъ весь народъ, собравшійся такою толпою, что край ея могъ достать отъ Уфы до Зубовки, то-есть за десять верстъ. На другой день я уже разсказывалъ свои грезы на-яву Парашѣ и сестрицѣ, какъ-будто я самъ это видѣлъ или читалъ объ этомъ описаніе.

Толки о кончинѣ Императрицы долго не уменьшались, а первое время, часъ отъ часу, даже увеличивались. Толковали въ спальной у матери, толковали въ гостиной, толковали даже въ нашей дѣтской, куда заглядывали иногда изъ дѣвичьей то Аннушка, Ефремова жена, то горбатая княжна калмычка. Въ спальной и гостиной говорили о перемѣнахъ

въ правительствѣ, которыхъ необходимо ожидать должно, и о томъ, что Императоръ удалитъ всѣхъ прежнихъ любимцевъ Государыни, которыхъ онъ терпѣть не можетъ, потому что они съ нимъ дурно поступали. Я часто слышалъ выраженіе, тогда совершенно непонимаемое мною: «теперь-то Гатчинскіе пойдутъ въ гору». Въ нашей дѣтской говорили, или лучше сказать въ нашу дѣтскую доходили слухи о томъ, о чемъ толковали въ дѣвичьей и лакейской, а толковали тамъ всего болѣе о скоропостижной кончинѣ Государыни, прибавляя страшные разсказы, которые меня необыкновенно смутили; я побѣжалъ за объясненіями къ отцу и матери, и только твердыя и горячія увѣренія ихъ, что всѣ эти слухи совершенный вздоръ и нелѣпость, могли меня успокоить. Тогда я побѣжалъ въ дѣтскую и старался изъ всѣхъ силъ убѣдить Парашу и другихъ, заходившихъ въ нашу комнату, въ нелѣпости ихъ разсказовъ, но—безъ всякаго успѣха! Мнѣ отвѣчали, что я «еще маленькій и ничего не смыслю». Я обижался и очень сердился. Послѣ я узналъ, что Парашѣ и другимъ съ этихъ поръ строго запретили сообщать мнѣ нелѣпые толки, ходившіе въ народѣ.

Всякій день ожидали новыхъ событій, но по отдаленности Уфы медленно доходили туда извѣстія изъ столицъ. Губернаторъ В. скоро уѣхалъ, вызванный будто бы секретно Императоромъ, какъ говорили потихоньку.

Скоро наступила жестокая зима, и мы окончательно заключились въ своихъ дѣтскихъ комнаткахъ, изъ которыхъ занимали только одну. Чтеніе книгъ, писанье прописей и занятія ариѳметикой, которую я понималъ какъ-то тупо и которой учился неохотно, все это увеличилось само собою, потому что прибавилось времени: гостей стало пріѣзжать менѣе, а гулять стало невозможно. Доходило дѣло даже до «Древней Вивліоѳики».

Разъ какъ-то вслушался я между словъ, что дѣдушка нездоровъ; но кажется никто объ его болѣзни не безпокоился и я почти забылъ о ней. Вдругъ, когда мы всѣ сидѣли за обѣдомъ, подали отцу письмо, присланное съ нарочнымъ изъ Багрова. Отецъ распечаталъ его, началъ читать, заплакалъ и передалъ матери. Она прочла и хотя не заплакала, но встревожилась. Мы кончили обѣдъ очень скоро, и я замѣтилъ, что отецъ съ матерью ничего не ѣли. Послѣ обѣда они ушли

въ спальню, насъ выслали и о чемъ-то долго говорили, когда же намъ позволили придти, отецъ уже куда-то собирался ѣхать; а мать, очень огорченная, сказала мнѣ: «ну, Сережа, мы всѣ поѣдемъ въ Багрово; дѣдушка умираетъ». Съ горестнымъ изумленіемъ выслушалъ я такія слова. Я уже зналъ, что всѣ люди умираютъ, и смерть, которую я понималъ по-своему, казалась мнѣ такимъ страшилищемъ и злымъ духомъ, что я боялся о ней и подумать. Мнѣ было жаль дѣдушки, но совсѣмъ не хотѣлось видѣть его смерть или быть въ другой комнатѣ, когда онъ умирая станетъ плакать и кричать. Смущала меня также мысль, что маменька отъ этого захвораетъ. «Да какъ же поѣдемъ зимой, думалъ я,—вѣдь мы съ сестрицей маленькіе, вѣдь мы замерзнемъ?» Всѣ такія мысли крѣпко осадили мою голову, и я, встревоженный и огорченный до глубины души, сидѣлъ молча, предаваясь печальнымъ картинамъ моего горячаго воображенія, которое разыгрывалось у меня часъ отъ часу болѣе. Кромѣ страха, что дѣдушка при мнѣ умретъ, Багрово само по себѣ не привлекало меня. Я не забылъ нашего печальнаго въ немъ житья безъ отца и матери, и мнѣ не хотѣлось туда ѣхать, особенно зимой. Пріѣхалъ отецъ, вошелъ въ спальню торопливо и сказалъ какъ-будто весело, что меня очень удивило: «Слава Богу, все нашелъ! Возокъ даетъ намъ С. И. Аничковъ, а кибитку—Мисайловы. Ну, матушка, теперь собирайся поскорѣе. Мнѣ завтра же дадутъ отпускъ, и мы завтра же поѣдемъ на перемѣнныхъ». Мать, очень огорченная, печально отвѣчала: «у меня все будетъ готово, лишь бы твой отпускъ не задержалъ».—Въ тотъ же вечеръ начались у насъ сборы, укладыванье и приготовленье кушанья на дорогу. Мнѣ позволили взять съ собою только нѣсколько книжекъ. Я высказалъ всѣ свои сомнѣнія и страхи матери; иныхъ она не могла уничтожить, надъ опасеніемъ же, что «мы замерзнемъ», разсмѣялась и сказала, что намъ будетъ жарко въ возкѣ.

На другой день къ обѣду дѣйствительно всѣ сборы были кончены, возокъ и кибитка уложены, и дожидались только отцова отпуска. Его принесли часу въ третьемъ. Мы должны были проѣхать нѣсколько станцій по большой Казанской дорогѣ, а потому намъ привели почтовыхъ лошадей, и вечеромъ мы выѣхали.

Зимняя дорога въ Багрово.

Эта дорога, продолжавшаяся почти двое сутокъ, оставила во мнѣ самое тягостное и непріятное воспоминаніе. Какъ только мы вышли садиться, я пришелъ въ ужасъ отъ низенькаго кожанаго возка, съ маленькою дверью, въ которую трудно было пролѣзть, а въ возкѣ слѣдовало помѣститься мнѣ съ сестрицей, Парашѣ и Аннушкѣ. Я просился въ кибитку къ матери, но морозъ былъ страшный и мнѣ строго приказали лѣзть въ возокъ. Я повиновался съ раздраженіемъ и слезами. Мать не могла зимой ѣздить въ закрытомъ экипажѣ: ей дѣлалось тошно и дурно; даже въ кибиткѣ она сидѣла какимъ-то особеннымъ образомъ, вся наружи, такъ что воздухъ обхватывалъ ее со всѣхъ сторонъ. Скоро въ возкѣ сдѣлалось тепло и надобно было развязать платокъ, которымъ я, сверхъ шубы и шапочки, былъ окутанъ. Мы быстро скакали по гладкой дорогѣ, и я почувствовалъ, неизвѣстное мнѣ до сихъ поръ, удовольствіе скорой ѣзды. Въ обѣихъ дверяхъ возка находилось по маленькому четвероугольному окошечку со стекломъ, задѣланнымъ наглухо. Я кое-какъ подползъ къ окошку и съ удовольствіемъ смотрѣлъ въ него; ночь была мѣсячная, свѣтлая; толстыя вѣхи, а иногда деревья быстро мелькали; но, увы, скоро и это удовольствіе исчезло: стёкла затуманились, разрисовались снѣжными узорами и наконецъ покрылись густымъ слоемъ непроницаемаго инея. Невеселая будущность представлялась мнѣ впереди: печальный Багровскій домъ, весь въ сугробахъ, и умирающій дѣдушка. Сестрица моя давно уже спала, а наконецъ и меня посѣтилъ благодѣтельный сонъ. Проснув-

шись на другой день поутру, я подумалъ, что еще рано; въ возкѣ у насъ былъ разсвѣтъ, или сумерки, потому что стеклышки еще больше запушило. Всѣ уже, какъ видно, давно проснулись, и милая моя сестрица что-то кушала: она приползла ко мнѣ и принялась меня обнимать и цѣловать. Въ возкѣ дѣйствительно было жарко. Скоро поразилъ мой слухъ пронзительный скрипъ полозьевъ, и я почувствовалъ, что мы едва полземъ. Тутъ мнѣ объяснили, что, проѣхавъ двѣ съ половиной станціи, мы своротили съ большой дороги и ѣдемъ теперь уже не на тройкѣ почтовыхъ лошадей въ-рядъ, а тащимся гусемъ по проселку на обывательскихъ подводахъ. Это все меня огорчило, и милая сестрица не могла развеселить меня. Она знала, до чего я былъ охотникъ, и сейчасъ стала просить, чтобъ я почиталъ ей книжку, которая лежала въ боковой сумкѣ, но я не сталъ даже и читать,— такъ мнѣ было грустно. Наконецъ, доплелись мы до какой-то татарской деревушки, гдѣ надобно было перемѣнить лошадей, для заготовленія которыхъ ѣхалъ впереди кучеръ Степанъ. Мы вышли въ избу, заранѣе приготовленную, чтобы напиться чаю и позавтракать. У матери было совершенно больное и разстроенное лицо; она всю ночь не спала и чувствовала тошноту и головокруженье: это встревожило и огорчило меня еще больше. Въ бѣлой татарской избѣ, на широкихъ нарахъ лежала груда довольно сальныхъ перинъ, чуть не до потолка, прикрытыхъ съ одной стороны ковромъ; остальная часть наръ покрыта была бѣлою кошмою. Мать, разостлавъ на ней свой дорожный салопъ и положа свои же подушки, легла отдохнуть и скоро заснула, приказавъ, чтобы мы и чай пили безъ нея. Она проспала цѣлый часъ, а мы съ отцомъ и сестрицей, говоря шопотомъ и наблюдая во всемъ тишину, напились чаю, даже позавтракали разогрѣтымъ въ печкѣ жаркимъ. Сонъ подкрѣпилъ мать, и мы пустились въ дальнѣйшій путь. Вечеромъ опять повторилось то же событіе, то-есть мы остановились перемѣнять лошадей, вошли, только ужъ не въ чистую татарскую, а въ гадкую мордовскую избу. Кажется, отвратительнѣе этой избы я не встрѣчалъ во всю мою жизнь: нечистота, вонь отъ разнаго скота, а вдобавокъ ко всему — узенькія лавки, на которыхъ нельзя было прилечь матери, совершенно измученной отъ зимней дороги; но отецъ приставилъ кое-какъ ска-

мейку и устроилъ ей мѣстечко полежать; она ничего не могла ѣсть и только напилась чаю. Мы сидѣли съ ногами на лавкѣ (хотя были тепло обуты), потому что съ пола ужасно несло. Говорили, что морозъ сталъ гораздо сильнѣе; когда отворяли дверь, то врывающійся холодъ клубился какимъ-то бѣлымъ паромъ и въ одну минуту обхватывалъ всю избу. Тутъ мы еще поѣли разогрѣтаго супу и пирожковъ и пустились въ дальнѣйшій путь. Возокъ нашъ такъ настылъ отъ непритворенной по неосторожности двери, что мы не скоро его согрѣли своимъ присутствіемъ и дыханіемъ.

Я не могу описать тревоги и волненія, которое я испытывалъ тогда. У меня было и предчувствіе, и убѣжденіе, что съ нами случится какое-нибудь несчастіе, что мы или замерзнемъ, какъ воробьи и галки, которые на-лету падали мертвыми, по разсказамъ Параши, или захвораемъ. Но всѣ мои страхи и опасенія относились гораздо болѣе къ матери, чѣмъ къ намъ съ сестрицей. У насъ въ возкѣ опять стало тепло, а мать все сидѣла даже и не внутри повозки, а вся открытая. Предчувствіе бѣды не давало мнѣ спать. Вдругъ мы остановились, и черезъ нѣсколько минутъ эта остановка привела меня въ безпокойство; я разбудилъ Парашу, просилъ и молилъ ее постучать въ дверь, позвать кого-нибудь и спросить, что̀ значитъ эта остановка; но Параша, обыкновенно всегда добрая и ласковая, недовольная тѣмъ, что я ее разбудилъ, съ нѣкоторою грубостью отвѣчала мнѣ: «никого не достучишься теперь. Извѣстно, зачѣмъ остановились». Еслибъ она знала, какое мученіе испытывалъ я отъ неизвѣстности, то, конечно, сжалилась бы надо мной. Благодареніе Богу, возокъ скоро двинулся. Поутру, когда мы опять остановились пить чай, я узналъ, что мои страхи были не совсѣмъ неосновательны: у насъ точно замерзъ было чувашанинъ, ѣхавшій форрейторомъ въ нашемъ возкѣ. Будучи плохо одѣтъ, онъ такъ озябъ, что упалъ безъ чувствъ съ лошади; его оттерли и довезли благополучно до ближайшей деревни. Тогда же поселились во мнѣ, до сихъ поръ сохраняемые мною, ужасъ и отвращеніе къ зимней ѣздѣ на перемѣнныхъ обывательскихъ лошадяхъ, по проселочнымъ дорогамъ: мочальная сбруя, непривычныя малосильныя лошаденки, которыхъ никогда не кормятъ овсомъ, и наконецъ вощики, не довольно тепло одѣтые для переѣзда и десяти

верстъ въ жестокую стужу—все это поистинѣ ужасно. Дорога наша была совсѣмъ не та, по которой мы ѣздили въ первый разъ въ Багрово, о чемъ я узналъ послѣ. Той лѣтней степной дороги не было теперь и слѣдочка. Зимой, по дальности разстояній, и не прокладывали прямыхъ путей, а коекакія тропинки шли отъ деревни до деревни.

Поутру, когда я выползъ изъ тюрьмы на свѣтъ Божій, я нѣсколько ободрился и успокоился; къ тому же и мать почувствовала себя покрѣпче, попривыкла къ дорогѣ; и морозъ сталъ полегче. Скоро прошелъ короткій зимній день, и ночная темнота, ранѣе обыкновеннаго наступавшая въ возкѣ, опять нагнала страхи и печальныя предчувствія на мою робкую душу и, къ сожалѣнію, опять не даромъ. Я говорю: къ сожалѣнію, потому что именно съ этихъ поръ у меня укоренилась вѣра въ предчувствія, и я, во всю мою жизнь, страдалъ отъ нихъ болѣе, чѣмъ отъ дѣйствительныхъ несчастій, хотя въ то же время предчувствія мои почти никогда не сбывались. Подъѣзжая къ Багрову уже вечеромъ, возокъ нашъ наѣхалъ на пенёкъ и опрокинулся. Я, сонный, ударился бровью объ круглую мѣдную шляпку гвоздя, на которомъ висѣла сумка, и сверхъ того едва не задохся, потому что Параша, сестрица и множество подушекъ упали мнѣ на лицо, и особенно потому, что не скоро подняли опрокинутый возокъ. Когда мы освободились, то сгоряча я ничего не почувствовалъ, кромѣ радости, что не задохся, и даже не замѣтилъ, что ушибся; но, къ досадѣ моей, Параша, Аннушка и даже сестрица, которая не понимала, что я могъ задохнуться и умереть, — смѣялись и моему страху, и моей радости. Слава Богу, мать не знала, что мы опрокинулись.

Багрово зимой.

Наконецъ, послышался лай собакъ, замелькали блѣдные дрожащіе огоньки изъ крестьянскихъ избъ; слабый свѣтъ ихъ пробивался въ наши окошечки, менѣе прежняго запушенныя снѣгомъ, — и мы догадались, что пріѣхали въ Багрово: ибо не было другой деревни на послѣднемъ двѣнадцативерстномъ переѣздѣ. Мы остановились у перваго крестьянскаго двора, и послѣ я узналъ, что отецъ посылалъ спрашивать о дѣдушкѣ; отвѣчали, что онъ еще живъ. Мы ѣхали съ колокольчиками и очень медленно; насъ ожидали, догадались, что это мы ѣдемъ, и потому, несмотря на ночное время и стужу, бабушка и тётушка Татьяна Степановна встрѣтили насъ на крыльцѣ; обѣ плакали навзрыдъ и даже завывали потихоньку. Мы безъ шума вошли въ домъ. Тётушка взялась хлопотать обо мнѣ съ сестрицей, а отецъ съ матерью пошли къ дѣдушкѣ, который былъ при смерти, но въ совершенной памяти, и нетерпѣливо желалъ увидѣть сына, невѣстку и внучатъ. Намъ опять отдали гостиную, потому что особая горница, которую обѣщалъ намъ дѣдушка, хотя была срублена и покрыта, но еще не отдѣлана. Домъ весь занятъ, — съѣхались всѣ тётушки съ своими мужьями; въ комнатѣ Татьяны Степановны жила Ерлыкина съ двумя дочерьми; Иванъ Петровичъ Каратаевъ и Ерлыкинъ спали гдѣ-то въ столярной, а остальныя три тётушки помѣщались въ комнатѣ бабушки, рядомъ съ горницей больнаго дѣдушки. Въ залѣ была стужа, да и въ гостиной холодно. Едва нашли кровать для матери; намъ съ сестрицей постлали на канапе, а отцу приготовили перину на полу. Подали само-

варъ и стали насъ поить чаемъ, и тутъ пришла мать. Она вся была мокрая отъ духоты въ дѣдушкиной горницѣ, въ которой было жарко, какъ въ банѣ. Въ гостиной ей показалось холодно, и она сейчасъ принялась ее ухичивать; заперли дверь въ залу, завѣсили ковромъ, устлали полъ кошмами,—и гостиная, въ которой было двѣ печки, скоро нагрѣлась и во все время нашего пребыванія была очень тепла.

Въ головѣ моей происходила совершенная путаница разныхъ впечатлѣній, воспоминаній, страха и предчувствій; а сверхъ того, дѣйствительно, у меня начинала сильно болѣть голова отъ ушиба. Мать скоро замѣтила, что я нездоровъ, что у меня запухаетъ глазъ, и мы должны были разсказать ей все происшествіе. Мнѣ сдѣлали какую-то примочку и глазъ завязали. Но мать была больнѣе меня отъ безсонницы, усталости и тошноты въ продолженіе всей дороги. Она не легла, а упала въ изнеможеніи на свою постель; разумѣется, и насъ сейчасъ уложили. Отецъ остался на всю ночь у дѣдушки, кончины котораго ожидали каждую минуту. Мать скоро уснула, но я долго не могъ заснуть. Безпрестанно я ожидалъ, что дѣдушка начнетъ умирать, а какъ смерть, по моему понятію и убѣжденію, соединялась съ мучительною болью и страданьемъ, то я все вслушивался: не начнетъ ли дѣдушка плакать и стонать. Сильно я тревожился также о матери; голова болѣла, глазъ закрывался, я чувствовалъ жаръ и даже готовность бредить, и боялся, что захвораю.... но все уступило благотворному, цѣлебному сну. Проснувшись еще до свѣта, я взглянулъ на мать: она спала, и это меня очень обрадовало. Голова и глазъ перестали болѣть, но за то глазъ совершенно закрылся, запухъ и все ушибленное мѣсто посинѣло. Видно, отецъ еще не приходилъ: постель его не была измята. Я принялся разглядывать гостиную. Все въ ней было точно такъ же, какъ и прошлаго года, только стёкла чудными узорами разрисовались отъ сильнаго мороза. На досугѣ я далъ волю своему воображенію, или лучше сказать соображенію, потому что я именно соображалъ настоящее наше положеніе съ тѣмъ, которое ожидало насъ впереди. Разумѣется, все это думалось по-дѣтски. Я думалъ, что когда умретъ дѣдушка, то и бабушка вѣрно умретъ, потому что она старая и сѣдая. Тогда мы тётушку Татьяну Степановну увеземъ въ Уфу, и будетъ она жить у

насъ въ пустой дѣтской; а если бабушка не умретъ, то и ее увеземъ, перенесемъ домъ изъ Багрова въ Сергѣевку, поставимъ его надъ самымъ озеромъ и станемъ тамъ лѣтомъ жить и удить вмѣстѣ съ тётушкой.... Но всѣ эти мечтанія исчезали при мысли о дѣдушкиной кончинѣ, въ которой никто не сомнѣвался. Я зналъ, что онъ желалъ насъ видѣть, и надобно признаться, что это неизбѣжное свиданіе наводило на мою душу неописанный ужасъ. Всего больше я боялся, что дѣдушка станетъ прощаться со мной, обниметъ меня и умретъ, что меня нельзя будетъ вынуть изъ его рукъ, потому что онѣ *окоченѣютъ*, и что надобно будетъ меня вмѣстѣ съ нимъ закопать въ землю.... Конечно, такое опасеніе могло родиться изъ разсказовъ о покойникахъ, объ окоченѣлости ихъ членовъ, но все странно противорѣчитъ оно моимъ тогдашнимъ, здравымъ уже понятіямъ объ иныхъ предметахъ. Боже мой, какъ замирало отъ страха мое сердце при этой мысли! Дыханье останавливалось, холодный потъ выступалъ на лицѣ, я не могъ улежать на своемъ мѣстѣ, вскочилъ и сѣлъ поперекъ своей постельки, даже сталъ было будить сестрицу, и если не закричалъ, то вѣроятно отъ того, что у меня не было голоса.... Въ самое это время проснулась мать и ахнула, взглянувъ на мое лицо: перевязка давно свалилась и синяя, даже черная шишка надъ моимъ глазомъ испугала мою мать. Мнимые страхи мои исчезли предъ дѣйствительнымъ испугомъ матери, и я прибѣжалъ къ ней на постель, увѣряя, что совершенно здоровъ и что у меня ничего не болитъ. Мать успокоилась и сказала мнѣ, что это пройдетъ. Сонъ подкрѣпилъ ее; она поспѣшно встала, одѣлась и ушла къ дѣдушкѣ. Уже стало свѣтло; сестрица моя также проснулась, и тоже сначала испугалась, взглянувъ на мой глазъ, но его завязали, и она успокоилась. Она нисколько не боялась дѣдушки, очень сожалѣла о немъ и сама желала идти къ нему. Ея бодрость и привязанность къ дѣдушкѣ пристыдили и ободрили меня. Мать скоро воротилась и сказала, что дѣдушка уже очень слабъ, но еще въ памяти, желаетъ насъ видѣть и благословить. Какъ я ни старался овладѣть собою, но не могъ скрыть своего страха и даже поблѣднѣлъ. Мать старалась ободрить меня: «можно ли бояться дѣдушки, который едва дышетъ и уже умираетъ?» Я подумалъ, что того-то я и боюсь, но не смѣлъ

этого сказать. Она повела насъ въ горницу къ дѣдушкѣ, который лежалъ на постели, закрывши глаза; лицо его было блѣдно и такъ измѣнилось, что я не узналъ бы его; у изголовья на креслахъ сидѣла бабушка, а въ ногахъ стоялъ отецъ, у котораго глаза распухли и покраснѣли отъ слезъ. Онъ наклонился къ уху больнаго о громко сказалъ: «дѣти пришли проститься съ вами». Дѣдушка открылъ глаза, не говоря ни слова, дрожащею рукой перекрестилъ насъ и прикоснулся пальцами къ нашимъ головамъ; мы поцѣловали его исхудалую руку и заплакали; всѣ бывшіе въ комнатѣ принялись плакать, даже рыдать, и тутъ только я замѣтилъ, что около насъ стояли всѣ тётушки, дядюшки, старыя женщины и служившіе при дѣдушкѣ люди. Страхъ мой совершенно прошелъ, и въ эту минуту я вполнѣ почувствовалъ и любовь, и жалость къ умирающему дѣдушкѣ. Въ комнатѣ былъ нестерпимый жаръ и духота; мать скоро увела насъ въ гостиную, гдѣ мы съ сестрицей такъ расплакались, что насъ долго не могли унять. Чтобы разсѣять насъ, мать позвала къ намъ двоюродныхъ нашихъ сестрицъ. Онѣ были гораздо спокойнѣе и встрѣтили насъ ласково; мы сами нѣсколько успокоились и разговорились съ ними. Мы проговорили такъ до обѣда, который происходилъ обыкновеннымъ порядкомъ въ залѣ; кушаньевъ было множество и кромѣ моей матери и отца, который и за столъ не садился, всѣ кушали охотно и разговаривали довольно спокойно, только вполголоса. Послѣ обѣда сестрицы зашли къ намъ въ гостиную, и я принялся очень живо болтать и разсказывать имъ всякую всячину. Безсознательно я хотѣлъ подавить въ себѣ пустыми разговорами постоянное присутствіе мысли о дѣдушкиной смерти. Мать безпрестанно уходила къ больному и позволила намъ идти въ горницу къ двоюроднымъ сестрамъ. Проходить къ нимъ надобно было чрезъ корридоръ и чрезъ дѣвичью, биткомъ набитую множествомъ горничныхъ дѣвушекъ и дѣвченокъ; ихъ одежда поразила меня: однѣ были одѣты въ полосущатыя платья, другія въ тѣлогрѣйки съ юбками; а иныя были просто въ однѣхъ рубашкахъ и юбкахъ; всѣ сидѣли за гребнями и пряли. Это была для меня совершенная новость, и я, остановясь, съ любопытствомъ разсматривалъ, какъ пряхи, одною рукою подергивая льняныя мочки, другою вертѣли веретёна

съ намотанной на нихъ пряжей; все это дѣлалось очень проворно и красиво, а какъ всѣ молчали, то жужжанье веретёнъ и подергиванье мочекъ производили необыкновеннаго рода шумъ, никогда мною неслыханный. Въ самое это время, какъ я вслушивался и всматривался внимательно, въ комнатѣ дѣдушки раздался плачъ; я вздрогнулъ; въ одну минуту вся дѣвичья опустѣла: пряхи, побросавъ свои гребни и веретёна, бросились толпою въ горницу умирающаго. Я подумалъ, что дѣдушка умеръ; пораженный и испуганный этою мыслью, я, самъ не помню, какъ очутился въ комнатѣ своихъ двоюродныхъ сестрицъ, какъ взлѣзъ на тётушкину кровать и забился въ уголъ за подушки. Параша, оставя насъ однихъ, также побѣжала посмотрѣть, что дѣлается въ горницѣ бѣднаго стараго барина. Мнѣ стало еще страшнѣе; но Параша скоро воротилась и сказала, что дѣдушка началъ было *томиться*, но опять отдохнулъ. «Все ужъ ночью помретъ», прибавила она очень равнодушно. Мы пробыли у сестеръ часа два, но я уже не болталъ, а сидѣлъ какъ въ воду опущенный. Насъ позвали пить чай въ залу, куда приходили: мать, тётушки и бабушка, но по одиночкѣ и на короткое время. Отецъ не приходилъ и мнѣ было грустно, что я такъ давно его не вижу. Я уже понималъ, какъ тяжело было ему смотрѣть на умирающаго своего отца. Послѣ чаю двоюродныя сёстры опять зашли къ намъ въ гостиную и я опять не принималъ никакого участія въ ихъ разговорахъ; часа черезъ два онѣ ушли спать.—Какъ было мнѣ завидно, что онѣ ничего не боялись, и какъ я желалъ, чтобъ онѣ не уходили! Безъ нихъ мнѣ стало гораздо страшнѣе. Милая сестрица моя грустила объ дѣдушкѣ и безпрестанно о немъ поминала. Она говорила: «дѣдушка не будетъ кушать. Дѣдушку зароютъ въ снѣгъ. Мнѣ его жалко». Она плакала, но также ничего не боялась и скоро заснула. У меня же всѣ чувства были подавлены страхомъ и я былъ увѣренъ, что не усну во всю ночь. Я умолялъ Парашу, чтобъ она не уходила, и она обѣщала не уходить, пока не придетъ мать. Вмѣсто ночника, всегда горѣвшаго тускло, я упросилъ зажечь свѣчку. Замѣтя, что Параша дремлетъ, я сталъ съ ней разговаривать. Я спросилъ: «отчего дѣдушка не плачетъ и не кричитъ? Вѣдь ему больно умирать?» Параша со смѣхомъ отвѣчала: «нѣтъ, ужъ когда придется умирать, такъ

тутъ больно не бываетъ; тутъ человѣкъ ужъ ничего и не слышитъ, и не чувствуетъ. Дѣдушка уже безъ языка и никого не узнаетъ; хочетъ что-то сказать, глядитъ во всѣ глаза, да только губами шевелитъ...» Новый, еще страшнѣйшій образъ умирающаго дѣдушки нарисовало мое воображеніе. Этотъ образъ неотступно стоялъ предъ моими глазами. Я почувствовалъ всю безконечность муки, о которой нельзя сказать окружающимъ, потому что человѣкъ уже не можетъ говорить. Я схватилъ руку Параши, не выпускалъ ее и пересталъ говорить. Свѣтильня нагорѣла, надо было снять со свѣчи, но я не рѣшился и на одну минуту разстаться съ рукой Параши: она должна была идти вмѣстѣ со мной и переставить свѣчу на столъ возлѣ меня, такъ близко, чтобы можно было снимать ее щипцами, не вставая съ мѣста. Параша принялась дремать, а я безпрестанно ее будить, жалобнымъ голосомъ повторяя: «Парашенька, не спи». Наконецъ пришла мать. Она удивилась, что я не сплю, и, узнавъ причину, перевела меня на свою постель, и не раздѣваясь, легла вмѣстѣ со мною. Я обнялъ ее обѣими руками и, успокоенный ея увѣреніями, что дѣдушка умретъ не скоро,—скоро заснулъ.—Я спокойно проспалъ нѣсколько часовъ, но пробужденіе было ужасно. Открывъ глаза, я увидѣлъ, что матери не было въ комнатѣ, Параши также; свѣчка потушена, ночникъ догоралъ и огненный языкъ потухающей свѣтильни, кидаясь во всѣ стороны на днѣ горшечка съ выгорѣвшимъ саломъ, изрѣдка озарялъ мелькающимъ невѣрнымъ свѣтомъ комнату, угрожая каждую минуту оставить меня въ совершенной темнотѣ. Нѣтъ словъ для выраженія моего страха! Точно кипяткомъ обливалось мое сердце, и въ то же время морозъ пробѣгалъ по всему тѣлу. Я завернулся съ головой въ одѣяло и чувствовалъ, какъ холодный потъ выступалъ по мнѣ. Напрасно зажмуривалъ я глаза — дѣдушка стоялъ предо мной, смотря мнѣ въ глаза и шевеля губами, какъ говорила Параша. Кузнечики ковали въ голыхъ деревянныхъ стѣнахъ и слабые эти звуки болѣзненно пронзали мой слухъ. Еслибъ въ это время что-нибудь стукнуло или треснуло, мнѣ кажется, я бы умеръ отъ испуга. Вдругъ мнѣ послышался издали сначала плачъ; я подумалъ, что это мнѣ почудилось... но плачъ перешелъ въ вопль, стонъ, визгъ... я не въ силахъ былъ болѣе выдер-

живать; раскрылъ одѣяло и принялся кричать такъ громко, какъ могъ. Сестрица проснулась и принялась также кричать. Вѣроятно долго продолжались наши крики, никѣмъ не услышанные, потому что въ это время въ самомъ дѣлѣ скончался дѣдушка; весь домъ сбѣжался въ горницу къ покойнику, и всѣ подняли такой громкій вой, что никому не было возможности услышать наши дѣтскіе крики. Я терялъ уже сознаніе и готовъ былъ упасть въ обморокъ или помѣшаться, какъ вдругъ вбѣжала Параша, которая преспокойно спала въ корридорѣ у самой нашей двери и которую наконецъ разбудили общіе вопли; по счастію насъ съ сестрой она разслышала прежде, потому что мы были ближе. Она зажгла свѣчу у потухающаго ночника, посадила насъ къ себѣ на колѣни и кое-какъ успокоила. Наконецъ пришла мать, сама разстроенная и больная, сказала, что дѣдушка скончался въ 6 часовъ утра и что сейчасъ придетъ отецъ и ляжетъ спать, потому что уже не спалъ двѣ ночи. Въ самомъ дѣлѣ, скоро пришелъ отецъ, поцѣловалъ насъ, перекрестилъ и сказалъ: «не стало вашего дѣдушки» и горько заплакалъ; заплакали и мы съ сестрицей. Общее вытье въ домѣ умолкло. Отецъ легъ и ту-жъ минуту заснулъ. Свѣча горѣла въ углу, чѣмъ-то заставленная, въ окнахъ появилась бѣлизна, я догадался, что начинаетъ свѣтать; это меня очень ободрило, и скоро я заснулъ, вмѣстѣ съ матерью и сестрою.

Я проспалъ очень долго. Яркое зимнее солнце заглянуло уже въ наши окна, когда я открылъ глаза. Прежде всего слухъ мой былъ пораженъ церковнымъ пѣніемъ, происходившимъ въ залѣ, а потомъ услышалъ я и плачъ и рыданье. Событіе прошедшей ночи ожило въ моей памяти, и я сейчасъ догадался, что вѣрно молятся Богу объ умершемъ дѣдушкѣ. Въ комнатѣ никого не было. «Видно и Параша съ сестрицей ушли молиться Богу», подумалъ я, и сталъ терпѣливо дожидаться чьего-нибудь прихода. Днемъ, при солнечномъ свѣтѣ, я не боялся одиночества. Скоро пришла Параша съ сестрицей, у которой глаза были заплаканы. Параша, сказавъ: «вотъ какъ проспали, ужъ скоро обѣдать станутъ», начала поспѣшно меня одѣвать. Я сталъ умываться, и вдругъ вслушался въ какое-то однообразное, тихое, нараспѣвъ чтеніе, выходившее какъ-будто изъ залы. Я спросилъ Парашу, что̀ это такое читаютъ? и она, обливая изъ руко-

мойника холодною водою мою голову, отвѣчала: «по дѣдушкѣ псалтырь читаютъ». Я еще ни о чемъ не догадывался и былъ довольно спокоенъ, какъ вдругъ сестрица сказала мнѣ: «пойдемъ, братецъ, въ залу, тамъ дѣдушка лежитъ». Я испугался и, все еще не понимая настоящаго дѣла, спросилъ: «да какъ же дѣдушка въ залу пришелъ, развѣ онъ живъ?» — «Какое живъ, отвѣчала Параша: ужъ давно остамѣлъ; его обмыли, одѣли въ саванъ, принесли въ залу и положили на столъ, отслужили панихиду, попы уѣхали *), а теперь старикъ Екимъ читаетъ псалтырь. Не слушайте сестрицы; ну, чего дѣдушку глядѣть: такой страшный, однимъ глазомъ смотритъ»... Каждое слово Параши охватывало мою душу новымъ ужасомъ, а послѣднее описаніе такъ меня поразило, что я съ крикомъ бросился вонъ изъ гостиной, и черезъ корридоръ и дѣвичью прибѣжалъ въ комнату двоюродныхъ сестеръ; за мной прибѣжала Параша и сестрица, но никакъ не могли уговорить меня воротиться въ гостиную. Правда, страхъ смѣшонъ, и я не обвиняю Парашу за то, что она смѣялась, уговаривая меня воротиться и даже пробуя увести насильно, противъ чего я защищался и руками и ногами; но муки, порождаемыя страхомъ въ дѣтскомъ сердцѣ, такъ ужасны, что надъ ними грѣшно смѣяться. Параша пошла за моей матерью, которая, какъ послѣ я узналъ, хлопотала вмѣстѣ съ другими около бабушки: бабушкѣ сдѣлалось дурно послѣ панихиды, потому что она ужасно плакала, рвалась и билась. Мать пришла вмѣстѣ съ тётушкой Елизаветой Степановной. Я бросился къ матери на шею и умолялъ ее не уводить меня въ гостиную. Ей было это очень непріятно и стыдно за меня передъ двоюродными сестрами, что я хотя мущина, а такой трусъ. Она хотѣла употребить власть; но я пришелъ въ изступленіе, котораго мать сама испугалась. Тётушка видно сжалилась надо мной и вызвалась перейдти въ гостиную съ своими дочерьми, которыя не боятся покойниковъ. Мать въ другое время ни за что бы не приняла такого одолженія, — теперь же охотно и съ благодарностью согласилась. Точно камень свалился съ моего сердца, когда было рѣшено, что мы перейдемъ въ эту угольную комнату,

---

*) Про священника съ причтомъ иногда говорятъ въ Оренб. г. во множественномъ числѣ. *С. А.*

отдаленную отъ залы. Въ ней не слышно было ни чтенія псалтыря, ни *вытья*. Выть по мертвому, или причитать, считалось тогда необходимостью, долгомъ. Не только тётушки, но всѣ старухи, дворовыя и крестьянскія, перебывали въ залѣ, плакали и голосили, приговаривая: «отецъ ты нашъ родимый, на кого ты насъ оставилъ, сиротъ горемычныихъ» и проч. и проч. Мы перебрались въ тётушкину горницу очень скоро; я и не видѣлъ этого перетаскиванья, потому что насъ позвали обѣдать. Большой круглый столъ былъ накрытъ въ бабушкиной горницѣ. Когда мы съ сестрицей вошли туда, бабушка, всѣ тётушки и двоюродныя наши сёстры, повязанныя черными платками, а иныя и въ черныхъ платкахъ на шеѣ, сидѣли молча другъ возлѣ друга; оба дяди также были тамъ; общій видъ этой картины произвелъ на меня тяжелое впечатлѣніе. Всѣ перецѣловали насъ, плакали нараспѣвъ, приговаривали: «покинулъ васъ дѣдушка родимый» и еще что-то въ этомъ родѣ, чего я не помню. Скоро столъ уставили множествомъ кушаньевъ. Не знаю почему, но вся прислуга состояла изъ горничныхъ дѣвушекъ. Отецъ былъ занятъ какимъ-то дѣломъ въ столярной и его дожидались довольно долго. Моя мать говорила своей свекрови: «для чего вы, матушка, не изволите садиться кушать? Алексѣй Степанычъ сейчасъ придетъ». Но бабушка отвѣчала, что «Алеша теперь полный хозяинъ и господинъ въ домѣ, такъ слѣдуетъ его подождать». Мать попробовала возразить: «онъ вашъ сынъ, матушка, и вы будете всегда госпожей въ его домѣ». Бабушка замахала руками и сказала: «нѣтъ, нѣтъ, невѣстынька: по нашему не такъ, а всякій сверчокъ знай свой шестокъ». Все это я слушалъ съ большимъ вниманіемъ и любопытствомъ. Вдругъ растворились двери и вошелъ мой отецъ. Я его уже давно не видалъ, видѣлъ только мелькомъ ночью; онъ былъ блѣденъ, печаленъ и похудѣлъ. Въ одну минуту всѣ встали и пошли къ нему навстрѣчу, даже толстая моя бабушка, едва держась на ногахъ и кѣмъ-то поддерживаемая, поплелась къ нему, всѣ же четыре сестры повалились ему въ ноги и завыли. Всего нельзя было разслышать, да я и забылъ многое. Помню слова: «ты теперь нашъ отецъ, не оставь насъ сиротъ». — Добрый мой отецъ, обливаясь слезами, всѣхъ поднималъ и обнималъ, а своей матери, идущей къ нему навстрѣчу, самъ

поклонился въ ноги и потомъ, цѣлуя ея руки, увѣрялъ, что никогда изъ ея воли не выйдетъ и что все будетъ идти по прежнему. Вслѣдъ за этой сценой всѣ обратились къ моей матери и, хотя не кланялись въ ноги, какъ моему отцу, но просили ее, *настоящую хозяйку въ домѣ*, не оставить ихъ своимъ расположеніемъ и ласкою. Я видѣлъ, что моей матери все это было непріятно и противно; она слишкомъ хорошо знала, что ее не любили, что желали ей сдѣлать всякое зло. Она отвѣчала холодно, что «никогда никакой власти на себя не возьметъ и что будетъ всѣхъ уважать и любить, какъ и прежде». Сѣли за столъ и принялись такъ кушать (за исключеніемъ моей матери), что я съ удивленіемъ смотрѣлъ на всѣхъ. Тётушка Татьяна Степановна разливала налимью уху изъ огромной кастрюли, и, накладывая груды икры и печенокъ, приговаривала: «покушайте, матушка, братецъ, сестрица, икорки-то и печеночекъ-то, вѣдь какъ батюшка-то любилъ ихъ»... и я самъ видѣлъ, какъ слезы у нея капали въ тарелку. Точно также и другіе плакали и ѣли съ удивительнымъ аппетитомъ. Послѣ обѣда всѣ пошли спать и спали до вечерняго чая. Проходя черезъ дѣвичью въ нашу новую комнату, я съ робостью поглядывалъ въ растворенный корридоръ, который выходилъ прямо въ залу, откуда слышалось однообразное, утомительное чтеніе псалтыря. Отецъ съ матерью также отдыхали, а мы съ сестрицей шопотомъ разговаривали. При дневномъ свѣтѣ бодрость моя возвратилась, и я даже любовался яркими лучами солнца. Комната мнѣ чрезвычайно нравилась; кромѣ того, что она отдаляла меня отъ покойника, она была угольная и одною своей стороной выходила на рѣку Бугурусланъ, который и зимой не замерзалъ отъ быстроты теченія и множества родниковъ. Онъ круто поворачивалъ противъ самыхъ оконъ. Видъ, въ снѣгахъ, быстро бѣгущей рѣки, лѣтняя кухня на острову, высокіе къ ней переходы, другой островъ съ большими и стройными деревьями, опушенными инеемъ, а вдали выпуклоутесистая Челяевская гора,—вся эта картина произвела на меня пріятное, успокоительное впечатлѣніе. Въ первый разъ почувствовалъ я, что и видъ зимней природы можетъ имѣть свою красоту.

Мое спокойствіе продолжалось до сумерокъ. Самъ того не примѣчая, съ угасающими лучами заходящаго солнца терялъ

я свою бодрость. Я боялся даже идти пить чай въ бабушкину комнату, потому что надобно было проходить въ дѣвичьей мимо извѣстнаго корридора. Мать строго приказала мнѣ идти. Я имѣлъ силу послушаться, но пробѣжалъ бѣгомъ черезъ дѣвичью, заткнувъ уши и отворотясь отъ корридора. Послѣ чаю у бабушки въ горницѣ начались разговоры о томъ, какъ умиралъ и что̀ завѣщалъ исполнить дѣдушка, а также о томъ, что послѣ завтра будутъ его хоронить. Мать, замѣтивъ, что такіе разговоры меня смущаютъ, сейчасъ увела насъ съ сестрой въ нашу угловую комнату, даже пригласила къ намъ двоюродныхъ сестрицъ. Онѣ, посидѣвъ и поболтавъ съ нами, ушли, и когда надобно было ложиться спать, страхъ опять овладѣлъ мною и такъ выразился на моемъ лицѣ, что мать поняла, какую ночь проведу я, если не лягу спать вмѣстѣ съ нею. Горячею благодарностью къ ней наполнилось мое сердце, когда она сама сказала мнѣ: «Сережа, ты ляжешь со мной». Это все, чего я могъ желать, о чемъ безъ сомнѣнія я сталъ бы и просить и въ чемъ не отказали бы мнѣ; но какъ тяжело, какъ стыдно было бы просить объ этомъ! Я, конечно, не вдругъ бы рѣшился и прежде не одинъ часъ провелъ бы въ мучительномъ положеніи. О, благо тѣмъ, которые щадятъ, избавляютъ отъ унизительнаго сознанія въ трусости робкое сердце дитяти! Ночь прошла спокойно. Я проснулся еще до свѣта и услышалъ много любопытныхъ разговоровъ между отцомъ и матерью. Я узналъ, что отецъ мой хочетъ выйдти въ отставку и переѣхать на житье въ Багрово. Эта вѣсть очень меня огорчила; Багрово въ оба раза представилось мнѣ въ неблагопріятномъ видѣ и, конечно, не могло меня привлекать къ себѣ; всѣ мои мечты стремились къ Сергѣевкѣ, гдѣ такъ весело провелъ я прошедшее лѣто. Тутъ же я въ первый разъ услышалъ, что у меня будетъ новая сестрица или братецъ.

Слѣдующій день прошелъ точно такъ же, какъ и предыдущій: то-есть днемъ я былъ спокойнѣе и бодрѣе, а къ ночи опять начиналъ бояться. Всего больше тревожило меня сомнѣніе, положитъ ли маменька меня съ собою спать. Я съ волненіемъ дожидался того времени, когда начнутъ стлать постели, и почувствовалъ большую радость, увидя, что мои подушки кладутъ на маменькину постель. Новаго я узналъ, что завтра дѣдушку повезутъ хоронить въ село Неклюдово,

чего онъ именно не желалъ, потому что не любилъ всего неклюдовскаго. Почему было поступлено противъ его воли,—я до сихъ поръ не знаю; но помню, что говорили о какихъ-то важныхъ причинахъ. Я долженъ признаться, что горячо желалъ, чтобы поскорѣе увезли дѣдушку. Я чувствовалъ, что только тогда возвратится въ мою душу совершенное спокойствіе. Мертвецовъ боятся многіе во всю свою жизнь; я самъ боялся ихъ и никогда не видывалъ лѣтъ до двадцати. Страхъ этотъ опредѣлить трудно. Человѣкъ въ зрѣломъ возрастѣ вѣроятно страшится собственнаго впечатлѣнія: видъ покойника возмутитъ его душу и будетъ преслѣдовать его воображеніе; но тогда я положительно боялся и былъ увѣренъ, что дѣдушка, какъ скоро я взгляну на него, на минуту оживетъ и схватитъ меня.

Наступилъ этотъ печальный и торжественный день. Всѣ поднялись рано; началась бѣготня и безпрестанное хлопанье дверями. Когда мы пришли, ранѣе обыкновеннаго, пить чай въ бабушкину горницу, то всѣ тётушки и бабушка были уже одѣты въ дорожныя платья; у крыльца стояло нѣсколько повозокъ и саней, запряженныхъ гусемъ. Дворъ и улица были полны народу: не только сошлись свои крестьяне и крестьянки, отъ стараго и до малаго, но и окольныя деревни собрались проститься съ моимъ дѣдушкой, который былъ всѣми уважаемъ и любимъ, какъ отецъ. Много лѣтъ спустя, я слыхалъ, что сосѣдняя Мордва иначе не называла его, какъ «отца наша». Когда все было готово и всѣ пошли прощаться съ покойникомъ, то въ залѣ поднялся вой, громко раздавшійся по всему дому: я чувствовалъ сильное волненіе, но уже не отъ страха, а отъ темнаго пониманія важности событія, жалости къ бѣдному дѣдушкѣ и грусти, что я никогда его не увижу. Двери въ домѣ были вездѣ настежь, вездѣ сдѣлалась стужа, и мать приказала Парашѣ не водить сестрицу прощаться съ дѣдушкой, хотя она плакала и просилась. Итакъ, мы только трое остались въ бабушкиной теплой горницѣ. Вдругъ поднялся глухой шумъ и топотъ множества ногъ въ залѣ, съ которымъ вмѣстѣ двигался плачъ и вой; все это прошло мимо насъ... и вскорѣ я увидѣлъ, что съ крыльца, какъ-будто на головахъ людей, спустился деревянный гробъ; потомъ, когда тѣсная толпа раздвинулась, я разглядѣлъ, что гробъ несли мой отецъ, двое дядей и старикъ

Петръ Өедоровъ, котораго самого вели подъ руки; бабушку также вели сначала, но скоро посадили въ сани, а тётушки и маменька шли пѣшкомъ; многіе стоявшіе на дворѣ кланялись въ землю. Медленно двигаясь, толпа вышла на улицу, вытянулась во всю ея длину и наконецъ скрылась изъ моихъ глазъ. Стоя на столѣ и смотря въ окошко, я плакалъ отъ глубины души, исполненной искренняго чувства любви и умиленія къ моему дѣдушкѣ, такъ горячо любимому всѣми. На одно мгновеніе мнѣ захотѣлось даже еще разъ его увидѣть и поцѣловать исхудалую его руку.

Мы сидѣли въ бабушкиной горницѣ и грустно молчали. Послѣ шума и движенія въ домѣ наступила мертвая тишина. Вдругъ подъѣхали къ крыльцу сани; съ нихъ сошла мать и двѣ наши двоюродныя сестры. Я вскрикнулъ отъ радости; я думалъ, что всѣ уѣхали въ Неклюдово за двадцать верстъ. Вслѣдъ за пріѣздомъ матери повалили толпы возвращающагося народа. Мать проводила дѣдушку до околицы; тамъ поставили гробъ на сани, а всѣ провожавшіе сѣли въ повозки. Мы ушли въ свою угольную комнату. Мать, разстроенная душевно, потому что очень любила покойнаго дѣдушку, и очень утомленная, пролежала почти цѣлый день, не занимаясь нами. Двоюродныя сестрицы оставались у насъ въ комнатѣ, и мы съ ними очень разговорились, и очень дружелюбно. Впрочемъ, говорили почти все онѣ, и я тутъ узналъ много такого, о чемъ прежде не имѣлъ понятія и что даже считалъ невозможнымъ. Я узналъ, напримѣръ, что онѣ очень мало любятъ, а только боятся своихъ родителей, что онѣ безпрестанно лгутъ и обманываютъ ихъ; я принялся было осуждать своихъ сестрицъ, доказывать, какъ это дурно, и учить ихъ, какъ надобно поступать добрымъ дѣтямъ. Я говорилъ все то, что̀ зналъ изъ книгъ, еще болѣе изъ собственной моей жизни, но сестрицы меня или не понимали, или смѣялись надо мной, или утверждали, что у нихъ тятенька и маменька совсѣмъ не такіе, какъ у меня.

Поздно вечеромъ воротился отецъ. Бабушка съ тётушками осталась ночевать въ Неклюдовѣ у родныхъ своихъ племянницъ; мой отецъ прямо съ похоронъ, не заходя въ домъ, какъ его о томъ ни просили, уѣхалъ къ намъ. Онъ цѣлый день ничего не ѣлъ и ужасно усталъ, потому что много шелъ пѣшкомъ за гробомъ дѣдушки. Эту ночь я спалъ уже на осо-

бой кроваткѣ вмѣстѣ съ сестрицей. Я вечеромъ опять почувствовалъ страхъ, но скрылъ его: мать положила бы меня спать съ собою, а для нея это было безпокойно; къ тому же она спала, когда я ложился. Долго не могъ я заснуть; видъ колыхающагося гроба и чего-то въ немъ лежащаго, медленно двигающагося на плечахъ толпы народа — не отходилъ отъ меня и далеко прогонялъ сонъ. Наконецъ, послѣ многихъ усилій я кое-какъ заснулъ, слава Богу, и проснулся позже всѣхъ.

Къ обѣду пріѣхала бабушка, тётушка и дяди; наканунѣ весь домъ былъ вымытъ, печи жарко истоплены и въ домѣ стало тепло, кромѣ залы, въ которую, впрочемъ, никто и не входилъ до девяти денъ. Чтеніе псалтыря продолжалось и день и ночь уже въ горницѣ дѣдушки, гдѣ онъ жилъ и скончался. Пили чай, обѣдали и ужинали у бабушки, потому что это была самая большая комната послѣ залы; тамъ же обыкновенно всѣ сидѣли и разговаривали. Мать нѣсколько дней не могла оправиться: она по большей части сидѣла съ нами въ нашей свѣтлой угольной комнатѣ, которая, впрочемъ, была холоднѣе другихъ; но мать захотѣла остаться въ ней до нашего отъѣзда въ Уфу, который былъ назначенъ черезъ девять дней.

Какъ я ни былъ малъ, но замѣтилъ, что моего отца всѣ тётушки, особенно Татьяна Степановна, часто обнимали, цѣловали и говорили, что онъ одинъ остался у нихъ кормилецъ и защитникъ. Мать мою также очень ласкали. Тётушка Татьяна Степановна часто приходила къ намъ, чтобы «матушкѣ сестрицѣ не было скучно», и звала ее съ собою, чтобы вмѣстѣ поговорить о разныхъ домашнихъ дѣлахъ. Но мать всегда отвѣчала, что «не намѣрена мѣшаться въ ихъ семейныя и домашнія дѣла, что ея согласія тутъ не нужно и что все зависитъ отъ матушки», то-есть отъ ея свекрови. Возвращаясь съ семейныхъ совѣщаній, отецъ разсказывалъ матери, что покойный дѣдушка, еще до нашего пріѣзда, отдалъ разныя приказанія бабушкѣ; назначилъ каждой дочери, кромѣ крестной матери моей, доброй Аксиньи Степановны, по одному семейству изъ дворовыхъ, а для Татьяны Степановны приказалъ купить сторгованную землю у Башкирцевъ и перевести туда 25 душъ крестьянъ, которыхъ назвалъ поименно; сверхъ того роздалъ дочерямъ много

хлѣба и всякой домашней рухляди. «Хоть батюшка мнѣ ничего не говорилъ, а изволилъ только сказать: *не оставь Танюшу и награди такъ же, какъ я наградилъ другихъ сестеръ при замужествѣ*,—но я свято исполню все, что онъ приказывалъ матушкѣ». Мать одобрила его намѣреніе. Когда мой отецъ изъявилъ полное согласіе на исполненіе дѣдушкиной воли, то всѣ благодарили его и низко кланялись, а Татьяна Степановна поклонилась даже въ ноги. Она приходила также обнимать, цѣловать и благодарить мою мать, которая однако никакихъ благодарностей не принимала и возражала, что это дѣло до нея вовсе не касается.

Я замѣчалъ иногда, что Параша что-то шептала моей матери; иногда она слушала ее, а всего чаще заставляла молчать и прогоняла, и вотъ что̀ эта Параша, одѣвая меня, одинъ разъ мнѣ сказала: «Да, вы тутъ сидите, а васъ грабятъ». Я не понялъ и попросилъ объясненія. Параша отвѣчала: «Да вотъ сколько теперь батюшка-то вашъ роздалъ крестьянъ, дворовыхъ людей и всякаго добра вашимъ тётушкамъ-то, а все понапрасну; онѣ всклепали на покойника; онѣ точно просили, да дѣдушка отвѣчалъ: что̀ братъ Алеша дастъ, тѣмъ и будьте довольны. Никанорка Танайченокъ все это своими ушами слышалъ и всѣ въ домѣ это знаютъ». Я плохо понималъ, о чемъ шло дѣло, и это не произвело на меня никакого впечатлѣнія; но я, какъ и всегда, поспѣшилъ разсказать объ этомъ матери. Она такъ разсердилась и такъ кричала на Парашу, такъ грозила ей, что я испугался. Параша плакала, просила прощенья, валялась въ ногахъ у моей матери, крестилась и божилась, что никогда впередъ этого не будетъ. Мать сказала ей, что если еще разъ что-нибудь такое случится, то она отошлетъ ее въ Симбирское Багрово ходить за коровами. Какъ было мнѣ жаль бѣдную Парашу, какъ она жалобно на меня смотрѣла и какъ умоляла, чтобъ я упросилъ маменьку простить ее!... и я съ жаромъ просилъ за Парашу, обвиняя себя, что подвергъ ее такому горю. Мать простила, но со всѣмъ тѣмъ выгнала вонъ изъ нашей комнаты свою любимую преданную женщину и не позволила ей показываться на глаза, пока ея не позовутъ, а мнѣ она строго подтвердила, чтобъ я никогда не слушалъ разсказовъ слугъ и не вѣрилъ имъ, и что это все выдумки багровской дворни: разумѣется, что тогда никакое

сомнѣніе въ справедливости словъ матери не входило мнѣ въ голову. Только впослѣдствіи понялъ я, за что мать сердилась на Парашу и отчего она хотѣла, чтобъ я не зналъ печальной истины, которую мать знала очень хорошо. Понялъ также и то, для чего мать напрасно обвинила багровскую дворню, понялъ, что въ этомъ случаѣ дворня была выше нѣкоторыхъ своихъ господъ.

Обрадованный, что со мной и съ сестрицей бабушка и тётушка стали ласковы, и увѣренный, что всѣ насъ любятъ, я самъ сдѣлался очень ласковъ со всѣми, особенно съ бабушкой. Я скоро предложилъ всему обществу послушать моего чтенія изъ «Россіады» и трагедій Сумарокова. Меня слушали съ любопытствомъ, хвалили и говорили, что я умникъ, грамотей и чтецъ.

Черезъ нѣсколько дней страхъ мой совершенно прошелъ. Я сталъ ходить по всему дому, провожаемый иногда Евсеичемъ. Одинъ разъ, какъ-то безъ него, я заглянулъ даже въ дѣдушкину комнату: она была пуста; всѣ вещи куда-то вынесли; стояла только въ углу его скамеечка и кровать съ веревочнымъ переплетомъ, посрединѣ котораго лежалъ тонкій лубокъ, покрытый войлокомъ, а на войлокѣ спали поочередно который нибудь изъ чтецовъ псалтыря; чтецовъ было двое: дряхлый старикъ Екимъ Мысеичъ и очень молодой, рыжій парень Василій. Они перемѣнялись, читая день и ночь. Когда я вошелъ въ первый разъ въ эту печальную комнату, читалъ Мысеичъ медленно и гнуся, плохо разбирая и въ очки церковную печать. Въ углу стоялъ высокій столикъ, накрытый бѣлою салфеткой, съ большимъ образомъ, передъ которымъ теплилась желтая восковая свѣчка; Екимъ иногда крестился, а иногда и кланялся. Я стоялъ долго и тихо, испытывая чувство грустнаго умиленія. Вдругъ мнѣ захотѣлось самому почитать псалтырь по дѣдушкѣ: я еще въ Уфѣ выучился читать церковную печать. Я попросилъ объ этомъ Екима, и онъ согласился. Заставивъ меня напередъ помолиться Богу, Мысеичъ подставилъ мнѣ низенькую дѣдушкину скамеечку, и я стоя принялся читать. Какое-то волненіе стѣсняло мою грудь, я слышалъ біеніе моего сердца и звонкій голосъ мой дрожалъ; но я скоро оправился и почувствовалъ неизъяснимое удовольствіе. Я читалъ довольно долго, какъ вдругъ голосъ Евсеича, который, вошедши за

мной, уже давно стоялъ и слушалъ, прервалъ меня: «не будетъ ли, соколикъ? сказалъ онъ; а читать гораздъ». Я оглянулся: Мысеичъ заснулъ, прислонясь къ окошку. Мы разбудили его и онъ, благословясь, принялся за чтеніе. Я помолился передъ образомъ, посмотрѣлъ на дѣдушкину кровать, на которой спалъ рыжій Васька, вспомнилъ все прошедшее и грустно вышелъ изъ комнаты.

Пришелъ и девятый день, день поминовенья по усопшемъ дѣдушкѣ. Накунунѣ всѣ, кромѣ отца и матери, даже двоюродныя сёстры, уѣхали ночевать въ Неклюдово. Въ девятый же день и отецъ съ матерью рано поутру, чтобы поспѣть къ обѣднѣ, уѣхали туда же. Въ цѣломъ домѣ оставались одни мы съ сестрицей. Евсеичъ со мной не разставался, и я упросилъ его пойдти въ комнату дѣдушки, чтобъ еще разъ почитать по немъ псалтырь. Въ горницѣ также читалъ Мысеичъ и также спалъ рыжій Васька. Хотя я началъ читать не безъ волненія, но голосъ мой уже не дрожалъ, и я читалъ еще съ бо̀льшимъ внутреннимъ удовольствіемъ, чѣмъ въ первый разъ. Долго и терпѣливо слушалъ Евсеичъ, наконецъ также сказалъ: «не будетъ ли, соколикъ? чай ножки устали». Мысеичъ опять дремалъ, прислонясь къ окошку; я опять помолился Богу и даже поклонился въ землю, опять съ грустью посмотрѣлъ на дѣдушкину кровать, и мы вышли. Дѣдушкиной горницы въ этомъ видѣ я уже больше не видалъ. Выходя изъ комнаты, Евсеичъ сказалъ мнѣ: «вотъ это хорошо вышло! Въ Неклюдовѣ служили по дѣдушкѣ панихиду на его могилкѣ, а ты, соколикъ, читалъ по немъ псалтырь въ его горницѣ», и я чувствовалъ необыкновенное удовольствіе, смѣшанное съ какой-то даже гордостью.

Къ обѣду, о которомъ, какъ я замѣтилъ, заранѣе хлопотали тётушки, всѣ воротились изъ Неклюдова; даже пріѣхали бабушкины племянницы со старшими дѣтьми. Еще до пріѣзда хозяевъ и гостей былъ накрытъ большой столъ въ залѣ. Мать воротилась, очень утомленная и разстроенная, отецъ съ красными глазами отъ слезъ, а прочія показались мнѣ довольно спокойными. Какъ пріѣхали, такъ сейчасъ сѣли за обѣдъ. Кушаньевъ было множество и все такія жирныя, что мать намъ съ сестрицей почти ничего ѣсть не позволяла. Въ концѣ обѣда явились груды блиновъ: ихъ кушали со слезами и даже съ рыданьями, хотя передъ блинами всѣ

были спокойны и громко говорили. Мать ничего не ѣла и очень была печальна; я глазъ съ нея не сводилъ. Я слышалъ, какъ она, уйдя послѣ обѣда въ нашу комнату, сказала Парашѣ, съ которой опять начала ласково разговаривать, что она «ничего не могла ѣсть, потому что обѣдали на томъ самомъ столѣ, на которомъ лежало тѣло покойнаго батюшки». Меня такъ поразили эти слова, что я самъ почувствовалъ какое-то отвращенье къ кушаньямъ, которыя ѣлъ! Мнѣ даже сдѣлалось тошно. — Вечеромъ гости уѣхали, потому что въ домѣ негдѣ было помѣститься.

На другой день мы сбирались и укладывались, а на третій, рано поутру, уѣхали. Прощанье было продолжительное, обнимались, цѣловались и плакали, особенно бабушка, которая не одинъ разъ говорила моему отцу: «ради Бога, Алеша, выходи поскорѣе въ отставку и переѣзжай въ деревню. Гдѣ мнѣ управлять мужскимъ хозяйствомъ: мое дѣло вдовье и старушечье; я плоха, а Танюша человѣкъ молодой, да мы и не смыслимъ. Все вѣдь держалось покойникомъ, а теперь насъ съ Танюшей никто и слушать не станетъ. Всѣ разъѣдутся по своимъ мѣстамъ; мы останемся однѣ, дѣло наше женское, — ну, что мы станемъ дѣлать?» Отецъ обѣщалъ исполнить ея волю.

Уфа.

Надобно признаться, что мнѣ не жаль было покинуть Багрово. Два раза я жилъ въ немъ, и оба раза невесело. Въ первый разъ была дождливая осень и тяжелая жизнь въ разлукѣ съ матерью и отцомъ при явномъ недоброжелательствѣ родныхъ-хозяевъ, или хозяекъ лучше сказать. Во второй разъ стояла жестокая зима, скончался дѣдушка, и я испыталъ впечатлѣнія мучительнаго страха, о которомъ долго не могъ забыть. Итакъ, не за что было полюбить Багрово. Обратный путь нашъ въ Уфу совершился скорѣе и спокойнѣе: морозы стояли умѣренные, окошечки въ нашемъ возкѣ не совсѣмъ запушались снѣгомъ и возокъ не опрокидывался.

Въ Уфѣ всѣ знакомые наши друзья очень намъ обрадовались. Кругъ знакомыхъ нашихъ, особенно знакомыхъ съ нами дѣтей, значительно уменьшился. Крестный отецъ мой, Д. Б. Мертваго, который хотя не бывалъ со мной ласковъ, но за то никогда и не дразнилъ меня, давно уже уѣхалъ въ Петербургъ. Княжевичи съ своими дѣтьми переѣхали въ Казань; Мансуровы также со всѣми дѣтьми куда-то уѣхали.

Обогащенный многими новыми понятіями и чувствами, я принялся опять перечитывать свои книги, и многое понялъ въ нихъ яснѣе прежняго, увидѣлъ даже то, чего прежде вовсе не видалъ, а потому и самыя книги показались мнѣ отчасти новыми. Слишкомъ годъ прошелъ послѣ неудачной моей попытки учить грамотѣ милую мою сестрицу, и я снова приступилъ къ этому важному и еще неблагодарному для меня дѣлу, неуспѣхъ котораго меня искренно огорчалъ. Сестрица

моя выучивала три - четыре буквы въ одно утро, вечеромъ еще знала ихъ, потому что, ложась спать, я дѣлалъ ей всегда экзаменъ; но на другой день поутру рѣшительно ничего не помнила. Писать прописи я началъ уже хорошо; ариѳметика была давно брошена. У меня была надежда, что весной мы опять поѣдемъ въ Сергѣевку; но мать сказала мнѣ, что этого не будетъ. Во-первыхъ потому, что она, слава Богу, здорова, а во-вторыхъ потому, что въ исходѣ мая она, можетъ-быть, подаритъ мнѣ сестрицу или братца. Хотя это извѣстіе очень меня занимало и радовало, но грустно мнѣ было лишиться надежды прожить лѣто въ Сергѣевкѣ. Я уже начиналъ сильно любить природу, охота удить также сильно начинала овладѣвать мною, и приближеніе весны волновало сердце мальчика (будущаго страстнаго рыбака), легко поддающагося увлеченіямъ.

Съ самаго возвращенія въ Уфу я началъ вслушиваться и замѣчать, что у матери съ отцомъ происходили споры, даже непріятные. Дѣло шло о томъ, что отецъ хотѣлъ въ точности исполнить обѣщаніе, данное имъ своей матери: выдти немедленно въ отставку, переѣхать въ деревню, избавить свою мать отъ всѣхъ заботъ по хозяйству и успокоить ея старость. Переѣздъ въ деревню и занятія хозяйствомъ онъ считалъ необходимымъ даже и тогда, когда бы бабушка согласилась жить съ нами въ городѣ, о чемъ она и слышать не хотѣла. Онъ говорилъ, что «безъ хозяина скоро портится порядокъ и что черезъ нѣсколько лѣтъ не узнаешь ни стараго, ни новаго Багрова». На всѣ эти причины, о которыхъ отецъ мой говаривалъ много, долго и тихо, — мать возражала съ горячностью, что «деревенская жизнь ей противна, Багрово особенно не нравится и вредно для ея здоровья, что ее не любятъ въ семействѣ и что ее ожидаютъ тамъ безпрестанныя неудовольствія». Впрочемъ была еще важная причина для переѣзда въ деревню: письмо, полученное отъ Прасковьи Ивановны Куролесовой. Узнавъ о смерти моего дѣдушки, котораго она называла вторымъ отцомъ и благодѣтелемъ, Прасковья Ивановна писала къ моему отцу, что «нечего ему жить по пустякамъ въ Уфѣ, служить въ какомъ-то судѣ изъ трехсотъ рублей жалованья, что гораздо будетъ выгоднѣе заняться своимъ собственнымъ хозяйствомъ, да и ей, старухѣ, помогать по ея хозяйству. Оно

же и кстати, потому что старое Багрово всего 50 верстъ отъ Чурасова, гдѣ она постоянно живетъ». Въ заключеніе письма она писала, что «хочетъ узнать въ лицо Софью Николаевну, съ которою давно бы пора ее познакомить; да и наслѣдниковъ своихъ она желаетъ видѣть». Письмо это отецъ нѣсколько разъ читалъ матери и доказывалъ, что тутъ и разсуждать нечего, если не хотимъ прогнѣвать тётушку и лишиться всего. Противъ этихъ словъ мать ничего не возражала. Я и прежде составилъ себѣ понятіе, что Прасковья Ивановна — какая-то сила, повелительница, нѣчто въ родѣ покойной государыни; а теперь еще больше утвердился въ моихъ мысляхъ. Споры однако продолжались, отецъ не уступалъ, и все, чего могла добиться мать, состояло въ томъ, что отецъ согласился не выходить въ отставку немедленно, а отложилъ это намѣреніе до совершеннаго выздоровленія матери отъ *будущей болѣзни*, то-есть, до лѣта. *Будущую болѣзнь* объяснили мнѣ ожидаемымъ появленіемъ сестрицы или братца. Написали письмо къ Прасковьѣ Ивановнѣ и не одинъ разъ его перечитывали; заставили и меня написать по линейкамъ, что «я очень люблю бабушку и желаю ее видѣть». Я не могъ любить, да и видѣть не желалъ Прасковью Ивановну, потому что не зналъ ея, и понимая, что пишу ложь, всегда строго осуждаемую у насъ, я откровенно спросилъ: «для чего меня заставляютъ говорить неправду?» Мнѣ отвѣчали, что когда я узнàю бабушку, то непремѣнно полюблю, и что я теперь долженъ ее любить, потому что она насъ любитъ и хочетъ намъ сдѣлать много добра. Дальнѣйшихъ возраженій и вопросовъ моихъ не стали слушать.

Въ городѣ безпрестанно получались разныя извѣстія изъ Петербурга, которыя приводили всѣхъ въ смущеніе и страхъ; но въ чемъ состояли эти извѣстія, я ничего узнать не могъ, потому что о нихъ всегда говорили потихоньку; а на мои вопросы обыкновенно отвѣчали, что я еще дитя и что мнѣ знать объ этомъ не нужно. Мнѣ было досадно; особенно сердилъ меня одинъ отвѣтъ: «много будешь знать, скоро состарѣешься». — Одного только обстоятельства нельзя было скрыть: Государь приказалъ, чтобы всѣ, кто служитъ, носили какіе-то сюртуки, особеннаго покроя, съ гербовыми пуговицами (сюртуки назывались *оберроками*), и кромѣ того — чтобы жены служащихъ чиновниковъ носили, сверхъ своихъ

парадныхъ платьевъ, что-то въ родѣ курточки, съ такимъ же шитьемъ, какое носятъ ихъ мужья на своихъ мундирахъ. Мать была мастерица на всякія вышиванья и сейчасъ принялась шить по картѣ серебряныя петлицы, которыя очень были красивы на голубомъ воротникѣ бѣлаго спензера, или курточки. Мать выѣзжала въ такомъ нарядѣ нѣсколько разъ по праздникамъ въ церковь, къ губернаторшѣ и еще куда-то. Я всегда любовался ею и провожалъ до лакейской. Всѣ называли мою мать красавицей, и точно, она была лучше всѣхъ, кого я зналъ.

Весна пришла, и вмѣсто радостнаго чувства я испытывалъ грусть. Что́ мнѣ было до того, что съ горъ бѣжали ручьи, что показались проталины въ саду и около церкви, что опять прошла Бѣлая и опять широко разлились ея во́ды! Не увижу я Сергѣевки и ея чуднаго озера, ея высокихъ дубовъ, не стану удить съ мостковъ вмѣстѣ съ Евсеичемъ, и не будетъ лежать на берегу Сурка, растянувшись на солнышкѣ! — Вдругъ узнаю я, что отецъ ѣдетъ въ Сергѣевку. Кажется, это было давно рѣшено, и только скрывали отъ меня, чтобы не дразнить понапрасну ребенка. Въ Сергѣевку пріѣхалъ землемѣръ, Ярцевъ, чтобъ обмежевать нашу землю. Межеваніе обѣщали покончить въ двѣ недѣли, потому что моему отцу нужно было воротиться къ тому времени, когда у меня будетъ новая сестрица или братецъ. Проситься съ отцомъ я не смѣлъ. Дороги были еще непроѣздныя, Бѣлая въ полномъ разливѣ, и мой отецъ долженъ былъ проѣхать на лодкѣ десять верстъ, а потомъ добраться до Сергѣевки кое-какъ въ телѣгѣ. Мать очень безпокоилась объ отцѣ, что̀ и во мнѣ возбудило безпокойство. Мать боялась также, чтобы межеваніе не задержало отца, и чтобъ ее успокоить, онъ далъ ей слово, что если въ двѣ недѣли межеваніе не будетъ кончено, то онъ все броситъ, оставитъ тамъ повѣреннымъ кого-нибудь, хотя Ѳедора, мужа Параши, а самъ пріѣдетъ въ Уфу. Мать не могла удержаться отъ слезъ, прощаясь съ моимъ отцомъ, а я разревѣлся. Мнѣ было грустно разстаться съ нимъ, и страшно за него, и горько, что не увижу Сергѣевки и не поужу на озерѣ. Напрасно Евсеичъ утѣшалъ меня тѣмъ, что теперь нельзя гулять, потому что грязно; нельзя удить, потому что вода въ озерѣ мутная, — я плохо ему вѣрилъ: я уже не одинъ разъ замѣчалъ, что для

моего успокоенія говорили неправду. Медленно тянулись эти двѣ недѣли. Хотя я, живя въ городѣ, мало проводилъ времени съ отцомъ, потому что поутру онъ обыкновенно уѣзжалъ къ должности, а вечеромъ—въ гости или самъ принималъ гостей, но мнѣ было скучно и грустно безъ него. Отецъ не успѣлъ мнѣ разсказать хорошенько, что значитъ межевать землю, и я для дополненія свѣдѣній, разспросивъ мать, а потомъ Евсеича, въ чемъ состоитъ межеваніе, и не узнавъ отъ нихъ почти ничего новаго (они сами ничего не знали), составилъ себѣ однако кое-какое понятіе объ этомъ дѣлѣ, которое казалось мнѣ важнымъ и торжественнымъ. Впрочемъ, я зналъ внѣшнюю обстановку межеванія: вѣхи, колья, цѣпь и понятыхъ. — Воображеніе рисовало мнѣ разныя картины, и я бродилъ мысленно, вмѣстѣ съ моимъ отцомъ, по полямъ и лѣсамъ Сергѣевской дачи. Очень странно, что составленное мною понятіе о межеваніи довольно близко подходило къ дѣйствительности; впослѣдствіи я убѣдился въ этомъ на опытѣ; даже мысль дитяти о важности и какой-то торжественности межеванія всякій разъ приходила мнѣ въ голову, когда я шелъ или ѣхалъ за астролябіей, благоговѣйно несомой крестьяниномъ, тогда какъ другіе тащили цѣпь и втыкали колья черезъ каждыя десять саженей; настоящаго же дѣла, то-есть измѣренія земли и съемки ея на планъ, разумѣется, я тогда не понималъ, какъ и всѣ меня окружавшіе.

Отецъ сдержалъ свое слово: ровно черезъ двѣ недѣли онъ воротился въ Уфу. Возвращаться было гораздо труднѣе, чѣмъ ѣхать на межеваніе. Вода начала сильно сбывать, во многихъ мѣстахъ земля оголилась, и всѣ десять верстъ, которыя отецъ спокойно проѣхалъ туда на лодкѣ, надобно было проѣхать въ обратный путь уже верхомъ. Воды еще много стояло въ долочкахъ и ложбинкахъ, и она доставала иногда по брюхо лошади. Отецъ пріѣхалъ, весь съ ногъ до головы забрызганный грязью. Мать и мы съ сестрицей очень ему обрадовались, но отецъ былъ не веселъ; многіе Башкирцы и всѣ припущенники, то-есть жители «Кішекъ» и «Тимкина», объявили споръ и дачу обошли *черными* (спорными) *столбами:* обмежеваніе *бѣлыми столбами* означало безспорность владѣнія. Разсказавъ все подробно, отецъ прибавилъ: «Ну, Сережа, Сергѣевская дача

пойдетъ въ долгій ящикъ и не скоро достанется тебѣ; напрасно мы поторопились перевести туда крестьянъ». Я огорчился, потому что мнѣ очень было пріятно имѣть собственность, и я съ тѣхъ поръ пересталъ уже говорить съ наслажденіемъ, при всякомъ удобномъ случаѣ: «моя Сергѣевка».

Приближался конецъ мая, и насъ съ сестрицей перевели изъ дѣтской въ такъ называемую столовую, гдѣ, впрочемъ, мы никогда не обѣдали; съ нами спала Параша, а въ комнатѣ, которая отдѣляла насъ отъ столярной, спалъ Евсеичъ: онъ получилъ приказаніе не отходить отъ меня. Такое отлученіе отъ матери, черезъ всю длину огромнаго дома, несмотря на увѣренія, что это необходимо для маменькина здоровья, что жизнь будущаго братца или сестрицы отъ этого зависитъ, показалось мнѣ вовсе ненужнымъ: только впослѣдствіи я узналъ настоящую причину этого удаленія.

Въ это время, кажется 1-го іюня, случилась жестокая гроза, которая произвела на меня сильное впечатлѣніе страха. Гроза началась вечеромъ, часу въ десятомъ; мы ложились спать, прямо передъ нашими окнами былъ закатъ лѣтняго солнца, и свѣтлая заря, еще не закрытая черною приближающеюся тучею, изъ которой гремѣлъ по временамъ глухой громъ, озаряла розовымъ свѣтомъ нашу обширную спальню, то-есть столовую; я стоялъ возлѣ моей кроватки и молился Богу. Вдругъ страшный громовой ударъ потрясъ весь домъ и оглушилъ насъ; я бросился на свою кроватку и очень сильно ушибъ себѣ ногу. Нѣсколько минутъ я не могъ опомниться; опомнившись, я увидѣлъ, что сижу на колѣняхъ у Евсеича, что дождь льетъ, какъ изъ ведра, и что комната освѣщена не зарею, а заревомъ отъ огня. Евсеичъ разсказалъ мнѣ, что это горитъ соборная Троицкая колокольня, которую зажгла *мóлонья*. Милая моя сестрица также была испугана и также сидѣла на рукахъ своей няни; вдругъ вошла княжна-калмычка и сказала, что барыня спрашиваетъ къ себѣ дѣтей. Насъ привели въ спальню. Мать лежала въ постели, отецъ хлопоталъ около нея вмѣстѣ съ бабушкой-повитушкой (какъ всѣ ее называли), Аленой Максимовной. Я замѣтилъ, что мать не только встревожена, но и нездорова; она положила насъ къ себѣ на постель, ласкала, цѣловала, и мнѣ показалось, что она даже плакала. Видя мое безпокойство, сообщившееся и моей сестрицѣ, она увѣрила насъ, что ее испугалъ громъ, что она

боялась нашего испуга и что завтра будетъ здорова. Она перекрестила насъ и послала спать; отецъ также перекрестилъ. Я замѣтилъ, что онъ не раздѣвался и не собирается лечь въ постель. Я догадался, что мать больна. Мы воротились въ нашу комнату. Ночь была душная, растворили окна, ливень унялся, шелъ уже мелкій дождь; мы стали смотрѣть въ окна и увидѣли три пожара, отъ которыхъ, несмотря на черныя тучи, было довольно свѣтло. Кто-то изъ военныхъ подъѣзжалъ къ нашему окошку и спрашивалъ о здоровьѣ нашей матери. Сестрица моя скоро задремала; Параша уложила ее спать и сама заснула. Мы съ Евсеичемъ долго смотрѣли въ окно и разговаривали. Испугъ мой прошелъ, и я принялся разспрашивать: что такое мóлонья, отчего она зажигаетъ, отчего гремитъ громъ? Евсеичъ отвѣчалъ, что «мóлонья — огненная громовая стрѣла и во что она ударитъ, то и загорится». Небо очистилось, замелькали звѣзды, становилось уже свѣтло отъ утренней зари, когда я заснулъ въ моей кроваткѣ.

На другой день догадка моя подтвердилась: мать точно была больна; этого уже не скрывали отъ насъ. Пріѣзжалъ нашъ другъ Авенаріусъ и еще какой-то другой докторъ. Я съ сестрицей приходилъ къ маменькѣ на одну минуту; она, поцѣловавъ насъ, сказала, что хочетъ почивать, и отпустила. Я не могъ разсмотрѣть лица матери: въ комнатѣ было почти темно отъ опущенныхъ зеленыхъ гардинъ. Отецъ былъ блѣденъ и смущенъ. Тоска сжала мое сердце. Я ничѣмъ не могъ заниматься, а только плакалъ и просился къ маменькѣ. Видно, отцу сказали объ этомъ: онъ приходилъ къ намъ и сказалъ, что если я желаю, чтобы мать поскорѣе выздоровѣла, то не долженъ плакать и проситься къ ней, а только молиться Богу и просить, чтобъ онъ ее помиловалъ, что мать хоть не видитъ, но материнское сердце знаетъ, что я плачу, и что ей отъ этого хуже. Я повѣрилъ, молился Богу и хотя не успокоился, но удерживался отъ слезъ. Я даже уговаривалъ свою сестрицу, которая также тосковала и не разъ принималась плакать. Тяжело прошелъ этотъ мучительный день. На слѣдующій, видно, было еще хуже нашей маменькѣ, потому что насъ и здороваться къ ней не водили. Доктора пріѣзжали часто. Приносили изъ церкви большой мѣстный образъ Иверской Божьей Матери

и служили молебенъ у маменьки въ спальнѣ. Насъ же не пустили туда; но мы видѣли и слышали, какъ съ пѣніемъ пронесли образъ черезъ залу, молились въ отворенную дверь нашей столовой. Въ этотъ день насъ даже не водили гулять въ садъ, а приказали побѣгать по двору, который былъ очень великъ и зеленѣлся какъ лугъ; но мы не бѣгали, а только ходили тихо взадъ и впередъ. Напрасно Сурка ласкался, забѣгалъ мнѣ въ лицо, прыгалъ на меня, лизалъ мои руки,— я совершенно не могъ имъ заниматься. Евсеичъ и Параша печально молчали или потихоньку перешептывались между собой. Евсеичъ уже не старался меня развеселить или утѣшить, а только повторялъ, видя мои глаза, безпрестанно наполняющіеся слезами: «Молись Богу, соколикъ, чтобъ маменька выздоровѣла». — Мы воротились съ печальнаго гулянья; я бросился въ свою кроватку, задернулся занавѣсками, спряталъ голову подъ подушки и далъ волю слезамъ, которыя удерживалъ я такъ долго, съ невѣроятными усиліями для дитяти. Въ то же время мелькала у меня мысль, что я спрятался, что я не всхлипываю, что маменька не увидитъ и не услышитъ моихъ слезъ. Видно, Евсеичъ догадался, что такія слезы нельзя остановить; онъ долго стоялъ возлѣ моей кроватки, зналъ, что я плачу и молчалъ. Наконецъ, вылились слезы, и я заснулъ. Спалъ я довольно долго и проснулся съ крикомъ, какъ-будто отъ испуга. Сестрица первая подбѣжала ко мнѣ, весело говоря: «маменькѣ получше», и Параша сказала то же. Евсеича не было съ нами, но онъ скоро пришелъ, и Параша встрѣтила его вопросомъ: «Ну что, вѣдь барынѣ получше?» «Получше», отвѣчалъ Евсеичъ, но не твердымъ голосомъ. Я это замѣтилъ, однако успокоился нѣсколько. Давно прошло время обѣда. Сестрица не хотѣла безъ меня кушать, но теперь, вмѣстѣ со мною, охотно сѣла за столъ, и мы кое-какъ пообѣдали. Я упросилъ Евсеича узнать объ маменькѣ; онъ ходилъ и, поспѣшно воротясь, сказалъ: «барыня почиваетъ». Черезъ нѣсколько времени ходила и Параша и принесла такое же извѣстіе. Сомнѣніе начало вкрадываться въ мою душу. Я пристально посмотрѣлъ въ глаза Евсеичу и Парашѣ и твердо сказалъ: «Вы неправду говорите». Они смутились, переглянулись и не вдругъ отвѣчали. Все это я замѣтилъ, и уже не слушалъ потомъ никакихъ увѣреній и утѣшеній. Во время этого

спора вошелъ отецъ. По его лицу я все угадалъ. «Пойдемте, сказалъ онъ тихо, мать хочетъ васъ видѣть и благословить». Я зарыдалъ, а за мной и сестрица. «Послушайте, сказалъ отецъ, если мать увидитъ, что вы плачете, то ей сдѣлается хуже, и она отъ того можетъ умереть; а если вы не будете плакать, то ей будетъ лучше». Слезы высохли у меня на глазахъ, сестрица тоже перестала плакать. Погодя немного, отецъ взялъ насъ за руки и привелъ въ спальную. Въ комнатѣ было такъ темно, что я видѣлъ только образъ матери, а лица разглядѣть не могъ: насъ подвели къ кровати, поставили на колѣни, мать благословила насъ образомъ, перекрестила, поцѣловала и махнула рукой. Насъ поспѣшно увели. Въ гостиной встрѣтили мы священника; онъ также благословилъ насъ, и мы воротились въ свою комнату въ какомъ-то душевномъ оцѣпенѣніи. Я вдругъ какъ-будто забылъ, что маменька насъ благословила, простилась съ нами... Я потерялъ способность не только соображенія, но и пониманія; одно вертѣлось у меня въ головѣ, что у маменьки темно и что у ней горячее лицо. Евсеичъ, Параша и сестрица плакали, а у меня не было ни одной слезинки. Не знаю, что было со мной? Я не могу назвать тогдашняго моего духовнаго состоянія холоднымъ отчаяніемъ. Мысль о смерти матери не входила мнѣ въ голову, и я думаю, что мои понятія стали путаться и что это было началомъ какого-то помѣшательства.—Пришло время ложиться спать; Евсеичъ раздѣлъ меня, велѣлъ мнѣ молиться Богу, и я молился и, по обыкновенію, прочитавъ молитву, проговорилъ вслухъ: «Господи, помилуй тятеньку и маменьку». Я легъ, Евсеичъ сѣлъ подлѣ меня и началъ что-то говорить, но я ничего не слыхалъ. Не помню, чтобъ я спалъ; но Евсеичъ увѣрялъ послѣ, что я скоро заснулъ и спалъ около часа. Я помню только, что вдругъ началъ слышать радостные голоса: «Слава Богу, слава Богу! Богъ далъ вамъ братца, маменька теперь будетъ здорова». Это говорили Евсеичъ и Параша моей сестрицѣ, которая, съ радостнымъ крикомъ, повторяя эти слова, прибѣжала къ моей кроваткѣ, распахнула занавѣски, взлѣзла ко мнѣ и обняла меня своими ручонками... Я вспомнилъ все и зарыдалъ, какъ изступленный, и рыдалъ такъ долго, что смутилъ общую радость и привелъ всѣхъ въ безпокойство. Сходили за моимъ отцомъ. Онъ пришелъ и,

услыша издали мои рыданья, подходя ко мнѣ, закричалъ: «Что ты, Сережа! Надо радоваться, а не плакать. Слава Богу! Мать будетъ здорова, у тебя родился братецъ....» Онъ взялъ меня на руки, посадилъ къ себѣ на колѣни, обнялъ и поцѣловалъ. Не скоро унялись судорожныя рыданья и всхлипыванья, внутренняя и наружная дрожь. Наконецъ, все мало-по-малу утихло, и прежде всего я увидѣлъ, что въ комнатѣ ярко-свѣтло отъ утренней зари, а потомъ понялъ, что маменька жива, будетъ здорова — и чувство невыразимаго счастія наполнило мою душу! Это происходило 4-го іюня, на зарѣ передъ восходомъ солнца, слѣдовательно очень рано. Я все спрашивалъ, отчего сестрица проснулась, отчего она прежде меня узнала радостное извѣстіе? Сестрица увѣряла, что она не спала, когда прибѣжала Параша, но я спорилъ и не вѣрилъ. Я долго также спорилъ, утверждая, что я не засыпалъ; но, наконецъ, долженъ былъ согласиться, что я дѣйствительно спалъ, что меня разбудили громкія рѣчи Параши, Евсеича и крикъ сестрицы. Отецъ поспѣшилъ уйдти, а дядька и нянька поспѣшили насъ съ сестрицей уложить почивать. Мы не скоро заснули, а все переговаривались, лежа въ своихъ кроваткахъ: какой у насъ братецъ? Наконецъ, намъ запретили говорить, и мы сладко заснули.

Поздно послѣдовало наше радостное пробужденіе. Я сейчасъ сталъ проситься къ маменькѣ, и просился такъ неотступно, что Евсеичъ ходилъ съ моей просьбой къ отцу; отецъ приказалъ мнѣ сказать, чтобъ я и не думалъ объ этомъ, что я нѣсколько дней не увижу матери. Это меня огорчило. Потомъ я сталъ просить поглядѣть братца, и Параша сходила и выпросила позволенія у бабушки-повитушки, Алены Максимовны: придти намъ съ сестрицей потихоньку, черезъ дѣвичью, въ дѣтскую братца, которая отдѣлялась отъ спальни матери другою дѣтскою комнатой, гдѣ обыкновенно жили мы съ сестрицей. Мы еще въ сѣняхъ пошли на цыпочкахъ, чему Параша много смѣялась. Въ маленькой дѣтской висѣла прекрасная люлька на мѣдномъ кольцѣ, ввернутомъ въ потолокъ. Эту люльку подарилъ покойный дѣдушка, Зубинъ, когда еще родилась старшая моя сестра, вскорѣ умершая; въ ней качались и я, и моя вторая сестрица. Подставили стулъ, я взлѣзъ на него и, раскрывъ зеленый шелковый положокъ, увидалъ спящаго спеленаннаго младенца и замѣ-

тилъ только, что у него на головкѣ черные волоски. Сестрицу взяли на руки, и она также посмотрѣла на спящаго братца,— и мы остались очень довольны. Приготовленная заранѣе кормилица, еще не кормившая братца, которому давали только ревенный сиропъ, нарядно одѣтая, была уже тутъ; она поцѣловала у насъ ручки. Алена Максимовна, видя, что мы такія умныя дѣти, ходимъ на цыпочкахъ и говоримъ вполголоса, обѣщала всякій день пускать насъ къ братцу именно тогда, когда она будетъ его мыть. Обрадованные такими пріятными надеждами, мы весело пошли гулять и бѣгать, сначала по двору, а потомъ и по саду. На этотъ разъ ласки моего любимца, Сурки, были приняты мною благосклонно и я, кажется, бѣгалъ, прыгалъ и валялся по землѣ больше, чѣмъ онъ; когда же мы пошли въ садъ, то я сейчасъ спросилъ: «Отчего вчера насъ не пустили сюда?» Живая Параша, не подумавъ, отвѣчала: «Отъ того, что вчера матушка очень стонали, и вы въ саду услыхали бы ихъ голосъ». Меня такъ встревожило и огорчило это извѣстіе, что Параша не знала, какъ поправить дѣло. Она увѣряла и божилась, что теперь все прошло, что она своими глазами видѣла барыню, говорила съ ней, и что онѣ здоровы, а только слабы. Параша просила даже меня не сказывать Евсеичу и никому, что она проболталась, и увѣряла, что ее будутъ очень бранить; я обѣщалъ никому не говорить. Я повѣрилъ Парашѣ, успокоился и у меня опять стало весело на сердцѣ.

До самаго вечера ничѣмъ не омрачилось свѣтлое состояніе моей души. Изъ послѣднихъ словъ Параши я еще болѣе понялъ, какъ ужасно было вчерашнее прошедшее; но въ то же время я совершенно повѣрилъ, что теперь все прошло благополучно, и что маменька почти здорова. Вечеромъ, частый пріѣздъ докторовъ, суетливая бѣготня изъ дѣвичьей въ кухню и людскую, а всего болѣе печальное лицо отца, который приходилъ проститься съ нами и перекрестилъ насъ, когда мы ложились спать,—навели на меня сомнѣніе и безпокойство. На мои вопросы отецъ не имѣлъ духу отвѣчать, что маменька здорова; онъ только сказалъ мнѣ, что ей лучше, и что, Богъ милостивъ, она выздоровѣетъ... Богъ точно былъ къ намъ милостивъ, и черезъ нѣсколько дней, проведенныхъ мною въ тревогѣ и печали, повеселѣвшее лицо отца и увѣренія Авенаріуса, что маменька точно выздоравливаетъ, и что

я скоро ее увижу совершенно здоровою, меня успокоили. Тутъ только обратилъ я все мое вниманіе, любопытство и любовь на новаго братца. Мы по-прежнему ходили къ нему всякій день и видѣли, какъ его мыли; но сначала я смотрѣлъ на все безъ участія: я мысленно жилъ въ спальной у моей матери, у кровати больной.

Наконецъ, не видавшись съ матерью около недѣли, я увидѣлъ ее блѣдную и худую, все еще лежащую въ постели; зеленыя гардинки были опущены и потому, можетъ-быть, лицо ея показалось мнѣ еще блѣднѣе. Отецъ заранѣе наказалъ мнѣ, чтобы я не только не плакалъ, но и не слишкомъ радовался, не слишкомъ ласкался къ матери. Это меня очень смутило: одѣвать свое горячее чувство въ болѣе сдержанныя, умѣренныя выраженія я тогда еще не умѣлъ; я долженъ былъ показаться страннымъ, не тѣмъ, чѣмъ я былъ всегда, и мать сказала мнѣ: «Ты, Сережа, совсѣмъ не радъ, что у тебя мать осталась жива»... Я заплакалъ и убѣжалъ. Отецъ объяснилъ матери причину моего смущенія. Мнѣ дали проплакаться немножко и опять позвали въ спальню. Мать нѣжно приласкала меня и сестрицу (меня особенно) и сказала: «Не бойтесь, мнѣ не будетъ вредна ваша любовь».— Я обнялъ мать, плакалъ на ея груди и шепталъ: «Я самъ бы умеръ, еслибъ вы умерли». Видно, мать почувствовала, что ее слишкомъ волнуетъ свиданье съ нами, потому что вдругъ и торопливо сказала: «Подите къ братцу: его скоро будутъ крестить».—Мы прямо пошли къ братцу. Его только-что вымыли, одѣли въ новую распашенку, завернули въ новую простыньку и въ розовое, атласное одѣяльце; онъ, разумѣется, плакалъ; мнѣ стало жалко, но у груди кормилицы онъ сейчасъ успокоился. Видя приготовленія къ крестинамъ и слыша, что говорятъ о нихъ, я попросилъ объясненія этому, неслыханному и невиданному мною, дѣлу. Мнѣ объяснили, и я захотѣлъ непремѣнно быть крестнымъ отцомъ моего братца. Мнѣ говорили, что этого нельзя, что я маленькій, что у меня нѣтъ кумы, но послѣднее препятствіе я сейчасъ преодолѣлъ, сказавъ, что кумой будетъ моя сестрица. Видя мое упорство и не желая довести меня до слезъ, меня обманули, какъ я послѣ узналъ, то-есть поставили, вмѣстѣ съ сестрицей, рядомъ съ настоящимъ кумомъ и кумою. Крещеніе, символическихъ таинствъ котораго я не понималъ, воз-

будило во мнѣ сильное вниманіе, изумленіе и даже страхъ: я боялся, что священникъ порѣжетъ ножницами братцыну головку, а погруженіе младенца въ воду заставило меня вскрикнуть отъ испуга... Но я, неотступными просьбами, выпросилъ позволеніе подержать на своихъ рукахъ моего крестнаго сына,—разумѣется, его придерживала бабушка-повитушка,—и я долго оставался въ пріятномъ заблужденіи, что братецъ мой крестный сынъ, и даже, прощаясь, всегда его крестилъ.

Черезъ нѣсколько дней насъ перевели изъ столовой въ прежнюю дѣтскую комнату. Мать поправлялась медленно, домашними дѣлами почти не занималась, никого, кромѣ доктора, Чичаговыхъ и К. А. Черпуновой, не принимала; я былъ съ нею безотлучно. Я читалъ матери вслухъ разныя книги, для ея развлеченья, а иногда для ея усыпленья, потому что она какъ-то мало спала по ночамъ. Книги для развлеченья получала она изъ библіотеки С. И. Аничкова; для усыпленья же употреблялись мои дѣтскія книжки, а также Херасковъ и Сумароковъ. Въ числѣ первыхъ особенно памятна мнѣ «Жизнь англійскаго философа Клевеланда», кажется, въ пятнадцати томахъ, которую я читалъ съ большимъ удовольствіемъ. Кромѣ чтенія, я очень скоро привыкъ ухаживать за больною матерью и въ извѣстные часы подавать ей лѣкарства, не пропуская ни одной минуты; въ горничной своей она не имѣла уже частой надобности, я призывалъ ее тогда, когда было нужно. Мать была очень этимъ довольна, потому что не любила присутствія и сообщества слугъ и служанокъ. Мысль, что я полезенъ матери, была мнѣ очень пріятна, я даже гордился тѣмъ. Часто и подолгу разговаривая со мною наединѣ, она, кажется, увидѣла, что я могу понимать ее болѣе, чѣмъ она предполагала. Она стала говорить со мною о томъ, о чемъ прежде не говаривала. Я это замѣтилъ потому, что иногда предметъ разговора превышалъ мой возрастъ и мои понятія. Нерѣдко дѣтскіе мои вопросы изобличали мое непониманіе, и мать вдругъ перемѣняла разговоръ, сказавъ: «Объ этомъ мы поговоримъ послѣ». Мнѣ особенно было непріятно, когда мать, разсуждая со мной, какъ съ большимъ, вдругъ перемѣняла складъ своей рѣчи и начинала говорить, примѣняясь къ моему дѣтскому возрасту. Самолюбіе мое всегда оскорблялось такою внезапною пере-

мѣной, а главное—мыслью матери, что меня такъ легко обмануть. Впослѣдствіи я сталъ хитрить, притворяясь, что все понимаю хорошо, и не предлагая вопросовъ. Между прочимъ, мать разсказывала мнѣ, какъ ей не хочется уѣзжать на житье въ деревню. У ней было множество причинъ; главныя состояли въ томъ, что Багрово сыро и вредно ея здоровью, что она въ немъ будетъ непремѣнно хворать, а помощи получить не откуда, потому что лѣкарей близко нѣтъ; что всѣ сосѣди и родные ей не нравятся, что все это люди грубые и необразованные, съ которыми ни о чемъ ни слова сказать нельзя; что жизнь въ деревенской глуши, безъ общества умныхъ людей, ужасна, что мы сами тамъ поглупѣемъ. «Одна моя надежда, говорила мать,—Чичаговы; по счастью, они переѣзжаютъ тоже въ деревню и станутъ жить въ тридцати верстахъ отъ насъ. По крайней мѣрѣ, хотя нѣсколько разъ въ годъ, можно будетъ съ ними отвести душу». Не понимая всего вполнѣ, я вѣрилъ матери и раздѣлялъ ея грустное опасеніе. Предполагаемая поѣздка къ бабушкѣ Куролесовой въ Чурасово и продолжительное тамъ гощеніе — матери также не нравилось; она еще не знала Прасковьи Ивановны и думала, что она такая же, какъ и вся родня моего отца; но впослѣдствіи оказалось совсѣмъ другое. Милая моя сестрица, до сихъ поръ не понимаю отчего, очень грустила, разставаясь съ Уфой.

Какъ только мать стала оправляться, отецъ подалъ просьбу въ отставку; въ самое это время пріѣхали изъ полка мои дяди, Зубины; оба оставили службу и вышли въ *чистую*, то-есть отставку; старшій съ чиномъ майора, а младшій—капитаномъ. Всѣ удивлялись этой разницѣ въ чинахъ: оба брата были въ одно число записаны въ гвардію, въ одно число переведены въ армейскій полкъ капитанами и въ одно же число уволены въ отставку. Я очень обрадовался имъ, особенно дядѣ Сергѣю Николаичу, который, по моему мнѣнію, такъ чудесно рисовалъ. Я напоминалъ ему, какъ онъ дразнилъ меня, когда я былъ *маленькій*, и прибавилъ, съ чувствомъ собственнаго достоинства, что теперь уже нельзя раздразнить меня какими-нибудь пустяками. Дядя на прощанье нарисовалъ мнѣ безподобную картину на стеклѣ: она представляла болото, молодаго охотника съ ружьемъ и лягавую собаку, бѣлую съ кофейными пятнами и коротко

отрубленнымъ хвостомъ, которая нашла какую-то дичь, вытянулась надъ ней и подняла одну ногу. Эта картинка была какъ-бы пророчествомъ, что я со временемъ буду страстнымъ ружейнымъ охотникомъ. Сергѣй Николаичъ самъ былъ горячій стрѣлокъ. Оба дяди очень были огорчены, что мы переѣзжаемъ на житье въ деревню.

Не дождавшись еще отставки, отецъ и мать совершенно собрались къ переѣзду въ Багрово. Вытребовали оттуда лошадей и отправили впередъ большой обозъ съ разными вещами. Распростились со всѣми въ городѣ и видя, что отставка все еще не приходитъ, рѣшились ея не дожидаться. Губернаторъ далъ отцу отпускъ, въ продолженіе котораго должно было выйдти увольненіе отъ службы; дяди остались жить въ нашемъ домѣ: имъ поручили продать его.

Мы выѣхали изъ Уфы около того же числа, какъ и два года тому назадъ. Только помѣщались уже не такъ: съ матерью вмѣстѣ сидѣла кормилица съ нашимъ маленькимъ братцемъ, а мы съ сестрицей и Парашей ѣхали въ какой-то колясkѣ на пазахъ, которая вся дребезжала и бренчала, что̀ насъ очень забавляло. Мы ѣхали по той же дорогѣ, останавливались на тѣхъ же мѣстахъ, также удили на Дёмѣ, также пробыли въ Парашинѣ полтора сутокъ и также все осматривали. Я принялъ въ другой разъ на свою душу такія же пріятныя впечатлѣнія; хотя они были не такъ уже новы и свѣжи и не такъ меня изумляли, какъ въ первый разъ, но за то я понялъ ихъ яснѣе и почувствовалъ глубже. Одно Парашино подѣйствовало на меня грустно и тяжело. Въ этотъ годъ тамъ случился неурожай; ржаные хлѣба̀ были рѣдки, а яровые — низки и травны. Работы, казалось-бы, меньше, а жницы и жнецы скучали ею больше. Одинъ изъ нихъ, суровый съ виду, грубымъ голосомъ сказалъ моему отцу: «Невесело работать, Алексѣй Степанычъ. Не глядѣлъ бы на такое поле: козлецъ да осотъ. Ходишь день-деньской по десятинѣ, да собираешь по колосу». Отецъ возразилъ: «Какъ быть, воля Божья»... и суровый жнецъ ласково отвѣчалъ: «Вѣстимо такъ, батюшка!»

Впослѣдствіи понялъ я высокій смыслъ этихъ простыхъ словъ, которыя успокаиваютъ всякое волненье, усмиряютъ всякій человѣческій ропотъ и подъ благодатною силою которыхъ до сихъ поръ живетъ православная Русь. Ясно и

тихо становится на душѣ человѣка, съ вѣрою сказавшаго и съ вѣрою услыхавшаго ихъ.

Вообще народъ въ Парашинѣ былъ унылъ, особенно потому, что къ хлѣбному неурожаю присоединился сильный падежъ рогатаго скота. Отецъ говорилъ объ этомъ долго съ Миронычемъ, и Миронычъ между прочимъ сказалъ: «Это еще не бѣда, что хлѣба мало Господь уродилъ; у насъ на селѣ стараго довольно, а у кого не достанетъ, такъ господскій-то сусѣкъ *) на что? Вотъ бѣда крестьянину-семьянину съ малыми дѣтьми, когда Богъ его скотинкой обидитъ; безъ молочка ребятамъ плохо, батюшка Алексѣй Степанычъ. Вотъ у десятника Архипова было въ дому восемь дойныхъ коровъ, а теперича не осталось ни шерстинки, а ребятъ куча. Прогнѣвали Бога!»—Богатое село Парашино часто подвергалось скотскимъ падежамъ. Отецъ зналъ настоящую ихъ причину и сказалъ Миронычу: «Надо построже смотрѣть за кожевниками: они покупаютъ у Башкирцевъ за безцѣнокъ кожи съ дохлыхъ отъ чумы коровъ, и отъ этого у васъ въ Парашинѣ такъ часто падежи». Миронычъ почесалъ за ухомъ и съ недовольнымъ видомъ отвѣчалъ: «Коли отъ евтого, батюшка Алексѣй Степанычъ, такъ ужъ за грѣхи наши Господь посылаетъ свое насланіе».**) Отецъ не забылъ спросить о хворомъ старичкѣ Терентьѣ, бывшемъ засыпкой. Терентій былъ тогда же отставленъ отъ всѣхъ работъ и черезъ годъ умеръ. На этотъ разъ багровскіе старики отозвались объ Миронычѣ, что «онъ сталъ маненько позашибаться», то-есть чаще сталъ напиваться пьянъ, но все еще другаго начальника не желали.

Мы выѣхали изъ Парашина на зарѣ и пріѣхали кормить на быстрый, глубокій, многоводный Икъ. Мы расположились у послѣдняго моста, на самомъ быстромъ рукавѣ рѣки. Тутъ я вполнѣ разсмотрѣлъ и вполнѣ налюбовался этою великолѣпною и необыкновенною рыбною рѣкою. Мы кормили слишкомъ четыре часа и досыта наудились, даже раковъ наловили. Ночевали въ Коровинѣ, а на другой день, около полудня, увидѣли съ горы Багрово. Я въ это время сидѣлъ въ каретѣ съ

---

*) Сусѣкъ—закромъ.

**) Снятіе кожъ съ чумной скотины воспрещено закономъ; но Башкирцы—плохіе законовѣдцы, а русскіе кожевники соблазняются дешевизной, и это зло до сихъ поръ не вывелось въ Оренбургской губерніи. *С. А.*

отцомъ и матерью. Въ каретѣ было довольно просторно, и когда мать не лежала тогда насъ съ сестрицей брали попеременно въ карету; но мнѣ доставалось сидѣть чаще. День былъ красный и жаркій. Мать, въ самомъ мрачномъ расположеніи духа, сидѣла въ углу кареты; въ другомъ углу сидѣлъ отецъ; онъ также казался огорченнымъ, но я замѣтилъ, что въ то же время онъ не могъ безъ удовольствія смотрѣть на открывшіеся передъ нашими глазами камышистые пруды, зеленыя рощи, деревню и домъ.

Пріѣздъ на постоянное житье въ Багрово.

Когда мы подъѣхали къ дому, бабушка, въ полгода очень постарѣвшая, и тётушка Татьяна Степановна стояли уже на крыльцѣ. Бабушка съ искренними, радостными слезами обняла моего отца и мать, перекрестилась и сказала: «Ну, слава Богу! Пріѣхали настоящіе хозяева. Не чаяла дождаться васъ. Мы съ Танюшей дни и часы считали и глазыньки проглядѣли, глядя на уфимскую дорогу». Мы вошли прямо къ бабушкѣ; она жила въ дѣдушкиной горницѣ, изъ которой была прорублена дверь въ ея прежнюю комнату, гдѣ поселилась Татьяна Степановна. Бабушка съ тётушкой обѣдали, когда мы пріѣхали, за маленькимъ столикомъ у бабушкиной кровати; прислуга была женская; всѣхъ лакеевъ посылали на полевую работу. Бабушка бросила свой обѣдъ. Началась бѣготня и хлопоты, чтобъ накормить насъ обѣдомъ. Набѣжала куча дѣвокъ, проворно накрыли столъ въ залѣ, и мы вмѣстѣ съ бабушкой и тётушкой очень скоро сѣли за обѣдъ. Блюдъ оказалось множество, точно насъ ждали; но всѣ кушанья были такъ жирны, что мать и я съ сестрицей встали изъ-за стола почти голодные. Бабушка, безпрестанно со слезами вспоминая дѣдушку, кушала довольно; она послѣ обѣда, по обыкновенію, легла уснуть, а мать и отецъ принялись распоряжаться своимъ помѣщеніемъ въ домѣ. *Новая горница* (такъ ее всегда звали) для молодой барыни была еще не совсѣмъ отдѣлана: въ ней работали старый столяръ Михей и молодой столяръ Акимъ. На первый разъ мы помѣстились въ гостиной и въ угольной комнатѣ, гдѣ живала прежде тётушка; угольная потеряла всю свою прелесть,

потому что окна и вся сторона, выходившая на Бугуруслань, была закрыта пристройкою новой горницы для матери. Эта горница отдѣлялась отъ угольной маленькимъ корридорчикомъ съ выходомъ въ садъ; но двери въ него были еще не прорублены. Покуда происходила въ домѣ раскладка, размѣщеніе привезенныхъ изъ Уфы вещей и устройство новаго порядка, я съ Евсеичемъ ходилъ гулять, разумѣется съ позволенія матери, и мы успѣли осмотрѣть Бугуруслань, быстрый и омутистый, протекавшій угломъ по всему саду, лѣтнюю кухню, островъ, мельницу, прудъ и плотину, и на этотъ разъ все мнѣ такъ понравилось, что въ одну минуту изгладились въ моемъ воспоминаніи всѣ непріятныя впечатлѣнія, произведенныя на меня двукратнымъ пребываніемъ въ Багровѣ. Разсказы дворовыхъ мальчишекъ, бѣгавшихъ за нами толпою, о чудесномъ клёвѣ рыбы, которая беретъ вездѣ, гдѣ ни закинь удочку, привели меня въ восхищеніе, и съ этой минуты кончилось мое согласіе съ матерью въ непріязненныхъ чувствахъ къ Багрову.

На первыхъ порахъ отецъ былъ очень озабоченъ своимъ вступленіемъ въ должность полнаго хозяина, чего непремѣнно требовала бабушка и что́ онъ самъ считалъ своей необходимой обязанностью. Но мать, сколько ее ни просили, ни за что въ свѣтѣ не согласилась входить въ управленіе домомъ и еще менѣе — въ распоряженіе оброками, пряжею и тканьемъ крестьянскихъ и дворовыхъ женщинъ. Мать очень твердо объявила, что будетъ жить гостьей и что беретъ на себя только одно дѣло: заказывать кушанья для стола нашему городскому повару Мокею, и то съ тѣмъ, чтобы бабушка сама приказывала для себя готовить кушанье, по своему вкусу, своему деревенскому повару Степану. Объ этомъ было много разговоровъ и споровъ. Я замѣтилъ, что мать находилась въ постоянномъ раздраженіи и говорила рѣзко, несмотря на то, что бабушка и тётушка говорили съ ней почтительно и даже робко. Я одинъ разъ сказалъ ей: «Маменька, вы чѣмъ-то недовольны, вы все сердитесь». Она отвѣчала: «Я не сержусь, мой другъ, но огорчаюсь моимъ положеніемъ. Меня здѣсь никто не понимаетъ. Отецъ съ утра до вечера будетъ заниматься хозяйствомъ, а ты еще малъ и не можешь раздѣлять моего огорченія».—Я рѣшительно не понималъ, чѣмъ можетъ огорчаться мать.

Въ домѣ произошло много перемѣнъ прежде, чѣмъ отдѣлали новую горницу: дверь изъ гостиной въ коридоръ задѣлали, а прорубили дверь въ угольную; дверь изъ бывшей бабушкиной горницы въ буфетъ также задѣлали, а прорубили дверь въ дѣвичью. Все это, конечно, было удобнѣе и покойнѣе. Все это придумала мать и все это исполняли съ неудовольствіемъ. Недѣли двѣ продолжалась въ домѣ безпрестанная стукотня отъ столяровъ и плотниковъ; не было угла спокойнаго, а какъ погода стояла прекрасная, то мы съ сестрицей съ утра до вечера гуляли по двору и по саду и по березовой рощѣ, въ которой уже поселялись грачи и которая потомъ была прозвана «Грачевой рощей». Я ничего не читалъ и не писалъ въ это время, и мать всякій день отпускала меня съ Евсеичемъ удить: она уже увѣрилась въ его усердіи и осторожности. Съ каждымъ днемъ я болѣе и болѣе пристращался къ уженью, и съ каждымъ днемъ открывалъ новыя и новыя красоты въ Багровѣ. По глубокимъ мѣстамъ въ саду и съ плотины на мельницѣ удили мы окуней и плотву, такую крупную, что часто я не могъ вытащить ее безъ помощи Евсеича. Начиная же отъ лѣтней кухни до мельницы, гдѣ рѣка раздѣлялась надвое и была мелка, мы удили пискарей, а иногда и другихъ маленькихъ рыбокъ. Въ это время года крупная рыба, какъ-то: язи, головли и лини, уже не брали, или лучше сказать (что̀, конечно, я узналъ гораздо позднѣе) ихъ не умѣли удить. Вообще уженье находилось тогда въ самомъ первоначальномъ, младенческомъ состояніи. Я всего болѣе любилъ островъ. Тамъ можно было удить и крупную и мелкую рыбу: въ старицѣ, тихой и довольно глубокой, брала крупная, а съ другой стороны, гдѣ Бугурусланъ бѣжалъ мелко и по чистому дну съ песочкомъ и камешками, отлично клевали пискари; да и сидѣть подъ тѣнью березъ и липъ, даже безъ удочки, на покатомъ, зеленомъ берегу, было такъ весело, что я и теперь неравнодушно вспоминаю объ этомъ времени. Островъ былъ также любимымъ мѣстомъ тётушки, и она сиживала иногда вмѣстѣ со мной и удила рыбку: она была большая охотница удить.

Наконецъ, кончилась стукотня топоровъ, строганье наструговъ и однообразное шипѣнье пилъ: это тоже были для меня любопытные предметы; я любилъ внимательно и подолгу смотрѣть на живую работу столяровъ и плотниковъ,

мѣшая имъ безпрестанными вопросами.—Комната моей матери, застроенная дѣдушкой, была совершенно отдѣлана. Мать отслужила молебенъ въ новой горницѣ, священникъ окропилъ новыя стѣны святою водою, и мы перешли въ новое жилье. Подъ словомъ: мы, я разумѣю мать, отца и себя. Сестрица и маленькій братецъ поселились въ бывшей тётушкиной угольной, а теперь уже въ нашей дѣтской комнатѣ. Спальня матери, получившая у прислуги навсегда имя «барыниной горницы», была еще веселѣе, чѣмъ бывшая угольная, потому что она была ближе къ рѣкѣ. Растущая подъ берегомъ, развѣсистая, молодая береза почти касалась ея стѣны своими вѣтвями. Я очень любилъ смотрѣть въ окно, выходившее на Бугурусланъ: изъ него виднѣлась даль уремы Бугуруслана, сходившаяся съ уремою рѣчки Кармалки, и между ними крутая и голая вершина Челяевской горы.

Отецъ точно былъ занятъ хозяйствомъ съ утра до вечера. Каждый день онъ ѣздилъ въ поле; каждый день ходилъ на конный и скотный дворъ; каждый день бывалъ и на мельницѣ. Пріѣзжалъ изъ города какой-то чиновникъ, собралъ всѣхъ крестьянъ, прочелъ имъ указъ и ввелъ моего отца во владѣніе доставшимся ему имѣньемъ по наслѣдству отъ нашего покойнаго дѣдушки. Потомъ всѣхъ крестьянъ и крестьянокъ угощали пивомъ и виномъ: всѣ кланялись въ ноги моему отцу, всѣ обнимали, цѣловали его и его руки. Многіе плакали, вспоминая о покойномъ дѣдушкѣ, крестясь и говоря: «царство ему небесное». Я одинъ былъ съ отцомъ: меня также обнимали и цѣловали, и я чувствовалъ какую-то гордость, что я внукъ моего дѣдушки. Я уже не дивился тому, что моего отца и меня всѣ крестьяне такъ любятъ; я убѣдился, что это непремѣнно такъ быть должно: мой отецъ—сынъ, а я внукъ Степана Михайловича. Мать ни за что не согласилась выйдти къ собравшимся крестьянамъ и крестьянкамъ, сколько ни уговаривали ее отецъ, бабушка и тётушка. Мать постоянно отвѣчала, что «госпожей и хозяйкой по-прежнему остается матушка», то-есть моя бабушка, и велѣла сказать это крестьянамъ; но отецъ сказалъ имъ, что молодая барыня нездорова. Всѣ были недовольны, какъ мнѣ показалось; вѣроятно, всѣ знали, что барыня здорова. Мнѣ было досадно, что мать не вышла къ добрымъ крестьянамъ и совѣстно, что отецъ сказалъ неправду. Когда мы

воротились, я при всѣхъ сказалъ объ этомъ матери, которая стала горячо выговаривать отцу, зачѣмъ онъ солгалъ. Отецъ съ досадой отвѣчалъ: «Совѣстно было сказать, что ты не хочешь быть ихъ барыней и не хочешь ихъ видѣть; въ чемъ же они передъ тобой виноваты?...» Странно также и непріятно мнѣ показалось, что въ то время, когда отца вводили во владѣніе и когда крестьяне поздравляли его шумными криками: «Здравствуй на многія лѣта отецъ нашъ Алексѣй Степанычъ!» — бабушка и тётушка, смотрѣвшія въ растворенное окно, обнялись, заплакали навзрыдъ и заголосили.

«О чемъ плакали бабушка и тётушка?» спросилъ я, оставшись наединѣ съ матерью. Мать подумала и отвѣчала: «Онѣ вспомнили, что цѣлый вѣкъ были здѣсь полными хозяйками, что теперь настоящая хозяйка — я, чужая имъ женщина, что я только не хочу принять власти, а завтра могу захотѣть, что нѣтъ на свѣтѣ твоего дѣдушки — и отъ того стало грустно имъ».—«А почему, маменька, вы не вышли къ нашимъ добрымъ крестьянамъ? Они васъ такъ любятъ».—«А потому, что бабушкѣ и тётушкѣ твоей стало бы еще грустнѣе; къ тому же я терпѣть не могу... ну, да ты еще малъ и понять меня не можешь».— Сколько я ни просилъ, сколько ни приставалъ, мать ничего болѣе мнѣ не сказала. Долго мучило меня любопытство, долго ломалъ я голову: чего мать терпѣть не можетъ? Неужели добрыхъ крестьянъ, которые сами говорятъ, что насъ такъ любятъ!...

Стали пріѣзжать къ намъ тётушки. Первая пріѣхала Аксинья Степановна; въ ней я никакой перемѣны не замѣтилъ: она была такъ же къ намъ ласкова и добра, какъ и прежде. Потомъ пріѣхала Александра Степановна съ мужемъ, и я сейчасъ увидѣлъ, что она стала совсѣмъ другая: она сдѣлалась не только ласкова и почтительна, но бросалась услуживать моей матери, точно Параша; мать однако держала себя съ ней совсѣмъ неласково. Наконецъ, пріѣхала и Елизавета Степановна съ дочерьми. Гордая генеральша, хотя не ластилась такъ къ моему отцу и матери, какъ Александра Степановна, но также перемѣнила свое холодное и надменное обращеніе на внимательное и учтивое. Даже двоюродныя сестрицы перемѣнились. Меньшая изъ нихъ, Катерина, была живаго и веселаго нрава; она и прежде нрави-

лась намъ больше; теперь же хотѣли мы подружиться съ ней покороче; но перемѣнившись въ обращеніи, то-есть сдѣлавшись учтивѣе и привѣтливѣе, она была съ нами такъ скрытна и холодна, что оттолкнула насъ и не дала намъ возможности полюбить ее, какъ близкую родню. Всѣ онѣ гостили въ Багровѣ не подолгу.

Наконецъ пріѣхали Чичаговы. Искренняя, живая радость матери сообщилась и мнѣ; я бросился на шею къ Катеринѣ Борисовнѣ и обнялъ ее, какъ родную. Видно много выражалось удовольствія на моемъ лицѣ, потому что она, взглянувъ на мужа, съ удивленіемъ сказала: «Посмотри, Петръ Иванычъ, какъ Сережа намъ обрадовался!» Петръ Иванычъ въ первый разъ обратилъ на меня свое особенное вниманіе и приласкалъ меня; въ Уфѣ онъ никогда не говорилъ со мной. Его доброе расположеніе ко мнѣ впослѣдствіи росло съ годами, и когда я былъ уже гимназистомъ, то онъ очень любилъ меня. Мать Катерины Борисовны, старушка Марья Михайловна Мертваго, которую и покойный дѣдушка, какъ мнѣ сказывали, уважалъ, имѣла славу необыкновенно тонкой и умной женщины. Она заняла и заговорила мою бабушку, тётушку и отца своими ласковыми рѣчами, а моя мать увела Чичаговыхъ въ свою спальню и у нихъ начались самые одушевленные и задушевные разговоры. Даже мнѣ приказано было уйдти въ дѣтскую къ моей сестрицѣ. Пріѣздъ Чичаговыхъ оживилъ мать, которая начинала скучать. Дня черезъ три они уѣхали, взявъ слово, что мы пріѣдемъ погостить къ нимъ на цѣлую недѣлю.

Въ Багровѣ каждый годъ производилась охота съ ястребами за перепелками, которыхъ всѣ любили кушать и свѣжихъ, и соленыхъ. Въ этотъ годъ также были вынуты изъ гнѣзда и выкормлены въ клѣткѣ, называвшейся «садкомъ», два ястреба, изъ которыхъ одинъ находился на рукахъ у Филиппа, стараго сокольника моего отца, а другой у Ивана Мазана, нѣкогда ходившимъ за дѣдушкой, который, не смотря на то, что до нашего пріѣзда ежедневно посылался жать, не разставался съ своимъ ястребомъ и вынашивалъ его по ночамъ. Ястребами начали травить, и каждый день поздно вечеромъ приносили множество жирныхъ перепелокъ и коростелей. Мнѣ очень хотѣлось посмотрѣть эту охоту, но мать не пускала. Наконецъ, отецъ самъ поѣхалъ и взялъ

меня съ собой. Охота мнѣ очень понравилась и, по увѣренію моего отца, что въ ней нѣтъ ничего опаснаго, и по его просьбамъ, мать стала отпускать меня съ Евсеичемъ. Я очень скоро пристрастился къ травлѣ *ястребочкомъ*, какъ говорилъ Евсеичъ, и въ тотъ счастливый день, въ который получалъ съ утра позволеніе ѣхать на охоту, съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ожидалъ назначеннаго времени, то-есть часовъ двухъ пополудни, когда Филиппъ или Мазанъ, выспавшись послѣ ранняго обѣда, явится съ добрымъ и голоднымъ ястребомъ на рукѣ, съ собственной своей собакой на веревочкѣ (потому что у обоихъ собаки гонялись за перепелками), и скажетъ: «пора, сударь, на охоту». Роспуски уже давно были запряжены, и мы отправлялись въ поле. Я не только любилъ смотрѣть, какъ рѣзвый ястребъ догоняетъ свою добычу, я любилъ все въ охотѣ: какъ собака, почуявъ слѣдъ перепелки, начнетъ горячиться, мотать хвостомъ, фыркать, прижимая носъ къ самой землѣ; какъ по мѣрѣ того, какъ она подбирается къ птицѣ, горячность ея часъ отъ часу увеличивается; какъ охотникъ, высоко поднявъ на правой рукѣ ястреба, а лѣвою рукою удерживая на своркѣ горячую собаку, подсвистывая, горячась самъ, почти бѣжитъ за ней; какъ вдругъ собака, иногда искривясь на бокъ, загнувъ носъ въ сторону, какъ-будто окаменѣетъ на мѣстѣ; какъ охотникъ кричитъ запальчиво: «пиль, пиль» и наконецъ толкаетъ собаку ногой; какъ, Богъ знаетъ откуда, изъ-подъ самаго носа съ шумомъ и чоканьемъ вырывается перепелка,—и уже догоняетъ ее съ распущенными когтями жадный ястребъ, и уже догналъ, схватилъ, пронесся нѣсколько саженей, и опускается съ добычею въ траву или жниву,—на это, пожалуй, всякій посмотритъ съ удовольствіемъ. Но я также любилъ смотрѣть, какъ охотникъ, подбѣжавъ къ ястребу, ставъ на колѣни и осторожно наклонясь надъ нимъ, обмявъ кругомъ траву и оправивъ его распущенныя крылья, начнетъ бережно отнимать у него перепелку; какъ потомъ полакомитъ ястреба оторванною головкой и снова пойдетъ за новою добычей; я любилъ смотрѣть, какъ охотникъ кормитъ своего ловца, какъ ястребъ щиплетъ перья и пухъ, который пристаетъ къ его окровавленному носу, и какъ онъ отряхаетъ, чиститъ его объ рукавицу охотника; какъ ястребъ сначала жадно глотаетъ большіе куски мяса и даже небольшія кости

и наконецъ набиваетъ свой зобъ въ цѣлый кулакъ величиною. Въ этой-то любви обнаруживался будущій охотникъ. Но, увы, какъ я ни старался выгодно описывать мою охоту матери и сестрицѣ,—обѣ говорили, что это жалко и противно.

Я и прежде самъ замѣчалъ большую перемѣну въ бабушкѣ; но особенное вниманіе мое на эту перемѣну обратилъ разговоръ отца съ матерью, въ который я вслушался, читая свою книжку. «Какъ перемѣнилась матушка послѣ кончины батюшки, говорила моя мать; она даже ростомъ стала какъ-будто меньше; ничѣмъ отъ души не занимается, все ей стало словно чужое; безпрестанно поминаетъ покойника, даже объ сестрицѣ Татьянѣ Степановнѣ мало заботится. Я ей говорю о томъ, какъ бы ее пристроить, выдать замужъ, а она и слушать не хочетъ; только и говоритъ: «Какъ угодно Богу, такъ и будетъ»... А отецъ со вздохомъ отвѣчалъ: «Да, ужъ совсѣмъ не та матушка! Видно ей недолго жить на свѣтѣ». Мнѣ вдругъ стало жалко бабушку, и я сказалъ: «Надо бабушку утѣшать, чтобъ ей не было скучно». Отецъ удивился моимъ неожиданнымъ словамъ, улыбнулся и сказалъ: «А вы бы съ сестрой почаще къ ней ходили, старались бы ее развеселить». И съ того же дня мы съ сестрицей по нѣскольку разъ въ день стали бѣгать къ бабушкѣ. Обыкновенно, она сидѣла на своей кровати и пряла на самопрялкѣ козій пухъ. Вокругъ нея, поджавъ подъ себя ноги, сидѣло множество дворовыхъ и крестьянскихъ дѣвочекъ и выбирали волосья изъ клочковъ козьяго пуха. Выбравъ свой клочекъ, дѣвчонка подавала его старой барынѣ, которая, посмотрѣвъ на свѣтъ и не видя въ пуху волосъ, клала въ лукошечко, стоявшее подлѣ нея. Если же выбрано было нечисто, то возвращала назадъ и бранила нерадивую дѣвчонку. Глаза у бабушки были мутны и тусклы; она часто дремала за своимъ дѣломъ, а иногда вдругъ отталкивала отъ себя прялку и говорила: «Ну, что ужъ мнѣ за пряжа, пора къ Степану Михайловичу», и начинала плакать. Мы съ сестрицей не умѣли и приступиться къ ней сначала, и, посидѣвъ, уходили; но тётушка научила насъ, чѣмъ угодить бабушкѣ. Она, несмотря на свое равнодушіе къ окружающимъ предметамъ, сохраняла свой прежній аппетитъ къ любимымъ лакомствамъ и блюдамъ. Между прочимъ, она очень любила вороньи ягоды и жареные въ сметанѣ шампиньоны. Этихъ ягодъ было

много въ саду, или, лучше сказать, въ огородѣ; тётушка ходила съ нами туда, указала ихъ и мы вмѣстѣ съ ней набрали цѣлую полоскательную чашку и принесли бабушкѣ. Она, какъ-будто, обрадовалась и сказавъ: «знатныя ягоды, эки крупныя и какія спѣлыя!» кушала ихъ съ удовольствіемъ; хотѣла и насъ попотчивать, но мы сказали, что безъ позволенія маменьки не смѣемъ. Потомъ тётушка указала намъ, гдѣ растутъ шампиньоны. Это была ямочка или, скорѣе сказать, лощинка среди двора, возлѣ тётушкина амбара; вѣроятно, тутъ было прежде какое-нибудь строеніе, потому что только тутъ и родились шампиньоны; у бабушки называлось это мѣсто «золотою ямкой»; ее всякій день поливала водой косая и глухая дѣвка Груша. Также съ помощью тётушки, мы наковыряли, почти изъ земли, молоденькихъ шампиньоновъ полную тарелку и принесли бабушкѣ; она была очень довольна и приказала нажарить себѣ цѣлую сковородку. Бабушка опять захотѣла попотчивать насъ шампиньонами и мы опять отказались. Она махнула рукой, и сказала: «Ну, ужъ какіе вы». Услуживая такимъ образомъ, мы пускались въ разные разговоры съ бабушкой, и она становилась ласковѣе и болѣе нами занималась, какъ вдругъ неожиданный случай такъ отдалилъ меня отъ бабушки, что я долго ходилъ къ ней только здороваться да прощаться. Одинъ разъ, когда мы весело разговаривали съ бабушкой, рыжая крестьянская дѣвчонка подала ей свой клочекъ пуха, уже разъ возвращенный назадъ; бабушка посмотрѣла на свѣтъ, и увидя, что есть волосья, схватила одною рукой дѣвочку за волосы, а другою вытащила изъ-подъ подушекъ ременную плетку и начала хлестать бѣдную дѣвочку... Я убѣжалъ. Это напомнило мнѣ народное училище, и я потерялъ охоту сидѣть въ бабушкиной горницѣ, смотрѣть, какъ прядетъ она на самопрялкѣ и какъ выбираютъ дѣвчонки козій пухъ.

После двухъ-недѣльнаго ненастья или, вѣрнѣе сказать, сырой погоды, наступило ясное осеннее время. Всякій день по ночамъ бывали морозы, и, проснувшись поутру, я видѣлъ, какъ всѣ мѣста, не освѣщенныя солнцемъ, были покрыты бѣлымъ блестящимъ инеемъ. «Вонъ какой морозъ лежитъ!» говорилъ Евсеичъ, подавая мнѣ одѣваться. И точно, широкая и длинная тѣнь нашего дома лежала бѣлая, какъ ска-

терть, ярко отличаясь отъ потемнѣвшей и мокрой земли. Тѣнь укорачивалась, косилась, и снѣжный иней скоро исчезалъ при первомъ прикосновеніи солнечныхъ лучей, которые и въ исходѣ сентября еще сильно пригрѣвали. Я очень любилъ наблюдать, какъ солнышко сгоняло морозъ, и радовался, когда совершенно исчезала противная снѣжная бѣлизна.

Не знаю отчего, еще ни разу не бралъ меня отецъ въ поле на крестьянскія работы. Онъ говорилъ, что ему надо было долго оставаться тамъ, и что я соскучусь. Жнитво уже давно кончили: большую часть ржи уже перевезли въ гумно; обмолотили горохъ, вытрясли макъ, — и я ничего этого не видалъ! Наконецъ, морозъ и солнце высушили остальные снопы, и дружно принялись доканчивать возку, нѣсколько запоздавшую въ этотъ годъ. Я видѣлъ изъ бабушкиной горницы, какъ тянулись телѣги, нагруженныя снопами, къ нашему высокому гумну. Это новое зрѣлище возбудило мое любопытство. Я сталъ проситься съ отцомъ, который собирался ѣхать въ поле, и онъ согласился, сказавъ, что теперь можно, что онъ только объѣдетъ поля и останется на гумнѣ, а меня съ Евсеичемъ отпуститъ домой. Мать также согласилась. Съ самаго Парашина, чему прошло уже два года, я не бывалъ въ хлѣбномъ полѣ и потому съ большою радостью усѣлся возлѣ отца на роспускахъ. Я предварительно напомнилъ ему, что не худо было бы взять ружье съ собой (что̀ отецъ иногда дѣлалъ), и онъ взялъ съ собой ружье. Живя въ городѣ, я, конечно, не могъ получить настоящаго понятія, что̀ такое осень въ деревнѣ. Все было ново, все изумляло и радовало меня. Мы проѣхали мимо пруда: на грязныхъ и отлогихъ берегахъ его еще виднѣлись ледяныя закрайки; стадо утокъ плавало по рединѣ. Я просилъ отца застрѣлить уточку; но отецъ отвѣчалъ, что «уточки далеко, и что никакое ружье не хватитъ до нихъ». Мы поднялись на изволокъ и выѣхали въ поле. Трава поблекла, потемнѣла и прилегла къ землѣ; голые крутые взлобки горъ стали еще круче и голѣе; сурчины какъ-то выше и краснѣе, потому что листья чилизника и бобовника завяли, облетѣли и не скрывали отъ глазъ ихъ глинистыхъ бугровъ; но сурковъ уже не было: они давно попрятались въ свои норы, какъ сказывалъ мнѣ отецъ. Навстрѣчу стали попадаться намъ телѣги съ хлѣбомъ, такъ-называемыя *сноповыя* телѣги. Это

были короткія дроги съ четырьмя столбиками по угламъ, между которыми очень ловко укладывались снопы въ два ряда, укрѣпленные сверху *гнетомъ* и крѣпко привязанные веревками спереди и сзади. Все это растолковалъ мнѣ отецъ, говоря, что такой возъ не опрокинется и не разсыплется по нашимъ косогористымъ дорогамъ, что умная лошадь одна, безъ провожатаго, безопасно привезетъ его въ гумно. Въ самомъ дѣлѣ, при сноповыхъ возахъ были только мальчики или дѣвчонки, которые весело шли каждый при своей лошадкѣ, низко кланяясь при встрѣчѣ съ нами. Когда мы пріѣхали на десятины, то увидѣли, что нѣсколько человѣкъ крестьянъ длинными вилами накладываютъ воза и только увязываютъ и отпускаютъ ихъ. Мы поздоровались съ крестьянами и сказали имъ: «Богъ на помочь». Они поблагодарили; мы спросили, не видали ли тетеревовъ. Отвѣчали, что на скирдахъ была тьма-тьмущая, да всѣ разлетѣлись: такъ ружье и не понадобилось намъ. Отецъ объяснилъ мнѣ, что большая часть крестьянъ работаетъ теперь на гумнѣ, и что мы скоро увидимъ ихъ работу. «А хочешь посмотрѣть, Сережа, какъ бабы молотятъ дикушу (гречу)?» спросилъ отецъ. Разумѣется, я отвѣчалъ, что очень хочу, и мы поѣхали. Еще издали заслышали мы глухой шумъ, похожій на топотъ многихъ ногъ, который вскорѣ заглушился звуками крикливыхъ женскихъ голосовъ. «Вишь орутъ, сказалъ, смѣясь, Евсеичъ; ровно дѣлаютъ что! Вотъ оно, бабье-то царство!» Шумъ и крикъ увеличивался, по мѣрѣ нашего приближенія, и вдругъ затихъ. Евсеичъ опять разсмѣялся, сказавъ: «А, увидали, сороки!» На одной изъ десятинъ былъ расчищенъ токъ, гладко выметенный; на немъ, высокою грядою, лежала гречневая солома, по которой ходили взадъ и впередъ болѣе тридцати цѣповъ. Я долго съ изумленіемъ смотрѣлъ на эту невиданную мною работу. Стройность и ловкость мѣрныхъ и быстрыхъ ударовъ привели меня въ восхищеніе. Цѣпы мелькали, взлетая и падая другъ возлѣ друга, и ни одинъ не зацѣплялъ за другой, между тѣмъ какъ бабы не стояли на одномъ мѣстѣ, а то подвигались впередъ, то отступали назадъ. Такое искуство казалось мнѣ непостижимымъ! Чтобъ не прерывать работы, отецъ не здоровался, покуда не кончили полосы или ряда. Подошедшій къ намъ десятникъ сказалъ: «Послѣдній проходъ идутъ, батюшка Алексѣй Степа-

нычъ. И давича была, почитай, чиста солома, да я велѣлъ еще разокъ пройдти. Теперь ни зернушка не останется». Когда дошли до края, мы оба съ отцомъ сказали обычное «Богъ на помочь!» и получили обыкновенный благодарственный отвѣтъ многихъ женскихъ голосовъ. На другомъ току двое крестьянъ вѣяли ворохъ обмолоченной гречи; вѣтерокъ далеко относилъ всякую дрянь и тощія легкія зёрна, — а полныя и тяжелыя, косымъ дождемъ падали на землю; другой крестьянинъ сметалъ метлою ухвостье и всякій соръ. Работать было не жарко, въ работающихъ не замѣтно было никакой усталости, и молотьба не произвела на меня тяжелаго впечатлѣнія, какое получилъ я на жнитвѣ въ Парашинѣ. Мы отправились, по дорогѣ къ дому, прямо на гумно. Я вслушался, что десятникъ вполголоса говорилъ Евсеичу: «Скажи старостѣ, что онъ? али заснулъ?—не шлетъ подводъ за обмолоченною дикушей». На гумнѣ стояло уже нѣсколько новыхъ высокихъ ржаныхъ кладей. Когда мы пріѣхали, то вершили одну пшеничную кладь и только заложили другую, полбенную. На каждой клади стояло по четыре человѣка; они принимали снопы, которые подавались на вилахъ, а когда кладь становилась высока, вскидывались по воздуху ловко и проворно; еще съ большею ловкостью и проворствомъ ловили снопы на-лету стоявшіе на кладяхъ крестьяне. Я пришелъ въ сильнѣйшее изумленіе и окончательно убѣдился, что крестьяне и крестьянки гораздо насъ искуснѣе и ловчѣе, потому что умѣютъ то дѣлать, чего мы не умѣемъ. У меня загорѣлось сильное желаніе выучиться крестьянскимъ работамъ. Отецъ нашелъ на гумнѣ какія-то упущенія и выговаривалъ старостѣ, что бока у яровыхъ кладей неровны и что кладка неопрятна; но староста съ усмѣшкой отвѣчалъ: «Вы глядите, батюшка Алексѣй Степанычъ, на оржаныя-то клади,—яровыя такія не будутъ; оржаная солома-то длинная, а яровая — коротенькая, снопы-то и ползутъ». — Мнѣ показалось, что отецъ смутился. Онъ остался на гумнѣ и хотѣлъ придти пѣшкомъ, а меня съ Евсеичемъ отправилъ на лошади домой. Я пересказалъ матери все видѣнное мною, съ моимъ обыкновеннымъ волненіемъ и увлеченіемъ. Я съ восторгомъ описывалъ крестьянскія работы и съ огорченіемъ увидѣлъ, уже не въ первый разъ, что мать слушала меня очень равнодушно; а мое же-

ланіе выучиться крестьянскимъ работамъ назвала ребячьими бреднями. Я понасупился и ушелъ къ сестрицѣ, которая должна была выслушать мой разсказъ о крестьянскихъ работахъ. Надобно признаться, что и она слушала его очень равнодушно. Всего же болѣе досадила мнѣ Параша. Когда я сталъ пенять сестрѣ, что она невнимательно слушаетъ и не восхищается моими описаніями, Параша вдругъ вмѣшалась и сказала: «Нечего и слушать. Вотъ нашли какую невидаль! Очень нужно сестрицѣ вашей знать, какъ крестьяне молотятъ, да клади кладутъ»... и захохотала. Я такъ разсердился, что назвалъ Парашу дурой. Она погрозила мнѣ, что пожалуется маменькѣ, однакожъ не пожаловалась.—Когда воротился отецъ, мы съ нимъ досыта наговорились о крестьянскихъ работахъ. Отецъ уважалъ труды крестьянъ, съ любовью говорилъ о нихъ, и мнѣ было очень пріятно его слушать, а также высказывать мои собственныя чувства и дѣтскія мысли.

Уже весьма поздно осенью отправились мы въ Старую Мертовщину къ Чичаговымъ. Сестрица съ маленькимъ братцемъ остались у бабушки; отецъ только проводилъ насъ и на другой же день воротился въ Багрово къ своимъ хозяйственнымъ дѣламъ. Я зналъ все это напередъ и боялся, что мнѣ будетъ скучно въ гостяхъ; даже на всякій случай взялъ съ собой книжки, читанныя мною уже не одинъ разъ. Но на дѣлѣ вышло, что мнѣ не было скучно. Когда моя мать уходила въ комнату Чичаговой, старушка Мертваго сажала меня подлѣ себя и разговаривала со мной по цѣлымъ часамъ. Она умѣла такъ разспрашивать и особенно такъ разсказывать, что мнѣ было очень весело ее слушать. Она въ своей жизни много видѣла, много вытерпѣла, и ея разсказы были любопытнѣе книжекъ. Тутъ я получилъ въ первый разъ настоящее понятіе о «пугачевщинѣ», о которой прежде только слыхалъ мимоходомъ. Бѣдная Марья Михайловна съ своимъ семействомъ жестоко пострадала въ это страшное время и лишилась своего мужа, котораго бунтовщики убили. У старушки Мертваго я сидѣлъ обыкновенно по утрамъ, а послѣ обѣда бралъ меня къ себѣ въ кабинетъ Петръ Иванычъ Чичаговъ. Онъ былъ и живописецъ, и архитекторъ: самъ построилъ церковь для своей тёщи Марьи Михайловны въ саду близехонько отъ дома, и самъ писалъ всѣ образа. Тутъ я узналъ

въ первый разъ, что̀ такое *математическій инструментъ*, что̀ такое палитра и масляныя краски и какъ ими рисуютъ. Мнѣ особенно нравилось черченье, въ чемъ Чичаговъ былъ искусенъ, и я долго бредилъ циркулемъ и рейсфедеромъ. Обладаніе такими сокровищами казалось мнѣ необыкновеннымъ счастьемъ. Въ добавокъ ко всему, Петръ Иванычъ далъ мнѣ почитать «Тысячу и одну ночь» арабскія сказки. Шехеразада свела меня съ ума. Я не могъ оторваться отъ книжки, и добрый хозяинъ подарилъ мнѣ два тома этихъ волшебныхъ сказокъ: у него только ихъ и было. Мать сначала сомнѣвалась, не вредно ли будетъ мнѣ это чтеніе. Она говорила Чичагову, что у меня и безъ того слишкомъ горячее воображеніе и что, послѣ волшебныхъ сказокъ Шехеразады, я стану бредить на-яву; но Петръ Иванычъ какъ-то умѣлъ убѣдить мою мать, что чтеніе «Тысячи и одной ночи» не будетъ мнѣ вредно. Я не понималъ его доказательствъ, но вѣрилъ въ ихъ справедливость и очень обрадовался согласію матери. Кажется, еще ни одна книга не возбуждала во мнѣ такого участія и любопытства! Покуда мы жили въ Мертовщинѣ, я читалъ разсказы Шехеразады урывками, но съ полнымъ самозабвеніемъ. Прибѣгу бывало въ ту отдѣльную комнату, въ которой мы съ матерью спали, разверну Шехеразаду, такъ чтобъ только прочесть страничку,— и забудусь совершенно. Одинъ разъ, замѣтивъ, что меня нѣтъ, мать отыскала меня, читающаго съ такимъ увлеченіемъ, что я не слыхалъ, какъ она приходила въ комнату и какъ ушла потомъ. Она привела съ собою Чичагова, и я долго не замѣчалъ ихъ присутствія, не слышалъ и не видѣлъ ничего: только хохотъ Петра Иваныча заставилъ меня опомниться. Мать воспользовалась очевидностью доказательства и сказала: «Вотъ видите, Петръ Иванычъ, какъ онъ способенъ увлекаться; и вотъ почему я считаю вреднымъ для него чтеніе волшебныхъ сказокъ». Петръ Иванычъ только смѣялся и говорилъ, что это ничего, что это такъ быть должно, что это прекрасно! Я очень перепугался. Я не думалъ, чтобы, послѣ такой улики въ способности увлекаться до безумія, мать въ другой разъ уступила Чичагову; слава Богу, все обошлось благополучно. Мать оставила у меня книги, но запретила мнѣ и смотрѣть ихъ, покуда мы будемъ жить въ Мертовщинѣ. Опасаясь худшихъ послѣдствій, я,

хотя неохотно, повиновался, и въ послѣдніе дни нашего пребыванія у Чичаговыхъ еще съ бо́льшимъ вниманіемъ слушалъ разсказы старушки Мертваго, еще съ бо́льшимъ любопытствомъ разспрашивалъ Петра Иваныча, который все на свѣтѣ зналъ, читалъ, видѣлъ и самъ умѣлъ дѣлать; въ дополненіе къ этому онъ былъ очень веселъ и словоохотенъ. Удивленіе мое къ этому человѣку, необыкновенному по уму и дарованіямъ, росло съ каждымъ днемъ.

Въ Мертовщинѣ былъ еще человѣкъ, возбуждавшій мое любопытство, смѣшанное со страхомъ: это былъ сынъ Марьи Михайловны, Иванъ Борисычъ, человѣкъ молодой, но уже нѣсколько лѣтъ сошедшій съ ума. Мать ни за что не хотѣла стѣснить его свободу: онъ жилъ въ особомъ флигелѣ, съ приставленнымъ къ нему слугою, ходилъ гулять по полямъ и лѣсамъ и приходилъ въ домъ, гдѣ жила Марья Михайловна, во всякое время, когда ему было угодно, даже ночью. Я видѣлъ его каждый день раза по два и по три, но издали. Одинъ разъ, когда мы всѣ сидѣли въ гостиной, вдругъ вошелъ Иванъ Борисычъ, небритый, нечесаный, очень странно одѣтый; бормоча себѣ подъ носъ какія-то русскія и французскія слова, кусая ногти, безпрестанно кланяясь на бокъ, поцѣловалъ онъ руку у своей матери, взялъ ломберный столъ, поставилъ его посреди комнаты, раскрылъ, досталъ карты, мѣлки, щеточки, и началъ самъ съ собою играть въ карты. Катерина Борисовна тихо сказала моей матери, что игра въ карты съ самимъ собою составляетъ единственное удовольствіе ея несчастнаго брата и что онъ играетъ мастерски; въ доказательство же своихъ словъ попросила мужа поиграть съ ея братомъ въ пикетъ. Петръ Иванычъ охотно согласился, прибавя, что онъ много разъ съ нимъ игралъ, но выиграть никогда не могъ. Я осмѣлился подойдти поближе и сталъ возлѣ Чичагова. Иванъ Борисычъ все дѣлалъ съ изумительною скоростью, и часто, не дожидаясь розыгрыша игры, вычисливъ всѣ ходы въ умѣ, писалъ мѣломъ свой будущій выигрышъ или проигрышъ. Всѣ говорили, что онъ никогда не ошибался. Въ то же время на лицѣ его появлялись безпрестанныя гримасы. Онъ смѣялся какимъ-то дикимъ смѣхомъ, безпрестанно что-то говорилъ, вставалъ, кланялся и опять садился. Очевидно было, что онъ съ кѣмъ-то мысленно разговаривалъ, но въ то же время это не мѣшало

ему играть съ большимъ вниманіемъ и умѣньемъ. Сыгравъ нѣсколько королей и сказавъ: «нѣтъ, братецъ, васъ никогда не обыграешь», Петръ Иванычъ всталъ, принесъ изъ кабинета нѣсколько мѣдныхъ денегъ и отдалъ Ивану Борисычу. Тотъ былъ чрезвычайно доволенъ, подсѣлъ къ матери и очень долго говорилъ съ ней, то громко, то тихо, то печально, то весело, но всегда почтительно; она слушала съ вниманіемъ и участіемъ. Иванъ Борисычъ такъ бормоталъ, что нельзя было понять ни одного слова; но его мать все понимала и смотрѣла на него съ необыкновенною нѣжностью. Наконецъ, она сказала: «Ну довольно, мой другъ Иванъ Борисычъ. Я теперь все знаю; подумаю хорошенько о твоемъ намѣреніи и дамъ тебѣ совѣтъ. Ступай съ Богомъ въ свой флигель». Иванъ Борисычъ сейчасъ повиновался, съ почтеніемъ поцѣловалъ у нея руку и ушелъ. Нѣсколько минутъ всѣ молчали; глаза у старушки были полны слезъ. Потомъ она перекрестилась и сказала тихимъ и торжественнымъ голосомъ: «Да будетъ воля Господня! Но мать не можетъ привыкнуть видѣть свое дитя лишеннымъ разума. Бѣдный мой Иванъ не вѣритъ, что государыня скончалась; а какъ онъ воображаетъ, что влюбленъ въ нее, любимъ ею и что онъ оклеветанъ, то хочетъ писать письмо къ покойной императрицѣ на французскомъ языкѣ».—Все это было для меня совершенно непонятно и непостижимо. Я понималъ только одно, какъ мать любила безумнаго сына и какъ сумасшедшій сынъ почтительно повиновался матери. Въ тотъ же день, ложась спать въ нашей отдѣльной комнатѣ, я присталъ къ своей матери со множествомъ разныхъ вопросовъ, на которые было очень мудрено отвѣчать понятнымъ для ребенка образомъ. Всего болѣе смущала меня возможность сойдти съ ума, и я нѣсколько дней слѣдилъ за своими мыслями и надоѣдалъ матери разспросами и сомнѣніями, нѣтъ ли во мнѣ чего-нибудь, похожаго на сумасшествіе?—Пріѣздъ отца и нашъ отъѣздъ, назначенный на другой день, выгнали у меня изъ головы мысли о возможности помѣшательства. Мы уѣхали. Я думалъ только уже объ одномъ: о свиданіи съ милой сестрицей и о томъ, какъ буду я читать ей арабскія сказки и разсказывать объ Иванѣ Борисычѣ. Дорогою мать очень много говорила съ моимъ отцомъ о Марьѣ Михайловнѣ Мертваго; хвалила ее и удивлялась, какъ эта тихая старушка,

никогда не возвышавшая своего голоса, умѣла внушать всѣмъ ее окружающимъ такое уваженіе и такое желаніе исполнять ея волю. «Изъ любви и уваженія къ ней, продолжала моя мать,—не только никто изъ семейства и пріѣзжающихъ гостей, но даже никто изъ слугъ никогда не поскучалъ, не посмѣялся надъ ея безумнымъ сыномъ, хотя онъ бываетъ и противенъ и смѣшонъ. Даже надъ нимъ она сохраняетъ такую власть, что во время самаго сильнаго бѣшенства, которое иногда на него находитъ, —стоитъ только появиться Марьѣ Михайловнѣ и сказать нѣсколько словъ, чтобы бѣснующійся совершенно успокоился».—Все это понималось и подтверждалось моимъ собственнымъ чувствомъ, моимъ дѣтскимъ разумѣніемъ.

Воротясь въ Багрово, я не замедлилъ разсказать подробно обо всемъ происходившемъ въ Старой Мертовщинѣ, — сначала милой моей сестрицѣ, а потомъ и тётушкѣ. По моей живости и непреодолимому, безотчетному желанію передавать другимъ свои впечатлѣнія съ точностью и ясностью очевидности, такъ чтобы слушатели получили такое же понятіе объ описываемыхъ предметахъ, какое я самъ имѣлъ о нихъ,—я сталъ передразнивать сумасшедшаго Ивана Борисыча въ его бормотаньѣ, гримасахъ и поклонахъ. Видно, я исполнялъ свою задачу очень удачно, потому что напугалъ мою сестрицу, и она бѣгала отъ меня, или зажмуривала глаза и затыкала уши, какъ скоро я начиналъ представлять сумасшедшаго. Тётушка же моя напротивъ очень смѣялась и говорила: «Ахъ, какой проказникъ, Сережа! Точь-въ-точь Иванъ Борисычъ». Это было мнѣ пріятно, и я повторялъ мои продѣлки передъ Евсеичемъ, Парашей и другими, заставляя ихъ смѣяться и хвалить мое умѣнье передразнивать.

При первомъ удобномъ случаѣ началъ я читать арабскія сказки, надолго овладѣвшія моимъ горячимъ воображеніемъ. Всѣ сказки мнѣ нравились; я не зналъ, которой отдать преимущество! Онѣ возбуждали мое дѣтское любопытство, приводили въ изумленіе неожиданностью диковинныхъ приключеній, воспламеняли мои собственныя фантазіи. Геніи, заключенные то въ колодезѣ, то въ глиняномъ сосудѣ, люди, превращенные въ животныхъ, очарованныя рыбы, черная собака, которую сѣчетъ прекрасная Зобеида и потомъ со слезами обнимаетъ и цѣлуетъ... Сколько загадочныхъ чу-

десъ, при чтеніи которыхъ духъ занимался въ груди! Съ какою жадностью, съ какимъ ненасытнымъ любопытствомъ читалъ я эти сказки, и въ то же время я зналъ, что все это выдумка, настоящая сказка, что этого нѣтъ на свѣтѣ и быть не можетъ. Гдѣ же скрывается тайна такого очарованія? Я думаю, что она заключается въ страсти къ чудесному, которая, болѣе или менѣе, врождена всѣмъ дѣтямъ, и которая, у меня исключительно, не обуздывалась разсудкомъ. Мало того, что я самъ читалъ по обыкновенію съ увлеченіемъ и съ восторгомъ,—я потомъ разсказывалъ сестрицѣ и тётушкѣ читанное мной съ такимъ горячимъ одушевленіемъ и можно сказать самозабвеніемъ, что, самъ того не примѣчая, дополнялъ разсказы Шехеразады многими подробностями своего изобрѣтенія; я говорилъ обо всемъ, мною читанномъ, точно какъ-будто самъ тутъ былъ и самъ все видѣлъ. Возбудивъ вниманіе и любопытство моихъ слушательницъ и удовлетворяя ихъ желанію, я сталъ перечитывать имъ вслухъ арабскія сказки,—и добавленія моей собственной фантазіи были замѣчены и обнаружены тётушкой и подтверждены сестрицей. Тётушка часто останавливала меня, говоря: «А какже тутъ нѣтъ того, что ты намъ разсказывалъ? сталобыть, ты все это отъ себя выдумалъ? Смотри пожалуй, какой ты хвастунъ! Тебѣ вѣрить нельзя».—Такой приговоръ очень меня озадачилъ и заставилъ задуматься. Я былъ тогда очень правдивый мальчикъ и терпѣть не могъ лжи; а здѣсь я самъ видѣлъ, что точно прилгалъ много на Шехеразаду. Я самъ былъ удивленъ, не находя въ книгѣ того, что̀, казалось мнѣ, я читалъ въ ней и что совершенно утвердилось въ моей головѣ. Я сталъ осторожнѣе и наблюдалъ за собой, покуда не разгорячался; въ горячности же я забывалъ все, и мое пылкое воображеніе вступало въ безграничныя свои права.

Тянулась глубокая осень, уже не сырая и дождливая, а сухая, вѣтреная и морозная. Морозы безъ снѣгу доходили до 20 градусовъ, грязь превратилась въ камень, по прудамъ ѣздили на лошадяхъ. Однимъ словомъ, стояла настоящая зима, только безъ саннаго пути, котораго всѣ ждали нетерпѣливо. Я давно уже пересталъ гулять и почти все время проводилъ съ матерью въ ея новой горницѣ, гдѣ стояла моя кроватка, лежали мои книжки, удочки, снятыя съ уди-

лищъ, и камешки. У отца не было кабинета и никакой отдѣльной комнаты; въ одномъ углу залы стояло домашнее, Акимовой работы, ольховое бюро; отецъ все сидѣлъ за нимъ и что-то писалъ. Нерѣдко стоялъ передъ отцомъ слѣпой старикъ, повѣренный Пантелей Григорьичъ (по прозвищу, никогда не употребляемому, Мягковъ), знаменитый ходокъ по тяжебнымъ дѣламъ и знатокъ въ законахъ, о чемъ, разумѣется, я узналъ послѣ. Это былъ человѣкъ геніальный въ своемъ дѣлѣ; но какъ могъ образоваться такой человѣкъ у моего покойнаго дѣдушки, плохо знавшаго грамотѣ и ненавидѣвшаго всякія тяжбы? А вотъ какъ: Михайла Максимовичъ Куролесовъ, черезъ годъ послѣ своей женитьбы на двоюродной сестрѣ моего дѣдушки, замѣтилъ у него во дворнѣ круглаго сироту Пантюшку, который показался ему необыкновенно смѣтливымъ и умнымъ; онъ предложилъ взять его къ себѣ для обученія грамотѣ и для образованія изъ него дѣловаго человѣка, котораго могъ бы мой дѣдушка употреблять, какъ повѣреннаго во всѣхъ соприкосновеніяхъ съ земскими и уѣздными судами; дѣдушка согласился. Пантюшка скоро сдѣлался Пантелеемъ и выказалъ такія необыкновенныя способности, что Куролесовъ, выпросивъ согласіе у дѣдушки, послалъ Пантелея въ Москву для полнаго образованія, къ одному своему пріятелю оберъ-секретарю, великому законовѣдцу и знаменитому взяточнику. Черезъ нѣсколько лѣтъ Пантелея уже звали Пантелеемъ Григорьичемъ, и онъ получилъ извѣстность въ кастѣ дѣловыхъ людей. Въ Москвѣ онъ женился на мѣщанкѣ, красавицѣ и съ хорошимъ приданымъ, Натальѣ Сергѣевой, которая, по любви или по уваженію къ талантамъ Пантелея Григорьева, не побоялась выйдти за крѣпостнаго человѣка. Въ самыхъ зрѣлыхъ лѣтахъ, кончивъ съ полнымъ торжествомъ какое-то «судоговореніе» противъ извѣстнаго тоже доки по тяжебнымъ дѣламъ и сбивъ съ поля своего стараго и опытнаго противника, Пантелей Григорьичъ, обѣдая въ этотъ самый день у своего довѣрителя,—вдругъ, сидя за столомъ, ослѣпъ. Параличъ поразилъ глазные нервы, вѣроятно отъ усиленнаго чтенія рукописныхъ бумагъ, письма и безсонницы, и ничто уже не могло возвратить ему зрѣнія. Онъ полѣчился въ Москвѣ съ годъ, и потомъ переѣхалъ съ своей женой и дочкой Настенькой въ Багрово; но и слѣпой онъ постоянно за-

нимался разными чужими тяжебными дѣлами, съ которыми пріѣзжали къ нему повѣренные, которыя ему читались вслухъ и по которымъ онъ диктовалъ просьбы въ Сенатъ, за что получалъ по тогдашнему не малую плату. Вотъ этотъ-то Пантелей часто стоялъ передъ моимъ отцомъ, слушая бумаги и разсуждая о дѣлахъ, которыя отецъ намѣревался начать. Я какъ теперь гляжу на него: высокій ростомъ, благообразный лицомъ, съ длинными русыми волосами, въ которыхъ трудно было разглядѣть сѣдину, въ длинномъ сюртукѣ гороховаго цвѣта съ огромными мѣдными пуговицами, въ синихъ пестрыхъ чулкахъ съ красными стрѣлками и башмакахъ съ большими серебряными пряжками, опирался онъ на камышевую трость съ вызолоченнымъ набалдашникомъ. Это былъ замѣчательный представитель старинныхъ слугъ, которые уже перевелись и которые очень удачно схвачены Загоскинымъ въ его романахъ. Ни за что въ свѣтѣ не соглашался Пантелей Григорьичъ сѣсть, не только при моемъ отцѣ, но даже при мнѣ, и никогда не могъ я отъ него отбиться, чтобъ онъ не поцѣловалъ моей руки. И память, и даръ слова были у него удивительные: года, числа указовъ и самые законы зналъ онъ наизусть. Онъ постоянно держалъ одного или двухъ учениковъ, которые и жили у него въ особомъ флигелькѣ о двухъ горницахъ съ кухнею, выстроенномъ имъ на свой *коштъ*. У него съ утра до вечера читали и писали, а онъ обыкновенно сидѣлъ на высокой лежанкѣ, согнувъ ноги, и курилъ коротенькую трубку; слухъ у него былъ такъ чутокъ, что онъ узнавалъ походку всякаго, кто приходилъ къ нему въ горницу, даже мою. Я охотно и часто ходилъ бы къ нему послушать его разсказовъ о Москвѣ, сопровождаемыхъ всегда потчиваньемъ его дочки и жены, которую обыкновенно звали «Сергѣевна»; но старикъ не хотѣлъ сидѣть при мнѣ, и это обстоятельство въ соединеніи съ потчиваньемъ, не нравившимся моей матери, заставило меня рѣдко посѣщать Пантелея Григорьича.

Наконецъ, выпалъ сильный снѣгъ, давно ожидаемый и людьми и природой, какъ выражалась моя мать. Мы поспѣшно собрались въ дальнюю дорогу. Прасковья Ивановна настоятельно потребовала, чтобъ отецъ показалъ ей *всю свою* семью. Ея требованіе считалось закономъ — и мы отправились по первому зимнему пути, по *первозимью*, когда до-

рога бываетъ гладка какъ скатерть и можно еще ѣхать парами и тройками въ рядъ. Мы поѣхали на своихъ лошадяхъ: я съ отцомъ и матерью въ повозкѣ, а сестрица съ братцемъ, Парашей и кормилицей—въ возкѣ, то-есть, крытою рогожей повозкѣ. Я не стану описывать нашей дороги: она была точно такъ же скучна и противна своими кормежками и ночевками, какъ и прежнія; скажу только, что мы останавливались на цѣлый день въ большой деревнѣ «Вишенки», принадлежащей той же Прасковьѣ Ивановнѣ Куролесовой. Тамъ былъ точно такой же удобный и теплый флигель для наѣзда управляющаго, какъ и въ Парашинѣ, даже лучше. Въ той половинѣ, гдѣ нѣкогда останавливался страшный баринъ, висѣли картины въ золотыхъ рамахъ, показавшіяся мнѣ чудесными; особенно одна картина, представлявшая какого-то воина въ шлемѣ, въ латахъ, съ копьемъ въ рукѣ, ѣдущаго верхомъ по песчаной пустынѣ. Мнѣ съ улыбкой говорили, что всѣ картины покойный Михайла Максимычъ (царство ему небесное!) изволилъ отнять у своихъ сосѣдей. Отецъ мой точно такъ же, какъ въ Парашинѣ, осматривалъ все хозяйство, только меня съ собой никуда не бралъ, потому что на дворѣ было очень холодно. Селеніе Вишенки славилось богатствомъ крестьянъ и особенною охотой ихъ до хорошихъ, породистыхъ лошадей, разведенныхъ покойнымъ мужемъ Прасковьи Ивановны. Многіе старики приходили съ разными приносами: съ сотовымъ мёдомъ, яицами и живой птицей. Отецъ ничего не бралъ, а мать и не выходила къ старикамъ. Очевидно, что и здѣсь смотрѣли на насъ, какъ на будущихъ господъ, хотя никого изъ багровскихъ крестьянъ тамъ не было. Изъ Вишенокъ пріѣхали мы въ село Троицкое, Багрово тожъ, извѣстное подъ именемъ Стараго или Симбирскаго Багрова. Тамъ былъ полуразвалившійся домишко, гдѣ жилъ нѣкогда мой дѣдушка съ бабушкой, гдѣ родились всѣ мои тётки и мой отецъ. Я замѣтилъ, что отецъ чуть не заплакалъ, войдя въ старыя господскія хоромы (такъ называлъ ихъ Евсеичъ) и увидя, какъ все постарѣло, подгнило, осѣло и покосилось. Матери моей очень не понравились эти развалины, и она сказала: «Какъ это могли жить въ такой мурьѣ, и гдѣ тутъ помѣщались?» Въ самомъ дѣлѣ, трудно было отгадать, гдѣ тутъ могло жить цѣлое семейство, въ томъ числѣ пять дочерей. Видно, небольшія были

требованія на удобства въ жизни. «Это, Сережа, наше родовое имѣнье, говорилъ мнѣ отецъ, жалованное намъ отъ царей; да теперь половина ужъ не наша». Эти послѣднія слова произвели на меня какое-то особенное, непріятное впечатлѣніе, котораго я объяснить себѣ не умѣлъ. Мы пріѣхали поутру, а во время обѣда уже полонъ былъ дворъ крестьянъ и крестьянокъ. Не знаю отчего, на этотъ разъ, несмотря на морозъ, мать согласилась выйдти къ собравшимся крестьянамъ и вывела меня. Мы были встрѣчены радостными криками, слезами и упреками: «За что покинули вы насъ, прирожденныхъ крестьянъ вашихъ!» Мать моя, не любившая шумныхъ встрѣчъ и громкихъ выраженій любви въ подвластныхъ людяхъ, была побѣждена искренностью чувствъ нашихъ добрыхъ крестьянъ, и заплакала; отецъ заливался слезами, а я принялся ревѣть. Ничего не было припасеннаго и попотчивать крестьянъ оказалось нечѣмъ. Отецъ обѣщалъ пріѣхать черезъ недѣлю и тогда угостить всѣхъ. Всѣ отвѣчали, что ничего не нужно и просили только принять отъ нихъ «хлѣбъ-соль». Отказать было невозможно, хотя рѣшительно некуда было дѣвать крестьянскихъ гостинцевъ.

Кое-какъ отецъ послѣ обѣда осмотрѣлъ свое собственное небольшое хозяйство и все нашелъ въ порядкѣ, какъ онъ говорилъ; мы легли рано спать, и поутру, за нѣсколько часовъ до свѣта, выѣхали въ Чурасово, до котораго оставалось пятьдесятъ верстъ.

Чурасово.

Мы рано выкормили лошадей въ слободѣ упраздненнаго городка «Тагая» и еще засвѣтло пріѣхали въ знаменитое тогда село Чурасово. Уже подъѣзжая къ нему, я увидѣлъ, что это совсѣмъ другое, совсѣмъ не то, что видѣлъ я прежде. Двѣ каменныя церкви съ зелеными куполами, одна поменьше, а другая большая, еще новая и не освященная, красныя крыши господскаго огромнаго дома, флигелей и всѣхъ надворныхъ строеній, съ какими-то колоколенками, бросились мнѣ въ глаза и удивили меня. Когда мы подъѣхали къ парадному крыльцу съ навѣсомъ, слуги, цѣлою толпой, одѣтые какъ господа, выбѣжали къ намъ навстрѣчу, высадили насъ изъ кибитокъ и подъ руки ввели въ лакейскую, гдѣ мы узнали, что у Прасковьи Ивановны, по обыкновенію, много гостей, и что господа недавно откушали. Едва мать и отецъ успѣли снять съ себя дорожныя шубы, какъ въ залѣ раздался свѣжій и громкій голосъ: «Да гдѣ же они? давайте ихъ сюда!» Двери изъ залы растворились, мы вошли, и я увидѣлъ высокаго роста женщину, въ волосахъ съ просѣдью, которая съ живостью протянула руки навстрѣчу моей матери и сказала: «Насилу я дождалась тебя!» Мать послѣ мнѣ говорила, что Прасковья Ивановна такъ дружески, съ такимъ чувствомъ ее обняла, что она въ ту же минуту всею душой полюбила нашу общую *благодѣтельницу* и безъ памяти обрадовалась, что можетъ согласить благодарность съ сердечною любовью. Прасковья Ивановна долго обнимала и цѣловала мою, прослезившуюся отъ внутренняго чувства, мать; ласкала ее, охорашивала, подвела

даже къ окну, чтобы лучше разсмотрѣть. Мой отецъ, желая поздороваться съ тёткой, хотѣлъ-было поцѣловать ея руку, говоря: «здравствуйте, тётушка!» но Прасковья Ивановна не дала руки. «Я тебя давно знаю, проговорила она какъ-то рѣзко, успѣемъ поздороваться, а вотъ дай мнѣ хорошенько разглядѣть твою жену!» Наконецъ, она сказала: «Ну, кажется, мы другъ друга полюбимъ!» и обратилась къ моему отцу, обняла его очень весело и что-то шепнула ему на-ухо. Мы съ сестрицей давно стояли передъ новою бабушкой, устремивъ на нее свои глаза, ожидая съ какимъ-то безпокойствомъ ея вниманія и привѣта. Пришла и наша очередь. «А, это наши Багровы, продолжала она также весело. Я не охотница цѣловать ребятишекъ. Ну, да покажите ихъ мнѣ сюда къ свѣту» (на дворѣ начинало уже смеркаться). Насъ съ сестрицей поставили у окошка на стулья, а маленькаго братца поднесла на рукахъ кормилица. Прасковья Ивановна поглядѣла на насъ внимательно, сдвинувъ немного свои густыя брови, и сказала: «Правду писалъ покойный братъ Степанъ Михайловичъ: Сережа похожъ на дядю Григорья Петровича, дѣвочка какая-то замухрышка, а маленькій сынокъ какой-то чернушка». Она громко засмѣялась, взяла за руку мою мать и повела въ гостиную; въ дверяхъ стояло много гостей и тутъ начались рекомендаціи, обниманья и цѣлованья. Я получилъ-было непріятное впечатлѣніе отъ словъ, что моя милая сестрица замухрышка, а братецъ чернушка, но взглянувъ на залу, я пораженъ былъ ея великолѣпіемъ: стѣны были расписаны яркими красками, на нихъ изображались незнакомые мнѣ лѣса, цвѣты и плоды, неизвѣстные мнѣ птицы, звѣри и люди; на потолкѣ висѣли двѣ большія хрустальныя люстры, которыя показались мнѣ составленными изъ алмазовъ и брилліантовъ, о которыхъ начитался я въ Шехеразадѣ; къ стѣнамъ во многихъ мѣстахъ были придѣланы золотые крылатые змѣи, державшіе во рту подсвѣчники со свѣчами, обвѣшанные хрустальными подвѣсками; множество стульевъ стояло около стѣнъ, всѣ обитые чѣмъ-то краснымъ. Не успѣлъ я внимательно разсмотрѣть всѣхъ этихъ диковинокъ, какъ Прасковья Ивановна, въ сопровожденіи моей матери и молодой дѣвицы, съ умными и добрыми глазами, но съ большимъ носомъ и совершенно рябымъ лицомъ, воротилась изъ гостиной и пове-

лительно сказала: «Александра! отведи же Софью Николаевну и дѣтей въ комнаты, которыя я имъ назначила, и устрой ихъ». Рябая дѣвица была Александра Ивановна Ковригина, двоюродная моя сестра, круглая сирота, съ малыхъ лѣтъ взятая на воспитаніе Прасковьей Ивановной; она находилась въ должности главной исполнительницы приказаній бабушки, то-есть хозяйки дома. Она очень радушно и ласково хлопотала о нашемъ помѣщеніи и очень скоро подружилась съ моею матерью. Намъ отвели большой кабинетъ, изъ котораго была одна дверь въ столовую, а другая въ спальню; спальню также отдали намъ; въ обѣихъ комнатахъ, лучшихъ въ цѣломъ домѣ, Прасковья Ивановна не жила послѣ смерти мужа: ихъ занимали иногда почетные гости, обыкновенные же посѣтители жили во флигелѣ. Въ кабинетѣ, какъ мнѣ сказали, многое находилось точно въ томъ видѣ, какъ было при прежнемъ хозяинѣ, о которомъ упоминали съ какимъ-то страхомъ. На одной стѣнѣ висѣла большая картина въ раззолоченныхъ рамахъ, представлявшая сѣдаго старичка въ цѣпяхъ, заключеннаго въ тюрьму, котораго кормила грудью молодая прекрасная женщина (его дочь, по словамъ Александры Ивановны), тогда какъ въ окошко съ желѣзною рѣшеткой заглядывали два монаха и улыбались. На другихъ двухъ стѣнахъ также висѣли картины, но небольшія; на одной изъ нихъ была нарисована швея, точно съ живыми глазами, устремленными на того, кто на нее смотритъ. Въ углу стояло великолѣпное бюро краснаго дерева съ бронзовою рѣшеткою и бронзовыми полосами и съ финифтяными бляхами на замкахъ. Мать захотѣла жить въ кабинетѣ, и сейчасъ изъ спальной перенесли большую двойную кровать, также краснаго дерева съ бронзою и также великолѣпную; вмѣсто кроватки для меня назначили диванъ, сестрицу же съ Парашей и братца съ кормилицей помѣстили въ спальной, откуда была дверь прямо въ дѣвичью, что̀ мать нашла очень удобнымъ. Распорядясь и поручивъ исполненіе Александрѣ Ивановнѣ, мать принарядилась передъ большимъ, на полу стоящимъ, зеркаломъ, какого я сроду еще не видывалъ, и ушла въ гостиную; она воротилась послѣ ужина, когда я уже спалъ. Видно, за ужиномъ было шумно и весело, потому что часто долеталъ до меня черезъ столовую громкій говоръ и смѣхъ гостей. Доб-

рая Александра Ивановна долго оставалась съ нами, и мы очень ее полюбили. Она съ какою-то грустью разспрашивала меня подробно о Багровѣ, о бабушкѣ и тётушкахъ. Я не поскупился на разсказы, и въ тотъ же вечеръ она получила достаточное понятіе о нашей уфимской деревенской жизни и обо всѣхъ моихъ любимыхъ наклонностяхъ и забавахъ.

Проснувшись на другой день, я увидѣлъ весь кабинетъ, освѣщенный яркими лучами солнца: золотыя рамы картинъ, люстры, бронза на бюро и зеркалахъ—такъ и горѣли. Обводя глазами стѣны, я былъ пораженъ взглядомъ швеи, которая смотрѣла на меня изъ своихъ золотыхъ рамокъ, точно какъ живая, — смотрѣла, не спуская глазъ. Я не могъ вынести этого взгляда и отвернулся; но черезъ нѣсколько минутъ, поглядѣвъ украдкой на швею, увидѣлъ, что она точно такъ же, какъ и прежде, пристально на меня смотритъ; я смутился, даже испугался и, завернувшись съ головой своимъ одѣяльцемъ, смирно пролежалъ до тѣхъ поръ, покуда не встала моя мать, не ушла въ спальню, и покуда Евсеичъ не пришелъ одѣть меня. Умываясь, я взглянулъ съ боку на швею,—она смотрѣла на меня и какъ-будто улыбалась. Я смутился еще болѣе и сообщилъ мое недоумѣніе Евсеичу; онъ самъ попробовалъ посмотрѣть на картину съ разныхъ сторонъ, самъ замѣтилъ и дивился ея странному свойству, но въ заключеніе равнодушно сказалъ: «ужъ такъ ее живописецъ написалъ, что она всякому человѣку въ глаза глядитъ». Хотя я не совсѣмъ удовлетворился объясненіемъ, но меня успокоило то, что швея точно такъ же смотритъ на Евсеича, какъ и на меня.

Гости еще не вставали; да и многіе изъ тѣхъ, которые уже встали, не приходили къ утреннему чаю, а пили его въ своихъ комнатахъ. Прасковья Ивановна давно уже проснулась, какъ мы узнали отъ Параши, одѣлась и кушала чай въ своей спальнѣ. Мать пошла къ ней и черезъ ея приближенную, горничную или барскую барыню, спросила: «Можно-ли видѣть тётушку?» Прасковья Ивановна отвѣчала: «Можно». Мать вошла къ ней и черезъ нѣсколько времени воротилась очень весела. Она сказала: «Тётушка желаетъ васъ всѣхъ видѣть», и мы сейчасъ пошли къ ней въ спальню. Прасковья Ивановна встрѣтила насъ такъ просто, ласково и весело, что я простилъ ей прозвища «замухрышки» и «чер-

нушки», данныя ею моей сестрицѣ и братцу, и тутъ же окончательно полюбилъ ее. Она никого изъ насъ, то-есть изъ дѣтей, не поцѣловала; но долго разглядывала, погладила по головкѣ, мнѣ съ сестрицей дала поцѣловать руку и сказала: «Это такъ, для перваго раза, я принимаю васъ у себя въ спальной. Я до ребятъ не охотница, особенно до грудныхъ; крику ихъ терпѣть не могу, да и пахнетъ отъ нихъ противно. Ко мнѣ прошу водить дѣтей тогда, когда позову. Ну, Сережа — постарше, его можно и гостямъ показать. Дѣти будутъ пить чай, обѣдать и ужинать у себя въ комнатахъ; я отдаю вамъ еще столовую, гдѣ они могутъ играть и бѣгать; маленькимъ съ большими нечего мѣшаться. Ну, милая моя Софья Николаевна, живи у меня въ домѣ, какъ въ своемъ собственномъ: требуй, приказывай, — все будетъ исполнено. Когда тебѣ захочется меня видѣть, — милости прошу; не захочется—цѣлый день сиди у себя: я за это въ претензіи не буду; я скучныхъ лицъ не терплю. Я полюбила тебя какъ родную, но себя принуждать для тебя не стану. У меня и всѣ гости живутъ на такомъ положеніи. Я собой никому не скучаю, прошу и мнѣ не скучать».—Послѣ такого объясненія, Прасковья Ивановна, которая сама себѣ наливала чай, стала потчивать имъ моего отца и мать, а намъ приказала идти въ свои комнаты. Я осмѣлился попросить у ней позволенія еще разъ посмотрѣть, какъ расписаны стѣны въ залѣ, и назвалъ ее бабушкой. Прасковья Ивановна разсмѣялась и сказала: «А, ты охотникъ до картинокъ, такъ ступай съ своимъ дядькой и осмотри залу, гостиную и диванную: она лучше всѣхъ росписана; но руками ничего не трогать и меня бабушкой не звать, а просто Прасковьей Ивановной». — Отчего не любила она называться бабушкой — не знаю; только во всю ея жизнь мы никогда ее бабушкой не называли. Я не замедлилъ воспользоваться даннымъ мнѣ позволеніемъ и отправился съ Евсеичемъ въ залу, которая показалась мнѣ еще лучше, чѣмъ вчера, потому что я могъ свободнѣе и подробнѣе разсмотрѣть живопись на стѣнахъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что живописецъ былъ какой-нибудь домашній маляръ, равный въ искусствѣ нынѣшнимъ малярамъ, расписывающимъ вывѣски на цирюльныхъ лавочкахъ; но тогда я съ восхищеніемъ смотрѣлъ и на Китайцевъ, и на дикихъ Американцевъ, и на пальмовыя деревья, и на

звѣрей, и на птицъ, блиставшихъ всѣми яркими цвѣтами. Когда мы вошли въ гостиную, то я былъ пораженъ не живописью на стѣнахъ, которой было не много, а золотыми рамами картинъ и богатымъ убранствомъ этой комнаты, показавшейся мнѣ въ то же время какъ-то темною и невеселою, вѣроятно отъ кисейныхъ и шелковыхъ гардинъ на окнахъ. Какіе были диваны, сколько было креселъ, и всѣ обитые шелковой синею матеріей! Какая огромная люстра висѣла посерединѣ потолка! Какія большія куклы съ подсвѣчниками въ рукахъ возвышались на каменныхъ столбахъ по угламъ комнаты! Какіе столы съ бронзовыми рѣшеточками, наборные изъ разноцвѣтнаго дерева, стояли у боковыхъ дивановъ! Какіе на нихъ были набраны птицы, звѣри и даже люди! Особенное же вниманіе мое обратили на себя широкія зеркала отъ потолка до полу, съ приставленными къ нимъ мраморными столиками, на которыхъ стояли бронзовые подсвѣчники съ хрустальными подвѣсками, называющіеся канделябрами. Сравнительно съ домами, которые я видалъ и въ которыхъ жилъ, особенно съ домомъ въ Багровѣ, чурасовскій домъ долженъ былъ показаться мнѣ, и показался, дворцомъ изъ Шехеразады. Диванная, въ которую перешли мы изъ гостиной, уже не могла поразить меня, хотя была убрана такъ же роскошно; но за то она понравилась мнѣ больше всѣхъ комнатъ: широкій диванъ во всю внутреннюю стѣну и маленькіе диванчики по угламъ, обитые яркой, красной матеріей, казались стоящими въ зеленыхъ бесѣдкахъ изъ цвѣтущихъ кустовъ, которые были нарисованы на стѣнахъ. Окна, едва завѣшанныя гардинами, и стеклянная дверь въ садъ пропускали много свѣта и придавали веселый видъ комнатѣ. Прасковья Ивановна тоже ее любила и постоянно сидѣла или лежала въ ней на диванѣ, когда общество было не такъ многочисленно и состояло изъ коротко знакомыхъ людей.

Наглядѣвшись и налюбовавшись, вмѣстѣ съ Евсеичемъ, который ахалъ больше меня, всѣми диковинками и сокровищами (какъ я думалъ тогда), украшавшими чурасовскій домъ, воротился я торопливо въ свою комнату, чтобы передать кому-нибудь всѣ мои впечатлѣнія. Но у насъ въ дѣтской *) сидѣла добрая Александра Ивановна, разговаривая

*) Такъ стали называть бывшую нѣкогда спальню Прасковьи Ивановны.

съ моей милой сестрицей и лаская моего братца. Она сказала мнѣ, что *тётушка* занята очень разговорами съ моимъ отцомъ и матерью и выслала ее, прибавя: «Изволь отсюда убираться». Мнѣ показалось, что Александра Ивановна огорчилась такими словами, и чтобъ утѣшить ее, я поспѣшилъ сообщить, что Прасковья Ивановна и насъ всѣхъ выслала и не позволила мнѣ называть себя бабушкой. Александра Ивановна печально улыбнулась и сказала: «Прасковья Ивановна не любитъ называться бабушкой и приказала мнѣ называть ее тётушкой, и я уже привыкла ее такъ звать. Я ей такая же родня какъ и вы: только я бѣдная дѣвка и сирота, а вы ея наслѣдники». Я ничего не понялъ; грустно звучали ея слова и мнѣ какъ-будто стало грустно, но не надолго. Картины и великолѣпное убранство дома вдругъ представились мнѣ и я принялся съ восторгомъ разсказывать моей сестрицѣ и другимъ всѣ видѣнныя мною чудеса. Александра Ивановна безпрестанно улыбалась и, наконецъ, тихо промолвила: «Экой ты дитя!» Я былъ смущенъ такими словами и какъ-будто охладѣлъ въ концѣ моихъ разсказовъ. Потомъ Александра Ивановна начала опять разспрашивать меня про нашу родную бабушку и про Багрово. Я подумалъ: ну что говорить о Багровѣ послѣ Чурасова?—но не такъ видно думала Александра Ивановна и продолжала меня разспрашивать обо всѣхъ бездѣлицахъ. Потомъ она стала сама мнѣ разсказывать про себя: какъ ея отецъ и мать жили въ бѣдности, въ нуждѣ, и оба померли; какъ ее взялъ было къ себѣ въ Багрово покойный мой и ея родной дѣдушка Степанъ Михайловичъ, какъ пріѣхала Прасковья Ивановна и увезла ее къ себѣ въ Чурасово, и какъ живетъ она у ней вмѣсто пріемыша уже 16 лѣтъ. Вдругъ вошла какая-то толстая, высокая и немолодая женщина, которой я еще не зналъ, и стала насъ ласкать и цѣловать; ее называли Дарьей Васильевной; ея фамиліи я и теперь не знаю. Одѣта она была какъ-то странно: платье на ней было господское, а повязана она была платкомъ, какъ дворовая женщина. Послѣ я узналъ, что платья обыкновенно дарила ей Прасковья Ивановна *съ своего плеча* и требовала, чтобы она носила ихъ, а не прятала. Дарья Васильевна съ перваго взгляда мнѣ не очень понравилась, да и замѣтилъ я, что она съ Александрой Ивановной недружелюбно обходилась; но впослѣдствіи я убѣдился, что

она была тоже добрая, хотя и смѣшная женщина. Прасковья Ивановна привыкла къ ней и жаловала ее особенно за прекрасный голосъ, который у ней и въ старости былъ хорошъ. Она пустилась растабарывать не съ нами, а съ Парашей и кормилицей. Александра Ивановна, шепнувъ мнѣ тихо: «пришла все вывѣдывать у слугъ», ушла съ неудовольствіемъ. Оставшись на свободѣ, я увелъ сестрицу въ кабинетъ, гдѣ мы спали съ отцомъ и матерью, и, позабывъ смутившія меня слова «экой ты дитя», принялся вновь разсказывать и описывать гостиную и диванную, украшая все, по своему обыкновенію. Милая сестрица жалѣла, что не видала этихъ комнатъ и залы, которую она вчера мало разглядѣла. Мы принялись разсуждать по своему о Прасковьѣ Ивановнѣ, объ Александрѣ Ивановнѣ и о Дарьѣ Васильевнѣ. Сестрица такъ меня любила, что обо всемъ думала точно то же, что̀ и я, и мы съ ней всегда во всемъ были согласны.

Между тѣмъ домъ, который былъ пустъ и тихъ, когда я его осматривалъ, началъ наполняться и оживляться. Въ гостиной и диванной появились гости, и Прасковья Ивановна вышла къ нимъ вмѣстѣ съ отцомъ моимъ и матерью. Александра Ивановна также явилась къ своей должности — занимать гостей, которыхъ на этотъ разъ было человѣкъ пятнадцать. Между прочимъ тутъ находились: Александръ Михайлычъ Карамзинъ съ женой, Никита Никитичъ Философовъ съ женой, г-нъ Петинъ съ сестрою, какой-то помѣщикъ Бедринъ, котораго бранила и надъ которымъ въ глаза смѣялась Прасковья Ивановна, М. В. Лѣнивцевъ съ женой и Павелъ Иванычъ Миницкій, недавно женившійся на Варварѣ Сергѣевнѣ Плещеевой; это была прекрасная пара, какъ всѣ тогда ихъ называли, и Прасковья Ивановна ихъ очень любила: оба молоды, хороши собой и горячо привязаны другъ къ другу. Черезъ нѣсколько дней Миницкіе сдѣлались друзьями съ моимъ отцомъ и матерью. Они жили въ 25-ти верстахъ отъ Чурасова, возлѣ самаго упраздненнаго городка Тагая, и потому ѣзжали къ Прасковьѣ Ивановнѣ каждую недѣлю, даже чаще. Миницкіе, въ этотъ день, вмѣстѣ съ моимъ отцомъ, приходили къ намъ въ комнаты и очень насъ обласкали. Мы полюбили ихъ, какъ родныхъ. Передъ самымъ обѣдомъ мать пришла за нами и во-

дила́ насъ обоихъ съ сестрицей въ гостиную. Прасковья Ивановна показывала насъ гостямъ, говоря: «вотъ мои Багровы, прошу любить да жаловать. А какъ Сережа похожъ на дядю Григорія Петровича!» Всѣ ласкали, цѣловали насъ, особенно мою сестрицу, и говорили, что она будетъ красавица, чѣмъ я остался очень доволенъ. Насчетъ моего сходства съ какимъ-то прадѣдушкой никто не сомнѣвался, потому что никто его не видывалъ. Гости, кромѣ Миницкихъ, которыхъ я уже зналъ, мнѣ не очень понравились; особенно не взлюбилъ я одну молодую даму, которая причиталась въ родню моему отцу и которая безпрестанно кривлялась и какъ-то странно выворачивала глаза. Прасковья Ивановна безпрестанно ее бранила, а та смѣялась. Все это показалось мнѣ и страннымъ, и непріятнымъ.—Передъ самымъ обѣдомъ насъ отослали на *нашу* половину: это названіе утвердилось за нашими тремя комнатами. Мы прежде никогда не обѣдали розно съ отцомъ и матерью, кромѣ того времени, когда мать уѣзжала въ Оренбургъ, или когда была больна; и то мы обѣдали не одни, а съ дѣдушкой, бабушкой и тётушкой, и мнѣ такое отлученіе и одиночество за обѣдомъ было очень грустно. Я не скрылъ отъ матери моего чувства; она очень хорошо поняла его и раздѣляла со мной, но сказала, что «нельзя не исполнить волю Прасковьи Ивановны, что она добрая и очень насъ любитъ». «Впрочемъ, прибавила она, современемъ я надѣюсь какъ-нибудь это устроить». — Мать ушла. Печально сѣли мы вдвоемъ съ милой моей сестрицей за обѣдъ въ большой столовой, гдѣ накрыли намъ кончикъ стола, за которымъ могли бы помѣститься десять человѣкъ. Начался шумъ и бѣготня лакеевъ, которыхъ было множество, и которые не только громко разговаривали и смѣялись, но даже ссорились, толкались и почти дрались между собою; къ нимъ безпрестанно прибѣгали дѣвки, которыхъ оказалось еще больше, чѣмъ лакеевъ. Изъ столовой былъ корридоръ въ дѣвичью, и потому столовая служила единственнымъ сообщеніемъ въ домѣ; на лаковомъ желтомъ ея полу была протоптана дорожка изъ корридора въ лакейскую. Тутъ-то наглядѣлись мы съ сестрой и наслушались того, о чемъ до сихъ поръ понятія не имѣли и чего, по счастью, понять не могли. — Евсеичъ и Параша, бывшіе при насъ неотлучно, сами пришли въ изумленіе и даже страхъ отъ наглаго без-

стыдства и своеволія окружавшей насъ прислуги. Я слышалъ, какъ Евсеичъ шопотомъ говорилъ Парашѣ: «Что это? Господи! куда мы попали? Хорошъ господскій, богатый домъ! Да это разбой денной!» Параша отвѣчала ему въ томъ же смыслѣ. Между тѣмъ о насъ совершенно забыли. Остатки кушаньевъ, приносимыхъ изъ залы, ту же минуту нарасхватъ съѣдались жадными дѣвками и лакеями. Буфетчикъ Иванъ Никифорычъ, котораго величали казначеемъ, только и хлопоталъ, кланялся и просилъ объ одномъ, чтобы не трогали блюдъ до тѣхъ поръ, покуда не подадутъ ихъ господамъ за столъ. Евсеичъ не зналъ, что̀ и дѣлать. На всѣ его представленія и требованія, что «надобно же дѣтямъ кушать», не обращали никакого вниманія, а казначей, человѣкъ смирный, но нетрезвый, со вздохомъ отвѣчалъ: «Да что же мнѣ дѣлать, Ефремъ Евсеичъ? Сами видите, какая вольница! Всякій день, ложась спать, благодарю Господа моего Бога, что голова на плечахъ осталась. Просите особаго стола». — Евсеичъ пришелъ въ совершенное отчаяніе, что дѣти останутся *не кушамши;* жаловаться было некому: всѣ господа сидѣли за столомъ. Усердный и горячій дядька мой скоро однако принялъ рѣшительныя мѣры. Прежде всего онъ перевелъ насъ изъ столовой въ кабинетъ, затворилъ дверь и велѣлъ Парашѣ запереться изнутри, а самъ побѣжалъ въ кухню, отыскалъ какого-то поваренка изъ багровскихъ, велѣлъ сварить для насъ супъ и зажарить на сковородѣ битаго мяса. Евсеичъ поспѣшно воротился къ намъ и сталъ ожидать конца обѣда, чтобъ немедленно вызвать черезъ кого-нибудь мать и чтобъ донести обо всемъ происходившемъ въ столовой. Вслѣдъ за стукомъ отодвигаемыхъ стульевъ и креселъ, прибѣжала къ намъ Александра Ивановна. Узнавъ, что мы и не начинали обѣдать, она очень встревожилась, осердилась, призвала къ отвѣту буфетчика, который, боясь лакеевъ, безсовѣстно солгалъ, что никакихъ блюдъ не осталось и подать намъ было нечего. Хотя Александра Ивановна, представляя въ домѣ нѣкоторымъ образомъ лицо хозяйки, очень хорошо знала, что это безсовѣстная ложь, хотя она вообще хорошо знала чурасовское лакейство и сама отъ него много терпѣла; но и она не могла себѣ вообразить, чтобы могло случиться что-нибудь похожее на случившееся съ нами. Она вызвала къ себѣ дворецкаго

Николая, и даже главнаго управителя Михайлушку, жившихъ въ особенномъ флигелѣ, разсказала имъ обо всемъ и побожилась, что при первомъ подобномъ случаѣ она доложитъ объ этомъ тётушкѣ. Николай отвѣчалъ, что дворня давно у него отъ рукъ отбилась и что это давно извѣстно Прасковьѣ Ивановнѣ, а Михайлушка, на котораго я смотрѣлъ съ особеннымъ любопытствомъ, съ большою важностью сказалъ, явно стараясь оправдать лакеевъ, что это ошибка поваровъ, что кушанье сейчасъ подадутъ и что онъ не совѣтуетъ тревожить Прасковью Ивановну такими пустяками.—Только-что они ушли, пришла мать. Александра Ивановна, очень встревоженная, начала ее обнимать и просить у нея прощенья въ томъ, что̀ случилось съ дѣтьми. Она прибавила, что если дѣло дойдетъ до тётушки, то весь ея гнѣвъ упадетъ на нее, ни въ чемъ тутъ не виноватую. Мать очень дружески ее успокоила, говоря, что это бездѣлица и что дѣти поѣдятъ послѣ (она уже слышала, что намъ готовятъ особое кушанье) и что тётушка объ этомъ никогда не узнаетъ. Успокоенная Александра Ивановна ушла къ гостямъ, а я принялся подробно разсказывать матери все видѣнное и слышанное мной. Тутъ моя мать такъ взволновалась, что вся покраснѣла и чуть не заплакала. Она очень благодарила Евсеича, что онъ увелъ насъ изъ столовой, приказала, чтобы мы всегда обѣдали въ кабинетѣ, и строго подтвердила ему и Парашѣ, чтобы чурасовская прислуга никогда и близко къ намъ не подходила. Евсеичъ и Параша ушли, а съ ними и сестрица.

Оставшись наединѣ съ матерью, я обнялъ ее и поспѣшилъ предложить множество вопросовъ обо всемъ, что̀ видѣлъ и что́ слышалъ. Мать очень смущалась и затруднялась отвѣтами. Я уже давно и хорошо зналъ, что есть люди добрые и недобрые; этимъ послѣднимъ словомъ я опредѣлялъ всѣ дурныя качества и пороки. Я зналъ, что есть господа, которые приказываютъ, есть слуги, которые должны повиноваться приказаніямъ, и что я самъ, когда выросту, буду принадлежать къ числу господъ, и что тогда меня будутъ слушаться, а что до тѣхъ поръ я долженъ всякаго *просить* объ исполненіи какого-нибудь моего желанія. Но какъ Прасковью Ивановну я считалъ такою великою госпожей, что ей всѣ должны повиноваться, даже мы, — то и трудно было объ-

ясншть мнѣ, какъ осмѣливаются слуги не исполнять ея приказаній, такъ сказать, почти на глазахъ у ней? Я очень помнилъ, какъ она говорила моей матери: «приказывай — все будетъ исполняться». Я сначала думалъ, что лакеи и дѣвки, пожиравшіе остатки блюдъ, просто хотѣли кушать, что они были голодны; но меня увѣрили въ противномъ, и я почувствовалъ къ нимъ большое отвращеніе. Неприличныхъ шутокъ и намековъ я, разумѣется, не понялъ, и въ безстыдномъ обращеніи прислуги видѣлъ только грубость и дерзость, замѣченную мною у мальчиковъ въ народномъ училищѣ. Мать утвердила меня въ такихъ мысляхъ. Но всѣ вопросы объ Александрѣ Ивановнѣ, объ ея положеніи въ домѣ и объ ея отношеніи къ благодѣтельницѣ нашей Прасковьѣ Ивановнѣ,—мать оставила безъ отвѣта, прибѣгнувъ къ обыкновенной отговоркѣ, что «я еще малъ, и понять этого не могу». Между тѣмъ смирный буфетчикъ и Евсеичъ принесли намъ обѣдъ, позвали сестрицу, и мы, порядочно проголодавшись, поѣли очень весело и аппетитно, особенно потому, что маменька сидѣла съ нами. — Послѣ нашего поздняго обѣда мать ушла къ гостямъ, а мы съ сестрицей принялись устраивать мое маленькое хозяйство, состоявшее въ размѣщеніи книжекъ, бумаги, чернильницы, линейки и проч. Сверхъ того у меня былъ удивительный ларчикъ или шкафикъ, оклеенный рѣзною костью, въ которомъ находилось восемь ящиковъ, наполненныхъ моими сокровищами, то-есть окаменѣлостями, чертовыми пальцами и другими рѣдкими камешками, всегда называемыми мною штуфами. Крючки съ лесами, грузилами и поплавками, снятые съ удилищъ, также занимали одинъ изъ ящиковъ. Всѣ восемь ящиковъ запирались вдругъ, очень хитрымъ замкомъ, тайну котораго я хранилъ отъ всѣхъ, кромѣ сестрицы. Для такого диковиннаго ларца очищалось самое лучшее и видное мѣсто. Мы поставили его на бюро и при этомъ случаѣ пересмотрѣли вновь, неизвѣстно въ который разъ, всѣ мои драгоцѣнности. Потомъ приходилъ къ намъ отецъ; мать сказала ему о нашемъ позднемъ обѣдѣ; онъ пожалѣлъ, что мы были долго голодны, и поспѣшно ушелъ, сказавъ, что онъ играетъ съ тётушкой въ пикетъ. Вскорѣ послѣ чаю, который привелось намъ пить немедленно послѣ обѣда, пришла къ намъ маменька и сказала, что болѣе къ

гостямъ не пойдетъ, и что Прасковья Ивановна сама ее отпустила, замѣтивъ по лицу, что она устала. Мать въ самомъ дѣлѣ казалась утомленною и сейчасъ послѣ нашего дѣтскаго ужина легла въ постель. Я обрадовался случаю поговорить съ нею на единѣ и поразспросить кое о чемъ, казавшемся мнѣ непонятнымъ, какъ вдругъ неожиданно явилась Александра Ивановна. Видно было, что она полюбила мою мать, потому что все обнимала ее и говорила съ ней очень ласково и даже потихоньку. Я не могъ разслушать всѣхъ разговоровъ, но хорошо понялъ, что Александра Ивановна жаловалась на свое житье, даже плакала, оговариваясь впрочемъ, что она не тётушку обвиняетъ, а свою несчастную судьбу. Хотя мнѣ было жаль ее, но черезъ нѣсколько времени я заснулъ подъ шопотъ ея разсказовъ.

Проснувшись на слѣдующее утро, услышалъ я живые разговоры между отцомъ и матерью. Имъ не для чего было рано вставать и было о чемъ переговорить, потому что въ продолженіе прошедшаго дня не имѣли они свободной минуты побыть другъ съ другомъ наединѣ. Я не подалъ никакого знака, что не сплю, и слушалъ съ усиленнымъ вниманіемъ. Мать говорила съ жаромъ о Прасковьѣ Ивановнѣ: хвалила ея простой и здравый умъ, ея открытый, веселый и прямой нравъ, ея правдивыя, хотя подчасъ рѣзкія и грубыя, рѣчи. Александра Ивановна успѣла, наканунѣ вечеромъ, когда я заснулъ, сообщить моей матери много подробностей о Прасковьѣ Ивановнѣ, которую, по мнѣнію матери, она не умѣла понять и оцѣнить, и въ которой она видѣла только капризность и странности. Мать, въ свою очередь, пересказывала моему отцу рѣчи Александры Ивановны, состоявшія въ томъ, что Прасковью Ивановну за богатство всѣ уважаютъ, что даже всякій новый губернаторъ пріѣзжаетъ съ ней знакомиться; что сама Прасковья Ивановна никого не уважаетъ и не любитъ; что она своими гостями или забавляется, или ругаетъ ихъ въ глаза; что она для своего покоя и удовольствія не входитъ ни въ какія хозяйственныя дѣла, ни въ свои, ни въ крестьянскія, а все предоставила своему повѣренному Михайлушкѣ, который отъ крестьянъ пользуется и наживаетъ большія деньги, а дворню и лакейство до того избаловалъ, что вотъ какъ они и съ нами, будущими наслѣдниками, поступили; что Прасковья Ива-

новна—большая странница, терпѣть не можетъ поповъ и монаховъ, и нищимъ никому копѣечки не подастъ; молится Богу по капризу, когда ей захочется,—а не захочется, то и среди обѣдни изъ церкви уйдетъ; что священника и причетъ содержитъ она очень богато, а никого изъ нихъ къ себѣ въ домъ не пускаетъ, кромѣ попа съ крестомъ, и то въ самые большіе праздники; что первое ея удовольствіе, лѣтомъ—садъ, за которымъ она ходитъ, какъ садовникъ, а зимою любитъ она пѣть пѣсни, слушать, какъ ихъ поютъ, читать книжки или играть въ карты; что Прасковья Ивановна ее, сироту, не любитъ, никогда не ласкаетъ и денегъ не даетъ ни копѣйки, хотя позволяетъ выписывать изъ города или покупать у разнощиковъ все, что Александрѣ Ивановнѣ вздумается; что сколько ни просили ее посторонніе почтенные люди, чтобъ она своей внучкѣ-сироткѣ что-нибудь при жизни назначила, для того, чтобъ она могла жениха найдти,—Прасковья Ивановна и слышать не хотѣла и отвѣчала, что Багровы родную племянницу не бросятъ безъ куска хлѣба и что лучше вѣкъ оставаться въ дѣвкахъ, чѣмъ навязать себѣ на шею мужа, который изъ денегъ женился бы на ней, на рябой кукушкѣ, да послѣ и вымещалъ бы ей за то. — Къ этому мать прибавила отъ себя, что, конечно, никто лучше самой Прасковьи Ивановны не узналъ на опытѣ, каково выйдти замужъ за человѣка, который женился на богатствѣ. — Все слышанное мною произвело какой-то разладъ въ моей головѣ. Еслибы мать не сказала прежде, что Александра Ивановна не понимаетъ своей благодѣтельницы, то я бы повѣрилъ Александрѣ Ивановнѣ, потому что она казалась мнѣ такою умною, ласковою и правдивою. Я вдругъ обратился къ матери съ вопросомъ: «Неужели бабушка Прасковья Ивановна такая недобрая?» Мать удивилась и сказала: «Еслибъ я знала, что ты не спишь, то не стала бы всего при тебѣ говорить, ты тутъ ничего не понялъ и подумалъ, что Александра Ивановна жалуется на тётушку, и что тётушка недобрая; а это все пустяки, однѣ недогадки и кривое толкованье. Прошу же не говорить объ этомъ ни сестрѣ, ни Евсеичу, ни Парашѣ». Я еще больше спутался въ моихъ понятіяхъ и долго оставался въ совершенномъ недоумѣніи: добрая или несовсѣмъ добрая Пра-

сковья Ивановна? Признаюсь, я невольно склонялся на сторону Александры Ивановны.

Разсуждая теперь безпристрастно, я долженъ сказать, что Прасковья Ивановна была замѣчательная, рѣдкая женщина, и что явленіе такой личности въ то время и въ той средѣ, въ которой она жила, есть уже само по себѣ изумительное явленіе. Прасковья Ивановна, еще ребенкомъ выданная замужъ родными своей матери за страшнаго злодѣя, испытавъ дѣйствительно всѣ ужасы, какіе мы знаемъ изъ старыхъ романовъ и французскихъ мелодраммъ, уже двадцать лѣтъ жила вдовою. Пользуясь независимостью своего положенія, доставляемаго ей богатствомъ и нравственною чистотою цѣлой жизни, она была совершенно свободна и даже своевольна во всѣхъ движеніяхъ своего ума и сердца. Мимо корыстныхъ разсчетовъ, окруженная вполнѣ заслуженнымъ, общимъ уваженіемъ, эта женщина, не получившая никакого образованія, была чужда многихъ пороковъ, слабостей и предразсудковъ, которые неодолимо владѣли тогдашнимъ людскимъ обществомъ. Она была справедлива въ поступкахъ, правдива въ словахъ, строга ко всѣмъ безъ разбора и еще болѣе къ себѣ самой; она безпощадно обвиняла себя въ самыхъ тонкихъ иногда уклоненіяхъ отъ тѣхъ нравственныхъ началъ, которыя понимала; этого мало, она поправляла по возможности свои ошибки. Безъ образованія, безъ просвѣщенія, она не могла быть во всемъ выше своего вѣка и не сознавала своихъ обязанностей и отношеній къ 1,200 душъ подвластныхъ ей людей. Дорожа всего болѣе своимъ спокойствіемъ, она не занималась хозяйствомъ, говоря, что въ немъ ничего не смыслитъ, и опредѣлила главнымъ управителемъ двороваго своего человѣка, Михайла Максимова; но она нисколько въ немъ не ошиблась и не ввѣрялась ему, какъ думали другіе. Она говорила: «Я знаю, что Михайлушка тонкая штука: онъ себя не забываетъ, пользуется отъ зажиточныхъ крестьянъ и набиваетъ свой карманъ. Я это знаю, но знаю и то, что онъ человѣкъ умный и не злой. Я хочу одного, чтобъ мои крестьяне были богаты, а ссоръ и жалобъ ихъ слышать не хочу. Я могла бы получать дохода вдвое больше, но на мой вѣкъ станетъ, да и наслѣдникамъ моимъ останется». Въ довольствѣ и богатствѣ своихъ крестьянъ она была увѣрена, потому что часто наводила сторо-

ною справки о нихъ въ сосѣднихъ деревняхъ, черезъ вѣрныхъ и преданныхъ людей. Ея крестьяне дѣйствительно жили богато, это знали всѣ; но многочисленная дворня, вслѣдствіе такой системы управленія, дошла до крайней степени тунеядства, своеволія и разврата. Если попадался на глаза Прасковьѣ Ивановнѣ пьяный лакей или какой-нибудь дворовый человѣкъ, она сейчасъ приказывала Михайлушкѣ отдать виноватаго въ солдаты, не годится — *спустить въ крестьяне.* Замѣчала ли нескромность поведенія въ женскомъ полѣ, она опять приказывала Михайлушкѣ: отослать такую-то въ дальнюю деревню ходить за скотиной и потомъ отдать замужъ за крестьянина. Но для того, чтобы могли случиться такія строгія и возмутительныя наказанія, надобно было самой барынѣ нечаянно наткнуться, такъ сказать, на виноватаго или виноватую; а какъ это бывало очень рѣдко, то все вокругъ нея утопало въ безпутствѣ, потому что она ничего не видѣла, ничего не знала и очень не любила, чтобъ говорили ей о чемъ-нибудь подобномъ. Прасковья Ивановна была набожна безъ малѣйшей примѣси ханжества и совершенно свободно относилась ко многимъ церковнымъ обрядамъ и къ соблюденію постовъ. Она выстроила новую, каменную большую церковь, потому что прежняя слишкомъ напоминала своего строителя, покойнаго ея мужа, о которомъ она старалась забыть и о которомъ никогда не упоминала. Она любила великолѣпіе и пышность въ храмѣ Божіемъ; знала наизусть весь церковный кругъ, сама пѣвала съ своими пѣвчими, стоя у клироса; иногда подолгу не ходила въ церковь, даже большіе праздники пропускала, а иногда заставляла служить обѣдни часто. Всего же страннѣе было то, что иногда, помолясь усердно, она вдругъ уходила въ началѣ или серединѣ обѣдни, сказавъ, что больше ей не хочется молиться, о чемъ Александра Ивановна говорила съ особеннымъ удивленіемъ. Не умѣя почти писать, она любила читать или слушать свѣтскія книги, и выписывая ихъ ежегодно, она составила порядочную библіотеку, заведенную, впрочемъ, уже ея мужемъ. Священныя книги она читала только тогда, когда говѣла; впрочемъ, это не мѣшало ей во время говѣнья, по вечерамъ для отдыха, играть въ пикетъ съ моимъ отцомъ, если онъ былъ тутъ, или съ Александрой Ивановной. Она говорила въ такихъ случаяхъ, что гораздо меньше грѣха думать

о томъ, какъ бы сдѣлать пикъ или рѣпикъ *), чѣмъ слушать пустые разговоры и сплетни на счетъ ближняго, или самой думать о пустякахъ. Говѣла она не всегда въ великій постъ, а какъ ей вздумается, раза по два и по три въ годъ, не затрудняясь употребленіемъ скоромной пищи, если была нездорова; терпѣть не могла монаховъ и монахинь, и никогда черный клобукъ или черная камилавка не смѣли показываться ей на глаза. Денегъ взаймы она давала очень неохотно и также не любила раздачу мелкой милостыни; но, узнавъ о какомъ-нибудь несчастномъ случаѣ съ человѣкомъ достойнымъ уваженія, помогала щедро, а какъ люди достойные уваженія встрѣчаются не часто, то и вспоможенія ея были рѣдки, и Прасковью Ивановну вообще не считали доброю женщиной. Надобно сказать правду, что доброты, въ общественномъ смыслѣ этого слова, особенно чувствительности, мягкости—въ ней было мало или, лучше сказать, эти свойства были въ ней мало развиты, а въ добавокъ къ тому она не любила щеголять ими и скрывала ихъ. Правда, немного было людей, которыхъ она любила, потому что она любила только тѣхъ, кого уважала. Изъ всего круга своихъ многочисленныхъ знакомыхъ она больше всѣхъ любила Миницкихъ, а впослѣдствіи мою мать. Наконецъ, правда и то, что съ гостями своими обходилась она слишкомъ безцеремонно, а иногда и грубовато; всѣмъ говорила «ты» и безъ всякой пощады высказывала въ глаза все дурное, что̀ слышала объ нихъ или что сама въ нихъ замѣчала. Всѣ чувствовали, болѣе или менѣе сознательно, что Прасковья Ивановна мало принимаетъ участія въ другихъ, что она живетъ больше для себя, бережетъ свой покой и любитъ веселую беззаботность своей жизни. Это не мѣшало однако безпрестанному приливу и отливу многочисленной толпы гостей и выраженію общаго глубокаго почтенія и преданности. Своекорыстныхъ разсчетовъ тутъ не могло быть, потому что отъ Прасковьи Ивановны трудно было чѣмъ-нибудь поживиться; итакъ, это необыкновенное стеченіе гостей можно объяснить тѣмъ, что хозяйка была всегда разговорчива, жива, весела, даже очень смѣшлива; лгуновъ заставляла лгать, вѣстовщиковъ — раз-

*) То-есть *шестьдесятъ* или *девяносто*, какъ теперь выражаются технически игроки. *С. А.*

сказывать вѣсти, сплетниковъ—сплетни; что у ней въ домѣ было жить привольно, сытно, свободно и весело. Къ сожалѣнію, жалобы Александры Ивановны были не совсѣмъ несправедливы. Съ живущими постоянно въ домѣ: Дарьей Васильевной и двоюродной внучкою-сиротой, то-есть съ Александрой Ивановной, Прасковья Ивановна обращалась невнимательно и взыскательно: онѣ были ни что иное, какъ приближенныя служанки. Дарья Васильевна, старая и глупая женщина, не чувствовала унизительности своего положенія, а очень неглупая и добрая по природѣ Александра Ивановна, конечно, не понимавшая вполнѣ многихъ высокихъ качествъ своей благодѣтельницы и не умѣвшая поставить себя въ лучшее отношеніе, много испытывала огорченій, и только дружба Миницкихъ и моихъ родителей облегчала тягость ея положенія.

Я описывалъ Прасковью Ивановну такою, какою зналъ ее самъ впослѣдствіи, будучи еще очень молодымъ человѣкомъ, и какою она долго жила въ памяти моего отца и матери, а равно и другихъ коротко ей знакомыхъ и хорошо ее понимавшихъ людей.

Жизнь въ Чурасовѣ пошла, какъ заведенные часы: гости смѣнялись одни другими, то убывали, то прибывали. Мать съ каждымъ днемъ пріобрѣтала бо́льшую благосклонность Прасковьи Ивановны, съ каждымъ днемъ становилась дружнѣе съ Александрой Ивановной и еще болѣе съ Миницкими. Это были по-истинѣ прекраснѣйшіе люди, особенно Павелъ Иванычъ Миницкій, который съ поэтическою природою малоросса соединялъ энергическую дѣятельность, благородство души и строгость правилъ; страстно любя свою красавицу-жену, также любившую своего красавца-мужа, онъ съ удивительною настойчивостью перевоспитывалъ ее, истребляя въ ней сѣмена тщеславія и суетности, какъ-то заронившіяся въ дѣтствѣ въ ея прекрасную природу.—Мать устроила свое время очень хорошо, благодаря совершенной свободѣ, которую допускала и даже любила въ своемъ домѣ Прасковья Ивановна. Мать обѣдала всегда вмѣстѣ съ нами, ранѣе цѣлымъ часомъ общаго обѣда, за которымъ она уже мало ѣла. Сначала нерѣдко раздавался веселый и громкій голосъ хозяйки: «Софья Николаевна, ты ничего не ѣшь!» Потомъ, когда она какъ-то узнала, что гостья уже въ-поло-

вину обѣдала съ дѣтьми, она посмѣялась и перестала ее потчивать. Когда Прасковья Ивановна садилась играть въ карты, мать уходила къ намъ. Впрочемъ, быть съ нею наединѣ въ это время намъ мало удавалось, даже менѣе, чѣмъ поутру: Александра Ивановна или Миницкій, если не были заняты, приходили къ намъ въ кабинетъ; дамы ложились на большую двуспальную кровать, Миницкій садился на диванъ,— и начинались одушевленные и откровенные разговоры, такъ что насъ съ сестрицей нерѣдко усылали въ столовую или дѣтскую. Однако, мать не любила этого переселенія, потому что столовая продолжала служить постояннымъ и безпрестаннымъ путемъ сообщенія дѣвичьей съ лакейской; въ дѣтскую же часто заглядывали горничныя. Мы съ сестрицей каждый день ходили къ бабушкѣ только здороваться, а вечеромъ уже не прощались; но меня иногда послѣ обѣда призывали въ гостиную или диванную, и Прасковья Ивановна съ коротко знакомыми гостями забавлялась моими отвѣтами, подъчасъ рѣзкими и смѣлыми, на разные трудные и, должно признаться, иногда нелѣпые и неприличные для дитяти вопросы; иногда заставляла она меня читать что-нибудь наизусть изъ «Россіады» или «Сумароковскихъ трагедій». Я чувствовалъ, что мною не занимаются, а потѣшаются; это мнѣ не нравилось, и потому-то именно мои отвѣты были иногда неприлично рѣзки и не соотвѣтствовали моему возрасту и природнымъ свойствамъ. Мать бранила меня за это наединѣ, я отвѣчалъ, что мнѣ досадно, когда поднимаютъ на смѣхъ мои слова, да и говорятъ со мной только для того, чтобы посмѣяться. Отецъ вообще мало былъ съ нами; онъ проводилъ время или съ Прасковьей Ивановной и ея гостями, всегда играя съ ней въ карты, или призывалъ къ себѣ Михайлушку, который былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ Пантелея Григорьича, и читалъ съ нимъ какія-то бумаги. Тутъ я узналъ, что мой отецъ не даромъ бесѣдовалъ въ Багровѣ съ слѣпымъ нашимъ повѣреннымъ, что онъ затѣваетъ тяжбу съ Богдановыми объ имѣньѣ, слѣдовавшемъ моей бабушкѣ Аринѣ Васильевнѣ Багровой по наслѣдству. Отецъ ѣздилъ для этого дѣла въ городъ Лукояновъ и подалъ тамъ просьбу; онъ проѣздилъ гораздо болѣе, чѣмъ предполагалъ и я съ огорченіемъ увидѣлъ послѣ его возвращенія, что мать ссорилась съ нимъ за то—и не одинъ разъ.

Еще прежде отецъ съѣздилъ въ Старое Багрово и угощалъ тамъ добрыхъ нашихъ крестьянъ, о чемъ, разумѣется, я разспросилъ его очень подробно, и съ удовольствіемъ услышалъ, какъ сожалѣли, что насъ съ матерью тамъ не было.

Я сказалъ уже, что въ Чурасовѣ была изрядная библіотека. Я не замедлилъ воспользоваться этимъ сокровищемъ и, съ позволенія Прасковьи Ивановны, по выбору матери, бралъ оттуда книги, которыя читалъ съ великимъ наслажденіемъ. Первая попавшаяся мнѣ книга была «Кадмъ и Гармонія», сочиненіе Хераскова, и его же «Полидоръ, сынъ Кадма и Гармоніи». Тогда мнѣ очень нравились эти книги, а напыщенный мѣрный языкъ стихотворной прозы казался мнѣ совершенствомъ. Потомъ прочелъ я «Арфаксадъ, халдейская повѣсть», не помню, чье сочиненіе, и «Нума, или процвѣтающій Римъ», тоже Хераскова, и много другихъ книгъ въ этомъ родѣ. Я заглядывалъ также въ романы, которые особенно любила читать Александра Ивановна; они воспламеняли мое участіе и любопытство, но мать не позволяла мнѣ читать ихъ, и я пробѣгалъ нѣкоторыя страницы только украдкой, потихоньку, въ чемъ однако признавался своей матери и за что она очень снисходительно меня журила. Такимъ образомъ мнѣ удалось заглянуть въ «Алькивіада», въ «Графа Вальмонта, или заблужденіе разсудка», и въ «Достопамятную жизнь Клариссы Гарловъ». Не скоро потомъ удалось мнѣ прочесть эти книги вполнѣ, но отрывки изъ нихъ такъ глубоко запали въ мою душу, что я не переставалъ о нихъ думать и только тогда успокоился, когда прочелъ. Наконецъ, тутъ же попались «Мои бездѣлки» Карамзина и его же изданіе разныхъ стихотвореній разныхъ сочинителей, подъ названіемъ «Аониды». Эти стихи уже были совсѣмъ не то, что стихи Сумарокова и Хераскова. Я почувствовалъ эту разницу, хотя содержаніе ихъ меня не удовлетворяло, несмотря на ребячій возрастъ.

Чтеніе всѣхъ этихъ новыхъ книгъ и слушанье разговоровъ гостей, въ числѣ которыхъ было много людей, тоже совершенно для меня новыхъ, часто заставляли меня задумываться; для думанья же я имѣлъ довольно свободнаго времени. Я разсуждалъ обо всемъ съ Евсеичемъ; но онъ даже не могъ понять, о чемъ я говорю, что̀ желаю узнать и о чемъ спрашиваю; онъ частехонько говорилъ мнѣ: «Да

что это тебѣ, соколикъ, за охота узнавать: отчего, да почему, да на что? Этого и старики не знаютъ, а ты еще дитя. Такъ Богу угодно—вотъ и все. Пойдемъ-ка лучше посмотримъ картинки».

Въ этомъ родѣ жизнь, съ мелкими измѣненіями, продолжалась слишкомъ два мѣсяца, и, несмотря на великолѣпный домъ, какимъ онъ мнѣ казался тогда, на разрисованныя стѣны, которыя нравились мнѣ больше картинъ и на которыя я не переставалъ любоваться; несмотря на старыя и новыя пѣсни, которыя часто и очень хорошо пѣвала вмѣстѣ съ другими Прасковья Ивановна и которыя я слушалъ всегда съ наслажденіемъ; несмотря на множество новыхъ книгъ, читанныхъ мною съ увлеченіемъ, — эта жизнь мнѣ очень надоѣла. Я нетерпѣливо желалъ воротиться изъ шумнаго Чурасова въ тихое Багрово, въ бѣдный нашъ домъ; я даже соскучился по бабушкѣ и тётушкѣ. Но главною причиною скуки, ясно и тогда мною понимаемою, было то, что я мало проводилъ времени наединѣ съ матерью. Я уже привыкъ къ чистосердечному изліянію всѣхъ моихъ мыслей и чувствъ въ ея горячее материнское сердце, привыкъ повѣрять свои впечатлѣнія ея разумнымъ судомъ, привыкъ слышать ея живыя рѣчи и находить въ нихъ необъяснимое удовольствіе. Въ Чурасовѣ безпрестанно намъ мѣшали Миницкіе и особенно Александра Ивановна; они даже отвлекали отъ меня вниманіе матери—и много новыхъ вопросовъ, сомнѣній и предположеній, безпрестанно возникавшихъ во мнѣ отъ новыхъ людей и предметовъ, оставались безъ окончательнаго рѣшенія, разъясненія, опроверженія или утвержденія: это постоянно безпокоило меня. Сестрицу я любилъ часъ отъ часу горячѣе; ея дружба очень утѣшала меня, но я былъ старше, болѣе развитъ и могъ только сообщать ей свои мысли, а не совѣтоваться съ ней. Несознаваемою мною тогда причиною скуки вѣроятно было лишеніе полной свободы. Я зналъ только одинъ кабинетъ; мнѣ не позволяли оставаться долго въ дѣтской у братца, котораго я начиналъ очень любить, потому что у него были прекрасные черные глазки, и котораго, Богъ знаетъ за что, называла Прасковья Ивановна чернушкой. Кромѣ же кабинета и дѣтской, только на короткое время, непремѣнно съ Евсеичемъ, позволяли мнѣ побѣгать въ столовой. Прасковьи Ивановны я не понималъ, вѣрилъ на

слово, что она добрая, но постоянно былъ недоволенъ ея обращеніемъ со мной, съ моей сестрой и братцемъ, котораго она одинъ разъ приказала было высѣчь за то, что онъ громко плакалъ; хорошо, что маменька не послушалась. Итакъ, весьма естественно, что я очень обрадовался, когда стали поговаривать объ отъѣздѣ. Видно, Прасковья Ивановна очень полюбила мою мать, потому что нѣсколько разъ откладывала нашъ отъѣздъ. «Ну, что тебѣ тамъ дѣлать, въ этой мурьѣ? говорила она. — Свекровь по тебѣ не стоскуется, а золовки и подавно. Я тебя ничѣмъ не стѣсняю, а на людяхъ веселѣе». — Мать и не спорила; но отецъ мой тихо, но въ то же время настоятельно докладывалъ своей тётушкѣ, что долѣе оставаться нельзя, что уже три почты нѣтъ писемъ изъ Багрова отъ сестрицы Татьяны Степановны, что матушка слаба здоровьемъ, хозяйствомъ заниматься не можетъ, что она послѣ покойника-батюшки стала совсѣмъ другая и очень скучаетъ. Онъ прибавлялъ, что молотьба и поставка хлѣба идетъ очень плохо и что ему нечѣмъ будетъ жить. Прасковья Ивановна отвѣчала, что все это «враки» — и не пособляла моему отцу ни одной копѣйкой. Наконецъ, мы собрались совсѣмъ, и хозяйка согласилась отпустить насъ, взявъ честное слово съ моего отца и матери, что мы непремѣнно пріѣдемъ въ исходѣ лѣта и проживемъ всю осень. «Да, Софья Николаевна, говорила она, — ты еще не видала моего Чурасова; его надо видѣть лѣтомъ, когда всѣ деревья будутъ покрыты плодами и когда заиграютъ всѣ мои двадцать родниковъ. Пріѣзжай же непремѣнно. Если мужъ не поѣдетъ, пріѣзжай одна съ ребятишками, хоть я до нихъ и не охотница; а всего бы лучше чернушку, меньшаго сынка, оставить у бабушки; пусть онъ реветъ тамъ въ волю. Если не пріѣдете—осержусь». Отецъ и мать обѣщали непремѣнно пріѣхать. Сверхъ всякаго ожиданія, бабушка Прасковья Ивановна подарила мнѣ нѣсколько книгъ, а именно: «Кадмъ и Гармонія», «Полидоръ, сынъ Кадма и Гармоніи», «Нума, или процвѣтающій Римъ», «Мои бездѣлки» и «Аониды» — и этимъ подаркомъ много примирила меня съ собой. Мы уѣхали на другой день рожденья моего отца, то-есть 22 февраля. Мы возвращались опять тою же дорогой, черезъ Старое Багрово и Вишенки. Кромѣ нѣсколькихъ дней простоя въ этихъ деревняхъ, мы ѣхали

слишкомъ восемь дней. Такой тягостной, мучительной дороги я до сихъ поръ и не испытывалъ. Снѣга были страшные и — ежедневный буранъ; дороги иногда и слѣдочка не было, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не могли мы обойдтись безъ проводниковъ. Въ восьмой день мы пріѣхали ночевать въ Неклюдово къ Кальпинскимъ, гдѣ узнали, что бабушка и тётушка здоровы. На другой день поутру, напившись чаю, мы пустились въ путь, и часа черезъ два я увидѣлъ съ горы, уже милое мнѣ, Багрово.

Багрово послѣ Чурасова.

Багрово было очень печально зимою, а послѣ Чурасова должно было показаться матери моей еще печальнѣе. Расположенное въ лощинѣ между горами, съ трехъ сторонъ окруженное тощею, голой уремой, а съ четвертой — голою горою, заваленное сугробами снѣга, изъ которыхъ торчали соломенныя крыши крестьянскихъ избъ, — Багрово произвело ужасно-тяжелое впечатлѣніе на мою мать. Но отецъ и даже я съ радостью его увидѣли. Отецъ провелъ въ немъ свое дѣтство, я начиналъ проводить. Въ самомъ дѣлѣ, въ сравненіи съ богатымъ Чурасовымъ, похожимъ на городъ, это были какія-то зимнія юрты кочующаго народа. Въ Чурасовѣ крестьянскія избы, крытыя драныо, съ большими окнами, стояли какъ-то высоко и весело; вокругъ нихъ и на улицѣ снѣгъ казался мелокъ: такъ все было уѣзжено и укатано; господскій дворъ вычищенъ, выметенъ, и дорога у подъѣзда усыпана пескомъ; около двухъ каменныхъ церквей также все было прибрано. Въ Багровѣ же крестьянскіе дворы такъ занесло, что къ каждому надо было выкопать проѣздъ; господскій дворъ, по своей обширности, еще болѣе смотрѣлъ какой-то пустыней; сугробы казались еще выше, и по верхушкамъ ихъ, какъ по горамъ, проложены были уединенныя тропинки въ кухню и людскія избы. Все было тихо, глухо, пусто. Строенія, утонувъ въ снѣгу, представлялись низенькими, не похожими на прежнихъ себя. Я самъ не могу надивиться, какъ все это не казалось мнѣ мрачнымъ и грустнымъ.... Сурка съ товарищами встрѣтилъ насъ на дворѣ веселымъ, привѣтнымъ лаемъ; двѣ дѣвчонки вы-

скочили посмотрѣть, на кого лаютъ собаки, и опрометью бросились назадъ въ дѣвичью; тётушка выбѣжала на крыльцо и очень намъ обрадовалась, а бабушка — еще больше: изъ мутныхъ, безцвѣтныхъ и какъ-будто потухшихъ глазъ ея катились крупныя слезы. Она благодарила отца и особенно мать, цѣловала у ней руки и сказала, что «не ждала насъ, зная по письмамъ, какъ Прасковья Ивановна полюбила Софью Николаевну и какъ будетъ уговаривать остаться, и зная, что Прасковьѣ Ивановнѣ нельзя не уважить». Тутъ я почувствовалъ всю цѣну твердости добродушнаго моего отца, съ которою не могла сладить богатая тётка, отдававшая ему все свое милліонное имѣніе и привыкшая, чтобы каждое ея желаніе исполнялось. Къ большому огорченію матери, мы нашли цѣлую половину дома холодною. Богъ знаетъ изъ какой экономіи, бабушка, не ожидавшая нашего возвращенія ранѣе послѣдняго пути, не приказала топить именно наши комнаты. Дѣлать было нечего: мы всѣ помѣстились въ тётушкиной комнатѣ, а тётушка перешла къ бабушкѣ. Черезъ три дня порядокъ возстановился и мы поселились на прежнихъ нашихъ мѣстахъ.

Обогащенный новыми книгами и новыми впечатлѣніями, которыя сдѣлались явственнѣе въ тишинѣ уединенія и ненарушимой свободы, только послѣ чурасовской жизни вполнѣ оцѣненной мною, я безпрестанно разговаривалъ и о томъ и о другомъ съ своей матерью, и съ удовольствіемъ замѣчалъ, что я сталъ старше и умнѣе, потому что мать и другіе говорили, разсуждали со мной уже о томъ, о чемъ прежде и говорить не хотѣли. Жизнь наша потекла правильно и однообразно. Морозы стояли еще сильные и меня долго не пускали гулять, даже не пустили сбѣгать къ Пантелею Григорьичу и Сергѣевнѣ; но отецъ мой немедленно повидался съ своимъ слѣпымъ повѣреннымъ, и я съ любопытствомъ слушалъ ихъ разговоры. Отецъ разсказывалъ подробно о своей поѣздкѣ въ Лукояновъ, о сдѣлкахъ съ уѣзднымъ судомъ, о подачѣ просьбы и обѣщаніяхъ судьи рѣшить дѣло непремѣнно въ нашу пользу; но Пантелей Григорьичъ усмѣхался и, положа обѣ руки на свою высокую трость, говорилъ, что вѣрить судьѣ не слѣдуетъ, что онъ будетъ мирволить тутошнему помѣщику и что безъ Правительствующаго Сената не обойдется; что когда придетъ время, онъ сочи-

нитъ просьбу, и тогда понадобится ѣхать кому-нибудь въ Москву и хлопотать тамъ у секретаря и оберъ-секретаря, которыхъ онъ зналъ еще протоколистами. «Но будьте благонадежны, государь мой, Алексѣй Степанычъ, сказалъ въ заключеніе Пантелей Григорьевичъ. Дѣло наше законное, проиграть его нельзя, а могутъ только затянуть рѣшеніе». Отецъ не могъ вдругъ повѣрить, что лукояновскій судья его обманетъ, и самъ, улыбаясь, говорилъ: «Хорошо, Пантелей Григорьичъ, посмотримъ, какъ рѣшится дѣло въ уѣздномъ судѣ». Предсказанія слѣпаго повѣреннаго оправдались впослѣдствіи съ буквальною точностью.

Погода становилась мягче. Пришла масляница. Мы съ сестрицей катались въ саняхъ, и въ первый разъ въ жизни видѣли, какъ крестьянскіе и дворовые мальчики и дѣвочки смѣло катались съ высокой горы отъ гумна, на подмороженныхъ конькахъ и ледянкахъ. Я чувствовалъ, что у меня не хватило бы храбрости на такую потѣху; но мнѣ весело было смотрѣть на шумное веселье катающихся; многіе опрокидывались вверхъ ногами, другіе налетали на нихъ и сами кувыркались; громкій хохотъ оглашалъ окрестныя снѣжныя поля и горы, слегка пригрѣваемыя солнечными лучами. У насъ съ сестрицей была своя, Ѳедоромъ и Евсеичемъ сдѣланная горка передъ окнами спальной; съ нея я не боялся кататься вмѣстѣ съ моей подругой, но вдвоемъ не такъ было весело, какъ въ шумномъ множествѣ дѣтей, собравшихся съ цѣлой деревни,—куда насъ не пускали.

Эта масляница памятна для меня тѣмъ, что къ намъ пріѣзжали въ гости сосѣди, никогда у насъ не бывавшіе: Палагея Ардаліоновна Рожнова, съ сыномъ Митенькой; она сама была претолстая и не очень старая женщина, сынъ же ея — уродъ по своей толщинѣ; а потому особенно было смѣшно, что мать называла его Митенькой. Впрочемъ, гости эти возбудили мое и общее любопытство не одной своей толщиной, а причиною своего посѣщенія. Палагея Ардаліоновна хотѣла женить своего сына, и они пріѣзжали смотрѣть невѣсту, то-есть тётушку мою Татьяну Степановну. Для такого важнаго событія вызвали заранѣе другую тётушку, Александру Степановну. Мать моя принимала въ этомъ дѣлѣ живое участіе и очень желала, чтобы Татьяна Степановна вышла замужъ. Прежде, горячѣе всѣхъ желала этого ба-

бушка; но въ настоящую минуту она такъ опустилась, что уже не было у ней горячихъ желаній. Вотъ какъ происходило это посѣщеніе: въ назначенный день, часовъ въ 10 утра, все въ домѣ было готово для пріема гостей: комнаты выметены, вымыты и особенно прибраны; деревенскіе лакеи, ходившіе кое въ чемъ, пріодѣты и приглажены, а также и вся дѣвичья; тётушка разряжена въ лучшее свое платье; даже бабушку одѣли въ шелковый шушунъ и юбку и повязали шелковымъ платкомъ, вмѣсто бѣлой и грязной какой-то тряпицы, которою она повязывалась сверхъ волосника и которую едва ли перемѣняла со смерти дѣдушки. Однимъ словомъ, домъ принялъ по возможности нарядный видъ, какъ-будто въ большой праздникъ. Только мать и мы остались въ обыкновенномъ своемъ платьѣ. Наконецъ, раздался крикъ: «ѣдутъ, ѣдутъ!» Бабушку поспѣшно перевели подъ руки въ гостиную, потому что она уже плохо ходила; отецъ, мать и тётушка также отправились туда; а мы съ сестрицей и даже съ братцемъ, разумѣется съ дядькой, нянькой, кормилицей и со всею дѣвичьей, заняли окна въ тётушкиной и бабушкиной горницахъ, чтобы видѣть, какъ подъѣдутъ гости и какъ станутъ вылѣзать изъ повозокъ. Тутъ въ самомъ дѣлѣ было чего посмотрѣть! Сначала подъѣхала кожаная кибитка, изъ которой не безъ труда вытащили двое дюжихъ рожновскихъ лакеевъ свою толстую барыню и ввели на крыльцо, гдѣ она и остановилась; потомъ подъѣхали необыкновенной величины розвальни, въ которыхъ глубоко сидѣло что-то похожее на небольшую калмыцкую кибитку, или копну сѣна. Тутъ уже двухъ лакеевъ было недостаточно. Къ нимъ присоединился нашъ Ѳедоръ, тётушкинъ приданый Николай, а также Мазанъ и Танайченокъ. Соединенными силами выгрузили они жениха и встащили на крыльцо; когда же гости вошли въ лакейскую раздѣваться, то вся дѣвичья бросилась опрометью въ корридоръ и буфетъ, чтобы видѣть, какъ женихъ съ матерью станутъ проходить черезъ залу въ гостиную. Параша отперла дверь изъ бабушкиной горницы въ лакейскую, обыкновенно запертую на крючекъ, растворила ее немного, и мы видѣли, какъ маменька и сынокъ освобождались отъ зимняго платья и теплыхъ платковъ. Надо сказать правду, что это была диковинная пара! Я не могъ вытерпѣть и громко сказалъ Евсеичу: «Ахъ, это

Мавлютка!» Но Евсеичъ зажалъ мнѣ ротъ, едва удерживаясь отъ смѣха. Въ дверяхъ залы встрѣтилъ гостей мой отецъ; послѣ многихъ взаимныхъ поклоновъ, рекомендацій и обниманій, онъ повелъ ихъ въ гостиную. Всѣ окружающіе насъ удивлялись дородству жениха, а Евсеичъ, сказавъ: «эка буря! посытѣе будетъ Мавлютки», повелъ насъ въ наши комнаты.

Слова: женихъ, невѣста, сватанье и свадьба, были мнѣ давно извѣстны и давно объяснены матерью настолько, насколько я могъ и долженъ былъ понимать ихъ, такъ сказать, внѣшній смыслъ. Прилагая тогда мои понятія къ настоящему случаю, я говорилъ Парашѣ и Евсеичу: «Какъ же тётенькѣ выйдти замужъ за Рожнова? Жена должна помогать мужу; она такая сухонькая, а онъ такой толстый; она его не подниметъ, если онъ упадетъ». Параша смѣясь отвѣчала мнѣ вопросомъ: «Да зачѣмъ же ему падать?» — Но у меня было готово неопровержимое доказательство: я возразилъ, что «самъ видѣлъ, какъ одинъ разъ отецъ упалъ, а маменька его подняла и ему помогла встать».— Впослѣдствіи, когда мои слова сдѣлались извѣстны всѣмъ тётушкамъ, онѣ заставляли меня повторять ихъ (всегда безъ матери), и такъ хохотали, что приводили меня въ совершенное изумленіе.

Когда насъ съ сестрицей позвали обѣдать, всѣ сидѣли уже за столомъ. Слава Богу, мы только поклонились гостямъ, а то я боялся, что они будутъ насъ обнимать и какъ-нибудь задушатъ. Цѣлый обѣдъ я не спускалъ глазъ съ жениха: онъ такъ ѣлъ, что страшно было смотрѣть. Я замѣтилъ, что у всѣхъ невольно обращались глаза на его тарелку. Маменька его тоже кушала исправно, но успѣвала говорить и хвалить своего сынка. По ея словамъ, онъ былъ самый смирный и добрый человѣкъ, который и мухи не обидитъ; въ то же время прекрасный хозяинъ, самъ ѣздитъ въ поле, все разумѣетъ и за всѣмъ смотритъ, и что одна у него есть утѣха— борзыя собачки. Она жаловалась только на его слабое здоровье и говорила, что такъ бережетъ его, что спать кладетъ у себя въ опочивальнѣ; она прибавила, съ какими-то гримасами на лицѣ, что «Митенька будетъ совсѣмъ здоровъ, когда женится, и что если Богъ дастъ ему судьбу, то не безсчастна будетъ его половина». Произнося послѣднія слова, она бросила выразительные взгляды на тётушку Татьяну

Степановну, которая краснѣла и потупила глаза и лицо въ тарелку. Послѣ обѣда, за которымъ женихъ, видно, черезчуръ покушалъ, онъ тотчасъ началъ дремать. Мать извиняла его привычкой отдыхать послѣ обѣда; но видя, что онъ того и гляди повалится и захрапитъ, велѣла заложить лошадей и, разсыпаясь въ разныхъ извиненіяхъ, намекахъ и любезностяхъ, увезла своего слабаго здоровьемъ Митеньку. Когда уѣхали гости, много было шутокъ и смѣху, и тётушка объявила, что ни за что въ свѣтѣ не пойдетъ за такого урода и увальня, чему я былъ радъ. Жениху дали знать стороною о нерасположеніи невѣсты — и дальнѣйшаго формальнаго сватовства не было.

Первая весна въ деревнѣ.

Въ серединѣ Великаго поста, именно на середокрестной недѣлѣ, наступила сильная оттепель. Снѣгъ быстро началъ таять и вездѣ показалась вода. Приближеніе весны въ деревнѣ производило на меня необыкновенное, раздражающее впечатлѣніе. Я чувствовалъ, никогда не испытанное мною, особаго рода волненіе. Много содѣйствовали тому разговоры съ отцомъ и Евсеичемъ, которые радовались веснѣ, какъ охотники, какъ люди, выросшіе въ деревнѣ и *страстно любившіе* природу, хотя сами того хорошенько не понимали, не опредѣляли себѣ, и сказанныхъ сейчасъ мною словъ никогда не употребляли. Находя во мнѣ живое сочувствіе, они съ увлеченіемъ предавались удовольствію разсказывать мнѣ: какъ сначала обтаютъ горы, какъ побѣгутъ съ нихъ ручьи, какъ спустятъ прудъ, разольется полая вода, пойдетъ вверхъ по полямъ рыба, какъ начнутъ ловить ее вятелями и мордами; какъ прилетитъ лѣтняя птица, запоютъ жаворонки, проснутся сурки и начнутъ свистать, сидя на заднихъ лапкахъ по своимъ сурчинамъ; какъ зазеленѣютъ луга, одѣнется лѣсъ, кусты, и зальются, защелкаютъ въ нихъ соловьи.... Простыя, но горячія слова западали мнѣ глубоко въ душу, потрясали какія-то невѣдомыя струны и пробуждали какія-то неизвѣстныя, томительныя и сладкія чувства. Только намъ троимъ, отцу, мнѣ и Евсеичу, было не грустно и не скучно смотрѣть на почернѣвшія крыши и стѣны строеній и голые сучья деревъ, на мокреть и слякоть, на грязные сугробы снѣга, на лужи мутной воды, на сѣрое небо, на туманъ сыраго воздуха, на снѣгъ и дождь, то вмѣ-

стѣ, то попеременно падавшіе изъ потемнѣвшихъ низкихъ облаковъ. — Заключенный въ домѣ, потому что въ мокрую погоду меня и на крыльцо не выпускали, я тѣмъ не менѣе слѣдилъ за каждымъ шагомъ весны. Въ каждой комнатѣ, чуть не въ каждомъ окнѣ, были у меня замѣчены особенные предметы или мѣста, по которымъ я производилъ мои наблюденія: изъ новой горницы, то-есть изъ нашей спальни, съ одной стороны виднѣлась Челявская гора, оголявшая постепенно свой крутой и круглый взлобокъ, съ другой—часть рѣки давно растаявшаго Бугуруслана, съ противоположнымъ берегомъ; изъ гостиной чернѣлись проталины на Кудринской горѣ, особенно около круглаго родниковаго озера, въ которомъ мочили конопли; изъ залы стекленѣлась лужа воды, подтоплявшая грачевую рощу; изъ бабушкиной и тётушкиной горницы видно было гумно на высокой горѣ и множество сурчинъ по ней, которыя съ каждымъ днемъ освобождались отъ снѣга. Шире, длиннѣе становились грязныя проталины, полнѣе наливалось озеро въ рощѣ, и, проходя сквозь заборъ, уже показывалась вода между капустныхъ грядъ въ нашемъ огородѣ. Все замѣчалось мною точно и внимательно, и каждый шагъ весны торжествовался, какъ побѣда! Съ утра до вечера бѣгалъ я изъ комнаты въ комнату, становясь на свои наблюдательныя сторожевыя мѣста. Чтеніе, письмо, игры съ сестрой, даже разговоры съ матерью — все вылетѣло у меня изъ головы. О томъ, чего не могъ видѣть своими глазами, получалъ я безпрестанныя извѣстія отъ отца, Евсеича, изъ дѣвичьей и лакейской: «Прудъ посинѣлъ и надулся, ѣздить по немъ опасно, мужикъ съ возомъ провалился, подпруда подошла подъ водяныя колёса, молоть уже нельзя, пора спускать воду; Антошкинъ оврагъ ночью прошелъ, да и Мордовскій напружился и почернѣлъ, скоро — никуда нельзя будетъ проѣхать; дорожки начали проваливаться, въ кухню не пройдешь, Мазанъ провалился съ миской щей и щи пролилъ, мостки снесло, вода залила людскую баню», — вотъ что слышалъ я безпрестанно, и неравнодушно принимались всѣ такія извѣстія. Грачи давно расхаживали по двору и начали вить гнѣзда въ грачевой рощѣ. Скворцы и жаворонки тоже прилетѣли; и вотъ стала появляться настоящая птица, *дичь*, по выраженію охотниковъ. Отецъ съ восхищеніемъ разсказывалъ мнѣ, что видѣлъ

лебедей, такъ высоко летѣвшихъ, что онъ едва могъ разглядѣть ихъ, и что гуси потянулись большими станицами. Евсеичъ видѣлъ нырковъ и кряковныхъ утокъ, опустившихся на прудъ, видѣлъ дикихъ голубей по гумнамъ, дроздовъ и пиголицъ около родниковъ.... Сколько волненій, сколько шумной радости! Вода сильно прибыла. Немедленно спустили прудъ — и безъ меня. Погода была слишкомъ дурна, и я не смѣлъ даже проситься. Разсказы отца отчасти удовлетворили моему любопытству. — Съ каждымъ днемъ извѣстія становились чаще, важнѣе, возмутительнѣе! Наконецъ Евсеичъ съ азартомъ объявилъ, что «всякая птица валомъ валитъ, безъ перемежки!» Переполнилась мѣра моего терпѣнья. Невозможно стало для меня все это слышать и не видѣть, и съ помощью отца, слезъ и горячихъ убѣжденій, выпросилъ я позволеніе у матери, одѣвшись тепло, потому что дулъ сырой и пронзительный вѣтеръ,—посидѣть на крылечкѣ, выходившемъ въ садъ, прямо надъ Бугурусланомъ. Внутренняя дверь еще не была откупорена; Евсеичъ обнесъ меня кругомъ дома на рукахъ, потому что вездѣ была вода и грязь. —Въ самомъ дѣлѣ, то происходило въ воздухѣ, на землѣ и на водѣ, чего представить себѣ нельзя, не видавши, и чего увидѣть теперь уже невозможно въ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ я говорю, потому что нѣтъ такого множества прилетной дичи.—Рѣка выступила изъ береговъ, подняла урему на обѣихъ сторонахъ и, захвативъ половину нашего сада, слилась съ озеромъ грачевой рощи. Всѣ берега полоевъ были усыпаны всякаго рода дичью; множество утокъ плавало по водѣ между верхушками затопленныхъ кустовъ, а между тѣмъ безпрестанно проносились большія и малыя стаи разной прилетной птицы: однѣ летѣли высоко, не останавливаясь, а другія— низко, часто опускаясь на землю; однѣ стаи садились, другія поднимались, третьи перелетывали съ мѣста на мѣсто: крикъ, пискъ, свистъ наполнялъ воздухъ. Не зная, какая это летитъ или ходитъ птица, какое ея достоинство, какая изъ нихъ пищитъ или свиститъ,—я былъ пораженъ, обезумленъ такимъ зрѣлищемъ. Отецъ и Евсеичъ, которые стояли возлѣ меня, сами находились въ большомъ волненіи. Они указывали другъ другу на птицу, называли ее по имени, отгадывая часто по голосу, потому что только ближнюю можно было различить и узнать по перу. «Шилохвостя, шило-

востя-то сколько! говорилъ торопливо Евсеечъ. — Эки стаи! А кряковныхъ-то! батюшки, видимо-невидимо!» — «А слышишь ли, подхватывалъ мой отецъ, — вѣдь это степняги, кроншнепы заливаются! Только больно высоко. А вотъ сивки играютъ надъ озимями, точно туча!.... Веретенниковъ-то сколько! а турухтановъ-то — я уже и не видывалъ такихъ стай!» — Я слушалъ, смотрѣлъ, и тогда ничего не понималъ, чтò вокругъ меня происходило: только сердце то замирало, то стучало какъ молоткомъ; но за то послѣ все представлялось, даже теперь представляется мнѣ ясно и отчетливо, доставляло и доставляетъ неизъяснимое наслажденіе!... и все это понятно вполнѣ только однимъ охотникамъ! Я и въ ребячествѣ былъ уже въ душѣ охотникъ, и потому можно судить, чтò я чувствовалъ, когда воротился въ домъ! Я казался, я долженъ былъ казаться какимъ-то полоумнымъ, помѣшаннымъ; глаза у меня были дикіе, я ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ, чтò со мной говорили. Я держался за руку отца, пристально смотрѣлъ ему въ глаза и съ нимъ только могъ говорить, и только о томъ, чтò мы сейчасъ видѣли. Мать сердилась и грозила, что не будетъ пускать меня, если я не образумлюсь и не выброшу сейчасъ изъ головы утокъ и куликовъ. Боже мой, да развѣ можно было это сдѣлать!... Вдругъ грянулъ выстрѣлъ подъ самыми окнами, я бросился къ окошку и увидѣлъ дымокъ, расходящійся въ воздухѣ, стоящаго съ ружьемъ Филиппа (старый сокольникъ) и пуделя Тритона (котораго всѣ звали «Трентонъ»), который, держа во рту за крылышко какую-то птицу, выходилъ изъ воды на берегъ. Скоро Филиппъ пришелъ съ своей добычей: это былъ кряковный селезень, какъ мнѣ сказали, до того красивый перомъ, что я долго любовался имъ, разсматривая его бархатную зеленую голову и шею, багряный зобъ и темнозеленыя косички въ хвостѣ.

Мало-по-малу привыкъ я къ наступившей веснѣ и къ ея разнообразнымъ явленіямъ, всегда новымъ, потрясающимъ и восхитительнымъ; говорю: привыкъ, въ томъ смыслѣ, что уже не приходилъ отъ нихъ въ изступленіе. Погода становилась теплая, мать безъ затрудненія пускала меня на крылечко и позволяла бѣгать по высохшимъ мѣстамъ; даже сестрицу отпускала со мной. Всякій день кто-нибудь изъ охотниковъ убивалъ то утку, то кулика, а Мазанъ застрѣлилъ

даже дикаго гуся и принесъ къ отцу съ большимъ торжествомъ, разсказывая подробно, какъ онъ подкрался камышами, въ водѣ по горло, къ двумъ гусямъ, плававшимъ на материкѣ пруда, какъ прицѣлился въ одного изъ нихъ, и заключилъ разсказъ словами: «какъ ударилъ, такъ и не ворохнулся!» Всякій день также сталъ приносить старый грамотей Мысеичъ разную крупную рыбу: щукъ, язей, головлей, линей и окуней. Я любилъ тогда рыбу больше, чѣмъ птицъ, потому что зналъ и любилъ рыбную ловлю, то-есть уженье; каждаго большаго линя, язя или головля воображалъ я на удочкѣ, представляя себѣ, какъ бы онъ сталъ биться и метаться и какъ было бы весело вытащить его на берегъ.

Несмотря однакоже на всѣ предосторожности, я какъ-то простудился, получилъ насморкъ и кашель и, къ великому моему горю, долженъ оставаться заключеннымъ въ комнатахъ, которыя казались мнѣ самою скучною тюрьмою, о какой я только читывалъ въ своихъ книжкахъ; а какъ я очень волновался разсказами Евсеича, то ему запретили доносить мнѣ о разныхъ новостяхъ, которыя весна безпрестанно приносила съ собой; къ тому же мать почти не отходила отъ меня. Она сама была не совсѣмъ здорова. Въ первый день напала на меня тоска, увеличившая мое лихорадочное состояніе, но потомъ я сталъ спокойнѣе, и цѣлые дни игралъ, а иногда читалъ книжку съ сестрицей, безпрестанно подбѣгая, хоть на минуту къ окнамъ, изъ которыхъ виденъ былъ весь разливъ полой воды, затопившей огородъ и половину сада. Можно было даже разглядѣть и птицу, но мнѣ не позволяли долго стоять у окошка. Скорому выздровленію моему мѣшала безсонница, которая, Богъ знаетъ отчего, на меня напала. Это разстроивало сонъ моей матери, которая хорошо спала только съ вечера. По совѣту тётушки, для нашего усыпленія, позвали одинъ разъ ключницу Палагею, которая была великая мастерица сказывать сказки, и которую даже покойный дѣдушка любилъ слушать. Мать и прежде знала объ этомъ; но она не любила ни сказокъ, ни сказочницъ, и теперь не охотно согласилась. Пришла Палагея, не молодая, но еще бѣлая, румяная и дородная женщина, помолилась Богу, подошла къ ручкѣ, вздохнула нѣсколько разъ, по своей привычкѣ, всякій разъ приговаривая: «Господи, помилуй насъ грѣшныхъ», сѣла у

печки, подгорюнилась одной рукой и начала говорить немного на распѣвъ: «въ нѣкіимъ царствѣ, въ нѣкіимъ государствѣ»... Это вышла сказка подъ названіемъ: «Аленькій цвѣточекъ» *). Нужно ли говорить, что я не заснулъ до окончанія сказки, что, напротивъ, я не спалъ долѣе обыкновеннаго? Сказка до того возбудила мое любопытство и воображеніе, до того увлекла меня, что могла бы вылѣчить отъ сонливости, а не отъ безсонницы. Мать заснула сейчасъ; но, проснувшись черезъ нѣсколько часовъ и узнавъ, что я еще не засыпалъ, она выслала Палагею, которая разговаривала со мной объ «Аленькомъ цвѣточкѣ», и сказыванье сказокъ на ночь прекратилось очень надолго. Это запрещеніе могло бы сильно огорчить меня, еслибы мать не позволила Палагеѣ сказывать иногда мнѣ сказки въ продолженіе дня. На другой же день выслушалъ я въ другой разъ повѣсть объ «Аленькомъ цвѣточкѣ». Съ этихъ поръ, до самаго моего выздоровленія, то-есть до середины Страстной недѣли, Палагея ежедневно разсказывала мнѣ какую-нибудь изъ своихъ многочисленныхъ сказокъ. Болѣе другихъ помню я «Царь-дѣвицу», «Иванушку-дурачка», «Жаръ-птицу» и «Змѣя-Горынича». Сказки такъ меня занимали, что я менѣе тосковалъ о вольномъ воздухѣ, не такъ рвался къ оживающей природѣ, къ разлившейся водѣ, къ разнообразному царству прилетѣвшей птицы. Въ Страстную субботу мы уже гуляли съ сестрицей по высохшему двору. Въ этотъ день мой отецъ, тётушка Татьяна Степановна и тётушка Александра Степановна, которая на то время у насъ гостила, уѣхали ночевать въ Неклюдово, чтобы встрѣтить тамъ въ храмѣ Божіемъ Свѣтлое Христово Воскресенье. Проѣхать было очень трудно, потому

*) Эту сказку, которую слыхалъ я въ продолженіе нѣсколькихъ годовъ не одинъ десятокъ разъ, потому что она мнѣ очень нравилась,—впослѣдствіи выучилъ я наизусть и самъ сказывалъ ее, со всѣми прибаутками, ужимками, оханьемъ и вздыханьемъ Палагеи. Я такъ хорошо ее передразнивалъ, что всѣ домашніе хохотали, слушая меня. Разумѣется, потомъ я забылъ свой разсказъ; но теперь, возстановляя давно-прошедшее въ моей памяти, я неожиданно наткнулся на груду обломковъ этой сказки; много словъ и выраженій ожило для меня, и я попытался вспомнить ее. Странное сочетаніе восточнаго вымысла, восточной постройки и многихъ очевидно переводныхъ выраженій съ пріемами, образами и народною нашею рѣчью, слѣды прикосновенія разныхъ сказочниковъ и сказочницъ,—показались мнѣ стоющими вниманія.

Примѣч. молодаго Багрова.

Чтобы не прерывать разсказа о дѣтствѣ, эта сказка помѣщается въ приложеніи. *С. А.*

что полая вода хотя и пошла на убыль, но все еще высоко стояла; они пробрались по плотинѣ въ крестьянскихъ телѣгахъ и съ полверсты ѣхали полями; вода хватала выше колесныхъ ступицъ, и мнѣ сказывали провожавшіе ихъ верховые, что тётушка Татьяна Степановна боялась и громко кричала, а тётушка Александра Степановна смѣялась. Я слышалъ, какъ Параша тихо сказала Евсеичу: «эта чего испугается!» — и дивился тётушкиной храбрости. Съ четверга на Страстной начали красить яйца: въ красномъ и синемъ сандалѣ, въ серпухѣ и луковыхъ перьяхъ; яйца выходили красныя, синія, желтыя, блѣдно-розоваго и рыжеватаго цвѣта. Мы съ сестрицей съ большимъ удовольствіемъ присутствовали при этомъ крашеньѣ. Но мать умѣла мастерски красить яйца въ мраморный цвѣтъ разными лоскутками и шемахинскимъ шелкомъ. Сверхъ того, она съ необыкновеннымъ искусствомъ, простымъ перочиннымъ ножичкомъ, выскабливала на красныхъ яйцахъ чудесные узоры, цвѣты и слова: «Христосъ воскресъ». Она всѣмъ приготовила по такому яичку, и только я одинъ видѣлъ, какъ она надъ этимъ трудилась. Мое яичко было лучше всѣхъ и на немъ было написано: «Христосъ воскресъ, милый другъ Сереженька!» Матери было очень грустно, что она не услышитъ заутрени Свѣтлаго Христова Воскресенья, и она удивлялась, что бабушка такъ равнодушно переносила это лишенье; но бабушкѣ, которая бывала очень богомольна, какъ-то ни до чего не было дѣла.

Я заснулъ въ обыкновенное время; но вдругъ отчего-то ночью проснулся: комната была ярко освѣщена, кивотъ съ образами растворенъ, передъ каждымъ образомъ, въ золоченой ризѣ, теплилась восковая свѣча, а мать, стоя на колѣняхъ, вполголоса читала молитвенникъ, плакала и молилась. Я самъ почувствовалъ непреодолимое желаніе помолиться вмѣстѣ съ маменькой и попросилъ ее объ этомъ. Мать удивилась моему голосу и даже смутилась; но позволила мнѣ встать. Я проворно вскочилъ съ постели, сталъ на колѣнки и началъ молиться съ неизвѣстнымъ мнѣ до тѣхъ поръ, особаго рода одушевленіемъ; но мать уже не становилась на колѣни и скоро сказала: «будетъ, ложись спать». Я прочелъ на лицѣ ея, услышалъ въ голосѣ, что помѣшалъ ей молиться. Я изъ всѣхъ силъ старался поскорѣе заснуть, но не скоро

утихло дѣтское мое волненіе и непостижимое для меня чувство умиленія. Наконецъ, мать, помолясь, погасила свѣчки и легла на свою постель. Яркій свѣтъ потухъ, теплилась только тусклая лампада; не знаю, кто изъ насъ заснулъ прежде. Къ большой моей досадѣ, я проснулся довольно поздно: мать была совсѣмъ одѣта; она обняла меня и, похристосовавшись заранѣе приготовленнымъ яичкомъ, ушла къ бабушкѣ. Вошелъ Евсеичъ, также похристосовался со мной, далъ мнѣ желтое яичко и сказалъ: «Эхъ, соколикъ, проспалъ! Вѣдь я говорилъ тебѣ, что надо посмотрѣть, какъ солнышко на восходѣ играетъ и радуется Христову Воскресенью». — Мнѣ самому было очень досадно; я поспѣшилъ одѣться, заглянулъ къ сестрицѣ и братцу, перецѣловалъ ихъ и побѣжалъ въ тётушкину комнату, изъ которой видно было солнце, и хотя оно уже стояло высоко, принялся смотрѣть на него сквозь мои кулаки. Мнѣ показалось, что солнышко какъ-будто прыгаетъ, и я громко закричалъ: «Солнышко играетъ! Евсеичъ правду сказалъ». Мать вышла ко мнѣ изъ бабушкиной горницы, улыбнулась моему восторгу и повела меня христосоваться къ бабушкѣ. Она сидѣла въ шелковомъ платкѣ и шушунѣ, на дѣдушкиныхъ креслахъ; мнѣ показалось, что она еще болѣе опустилась и постарѣла въ своемъ праздничномъ платьѣ. Бабушка не хотѣла разгавливаться до полученья *пѣтой* пасхи и кулича, но мать сказала, что будетъ пить чай со сливками, и увела меня съ собою.

Отецъ съ тётушками воротился еще до полденъ, когда насъ съ сестрицей только-что выпустили погулять. Назадъ проѣхали они лучше, потому что воды въ ночь много убыло; они привезли съ собой пѣтыя пасхи, куличи, крутыя яйца и четверговую соль. Въ залѣ былъ уже накрытъ столъ; мы всѣ собрались туда и разговѣлись. Правду сказать, настоящимъ-то образомъ разгавливались бабушка, тётушки и отецъ: мать постничала одну Страстную недѣлю (да она уже пила и чай со сливками), а мы съ сестрицей — только послѣдніе три дня; но за то намъ было голоднѣе всѣхъ, потому что намъ не давали обыкновенной постной пищи, а питались мы ухою изъ окуней, медомъ и чаемъ съ хлѣбомъ. Для прислуги была особая пасха и куличъ. Вся дворня собралась въ лакейскую и залу; мы перехристосовались со всѣми; каждый получилъ по кусочку кулича и пасхи и по два красныхъ яйца, каж-

дый крестился и потомъ начиналъ кушать. Я замѣтилъ, что нашъ куличъ былъ гораздо бѣлѣе того, какимъ разгавливались дворовые люди, и громко спросилъ: «Отчего Евсеичъ и другіе кушаютъ не такой же бѣлый куличъ, какъ мы?» Александра Степановна съ живостью и досадой отвѣчала мнѣ: «вотъ еще выдумалъ! ѣдятъ и похуже». Я хотѣлъ было сдѣлать другой вопросъ, но мать сказала мнѣ: «Это не твое дѣло». — Черезъ часъ послѣ разгавливанья пасхою и куличемъ, приказали подавать обѣдъ, а мнѣ съ сестрицей позволили еще побѣгать по двору, потому что день былъ очень теплый, даже жаркій. Дворовые мальчики и дѣвочки, нѣсколько принаряженные, иные хоть тѣмъ, что были въ бѣлыхъ рубашкахъ, почище умыты и съ приглаженными волосами,—всѣ весело бѣгали и начали уже катать яйца, какъ вдругъ общее вниманіе привлечено было двумя какими-то пѣшеходами, которые, сойдя съ Кудринской горы, шли въ бродъ по водѣ, прямо чрезъ затопленную урему. Въ одну минуту сбѣжалась вся дворня, и вскорѣ узнали въ этихъ пѣшеходахъ стараго мельника, Болтуненка, и двороваго молодаго человѣка, Василія Петрова, возвращающихся отъ обѣдни изъ того же села Неклюдова. По безразсудному намѣренію пробраться полоями къ лѣтней кухнѣ, которая соединялась высокими мостками съ высокимъ берегомъ нашего двора, всѣ угадали, что они были пьяны. Очевидно, что они хотѣли избѣжать длиннаго обхода на мельничную плотину. Конечно, вода уже такъ сбыла, что въ обыкновенныхъ мѣстахъ доставала не выше колѣна, но за то во всѣхъ ямахъ, канавахъ и старицахъ, которыя въ лѣтнее время высыхали и которыя окружали кухню, глубина была еще значительна. Сейчасъ начались опасенія, что эти люди могутъ утонуть, попавъ въ глубокое мѣсто, что̀ могло бы случиться и съ трезвыми людьми; дали знать отцу. Онъ пришелъ, увидѣлъ опасность и приказалъ какъ можно скорѣе заложить лошадь въ роспуски и привезти лодку съ мельницы, на которой было бы не трудно перевезти на берегъ этихъ безумцевъ. Болтуненокъ и Васька рыжій (какъ его обыкновенно звали), распѣвая громко пѣсни, то сходясь вмѣстѣ, то расходясь врозь, потому что одинъ хотѣлъ идти налѣво, а другой — направо, — подвигались впередъ: голоса ихъ становились явственно слышны. Вся толпа дворовыхъ, къ которымъ безпрестанно присоединя-

лись крестьянскіе парни и дѣвки, принимала самое живое участіе: шумѣла, смѣялась и спорила между собой. Одни говорили, что бѣды никакой не будетъ, что только выкупаются, что холодная вода выгонитъ хмѣль, что вездѣ мелко, что только около кухни въ старицѣ будетъ по горло, но что они мастера плавать; а другіе утверждали, что, стоя на берегу, хорошо растабарывать, что глубокихъ мѣстъ много, а въ старицѣ и съ руками уйдешь; что одежда на нихъ намокла, что этакъ и трезвый не выплыветъ, а пьяные пойдутъ какъ ключъ ко дну. Забывая, что хотя слышны были голоса, а словъ разобрать невозможно, всѣ принялись кричать и давать совѣты, махая изо всей мочи руками: «лѣвѣе, правѣе, сюда, туда, не туда» и проч. Между тѣмъ пѣшеходы, попавъ нѣсколько разъ въ воду по поясъ, а иногда и глубже, въ самомъ дѣлѣ какъ-будто отрезвились, перестали пѣть и кричать и молча шли прямо впередъ. Вдругъ почему-то они перемѣнили направленіе и стали подаваться влѣво, гдѣ текла скрытая подъ водою, такъ называемая новенькая, глубокая тогда, канавка, которую можно только было различить по быстротѣ теченія. Вся толпа подняла громкій крикъ, котораго нельзя было не слышать, но на который не обратили никакого вниманія, а можетъ-быть и сочли одобрительнымъ знакомъ, несчастные пѣшеходы. Подойдя близко къ канавѣ, они остановились, что-то говорили, махали руками, и видно было, что Василій указывалъ въ другую сторону. Наступила мертвая тишина: точно всѣ старались вслушаться, что̀ они говорятъ... Слава Богу, они пошли внизъ по канавкѣ, но по самому ея краю. Въ эту минуту прискакалъ съ лодкой молодой мельникъ, сынъ стараго Болтуненка. Лодку подвезли къ берегу, спустили на воду; молодой мельникъ замахалъ весломъ, перебилъ материкъ Бугуруслана, вплылъ въ старицу, какъ вдругъ старый Болтуненокъ исчезъ подъ водою... Страшный вопль раздался вокругъ меня и вдругъ затихъ: всѣ догадались, что старый Болтуненокъ оступился и попалъ въ канаву; всѣ ожидали, что онъ вынырнетъ, всплыветъ на верхъ, канавка была узенькая и сейчасъ можно было попасть на берегъ... но никто не показывался на водѣ. Ужасъ овладѣлъ всѣми. Многіе начали креститься, а другіе тихо шептали: «пропалъ, утонулъ»; женщины принялись

плакать навзрыдъ. Насъ увели въ домъ. Я такъ былъ испуганъ, пораженъ всѣмъ видѣннымъ мною, что ничего не могъ разсказать матери и тётушкамъ, которыя принялись меня разспрашивать: «что такое случилось?» Евсеичъ же съ Парашей только впустили насъ въ комнату, а сами опять убѣжали. Въ цѣломъ домѣ не было ни одной души изъ прислуги. Впрочемъ мать, бабушка и тётушки знали, что пьяные люди идутъ въ бродъ по полоямъ, а какъ я наконецъ сказалъ слышанныя мною слова, что старый Болтуненокъ «пропалъ, утонулъ», то несчастное событіе вполнѣ и для нихъ объяснилось. Тётушки сами пошли узнать подробности этого несчастія и прислать къ намъ кого-нибудь. Вскорѣ прибѣжала глухая бабушкина Груша и сестрицына нянька Параша. Онѣ сказали намъ, что стараго мельника не могутъ найдти, что много народа съ шестами и баграми переѣхало и перебралось кое-какъ черезъ старицу, и что теперь хоть и найдутъ утопленника, да ужь онъ давно захлебнулся. «Больно жалко смотрѣть, прибавила Параша, на ребятъ и на хворую жену стараго мельника, а ужь ему такъ на роду написано».

Всѣ были очень огорчены, и свѣтлый веселый праздникъ вдругъ сдѣлался печаленъ. Что же происходило со мной, — трудно разсказать. Хотя я много читалъ и еще больше слыхалъ, что люди то-и-дѣло умираютъ, зналъ, что всѣ умрутъ, зналъ, что въ сраженіяхъ солдаты погибаютъ тысячами, очень живо помнилъ смерть дѣдушки, случившуюся возлѣ меня, въ другой комнатѣ того же дома; но смерть мельника Болтуненка, который передъ моими глазами шелъ, пѣлъ, говорилъ и вдругъ пропалъ навсегда,—произвела на меня особенное, гораздо сильнѣйшее впечатлѣніе, и утонуть въ канавѣ показалось мнѣ гораздо страшнѣе, чѣмъ погибнуть при какомъ-нибудь кораблекрушеніи на безпредѣльныхъ моряхъ, на бездонной глубинѣ (о кораблекрушеніяхъ я много читалъ). На меня напалъ безотчетный страхъ, что каждую минуту можетъ случиться какое-нибудь подобное неожиданное несчастье съ отцомъ, съ матерью и со всѣми нами.—Мало-помалу возвращалась наша прислуга. У всѣхъ былъ одинъ отвѣтъ: «не нашли Болтуненка».—Давно уже прошло обычное время для обѣда, который бываетъ ранѣе въ день розговѣнья. Наконецъ, накрыли столъ, подали кушать и послали

за моимъ отцомъ. Онъ пришелъ огорченный и разстроенный. Онъ съ дѣтскихъ лѣтъ своихъ зналъ стараго мельника Болтуненка и очень его любилъ. Обѣдъ прошелъ грустно, и какъ только встали изъ-за стола, отецъ опять ушелъ. До самаго вечера искали тѣло несчастнаго мельника. Утомленные, передрогшіе отъ мокрети и голодные люди, не успѣвшіе даже хорошенько разговѣться, возвращались уже домой, какъ вдругъ крикъ молодаго Балтуненка: «нашелъ!» заставилъ всѣхъ воротиться. Сынъ зацѣпилъ багромъ за зипунъ утонувшаго отца, и при помощи другихъ, съ большимъ усиліемъ, вытащилъ его трупъ. Оказалось, что утонувшій какъ-то попалъ подъ оголившійся корень старой ольхи, ростущей на берегу не новой канавки, а глубокой старицы, огибавшей островъ, куда снесло тѣло быстротою воды. Какъ скоро вѣсть объ этомъ событіи дошла до насъ, опять на нѣсколько времени опустѣлъ нашъ домъ: всѣ сбѣгали посмотрѣть утопленника и всѣ воротились съ такими страшными и подробными разсказами, что я не спалъ почти всю ночь, воображая себѣ стараго мельника, дрожа и обливаясь холоднымъ пòтомъ. Но я имѣлъ твердость одолѣть мой ужасъ и не будить отца и матери. Прошла мучительная ночь, стало свѣтло, и на солнечномъ восходѣ затихло, улеглось мое воспаленное воображеніе; я сладко заснулъ.

Погода перемѣнилась, и остальные дни Святой недѣли были дождливы и холодны. Дождя выпало такъ много, что сбывавшая пòлая вода, подкрѣпленная дождями и, такъ называемою *земляною водою*, вновь поднялась и, простоявъ на прежней высотѣ однѣ сутки, вдругъ слила. Въ то же время, также вдругъ наступила и лѣтняя теплота, чтò бываетъ часто въ апрѣлѣ. Въ концѣ Ѳоминой недѣли началась та чудная пора, не всегда являющаяся дружно, когда природа, пробудясь отъ сна, начнетъ жить полною, молодою, торопливою жизнью; когда все переходитъ въ волненіе, въ движеніе, въ звукъ, въ цвѣтъ, въ запахъ. Ничего тогда не понимая, не разбирая, не оцѣнивая, никакими именами не называя, я самъ почуялъ въ себѣ новую жизнь, сдѣлался частью природы, и только въ зрѣломъ возрастѣ сознательно оцѣнилъ всю его очаровательную прелесть, всю поэтическую красоту. Тогда я узналъ то, о чемъ догадывался, о чемъ мечталъ, встрѣчая весну въ Уфѣ, въ городскомъ домѣ, въ дрянномъ

саду или на грязной улицѣ. Въ Сергѣевку я пріѣхалъ уже поздно и засталъ только конецъ весны, когда природа достигла полнаго развитія и полнаго великолѣпія; безпрестаннаго измѣненія и движенія впередъ—уже не было.

Горестное событіе, смерть стараго мельника, скоро было забыто мной, подавлено, вытѣснено новыми, могучими впечатлѣніями. Умъ и душа стали чѣмъ-то полны, какое-то дѣло легло на плеча, озабочивало меня, какое-то стремленіе овладѣло мной, хотя въ дѣйствительности я ничѣмъ не занимался, никуда не стремился, не читалъ и не писалъ. Но до чтенія ли, до письма ли было тутъ, когда душистыя черемухи зацвѣтаютъ, когда пучекъ на березахъ лопается, когда черные кусты смородины опушаются бѣловатымъ пухомъ распускающихся сморщенныхъ листочковъ, когда всѣ скаты горъ покрываются подснѣжными тюльпанами, называемыми *сонъ*, лиловаго, голубаго, желтоватаго и бѣлаго цвѣта, когда полѣзутъ вездѣ изъ земли, свернутыя въ трубочки, тра́вы и завернутыя въ нихъ головки цвѣтовъ; когда жаворонки, съ утра до вечера, висятъ въ воздухѣ надъ самымъ дворомъ, разсыпаясь въ своихъ журчащихъ, однообразныхъ, замирающихъ въ небѣ пѣсняхъ, которыя хватали меня за сердце, которыхъ я заслушивался до слезъ; когда Божьи коровки и всѣ букашки выползаютъ на Божій свѣтъ, крапивныя и желтыя бабочки замелькаютъ, шмели и пчелы зажужжатъ; когда въ водѣ движеніе, на землѣ шумъ, въ воздухѣ трепетъ, когда и лучъ солнца дрожитъ, пробиваясь сквозь влажную атмосферу, полную жизненныхъ началъ.... А сколько было мнѣ дѣла, сколько заботъ! Каждый день надо было раза два побывать въ рощѣ и освѣдомиться, какъ сидятъ на яйцахъ грачи; надо было послушать ихъ докучныхъ криковъ; надо было посмотрѣть, какъ развертываются листья на сиреняхъ и какъ выпускаютъ онѣ сизыя кисти будущихъ цвѣтовъ; какъ поселяются зорки и малиновки въ смородинныхъ и барбарисовыхъ кустахъ; какъ муравьиныя кучи ожили, зашевелились; какъ муравьи показались сначала понемногу, а потомъ высыпали наружу въ безчисленномъ множествѣ и принялись за свои работы; какъ ласточки начали мелькать и нырять подъ крыши строеній въ старыя свои гнѣзда; какъ клохтала насѣдка, оберегая крошечныхъ цыплятокъ и какъ коршуны кружились, плавали надъ ними.... О, много было

дѣла и заботы мнѣ! Я уже не бѣгалъ по двору, не каталъ яицъ, не качался на качеляхъ съ сестрицей, не игралъ съ Суркой, а ходилъ и чаще стоялъ на одномъ мѣстѣ, будто не веселый и безпокойный, ходилъ, глядѣлъ и молчалъ противъ моего обыкновенія. Обвѣтрилъ и загорѣлъ я, какъ цыганъ. Сестрица смѣялась надо мной. Евсеичъ не могъ надивиться, что я не гуляю, какъ слѣдуетъ, не играю, не прошусь на мельницу, а все хожу и стою на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ. «Ну, чего, соколикъ, ты не видалъ тутъ?» говорилъ онъ. Мать также не понимала моего состоянія и съ досадою на меня смотрѣла; отецъ сочувствовалъ мнѣ больше. Онъ ходилъ со мной поглядывать за птичками въ садовыхъ кустахъ и разсказывалъ, что онѣ завиваютъ ужь гнѣзда. Онъ ходилъ со мной и въ грачевую рощу и очень сердился на грачей, что они сушатъ вершины березъ, ломая вѣтви для устройства своихъ уродливыхъ гнѣздъ, даже грозился раззорить ихъ. Какъ былъ отецъ доволенъ, увидя въ первый разъ медуницу! Онъ научилъ меня легонько выдергивать лиловые цвѣтки и сосать бѣлые, сладкіе ихъ корешки! И какъ онъ еще болѣе обрадовался, услыша издали, также въ первый разъ, пѣніе варакушки. «Ну, Сережа, сказалъ онъ мнѣ: теперь всѣ птички начнутъ пѣть: варакушка первая запѣваетъ. А вотъ, когда одѣнутся кусты, то запоютъ наши соловьи, и еще веселѣе будетъ въ Багровѣ!»

Наконецъ, пришло и это время: зазеленѣла трава, распустились деревья, одѣлись кусты, запѣли соловьи —и пѣли не уставая, и день и ночь. Днемъ ихъ пѣніе не производило на меня особеннаго впечатлѣнія; я даже говорилъ, что и жаворонки поютъ не хуже; но поздно вечеромъ или ночью, когда все вокругъ меня утихало, при свѣтѣ потухающей зари, при блескѣ звѣздъ, соловьиное пѣніе приводило меня въ волненіе, въ восторгъ и сначала мѣшало спать. Соловьевъ было такъ много, и ночью они, казалось, подлетали такъ близко къ дому, что, при закрытыхъ ставнями окнахъ, свисты, раскаты и щелканье ихъ съ двухъ сторонъ врывались съ силою въ нашу закупоренную спальню, потому что она угломъ выходила на загибавшуюся рѣку, прямо въ кусты, полные соловьевъ. Мать посылала ночью пугать ихъ. И тутъ только повѣрилъ я словамъ тётушки, что соловьи не давали ей спать. Я не знаю, исполнились ли слова отца, стало ли

веселѣе въ Багровѣ? Вообще я не умѣю сказать: было ли мнѣ тогда весело? Знаю только, что воспоминаніе объ этомъ времени, во всю мою жизнь, разливало тихую радость въ душѣ моей.

Наконецъ, я сталъ спокойнѣе, присмотрѣлся, попривыкъ къ окружающимъ меня явленіямъ или, вѣрнѣе сказать, чудесамъ природы, которая, достигнувъ полнаго своего великолѣпія, сама какъ-будто успокоилась. Я сталъ заниматься иногда играми и книгами, сталъ больше сидѣть и говорить съ матерью, и съ радостью увидѣлъ, что она была тѣмъ довольна. «Ну, теперь ты, кажется, очнулся, сказала она мнѣ, лаская и цѣлуя меня въ голову, — а вѣдь ты былъ точно помѣшанный. Ты ни въ чемъ не принималъ участія, ты забылъ, что у тебя есть мать». И слезы показались у нея на глазахъ. Въ самое сердце укололъ меня этотъ упрекъ. Я уже смутно чувствовалъ какое-то безпокойство совѣсти; вдругъ точно пелена спала съ моихъ глазъ. Конечно, я не забылъ, что у меня была мать, но я не часто думалъ о ней. Я не спрашивалъ и не зналъ, въ какомъ положеніи было ея слабое здоровье. Я не дѣлился съ ней въ это время, какъ бывало всегда, моими чувствами и помышленіями, и мной овладѣло угрызеніе совѣсти и раскаянія; я жестоко обвинялъ себя, просилъ прощенья у матери и обѣщалъ, что этого никогда не будетъ. Мнѣ казалось, что съ этихъ поръ я стану любить ее еще сильнѣе. Мнѣ казалось, что я до сихъ поръ не понималъ, не зналъ ей всей цѣны, что я не достоинъ матери, которая нѣсколько разъ спасла мнѣ жизнь, жертвуя своею. Я дошелъ до мысли, что я дурной, неблагодарный сынъ, котораго всѣ должны презирать. По несчастію, мать не всегда умѣла или не всегда была способна воздерживать горячность, крайность моихъ увлеченій; она сама тѣмъ же страдала, и когда мои чувства были согласны съ ея собственными чувствами, она не охлаждала, а возбуждала меня страстными порывами своей души. Такъ часто бывало гораздо въ позднѣйшее время, и такъ именно было въ то время, которое я описываю. Подстрекая другъ друга, мы съ матерью предались пламеннымъ изліяніямъ взаимнаго раскаянія и восторженной любви; между нами исчезло разстояніе лѣтъ и отношеній, мы оба изступленно плакали и громко рыдали. Я раскаивался, что мало любилъ мать; она—что мало

цѣнила такого сына и оскорбила его упрекомъ.... Въ самую эту минуту вошелъ отецъ. Взглянувъ на насъ, онъ такъ перепугался, что поблѣднѣлъ: онъ всегда блѣднѣлъ, а не краснѣлъ отъ всякаго внутренняго движенія. «Что съ вами сдѣлалось?» спросилъ онъ встревоженнымъ голосомъ. Мать молчала; но я принялся съ жаромъ разсказывать все. Онъ смотрѣлъ на меня сначала съ удивленіемъ, а потомъ съ сожалѣніемъ. Когда я кончилъ, онъ сказалъ: «Охота вамъ мучить себя понапрасну изъ пустяковъ и разстроивать свое здоровье. Ты еще ребенокъ, а матери это грѣхъ». Ушатомъ холодной воды облилъ меня отецъ. Но мать горячо заступилась за наши чувства и сказала много оскорбительнаго и несправедливаго моему доброму отцу. Увы! несправедливость оскорбленія я понялъ уже въ зрѣлыхъ годахъ, а тогда я повѣрилъ, что мать говоритъ совершенную истину и что у моего отца мало чувствъ, что онъ не умѣетъ такъ любить, какъ мы съ маменькой любимъ. Разумѣется, черезъ нѣсколько дней совсѣмъ утихло мое волненіе, успокоилась совѣсть, исчезло убѣжденіе, что я дурной мальчикъ и дурной сынъ. Сердце мое опять раскрылось впечатлѣніямъ природы; но я долго предавался имъ съ нѣкоторымъ опасеніемъ; горячность же къ матери росла уже постоянно. Несмотря на мой дѣтскій возрастъ, я сдѣлался ея другомъ, повѣреннымъ, и узналъ много такого, чего не могъ понять, что понималъ превратно и чего мнѣ знать не слѣдовало....

Между тѣмъ, какъ только слила полая вода и рѣка пришла въ свою лѣтнюю межень, даже прежде, чѣмъ вода совершенно прояснилась, всѣ дворовые начали уже удить. Я сказалъ: всѣ, потому что тогда удилъ всякій, кто могъ держать въ рукѣ удилище, даже нѣкоторыя старухи, ибо только въ эту пору, то-есть, съ весны, отъ цвѣта черемухи до окончанія цвѣта калины, чудесно брала крупная рыба, язи, головли и лини. Стоило сбѣгать пораньше утромъ на одинъ часъ, чтобъ принести, по крайней мѣрѣ, пару большихъ язей, упустивъ столько же или больше, и вотъ, у цѣлаго семейства была уха, жареное или пирогъ. Евсеичъ уже давно удилъ и, разсказывая мнѣ свои подвиги, обыкновенно говорилъ: «Это, соколикъ, еще не твое уженье. Теперь еще вездѣ мокро и грязно, а вотъ недѣльки черезъ двѣ солнышко землю

прогрѣетъ, земля повысохнетъ: къ тѣмъ порамъ я тебѣ и удочки приготовлю».

Пришла пора и моего уженья, какъ предсказывалъ Евсеичъ. Теплая погода, простоявъ нѣсколько дней, на Ѳоминой недѣлѣ еще разъ перемѣнилась на сырую и холодную, что, однакожъ, ничему не мѣшало зеленѣть, расти и цвѣсти. Потомъ опять наступило теплое время и сдѣлалось уже постояннымъ. Солнце пригрѣло землю, высушило грязь и тину. Евсеичъ приготовилъ мнѣ три удочки: маленькую, среднюю и побольше, но не такую большую, какія употреблялись для крупной рыбы; такую я и сдержать бы не могъ. Отецъ, который ни разу еще не ходилъ удить, можетъ быть потому, что матери это было непріятно, пошелъ со мною и повелъ меня на прудъ, который былъ спущенъ. Въ спущенномъ прудѣ удить и ловить рыбу запрещалось, а на рѣкѣ позволялось вездѣ и всѣмъ. Я видѣлъ, что мой отецъ собирался удить съ большою охотой. «Ну, что теперь дѣлать, Сережа, на рѣкѣ? говорилъ онъ мнѣ, дорогой на мельницу, идя такъ скоро, что я едва поспѣвалъ за нимъ. Киварцкій прудъ пронесло и его не скоро запрудятъ; рыбы теперь въ саду мало. А вотъ у насъ на пруду вся рыба свалилась въ матер握ъ, въ трубу, и должна славно брать. Ты еще въ первый разъ будешь удить въ Бугурусланѣ; пожалуй, послѣ Сергѣевки, тебѣ покажется, что въ Багровѣ клюетъ хуже». Я увѣрялъ, что въ Багровѣ все лучше. Въ прошломъ лѣтѣ я не бралъ въ руки удочки, и хотя настоящая весна такъ сильно подѣйствовала на меня новыми и чудными своими явленіями— прилетомъ птицы и возрожденіемъ къ жизни всей природы, что я почти забывалъ объ уженьѣ, но тогда уже успокоенный отъ волненій, пресыщенный, такъ сказать, тревожными впечатлѣніями, я вспомнилъ и обратился съ новымъ жаромъ къ страстно-любимой мною охотѣ и чѣмъ ближе подходилъ я къ пруду, тѣмъ нетерпѣливѣе хотѣлось мнѣ закинуть удочку. Спущенный прудъ грустно изумилъ меня. Обширное пространство, затопляемое обыкновенно водою, представляло теперь голое, нечистое, неровное дно, состоящее изъ тины и грязи, истрескавшейся отъ солнца, но еще не высохшей внутри; вездѣ валялись жерди, сучья и коряги, или торчали колья, воткнутые прошлаго года для вятелей. Прежде все это было затоплено и представляло свѣтлое, гладкое зеркало

воды, лежащее въ зеленыхъ рамахъ и проросшее зеленымъ камышемъ. Молодые его побѣги еще были непримѣтны, а старыя гривы сухаго камыша, нескошеннаго въ прошедшую осень, непріятно желтѣли между зеленѣющихъ краевъ прудоваго разлива и, волнуемые вѣтромъ, еще непріятнѣе, какъ-то безжизненно шумѣли. Надобно прибавить, что отъ высыхающей тины и рыбы, погибшей въ камышахъ, пахло очень дурно. Но скоро прошло непріятное впечатлѣніе. Выбравъ мѣста посуше, неподалеку отъ кауза, стали мы удить,— и вполнѣ оправдались слова отца: безпрестанно брали окуни, крупная плотва, средней величины язи и большіе лини. Крупная рыба попадалась все отцу, а иногда и Евсеичу, потому что удили на большія удочки и насаживали большіе куски, а я удилъ на маленькую удочку, и у меня безпрестанно брала плотва, если Евсеичъ насаживалъ мнѣ крючекъ хлѣбомъ, или окуни, если удочка насаживалась червякомъ. Я никогда не видѣлъ, чтобъ отецъ мой такъ горячился, и у меня мелькнула мысль, отчего онъ не ходитъ удить всякій день? Евсеичъ же, горячившійся всегда и прежде, самъ говорилъ, что не помнитъ себя въ такомъ *азартѣ!* Азартъ этотъ еще увеличился, когда отецъ вытащилъ огромнаго окуня и еще огромнѣйшаго линя, а у Евсеича сорвалась какая-то большая рыба и вдобавокъ щука оторвала удочку. Онъ такъ смѣшно хлопалъ себя по ногамъ ладонями и такъ жаловался на свое несчастье, что отецъ смѣялся, а за нимъ и я. Впрочемъ, щука точно также и у отца перекусила лесу. Мнѣ тоже захотѣлось выудить что-нибудь покрупнѣе, и хотя Евсеичъ увѣрялъ, что мнѣ хорошей рыбы не вытащить, но я упросилъ его дать мнѣ удочку побольше и также насадить большой кусокъ. Онъ исполнилъ мою просьбу, но успѣха не было, а вышло еще хуже, потому что перестала попадаться и мелкая рыба. Мнѣ стало какъ-то скучно и захотѣлось домой; но отецъ и Евсеичъ и не думали возвращаться, и, конечно, безъ меня остались бы на пруду до самаго обѣда. Собираясь въ обратный путь и свертывая удочки, Евсеичъ сказалъ: «Что бы вамъ, Алексѣй Степанычъ, забраться сюда на зарѣ? Вѣдь это какой бы клёвъ-то былъ!» Отецъ отвѣчалъ съ нѣкоторою досадой: «Ну, какъ мнѣ поутру?....»—«Вотъ вы и съ ружьемъ не поохотились ни разу, а вѣдь въ старые годы хаживали».—Отецъ мол-

чалъ. Я очень замѣтилъ слова Евсеича, а равно и то, что отецъ возвращался какъ-то невеселъ.

Пойманная рыба едва помѣщалась въ двухъ ведрахъ. Мы принесли ее прямо къ бабушкѣ и тётушкѣ Татьянѣ Степановнѣ и, только-что пріѣхавшей, тётушкѣ Аксиньѣ Степановнѣ (Александра же Степановна давно уѣхала въ свою Каратаевку). Онѣ неравнодушно приняли нашъ уловъ; онѣ ахали, разглядывали и хвалили рыбу, которую очень любили кушать, а Татьяна Степановна—удить; но мать махнула рукой и не стала смотрѣть на нашу добычу, говоря, что отъ нея воняетъ сыростью и гнилью; она даже увѣряла, что и отъ меня съ отцомъ пахнетъ прудовою тиной, что́, можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ было такъ.

Оставшись наединѣ съ матерью, я спросилъ ее: «Отчего отецъ не ходитъ удить, хотя очень любитъ уженье? Отчего онъ ни разу не бралъ ружья въ руки, а стрѣлять онъ также былъ охотникъ, о чемъ самъ разсказывалъ мнѣ?» Матери моей были непріятны мои вопросы. Она отвѣчала, что никто не запрещаетъ ему ни стрѣлять, ни удить; но въ то же время презрительно отозвалась объ этихъ охотахъ, особенно объ уженьѣ, называя его забавою людей праздныхъ и пустыхъ, не имѣющихъ лучшаго дѣла, забавою приличною только дѣтскому возрасту, и мнѣ немножко стало стыдно, что я такъ люблю удить. Я начиналъ уже считать себя выходящимъ изъ ребячьяго возраста: чтеніе книгъ, разговоры съ матерью о предметахъ недѣтскихъ, ея довѣренность ко мнѣ, ея слова, питавшія мое самолюбіе: «ты уже не маленькій, ты все понимаешь; какъ ты объ этомъ думаешь, другъ мой?» и тому подобныя выраженія, которыми мать, въ порывахъ нѣжности, уравнивала наши возрасты, обманывая самоё себя,—эти слова возгордили меня, и я началъ свысока посматривать на окружающихъ меня людей. Впрочемъ, недолго стыдился я моей страстной охоты къ уженью. На третій день мнѣ такъ уже захотѣлось удить, что я, прикрываясь своимъ дѣтскимъ возрастомъ, отъ котораго, однако, въ иныхъ случаяхъ отказывался, выпросился у матери на прудъ поудить съ отцомъ, куда съ однимъ Евсеичемъ меня бы не отпустили. Я имѣлъ весьма важную причину не откладывать уженья на пруду: отецъ сказалъ мнѣ, что черезъ два дня его запрудятъ, или, какъ выражались тогда, *займутъ*

заимку. Евсеичъ съ отцомъ взяли свои мѣры, чтобы щуки не отгрызали крючковъ: они навязали ихъ на поводки изъ проволоки или струны, которыхъ щуки не могли перекусить, несмотря на свои острые зубы. Общія наши надежды и ожиданія не были обмануты. Мы наудили много рыбы, и въ томъ числѣ отецъ поймалъ четырехъ щукъ, а Евсеичъ двухъ.

Заимка пруда, или, лучше сказать, послѣдствіе заимки, потому что на прудъ меня мать не пустила,—также представило мнѣ много новаго, никогда мною невиданнаго. Какъ скоро завалили вешнякъ, и теченіе воды мало-по-малу прекратилось,—рѣка ниже плотины совсѣмъ обмелѣла, и кромѣ глубокихъ ямъ, называемыхъ омутами, Бугурусланъ побѣжалъ маленькимъ ручейкомъ. По всему протяженію рѣки, до самаго Кивацкаго пруда, также спущеннаго, вездѣ стоялъ народъ, и старый и малый, съ бреднями, вятелями и недòтками, перегораживая ими рѣку. Какъ скоро рыба послышала, что вода пошла на убыль, она начала скатываться внизъ, оставаясь иногда въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ и, разумѣется, попадая въ разставленныя снасти. Мы съ Евсеичемъ стояли на самомъ высокомъ берегу Бугуруслана, откуда далеко было видно и вверхъ и внизъ, и смотрѣли на эту торопливую и суматошную ловлю рыбы, сопровождаемую крикомъ деревенскихъ бабъ, мальчишекъ и дѣвчонокъ: послѣднія употребляли для ловли рыбы связанныя юбки и рѣшета, даже хватали добычу руками, вытаскивая иногда порядочныхъ плотицъ и язиковъ изъ-подъ корягъ и изъ рачьихъ норъ, куда во всякое время особенно любятъ забиваться некрупные налимы, которые также попадались. Раки пресмѣшно корячились и ползали по обмелѣвшему дну и очень больно щипали за голыя ноги и руки бродившихъ по водѣ и грязи людей, отъ чего нерѣдко раздавался пронзительный визгъ мальчишекъ и особенно дѣвчонокъ.

Бугурусланъ былъ хотя не широкъ, но очень быстръ, глубокъ и омутистъ; вода еще была *жирна*, по выраженію мельниковъ, и прудъ къ вечеру сталъ наполняться, а въ ночь уже пошла вода въ каузъ; на другой день поутру замолола мельница, и нашъ Бугурусланъ сдѣлался опять прежнею глубокою, многоводной рѣкой. Меня очень огорчало, что я не видѣлъ, какъ занимали заимку, а разсказы отца еще болѣе

подстрекали мою досаду и усиливали мое огорченіе. Я не преминулъ попросить у матери объясненія, почему она меня не пустила, и получилъ въ отвѣтъ, что «нечего мнѣ дѣлать въ толпѣ мужиковъ, и не для чего слушать ихъ грубыя и непристойныя шутки, прибаутки и брань между собою». Отецъ напрасно увѣрялъ, что ничего такого не было и не бываетъ, что никто не бранился; но что веселаго крику и шуму было много.... Не могъ я не вѣрить матери, но отцу хотѣлось больше вѣрить.

Какъ только провяла земля,—начались полевыя работы, то-есть посѣвъ яроваго хлѣба, и отецъ сталъ ѣздить всякій день на пашню. Всякій день я просился съ нимъ, и только одинъ разъ отпустила меня мать. По моей усильной просьбѣ отецъ согласился-было взять съ собой ружье, потому что въ поляхъ водилось множество полевой дичи; но мать начала говорить, что она боится, какъ бы ружье не выстрѣлило и меня не убило, а потому отецъ, хотя увѣрялъ, что ружье лежало бы на дрогахъ незаряженное,—оставилъ его дома. Я замѣтилъ, что ему самому хотѣлось взять ружье; я же очень горячо этого желалъ, а потому поѣхалъ нѣсколько огорченный. Видъ весеннихъ полей скоро привлекъ мое вниманіе, и радостное чувство, уничтоживъ непріятное, овладѣло моею душой. Поднимаясь отъ гумна на гору, я увидѣлъ, что всѣ долочки весело зеленѣли сочною травой, а гривы или *кулиги* дикаго персика, которыя тянулись по скатамъ крутыхъ холмовъ, были осыпаны розовыми цвѣточками, издававшими сильный ароматическій запахъ. На горахъ зацвѣтала вишня и дикая акація или чилизникъ. Жаворонки такъ и разсыпались пѣснями вверху; иногда проносился крикъ журавлей, вдали заливался звонкими трелями кроншнепъ, слышался хриплый голосъ кречетокъ, стрепета поднимались съ дороги и тутъ же садились. Не одинъ разъ отецъ говорилъ: «Жалко, что нѣтъ съ нами ружья». Это былъ особый птичій міръ, совсѣмъ не похожій на тотъ, который подъ горою населялъ вóды и болота, — и онъ показался мнѣ еще прекраснѣе. Тутъ только, на горѣ, почувствовалъ я неизмѣримую разность между атмосферами внизу и вверху! Тамъ пахло стоячею водой, тяжелою сыростью, а здѣсь воздухъ былъ сухъ, ароматенъ и легокъ; тутъ только я почувствовалъ справедливость жалобъ матери на низкое мѣсто въ Баг-

ровѣ. Вскорѣ зачернѣлись полосы вспаханной земли и, подъѣхавъ, я увидѣлъ, что крестьянинъ, уже не молодой, мѣрно и бодро ходитъ взадъ и впередъ по десятинѣ, разсѣвая вокругъ себя хлѣбныя сѣмена, которыя доставалъ онъ изъ лукошка, висящаго у него черезъ плечо. Издали за нимъ шли три крестьянина за сохами; запряженныя въ нихъ лошадки казались мелки и слабы, но онѣ, не останавливаясь и безъ напряженнаго усилія, взрывали сошниками черноземную почву, разсыпая рыхлую землю направо и налѣво, разумѣется не новь, а мякоть, какъ называлась тамъ нѣсколько разъ паханная земля; за ними тащились три бороны, съ желѣзными зубьями, запряженныя такими же лошадками; ими управляли мальчики. Несмотря на утро и еще весеннюю свѣжесть, всѣ люди были въ однѣхъ рубашкахъ. И весь этотъ, повидимому, тяжелый трудъ производился легко, бодро и весело. Глядя на эти правильно и непрерывно движущіяся фигуры людей и лошадей, я забылъ окружающую меня красоту весенняго утра. Важность и святость труда, которыхъ я не могъ тогда вполнѣ ни понять, ни оцѣнить, однако глубоко поразили меня. Отецъ пошелъ на вспаханную, но еще не заборонованную десятину, сталъ что-то мѣрять своей палочкой и считать; а я, оглянувшись вокругъ себя и увидя, что въ разныхъ мѣстахъ много людей и лошадей двигались такъ же мѣрно и въ такомъ же порядкѣ взадъ и впередъ, — я крѣпко задумался, самъ хорошенько не зная о чемъ. Отецъ, воротясь ко мнѣ и найдя меня въ томъ же положеніи, спросилъ: «Что ты, Сережа?» Я отвѣчалъ множествомъ вопросовъ о работающихъ крестьянахъ и мальчикахъ, на которые отецъ отвѣчалъ мнѣ удовлетворительно и подробно. Слова его запали мнѣ въ сердце. Я сравнивалъ себя съ крестьянскими мальчиками, которые цѣлый день, отъ восхода до заката солнечнаго, бродили взадъ и впередъ, какъ по песку, по рыхлымъ десятинамъ, которые кушали хлѣбъ да воду, — и мнѣ стало совѣстно, стыдно, и рѣшился я просить отца и мать, чтобы меня заставили бороновать землю. Полный такихъ мыслей, воротился я домой и принялся передавать матери мои впечатлѣнія и желаніе работать. Она смѣялась, а я горячился; наконецъ она съ важностью сказала мнѣ: «Выкинь этотъ вздоръ изъ головы. Пашня и бороньба — не твое дѣло. Впрочемъ, если хочешь попробовать, — я позволяю».

Черезъ нѣсколько времени дѣйствительно мнѣ позволили попробовать бороновать землю. Оказалось, что я никуда не годенъ: не умѣю ходить по вспаханной землѣ, не умѣю держать вожжи и править лошадью, не умѣю заставить ее слушаться. Крестьянскій мальчикъ шелъ рядомъ со мной и смѣялся. Мнѣ было стыдно и досадно, и я никогда уже не поминалъ объ этомъ.

Именно въ эту пору житья моего въ Багровѣ я мало проводилъ времени съ моей милой сестрицей и какъ-будто отдалился отъ нея; но это нисколько не значило, чтобъ я сталъ меньше ее любить. Причиною этого временнаго отдаленія были мои новыя забавы, которыя она, какъ дѣвочка, не могла раздѣлять со мной; и потомъ — мое приближеніе къ матери. Говоря со мной, какъ съ другомъ, мать всегда высылала мою сестрицу и запрещала мнѣ разсказывать ей наши откровенные разговоры. Она не такъ горячо любила ее, какъ меня, и менѣе ласкала. Я былъ любимецъ, фаворитъ, какъ многіе называли меня, и, слѣдовательно, балованное дитя. Я долго оставался такимъ; но это никогда не мѣшало горячей привязанности между мной и остальными братьями и сестрами. Бабушка же и тётушка ко мнѣ не очень благоволили, а сестрицу мою любили; онѣ напѣвали ей въ уши, что она нелюбимая дочь, что мать глядитъ мнѣ въ глаза и дѣлаетъ все, что мнѣ угодно, что «братецъ—все, а она—ничего»; но всѣ такія вредныя внушенія не производили никакого впечатлѣнія на любящее сердце моей сестры, и никакое чувство зависти или негодованія и на одну минуту никогда не омрачало свѣтлую доброту ея прекрасной души.

Мать по-прежнему не входила въ домашнее хозяйство, а всѣмъ распоряжалась бабушка, или, лучше сказать, тётушка; мать заказывала только кушанья для себя и для насъ; но въ то же время было слышно и замѣтно, что она настоящая госпожа въ домѣ и что все дѣлается или сдѣлается, если она захочетъ, по ея волѣ. Несмотря на мой ребячій возрастъ, я понималъ, что моей матери всѣ въ домѣ боялись, а не любили (кромѣ Евсеича и Параши), хотя мать никому и грубаго слова не говаривала. Эту мудреную загадку тогда рано было мнѣ разгадывать!

По просухѣ перебывали у насъ въ гостяхъ всѣ сосѣди, большею частью родные намъ. Пріѣзжали тогда и Чичаговы,

только безъ старушки Мертваго; разумѣется, мать была имъ очень рада и большую часть времени проводила въ откровенныхъ и задушевныхъ разговорахъ наединѣ съ Катериной Борисовной, даже меня высылала. Я мелькомъ вслушался раза два въ ея слова и догадался, что она жаловалась на свое положеніе, что она была недовольна своей жизнью въ Багровѣ: эта мысль постоянно смущала и огорчала меня.

Петръ Иванычъ Чичаговъ, такъ же какъ моя мать, не зналъ и не любилъ домашняго и полеваго хозяйства. Всѣмъ занималась его тёща и жена. Онъ читалъ, писалъ, рисовалъ, чертилъ и охотился съ ружьемъ. Зная, что у насъ много водится дичи, онъ привезъ съ собой и ружье и собаку, и всякій день ходилъ стрѣлять въ нашихъ болотахъ, около нижняго и верхняго пруда, гдѣ жило множество бекасовъ, всякихъ куликовъ и куличковъ, болотныхъ курочекъ и коростелей. Одинъ разъ и отецъ ходилъ съ нимъ на охоту; они принесли полные ягдташи дичи. Петръ Иванычъ все подсмѣивался надъ моимъ отцомъ, говоря, что «Алексѣй Степанычъ большой экономъ на порохъ и дробь, что онъ любитъ птичку покрупнѣе да поближе, что бекасы ему не по вкусу, а вотъ уточки или болотные кулички,—такъ это его дѣло: тутъ мясца побольше». Отецъ мой отшучивался, признаваясь, что онъ точно мелкую птицу не мастеръ стрѣлять—не привыкъ, и что Петръ Иванычъ, конечно, убилъ пары четыре бекасовъ, но за то много посѣялъ въ болотахъ дроби, которая на будущій годъ уродится.... Петръ Иванычъ громко смѣялся своимъ особеннымъ звучнымъ смѣхомъ, про который мать говорила, что Петръ Иванычъ и смѣется умно. Онъ удѣлялъ иногда нѣсколько времени на разговоры со мной. Обыкновенно это бывало послѣ охоты, когда онъ, переодѣвшись въ сухое платье и бѣлье, садился на диванъ въ гостиной и закуривалъ свою большую пѣнковую трубку. «Ну, Сережа, такъ начиналъ онъ свой разговоръ,—какъ поживаютъ старикашки Сумароковъ, Херасковъ и особенно Ломоносовъ? Что подѣлываетъ Карамзинъ съ братіей новыхъ стихотворцевъ?»—Это значило, чтобъ я начиналъ читать наизусть заученные мною стихи этихъ писателей. Петръ Иванычъ надъ всѣми подсмѣивался, даже надъ Ломоносовымъ, котораго впрочемъ очень уважалъ. Горячо хвалилъ Державина и въ то же время подшучивалъ надъ нимъ; одного только Дмитріева хвалилъ,

хотя не горячо, но безусловно: къ сожалѣнію, я почти не зналъ ни того, ни другаго. Мое восторженное чтеніе или декламація, какъ онъ называлъ, очень его забавляла. Единственные чтецы стиховъ, которыхъ я слыхалъ, были мои дяди Зубины. Александръ Николаичъ особенно любилъ передразнивать московскихъ трагическихъ актеровъ—и, подражая такой каррикатурной декламаціи, образовалъ я мое чтеніе! Легко понять, что оно, сопровождаемое неумѣстною горячностью и уродливыми жестами, было очень забавно. Тѣмъ не менѣе я вспоминаю съ искреннимъ удовольствіемъ и благодарностью объ этихъ часахъ моего дѣтства, которые проводилъ я съ Петромъ Иванычемъ Чичаговымъ. Этотъ необыкновенно умный и талантливый человѣкъ стоялъ неизмѣримо выше окружающаго его общества. Остроумныя шутки его западали въ мой дѣтскій умъ и вѣроятно приготовляли меня къ болѣе вѣрному пониманію тогдашнихъ писателей.

Впослѣдствіи, когда я уже былъ студентомъ, а потомъ петербургскимъ чиновникомъ, пріѣзжавшимъ въ отпускъ, я всегда спѣшилъ повидаться съ Чичаговымъ: прочесть ему все, что явилось новаго въ литературѣ, и подѣлиться съ нимъ моими впечатлѣніями, молодыми взглядами и убѣжденіями. Его судъ часто былъ вѣренъ и всегда остроуменъ. Съ особенною живостью припоминаю я, что уже незадолго до его смерти, очень больному, прочелъ я ему стихи на Державина и Карамзина, не знаю кѣмъ написанные, едва ли не Шатровымъ. Перваго куплета помню только половину.

. . . .
Перлово-сизыхъ облаковъ.
Иль давъ толчекъ въ Кавказъ ногами.
И вихро-бурыми крылами,
Разсѣкши воздухъ, прилети;
Хвостомъ сребро-злато-махровымъ
Иль радужно-гнѣдо-багровымъ
Слѣды пурпурны замети.

—

Но вдругъ картина премѣнилась,
Услышалъ стонъ я голубка;
У Лизы слезка покатилась
Изъ лѣваго ея глазка.
Катилась по щекѣ, катилась,
На щечкѣ въ ямкѣ поселилась,
Какъ-будто въ лужицѣ вода.
Не такъ то было въ стары вѣки:
На слезы скупы человѣки,
Но люди были ли тогда?
Когда... дѣвушкѣ случалось

Въ разлукѣ съ милымъ другомъ быть,
То должно ей о немъ, казалось,
Ручьями слезы горьки лить.
Но нынче слезы дорогія
. . . .
Сравнятся-ль древнія простыя
Съ алмазной нынѣшней слезой?

Забывъ свою болѣзнь и часто возвращающіеся мучительные ея припадки, Чичаговъ, слушая мое чтеніе, смѣялся самымъ веселымъ смѣхомъ, повторяя нѣкоторые стихи или выраженія. «Ну, другъ мой, сказалъ онъ мнѣ потомъ съ живымъ и яснымъ взглядомъ,—ты меня такъ утѣшилъ, что теперь мнѣ не надо и пріема опіума». Во время страданій, превышающихъ силы человѣческія, онъ употреблялъ опіумъ въ маленькихъ пріемахъ.

Наступило жаркое лѣто. Клёвъ крупной рыбы прекратился. Уженье мое ограничилось ловлею на булавочные крючки лошковъ, пискарей и маленькихъ плотичекъ, по мелкимъ безопаснымъ мѣстамъ, начиная отъ дома, вверхъ по рѣкѣ Бугуруслану, до такъ-называемыхъ Антошкиныхъ мостковъ, построенныхъ крестьяниномъ Антономъ противъ своего двора; далѣе рѣка была поглубже, и мы туда безъ отца не ходили. Меня отпускали съ Евсеичемъ всякій день или поутру, или вечеромъ, часа на два. Около самаго дома древесной тѣни не было, и потому мы, вмѣстѣ съ сестрицей, ходили гулять, сидѣть и читать книжки въ грачевую рощу или на островъ, который я любилъ съ каждымъ днемъ болѣе. Въ самомъ дѣлѣ тамъ было очень хорошо: берега были обсажены березами, которыя разростались, широко раскинулись и давали густую тѣнь; липовая аллея пересѣкала островъ по серединѣ; она была тѣсно насажена и подъ нею вѣчно былъ сумракъ и прохлада; она служила деннымъ убѣжищемъ для ночныхъ бабочекъ, собираніемъ которыхъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, я сталъ очень горячо заниматься. На островъ нерѣдко съ нами хаживала тётушка Татьяна Степановна. Сидя подъ освѣжительною тѣнью, на берегу широко и рѣзво текущей рѣки, иногда съ удочкой въ рукѣ, охотно слушала она мое чтеніе; приносила иногда свой «Пѣсенникъ», читала сама или заставляла меня читать, и какъ ни были нелѣпы и уродливы эти пѣсни, принадлежавшія Сумарокову съ братіей, но читались и слушались онѣ съ искрен-

нимъ сочувствіемъ и удовольствіемъ. До сихъ поръ помню наизусть охотничью пѣсню Сумарокова*).

Мы такъ нахвалили матери моей прохладу тѣнистаго острова, въ полдневный зной, что она рѣшилась одинъ разъ пойдти съ нами. Сначала ей понравилось и она приказала принести большую кожу, чтобы сидѣть на ней, на берегу рѣки, потому что никогда не садилась прямо на большую траву, говоря, что отъ нея сыро, что въ ней множество насѣкомыхъ, которыя сейчасъ наползутъ на человѣка. Принесли кожу и даже кожаныя подушки. Мы всѣ усѣлись на нихъ, но, я не знаю почему, только такое осторожное, искусственное обращеніе съ природой расхолодило меня и мнѣ совсѣмъ не было такъ весело, какъ всегда бывало одному съ сестрицей или тётушкой. Мать равнодушно смотрѣла на зеленыя липы и березы, на текущую вокругъ насъ воду; стукъ толчеи, шумъ мельницы, долетавшій иногда явственно до насъ, когда поднимался вѣтерокъ, по временамъ затихавшій, казался ей однообразнымъ и скучнымъ; сырой запахъ отъ пруда, котораго никто изъ насъ не замѣчалъ, находила она противнымъ и, посидѣвъ съ часъ, она ушла домой въ свою душную спальню, раскаленную солнечными лучами. Мы остались одни; унесли кожу и подушки, и островъ получилъ для меня свою прежнюю очаровательную прелесть.— Тётушка любила дѣлать надписи на бѣлой и гладкой кожѣ березъ и даже вырѣзывала иногда ножичкомъ или накалывала толстой булавкой разные стишки изъ своего пѣсенника. Я, разумѣется, охотно подражалъ ей. На этотъ разъ она вырѣзала, что такого-то года, мѣсяца и числа «Софья Николаевна посѣтила островъ».

Изрѣдка ѣзжалъ я съ отцомъ въ поле на разныя работы, видѣлъ, какъ полютъ яровые хлѣба: овсы, полбы и пшеницы; видѣлъ, какъ крестьянскія бабы и дѣвки, безпрестанно нагибаясь, выдергиваютъ сорныя травы и, набравъ ихъ на лѣвую руку цѣлую охапку, бережно ступая, выносятъ на межи, бросаютъ и снова идутъ полоть. Работа довольно тяжелая и скучная, потому что успѣхъ труда не за-

*) Пѣсня III. Она начинается такъ:

Не пастухъ въ свирѣль играетъ,
Сидя при рѣчныхъ струяхъ;
Не пастухъ овецъ сгоняетъ
На прекрасныхъ сихъ лугахъ и проч.

мѣтенъ.—Наконецъ пришло время сѣнокоса. Его начали за недѣлю до Петрова дня. Эта работа, одна изъ всѣхъ крестьянскихъ полевыхъ работъ, которой я до тѣхъ поръ еще не видывалъ, понравилась мнѣ больше всѣхъ. Въ прекрасный лѣтній день, когда солнечные лучи давно уже поглотили ночную свѣжесть, подъѣзжали мы съ отцомъ къ такъ называемому «Потаенному ко́лку», состоящему по большой части изъ молодыхъ и уже довольно толстыхъ, какъ сосна прямыхъ, липъ, — ко́лку, давно заповѣданному и сберегаемому съ особенною строгостью. Лишь только поднялись мы къ лѣсу изъ оврага, сталъ долетать до моего слуха глухой необыкновенный шумъ: то какой-то отрывистый и мѣрный шорохъ, на мгновенье перемежающійся и вновь возникающій, то какое-то звонкое металлическое шарканье. Я сейчасъ спросилъ: «что это такое?»—«А вотъ увидишь!» отвѣчалъ отецъ, улыбаясь. Но за порослью молодаго и частаго осинника ничего не было видно; когда же мы обогнули его, — чудное зрѣлище поразило мои глаза. Человѣкъ сорокъ крестьянъ косили, выстроясь въ одну линію, какъ по ниткѣ: ярко блестя на солнцѣ, взлетали косы, и стройными рядами ложилась срѣзанная густая трава. Пройдя длинный рядъ, вдругъ косцы остановились и принялись чѣмъ-то точить свои косы, весело перебрасываясь между собою шутливыми рѣчами, какъ можно было догадываться по громкому смѣху: разслышать словъ было еще невозможно. Металлическіе звуки происходили отъ точенья косъ деревянными лопаточками, обмазанными глиною съ пескомъ, о чемъ я узналъ послѣ.—Когда мы подъѣхали близко и отецъ мой сказалъ обыкновенное привѣтствіе: «Богъ помочь» или «Богъ на помочь!» громкое: «Благодарствуйте батюшка, Алексѣй Степанычъ!» огласило поляну, отозвалось въ оврагѣ,—и снова крестьяне продолжали широко, ловко, легко и свободно размахивать косами! Въ этой работѣ было что-то доброе, веселое, такъ что я не вдругъ повѣрилъ, когда мнѣ сказали, что она тоже очень тяжела. Какой легкій воздухъ, какой чудесный запахъ разносился отъ близкаго лѣса и скошенной еще рано утромъ травы, изобиловавшей множествомъ душистыхъ цвѣтовъ, которые отъ знойнаго солнца уже начинали вянуть и издавать особенный пріятный ароматическій запахъ! Нетронутая трава стояла стѣной, въ поясъ выши-

ною, и крестьяне говорили: «Что за трава! медвѣдь медвѣдемъ!» *) По зеленымъ высокимъ рядамъ скошенной травы уже ходили галки и вороны, налетѣвшія изъ лѣса, гдѣ находились ихъ гнѣзда. Мнѣ сказали, что онѣ подбираютъ разныхъ букашекъ, козявокъ и червячковъ, которые прежде скрывались въ густой травѣ, а теперь бѣгали на виду по опрокинутымъ стеблямъ растеній и по обнаженной землѣ. Подойдя поближе, я своими глазами удостовѣрился, что это совершенная правда. Сверхъ того я замѣтилъ, что птица клевала и ягоды. Въ травѣ клубника была еще зелена, за-то необыкновенно крупна; на открытыхъ же мѣстахъ она уже поспѣвала. Изъ скошенныхъ рядовъ мы съ отцомъ набрали по большой кисти такихъ ягодъ, изъ которыхъ иныя попадались крупнѣе обыкновеннаго орѣха; многія изъ нихъ, хотя еще не покраснѣли, но были уже мягки и вкусны.

Мнѣ такъ было весело на сѣнокосѣ, что не хотѣлось даже ѣхать домой, хотя отецъ уже звалъ меня. Изъ лѣснаго оврага, на днѣ котораго, тихо журча, бѣжалъ маленькій родничокъ, неслось воркованье дикихъ голубей или горлинокъ, слышался также кошачій крикъ и заунывный стонъ иволги; звуки эти были такъ различны, противоположны, что я долго не хотѣлъ вѣрить, что это кричитъ одна и та же миловидная, желтенькая птичка. Изрѣдка раздавался пронзительный трубный голосъ желны.... Вдругъ копчикъ вылетѣлъ на поляну, высоко взвился и, кружась надъ косцами, которые выпугивали иногда изъ травы маленькихъ птичекъ, сторожилъ ихъ появленіе и падалъ на нихъ, какъ молнія изъ облаковъ. Его быстрота и ловкость были такъ увлекательны, а участіе къ бѣдной птичкѣ такъ живо, что крестьяне привѣтствовали громкими криками и удальство ловца, и проворство птички всякій разъ, когда она успѣвала упасть въ траву или скрыться въ лѣсу. Евсеичъ особенно горячился, также сопровождая одобрительными восклицаніями чудную быстроту этой красивой и рѣзвой хищной птицы. Долго копчикъ потѣшалъ всѣхъ проворнымъ, хотя безуспѣшнымъ пре-

*) Я никогда не умѣлъ удовлетворительно объяснить себѣ этого выраженія, употреблявшагося также, когда говорилось о густомъ, высокомъ несжатомъ хлѣбѣ: какъ тутъ пришелъ медвѣдь! Я думаю, что словомъ медвѣдь выражалась *сила*, то-есть плотнина, вышина и вообще добротность травы или хлѣба.

А. С.

слѣдованіемъ своей добычи, но, наконецъ, поймалъ птичку и, держа ее въ когтяхъ, полетѣлъ въ лѣсъ. «А, попалась бѣдняга! Подцѣпилъ, понесъ въ гнѣздо дѣтей кормить!» раздавались голоса косцовъ, перерываемые и заглушаемые иногда шарканьемъ косъ и шорохомъ, рядами падающей, травы.— Отецъ въ другой разъ сказалъ, что пора ѣхать, и мы поѣхали. Веселая картина сѣнокоса не выходила изъ моей головы во всю дорогу; но, воротясь домой, я уже не бросился къ матери, чтобы разсказать ей о новыхъ моихъ впечатлѣніяхъ. Опыты научили меня, что мать не любитъ разсказовъ о полевыхъ крестьянскихъ работахъ, о которыхъ она знала только по наслышкѣ; а если и видѣла, то какъ-нибудь мелькомъ или издали. Я поспѣшилъ разсказать все милой своей сестрицѣ, потомъ Парашѣ, а потомъ и тётушкѣ съ бабушкой. Тётушка и бабушка много разъ видали косьбу и всю уборку сѣна и, разумѣется, знали это дѣло гораздо короче и лучше меня. Онѣ не могли надивиться только, чему я такъ радъ. Тётушка однако прибавила: «Да оно смотрѣть точно пріятно, да косить-то больно тяжело въ такую жару». Эти слова заставили меня задуматься.

Милая моя сестрица, не раздѣлявшая со мной нѣкоторыхъ моихъ лѣтнихъ удовольствій, была за-то вѣрною моею подругой и помощницей въ собираніи травъ и цвѣтовъ, въ наблюденіяхъ за гнѣздами маленькихъ птичекъ, которыхъ много водилось въ старыхъ смородинныхъ и барбарисовыхъ кустахъ, въ собираніи червячковъ, бабочекъ и разныхъ букашекъ. Врожденную охоту къ этому роду занятій и наблюденій, и вообще къ натуральной исторіи, возродили во мнѣ книжки «Дѣтскаго Чтенія». Замѣтивъ гнѣздо какой-нибудь птички, всего чаще зорьки или горихвостки, мы всякій день ходили смотрѣть, какъ мать сидитъ на яицахъ; иногда, по неосторожности, мы спугивали ее съ гнѣзда, и тогда, бережно раздвинувъ колючія вѣтви барбариса или крыжовника, разглядывали, какъ лежатъ въ гнѣздѣ маленькія, миленькія, пестренькія яички. Случалось иногда, что мать, наскучивъ нашимъ любопытствомъ, бросала гнѣздо; тогда мы, увидя, что уже нѣсколько дней птички въ гнѣздѣ нѣтъ и что она не покрикиваетъ и не вертится около насъ, какъ то всегда бывало,—доставали яички, или даже все гнѣздо, и уносили къ себѣ въ комнату, считая, что мы законные владѣльцы

жилища, оставленнаго матерью. Когда же птичка благополучно, несмотря на наши помѣхи, высиживала свои яички, и мы вдругъ находили вмѣсто нихъ голенькихъ дѣтенышей, съ жалобнымъ, тихимъ пискомъ, безпрестанно разѣвающихъ огромные рты; видѣли, какъ мать прилетала и кормила ихъ мушками и червячками.... Боже мой, какая была у насъ радость! Мы не переставали слѣдить, какъ маленькія птички росли, перились и наконецъ покидали свое гнѣздо. — Сорванныя трàвы и цвѣты мы раскладывали и сушили въ книгахъ, на что преимущественно употреблялись: «Римская исторія Роллена» и «Домашній лечебникъ Бухана»; а чтобы листы въ книгахъ не портились отъ сырости и не раскрашивались разными красками, мы клали цвѣты между листочками писчей бумаги. Свѣтящіеся червячки прельщали насъ своимъ фосфорическимъ блескомъ (о фосфорическомъ блескѣ я зналъ также изъ «Дѣтскаго Чтенія»); мы ловили ихъ и держали въ ящикахъ или бумажныхъ коробочкахъ, положивъ туда разныхъ травъ и цвѣтовъ; то же дѣлали мы со всякими червяками, у которыхъ было 16 ножекъ. Свѣтляки не долго жили и почти всегда на другой же день теряли способность разливать по временамъ свой плѣнительный блескъ, которымъ мы любовались въ темной комнатѣ. Другіе червячки жили долго и превращались иногда, къ великой нашей радости, въ хризалиды или куколки. Это происходило слѣдующимъ порядкомъ: червячки голые, посредствомъ клейкой слизи, привѣшивали, точно приклеивали себя хвостикомъ къ крышкѣ или стѣнкѣ ящика, а червячки мохнатые, завернувшись въ листья и замотавшись въ тонкія, бѣлыя и прозрачныя ниточки или шелковинки, ложились въ нихъ, какъ въ кроватку. По прошествіи извѣстнаго, но весьма не равнаго времени, сваливалась, какъ сухая шелуха, наружная кожа съ гладкаго или мохнатаго червя—и висѣла или лежала куколка: висѣла угловатая, съ рожками, узорчато-сѣрая, бланжевая, даже золотистая хризалида; а лежала всегда темнаго цвѣта, настоящая, крошечная, точно спеленатая куколка. Я зналъ, что изъ первыхъ висячихъ хризалидъ должны были вывестись денныя бабочки, а изъ вторыхъ, лежачихъ — ночныя; но какъ въ то время я еще не умѣлъ ходить за этимъ дѣломъ, то превращенія хризалидъ въ бабочки у насъ не было, да и быть не могло, потому что

мы ихъ безпрестанно смотрѣли, даже трогали, чтобъ узнать, живы ли онѣ? У насъ вывелась только одна, найденная мною гдѣ-то подъ застрѣхой, вся золотистая куколка; изъ нея вышла самая обыковенная крапивная бабочка, — но радость была необыкновенная!...

Наконецъ поспѣла полевая клубника и ее начали приносить уже не чашками и бураками, но ведрами. Бабушка, бывало, сидитъ на крыльцѣ и принимаетъ клубнику отъ дворовыхъ и крестьянскихъ женщинъ. Рѣдко она хвалила ягоды, а все ворчала и бранилась. Мать очень любила и дорожила полевою клубникой. Она считала ее полезною для своего здоровья и употребляла какъ лѣкарство по нѣскольку разъ въ день, такъ что въ это время мало ѣла обыкновенной пищи. Намъ съ сестрой тоже позволяли кушать клубники, сколько угодно. Кромѣ всѣхъ другихъ хозяйственныхъ потребностей, изъ клубники приготовляли клубничную воду, вкусомъ съ которой ничего сравниться не можетъ.

Въ лѣтніе знойные дни протягивали по всему двору, отъ кладовыхъ амбаровъ до погреба и отъ конюшенъ до столярной, длинныя веревки, поддерживаемыя въ разныхъ мѣстахъ рогульками изъ лутошекъ. На эти веревки вывѣшивали для просушки и сбереженія отъ моли разныя платья мужскія и женскія, шубы, шерстяные платки, теплыя одѣяла, сукна и проч... Я очень любилъ все это разсматривать. И тогда уже висѣло тамъ много такого платья, котораго болѣе не носили, сшитаго изъ такого сукна или матеріи, какихъ болѣе не продавали, какъ мнѣ сказывали. Одинъ разъ, бродя между этими разноцвѣтными, иногда золотомъ и серебромъ вышитыми, качающимися отъ вѣтра, висячими стѣнами или ширмами, забрелъ я нечаянно къ тётушкину амбару, выстроенному почти середи двора, передъ ея окнами; ея дѣвушка, толстая, бѣлая и румяная Матрена, посаженная на крылечкѣ для караула, крѣпко спала, несмотря на то, что солнце пекло ей прямо въ лицо; около нея висѣло на сошкахъ и лежало по крыльцу множество широкихъ и тонкихъ полотенъ и холстовъ, столоваго бѣлья, мѣховъ, шелковыхъ матерій, платьевъ и т. п. Разсмотрѣвъ все внимательно, я замѣтилъ, что нѣкоторыя полотна были желты. Любопытство заставило меня войдти въ амбаръ. Кромѣ отворенныхъ пустыхъ сундуковъ и привѣшенныхъ къ потолку мѣшковъ, на

полкахъ, которыя тянулись по стѣнамъ въ два ряда, стояло великое множество всякой всячины: фаянсовой и стеклянной посуды, чайниковъ, молочниковъ, чайныхъ чашекъ, лаковыхъ подносовъ, ларчиковъ, ящиковъ, даже бутылокъ съ новыми пробками; въ одномъ углу лежалъ громадный пуховикъ или, лучше сказать, мѣшокъ съ пухомъ; въ другомъ стояла большая новая кадушка, покрытая бѣлымъ холстомъ; изъ любопытства я поднялъ холстъ и съ удивленіемъ увидѣлъ, что кадушка почти полна колотымъ сахаромъ. Въ самое это время я услышалъ близко голоса Параши и сестрицы, которыя ходили между развѣшенными платьями, искали и кликали меня. Я поспѣшилъ къ нимъ навстрѣчу и, сбѣгая съ крылечка, разбудилъ Матрену, которая ужасно испугалась, увидя меня выбѣгающаго изъ амбара. «Что это, сударь, вы тамъ дѣлали? сказала она съ сердцемъ. Тамъ совсѣмъ не ваше мѣсто. Теперь тётушка на меня будетъ гнѣваться. Онѣ никому не позволяютъ ходить въ свой амбаръ». Я отвѣчалъ, что не зналъ этого, и сейчасъ же скажу тётенькѣ, и попрошу у нея позволенія все хорошенько разглядѣть. Но Матрена перепугалась еще больше, бросилась ко мнѣ, начала цѣловать мои руки и просить, чтобъ я не сказывалъ тётушкѣ, что былъ въ ея амбарѣ. Побѣжденный ея ласками и просьбами, я обѣщалъ молчать; но передо мной стояла уже Параша, держа сестрицу за руку, и лукаво улыбалась. Она слышала все, и, когда мы отошли подальше отъ амбара, она принялась меня разспрашивать, что̀ я тамъ видѣлъ. Разумѣется, я разсказалъ съ большою точностью и подробностью. Параша слушала неравнодушно, и когда дѣло дошло до колотаго сахару, то она вспыхнула и заговорила: «Вотъ не диви, мы, рабы, припрячемъ какой-нибудь лоскутокъ или утащимъ кусочекъ сахарку; а вотъ благородныя-то барышни что дѣлаютъ, столбовыя-то дворянки? Да вѣдь все, что вы ни видѣли въ амбарѣ, все это тётушка натаскала у покойнаго дѣдушки, а бабушка-то ей потакала. Вишь какой себѣ муравейникъ въ приданое сгоношила! Сахаръ-то лѣтъ двадцать крадетъ да копитъ. Поди, чай, у нея и чаю и кофею мѣшки висятъ?...» Вдругъ Параша опомнилась и точно такъ же, какъ недавно Матрена, принялась цѣловать меня и мои руки, просить, молить, чтобъ я ничего не сказывалъ маменькѣ, что̀ она говорила про тётушку. Она напомнила

мнѣ, какой перенесла гнѣвъ отъ моей матери за подобныя слова о тётушкахъ; она принялась плакать и говорила, что теперь навѣрное сошлютъ ее въ Старое Багрово, да и съ мужемъ пожалуй разлучатъ, если Софья Николаевна узнаетъ объ ея глупыхъ рѣчахъ. «Лукавый меня попуталъ, продолжала она, утирая слезы; за сердце взяло: жалко васъ стало! Я давно слышала объ этихъ дѣлахъ, да не вѣрила, а теперь сами видѣли.... Ну, пропала я совсѣмъ!» вскрикнула она, вновь заливаясь слезами. Я увѣрялъ ее, что ничего не стану говорить маменькѣ, но Параша тогда только успокоилась, когда заставила меня побожиться, что не скажу ни одного слова. «Вотъ моя умница, сказала она, обнимая и цѣлуя мою сестрицу,—она ужъ ничего не скажетъ на свою няню». Сестрица молча обнимала ее. Я побожился, то-есть сказалъ: «ей-Богу» въ первый разъ въ моей жизни, хотя часто слыхалъ, какъ другіе легко произносятъ эти слова. Удивляюсь, какъ могла уговорить меня Параша и довесть до божбы, которую мать моя строго осуждала!

Намѣреніе мое не подводить подъ гнѣвъ Парашу—осталось твердымъ. Я очень хорошо помнилъ, въ какую бѣду ввелъ было ее прошлаго года и какъ я потомъ раскаивался, — но утаить всего я не могъ. Я немедленно разсказалъ матери обо всемъ, что видѣлъ въ тётушкиномъ амбарѣ, объ испугѣ Матрены и объ ея просьбѣ ничего не сказывать тётушкѣ. Я скрылъ только слова Параши. Мать сначала улыбнулась, но потомъ строго сказала мнѣ: «Ты виноватъ, что зашелъ туда, куда безъ позволенія ты ходить не долженъ, и въ наказаніе за свою вину ты долженъ теперь солгать, то-есть утаить отъ своей тётушки, что былъ въ ея амбарѣ, а не то она прибьетъ Матрешу». Слово «прибьетъ» меня смутило; я не могъ себѣ представить, чтобы тётушка, которой жалко было комара раздавить, могла бить Матрешу. Я, конечно попросилъ бы объясненія, если-бы не былъ взволнованъ угрызеніемъ совѣсти, что я уже солгалъ, утаилъ отъ матери все, въ чемъ просвѣтила меня Параша. Цѣлый день я чувствовалъ себя какъ-то неловко; къ тётушкѣ даже и не подходилъ, да и съ матерью оставался мало, а все гулялъ съ сестрицей или читалъ книжку. Къ вечеру однако я придумалъ себѣ вотъ какое оправданіе: если маменька сама сказала мнѣ, что я долженъ утаить отъ тётушки, что входилъ

въ ея амбаръ, для того, чтобъ она не побила Матрешу, то я долженъ утаить отъ матери слова Параши, для того, чтобъ она не услала ее въ Старое Багрово. Я совершенно успокоился и весело легъ спать.

Лѣто стояло жаркое и грозное. Чуть не всякій день шли дожди, сопровождаемые молніей и такими громовыми ударами, что весь домъ дрожалъ. Бабушка затепливала свѣчки передъ образами и молилась; а тётушка, боявшаяся грома, зарывалась въ свою огромную перину и пуховыя подушки. Я порядочно трусилъ, хотя много читалъ, что не должно бояться грома; но какъ же не бояться того, что̀ убиваетъ до смерти? Слухи о разныхъ несчастныхъ случаяхъ безпрестанно до меня доходили. Послѣ грозы, быстро пролетавшей, такъ было хорошо и свѣжо, такъ легко на сердцѣ, что я приходилъ въ восторженное состояніе, чувствовалъ какую-то безумную радость, какое-то шумное веселье. Всѣ удивлялись и спрашивали меня о причинѣ; я самъ не понималъ ее, а потому и объяснить не могъ. Вслѣдствіе такихъ частыхъ, хотя непродолжительныхъ перемо̀къ, необыкновенно много появилось грибовъ. Слухъ о груздяхъ, которыхъ уродилось въ Потаенномъ ко́лкѣ *мостъ-мостомъ*, какъ выражался старый пчелякъ, жившій въ лѣсу съ своими пчелами, — взволновалъ тётушку и моего отца, которые очень любили брать грибы и особенно *ломать* грузди. Въ тотъ же день, сейчасъ послѣ обѣда, они рѣшились отправиться въ лѣсъ, въ сопровожденіи цѣлой дѣвичьей и многихъ дворовыхъ женщинъ. Мнѣ очень было непріятно, что въ продолженіе всего обѣда мать насмѣхалась надъ охотой брать грибы, и особенно надъ моимъ отцомъ, который для этой поѣздки отложилъ до завтра какое-то нужное по хозяйству дѣло. Я подумалъ, что мать ни за что меня не отпуститъ, и такъ, только для пробы, спросилъ весьма нетвердымъ голосомъ: «Не позволите ли, маменька, и мнѣ поѣхать за груздями?» Къ удивленію моему, мать сейчасъ согласилась и выразительнымъ голосомъ сказала мнѣ: «Только съ тѣмъ, чтобъ ты въ лѣсу ни на шагъ не отставалъ отъ отца, а то, пожалуй, какъ займутся груздями, то тебя потеряютъ». Обрадованный неожиданнымъ позволеніемъ, я отвѣчалъ, что ни на одну минуточку не отлучусь отъ отца. Отецъ нѣсколько смутился и, какъ мнѣ показалось, даже покраснѣлъ. Сейчасъ

послѣ обѣда начались торопливые сборы. У крыльца уже стояли двое длинныхъ дрогъ и телѣга. Всѣ запаслись кузовьями, лукошками и плетеными корзинками изъ ивовыхъ прутьевъ. На длинные роспуски и телѣгу насѣло столько народу, сколько могло помѣститься, а нѣкоторые пошли пѣшкомъ впередъ. Мать съ бабушкой сидѣли на крыльцѣ, и мы поѣхали въ совершенной тишинѣ; всѣ молчали, но только съѣхали со двора, какъ на всѣхъ экипажахъ начался веселый говоръ, превратившійся потомъ въ громкую болтовню и хохотъ; когда же отъѣхали отъ дому съ версту, дѣвушки и женщины запѣли пѣсни, и сама тётушка имъ подтягивала. Всѣ были необыкновенно шутливы и веселы, и мнѣ самому стало очень весело. Я мало слыхалъ пѣсенъ, и онѣ привели меня въ восхищеніе, которое до сихъ поръ свѣжо въ моей памяти. Румяная Матреша имѣла чудесный голосъ и была *запѣвалой*. Послѣ извѣстнаго приключенія въ тётушкиномъ амбарѣ, удостовѣрившись въ моей скромности, она при всякомъ удобномъ случаѣ осыпала меня ласками и называла «умницей» и «милымъ бариномъ». Когда мы подъѣхали къ лѣсу, я подбѣжалъ къ Матрешѣ и, похваливъ ея прекрасный голосъ, спросилъ: «Отчего она никогда не поетъ въ дѣвичьей?» Она наклонилась и шепнула мнѣ на-ухо: «Матушка ваша не любитъ слушать нашихъ деревенскихъ пѣсенъ». Она поцѣловала меня и убѣжала въ лѣсъ. Я очень пожалѣлъ о томъ, потому что пѣсня и голосъ Матреши заронились мнѣ въ душу. Скоро всѣ разбрелись по лѣсу въ разныя стороны и скрылись изъ виду. Лѣсъ точно ожилъ: вездѣ начали раздаваться разныя веселыя восклицанія, ауканье, звонкій смѣхъ и одиночные голоса многихъ пѣсенъ; пѣсни Матреши были громче и лучше всѣхъ, и я долго различалъ ея удаляющійся голосъ. Евсеичъ, тётушка и мой отецъ, отъ котораго я не отставалъ ни на пядь, ходили по молодому лѣсу, неподалеку другъ отъ друга. Тётушка первая нашла слой груздей. Она вышла на маленькую полянку, остановилась и сказала: «Здѣсь непремѣнно должны быть грузди; такъ и пахнетъ груздями»—и вдругъ закричала: «Ахъ, я наступила на нихъ!» Мы съ отцомъ хотѣли подойти къ ней, но она не допустила насъ близко, говоря, что это ея грузди, что она нашла ихъ, и что пусть мы ищемъ другой слой. Я видѣлъ, какъ она стала на колѣни и, щупая руками землю подъ листьями

напоротника, вынимала оттуда грузди и клала въ свою корзинку. Скоро и мы съ отцомъ нашли гнѣздо груздей; мы такъ же принялись ощупывать ихъ руками и бережно вынимать изъ-подъ пелены прошлогоднихъ полусгнившихъ листьевъ, поросшихъ всякими лѣсными тра̀вами и цвѣтами. Отецъ мой съ жаромъ охотника занимался этимъ дѣломъ и особенно любовался молодыми груздями, говоря мнѣ: «Посмотри, Сережа, какіе маленькіе груздочки! Осторожно снимай ихъ,—они хрупки и ломки. Посмотри: точно пухомъ снизу-то обросли, и какъ пахнутъ!» Въ самомъ дѣлѣ молоденькіе груздочки были какъ-то очень миловидны и издавали острый запахъ.—Наконецъ, побродивъ по лѣсу часа два, мы наполнили свои корзинки одними молодыми груздями. Мы пошли назадъ къ тому мѣсту, гдѣ оставили лошадей, а Евсеичъ принялся громко кричать: «Пора домой! Собирайтесь всѣ къ лошадямъ!» Нѣкоторые голоса ему откликались. Мы не вдругъ нашли свои дроги или роспуски, и еще долѣе бы ихъ проискали, еслибы не заслышали издали фырканья и храпѣнья лошадей. Крѣпко привязанные къ молодымъ дубкамъ, добрые кони наши терпѣли страшную пытку отъ нападенія овода, то-есть мухъ, слѣпней и строки; послѣдняя особенно кусается очень больно, потому что выбираетъ для своего кусанья мѣста на животномъ, не защищенныя волосами. Бѣдныя лошади, искусанныя въ кровь, безпрестанно трясли головами и гривами, обмахивались хвостами и били копытами въ землю, приводя въ сотрясенье все свое тѣло, чтобы сколько-нибудь отогнать своихъ мучителей. Форрейторъ, ѣхавшій кучеромъ на телѣгѣ, нарочно оставленный обмахивать коней, для чего ему была срѣзана длинная зеленая вѣтка, спалъ преспокойно подъ тѣнью дерева. Отецъ побранилъ его, а Евсеичъ погрозилъ, что скажетъ старому кучеру Трофиму, и что тотъ ему даромъ не спуститъ. Многія горничныя дѣвки, съ лукошками, полными груздей, скоро къ намъ присоединились, а нѣкоторыя видно зашли далеко. Мы не стали ихъ дожидаться и поѣхали домой. Матреша была въ числѣ воротившихся, и потому я просилъ посадить ее на наши дроги. Она помѣстилась на запяткахъ съ своимъ кузовомъ, и дорогой спѣла намъ еще нѣсколько пѣсенъ, которыя слушалъ я съ большимъ удовольствіемъ. Мы воротились къ самому чаю. Ба-

бушка сидѣла на крыльцѣ, и мы поставили передъ ней наши корзины и кузовья Евсеича и Матрены, полные груздей. Бабушка вообще очень любила грибы, а грузди въ особенности; она любила кушать ихъ жареные въ сметанѣ, отварные въ разсолѣ, а всего болѣе соленые. Она долго, съ дѣтскою радостью, разбирала грузди, откладывая маленькіе къ маленькимъ, средніе къ среднимъ, а большіе къ большимъ. Бабушка имѣла странный вкусъ: она охотница была кушать въ смятку несвѣжія яица, а грибы любила старые и червивые, и найдя въ кузовѣ Матреши пожелтѣлые трухлявые грузди, она сейчасъ же послала ихъ изжарить на сковородѣ.

Я побѣжалъ къ матери въ спальню, гдѣ она сидѣла съ сестрицей и братцемъ, занимаясь кройкою какого-то бѣлья для насъ. Я разсказалъ ей подробно о нашемъ путешествіи, о томъ, что я не отходилъ отъ отца, о томъ, какъ понравились мнѣ пѣсни и голосъ Матреши и какъ всѣмъ было весело; но я не сказалъ ни слова о томъ, что̀ Матреша говорила мнѣ на-ухо. Я сдѣлалъ это безъ всякихъ предварительныхъ соображеній, точно кто шепнулъ мнѣ, чтобъ я не говорилъ; но послѣ я задумался, и долго думалъ о своемъ поступкѣ, сначала съ грустью и раскаяніемъ, а потомъ успокоился и даже увѣрилъ себя, что маменька огорчилась бы словами Матреши и что мнѣ такъ и должно было поступить. Я очень хорошо замѣтилъ, что мать и безъ того была недовольна моими разсказами. Странно, что по какому-то инстинкту я это предчувствовалъ. Весь этотъ вечеръ и на другой день мать была печальнѣе обыкновеннаго, и я, самъ не зная почему, считалъ себя какъ-будто въ чемъ-то виноватымъ. Я грустилъ и чувствовалъ внутреннее безпокойство. Забывая или, лучше сказать, жертвуя своими удовольствіями и охотами, я проводилъ съ матерью болѣе времени, былъ нѣжнѣе обыкновеннаго. Мать замѣчала эту перемѣну и, не входя въ объясненія, сама была со мною еще ласковѣе и нѣжнѣе. Когда же мнѣ казалось, что мать становилась спокойнѣе и даже веселѣе,—я съ жадностью бросался къ своимъ удочкамъ, ястребамъ и голубямъ. Такъ шло время до самаго отъѣзда.

Я давно зналъ, что мы въ началѣ августа поѣдемъ въ Чурасово къ Прасковьѣ Ивановнѣ, которая непремѣнно хо-

тѣла, чтобы мать увидѣла въ полномъ блескѣ великолѣпный, семидесятинный чурасовскій садъ, заключавшій въ себѣ необъятное количество яблонь самыхъ рѣдкихъ сортовъ, вишенъ, грушъ и даже бергамотъ. Отцу моему очень не хотѣлось уѣхать изъ Багрова въ самую дѣловую пору. Только съ недѣлю, какъ начали жать рожь, а между тѣмъ уже подоспѣлъ ржаной сѣвъ, который тамъ всегда начинался около 25 іюля. Онъ самъ видѣлъ, что послѣ дѣдушки полевыя работы пошли хуже, и хотѣлъ поправить ихъ собственнымъ надзоромъ. Бабушка тоже роптала на нашъ отъѣздъ и говорила: «Проказница, право, Прасковья Ивановна! Пріѣзжай смотрѣть ея сады, а свое хозяйство брось! На меня, Алеша, не надѣйся; я больно плоха становлюсь, да и не смыслю. Я съ новымъ твоимъ старостой и говорить не стану: больно рѣчистъ». Все это мой отецъ понималъ очень хорошо; но ослушаться Прасковьи Ивановны и не исполнить обѣщанія— было невозможно. Отецъ хотѣлъ только оттянуть подалѣе время отъѣзда, вмѣсто 1-го августа ѣхать 10-го, основываясь на томъ, что все лѣто были дожди и что яблоки поспѣютъ только къ Успеньеву дню. Вдругъ получилъ онъ письмо отъ Михайлушки, извѣстнаго повѣреннаго и любимца Прасковьи Ивановны, который писалъ, что, по тяжебному дѣлу съ Богдановыми, отцу моему надобно пріѣхать немедленно въ Симбирскъ и что Прасковья Ивановна приказываетъ ему поскорѣе собраться и Софью Николаевну просить поторопиться. Всѣ хозяйственные разсчеты были оставлены, и мы стали поспѣшно собираться въ путь. Бабушка очень неохотно, хотя уже безпрекословно, отпускала насъ и взяла съ отца слово, что мы къ Покрову воротимся домой. Мнѣ также жалко было разставаться съ Багровымъ и со всѣми его удовольствіями, съ удочкой, съ ястребами, которыми только-что начинали травить, а всего болѣе—съ мохноногими и двуххохлыми голубями, которыхъ двѣ пары недавно подарилъ мнѣ Иванъ Петровичъ Куроѣдовъ, богатый сосѣдъ тётушки Аксиньи Степановны, сватавшійся къ ея дочери, очень красивой дѣвушкѣ, но еще слишкомъ молодой. Тётушка Аксинья Степановна была радехонька такому зятю, но, по молодости невѣсты (ей было ровно 15 лѣтъ), отложила совершеніе этого дѣла на годъ. Женихъ былъ большой охотникъ до голубей и, желая приласкаться къ тётушкинымъ роднымъ,

неожиданно сдѣлалъ мнѣ этотъ драгоцѣнный подарокъ. Всѣ говорили, и отецъ и Евсеичъ, что такихъ голубей сродясь не видывали. Отецъ приказалъ сдѣлать мнѣ голубятню или огромную клѣтку, приставленную къ задней стѣнѣ конюшни, и обтянуть ее старою сѣтью; клѣтка находилась близехонько отъ передняго крыльца, и я безпрестанно къ ней бѣгалъ, чтобы посмотрѣть—довольно-ли корму у моихъ голубей и есть ли вода въ корытцѣ, чтобы взглянуть на нихъ и послушать ихъ воркованье. Одна пара уже сидѣла на яицахъ. Каково же было мнѣ со всѣмъ этимъ разставаться? Милой моей сестрицѣ также не хотѣлось ѣхать въ Чурасово. Но я видѣлъ, что мать собиралась очень охотно. Чтобы не такъ было скучно бабушкѣ безъ насъ, пригласили къ ней Елизавету Степановну съ обѣими дочерьми, которая обѣщала пріѣхать и прожить до нашего возвращенія, чему отецъ очень обрадовался. Въ нѣсколько дней сборы были кончены, и 2-го августа, послѣ утренняго чаю, распростившись съ бабушкой и тётушкой и оставивъ на ихъ попеченіе маленькаго братца, котораго Прасковья Ивановна не велѣла привозить, мы отправились въ дорогу въ той же, знакомой читателямъ, аглицкой мурзахановской каретѣ и, разумѣется, на своихъ лошадяхъ.

Лѣтняя поѣздка въ Чурасово.

Ровно черезъ три года представлялся мнѣ случай снова испытать впечатлѣніе дальней лѣтней дороги. Три года для восьмилѣтняго возраста значатъ очень много, и можно было бы ожидать, что я гораздо живѣе, сознательнѣе, разумнѣе почувствую красоты разнообразной, живописной природы тѣхъ мѣстностей, по которымъ намъ должно было проѣзжать. Но вышло не совсѣмъ такъ. Три года тому назадъ, уѣзжая изъ Уфы въ Багрово, изъ города въ деревню, я точно вырывался изъ тюрьмы на волю. На каждомъ шагу ожидали меня новые, невиданные мною предметы и явленія въ природѣ; самое Багрово, по разсказамъ отца, представлялось мнѣ какимъ-то очаровательнымъ мѣстомъ, похожимъ на тѣ волшебные «Счастливые острова», которые открывалъ Васко де-Гама въ своемъ мореплаваніи, о которыхъ читалъ я въ «Дѣтскомъ Чтеніи». Въ настоящую же минуту я оставлялъ Багрово, которое уже успѣлъ страстно полюбить, оставлялъ всѣ мои охоты—и ѣхалъ въ непріятное мнѣ Чурасово, гдѣ ожидали меня тѣ же двѣ комнаты въ богатомъ, но чужомъ домѣ, которыя прежде мы занимали, и тѣ же вѣчные гости. Садъ съ яблоками, которыхъ мнѣ и ѣсть не давали, меня не привлекалъ; ни уженья, ни ястребовъ, ни голубей, ни свободы вездѣ ходить, вездѣ гулять и все говорить, что захочется; вдобавокъ ко всему, я очень зналъ, что мать не будетъ заниматься и разговаривать со мною такъ, какъ въ Багровѣ, потому что ей будетъ некогда, потому что она или будетъ сидѣть въ гостиной, на балконѣ, или будетъ гулять въ саду съ бабушкой и

гостями, или къ ней станутъ приходить гости; слово «гости» начинало дѣлаться мнѣ противнымъ... Такія мысли бродили у меня въ головѣ, и я печально сидѣлъ рядомъ съ сестрицей, прижавшись въ уголъ кареты. Отецъ также былъ печаленъ; ему такъ же, какъ и мнѣ, жалко было покинуть Багрово, и еще болѣе грустно ему было разстаться съ матерью, моей бабушкой, которая очень хизнула въ послѣднее время, какъ всѣ замѣчали, и которую онъ очень горячо любилъ. Но моя мать была довольна, что уѣхала изъ Багрова; она не любила его и всегда говорила, что всѣ ея болѣзни происходятъ отъ низкаго и сырого мѣстоположенія этой деревни. Послѣ довольно долгаго молчанія, мать обратилась ко мнѣ и сказала: «Что ты забился въ уголъ, Сережа? Ничего не говоришь и въ окошко не смотришь?» Я отвѣчалъ, что мнѣ жалко Багрова, —и высказалъ все, что у меня было на душѣ. Мать старалась меня увѣрить, что Чурасово гораздо лучше Багрова, что тамъ сухой и здоровый воздухъ, что хотя нѣтъ гнилаго пруда, но за то множество чудесныхъ родниковъ, которые бьютъ изъ горы и бѣгутъ по камешкамъ; что въ Чурасовѣ такой садъ, что его въ три дня не исходишь, что въ немъ нѣсколько тысячъ яблонь, покрытыхъ спѣлыми румяными яблоками, что какія тамъ оранжереи, персики, груши, какое множество цвѣтовъ, отъ которыхъ прекрасно пахнетъ, и что, наконецъ, тамъ есть еще много книгъ, которыхъ я не читалъ. Все это мать говорила съ жаромъ и съ увлеченіемъ, и все это въ то же время было совершенно справедливо и я не могъ сказать противъ ея похвалъ ни одного слова; мой умъ былъ совершенно побѣжденъ, но сердце не соглашалось, и когда мать спросила меня: «Не правда ли, что въ Чурасовѣ будетъ лучше?» —я ту-жь минуту отвѣчалъ, что люблю больше Багрово, и что тамъ веселѣе. Мать улыбнулась и сказала: «Ты еще малъ, и ничего кромѣ Багрова не видывалъ, а когда поживешь лѣтомъ въ Чурасовѣ, такъ заговоришь другое». Я отвѣчалъ, что всегда буду то же говорить. «Ты еще глупъ», возразила мнѣ мать съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ. Мнѣ стало еще грустнѣе. Подъ вліяніемъ такихъ-то мыслей и чувствъ продолжалась наша дорога.

Хотя я уже ѣздилъ одинъ разъ въ Чурасово, но мѣстность всего пути была мнѣ совершенно неизвѣстна. Вопервыхъ, потому, что тогда стояла зима, а зимой подъ су-

гробами снѣга ничего не увидишь и не замѣтишь, а во-вторыхъ, потому, что лѣтняя дорога отчасти шла по другимъ, болѣе степнымъ мѣстамъ. Въ первый же день мы ночевали возлѣ татарской деревни «Байтуганъ», на берегу полноводной и очень рыбной рѣки «Сокъ». Разумѣется, подъ каретой были подвязаны четыре удочки съ удилищами; мы съ отцомъ и Евсеичемъ успѣли поудить и выудили много прекрасныхъ окуней, что нѣсколько успокоило наше общее грустное состояніе духа. На другой или на третій день, хорошенько не помню, пріѣхали мы поутру въ огромную слободу пахотныхъ солдатъ, называемую «Краснымъ поселеніемъ», расположенную на рѣкѣ «Кондурчѣ», которая была немного поменьше «Сока», но также красива, омутиста и рыбна. Съѣхавъ съ дороги, мы остановились кормить у самаго моста. Эта кормежка мнѣ очень памятна, потому что ею какъ-то всѣ были довольны. Мы съ отцомъ уже покорились своей судьбѣ и переставали тосковать о Багровѣ. Мать, которой, безъ сомнѣнія, наскучили наши печальныя лица, очень этому обрадовалась и старалась еще болѣе развеселить насъ; сама предложила намъ пойдти удить на мельницу, которая находилась въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ, такъ что шумъ воды, падающей съ мельничныхъ колесъ, и даже гуденье жерновов раздавались въ ушахъ и заставляли насъ говорить громче обыкновеннаго. Не успѣли мы выпрячь лошадей, какъ прибѣжали крестьянскіе мальчики «Краснаго поселенія» и принесли намъ множество крупныхъ раковъ, которые изобильно водились въ небольшихъ озерахъ по «Кондурчѣ». Для насъ съ отцомъ, кромѣ вкуснаго блюда, раки имѣли особенную цѣну: мы запаслись ими для уженья— и не понапрасну. Отецъ и Евсеичъ выудили на раковыя сырыя шейки, въ самое короткое время, очень много и очень крупной рыбы, особенно окуней и небольшихъ жериховъ, которые брали безпрестанно въ глубокой ямѣ подъ вешнякомъ, около свай и кауза. Къ прискорбію моему, я не могъ участвовать въ такого рода уженьѣ: оно было мнѣ еще не по лѣтамъ, и на маленькую свою удочку таскалъ я маленькихъ рыбокъ на мелкомъ, безопасномъ мѣстѣ, сидя на плотинѣ. Когда мы весело возвращались съ богатою добычей, милая сестрица выбѣжала ко мнѣ навстрѣчу съ радостнымъ крикомъ и съ полоскательною чашкой спѣлой ежевики, которую

набрала она (то-есть Параша) по кустамъ мелкой уремы, растущей около живописной Кондурчи. Мать чувствовала себя здоровою и была необыкновенно весела, даже шутлива. Въ тѣни кареты накрыли намъ столъ, составленный изъ досокъ, утвержденныхъ на двухъ отрубкахъ дерева; принесли скамеекъ съ мельницы, и у насъ устроился такой обѣдъ, котораго вкуснѣе и веселѣе, какъ мнѣ казалось тогда, не можетъ быть на свѣтѣ. Когда моя мать была здорова и весела, то всѣ около нея дѣлались веселы; это я замѣчалъ уже и прежде. За этимъ обѣдомъ я совершенно забылъ объ оставленномъ Багровѣ и примирился съ ожидающимъ меня Чурасовымъ. Я былъ увѣренъ, что и мой отецъ чувствовалъ точно то же, потому что лицо его, какъ мнѣ казалось, стало гораздо веселѣе; даже сестрица моя, которая немножко боялась матери, на этотъ разъ также рѣзвилась и болтала, какъ иногда безъ нея.—На слѣдующій день поутру мы пріѣхали въ Вишенки. Зимой я ничего не замѣтилъ, но лѣтомъ увидѣлъ, что это было самое скучное степное мѣсто. Пересыхающая во многихъ мѣстахъ, рѣчка «Берля», запруженная навозною плотиной, безъ чего лѣтомъ не осталось бы и капли воды, загнившая, покрытая какою-то пѣной, была очень не красива, къ тому же берега ея были завалены цѣлыми горами навоза, надъ которыми тянулись ряды крестьянскихъ избъ; кое-гдѣ торчали высокія коромысла колодцевъ; но вода и въ нихъ была мутна и солодковата. Для питья воду доставали довольно далеко изъ маленькаго родничка. И по всему этому плоскому мѣсту не только деревьевъ, даже зеленаго кустика не было, на которомъ могъ бы отдохнуть глазъ. Только въ нижнемъ огородѣ стояли двѣ огромныя ветлы. Впрочемъ селеніе считалось очень богатымъ, чему лучшимъ доказательствомъ служили гумна, полныя копенъ стараго хлѣба, многочисленныя стада коровъ и овецъ и такіе же табуны отличныхъ лошадей. Все это мы увидѣли своими глазами, когда на солнечномъ закатѣ были пригнаны господскія и крестьянскія стада. Страшная пыль долго стояла надъ деревней, и мычанье коровъ и блеянье овецъ долго раздавалось въ вечернемъ воздухѣ. Отецъ мой сказалъ, что еще бóльшая половина равнаго скота ночуетъ въ полѣ. Онъ съ восхищеніемъ говорилъ о хлѣбородной Вишенской землѣ, состоящей въ иныхъ

мѣстахъ изъ трехаршиннаго чернозема. Вечеромъ, говоря со старостой, отецъ мой сказалъ: «Все у васъ хорошо, да воды только нѣтъ. Ошибся дядя Михайла Максимычъ, что не поселилъ деревню версты три пониже: тамъ въ Берлѣ воды уже много, да и мельница была бы у васъ въ деревнѣ». Но староста съ поклономъ доложилъ, что ошибки тутъ не было. «Все вышло отъ нашей глупости, батюшка Алексѣй Степанычъ. Хоша я еще и былъ махонькой, когда насъ со старины сюда переселили, а помню, что не токма у насъ на деревнѣ, да и за пять верстъ выше, въ Берлинскихъ вершинахъ, воды было много, и по всей рѣчкѣ росъ лѣсъ; а старики наши, да и мы за ними, лѣсъ-то весь повырубили, родпички затоптала скотинка, вода-то и пересохла. Вотъ и «Медвѣжій врагъ»—вѣдь какой былъ лѣсъ! и тотъ вывели; остался одинъ молодежникъ — и оглобли не вырубишь. Нончи зато и маемся, топимъ соломой, а на лучину и на крестьянскія подѣлки покупаемъ лѣсъ въ Грязнухѣ». Отецъ мой очень сожалѣлъ объ этомъ и тутъ же приказалъ, чтобы «Мѣдвѣжій врагъ» былъ строго заповѣданъ, о чемъ хотѣлъ немедленно доложить Прасковьѣ Ивановнѣ и обѣщалъ прислать особое отъ нея приказаніе.

Флигель, въ которомъ мы остановились, былъ точно такъ же прибранъ къ пріѣзду управляющаго, какъ и прошлаго года. Точно также, рыцарь грозно смотрѣлъ изъ-подъ забрала своего шлема съ картины, висѣвшей въ той комнатѣ, гдѣ мы спали. На другой картинѣ такъ же лежали синія виноградныя кисти въ корзинѣ, разрѣзанный красный арбузъ съ черными сѣмечками на блюдѣ и наливныя яблоки на тарелкѣ. Но я замѣтилъ перемѣну въ себѣ: картины, которыя мнѣ такъ понравились въ первый нашъ пріѣздъ, показались мнѣ не такъ хороши.

Послѣ обѣда отецъ мой ѣздилъ осматривать хлѣбныя поля; здѣсь уже кончилось ржаное жнитво, потому что хлѣбъ въ Вишенкахъ поспѣваетъ двумя недѣлями ранѣе; зато здѣсь только-что начинали сѣять господскую рожь, а въ Багровѣ отсѣвались. Здѣсь уже съ недѣлю какъ принялись жать яровые: пшеницы и полбы. Поля были очень удалены, на какомъ-то наемномъ участкѣ въ «Орловской степи».*).

*) Названіе «Орловской степи» носила сосѣдственная съ Вишенками земля, отдаваемая внаймы отъ казны, но прежде принадлежавшая графу Орлову.—*С. А.*

Мать не пустила меня, да и отецъ не хотѣлъ взять, опасаясь, что я слишкомъ утомлюсь.

На другой день, выѣхавъ не такъ рано, мы кормили на перевозѣ черезъ чудесную, хотя не слишкомъ широкую рѣку «Черемшанъ», въ богатомъ селѣ Никольскомъ, принадлежавшемъ помѣщику Дурасову. Не переѣзжая на другую сторону рѣки, едва мы успѣли расположиться на песчаномъ берегу, отвязали удочки, достали червей и, по разсказамъ мальчишекъ, удившихъ около парома, хотѣли было идти на какое-то диковинное мѣсто, «гдѣ рыба такъ и хватаетъ, даже берутъ стерляди», какъ явился парадно-одѣтый лакей отъ Дурасова съ покорнѣйшею просьбою *откушать* у него и съ извѣщеніемъ, что сейчасъ пріѣдетъ за нами коляска. Дурасовъ былъ извѣстный богачъ, славился хлѣбосольствомъ и жилъ великолѣпно; прошлаго года онъ познакомился съ нами въ Чурасовѣ у Прасковьи Ивановны. Отецъ и мать сочли неучтивостью отказаться и обѣщали пріѣхать. Боже мой! Какой это былъ для меня ударъ, и вовсе неожиданный! Мелькнула было надежда, что насъ съ сестрицей не возьмутъ; но мать сказала, что боится близости глубокой рѣки, боится, чтобъ я не подбѣжалъ къ берегу и не упалъ въ воду, а какъ сестрица моя къ рѣкѣ не пойдетъ, то приказала ей остаться, а мнѣ переодѣться въ лучшее платье и отправиться въ гости. Скоро пріѣхала щегольская коляска, заложенная четверкой, съ форрейторомъ и съ двумя лакеями. Мы съ отцомъ довольно скоро переодѣлись; мать, устроивъ себѣ уборную въ лубочномъ балаганѣ, гдѣ жили перевощики, одѣвалась долго и вышла такою нарядною, какою я очень давно ея не видѣлъ. Какъ она была хороша, какъ все ей шло къ лицу! Перебирая въ памяти всѣхъ мнѣ извѣстныхъ молодыхъ женщинъ, я опять рѣшилъ, что нѣтъ въ свѣтѣ никого лучше моей матери.

По серединѣ большой площади, съ двухъ боковъ застроенной порядками крестьянскихъ избъ, стояла каменная церковь, по тогдашнему новѣйшей архитектуры. Каменный двухъ-этажный домъ, соединяющійся сквозными колоннадами съ флигелями, составлялъ одну сторону четырехъ-угольнаго двора съ круглыми башнями по угламъ. Всѣ надворныя строенія служили какъ бы стѣнами этому двору; безконечный старый садъ, съ прудами и рѣчкою, примыкалъ къ нему

съ одного боку; главный фасадъ дома выходилъ на рѣку Черемшанъ. Я ничего подобнаго не видывалъ, а потому былъ очень пораженъ и сейчасъ приложилъ къ дѣйствительности, жившія въ моей памяти, описанія рыцарскихъ зàмковъ или загородныхъ дворцовъ англійскихъ лордовъ, читанныя мною въ книгахъ. Любопытство мое возбудилось, воображеніе разыгралось, и я началъ уже на все смотрѣть съ ожиданіемъ чего-нибудь необыкновеннаго. Мы въѣхали на широкій четвероугольный дворъ, посреди котораго былъ устроенъ мраморный фонтанъ и солнечные часы: они были окружены широкими красивыми цвѣтниками съ песчаными дорожками. Великолѣпное крыльцо съ фонарями, вазами и статуями, и еще великолѣпнѣйшая лѣстница, по серединѣ устланная ковромъ, обставленная оранжерейными деревьями и цвѣтами,—превзошли мои ожиданія, и я изъ дворца англійскаго лорда перелетѣлъ въ очаровательный зàмокъ Шехеразады. Въ залѣ встрѣтилъ насъ хозяинъ самаго простаго вида, невысокій ростомъ и немолодой уже человѣкъ. Послѣ обыкновенныхъ учтивостей, онъ подалъ руку моей матери и повелъ ее въ гостиную. Обитая бархатомъ или штофомъ, мебель изъ краснаго дерева съ бронзою, разные диковинные столовые часы, то въ брюхѣ льва, то въ головѣ человѣка, картины въ раззолоченныхъ рамахъ—все было такъ богато, такъ роскошно, что чурасовское великолѣпіе могло назваться бѣдностью въ сравненіи съ никольскимъ дворцомъ. При первыхъ разспросахъ, узнавъ, что мать оставила мою сестрицу на мѣстѣ нашей кормежки, гостепріимный хозяинъ сталъ упрашивать мою мать послать за ней коляску; мать долго не соглашалась, но принуждена была уступить убѣдительнымъ и настоятельнымъ его просьбамъ. Между тѣмъ Дурасовъ предложилъ намъ посмотрѣть его садъ, оранжереи и теплицы. Не трудно было догадаться, что хозяинъ очень любилъ показывать и хвастаться своимъ домомъ, садомъ и всѣми заведеніями; онъ прямо говорилъ, что у него въ Никольскомъ все отличное, а у другихъ дрянь. «Да, у меня и свиньи такія есть, какихъ здѣсь не видывали; я ихъ привезъ въ горницѣ на колесахъ изъ Англіи. У нихъ теперь особый домъ. Хотите посмотрѣть? Онѣ здѣсь недалеко. Я всякій день раза по два у нихъ бываю». Отецъ съ матерью согласились, и мы пошли. Въ самомъ дѣлѣ, въ глухой сторонѣ

сада, стоялъ красивый домикъ. Въ передней комнатѣ жилъ скотникъ и скотница, а въ двухъ большихъ комнатахъ жили двѣ чудовищныя свиньи, каждая величиною съ небольшую корову. Хозяинъ ласкалъ ихъ и называлъ какими-то именами. Онъ особенно обращалъ наше вниманіе на ихъ уши, говоря: «Посмотрите на уши, точно печные заслоны!»—Подивившись на свиней, которыя мнѣ не понравились, а показались страшными, пошли мы по теплицамъ и оранжереямъ: диковинныхъ цвѣтовъ, растеній, винограду и плодовъ было великое множество. Хозяинъ поспѣшилъ намъ сказать, что это фрукты поздней пристановки, и что ранней—всѣ давно сошли. Туда Параша привела мою милую сестрицу, которая, издали увидѣвъ насъ, прибѣжала къ намъ бѣгомъ, а Параша проворно воротилась. Дурасовъ рвалъ безъ разбора всякіе цвѣты и плоды и столько надавалъ намъ, что некуда было дѣвать ихъ. Онъ очень обласкалъ мою сестрицу, которая была удивительно какъ смѣла и мила, называлъ ее красавицей и своей невѣстой.... Это напомнило мнѣ давно прошедшія исторіи съ Волковымъ; и хотя я съ нѣкоторою гордостью думалъ, что былъ тогда глупенькимъ дитятей, и теперь понималъ, что семилѣтняя дѣвочка не можетъ быть невѣстой сорокалѣтняго мужчины; но слово невѣста все-таки непріятно щекотало мое ухо. Только-что воротились мы въ гостиную и сѣли отдохнуть, потому что много ходили, какъ вошелъ человѣкъ богато одѣтый, точно нашъ уфимскій губернаторъ, и доложилъ, что кушанье поставлено. Я сейчасъ спросилъ тихонько мать: «Кто это?» и она успѣла шепнуть мнѣ, что это *главный оффиціантъ*. Я въ первый разъ услышалъ это слово, совершенно не понималъ его, и оно нисколько не рѣшало моего вопроса. Дурасовъ одну руку подалъ матери моей, а другою повелъ мою сестрицу. Пройдя нѣсколько комнатъ, одна другой богаче, мы вошли въ огромную, великолѣпную и очень высокую залу, такъ высокую, что вверху находился другой рядъ оконъ. Небольшой круглый столъ былъ убранъ роскошно: посрединѣ стояло прекрасное дерево съ цвѣтами и плодами; граненый хрусталь, серебро и золото ослѣпили мои глаза. Сестрицу мою хозяинъ посадилъ возлѣ себя и велѣлъ принести для нея вышитую подушку. Только-что подали стерляжью уху, которою заранѣе хвалился хозяинъ, говоря, что лучше черем-

шанскихъ стерлядей нѣтъ во всей Россіи, какъ вдругъ задняя стѣна залы зашевелилась, поднялась вверхъ, и громъ музыки поразилъ мои уши! Передо мною открылось возвышеніе, на которомъ сидѣло множество людей, державшихъ въ рукахъ неизвѣстные мнѣ иструменты. Я не слыхивалъ ничего, кромѣ скрипки, на которой кое-какъ игрывалъ дядя, лакейской балалайки и мордовской волынки. Я былъ подавленъ изумленіемъ, уничтоженъ. Держа ложку въ рукѣ, я превратился самъ въ статую и смотрѣлъ, разиня ротъ и выпуча глаза, на эту кучу людей, то-есть на оркестръ, гдѣ всѣ проворно двигали руками взадъ и впередъ, дули ртами, и откуда вылетали чудные, восхитительные волшебные звуки, то какъ-будто замиравшіе, то превращавшіеся въ ревъ бури и даже громовые удары.... Хозяинъ, замѣтя мое изумленіе, былъ очень доволенъ и громко хохоталъ, напоминая мнѣ, что уха простынетъ. Но я и не думалъ объ ѣдѣ. Матери моей было непріятно мое смущеніе, или, лучше сказать, мое изумленіе, и она шепнула мнѣ, чтобъ я пересталъ смотрѣть на музыкантовъ, а ѣлъ.... Трудно было мнѣ вполнѣ повиноваться! Черпая ложкой уху, я безпрестанно заглядывался на оркестръ музыкантовъ и безпрестанно обливался. Дурасовъ еще громче хохоталъ, отецъ улыбался, а мать краснѣла и сердилась. Сестрица моя сначала также была удивлена, но потомъ сейчасъ успокоилась, принялась кушать и смѣялась глядя на меня. Немного съѣлъ я диковинной ухи и сдалъ почти полную тарелку. Музыка прекратилась. Всѣ хвалили искусство музыкантовъ. Я принялся-было усердно ѣсть какое-то блюдо, котораго я никогда прежде не ѣлъ, какъ вдругъ на возвышеніи показались двѣ дѣвицы, въ прекрасныхъ бѣлыхъ платьяхъ, съ голыми руками и шеей, всѣ въ завитыхъ локонахъ; держа въ рукахъ какіе-то листы бумаги, онѣ подошли къ самому краю возвышенія, низко присѣли (я отвѣчалъ имъ поклономъ) и принялись пѣть. Мой поклонъ вызвалъ новый хохотъ у Дурасова и новую краску на лицо матери. Но пѣніе меня не увлекло: слова были мнѣ не понятны, а напѣвы еще менѣе. Я вспомнилъ пѣсни нашихъ горничныхъ дѣвушекъ и рѣшилъ, что Матреша поетъ гораздо лучше. Вслѣдствіе такого рѣшенія, я сталъ заниматься кушаньемъ и до конца обѣда уже не привлекъ на себя вниманія хозяина. Прежнимъ порядкомъ

воротились мы въ гостиную. Послѣ кофе Дурасовъ предложилъ-было намъ катанье на лодкѣ, съ роговою музыкой, по Черемшану, приговаривая, что «такихъ роговъ ни у кого нѣтъ»; но отецъ съ матерью не согласились, извиняясь тѣмъ, что имъ необходимо завтра рано поутру переправиться черезъ Волгу. Дурасовъ не сталъ долѣе удерживать; очень ласково простился съ нами, расцѣловалъ мою сестрицу и проводилъ насъ до коляски, которая была нагружена цвѣтами, плодами и двумя огромными сверткамп конфектъ.

Воротясь, мы поспѣшили переодѣться и пустились въ дальнѣйшій путь. Во всю дорогу, почти до самой ночевки, я не переставалъ допрашивать отца, и особенно мать, обо всемъ слышанномъ и видѣнномъ мною въ этотъ день. Отвѣты вели къ новымъ вопросамъ, и объясненія требовали новыхъ объясненій. Наконецъ, я такъ надоѣлъ матери, что она велѣла мнѣ болѣе не разспрашивать ее объ Никольскомъ. Я обратился къ отцу и вполголоса продолжалъ говорить съ нимъ о томъ же, сообщая при случаѣ и мои собственныя замѣчанія и догадки. Вполнѣ неразрѣшенными вопросами остались: отчего вода изъ фонтана била вверхъ? Отчего солнечные часы показываютъ время, какъ они устроены, и что такое значитъ возвышеніе, на которомъ сидѣли музыканты? Когда же я спросилъ, кто такія эти красавицы-барышни, которыя пѣли, отецъ отвѣчалъ мнѣ, что это были крѣпостныя горничныя дѣвушки Дурасова, выученныя пѣнію въ Москвѣ. Что же онѣ такое пѣли и на какомъ языкѣ—этого опять не знали мой отецъ и мать. Когда рѣчь дошла до хозяина, то мать вмѣшалась въ нашъ разговоръ и сказала, что онъ человѣкъ добрый, недальній, необразованный и въ то же время самый тщеславный, что онъ, увидѣвъ въ Москвѣ и Петербургѣ, какъ живутъ роскошно и пышно знатные богачи, захотѣлъ и самъ такъ же жить, а какъ устроить ничего не умѣлъ, то и нанялъ себѣ разныхъ мастеровъ, нѣмцевъ и французовъ, но увидѣвъ, что дѣло не ладится, пріискалъ какого-то промотавшагося господина, чуть ли не князя, для того, чтобъ онъ завелъ въ его Никольскомъ все на барскую ногу; что Дурасовъ очень богатъ и не щадитъ денегъ на свои затѣи; что нѣсколько разъ въ годъ онъ даетъ такіе праздники, на которые съѣзжается къ нему вся губернія. Мать пожурила меня, зачѣмъ я былъ такъ смѣшонъ, когда услы-

шалъ музыку: «Ты точно былъ крестьянскій мальчикъ, который съ роду ничего не видывалъ, кромѣ своей избы, и котораго привели въ господскій домъ». Я отвѣчалъ, что я точно съ роду ничего подобнаго не видывалъ, и потому и былъ такъ удивленъ. Мать возразила, что не надобно показывать своего удивленія; а я спросилъ, для чего не надобно его показывать. «Для того, что это было смѣшно, а мнѣ стыдно за тебя», сказала мать. У меня вертѣлось на умѣ и на языкѣ новое возраженіе въ видѣ вопроса, но я замѣтилъ, что мать сердится, и замолчалъ; мы же въ это самое время пріѣхали на ночевку въ деревню «Красный Яръ», въ двѣнадцати верстахъ отъ Симбирска и въ десяти отъ переправы черезъ Волгу. Мы должны были поспѣть на перевозъ на солнечномъ восходѣ, чтобы переправиться черезъ рѣку въ тихое время, потому что каждый день, какъ только солнышко обогрѣетъ, разъигрывался сильный вѣтеръ.

Проснувшись рано поутру, я увидѣлъ, что наша карета отпряжена и стоитъ на отлогомъ песчаномъ берегу. Солнышко только-что взошло. Было очень прохладно, и даже въ каретѣ пахло какой-то особенной свѣжею сыростью, которая чувствуется только на песчаныхъ берегахъ большихъ рѣкъ. Это совсѣмъ не то, что сырость отъ прудовъ или болотъ, всегда имѣющая непріятный запахъ. Двухверстная, быстро текущая ширина Волги поразила меня, и я съ ужасомъ смотрѣлъ на это пространство, которое надобно намъ переплыть. Насъ одѣли потеплѣе и посадили на опрокинутую лодку. По берегамъ тянулись, какъ узоры, слѣды сбѣжавшихъ волнъ, и можно было видѣть, какъ хлестали и куда доставали онѣ во время бури. Это были гладкія окраины изъ крупнаго песка и мелкой гальки. Стаи мартышекъ съ крикомъ вились надъ водой, падая иногда на нее и ныряя, чтобы поймать какую-нибудь рыбку. Симбирскъ съ своими церквами и каменнымъ губернаторскимъ домомъ, на высокой горѣ, покрытой сплошными плодовитыми садами, представлялъ великолѣпный видъ; но я мало обращалъ на него вниманія. Около меня кипѣла шумная суматоха. На перевозѣ ночевало много народу, и уже одна большая завозня, биткомъ набитая лошадьми и телѣгами съ приподнятыми передками и торчащими вверхъ оглоблями, чернѣлась на серединѣ Волги, а другая торопливо гру-

зилась, чтобы воспользоваться *благополучнымъ временемъ*. Перевощиковъ изъ деревни «Часовни», лежащей на берегу, набѣжало множество, предлагая намъ свои услуги. У нихъ былъ какой-то староста, который говорилъ моему отцу, чтобъ онъ не всѣмъ вѣрилъ и что многіе изъ нихъ вовсе не перевощики, и чтобы мы положились во всемъ на него. Нагрузилась до послѣдней возможности и другая завозня, отвязали причалы, оттолкнулись отъ пристани и тихо пошли на шестахъ вверхъ по рѣкѣ, держась около берега. Подвели третью завозню, самую лучшую и прочную, какъ увѣряли, поставили нашу карету, кибитку и всѣхъ девять лошадей. Непривыкшіе къ подобнымъ переправамъ, добрые наши кони храпѣли и фыркали; привязать ихъ къ каретѣ или перекладинамъ, которыми съ двухъ сторонъ загораживали завозню, было невозможно, и каждую пару держали за поводья наши кучера и люди: съ нами остались только Евсеичъ да Параша. Никому изъ постороннихъ не позволили грузиться, и вотъ тронулась и наша завозня, и тихо пошла вверхъ, также на шестахъ. «Взводись выше, молодцы! кричалъ съ берега староста; — надо убить прямо на перевозъ». Не равнодушно смотрѣлъ я на эту картину и со страхомъ замѣчалъ, что вѣтерокъ, который сначала едва тянулъ съ восхода, становился сильнѣе, и что поверхность Волги безпрестанно мѣняла свой цвѣтъ, то темнѣла, то свѣтлѣла — и крупная рябь безконечными полосами бороздила ея мутную воду. Проворно подали большую косную лодку, шестеро гребцовъ сѣли въ вёсла, самъ староста или хозяинъ сталъ у кормоваго весла. Насъ подхватили подъ руки, перевели и перенесли въ это легкое судно; мы разсѣлись по лавочкамъ на самой его серединѣ, оттолкнулись, и лодка, скользнувъ по водѣ, тихо поплыла, сначала также вверхъ; но проплывъ саженей сто, хозяинъ громко сказалъ: «Шапки долой, призывай Бога на помочь!» Всѣ и онъ самъ сняли шапки и перекрестились; лодка на минуту пріостановилась. «Съ Богомъ, на перебой, работайте молодцы», проговорилъ кормщикъ, и налегши обѣими руками и всѣмъ тѣломъ на рукоятку тяжелаго кормоваго весла, опустя ее до самаго дна кормы, и такимъ образомъ поднявъ нижній конецъ, онъ перекинулъ весло на другую сторону и повернулъ носъ лодки поперекъ Волги. Гребцы дружно легли въ вёсла, и мы быстро

понеслись. Страхъ давно уже овладѣвалъ мною; но я боролся съ нимъ и скрывалъ, сколько могъ; когда же берегъ сталъ уходить изъ глазъ моихъ, когда мы попали на *стрежень* рѣки, и страшная громада воды, вертящейся кругами, стремительно текущей съ непреодолимою силою, обхватила со всѣхъ сторонъ и понесла внизъ, какъ щепку, нашу косную лодочку,—я не могъ долѣе выдерживать, закричалъ, заплакалъ и спряталъ свое лицо на груди матери. Глядя на меня, заплакала и сестрица. Отецъ смѣялся, называя меня трусишкой; а мать, которая и въ бурю не боялась воды, сердилась и доказывала мнѣ, что нѣтъ ни малѣйшей причины бояться. Пролежавъ нѣсколько времени съ закрытыми глазами и понимая, что это стыдно, я сталъ понемногу открывать глаза, и съ радостью замѣтилъ, что гора съ Симбирскомъ приближалась къ намъ. Сестрица уже успокоилась и весело болтала. Страхъ мой началъ проходить; подплывая же къ берегу, я развеселился, что̀ всегда со мной бывало послѣ какого-нибудь страха. Мы вышли на крутой берегъ и сѣли на толстыя брёвна, какихъ тамъ много лежало. Завозня съ нашей каретой плыла еще по срединѣ Волги; маханье веслами казалось издали ребячьей игрушкой и повидимому нисколько завозни къ намъ не приближало. Вѣтеръ усиливался, карета парусила, и всѣ утверждали, что нашихъ порядочно снесетъ внизъ. Около насъ, по крутому скату, были построены лубочныя лавочки, въ которыхъ продавали калачи, пряники, квасъ и великое множество яблокъ. Мать, которая очень ихъ любила, пошла сама покупать, но нашла, что яблоки продавались не совсѣмъ спѣлыя, и сказала, что это все *падаль*; кое-какъ однако нашла она съ десятокъ спѣлыхъ, и выбравъ одно яблоко, очень сладкое, разрѣзала его, очистила и дала намъ съ сестрицей по половинѣ. Я вообще мало ѣдалъ сырыхъ плодовъ, и яблоко показалось мнѣ очень вкуснымъ. Въ ожиданіи завозни, отецъ мой, особенно любившій рыбу, поѣхалъ на рыбачьей лодкѣ къ прорѣзямъ и привезъ цѣлую связку нанизанныхъ на лычко стерлядей, чтобы въ Симбирскѣ сварить изъ нихъ уху. Я и не думалъ проситься съ отцомъ: меня бы, конечно, не пустили, да я и самъ боялся маленькой лодочки, но зато я съ большимъ удовольствіемъ разсмотрѣлъ стерлядокъ; живыхъ мнѣ еще не удавалось видѣть и я выпросилъ позволеніе подержать ихъ по крайней мѣрѣ въ рукахъ. Въ ближай-

шей церкви раздался благовѣстъ, и колокольный звонъ, котораго я давно не слыхалъ и какъ - то даже мало замѣчалъ въ Уфѣ, поразилъ мое ухо и очень пріятно отозвался у меня въ душѣ. Наконецъ, и наша завозня, съ каретой и лошадьми, которую точно нѣсколько снесло, причалила къ пристани; экипажи выгрузили и стали запрягать лошадей; отецъ расплатился за перевозъ, и мы пошли пѣшкомъ на гору. Симбирская гора или, лучше сказать, подъемъ на Симбирскую гору, высокую, крутую и косогористую, былъ тогда такимъ тяжелымъ дѣломъ, что даже въ сухое время считали его болѣе затруднительнымъ, чѣмъ самую переправу черезъ Волгу; во время же грязи, для тяжелаго экипажа это было препятствіе, къ преодолѣнію котораго требовались неимовѣрныя усилія; это былъ подвигъ, даже не безопасный. По счастью, погода стояла сухая. Когда мы взошли на первый взлобокъ горы, карета догнала насъ: чтобъ остановиться какъ-нибудь на косогорѣ и дать вздохнуть лошадямъ, надобно было подтормозить оба колеса и подложить подъ нихъ камни или полѣнья, которыми мы запаслись: безъ того карета стала бы катиться назадъ. Потомъ всѣ взошли, пѣшкомъ же, на другую крутизну, на которой также кое-какъ остановили карету. Мать устала и не могла болѣе идти, и потому со мной и съ моей сестрицей сѣла въ экипажъ, а всѣ прочіе пошли пѣшкомъ. Крѣпкія и сильныя наши лошади были всѣ въ мылѣ и такъ тяжело дышали, что мнѣ жалко было на нихъ смотрѣть. Такимъ образомъ, останавливаясь нѣсколько разъ на каждомъ удобномъ мѣстѣ, поднялись мы благополучно на эту исполинскую гору*). У бабушки Прасковьи Ивановны былъ свой домъ въ Симбирскѣ, въ который она однако никогда не въѣзжала. Мы остановились въ немъ. Домъ былъ по тогдашнему прекрасный, хорошо убранъ и увѣшанъ картинами, до которыхъ покойный Михайло Максимычъ, какъ видно, былъ большой охотникъ. Еслибъ я не видѣлъ Никольскаго, то и этотъ домъ показался бы мнѣ богатымъ и роскошнымъ; но послѣ никольскаго дворца я нашелъ его не стоющимъ вниманія. — Отецъ съ матерью ни съ кѣмъ въ Сибирскѣ не видѣлись; выкормили только лошадей да поѣли стерляжьей

---

*) Впослѣдствіи этотъ взъѣздъ понемногу срывали, и онъ годъ отъ году становился положе и легче; но только недавно устроили его окончательно, то-есть сдѣлали вполнѣ удобнымъ, спокойнымъ и безопаснымъ. *С. А.*

ухи, которая показалась мнѣ лучше, чѣмъ въ Никольскомъ, потому-что той я почти не ѣлъ, да и вкуса ея не замѣтилъ: до того ли мнѣ было?... Часа въ два мы выѣхали изъ Симбирска въ Чурасово, и на другой день около полденъ туда пріѣхали.

Прасковья Ивановна давно ожидала насъ и чрезвычайно намъ обрадовалась; особенно она ласкала мою мать и говорила ей: «Я знаю, Софья Николаевна, что если бы не ты, то Алексѣй не собрался бы подняться изъ Багрова въ дѣловую пору; да чай и Арина Васильевна не пускала. Ну, теперь покажу я тебѣ свой садъ во всей его красотѣ. Яблоки только-что поспѣли, а иныя еще поспѣваютъ. Какъ нарочно, урожай отличный. Посмотрю я, какая ты охотница до яблокъ?» Мать съ искреннею радостью обнимала привѣтливую хозяйку и говорила, что еслибъ отъ нея зависѣло, то она не выѣхала бы изъ Чурасова. Александра Ивановна Ковригина также очень обрадовалась намъ и сейчасъ послала сказать Миницкимъ, что мы пріѣхали. Гостей на этотъ разъ никого не было, но скоро ожидали многихъ. Прасковья Ивановна, не давъ намъ опомниться и отдохнуть послѣ дороги, сейчасъ повела въ свой садъ. Въ самомъ дѣлѣ садъ былъ великолѣпенъ: яблони, въ безчисленномъ количествѣ, обремененныя всѣми возможными породами спѣлыхъ и поспѣвающихъ яблокъ, блиставшихъ яркими красками, гнулись подъ ихъ тяжестью; подъ многія вѣтви были подставлены подпорки, а нѣкоторыя были привязаны къ стволу дерева, безъ чего онѣ бы сломились отъ множества плодовъ. Сильные родники били изъ горы по всему скату и падали по уступамъ натуральными каскадами, журчали, пѣнились и потомъ текли прозрачными, красивыми ручейками, освѣжая воздухъ и оживляя мѣстность. Прасковья Ивановна была неутомимый ходокъ; она водила насъ до самаго обѣда, то къ любимымъ родникамъ, то къ любимымъ яблонямъ, съ которыхъ сама снимала, какой-то длинною рогулькою, лучшія спѣлыя яблоки и подчивала насъ. Мать въ самомъ дѣлѣ была большая охотница до яблокъ и ѣла ихъ такъ много, что хозяйка наконецъ перестала потчивать, говоря: «Ты этакъ пожалуй обѣдать не станешь». Старый буфетчикъ Иванушка уже два раза приходилъ съ докладомъ, что кушанье простынетъ. Мы не исходили и по-

ловины сада, но должны были воротиться. Мы прямо прошли въ столовую и сѣли за обѣдъ. Въ первый разъ случилось, что и насъ съ сестрицей въ Чурасовѣ посадили за одинъ столъ съ большими. Съ этихъ поръ мы уже всегда обѣдали вмѣстѣ, чѣмъ мать была особенно довольна. Прасковья Ивановна была такъ весела, такъ разговорчива, проста и пряма въ своихъ рѣчахъ, такъ добродушно смѣялась, такъ ласково на насъ смотрѣла, что я полюбилъ ее гораздо больше прежняго. Она показалась мнѣ совсѣмъ другою женщиной, какъ-будто я въ первый разъ ее увидѣлъ. Мы по-прежнему заняли кабинетъ и дѣтскую, то-есть, бывшую спальню, но уже не были стѣснены постояннымъ сидѣньемъ въ своихъ комнатахъ, и стали иногда ходить и бѣгать вездѣ; вѣроятно отсутствіе гостей было этому причиной, но впослѣдствіи и при гостяхъ продолжалось то же. На другой день пріѣхали изъ своей «Подлѣсной» Миницкіе, которыхъ никто не считалъ за гостей. Они встрѣтились съ моимъ отцомъ и матерью, какъ искренніе друзья, Точно такъ, какъ и вчера, мы всѣ вмѣстѣ съ Миницкими, до самаго обѣда, осматривали остальную половину сада, осмотрѣли также оранжереи и грунтовые сараи; но Прасковья Ивановна до нихъ была не большая охотница. Она любила все растущее привольно, на открытомъ, свѣжемъ воздухѣ, а все добытое такимъ трудомъ, все искусственное ей не нравилось; она только терпѣла оранжереи и теплицы, и то единственно потому, что онѣ были уже заведены прежде. Въ Чурасовскомъ саду всего болѣе нравились мнѣ родники, въ которыхъ я находилъ, между камешками, множество такъ называемыхъ чертовыхъ пальцевъ необыкновенной величины; у меня составилось ихъ такое собраніе, что не помѣщалось на одномъ окошкѣ. Впрочемъ, это удовольствіе скоро мнѣ наскучило, а яблонный садъ—еще болѣе, и я сталъ съ грустью вспоминать о Багровѣ, гдѣ въ это время отлично клевали окуни и гдѣ охотники всякій день травили ястребами множество перепелокъ. Гораздо больше удовольствія доставляли мнѣ книги, которыя я читалъ съ большею свободою, чѣмъ прежде. Тутъ прочелъ я нѣсколько романовъ, какъ-то: «Векфильдскій священникъ», «Гербертъ, или прощай богатство». Особенно понравилась мнѣ своею таинственностью «Желѣзная маска»: интересъ

увеличивался тѣмъ, что это была не выдумка, а истинное происшествіе, какъ увѣрялъ сочинитель.

Отецъ мой, побывавъ въ Старомъ Багровѣ, уѣхалъ хлопотать по дѣламъ въ Симбирскъ и Лукояновъ. Онъ оставался тамъ опять гораздо болѣе назначеннаго времени, чѣмъ мать очень огорчалась.

Между тѣмъ опять начали наѣзжать гости въ Чурасово и опять началась та же жизнь, какъ и въ прошломъ году. Въ этотъ разъ я узналъ и разглядѣлъ эту жизнь поближе, потому что мы съ сестрицей всегда обѣдали вмѣстѣ съ гостями и гораздо чаще бывали въ гостиной и диванной. Въ гостиной обыкновенно играли въ карты люди пожилые и болѣе молчали, занимаясь игрою, а въ диванной сидѣли всѣ неиграющіе, по большой части молодые; въ ней было всегда шумнѣе и веселѣе, даже пѣли иногда романсы и русскія пѣсни. До сихъ поръ осталось у меня въ памяти нѣсколько куплетовъ пѣсенки князя Хованскаго, которую очень любила пѣть сама Прасковья Ивановна. Вотъ эти куплеты:

Пастухи бѣгутъ ко стаду,
Всякъ съ подружкою своей;
Мнѣ твердить лишь то въ досаду:
Нѣтъ, здѣсь нѣтъ твоихъ друзей.

На поля зефиры мчатся
И опять летятъ съ полей;
Шумомъ ихъ слова твердятся:
Нѣтъ, здѣсь нѣтъ твоихъ друзей.

Травка, быліе, цвѣточекъ,
Желты классы, видъ полей,
Всякій мнѣ твердитъ листочекъ:
Нѣтъ, здѣсь нѣтъ твоихъ друзей.

Такъ, ихъ нѣтъ со мной, конечно,
Нѣтъ друзей души моей!
Я мученіе сердечно
Безъ моихъ терплю друзей.

И эти бѣдныя вирши (напечатанныя, кажется, въ «Аонидахъ») не только въ пѣніи, гдѣ мелодія и голосъ пѣвца или пѣвицы придаютъ достоинство и плохимъ словамъ, но даже въ чтеніи производили на меня живое и грустное впечатлѣніе. Я выучилъ ихъ наизусть и читалъ съ большимъ увлеченіемъ; окружающіе хвалили меня. Мать сказала объ этомъ Прасковьѣ Ивановнѣ, и она очень была довольна, что мнѣ такъ нравится любимая ея пѣсня. Она заставила меня прочесть ее вслухъ при гостяхъ въ диванной и очень меня хва-

лила. Съ этихъ поръ я сталъ пользоваться ея особенною благосклонностью.

Чурасовская лакейская и дѣвичья, по-прежнему или даже болѣе, возбуждали опасенія моей матери и она заранѣе взяла всѣ мѣры, чтобы предохранить меня отъ вредныхъ впечатлѣній. Она строго приказала мнѣ ни съ кѣмъ не разговаривать, не вслушиваться въ рѣчи лакеевъ и даже не смотрѣть на ихъ неприличное между собой обращеніе. Евсеичу и Парашѣ было приказано отдалять насъ отъ чурасовской прислуги. Но исполненіе такихъ приказаній трудно, и никогда нельзя на него полагаться. Ушей не заткнешь и глазъ не зажмуришь, а услыхавъ или увидавъ кое-что новое и любопытное, — захочешь услышать или увидѣть продолженіе. Самая строгость запрещенія подстрекала любопытство, и я невольно обращалъ вниманіе на многое, чего мнѣ не надо было ни слышать, ни видѣть. Опасаясь, чтобы не вышло какихъ-нибудь непріятныхъ исторій, сходныхъ съ исторіей Параши, а главное, опасаясь, что мать будетъ бранить меня, я не все разсказывалъ ей, оправдывая себя тѣмъ, что она сама позволила мнѣ не сказывать тётушкѣ Татьянѣ Степановнѣ о моемъ посѣщеніи ея заповѣднаго амбара. Дѣти необыкновенно памятливы, и часто неосторожно сказанное при нихъ слово служитъ имъ поощреніемъ къ такого рода поступкамъ, которыхъ они не сдѣлали бы, не услыхавъ этого ободрительнаго слова.

Я всегда предпочиталъ дѣтскому обществу общество людей взрослыхъ, но въ Чурасовѣ оно какъ-то меня не удовлетворяло. Сидя въ диванной и внимательно слушая, о чемъ говорили, чему такъ громко смѣялись, я не могъ понять, какъ не скучно было говорить о такихъ пустякахъ. Ничто не возбуждало моего сочувствія, и всѣ разсказы разныхъ анекдотовъ о сосѣдяхъ, видно очень смѣшные, потому что всѣ смѣялись,—казались мнѣ незанимательными и незабавными. Я пробовалъ даже сидѣть въ гостиной подлѣ играющихъ въ карты; но и тамъ мнѣ было скучно, потому, что я не понималъ игры, не понималъ словъ и не понималъ споровъ играющихъ, которые иногда довольно горячились. Любимыми гостями Прасковьи Ивановны были: Александръ Михайлычъ Карамзинъ и Никита Никитичъ Философовъ, женатый на его сестрѣ. Карамзина всѣ называли богатыремъ,

и въ самомъ дѣлѣ рѣдко можно было встрѣтить человѣка такого крѣпкаго, могучаго сложенія. Онъ былъ высокъ ростомъ, необыкновенно широкъ въ плечахъ, довольно толстъ и въ то же время очень строенъ; грудь выдавалась у него впередъ колесомъ, какъ говорится; нравъ имѣлъ онъ горячій и веселый; нерѣдко показывалъ онъ свою богатырскую силу, играя двухпудовыми гирями, какъ легкими шариками. Одинъ разъ, въ припадкѣ веселости, схватилъ онъ толстую и высокую Дарью Васильевну, и началъ метать ею, какъ ружьемъ, солдатскій артикулъ. Отчаянный крикъ испуганной старухи, у которой свалился платокъ и волосникъ съ головы и сѣдыя косы растрепались по плечамъ, поднялъ изъ-за картъ всѣхъ гостей, и долго общій хохотъ раздавался по всему дому; но мнѣ жалко было бѣдной Дарьи Васильевны, хотя я и думалъ въ то же время о томъ, какой бы чудесный рыцарь вышелъ изъ Карамзина, если бы надѣть на него латы и шлемъ и дать ему въ руки щитъ и копье. Н. Н. Философовъ былъ небольшаго роста, но очень живъ и ловокъ. Языкъ его называли бритвой; онъ шутилъ безпрестанно, и я часто слыхалъ выраженіе, что онъ «мертваго разсмѣшитъ». Но повторяю, что все это какъ-то мало меня занимало, и я обратился къ дѣтскому обществу милой моей сестрицы, отъ котораго сначала удалялся. Ей было не скучно въ это время, потому что въ Чурасовѣ постоянно гостили двѣ дочери Миницкихъ, съ которыми она очень подружилась. Старшая изъ нихъ А. П. была мнѣ ровесница и такъ же, какъ я, очень любила читать книжки. Она привезла съ собой тетрадку стихотвореній князя Ив. М. Долгорукова. Она очень любила его стихи и предпочитала всѣмъ другимъ стихамъ, которые слышала отъ меня. Я горячо вступался за своихъ, извѣстныхъ мнѣ стихотворцевъ, выученныхъ мною почти наизусть, и у насъ выходили прежаркіе споры. Противница моя не соглашалась со мной, и я, чтобъ отмстить ей за оскорбленную честь любимыхъ мною сочинителей, бранилъ кн. Долгорукова, хотя, сказать по правдѣ, онъ мнѣ очень нравился *), особенно стихи: «Бѣдняку», начинающіеся такъ:

---

*) Надобно признаться, что и теперь, не между дѣтьми, а между взрослыми, заслуженными литераторами и дилеттантами литературы, очень часто происходитъ точно то же. *Прим. А. С.*

Парѳенъ! напрасно ты вздыхаешь
О томъ, что долженъ жить въ степи,
Гдѣ съ горя, скуки изнываешь.
Ты бѣденъ—слѣдственно терпи.

Блаженство даромъ достается
Такимъ, какъ ты,—на небеси;
А здѣсь съ поклона все дается.
Ты бѣденъ—слѣдственно терпи! и пр.

Потихоньку, я выучилъ лучшія его стихотворенія наизусть. Дѣло доходило иногда до ссоры, но не надолго: на мировой мы обыкновенно читали наизусть стихи того же князя Долгорукова подъ названіемъ «Споръ». Рѣчь шла о достоинствѣ солнца и луны. Я восторженно декламировалъ похвалы солнцу, а Миницкая повторяла одинъ и тотъ же стихъ, которымъ заканчивался почти каждый куплетъ: «Все такъ, да мнѣ луна милѣй». Вотъ какъ мы это дѣлали:

Я.

Лучъ солнца грѣетъ и питаетъ;
Что можетъ быть его свѣтлѣй?
Онъ съ неба въ руды проникаетъ ...

Миницкая.

«Все такъ, да мнѣ луна милѣй».

Я.

Когда весной оно проглянетъ
И верхъ озолотитъ полей,
Все вдругъ цвѣсти, рождаться станетъ....

Миницкая.

«Все такъ, да мнѣ луна милѣй» и пр. и пр.

Потомъ Миницкая читала послѣдующіе куплеты въ похвалу лунѣ, а я—окончательные четыре стиха, въ которыхъ вполнѣ выражается любезность князя Долгорукова:

«Впередъ не спорь, да будь умнѣе
И знай, пустая голова,
Что всякой логики сильнѣе
Любезной женщины слова».

Изъ такого чтенія выходило что-то драматическое. Я много и усердно хлопоталъ, передавая мои литературныя убѣжденія, наконецъ довелъ свою противницу до нѣкоторой уступки; она защищала кн. Долгорукова его же стихомъ и

говорила на-распѣвъ звучнымъ голосомъ своимъ, не заботясь о мѣрѣ:

«Все такъ, да Долгорукой мнѣ милѣй!»

Долгое отсутствіе моего отца, сильно огорчавшее мою мать, заставило Прасковью Ивановну послать къ нему на помощь своего главнаго управляющаго Михайлушку, который въ то же время считался въ Симбирской губерніи первымъ повѣреннымъ, ходокомъ по тяжебнымъ дѣламъ: онъ былъ лучшій ученикъ нашего слѣпаго Пантелея. Не говоря ни слова моей матери, Прасковья Ивановна написала письмецо къ моему отцу и приказала ему сейчасъ пріѣхать. Отецъ мой немедленно исполнилъ приказаніе и, оставя вмѣсто себя Михайлушку, пріѣхалъ въ Чурасово. Мать обрадовалась, но радость ея очень уменьшилась, когда она узнала, что отецъ пріѣхалъ *по приказанію тётушки*. Я слышалъ кое-какіе объ этомъ непріятные разговоры. Черезъ нѣсколько дней, при мнѣ, мой отецъ сказалъ Прасковьѣ Ивановнѣ: «Я исполнилъ, тётушка, вашу волю; но если я оставлю дѣло безъ моего надзора, то я его проиграю». Прасковья Ивановна отвѣчала, что это все вздоръ, и что Михайлушка побольше смыслитъ въ дѣлахъ. Отецъ мой остался, но весьма неохотно. Предсказаніе его сбылось: недѣли черезъ двѣ Михайлушка воротился и объявилъ, что дѣло рѣшено въ пользу Богдановыхъ. Отецъ мой пришелъ въ отчаяніе, и всѣ увѣренія Михайлушки, что это ничего не значитъ, что дѣло окончательно должно рѣшиться въ сенатѣ (это говорилъ и нашъ Пантелей), что тратиться въ низшихъ судебныхъ мѣстахъ — напрасный убытокъ, потому что въ случаѣ выгоднаго для насъ рѣшенія, противная сторона взяла бы дѣло на апелляцію и перенесла бы его въ сенатъ, и что теперь это самое слѣдуетъ сдѣлать намъ,—нисколько не успокоивали моего отца. Прасковья Ивановна и мать соглашались съ Михайлушкой, и мой отецъ долженъ былъ замолчать. Михайлушкѣ поручено было немедленно выхлопотать копію съ рѣшенія дѣла, потому что прошеніе въ сенатъ долженъ былъ сочинить повѣренный, Пантелей Григорьичъ, въ Багровѣ.

Между тѣмъ наступалъ конецъ сентября и отецъ доложилъ Прасковьѣ Ивановнѣ, что намъ пора ѣхать, что къ Покрову онъ обѣщалъ воротиться домой, что матушка все

нездорова и становится слаба; но хозяйка наша не хотѣла и слышать о нашемъ отъѣздѣ. «Все пустое, говорила она,— матушка твоя совсѣмъ не слаба, и ей съ дочками не скучно, да и внучекъ ей оставленъ на утѣшеніе. Я отпущу васъ къ вашему празднику, къ Знаменью». Отецъ мой докладывалъ, что до Знаменья, то-есть до 27-го ноября, еще слишкомъ два мѣсяца и что въ половинѣ ноября всегда становится зимній путь, а мы пріѣхали въ каретѣ. Прасковья Ивановна признала такое возраженіе справедливымъ и сказала: «Ну, такъ и быть, отпускаю васъ къ Михайлину дню». Какъ ни хотѣлось моему отцу исполнить обѣщаніе, данное матери, горячо имъ любимой, какъ ни хотѣлось ему въ Багрово, въ свой домъ, въ свое хозяйство, въ свой деревенскій образъ жизни, къ деревенскимъ своимъ занятіямъ и удовольствіямъ, но мысль ослушаться Прасковьи Ивановны не входила ему въ голову. Онъ повиновался, какъ и всегда. Я былъ огорченъ не меньше отца. Съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе надоѣдала мнѣ эта городская жизнь въ деревнѣ, даже мать скорѣе желала воротиться въ противное ей Багрово, потому что тамъ оставался маленькій братецъ мой, которому пошелъ уже третій годъ. Отецъ очень грустилъ и даже плакалъ. П. И. Миницкій и А. И. Ковригина, какъ самые близкіе люди къ Прасковьѣ Ивановнѣ, рѣшились попробовать упросить ее, чтобъ она насъ отпустила, или, по крайней мѣрѣ, хоть одного моего отца. Но Прасковья Ивановна приняла такое ходатайство съ большимъ неудовольствіемъ и сказала: «Алексѣя я пожалуй бы отпустила, да это огорчитъ Софью Николавну; а я такъ ее люблю, что не хочу съ ней скоро разстаться и не хочу ее огорчить». Дѣлать было нечего. Отложили мысль объ отъѣздѣ, попринудили себя, и веселая чурасовская жизнь потекла по-прежнему. Пришелъ Покровъ. Проснувшись довольно рано поутру, я увидѣлъ, что отецъ мой сидитъ на постели и вздыхаетъ. Я спросилъ его о причинѣ, и онъ, вставъ потихоньку, чтобы не разбудить мою мать, подошелъ ко мнѣ, сѣлъ на диванъ, на которомъ я обыкновенно спалъ, и сказалъ вполголоса: «Я ужъ давно не сплю. Я видѣлъ дурной сонъ, Сережа. Вѣрно матушка очень больна». Слезы показались у него на глазахъ. Мнѣ стало такъ жаль бѣднаго моего отца, что я началъ его обнимать и самъ готовъ былъ заплакать. Въ самую эту ми-

нуту проснулась мать и очень удивилась, увидя, что мы съ отцомъ обнимаемся. Она подумала, не захворалъ ли я; но отецъ разсказалъ ей, въ чемъ состояло дѣло, разсказалъ также и свой сонъ, только такъ тихо, что я ни одного слова не слыхалъ. Мать старалась его успокоить и говорила, что онъ видѣлъ сонъ страшный, а не *дурной*, и что «праздничный сонъ до обѣда». Эти слова запали въ мой умъ, и я принялся разсуждать: «Какже это маменька всегда говорила, что глупо вѣрить снамъ и что всѣ толкованія ихъ — совершенный вздоръ, а теперь сама сказала, что отецъ видѣлъ страшный, а не дурной сонъ! Стало бываютъ сны дурные? Стало праздничный сонъ сбывается до обѣда? Сегодня большой праздникъ. Вотъ увидимъ, что случится до обѣда». Кажется, мать успѣла успокоить моего отца, потому что послѣ они разговаривали весело. Вскорѣ всѣ встали, начали одѣваться и потомъ пошли къ обѣднѣ. Прасковья Ивановна была уже въ церкви. Мало-по-малу собрались всѣ гости и домашніе: началась служба; священникъ и дьяконъ были въ новыхъ золотыхъ ризахъ. Прасковья Ивановна пѣла, стоя у клироса, вмѣстѣ съ своими пѣвчими. По окончаніи обѣдни всѣ поздравили ее съ праздникомъ и весело возвратились въ домъ, кто пѣшкомъ, кто въ дрожкахъ и линейкахъ, потому что накрапывалъ дождь. Въ гостиной насъ ожидалъ чай и кофе. Вдругъ вошелъ человѣкъ, подалъ моему отцу письмо и сказалъ, что его привезъ нарочный изъ Багрова. Отецъ мой поблѣднѣлъ, руки у него затряслись; онъ съ трудомъ распечаталъ конвертъ, прочелъ первыя строки, зарыдалъ, опустилъ письмо на колѣни и сказалъ: «Матушка отчаянно больна». Всѣ очень встревожились; но мать и я были особенно поражены, потому что вспомнили сонъ. Не дочитывая письма, отецъ обратился къ Прасковьѣ Ивановнѣ и твердымъ голосомъ сказалъ: «Какъ вамъ угодно, тётушка, а мы сегодня же ѣдемъ; если вы не пустите Софью Николавну, то я поѣду одинъ, на перекладныхъ, въ телѣгѣ». Прасковья Ивановна, сама очень встревоженная, торопливо сказала: «Поѣзжайте всѣ, я васъ не держу». Отецъ ту же минуту вышелъ, чтобы распорядиться къ немедленному отъѣзду. Письмо дочитали: тётушка Татьяна Степановна писала: «Поспѣшите, братецъ, своимъ пріѣздомъ. Матушка отчаянно больна. Третій день въ жару и безъ памяти. Послали за священникомъ.

Я къ вамъ посылаю нарочнаго, моего Николая. Приказала ему и день и ночь ѣхать на перемѣнныхъ. Матушка, какъ опомнится на минутку, то все спрашиваетъ васъ». Въ концѣ была приписка, что священникъ пріѣхалъ, исповѣдывалъ больную глухою исповѣдью и пріобщилъ запасными дарами, и говоритъ, что она очень трудна. Видно было, что Прасковью Ивановну сильно взволновало и огорчило это извѣстіе. Она не пустила моего отца къ Покрову въ Багрово безъ всякой основательной причины, и, конечно, очень въ томъ раскаивалась. Печально и строго было ея лицо, брови сдвинуты. Она долго молчала; молчали и всѣ. Потомъ, сказавъ: «Боже сохрани и помилуй, если онъ не застанетъ матери!» встала и ушла въ свою спальню. Страхъ и жалость боролись въ моей душѣ. Мнѣ жалко было бабушку и еще болѣе жалко моего отца. Но скоро суевѣрный страхъ взялъ верхъ, овладѣлъ всѣми моими чувствами. Къ Покрову отецъ обѣщалъ пріѣхать, въ Покровъ видѣлъ дурной сонъ, и въ тотъ же день, черезъ нѣсколько часовъ — до обѣда сонъ исполнился. Что же это значитъ? Можно ли послѣ этого не вѣрить снамъ? Не Богъ ли посылаетъ ихъ? И я долго вѣрилъ имъ, хотя, правду сказать, мои сны никогда не сбывались.

Мать пошла укладываться, и къ обѣду было все уложено. Подали кушать. Прасковья Ивановна напередъ зашла къ намъ въ кабинетъ. Она была уже спокойна и твердымъ голосомъ уговаривала моего отца не сокрушаться заранѣе, а положиться во всемъ на милость Божію. «Я надѣюсь, между прочимъ сказала она,—что Господь не накажетъ такъ строго меня грѣшную за мою неумышленную вину. Надѣюсь, что ты застанешь Арину Васильевну живою, и что въ день Покрова Божіей Матери, то-есть сегодня, она почувствуетъ облегченіе отъ болѣзни». Отецъ мой какъ-будто нѣсколько ободрился отъ ея словъ. Прасковья Ивановна взяла за руки моего отца и мать и повела ихъ въ залу, гдѣ ожидало насъ множество гостей, съѣхавшихся къ празднику. Она посадила насъ всѣхъ около себя и особенно занималась нами. Покуда мы обѣдали, карета была подана къ крыльцу. Послѣ стола, выпивъ кофею, безъ чего Прасковья Ивановна не хотѣла насъ отпустить, она первая встала и, помолясь Богу, сказала: «Прощайте, друзья мои. Благодарю Алексѣя Степаныча за исполненіе моего желанія и за послушаніе. А тебя,

Софья Николавна, за твою родственную любовь и дружбу. Кажется, и мы съ тобой другъ друга не разлюбимъ. Пришлите ко мнѣ нарочнаго съ извѣстіемъ объ Аринѣ Васильевнѣ»....

Черезъ нѣсколько минутъ мы уже ѣхали небольшой рысью и по грязной дорогѣ. Осенній мелкій дождь съ вѣтромъ такъ и рубилъ въ поднятое окно, подлѣ котораго я сидѣлъ, и водяные потоки, нагоняя и перегоняя другъ друга, невольно наблюдаемые мною, безпрестанно текли во всю длину стекла. Не успѣлъ я опомниться, какъ уже начало становиться темно, и сумерки, какъ мнѣ казалось, гораздо ранѣе обыкновеннаго, обхватили нашу карету. Чуть-чуть свѣтлѣла красноватая полоса тамъ, гдѣ сѣло солнышко. У насъ была совершенная тишина; никто не говорилъ ни одного слова.

Осенняя дорога въ Багрово.

На другой день, часовъ въ десять утра, въѣхали мы въ Симбирскъ. Погода стояла самая неблагопріятная: по временамъ шелъ мелкій, осенній дождь и постоянно дулъ страшный вѣтеръ. Мы остановились въ томъ же домѣ, выкормили лошадей и сейчасъ поѣхали на перевозъ. Спускъ съ Симбирской горы представлялъ теперь несравненно болѣе трудностей, чѣмъ подъемъ на нее: гора ослизла, тормоза не держали и карета катилась бокомъ по косогору. Оставаться въ экипажѣ было опасно, и мы, несмотря на грязь и дождь, должны были идти пѣшкомъ. Волга.... страшно вообразить, что такое была Волга! Она вся превратилась въ водяные бугры, которые ходили взадъ и впередъ, желтые и бурые около песчаныхъ отмелей и черные по серединѣ рѣки; она билась, кипѣла, металась во всѣ стороны и точно стонала; волны безпрестанно хлестали въ берегъ, взбѣгая на него болѣе чѣмъ на сажень. По всему водяному пространству, особенно посреди Волги, играли *бѣляки:* такъ называются всплески воды, когда гребни валовъ, достигнувъ крайней высоты, вдругъ обрушиваются и разсыпаются въ брызги и бѣлую пѣну. Невыразимый ужасъ обнялъ мою душу, и одна мысль плыть по этому страшному пути—леденила мою кровь и почти лишала меня сознанія. На берегу сказали намъ, что теперь перевозу нѣтъ, и что всѣ перевощики разошлись,—кто въ кабакъ, кто въ харчевню. Но отецъ мой немедленно хотѣлъ ѣхать и послалъ отыскать перевощиковъ; сейчасъ явилось нѣсколько человѣкъ и сказали, что надо часокъ погодить, что передъ

солнечнымъ закатомъ вѣтеръ постихнетъ, и что тогда можно будетъ благополучно доставить насъ на ту сторону. Между тѣмъ, въ ожиданіи этого благополучнаго часа, стали грузиться. Опять выбрали лучшую и новую завозню, поставили нашу карету, кибитку и всѣхъ лошадей. Вѣтеръ въ самомъ дѣлѣ сталъ, какъ-будто, утихать. Замѣтили, что съ той стороны отвалила завозня, и наша проворно отчалила отъ пристани и пошла на шестахъ вверхъ около берега, намѣреваясь взвестись какъ можно выше. Съ нами остались Параша и Евсеичъ. Приготовили и для насъ большую косную лодку. Явился знакомый намъ хозяинъ, или перевощичій староста, какъ его иногда называли; онъ самъ хотѣлъ править кормовымъ весломъ и отобралъ отличныхъ шестерыхъ гребцовъ, но предложилъ подождать еще съ полчасика. Слава Богу, что онъ сдѣлалъ намъ это предложеніе, потому что вѣтеръ, утихнувъ на нѣсколько минутъ, разыгрался пуще прежняго, и пуще прежняго закипѣла Волга, и сами перевощики сказали, что «оно, конечно, доставить можно, да будетъ маленько страховито; лодка станетъ нырять и, пожалуй, господа напугаются». Тутъ я точно очнулся отъ какого-то оцѣпенѣнія и со слезами принялся просить и молить, чтобы сегодня не ѣздить. Въ первый разъ я видѣлъ, что отецъ сердился на меня и говорилъ, что я «дрянь, трусишка!» «Ну, посмотри на сестру, продолжалъ онъ,—вѣдь тебѣ стыдно! Она—дѣвочка, а не плачетъ и не проситъ, чтобъ остались». Сестрица моя точно не плакала. Но когда спросили ее: «Ты не боишься? хочешь ѣхать?» она отвѣчала, что боится и ѣхать не хочетъ. Мать, видя, что я весь дрожу отъ страха, стала уговаривать отца остаться до утра. Отецъ все не соглашался. Перевощики молча смотрѣли на насъ нѣсколько времени; наконецъ, хозяинъ сказалъ: «Али до утра, ваше благородіе? На зарѣ безпремѣнно вѣтеръ затихнетъ, и мы васъ мигомъ доставимъ. Погодка точно разыгралась и вашу завозню больно далеко снесетъ. Вонъ она только-что пошла на перебой, а ужъ теперь ниже пристани. Версты двѣ снесетъ. Придется имъ заночевать у Гусиной луки*) и завтра наврядъ имъ добиться до пристани прежде васъ». Эти

*) Гусиною лукою назывался длинный заливъ позади песчаной косы.—*С. А.*

слова порѣшили дѣло. Но теперь возникъ вопросъ, гдѣ ночевать, на чемъ спать и что ѣсть? Платье, подушки, постели, съѣстные припасы—все было отправлено на ту сторону, а утренней зари надо дожидаться часовъ двѣнадцать. Хозяинъ вывелъ насъ изъ затрудненія: онъ предложилъ намъ свою квартиру, которую нанималъ для себя и работниковъ на самомъ берегу, а что-нибудь поѣсть обѣщалъ достать намъ изъ харчевни. Мы съ благодарностью воспользовались его предложеніемъ; дождь порядочно уже насъ вымочилъ, и мы съ радостью вошли въ теплую избу, которую всю намъ уступили. Чаю въ харчевнѣ нельзя было достать, но и тутъ помогъ намъ хозяинъ: подъ горою, недалеко отъ насъ, жилъ знакомый ему купецъ; онъ пошелъ къ нему съ Евсеичемъ, и черезъ часъ мы уже пили чай съ калачами, который былъ пріятенъ и весьма полезенъ всѣмъ намъ; но ужинать никто изъ насъ не хотѣлъ, и мы очень рано улеглись кое-какъ по лавкамъ на сухомъ сѣнѣ.

Чуть брежжилось, когда насъ разбудили; даже одѣваться было темно. Боже мой, какъ намъ съ сестрицей не хотѣлось вставать! Изъ теплаго гнѣздышка идти на сырой и холодный осенній воздухъ, на самомъ разсвѣтѣ, когда особенно сладко спится, да еще прямо на лодку!... Но отецъ безпрестанно торопилъ, и мы, одѣвшись, почти бѣгомъ побѣжали на пристань: красная заря горѣла сквозь сѣрое небо и предвѣщала сильный вѣтеръ. Дождя не было, но нельзя сказать, чтобы было тихо: рѣзкій вѣтерокъ уже упорно тянулъ и крупною рябью поддергивалъ водяную поверхность. Гребцы, держа въ рукахъ вёсла, сидѣли на своихъ мѣстахъ. Хозяинъ поспѣшно перевелъ насъ по доскамъ на лодку и усадилъ въ ней по лавкамъ на самой серединѣ. Страхъ сжималъ мое сердце, и я сидѣлъ, какъ говорится, ни живъ, ни мертвъ. Мы не долго взводились вверхъ и скоро пошли на перебой. Гребцы работали съ необыкновеннымъ усиліемъ, лодка летѣла; но едва мы, достигнувъ середины Волги, вышли изъ-подъ защиты горы,—подулъ сильный вѣтеръ, страшныя волны встрѣтили насъ, и лодка начала то подыматься носомъ кверху, то опускаться кормою внизъ; я вскрикнулъ, бросился къ матери, прижался къ ней и зажмурилъ глаза. Я открылъ ихъ тогда, когда услышалъ, что до берега недалеко. Точно,

берегъ былъ уже близокъ, но въ лодкѣ происходила суматоха, которой я съ закрытыми глазами до тѣхъ поръ не замѣчалъ, и нашъ кормщикъ казался очень озабоченнымъ и даже испуганнымъ. Гребли только четверо, а двое гребцовъ выливали воду, одинъ—какимъ-то длиннымъ ковшомъ, а другой—шляпой. Вода въ лодкѣ выступила уже сквозь полъ и подмочила намъ ноги, а въ кормѣ было ея очень много. Я не вполнѣ понялъ важность происшествія и очень удивился, когда отецъ, высадивъ насъ всѣхъ на берегъ, накинулся съ бранью на хозяина гребцовъ. «Ахъ ты разбойникъ, говорилъ мой отецъ,—какъ могъ ты подать намъ худую лодку! Вѣдь ты насъ едва не утопилъ! Да знаешь ли ты, что я тебя сейчасъ отправлю къ симбирскому городничему?» Бѣдный нашъ кормщикъ, стоя безъ шляпы и почтительно кланяясь, говорилъ: «Помилуйте, ваше благородіе, развѣ я этому дѣлу радъ, развѣ мнѣ свой животъ надоѣлъ? Вѣдь и я потонулъ бы вмѣстѣ съ вами. Грѣхъ такой вышелъ. Хотѣлъ поусердствовать вамъ, самую лучшую посуду далъ, новую; только большимъ господамъ ее даютъ. Всего разъ десять была въ дѣлѣ. Съ Успеньева дня ее и не трогали. Воды не было ни капли, какъ мы поѣхали. Ума не приложу, отчего такая бѣда случилась. Я, вѣстимо, безъ вины виноватъ. Помилосердуйте, простите, заставьте за себя вѣкъ Бога молить»... и онъ повалился въ ноги моему отцу. Ему сейчасъ велѣли встать и сказали, что прощаютъ его вину и жаловаться не будутъ.—Завозни нашей съ каретой еще у пристани не было: предсказаніе нашего хозяина-кормщика сбылось изъ слова въ слово. Она медленно подвигалась на шестахъ съ низу и находилась еще отъ насъ не менѣе версты, какъ говорили перевощики. Отцу моему захотѣлось узнать, отчего потекла наша лодка; ее вытащили на берегъ, обернули вверхъ дномъ и нашли, что у самой кормы она проломлена чѣмъ-то острымъ; дыра была пальца въ два шириною. Какъ это случилось, никто объяснить не могъ. Долго толковали перевощики и, наконецъ, порѣшили, что это кто-нибудь со зла проломилъ желѣзнымъ ломомъ. Отверстіе было довольно высоко надъ водою, и въ тихую погоду можно было плавать на лодкѣ безопасно, но гребни высокихъ валовъ попадали въ дыру. Еслибъ не доглядѣли и не принялись во-время выливать воду, лодка наполнилась бы

ею, сѣла глубже, и тогда гибель была неизбѣжна. Тутъ только я понялъ, какой опасности мы подвергались, и боязнь, отвращеніе отъ переправъ черезъ большія рѣки прочно поселились въ моей душѣ. Наконецъ приплыла наша завозня; она точно ночевала у Гусиной луки, на мели, кое-какъ привязавшись къ воткнутымъ въ песокъ шестамъ. Люди наши разсказывали, что натерпѣлись такого страху, какого съ роду не видывали, что не спали всю ночь и пробились съ голодными лошадьми, которыя не стояли на мѣстѣ и нѣсколько разъ едва не опрокинули завозню. Насъ ожидала новая остановка и потеря времени: надо было заѣхать въ деревню «Часовню», стоящую на самомъ берегу Волги, и выкормить лошадей, которыя около сутокъ ничего не ѣли. Нельзя было узнать моего отца. Всегда тихій и спокойный, онъ рвался съ досады, что столько времени пропадало даромъ и безпрестанно сердился. Мать принуждена была его уговаривать и успокаивать, что́ всегда бывало дѣлывалъ отецъ съ нею, и я съ любопытствомъ смотрѣлъ на эту перемѣну. Мать говорила очень долго и такъ хорошо, какъ и въ книжкахъ не пишутъ. Между прочимъ, она сказала ему, что безразсудно сердиться на Волгу и бурю, что такія препятствія не зависятъ отъ воли человѣческой, и что грѣшно роптать на нихъ, потому что ихъ посылаетъ Богъ, что, напротивъ, мы должны благодарить Его за спасеніе нашей жизни... Но я не умѣю такъ разсказать, какъ она говорила. Наконецъ, мало-по-малу отецъ мой успокоился, хотя все оставался очень грустенъ. Выкормивъ лошадей, мы пустились въ дальнѣйшій путь. Мы не жалѣли своихъ добрыхъ коней, и въ двѣ упряжки, то-есть въ два переѣзда, проѣхали почти 90 верстъ, и на другой день, въ обѣдъ, были уже въ Вишенкахъ. Простоявъ часа четыре, мы опять пустились въ дорогу и ночевали въ деревнѣ, называемой «Одинъ дворъ». Судьба захотѣла испытать терпѣнье моего отца. Когда душа его рвалась въ Багрово, къ умирающей матери, препятствія выростали на каждомъ шагу. Все путешествіе наше было самое неудачное, утомительное, печальное. Послѣ постояннаго ненастья, отъ котораго размокла черноземная почва, сначала образовалась страшная грязь, такъ что мы съ трудомъ стали уѣзжать 50 верстъ въ день; потомъ вдругъ сдѣлалось холодно, и, поднявшись на зарѣ, чтобъ выбраться

поранѣе изъ грязнаго «Одного двора», мы увидѣли, что грязь замерзла, и что земля слегка покрыта снѣгомъ. Сначала отецъ не встревожился этимъ и говорилъ, что лошадямъ будетъ легче, потому что подмерзло; мы же съ сестрицей радовались, глядя на опрятную бѣлизну полей; но снѣгъ продолжалъ идти часъ отъ часу сильнѣе и къ вечеру выпалъ слишкомъ въ полторы четверти; ѣзда сдѣлалась ужасна тяжела, и мы едва тащились шагомъ, потому что мокрый снѣгъ прилипалъ къ колесамъ и даже тормозилъ ихъ. Такъ ѣхали мы цѣлый слѣдующій день и проѣхали только 30 верстъ. Къ вечеру пошелъ дождь, снѣгъ почти растаялъ, и хотя дорога стала еще грязнѣе, но все лошадямъ было легче. Тутъ явилась новая бѣда: мать захворала, и такъ сильно, что, отъѣхавъ 25 верстъ, мы принуждены были остановиться и простоять болѣе сутокъ. Какъ было грустно мнѣ и моей милой сестрицѣ! Мы жили въ грязной чувашской избѣ. Мать лежала подъ пологомъ, отецъ съ Парашей безпрестанно подавали ей какія-то лѣкарства; а мы, сидя въ другомъ углу, перешептывались вполголоса между собой и молились Богу, чтобы Онъ послалъ маменькѣ облегченіе.

Только на седьмой день, довольно рано утромъ, добрались мы до Неклюдова, и подъѣхали къ крыльцу очень странно построеннаго дома Кальпинскихъ, всего въ двадцати верстахъ отъ Багрова. Мы съ сестрицей никогда тамъ не бывали, да и теперь бы отецъ не заѣхалъ, но такъ пришлось, что надобно было выкормить усталыхъ лошадей. Хозяйка встрѣтила мою мать въ сѣняхъ и ушла съ нею въ домъ, а отецъ высадилъ меня и сестру изъ кареты и повелъ за руку. Въ залѣ встрѣтилъ насъ И. Н. Кальпинскій; отецъ, здороваясь съ нимъ, поспѣшно спросилъ: «А что матушка?» — «Развѣ вы не знаете?» — возразилъ хозяинъ. — «Вотъ другая недѣля, какъ ничего не знаемъ», — отвѣчалъ отецъ. — «Приказала долго жить, преспокойно сказалъ Кальпинскій, — скончалась въ самый Покровъ». Боже мой, что сдѣлалось съ моимъ отцомъ! Онъ всплеснулъ руками, тихо промолвилъ: «въ Покровъ», поблѣднѣлъ, весь задрожалъ, и конечно бы упалъ, еслибъ Кальпинскій не подхватилъ его и не посадилъ на стулъ. Между тѣмъ матери въ гостиной успѣли уже сказать о кончинѣ бабушки; она выбѣжала къ намъ навстрѣчу, и, увидя моего отца въ такомъ положеніи, ужасно испугалась

и бросилась помогать ему. Принесли холодной воды, вспрыснули ему лицо, облили голову; отецъ пришелъ въ себя, и ручьи слезъ полились по его блѣдному лицу. Ему дали выпить стаканъ холодной воды, и Кальпинскій увелъ его къ себѣ въ кабинетъ, гдѣ отецъ мой плакалъ навзрыдъ болѣе часу, какъ маленькое дитя, повторяя только иногда: «Богъ судья тётушкѣ! на ея душѣ этотъ грѣхъ!» Между тѣмъ вокругъ него шли уже горячіе разсказы и даже споры между моими двоюродными тётушками, Кальпинской и Лупеневской, которая на этотъ разъ гостила у своей сестрицы. Съ мельчайшими подробностями разсказывали онѣ, какъ умирала, какъ томилась моя бѣдная бабушка; какъ понапрасну звала къ себѣ своего сына; какъ на третій день, именно въ день похоронъ, выпалъ такой снѣгъ, что не было возможности провезти тѣло покойницы въ Неклюдово, гдѣ и могилка была для нея вырыта, и какъ принуждены были похоронить ее въ Мордовскомъ Бугурусланѣ, въ семи верстахъ отъ Багрова. «Вотъ Богъ-то все по своему дѣлаетъ, говорила Флена Ивановна Лупеневская;—покойный дядюшка Степанъ Михайлычъ, царство ему небесное, не жаловалъ нашего Неклюдова, и слышать не хотѣлъ, чтобъ его у насъ похоронили, а косточки его лежатъ возлѣ нашей церкви. Тётушка же такъ насъ любила, какъ родныхъ дочерей, и всей душенькой желала и приказывала, чтобъ положить ее въ Неклюдовѣ, рядомъ съ Степаномъ Михайлычемъ, а пришлось лечь въ Мордовскомъ Бугурусланѣ у отца Василья». Катерина же Ивановна Кальпинская прибавляла вполголоса, какъ-будто про-себя: «Такъ ужъ сами не захотѣли. Все генеральша. И провезти было можно, и подождать было можно, снѣгъ-то всего лежалъ одни сутки». Но Флена Ивановна, вслушавшись, возразила: «Полно, матушка-сестрица, что ты грѣшишь на Елизавету Степановну и на всѣхъ! Проѣзду не было ни на саняхъ, ни на колесахъ. Вѣдь мы и сами поѣхали на похороны, да отъ Бахметевки воротились, вѣдь на Саврушѣ-то мостъ снесло; а ждать тоже было нельзя; да и снѣгъ-то можетъ и не сошелъ бы. Нѣтъ, сестрица, не грѣши; ужь такъ было угодно Богу; а вотъ братецъ-то не засталъ Арины Васильевны, такъ это жалко». Такими-то утѣшительными разговорами успокоивали хозяйки огорченнаго сына! Наконецъ, сёстры заспорили и подняли крикъ. Мать упросила всѣхъ

оставить моего отца одного. Даже насъ выслала и сама съ нимъ осталась. Послѣ она сказала мнѣ, что отецъ долго еще плакалъ и, наконецъ, заснулъ у ней на груди. У Катерины Ивановны Кальпинской было три дочери и одинъ сынъ, еще маленькій. Мы ихъ совсѣмъ не знали. Они сначала дичились насъ, но потомъ стали очень ласковы, и показались намъ предобрыми; они старались насъ утѣшить, потому что мы съ сестрицей плакали о бабушкѣ, а я еще болѣе плакалъ о моемъ отцѣ, котораго мнѣ было такъ жаль, что я и пересказать не могу. Насъ потчивали чаемъ и завтракомъ; хотѣли было подчивать моего отца и мать, но я заглянулъ къ нимъ въ дверь, мать махнула мнѣ рукой, и я упросилъ, чтобъ къ нимъ не входили. Часа черезъ два вышла къ намъ мать и сказала: «Слава Богу, теперь Алексѣй Степанычъ спокойнѣе, только хочетъ поскорѣе ѣхать». Но лошадямъ надо было хорошенько отдохнуть и выкормиться, а потому мы пробыли еще часа два и даже пообѣдали; отецъ не выходилъ за столъ и ничего не ѣлъ. Послѣ обѣда мы распростились съ хозяевами и тотчасъ поѣхали. Всю остальную дорогу я смотрѣлъ на лицо моего отца. На немъ выражалась глубокая, неутѣшная скорбь, и я тутъ же подумалъ, что онъ болѣе любилъ свою мать, чѣмъ отца; хотя онъ очень плакалъ при смерти дѣдушки, но такой печали у него на лицѣ я не замѣчалъ. Мать старалась заговаривать съ нимъ и принуждала отвѣчать на ея вопросы. Она съ большимъ чувствомъ и нѣжностью вспоминала о покойной бабушкѣ, и говорила моему отцу: «Ты можешь утѣшиться тѣмъ, что былъ всегда къ матери самымъ почтительнымъ сыномъ, никогда не огорчалъ ее и всегда свято исполнялъ всѣ ея желанія. Она прожила для женщины долгій вѣкъ (ей было 74 года); она послѣ смерти Степана Михайлыча ни въ чемъ не находила утѣшенья, и сама желала скорѣе умереть». Отецъ мой отвѣчалъ, проливая уже тихія слезы, что это все правда, и что онъ бы не сокрушался такъ, еслибъ только получилъ отъ нея послѣднее благословеніе, еслибъ она при немъ закрыла свои глаза. «Тётушка всему причиной, съ горячностью сказалъ мой отецъ.—Зачѣмъ она меня не пустила? Изъ каприза» . . . . Мать прервала его и начала просить, чтобъ онъ не сердился и не винилъ Прасковью Ивановну, которая и сама ужасно огорчена, хотя и скрывала свои чув-

ства, которая не могла предвидѣть такого несчастія. «Правда, правда, сказалъ мой отецъ со вздохомъ; — видно ужъ такъ угодно Богу», снова залился слезами и обнялъ мою мать. Мы съ сестрицей во все время плакали потихоньку и даже Параша утирала свои глаза. Въ разговорахъ такого рода прошла вся дорога отъ Неклюдова до Багрова, и я удивился, какъ мы скоро доѣхали. Карета съ громомъ въѣхала на мостъ черезъ Бугурусланъ, и тутъ только я догадался, что мы такъ близко отъ нашего милаго Багрова. Эта мысль на ту минуту разсѣяла мое печальное расположеніе духа, и я бросился къ окошку, чтобъ посмотрѣть на нашъ широкій прудъ. Боже мой, какъ показался онъ мнѣ печаленъ! Дулъ жестокій вѣтеръ, мутные валы ходили по всему пруду, такъ что напоминали мнѣ Волгу; мутное небо отражалось въ нихъ; камыши высохли, пожелтѣли, волны и вѣтеръ трепали ихъ во всѣ стороны, и они глухо и грустно шумѣли. Зеленые берега, зеленыя деревья — все пропало. Деревья, берега, мельница и крестьянскія избы — все было мокро, черно и грязно. На дворѣ радостнымъ лаемъ встрѣтили насъ Сурка и Трезоръ (лягавая собака, которую я тоже очень любилъ); я не успѣлъ имъ обрадоваться, какъ увидѣлъ, что на крыльцѣ уже стояли двое дядей, Ерлыкинъ и Каратаевъ, и всѣ четыре тётушки: онѣ привѣтствовали насъ громкимъ вытьемъ, какое уже слышалъ я на дѣдушкиныхъ похоронахъ. Нашу карету увидѣли издали, когда она начала спускаться съ горы, а потому не только тётушки и дяди, но вся дворня и множество крестьянъ и крестьянокъ толпою собрались у крыльца.

Жизнь въ Багровѣ послѣ кончины бабушки.

Можно себѣ вообразить, сколько тутъ было слезъ, рыданій, причитаній, обниманія и цѣлованья! Мать со мной и сестрицей скоро вошла въ домъ, а отецъ долго не приходилъ; онъ со всѣми поздоровался и со всѣми плакалъ. Наконецъ, собрались въ гостиную, куда привели и милаго моего братца, который очень обрадовался намъ съ сестрицей. Въ короткое время нашей разлуки онъ выросъ, очень похорошѣлъ и сталъ лучше говорить. Двоюродныя сёстры наши, Ерлыкины, также были тамъ. Мы увидѣлись съ ними съ удовольствіемъ, но онѣ обошлись съ нами холодно. Цѣлый вечеръ провели въ печальныхъ разсказахъ о болѣзни и смерти бабушки. У ней было предчувствіе, что она болѣе не увидитъ своего сына, и она, даже еще здоровая, постоянно объ этомъ говорила; когда же сдѣлалась больна, то уже не сомнѣвалась въ близкой смерти и сказала: «Не видать мнѣ Алеши!» Впрочемъ, причина болѣзни была случайная и кажется отъ жирной и несвѣжей пищи, которую бабушка любила. Передъ кончиной она не отдала никакихъ особенныхъ приказаній, но поручила тётушкѣ Аксиньѣ Степановнѣ, какъ старшей, просить моего отца и мать, чтобъ они не оставили Танюшу, и сверхъ того приказала сказать моей матери, что она передъ ней виновата и проситъ у ней прощенья. Все это Аксинья Степановна высказала при всѣхъ, къ изумленію и неудовольствію своихъ сестеръ. Послѣ я узналъ, что онѣ употребляли всѣ средства и просьбы, и даже угрозы, чтобъ заставить Аксинью Степановну не говорить такихъ, по мнѣнію ихъ, для покойницы унизитель-

ныхъ словъ, но та не послушалась и даже сказала при нихъ самихъ. Мать отвѣчала: «Я отъ всей души прощаю, если матушка (царство ей небесное!) была противъ меня въ чемъ-нибудь несправедлива. Я и сама была виновата передъ ней и очень сокрушаюсь, что не могла испросить у ней прощенья. Но надѣюсь, что она, по добротѣ своей, простила меня». Послѣ этого долго шли разговоры о томъ, что бабушка къ Покрову просила насъ пріѣхать и въ Покровъ скончалась, что отецъ мой именно въ Покровъ видѣлъ страшный и дурной сонъ, и въ Покровъ же получилъ извѣстіе о болѣзни своей матери. Всѣ эти разговоры я слушалъ съ необыкновеннымъ вниманіемъ. Припоминая наше первое пребываніе въ Багровѣ и нѣкоторыя слова, вырывавшіяся у моей матери, тогда же мною замѣченныя, я старался составить себѣ сколько-нибудь ясное и опредѣленное понятіе: въ чемъ могла быть виновата бабушка передъ моею матерью, и въ чемъ была виновата мать передъ нею? Вѣрованіе же мое въ предчувствіе и въ пророческіе сны получило отъ этихъ разговоровъ сильное подкрѣпленіе.

На другой день, рано поутру, отецъ мой вмѣстѣ съ тётушкой Татьяной Степановной уѣхалъ въ Мордовскій Бугурусланъ. Хотя на слѣдующій день, девятый послѣ кончины бабушки, всѣ собирались ѣхать туда, чтобы слушать заупокойную обѣдню и отслужить панихиду; но отецъ мой такъ нетерпѣливо желалъ взглянуть на могилу матери и поплакать надъ ней, что не захотѣлъ дожидаться цѣлыя сутки. Онъ воротился еще задолго до обѣда, блѣдный и разстроенный, и тётушка Татьяна Степановна разсказывала, что мой отецъ, какъ скоро завидѣлъ могилу своей матери, то бросился къ ней, какъ изступленный, обнялъ руками сырую землю, «да такъ и замеръ». «Напугалъ меня братецъ, — продолжала она; — я подумала, что онъ умеръ, и начала кричать; прибѣжалъ отецъ Василій съ попадьей, и мы всѣ трое насилу стащили его и почти безчувственнаго привели въ избу къ попу; насилу-то онъ пришелъ въ себя и началъ плакать; потомъ, славу Богу, успокоился, и мы отслужили панихиду. Обѣдню я заказала, и какъ мы завтра пріѣдемъ, такъ и ударятъ въ колоколъ». — Я опять подумалъ, что отецъ гораздо горячѣе любилъ свою мать, чѣмъ своего отца.

Въ тотъ же день послали нарочнаго къ Прасковьѣ Ива-

новнѣ. Мать написала большое письмо къ ней, которое прочла вслухъ моему отцу: онъ только приписалъ нѣсколько строкъ. И тогда показалось мнѣ, что письмо написано удивительно хорошо; но тогда я не могъ понять и оцѣнить его достоинствъ. Послѣ я имѣлъ это письмо въ своихъ рукахъ и былъ пораженъ изумительнымъ тактомъ и даже искусствомъ, съ какимъ оно было написано: въ немъ заключалось совершенно вѣрное описаніе кончины бабушки и сокрушенія моего отца, но въ то же время все было разсказано съ такою нѣжною пощадой и мягкостью, что оно могло скорѣе успокоить, чѣмъ растравить горесть Прасковьи Ивановны, которую извѣстіе о смерти бабушки *до нашего пріѣзда* должно было сильно поразить.

Въ девятый день, въ день обычнаго поминовенія по усопшимъ, рано утромъ, всѣ, кромѣ насъ троихъ дѣтей и двоюродныхъ сестеръ, отправились въ Мордовскій Бугурусланъ. Отправились также и Кальпинская съ Лупеневской, пріѣхавшія наканунѣ. Мать хотѣла взять и меня, но я былъ нездоровъ, да и погода стояла сырая и холодная; я чувствовалъ небольшой жаръ и головную боль. Вѣроятно, я простудился, потому-что бѣгалъ нѣсколько разъ смотрѣть моихъ голубей и ястребовъ, пущенныхъ въ зиму. На просторѣ я заглянулъ въ бабушкину горницу и нашелъ ее точно такою же, пустою и печальною, какою я видѣлъ ее послѣ кончины дѣдушки. Тотъ же Мысеичъ и тотъ же Васька Рыжій читали псалтырь по усопшей. Я хотѣлъ было также почитать псалтырь, но не прочелъ и страницы,—каждое слово болѣзненно отдавалось мнѣ въ голову. Къ обѣду всѣ воротились и привезли съ собой попа съ попадьей, накрыли большой столъ въ залѣ, уставили его множествомъ кушаньевъ; потомъ подали разныхъ блиновъ и также аппетитно всѣ кушали (разумѣется, кромѣ отца и матери), крестясь и поминая бабушку, какъ это дѣлали послѣ смерти дѣдушки. Я почти ничего не ѣлъ, потому-что разнемогался, даже дремалъ; помню только, что мать не захотѣла сѣсть на первое мѣсто хозяйки и сказала, что «покуда сестрица Татьяна Степановна не выйдетъ замужъ, — она будетъ всегда хозяйкой у меня въ домѣ». Помню также, что оба мои дяди, и даже Кальпинская съ Лупеневской, много пили пива и наливокъ и къ концу обѣда были очень навеселѣ.—Вставъ изъ-за стола, я прилегъ на

канапе, заснулъ—я уже ничего не помню, какъ меня перенесли на постель. Я пролежалъ въ жару и въ забытьѣ трое сутокъ. Опомнившись, я сначала подумалъ, что проснулся послѣ долгаго сна. Мать сидѣла подлѣ меня блѣдная, желтая и худая; но какое счастіе выразилось на ея лицѣ, когда она удостовѣрилась, что я не брежу, что жаръ совершенно изъ меня вышелъ! Какія радостныя слезы потекли по ея щекамъ! Какъ она на меня смотрѣла, какъ цѣловала мои руки!... Но я съ удивленіемъ принималъ ея ласки; я еще болѣе удивился, замѣтивъ, что голова и руки мои были чѣмъ-то обвязаны, что у меня болитъ грудь, затылокъ и икры на ногахъ. Я хотѣлъ было встать съ постели, но не имѣлъ силъ приподняться.... Тутъ только мать разсказала мнѣ, что я былъ боленъ, что я лежалъ въ горячкѣ, что къ головѣ и рукамъ моимъ привязанъ черный хлѣбъ съ уксусомъ и толчеными мозжевеловыми ягодами, что на затылкѣ и на груди у меня поставлены шпанскія мушки, а къ икрамъ горчичники.... Можетъ быть, все это было не нужно, а можетъ быть именно дружное дѣйствіе всѣхъ этихъ лѣкарствъ перервало горячку такъ скоро. Ничего нѣтъ пріятнѣе выздоравливанья послѣ трудной болѣзни, особенно когда видишь, какую радость производитъ оно во всѣхъ окружающихъ. Пришелъ отецъ, сестрица съ братцемъ, всѣ улыбались, всѣ обнимали и цѣловали меня, а мать—бросилась на колѣни передъ кивотомъ съ образами, молилась и плакала. Я сейчасъ вспомнилъ, что маменька никогда при другихъ не молится, и подумалъ, что же это значитъ? Сердце сказало мнѣ причину.... Но мать уже перестала молиться и обратила все свое вниманіе, всю себя на попеченіе и заботы обо мнѣ. Опасаясь, чтобы разговоры и присутствіе другихъ меня не взволновали, она не позволила никому долго у меня оставаться. Я въ самомъ дѣлѣ былъ такъ слабъ, что утомился и скоро заснулъ. Это уже былъ сонъ настоящій, возстановитель силъ, и черезъ нѣсколько часовъ я проснулся гораздо бодрѣе и крѣпче. Тутъ уже пришли ко мнѣ и тётушки Аксинья и Татьяна Степановны, очень обрадованныя, что мнѣ лучше, а потомъ пришелъ Евсеичъ, который даже плакалъ отъ радости. Отъ него я узналъ, что всѣ гости и родные на другой же день моей болѣзни разъѣхались; одна только добрѣйшая моя крестная мать Аксинья Степановна, видя въ мучительной тревогѣ

и страхѣ моихъ родителей, осталась въ Багровѣ, чтобы при случаѣ въ чемъ-нибудь помочь имъ, тогда какъ ея собственныя дѣти, оставшіяся дома, были не очень здоровы. Мать горячо цѣнила ея добрую и любящую душу и благодарила ее, какъ умѣла. Видя, что мнѣ гораздо лучше, что я выздоравливаю, она упросила Аксинью Степановну уѣхать немедленно домой.

Выздоровленіе мое тянулось съ недѣлю; но мнѣ довольно было этихъ дней, чтобы понять и почувствовать материнскую любовь во всей ея силѣ. Я, конечно, и прежде зналъ, видѣлъ на каждомъ шагу, какъ любитъ меня мать; я наслышался и даже помнилъ, будто сквозь сонъ, какъ она ходила за мной, когда я былъ маленькій и такой больной, что каждую минуту ждали моей смерти; я зналъ, что неусыпныя заботы матери спасли мнѣ жизнь, но воспоминанія и разсказы не то, что настоящее, дѣйствительно сейчасъ происходящее дѣло. Обыкновенная жизнь, когда я былъ здоровъ, когда никакая опасность мнѣ не угрожала, не вызывала такъ ярко наружу, лежащаго въ глубинѣ души, безпредѣльнаго чувства материнской любви. Я нѣсколько лѣтъ сряду не былъ боленъ, и вдругъ, въ глуши, въ деревнѣ, безъ всякой докторской помощи, въ жару и бреду увидѣла мать своего первенца, любимца души своей.... Понятенъ испытанный ею мучительный страхъ, понятенъ и восторгъ, когда опасность миновала. Я уже сталъ постарше и былъ способенъ понять этотъ восторгъ, понять любовь матери. Эта недѣля много вразумила меня, много развила, и моя привязанность къ матери, болѣе сознательная, выросла гораздо выше моихъ лѣтъ. Съ этихъ поръ, во все остальное время пребыванія нашего въ Багровѣ, я безпрестанно былъ съ нею, чему способствовала и осенняя ненастная погода. Разумѣется, половина времени проходила въ чтеніи вслухъ; иногда мать читала мнѣ сама и читала такъ хорошо, что я слушалъ за новое—извѣстное мнѣ давно, слушалъ съ особеннымъ наслажденіемъ и находилъ такія достоинства въ прочитанныхъ матерью страницахъ, какихъ прежде не замѣчалъ.

Между тѣмъ еще прежде моего совершеннаго выздоровленія воротился нарочный, посланный съ письмомъ къ бабушкѣ Прасковьѣ Ивановнѣ. Онъ привезъ отъ нея, хотя не собственноручную грамотку, потому что Прасковья Ива-

новна писала съ большимъ трудомъ, но продиктованное ею длинное письмо. Я говорю длинное, относительно тѣхъ писемъ, которыя диктовались ею или были писаны отъ ея имени, и состояли обыкновенно изъ нѣсколькихъ строчекъ. Прасковья Ивановна вполнѣ оцѣнила, или, лучше сказать, почувствовала письмо моей матери. Она благодарила за него въ сильныхъ и горячихъ выраженіяхъ, часто называя мою мать своимъ другомъ. Она очень огорчилась, что бабушка Арина Васильевна скончалась безъ насъ, и обвиняла себя за то, что удержала моего отца, просила у него прощенья и просила его не сокрушаться, а покориться волѣ Божіей. «Еслибъ не боялась надѣлать вамъ много хлопотъ,—писала она,—сама бы пріѣхала къ вамъ по первому снѣгу, чтобы раздѣлить съ вами это грустное время. У васъ вѣдь, я думаю, тоска смертная; посторонних ни души, не съ кѣмъ слова промолвить, а сами вы только скуку да хандру другъ на друга наводите. Вотъ бы было хорошо всѣмъ вамъ, съ дѣтьми и съ Танюшей, пріѣхать на всю зиму въ Чурасово. Подумайте-ка объ этомъ. И я бы объ васъ не стала безпокоиться и скучать бы не стала безъ Софьи Николавны», и проч. и проч.—Приглашеніе Прасковьи Ивановны пріѣхать къ ней, сказанное между словъ, было сочтено такъ, за мимолетную мысль, мелькнувшую у ней въ головѣ, но не имѣющую прочнаго основанія. Отецъ мой сказалъ: «Вотъ еще что придумала тётушка! Цѣлый вѣкъ жить въ дорогѣ, да въ гостяхъ; да этакъ и отъ дому отстанешь». Тётушка Татьяна Степановна прибавила, что куда ей, деревенщинѣ, соваться въ такой богатый и модный домъ, съ утра до вечера набитый гостями, и что у ней теперь не веселье на умѣ. Даже мать сказала: «Какъ же можно зимою тащиться намъ съ тремя маленькими дѣтьми». Согласно такимъ отзывамъ было написано письмо къ Прасковьѣ Ивановнѣ и отправлено на первой почтѣ. Предложеніе ея было предано забвенію.

Отецъ мой цѣлые дни проводилъ сначала въ разговорахъ съ слѣпымъ повѣреннымъ Пантелеемъ; потомъ принялся писать, потомъ слушать, что сочинилъ Пантелей Григорьичъ (читалъ ученикъ его Хоревъ) и наконецъ, въ свою очередь, читать Пантелею Григорьичу свое, написанное имъ самимъ. Дѣло состояло въ томъ, что они сочиняли вмѣстѣ просьбу въ Сенатъ по Богдановскому дѣлу. Я слыхалъ нерѣдко споры

между ними, и довольно горячіе, въ которыхъ слѣпой повѣренный всегда оставался побѣдителемъ, самымъ почтительнымъ и скромнымъ. Говорили, что онъ всѣ законы знаетъ наизусть, и я этому вѣрилъ, потому что самъ слыхалъ, какъ онъ, бывало, начнетъ приводить указы, ихъ годы, числа, пункты, параграфы, самыя выраженія, — и такъ бойко, какъ-будто разогнутая книга лежала передъ его, не слѣпыми, а зрячими глазами. Собственная рѣчь Пантелея была совершенно книжная и онъ выражался самыми отборными словами, говоря о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ. Къ отцу моему, напримѣръ, онъ всегда обращался такъ: «соблаговолите, государь мой Алексѣй Степанычъ» и т. д. Диктовалъ онъ очень скоро и горячо, причемъ дѣлалъ движенія головой и руками. Я прокрадывался иногда въ его горницу такъ тихо, что онъ не слыхалъ, и подолгу стоялъ тамъ, прислонясь къ печкѣ: Пантелей Григорьичъ сидѣлъ съ ногами на высокой лежанкѣ, куря коротенькую трубку, которую безпрестанно самъ вычищалъ, набивалъ, вырубалъ огня на трутъ и закуривалъ. Онъ говорилъ громко, съ одушевленіемъ, и проворный писецъ Иванъ Хоревъ (Большакъ по прозванью), давно находившійся постоянно при немъ, едва поспѣвалъ писать и повторять вслухъ нѣсколько послѣднихъ словъ, имъ написанныхъ. Я съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на этого слѣпца, дивясь его великому уму и памяти, замѣнявшимъ ему глаза.

Проводя почти все свое время неразлучно съ матерью, потому что я и писалъ и читалъ въ ея отдѣльной горницѣ, гдѣ обыкновенно и спалъ, — тамъ стояла моя кроватка и тамъ былъ мой домъ, — я менѣе игралъ съ сестрицей, рѣже видѣлся съ ней. Я уже сказалъ, что мать не была къ ней такъ ласкова и нѣжна, какъ ко мнѣ, а потому естественно, что и сестрица не была и не могла быть съ ней нѣжна и ласкова, даже нѣсколько робѣла и смущалась въ ея присутствіи. Мать не высылала ее изъ своей спальни, но сестрицѣ было тамъ какъ-то несвободно, неловко — и она непримѣтно уходила при первомъ удобномъ случаѣ: а мать говорила: «Эта дѣвочка совсѣмъ не имѣетъ ко мнѣ привязанности. Такъ и смотритъ, какъ бы уйдти отъ меня къ своей нянѣ». — Мнѣ самому такъ казалось тогда, и я грустно молчалъ, не умѣя оправдать сестрицу, и самъ думалъ, что она мало любитъ

маменьку. Въ самомъ же дѣлѣ, какъ послѣ оказалось, она всегда любила свою мать гораздо горячѣе и глубже, чѣмъ я.

Поведеніе тётушки Татьяны Степановны, или, лучше сказать, держанье себя съ другими, вдругъ перемѣнилось; по крайней мѣрѣ она казалась уже совершенно не такою, какою была прежде. Изъ дѣвушки, довольно веселой и живой, державшей себя въ домѣ весьма свободно и самостоятельно, какъ слѣдуетъ барышнѣ-хозяйкѣ, она вдругъ сдѣлалась печальна, тиха, робка и до того услужлива, особенно передъ матерью, что матери это было непріятно. Мать сказала одинъ разъ моему отцу: «Алексѣй Степанычъ, посовѣтуй пожалуйста своей сестрицѣ, чтобъ она не кидалась мнѣ такъ услуживать, какъ горничная дѣвка. Мнѣ совѣстно принимать отъ нея такія услуги, и вообще это мнѣ противно». Но отецъ мой совсѣмъ иначе смотрѣлъ на это дѣло. «Помилуй, матушка,—возразилъ онъ: я ничего противнаго въ этомъ не вижу. Сестра привыкла уважать и услуживать старшему въ домѣ. Такъ услуживала она покойнику батюшкѣ, потомъ покойницѣ матушкѣ, а теперь услуживаетъ тебѣ, потому что ты хозяйка и госпожа въ Багровѣ». Мать не стала спорить; но черезъ нѣсколько дней, при мнѣ, когда тётушка кинулась подать ей скамеечку подъ ноги, мать вдругъ ее остановила очень твердо: «Прошу васъ, сестрица, никогда этого не дѣлать, если не хотите разсердить меня. Кстати, я давно собираюсь поговорить съ вами откровенно о теперешнемъ нашемъ положеніи; сядьте, пожалуйста, ко мнѣ на постель и выслушайте меня внимательно. Многое вамъ будетъ непріятно, но я стану говорить не для ссоры, а для того, чтобъ у насъ на будущее время не было причинъ къ неудовольствіямъ. Я хочу, чтобы вы не ошибались на мой счетъ, не думали, что я ничего не знаю и не понимаю. Нѣтъ, я очень хорошо знаю, что сёстры ваши, кромѣ Аксиньи Степановны, меня не любили, клеветали на меня покойнику батюшкѣ и желали сдѣлать мнѣ всякое зло. Покойница матушка вѣрила имъ во всемъ, на все смотрѣла ихъ глазами и по слабости своей даже не смѣла имъ противиться; вы — также; но вамъ простительно: если родная мать была на сторонѣ старшихъ сестеръ, то гдѣ же вамъ, меньшой дочери, пойдти противъ нихъ? — вы съ малыхъ лѣтъ привыкли вѣрить и повиноваться имъ. Я не хочу при-

творяться, я не люблю вашихъ сестеръ и помню ихъ обиды; но мстить имъ никогда не буду. Вамъ же я давно все простила и все непріятное забыла. Васъ увѣряли, что я злодѣйка ваша, и вы иногда вѣрили, хоть сердце у васъ доброе; я напротивъ желаю вамъ добра и докажу это на дѣлѣ. Вы знаете характеръ вашего брата: по своей мѣшкотности и привычкѣ все откладывать до завтра, онъ долго не собрался бы устроить ваше состояніе, то-есть укрѣпить въ судѣ за вами крестьянъ и перевести ихъ на вашу землю, которая также хотя сторгована, но еще не куплена. Если я только замолчу, то онъ ничего не сдѣлаетъ, пожалуй, до тѣхъ самыхъ поръ, покуда вы не выйдете замужъ; а какъ неустройство вашего состоянія можетъ помѣшать вашему замужеству и лишить васъ хорошаго жениха, то я даю вамъ слово, что въ продолженіе нынѣшняго же года все будетъ сдѣлано. Я не отстану отъ Алексѣя Степаныча, покуда онъ не выполнитъ воли своихъ родителей и не сдержитъ своего обѣщанія. Тогда, имѣя свой собственный уголъ, если вы захотите жить со мной, то сдѣлаете это уже добровольно, по вашему желанію. Я же съ моей стороны очень буду рада, если вы останетесь у насъ. Я не люблю домашняго хозяйства и буду благодарна вамъ, если вы будете имъ заниматься по-прежнему. Но я требую, чтобы вы не вскакивали передо мной, не услуживали мнѣ, чтобы вы держали себя со мной, какъ равная мнѣ, однимъ словомъ, какъ вы держали себя при жизни Арины Васильевны. Согласны ли вы?»—Татьяна Степановна давно разливалась въ слезахъ и нѣсколько разъ хотѣла было броситься обнимать «матушку-сестрицу», а можетъ быть поклониться въ ноги, но мать всякій разъ останавливала ее рукой. Разумѣется, Татьяна Степановна охотно на все согласилась и не находила словъ благодарить мою мать за ея «великія милости и благодѣянія».—Она прибавила, что «все добро, оставшееся послѣ покойницы матушки, собрано, переписано ею и будетъ представлено сестрицѣ».—Мать съ горячностью возразила: «И вы думаете, что я захочу воспользоваться какими-нибудь вещами или платьями послѣ покойницы свекрови, когда у ней осталась незамужняя родная дочь?... Вотъ какъ вы меня мало знаете. Мнѣ ничего не надобно; я и видѣть этого не хочу; это все ваше». За симъ послѣдовала новая и очень го-

рячая благодарность отъ Татьяны Степановны. — Тогда только вполнѣ объяснилось для меня положеніе матери, въ которомъ жила она въ семействѣ моего отца. Припомнивъ все, слышанное мною въ разное время отъ Параши, и вырывавшіяся иногда слова у матери во время горячихъ разговоровъ съ отцомъ, я составилъ себѣ довольно ясное понятіе о свойствахъ людей, съ которыми она жила. Можно себѣ представить, какимъ высшимъ существомъ являлась мнѣ моя мать! Я начиналъ смотрѣть на нее съ благоговѣніемъ, гордился ею и любилъ съ каждымъ днемъ болѣе.

Вдругъ, вовсе неожиданно, привезли намъ съ почты письмо отъ бабушки Прасковьи Ивановны, и къ общему удивленію, вдвое длиннѣе перваго! Прасковья Ивановна подробно высчитывала причины, по которымъ намъ не слѣдуетъ оставаться эту зиму въ Багровѣ, и уже требовала настоятельно, чтобы мы послѣ шести недѣль переѣхали къ ней въ Чурасово, а Великимъ постомъ воротились бы домой. Письмо состояло изъ такихъ нѣжныхъ просьбъ и въ то же время изъ такихъ положительныхъ приказаній, что всѣ, хотя ни слова не сказали, но почувствовали невозможность имъ противиться. Къ Татьянѣ Степановнѣ было приложено особое письмецо, самое ласковое и убѣдительное. Прасковья Ивановна писала, что приготовитъ ей прекрасную, совершенно отдѣльную комнату, въ которой жила Дарья Васильевна, теперь переведенная уже во флигель; что Татьяна Степановна будетъ жить спокойно, что никто къ ней ходить не будетъ, и что она можетъ приходить къ хозяйкѣ и къ намъ только тогда, когда сама захочетъ. По прочтеніи обоихъ писемъ нѣсколько времени всѣ молчали и, казалось, всѣ были недовольны. Наконецъ отецъ мой прервалъ молчаніе и первый заговорилъ: «Какъ же тутъ быть, Софья Николавна? Какъ же намъ не исполнить желаніе тётушки? Вѣдь настоящихъ причинъ къ отказу нѣтъ. Вѣдь тётушка прогнѣвается». Мать отвѣчала, что она сама не знаетъ, какъ тутъ быть, и что ее затрудняетъ только перевозка дѣтей въ зимнюю пору. «А что ты скажешь, Танюша?»—спросилъ мой отецъ. Татьяна Степановна не задумавшись отвѣчала, что ни за что не поѣдетъ; что она въ Чурасовѣ съ тоски умретъ и что «не хочетъ удалиться такъ скоро и такъ далеко отъ могилы своей матушки». — «Гдѣ же ты будешь жить? —

продолжалъ мой отецъ.—Неужели останешься одна въ Багровѣ?» — Тётушка задумалась и потомъ отвѣчала, что она переѣдетъ къ сестрицѣ Александрѣ Степановнѣ, и что каждый мѣсяцъ вмѣстѣ съ ней будетъ пріѣзжать молиться и служить панихиды на могилѣ матери. — Поговоря такимъ образомъ и ничего не рѣшивъ положительно, всѣ разошлись.

Я догадался однако, что мы непремѣнно поѣдемъ, и былъ огорченъ больше всѣхъ. Какъ нарочно, за нѣсколько дней до полученія письма, я узналъ новое деревенское удовольствіе, которое мнѣ очень полюбилось: Евсеичъ выучилъ меня крыть лучкомъ птичекъ; въ нашемъ саду и огородѣ было ихъ очень много. Маленькій снѣжокъ покрывалъ уже землю; Евсеичъ расчистилъ точокъ и положилъ на него приваду изъ хлѣбной мякины и ухвостнаго конопляннаго сѣмени. Голодныя птички очень обрадовались корму, котораго доставать имъ было трудно, и дня въ три привыкли летать на приваду. Тогда Евсеичъ поставилъ позади точка̀ лучокъ, обтянутый сѣткой, привязалъ къ нему веревочку и протянулъ ее сквозь смородинный кустъ, за которымъ легко было притаиться одному человѣку, или даже двоимъ. Когда птички привыкли къ лучку, стали смѣло возлѣ него садиться и клевать зёрна, Евсеичъ привелъ меня осторожно къ кусту, сквозь голыя вѣтки котораго было видно все, что̀ дѣлается на точкѣ.—«Наклонись, соколикъ, и нишни, шепотомъ говорилъ Евсеичъ, присѣвъ на корточки.—Вотъ какъ налетятъ птички получше, — а теперь сидятъ все бѣски да чечотки, — тогда ты возьми за веревочку, да и дерни. Птичекъ-то всѣхъ и накроетъ лучкомъ, а мы съ тобой хорошенькихъ-то выберемъ, да въ клѣточки и посадимъ». Я готовъ былъ все исполнить; черезъ нѣсколько времени Евсеичъ сказалъ мнѣ: «Ну, бери веревочку; дергай!» Дрожа отъ радостнаго нетерпѣнія, я дернулъ изо всей мочи, и мы, выскочивъ изъ-за куста, прибѣжали къ лучку. Я дернулъ неудачно, слишкомъ сильно, такъ что лучокъ сорвался съ мѣста однимъ краемъ и покрылъ только половину точка̀; но все-таки нѣсколько птичекъ билось подъ сѣткой, и мы, взявъ пару щеглятъ, чижика и бѣленькаго бѣсочка, побѣжали домой съ своей добычей. Евсеичъ бѣжалъ такъ же, какъ и я. И вотъ чѣмъ былъ неоцѣненный человѣкъ Ефремъ Евсеичъ: онъ во всякой охотѣ горячился не меньше меня!...

Я скоро выучился крыть хорошо; а какъ мнѣ жалко было выпускать пойманныхъ птичекъ, то я, кромѣ клѣтокъ, насажалъ ихъ множество въ пустой садокъ, обтянутый сѣткою, находившійся въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ крыльца, гдѣ лѣтомъ жили мои голуби, зимовавшіе теперь по дворовымъ избамъ, въ подпечкахъ. У меня сидѣли въ садкѣ бѣлые, голубые и зеленые бѣски или синицы, щеглята, чижи, овсянки и чечотки. Я поставилъ имъ водопойку, а когда вода замерзала, то клалъ снѣгу; поставилъ двѣ небольшія березки, на которыхъ птички сидѣли и ночевали, и навалилъ на полъ всякаго корма. Смотрѣть въ этотъ садокъ, любоваться живыми и быстрыми движеніями миловидныхъ птичекъ и наблюдать, какъ онѣ ѣдятъ, пьютъ и ссорятся между собой,— было для меня истиннымъ наслажденіемъ. Иногда, недовольно тепло одѣтый, я не чувствовалъ холода наступающаго ноября и готовъ былъ цѣлый день простоять, прислонивъ лицо къ опушенной инеемъ сѣткѣ, еслибъ мать не присылала за мною, или Евсеичъ не уводилъ насильно въ горницу.

На другой же день послѣ полученія письма отъ Прасковьи Ивановны, вѣроятно переговоривъ обо всемъ наединѣ, отецъ и мать объявили рѣшительное намѣреніе ѣхать въ Чурасово немедленно, какъ только ляжетъ зимній путь. Въ тотъ же день отданы были приказанія всѣмъ, кому слѣдуетъ, чтобы все было готово и чтобы сами готовились въ дорогу. Отъѣздъ нашъ зависѣлъ отъ времени, когда станетъ Волга, о чемъ должны были немедленно увѣдомить насъ изъ Вишенокъ. Татьяна Степановна осталась твердою въ своемъ намѣреніи не ѣхать въ Чурасово и жить до нашего возвращенія у сестрицы своей Александры Степановны. Мать не уговаривала тётушку ѣхать съ нами и при мнѣ сказала отцу, что сестрицѣ будетъ тамъ несвободно и скучно. Въ тотъ же день написали Александрѣ Степановнѣ объ этомъ рѣшеніи. Татьяну Степановну смущало только одно: какъ ей разстаться съ своимъ амбаромъ, то-есть со всѣмъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ нагруженъ. Она высказала свои опасенія отцу, говоря, что боится, какъ бы безъ господъ въ ночное время не подломали амбара и не украли бы все ея добро, которое она «сгоношила сначала по милости покойнаго батюшки и матушки, а потомъ по милости братца и сестрицы». Она просила у моего отца лошадей, чтобъ хоть кое-что по-

лучше заблаговременно перевезти въ Каратаевку. Отецъ считалъ это ненужнымъ, но согласился на убѣдительныя просьбы своей сестры. Я послѣ слышалъ, какъ перешептывались Евсеичъ съ Парашей и смѣялись потихоньку надъ страхомъ моей тётки.

Снѣгъ выпадалъ постепенно почти каждую ночь, и каждое утро была отличная пороша. Отецъ очень любилъ обходить съ ружьемъ по слѣду русаковъ и охотился иногда за ними; но къ сожалѣнію онъ не бралъ меня съ собою, говоря, что для меня это будетъ утомительно и что я буду ему мѣшать. За то, чтобъ утѣшить меня, онъ приказалъ Танайченку верхомъ объѣхать русака и взялъ меня съ собою, чтобъ при мнѣ поймать зайца тенетами. Часа за два до обѣда мы съ отцомъ въ санкахъ пріѣхали къ верховью пруда. «Вонъ гдѣ лежитъ русакъ, Сережа!» —сказалъ мой отецъ,—и указалъ на гриву желтаго камыша, проросшую кустами и примыкавшую къ крутцу. «Русакъ побѣжитъ въ гору, и потому все это мѣсто обметано тенетами. Видишь ихъ, какъ они висятъ на кустикахъ? Ну, смотри же, что будутъ дѣлать». Народу было съ нами человѣкъ двадцать; одни зашли сзади, а другіе съ боковъ, и такимъ образомъ подвигаясь впередъ полукругомъ, принялись шумѣть, кричать и хлестать холудинами по камышу. Въ одну минуту вылетѣлъ русакъ, какъ стрѣла покатилъ въ гору, ударился въ тенета, вынесъ ихъ впередъ на себѣ съ сажень, увязилъ голову и лапки, запутался и завертѣлся въ сѣткѣ. Люди кричали и бѣжали со всѣхъ ногъ къ попавшему зайцу, я также кричалъ во всю мочь и бѣжалъ изо всѣхъ силъ. Что за красавецъ былъ этотъ старый матерой русакъ! Черные кончики ушей, черный хвостикъ, желтоватая грудь и переднія ноги, и пестрый въ завиткахъ ремень по спинѣ.... Я задыхался отъ восторга, самъ не понимая его причины!...

И отъ всего этого надобно было уѣхать, чтобы жить цѣлую зиму въ непріятномъ мнѣ Чурасовѣ, гдѣ не нравились мнѣ многіе изъ постоянныхъ гостей, гдѣ должно избѣгать встрѣчи съ тамошней противной прислугой и гдѣ все-таки надо будетъ сидѣть, по большей части, въ извѣстныхъ нашихъ, уже опостылѣвшихъ мнѣ, комнатахъ; да и съ матерью придется гораздо рѣже быть вмѣстѣ. Милой моей сестрицѣ также не хотѣлось ѣхать въ Чурасово, хотя соб-

ственно для нея тамошнее житье представляло уже ту выгоду, что мы съ нею бывали тамъ почти неразлучны, а она такъ нѣжно любила меня, что въ моемъ присутствіи всегда была совершенно довольна и очень весела.

Прошло сорокъ дней и пришло время поминокъ по бабушкѣ, называемыхъ въ народѣ «сорочинами». Несмотря на то, что не было ни телѣжнаго, ни саннаго пути, потому что снѣгу мало лежало на дорогѣ, превратившейся въ мерзлыя кочки грязи, родные наканунѣ съѣхались въ Багрово. 9-го ноября поутру всѣ, кромѣ насъ, маленькихъ дѣтей, ѣздили въ Мордовскій Бугурусланъ, слушали заупокойную обѣдню и отслужили панихиду на могилкѣ бабушки. Потомъ воротились, кушали чай и кофе, потомъ былъ обѣдъ, за которымъ происходило все точно то же, что̀ я уже разсказывалъ не одинъ разъ: гости пили, ѣли, плакали, поминали и—разъѣхались.

Вотъ уже выпалъ довольно глубокій снѣгъ и пошли сильные морозы, которые начали постукивать въ стѣны нашего дома, и уже Александра Степановна пріѣхала за Татьяной Степановной. Наконецъ, получили извѣстіе, что Волга стала, и что чрезъ нее потянулись обозы. Назначили день отъѣзда; подвезли къ крыльцу возокъ, въ которомъ должны были помѣститься: я, сестрица съ Парашей и братецъ съ своей бывшей кормилицей Матреной, которая, переставъ его кормить, поступила къ нему въ няньки. Подвезли и кибитку для отца и матери, настряпали въ дорогу разнаго кушанья, уложились, и 21-го ноября заскрипѣли, завизжали полозья и мы тронулись въ путь. Мы съ матерью терпѣть не могли этого скрипа. Я плакалъ, сидя въ возкѣ. Тётушка Татьяна Степановна должна была въ тотъ же день уѣхать съ Александрой Степановной въ Каратаевку.

Переѣздъ изъ Багрова въ Чурасово совершился благополучно и скоро. Первый зимній путь, если снѣгъ выпалъ ровно, при тихой погодѣ, если онъ достаточно покрываетъ всѣ неровности дороги и въ то же время такъ умѣренно глубокъ, что не мѣшаетъ ѣздить тройками въ рядъ,—бываетъ у насъ на Руси великолѣпно хорошъ. Именно таковъ онъ былъ тогда. Мы ѣхали такъ скоро на своихъ лошадяхъ, какъ никогда не ѣзжали. Скрипъ полозьевъ былъ мало слышенъ отъ скорости ѣзды и мелкости снѣга, и мы съ матерью

во всю дорогу почти не чувствовали противной тошноты. Въ Вишенкахъ мы только покормили лошадей. Отецъ, разумѣется, повидался со старостой, обо всемъ разспросилъ и все записалъ, чтобы доложить Прасковьѣ Ивановнѣ. Зимній видъ Никольскаго за́мка или дворца напомнилъ мнѣ великолѣпное угощеніе гостепріимнаго хозяина, и хотя тому прошло только нѣсколько мѣсяцевъ, но мнѣ казалось уже смѣшнымъ мое тогдашнее изумленіе и увлеченіе.... Помѣщика Дурасова не было въ Никольскомъ. Мы остановились у одного зажиточнаго крестьянина. Отецъ мой любилъ всегда разговаривать съ хозяевами домовъ, въ которыхъ мы кормили или ночевали, а я любилъ слушать ихъ разговоры. Мать иногда скучала ими; но въ этотъ разъ попался намъ хозяинъ — необыкновенно умный мужикъ, который своими разсказами о баринѣ всѣхъ насъ очень занялъ и очень смѣшилъ мою мать. Онъ какъ-будто хвалилъ своего господина и въ то-же время выставлялъ его въ самомъ смѣшномъ видѣ. Рѣчь зашла о великолѣпныхъ свиньяхъ, изъ которыхъ одна умерла. «То-то горе-то у насъ было, говорилъ хозяинъ: — чушка-то что ни лучшая сдохла. Баринъ у насъ, дай ему Богъ много лѣтъ здравствовать, добрый, милосливый, до всякаго скота жалосливый, такъ печаловался, что уѣхалъ изъ Никольскаго; ужъ и мы ему не взмилились. Оно и точно такъ: насъ-то у него много, а чушекъ-то всего было двѣ, и тѣ изъ-за моря, а мы доморощина. А добрый баринъ; ужь сказать нельзя какой добрый, да и затѣйникъ! У насъ на выѣздѣ изъ села было два колодца, вода преотмѣнная, родниковая, холодная. Мужики, выѣзжая въ поле, завсегда ею пользовались. Такъ онъ приказалъ надъ каждымъ колодцемъ по деревянной дѣвкѣ поставить, какъ есть одѣтыя въ кумашные сарафаны, подпоясаны золотымъ позументомъ, только босыя; одной ногой стоитъ на колодцѣ, а другую подняла, ровно прыгнуть хочетъ. Ну, всякъ, кто ни ѣдетъ, и конный и пѣшій, остановится и заглядится. Только крестьяне-то воду изъ колодцевъ брать перестали: говорятъ, что непригоже». Словоохотливый хозяинъ долго и много говорилъ въ этомъ родѣ; многаго я не понималъ, но мать говорила, что все было очень умно и зло. Впрочемъ, и того, что̀ я понялъ, было достаточно для меня; я вывелъ заключеніе и сдѣлалъ новое открытіе: крестьянинъ насмѣхался

надъ бариномъ, а я привыкъ думать, что крестьяне смотрятъ на своихъ господъ съ благоговѣніемъ и всѣ ихъ поступки и слова считаютъ разумными. Я рѣшился обратить особенное вниманіе на всѣ разговоры Евсеича съ Парашей и замѣчать, не смѣются ли и они надъ нами, говоря намъ въ глаза разныя похвалы и цѣлуя наши ручки?... Я сообщилъ мое намѣреніе матери. Она улыбнулась и сказала: «Зачѣмъ тебѣ это знать? Параша, особенно Евсеичъ, служатъ намъ усердно, а что̀ про насъ думаютъ—я и знать не хочу». Но мнѣ было любопытно узнать, и я не оставилъ своего намѣренія.

На другой день переѣхали мы по гладкому, какъ зеркало, льду страшную для меня Волгу. Она даже и въ этомъ видѣ меня пугала. Въ этотъ годъ Волга стала очень чисто, *наголо*, какъ говорится. Снѣгу было мало, снѣжныхъ building бурановъ тоже, а потому мало шло по рѣкѣ льдинъ и такъ называемаго *сала*, то есть снѣга, пропитаннаго водою. Одни морозы сковали поверхность рѣки, и сквозь прозрачный ледъ было видно, какъ бѣжитъ вода, какъ она завертывается кругами и какъ скачутъ иногда по ней бѣлые пузыри *). Признаюсь, я не могъ смотрѣть безъ содроганія изъ моего окошечка на это страшное движеніе огромной водяной глубины, по которой скакали наши лошади. Вдругъ увидѣлъ я въ сторонѣ, недалеко отъ наѣзженной дороги, что-то похожее на длинную прорубь, которая дымилась. Я пришелъ въ изумленіе и упросилъ Парашу посмотрѣть и растолковать мнѣ. Параша взглянула и со смѣхомъ сказала: «Это полынья. Тутъ вода не мерзнетъ. Это Волга дышетъ, отъ того и паръ валитъ; а чтобъ ночью кто-нибудь не ввалился, по краямъ хворостъ накиданъ». Какъ ни любопытна была для меня эта новость, но я думалъ только объ одномъ: что мы, того и гляди, провалимся и нырнемъ подъ ледъ. Страхъ одолѣлъ меня, и я прибѣгнулъ къ обыкновенному моему успокоительному средству, то-есть зажмурилъ глаза и открылъ ихъ уже на другомъ берегу Волги.

Въ Симбирскѣ получили мы извѣстіе, что Прасковья Ивановна не совсѣмъ здорова и ждетъ—не дождется насъ.

*) Рѣдко бываетъ, чтобы большая рѣка становилась безъ снѣга. Я одинъ разъ только видѣлъ Волгу въ такомъ видѣ, въ какомъ описываетъ ее молодой Багровъ. *С. А.*

На другой день, въ пятыя сутки по выѣздѣ изъ Багрова, въ самый полдень засвѣтились передъ нами четыре креста чурасовскихъ церквей и колоколенъ.

Прасковья Ивановна такъ намъ обрадовалась, что я и пересказать не умѣю. Она забыла свое нездоровье и не вышла, а выбѣжала даже въ лакейскую. Я никогда не видывалъ у нея такого веселаго лица! Она крѣпко и долго обнимала моего отца и особенно мать; даже насъ всѣхъ перецѣловала, чего никогда не дѣлывала, а всегда только давала цѣловать намъ руку. «А, и чернушка здѣсь! говорила она смѣясь. Да какъ похорошѣлъ! Откуда взялся у него такой носъ? Ну здравствуйте, заволжскіе помѣщики! Какъ поживаютъ ваши друзья и сосѣди, Мордва и Чуваши? Милости прошу, друзья мои! А Татьяны нѣтъ! Одичала и уперлась. Вѣрно уѣхала въ Каратаевку? Ну, вотъ какъ каратаевскій баринъ подъ пьяную руку ее поколотитъ, такъ она и пожалѣетъ, что не пріѣхала въ Чурасово. Ну, славу Богу, насилу васъ дождалась. Пойдемте прямо въ гостиную». Въ залѣ и гостиной встрѣтили насъ неизмѣнные гости.

Мы опять размѣстились по знакомымъ намъ угламъ и опять зажили прежнею жизнью. Только Прасковья Ивановна стала несравненно ласковѣе и добрѣе, какъ мнѣ казалось. Для всѣхъ было очевидно, что она горячо привязалась къ моей матери и ко всѣмъ намъ. Она не знала, какъ угостить насъ и чѣмъ употчивать. Но въ то же время я замѣтилъ, что Дарья Васильевна и Александра Ивановна Ковригина не такъ намъ обрадовались, какъ въ прежніе пріѣзды. Въ мужской и женской прислугѣ еще было замѣтнѣе, что они просто намъ не рады. Я сообщилъ мое замѣчаніе матери, но она отвѣчала мнѣ, что это совершенный вздоръ, и что мнѣ даже не слѣдуетъ этого замѣчать. Я однако не удовольствовался такимъ объясненіемъ и повторилъ мое замѣчаніе Евсеичу въ присутствіи Параши, и онъ сказалъ мнѣ: «Да, видно надоѣли. Больно часто стали ѣздить». Параша прибавила: «Другихъ гостей здѣсь не боятся, а васъ опасаются, чтобы вы Прасковьѣ Ивановнѣ чего-нибудь не пересказали». Я внутренно убѣдился, что это совершенно справедливо, и что мать не хотѣла сказать мнѣ правды.

Миницкіе не замедлили пріѣхать и привезти съ собою двухъ старшихъ дочерей. Мы съ сестрицей любили ихъ,

очень имъ обрадовались, и у насъ опять составились и прежнія игры, и прежнія чтенія. Съ утра до вечера мы были неразлучны съ сестрой, потому что всѣ комнатныя наши занятія и забавы были у насъ общія.

Что касается до вреднаго вліянія чурасовской лакейской и дѣвичьей, то мать могла быть на этотъ счетъ совершенно спокойна: всѣ какъ-будто сговорились избѣгать насъ и ничего при насъ не говорить. Даже Иванушка буфетчикъ пересталъ при насъ подходить къ Евсеичу и болтать съ нимъ, какъ бывало прежде, и Евсеичъ, добродушно смѣясь, однажды сказалъ мнѣ: «Вотъ такъ-то лучше! Стали насъ побаиваться!»

Прасковья Ивановна вскорѣ совершенно выздоровѣла отъ небольшой простуды. Рождество Христово было у ней храмовой праздникъ въ ея новой, самою ею выстроенной церкви, и она праздновала этотъ день со всевозможною деревенскою пышностью. Гостей наѣхало столько, что въ обоихъ флигеляхъ негдѣ было помѣщаться; нѣкоторые мелкопомѣстные и безсемейные сосѣди жили даже по крестьянскимъ избамъ. Всѣ говорили, что никогда не бывало такого съѣзда, какъ въ этотъ годъ. Я этого не утверждаю, но знаю, что въ этотъ разъ еще болѣе надоѣли мнѣ гости. Отца съ матерью я почти не видѣлъ, и только дружба съ милой моей сестрицей, выроставшая не по днямъ, а по часамъ, утѣшала меня въ этомъ скучномъ и какъ-то тяжеломъ для насъ Чурасовѣ. Сестра становилась уже моимъ настоящимъ другомъ, съ которымъ могъ я дѣлиться всѣми моими дѣтскими чувствами и мыслями. Такъ прошелъ декабрь и наступилъ новый годъ, который я встрѣтилъ съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ и ожиданіемъ. Вдругъ, на другой день мать говоритъ мнѣ: «Сережа, хочешь ѣхать со мной въ Казань? Мы ѣдемъ туда съ отцомъ на двѣ недѣли». Я обрадовался выѣзду изъ Чурасова и отвѣчалъ, что очень хочу. «Ну, такъ собирайся». Я обѣщалъ собраться въ полчаса, но вдругъ вспомнилъ о сестрицѣ и спросилъ: «А сестрица поѣдетъ съ нами?» Мать отвѣчала, что она останется въ Чурасовѣ. Это меня огорчило. Когда же я сказалъ сестрицѣ о моемъ отъѣздѣ, она принялась горько плакать. Хотя я былъ горячо привязанъ къ матери и не привыкъ разставаться съ нею, но горесть сестрицы такъ глубоко меня по-

трясла, что я не задумавшись побѣжалъ къ матери и сталъ ее просить оставить меня въ Чурасовѣ. Мать удивилась, узнавъ причину такой быстрой перемѣны, обняла меня, поцѣловала; но сказала, что ни подъ какимъ видомъ не оставитъ, что мы проѣздимъ всего двѣ недѣли и что сестрица скоро перестанетъ плакать. Я печально воротился въ дѣтскую. Бѣдная моя сестрица плакала навзрыдъ. Ей предстояло новое горе: мать брала съ собой Парашу, а сестрицу мою Прасковья Ивановна переводила жить къ себѣ въ спальню и поручила за нею ходить своей любимой горничной, Акулинѣ Борисовнѣ, женщинѣ очень скромной и заботливой.

Неожиданную поѣздку въ Казань устроила сама Прасковья Ивановна. Мать еще прежде не одинъ разъ говорила, что она хотѣла бы побывать въ Казани и помолиться тамошнимъ чудотворцамъ; что она не видывала мощей, и очень бы желала къ нимъ приложиться; что ей хотѣлось бы посмотрѣть и послушать архіерейской службы. Прасковья Ивановна, казалось, и не замѣтила этихъ словъ. Когда стало приближаться крещенье, которое было въ то же время днемъ рожденья моей матери, то мать сказала одинъ разъ, разговаривая съ Александрой Ивановной, въ присутствіи Прасковьи Ивановны, которая играла съ моимъ отцомъ въ пикетъ, что очень бы желала на шестое число куда-нибудь уѣхать, хоть въ Старое Багрово. «Я терпѣть не могу дня своего рожденья, прибавила мать; а у васъ будетъ куча гостей; принимать отъ нихъ поздравленія и желанія всякаго благополучія и всѣхъ благъ земныхъ — это для меня наказанье Божіе». Вдругъ Прасковья Ивановна обратилась къ матери моей и сказала: «Послушай, Софья Николавна, чтó я вздумала. Тебѣ хотѣлось помолиться казанскимъ чудотворцамъ, ты не любишь дня своего рожденья (я и сама не люблю моего) — чего же лучше? поѣзжай въ Казань съ Алексѣемъ Степанычемъ. Вы больше двухъ недѣль не проѣздите: до Казани всего два девяноста». Мать очень охотно приняла такое предложеніе, и 3-го января, въ прекрасной повозкѣ со стеклами, которую дала намъ Прасковья Ивановна, мы уже скакали въ Казань. Вмѣсто радости, что я хоть на время уѣзжаю изъ Чурасова и увижу новый богатый городъ, о которомъ много наслышался, я чувствовалъ, что сердце мое разрывалось отъ горя. Милая моя сестрица,

вся въ слезахъ, съ покраснѣвшими глазами, тоскующая по своемъ братцѣ и по своей нянѣ, но безмолвно покоряющаяся своей судьбѣ,— безпрестанно представлялась мнѣ, и я долго самъ потихоньку плакалъ, не обращая вниманіе на то, чтó вокругъ меня происходило, и, противъ моего обыкновенія, не мечтая о томъ, что ожидало меня впереди.

А впереди ожидало меня начало важнѣйшаго событія въ моей жизни... *)

Здѣсь прекращается повѣствованіе Багрова-внука о своемъ дѣтствѣ. Онъ утверждаетъ, что дальнѣйшіе разсказы относятся уже не къ дѣтству его, а къ отрочеству.

С. А.

---

*) Т. е. вступленіе въ гимназію, которое разсказано въ «Семейной Хроникѣ», въ отдѣлѣ «Воспоминаній».

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Аленькой цвѣточекъ.

СКАЗКА КЛЮЧНИЦЫ ПАЛАГЕИ.

Въ нѣкіимъ царствѣ, въ нѣкіимъ государствѣ, жилъ-былъ богатый купецъ, именитый человѣкъ. Много у него было всякаго богатства, дорогихъ товаровъ заморскіихъ, жемчугу, драгоцѣнныхъ каменіевъ, золотой и серебряной казны; и было у того купца три дочери, всѣ три красавицы писанныя, а меньшая лучше всѣхъ; и любилъ онъ дочерей своихъ больше всего своего богатества, жемчуговъ, драгоцѣнныихъ каменіевъ, золотой и серебряной казны—по той причинѣ, что онъ былъ вдовецъ, и любить ему было не кого; любилъ онъ старшихъ дочерей, а меньшую дочь любилъ больше, потому что она была собой лучше всѣхъ и къ нему ласковѣе. Вотъ и собирается тотъ купецъ по своимъ торговымъ дѣламъ за море, за тридевять земель, въ тридевятое царство, въ тридесятое государство, и говоритъ онъ своимъ любезнымъ дочерямъ: «Дочери мои милыя, дочери мои хорошія, дочери мои пригожія, ѣду я по своимъ купецкіимъ дѣламъ за тридевять земель, въ тридевятое царство, тридесятое государство, и мало ли, много ли времени проѣзжу—не вѣдаю, и наказываю я вамъ жить безъ меня честно и смирно, и коли вы будете жить безъ меня честно и смирно, то привезу вамъ такіе гостинцы, какихъ вы сами похочете, и даю я вамъ сроку думать на три дня, и тогда вы мнѣ скажете, какихъ гостинцевъ вамъ хочется». Думали онѣ три

дня и три ночи, и пришли къ своему родителю, и сталъ онъ ихъ спрашивать, какихъ гостинцевъ желаютъ. Старшая дочь поклонилась отцу въ ноги, да и говоритъ ему первая: «Государь ты мой, батюшка родимый! Не вози ты мнѣ золотой и серебряной парчи, ни мѣховъ чернаго соболя, ни жемчуга бурмицкаго; а привези ты мнѣ золотой вѣнецъ изъ каменьевъ самоцвѣтныихъ, и чтобъ былъ отъ нихъ такой свѣтъ, какъ отъ мѣсяца полнаго, какъ отъ солнышка краснаго, и чтобъ было отъ него свѣтло въ темную ночь, какъ середи дня бѣлаго». Честнȯй купецъ призадумался и сказалъ потомъ: «Хорошо, дочь моя милая, хорошая и пригожая; привезу я тебѣ таковой вѣнецъ; знаю я за моремъ такова человѣка, который достанетъ мнѣ таковой вѣнецъ; а и есть онъ у одной королевишны заморскія, а и спрятанъ онъ въ кладовой каменной, а и стоитъ та кладовая въ каменной горѣ, глубиной на три сажени, за тремя дверьми желѣзными, за тремя замками нѣмецкими. Работа будетъ не малая, да для моей казны супротивнаго нѣтъ». Поклонилась ему въ ноги дочь середняя и говоритъ: «Государь ты мой, батюшка родимый! Не вози ты мнѣ золотой и серебряной парчи, ни черныхъ мѣховъ соболя сибирскаго, ни ожерелья жемчуга бурмицкаго, ни золота вѣнца самоцвѣтнаго; а привези ты мнѣ туалетъ изъ хрусталю восточнаго, цѣльнаго, безпорочнаго, чтобы, глядя въ него, видѣла я всю красоту поднебесную и чтобъ, смотрясь въ него, я не старилась и красота-бъ моя дѣвичья прибавлялася». Призадумался честнȯй купецъ, и подумавъ мало ли, много ли времени, говоритъ ей таковыя слова: «Хорошо, дочь моя милая, хорошая и пригожая, достану я тебѣ таковой хрустальный туалетъ; а и есть онъ у дочери короля персидскаго, молодой королевишны, красоты несказанной, неписанной и негаданной; и схороненъ тотъ туалетъ въ терему каменномъ, высокіимъ, и стоитъ онъ на горѣ каменной, вышина той горы въ триста сажень, за семью дверьми желѣзными, за семью замками нѣмецкими, и ведутъ къ тому терему ступеней три тысячи, и на каждой ступени стоитъ по воину персидскому и день и ночь, съ саблею на-голо булатною, и ключи отъ тѣхъ дверей желѣзныихъ носитъ королевишна на поясѣ. Знаю я за моремъ такова человѣка, и достанетъ онъ мнѣ таковой туалетъ. Потяжеле твоя работа сестриной: да для моей казны супро-

тивнаго нѣтъ». Поклонилась въ ноги отцу меньшая дочь и говоритъ таково слово: «Государь ты мой батюшка родимый! Не вози ты мнѣ золотой и серебряной парчи, ни черныхъ соболей сибирскiихъ, ни ожерелья бурмицкаго, ни вѣнца самоцвѣтнаго, ни тувалета хрустальнаго, а привези ты мнѣ *аленькой цвѣточекъ*, котораго бы не было краше на бѣлòмъ свѣтѣ». Призадумался честнòй купецъ крѣпче прежняго. Мало ли, много ли времени онъ думалъ, доподлинно сказать не могу; надумавшись, онъ цѣлуетъ, ласкаетъ, приголубливаетъ свою меньшую дочь любимую и говоритъ таковыя слова: «Ну, задала ты мнѣ работу потяжеле сестриныхъ; коли знаешь, что искать, то какъ не сыскать, а какъ найдти то, чего самъ не знаешь? Аленькой цвѣточекъ не хитро найдти, да какъ же узнать мнѣ, что краше его нѣтъ на бѣлòмъ свѣту? Буду стараться, а на гостинцѣ не взыщи». И отпустилъ онъ дочерей своихъ, хорошiихъ, пригожiихъ, въ ихнiе терема дѣвичьи. Сталъ онъ собираться въ путь, во дороженьку, въ дальнiе края заморскiе. Долго ли, много ли онъ собирался, я не знаю и не вѣдаю: скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Поѣхалъ онъ въ путь, во дороженьку. Вотъ ѣздитъ честнóй купецъ по чужимъ сторонамъ заморскiимъ, по королевствамъ невиданнымъ; продаетъ онъ свои товары въ тридорога, покупаетъ чужiе въ тридешева; онъ мѣняетъ товаръ на товаръ и того сходнѣй, со придачею серебра да золота; золотой казной корабли нагружаетъ, да домой посылаетъ. Отыскалъ онъ завѣтный гостинецъ для своей старшей дочери: вѣнецъ съ камнями самоцвѣтными, а отъ нихъ свѣтло въ темную ночь, какъ бы въ бѣлый день. Отыскалъ завѣтный гостинецъ и для своей средней дочери: тувалетъ хрустальный, а въ немъ видна вся красота поднебесная, и смотрясь въ него, дѣвичья красота не старѣется, а прибавляется. Не можетъ онъ только найдти завѣтнаго гостинца для меньшой, любимой дочери, аленькаго цвѣточка, краше котораго не было бы на бѣлòмъ свѣту. Находилъ онъ во садахъ царскихъ, королевскихъ и султановыхъ много аленькихъ цвѣточковъ такой красоты, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать; да никто ему поруки не даетъ, что краше того цвѣтка нѣтъ на бѣлòмъ свѣтѣ; да и самъ онъ того не думаетъ. Вотъ ѣдетъ онъ путемъ-дорогою, со своими слугами вѣрными, по пескамъ сыпучiимъ, по лѣсамъ дремучiимъ, и

откуда ни возьмись налетѣли на него разбойники, бусурманскіе, турецкіе, да индѣйскіе, нехристи поганые, и увидя бѣду неминучую, бросаетъ честной купецъ свои караваны богатые со прислугою своей вѣрною, и бѣжитъ въ темны лѣса. «Пусть-де меня растерзаютъ звѣри лютые, чѣмъ попасться мнѣ въ руки разбойничьи, поганыя, и доживать свой вѣкъ въ плѣну, во неволѣ». Бродитъ онъ по тому лѣсу дремучему, непроѣздному, непроходному, и что дальше идетъ, то дорога лучше становится, словно деревья передъ нимъ разступаются, а часты кусты раздвигаются. Смотритъ назадъ — руки не просунуть, смотритъ направо — пни да колоды, зайцу косому не проскочить, смотритъ налѣво—а и хуже того. Дивуется честной купецъ, думаетъ не придумаетъ, что съ нимъ за чудо совершается, а самъ все идетъ да идетъ: у него подъ ногами дорога торная. Идетъ онъ день отъ утра до вечера, не слышитъ онъ реву звѣринаго, ни шипѣнія змѣинаго, ни крику совинаго, ни голоса птичьяго: ровно около него все повымерло. Вотъ пришла и темная ночь; кругомъ его хоть глазъ выколи, а у него подъ ногами свѣтлехонько. Вотъ идетъ онъ, почитай, до полуночи, и сталъ видѣть впереди будто зарево, и подумалъ онъ: «Видно лѣсъ горитъ, такъ зачѣмъ же мнѣ идти на вѣрную смерть, неминучую?» Поворотилъ онъ назадъ — нельзя идти, направо, налѣво—нельзя идти; сунулся впередъ—дорога торная. «Дай постою на одномъ мѣстѣ, можетъ зарево пойдетъ въ другую сторону, аль прочь отъ меня, аль потухнетъ совсѣмъ». Вотъ и сталъ онъ, дожидается; да не тутъ-то было: зарево точно къ нему навстрѣчу идетъ, и какъ-будто около него свѣтлѣе становится; думалъ онъ, думалъ и порѣшилъ идти впередъ. Двухъ смертей не бывать, а одной не миновать. Перекрестился купецъ и пошелъ впередъ. Чѣмъ дальше идетъ, тѣмъ свѣтлѣе становится, и стало почитай, какъ бѣлый день, а не слышно шуму и треску пожарнаго. Выходитъ онъ подъ конецъ на поляну широкую, и посередь той поляны широкія стоитъ домъ не домъ, чертогъ не чертогъ, а дворецъ королевскій или царскій, весь въ огнѣ, въ серебрѣ и золотѣ и въ каменьяхъ самоцвѣтныихъ, весь горитъ и свѣтитъ, а огня не видать; ровно солнушко красное, инда тяжело на него глазамъ смотрѣть. Всѣ окошки во дворцѣ растворены и играетъ въ немъ музыка согласная, какой ни-

когда онъ не слыхивалъ. Входитъ онъ на широкой дворъ, въ ворота широкія, растворенныя; дорога пошла изъ бѣлаго мрамора, а по сторонамъ бьютъ фонтаны воды, высокіе, большіе и малые. Входитъ онъ во дворецъ по лѣстницѣ, устланной кармазиннымъ сукномъ, со перилами позолоченными; вошелъ въ горницу—нѣтъ никого; въ другую, въ третью—нѣтъ никого, въ пятую, десятую — нѣтъ никого; а убранство вездѣ царское, неслыханное и невиданное: золото, серебро, хрустали восточные, кость слоновая и мамонтова. Дивится честной купецъ такому богатеству несказанному, а вдвое того, что хозяина нѣтъ; не токмо хозяина, и прислуги нѣтъ; а музыка играетъ несмолкаючи; и подумалъ онъ въ тѣ поры про-себя: «Все хорошо, да ѣсть нечего», и выросъ передъ нимъ столъ, убраный, разубраный; въ посудѣ золотой да серебряной яства стоятъ сахарныя и вина заморскія и питья медвяныя. Сѣлъ онъ за столъ безъ сумлѣнія; напился, наѣлся досыта, потому что не ѣлъ сутки цѣлыя; кушанье такое, что и сказать нельзя, — того и гляди, что языкъ проглотишь, а онъ, по лѣсамъ и пескамъ ходючи, крѣпко проголодался; всталъ онъ изъ - за стола, а поклониться некому, и сказать спасибо за хлѣбъ за соль некому. Не успѣлъ онъ встать да оглянуться, а стола съ кушаньемъ какъ не бывало, а музыка играетъ неумолкаючи. Дивуется честной купецъ такому чуду чудному и такому диву дивному, и ходитъ онъ по палатамъ изукрашеннымъ, да любуется, а самъ думаетъ: «Хорошо бы теперь соснуть да всхрапнуть» — и видитъ, стоитъ передъ нимъ кровать рѣзная, изъ чистаго золота, на ножкахъ хрустальныихъ, съ пологомъ серебрянымъ, съ бахромою и кистями жемчужными; пуховикъ на ней какъ гора лежитъ, пуху мягкаго, лебяжьяго. Дивится купецъ такому чуду новому, новому и чудному; ложится онъ на высокую кровать, задергиваетъ пологъ серебряный, и видитъ, что онъ тонокъ и мягокъ, будто шелковый. Стало въ палатѣ темно, ровно въ сумерки, и музыка играетъ будто издали, и подумалъ онъ: «Ахъ кабы мнѣ дочерей хоть во снѣ увидать» — и заснулъ тое-жъ минуточку.

Просыпается купецъ, а солнце уже взошло выше дерева стоячаго. Проснулся купецъ, а вдругъ опомниться не можетъ: всю ночь видѣлъ онъ во снѣ дочерей своихъ любез-

ныихъ, хорошіихъ и пригожіихъ, и видѣлъ онъ дочерей своихъ старшіихъ: старшую и середнюю, что онѣ веселымъ-веселехоньки, а печальна одна, дочь меньшая, любимая; что у старшей и середней дочери есть женихи богатые, и что сбираются всѣ выйдти замужъ, не дождавшись его благословенія отцовскаго; меньшая же дочь любимая, красавица писаная, о женихахъ и слышать не хочетъ, покуда не воротится ея родимый батюшка; и стало у него на душѣ и радошно и не радошно. Всталъ онъ со кровати высокія, платье ему все приготовлено, и фонтанъ воды бьетъ въ чашу хрустальную; онъ одѣвается, умывается, и ужь новому чуду не дивуется; чай и кофей на столѣ стоятъ, и при нихъ закуска сахарная. Помолившись Богу, онъ накушался и сталъ онъ опять по палатамъ ходить, чтобъ опять на нихъ полюбоватися при свѣтѣ солнышка краснаго. Все показалось ему лучше вчерашняго. Вотъ видитъ онъ въ окна растворенныя, что кругомъ дворца разведены сады диковинные, плодовитые, и цвѣты цвѣтутъ красоты неописанной. Захотѣлось ему по тѣмъ садамъ прогулятися.

Сходитъ онъ по другой лѣстницѣ изъ мрамора зеленаго, изъ малахита мѣднаго, съ перилами позолоченными, сходитъ прямо въ зелены сады. Гуляетъ онъ и любуется; на деревьяхъ висятъ плоды спѣлы, румяные, сами въ ротъ такъ и просятся, инда глядя на нихъ слюнки текутъ; цвѣты цвѣтутъ распрекрасные, мохровые, пахучіе, всякими красками расписанные; птицы летаютъ невиданныя: словно по бархату зеленому и пунцовому золотомъ и серебромъ выложенныя, пѣсни поютъ райскія; фонтаны воды бьютъ высокіе, инда глядѣть на ихъ вышину — голова запрокидывается; и бѣгутъ и шумятъ ключи родниковые по колодамъ хрустальнымъ. Ходитъ честнòй купецъ, дивуется; на всѣ такія диковинки глаза у него разбѣжалися, и не знаетъ онъ, на что смотрѣть и кого слушать. Ходилъ онъ такъ, много ли, мало ли времени — новѣдомо: скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. И вдругъ видитъ онъ на пригорочкѣ зеленымъ цвѣтетъ цвѣтокъ цвѣту алаго, красоты невиданной и неслыханной, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. У честнаго купца духъ занимается; подходитъ онъ къ тому цвѣтку, запахъ отъ цвѣтка по всему саду, ровно струя бѣжитъ; затряслись и руки и ноги у купца, и

возговорилъ онъ голосомъ радошнымъ: «Вотъ аленькой цвѣточекъ, какого нѣтъ краше на бѣло̀мъ свѣтѣ, о какомъ просила меня дочь меньшая, любимая». И, проговоривъ таковы слова, онъ подошелъ и сорвалъ аленькой цвѣточекъ. Въ тоёжъ минуту, безо всякихъ тучъ, блеснула молонья и ударилъ громъ, инда земля зашаталася подъ ногами, — и выросъ, какъ-будто изъ земли, передъ купцомъ: звѣрь не звѣрь, человѣкъ не человѣкъ, а такъ, какое-то чудище, страшное и мохнатое, и заревѣлъ онъ голосомъ дикiимъ: «Что ты сдѣлалъ? Какъ ты посмѣлъ сорвать въ моемъ саду мой заповѣдной, любимый цвѣтокъ? Я хоронилъ его паче зѣницы ока моего, и всякой день утѣшался, на него глядючи: а ты лишилъ меня всей утѣхи въ моей жизни. Я хозяинъ дворца и сада, я принялъ тебя, какъ дорогаго гостя и званаго, накормилъ, напоилъ и спать уложилъ, а ты этак-то заплатилъ за мое добро! Знай же свою участь горькую: умереть тебѣ за свою вину смертью безвременною»!... И несчетное число голосовъ дикiихъ со всѣхъ сторонъ завопило: «Умереть тебѣ смертью безвременною!» У честнаго купца отъ страха зубъ на зубъ не приходилъ; онъ оглянулся кругомъ и видитъ, что со всѣхъ сторонъ, изъ-подъ каждаго дерева и кустика, изъ воды, изъ земли, лѣзетъ къ нему сила нечистая и несмѣтная, все страшилища безобразныя. Онъ упалъ на колѣни передъ набольшiимъ хозяиномъ, чудищемъ мохнатыимъ, и возговорилъ голосомъ жалобныимъ: «Охъ ты гой еси, господинъ честно̀й, звѣрь лѣсной, чудо морское: какъ взвеличать тебя —не знаю, не вѣдаю. Не погуби ты души моей христiанскiя, за мою продерзость безвинную, не прикажи меня рубить и казнить, прикажи слово вымолвить. А есть у меня три дочери, три дочери красавицы, хорошiя и пригожiя; обѣщалъ я имъ по гостинцу привезть: старшей дочери—самоцвѣтный вѣнецъ, средней дочери — туалетъ хрустальный, а меньшой дочери — аленькой цвѣточекъ, какого бы не было краше на бѣло̀мъ свѣтѣ. Старшимъ дочерямъ гостинцы я сыскалъ, а меньшой дочери гостинца отыскать не могъ; увидалъ я такой гостинецъ у тебя въ саду, аленькой цвѣточекъ, какого краше нѣтъ на бѣло̀мъ свѣтѣ, и подумалъ я, что такому хозяину богатому, богатому, славному и могучему, не будетъ жалко цвѣточка аленькаго, о какомъ просила моя меньшая дочь любимая. Каюсь я въ своей винѣ передъ твоимъ величествомъ. Ты

прости мнѣ, неразумному и глупому, отпусти меня къ моимъ дочерямъ родимымъ, подари мнѣ цвѣточекъ аленькой, для гостинца моей меньшой, любимой дочери. Заплачу я тебѣ казны золотой, что потребуешь». Раздался по лѣсу хохотъ, словно громъ загремѣлъ, и возговоритъ купцу звѣрь лѣсной, чудо морское: «Не надо мнѣ твоей золотой казны: мнѣ своей дѣвать некуда. Нѣтъ тебѣ отъ меня никакой милости, и разорвутъ тебя мои слуги вѣрные на куски, на части мелкія. Есть одно для тебя спасенье. Я отпущу тебя домой невредимаго, награжу казной несчетною, подарю цвѣточекъ аленькой, коли дашь ты мнѣ слово честное купецкое и запись своей руки, что пришлешь замѣсто себя одну изъ дочерей своихъ, хорошiихъ, пригожiихъ; я обиды ей никакой не сдѣлаю, и а будетъ она жить у меня въ чести и привольѣ, какъ самъ ты жилъ во дворцѣ моемъ. Стало скучно мнѣ жить одному, и хочу я залучить себѣ товарища». Такъ и палъ купецъ на сыру землю, горючьми слезами обливается; а и взглянетъ онъ на звѣря лѣснаго, на чудо морское, а и вспомнитъ онъ своихъ дочерей, хорошiихъ, пригожiихъ, а и пуще того завопитъ источнымъ голосомъ: больно страшенъ былъ лѣсной звѣрь, чудо морское. Много времени честнòй купецъ убивается и слезами обливается, и возговоритъ онъ голосомъ жалобнымъ: «Господинъ честнòй, звѣрь лѣсной, чудо морское! А и какъ мнѣ быть, коли дочери мои, хорошія и пригожія, по своей волѣ не похочутъ ѣхать къ тебѣ? Не связать же мнѣ имъ руки и ноги, да насильно прислать? Да и какимъ путемъ до тебя доѣхать? Я ѣхалъ къ тебѣ ровно два года, а по какимъ мѣстамъ, по какимъ путямъ, я не вѣдаю». Возговоритъ купцу звѣрь лѣсной, чудо морское: «Не хочу я невольницы: пусть прiѣдетъ твоя дочь сюда по любви къ тебѣ, своей волею и хотѣнiемъ; а коли дочери твои не поѣдутъ по своей волѣ и хотѣнiю, то самъ прiѣзжай, и велю я казнить тебя смертью лютою. А какъ прiѣхать ко мнѣ—не твоя бѣда; дамъ я тебѣ перстень съ руки моей: кто надѣнетъ его на правый мизинецъ, тотъ очутится тамъ, гдѣ пожелаетъ, во единое ока мгновенiе. Сроку тебѣ даю дома пробыть три дня и три ночи». Думалъ, думалъ купецъ думу крѣпкую, и придумалъ такъ: «Лучше мнѣ съ дочерьми повидаться, дать имъ свое родительское благословенiе, и коли онѣ избавитъ меня отъ

смерти не похочутъ, то приготовиться къ смерти по долгу христіанскому и воротиться къ лѣсному звѣрю, чуду морскому». Фальши у него на умѣ не было, а потому онъ разсказалъ, что у него было на мысляхъ. Звѣрь лѣсной, чудо морское, и безъ того ихъ зналъ; видя его правду, онъ и записи съ него заручной не взялъ, а снялъ съ своей руки золотой перстень и подалъ его честнòму купцу. И только честнòй купецъ успѣлъ надѣть его на правый мизинецъ, какъ очутился онъ въ воротахъ своего широкаго двора; въ ту пору, въ тѣ же ворота въѣзжали его караваны богатые съ прислугою вѣрною, и привезли они казны и товаровъ втрое противу прежняго. Поднялся въ домѣ шумъ и гвалтъ, повскакали дочери изъ-за пялецъ своихъ, а вышивали онѣ серебромъ и золотомъ ширинки шелковыя; почали онѣ отца цѣловать, миловать и разными ласковыми именами называть, и двѣ старшія сестры лебезятъ пуще меньшой сестры. Видятъ онѣ, что отецъ какъ-то не радошенъ и что есть у него на сердцѣ печаль потаенная. Стали старшія дочери его допрашивать: не потерялъ ли онъ своего богатества великаго; меньшая же дочь о богатествѣ не думаетъ, и говоритъ она своему родителю: «Мнѣ богатества твои ненадобны,—богатество дѣло наживное, а открой ты мнѣ свое горе сердешное». И возговоритъ тогда честнòй купецъ своимъ дочерямъ родимыимъ, хорошіимъ и пригожіимъ: «Не потерялъ я своего богатества великаго, а нажилъ казны втрое-вчетверо; а есть у меня другая печаль, и скажу вамъ объ ней завтрашній день, а сегодня будемъ веселитися». Приказалъ онъ принести сундуки дорожные, желѣзомъ окованные; доставалъ онъ старшей дочери золотой вѣнецъ, золота аравійскаго, на огнѣ не горитъ, въ водѣ не ржавѣетъ, со камнями самоцвѣтными; достаетъ гостинецъ середней дочери, туалетъ хрусталю восточнаго; достаетъ гостинецъ меньшой дочери, золотой кувшинъ съ цвѣточкомъ аленькимъ. Старшія дочери отъ радости рехнулися, унесли свои гостинцы въ терема высокіе, и тамъ на просторѣ ими досыта потѣшалися. Только дочь меньшая любимая, увидавъ цвѣточекъ аленькой, затряслась вся и заплакала, точно въ сердце ее что ужалило. Какъ возговоритъ къ ней отецъ таковы рѣчи: «Что же, дочь моя милая, любимая, не берешь ты своего цвѣтка желаннаго; краше его нѣтъ на бѣлóмъ свѣтѣ?» Взяла дочь мень-

шая цвѣточекъ аленькой ровно нехотя, цѣлуетъ руки отцовы, а сама плачетъ горючими слезами. Скоро прибѣжали дочери старшія, попытали онѣ гостинцы отцовскіе и не могутъ опомниться отъ радости. Тогда сѣли всѣ они за столы дубовые, за скатерти браныя, за явства сахарныя, за питія медвяныя; стали ѣсть, пить, прохлаждатися, ласковыми рѣчами утѣшатися. Ввечеру гости понаѣхали, и сталъ домъ у купца полнехонекъ дорогихъ гостей, сродниковъ, угодниковъ, прихлебателей. До полуночи бесѣда продолжалася, и таковъ былъ вечерній пиръ, какого честнóй купецъ у себя въ дому не видывалъ; и откуда что бралось, не могъ догадаться онъ, да и всѣ тому дивовалися: и посуды золотой-серебряной, и кушаньевъ диковинныхъ, какихъ никогда въ дому не видывали. Заутра позвалъ къ себѣ купецъ старшую дочь, разсказалъ ей все, что съ нимъ приключилося, все отъ слова-дó-слова, и спросилъ: хочетъ ли она избавить его отъ смерти лютыя и поѣхать жить къ звѣрю лѣсному, къ чуду морскому? Старшая дочь наотрѣзъ отказалася и говоритъ: «Пусть та дочь и выручаетъ отца, для кого онъ доставалъ аленькой цвѣточекъ». Позвалъ честнóй купецъ къ себѣ другую дочь, середнюю, разсказалъ ей все, что съ нимъ приключилося, все отъ слова-дò-слова, и спросилъ: хочетъ ли она избавить его отъ смерти лютыя и поѣхать жить къ звѣрю лѣсному, чуду морскому? Средняя дочь наотрѣзъ отказалася и говоритъ: «Пусть та дочь и выручаетъ отца, для кого онъ доставалъ аленькой цвѣточекъ». Позвалъ честнóй купецъ меньшую дочь и сталъ ей все разсказывать, все отъ слова-дò-слова, и не успѣлъ кончить рѣчи своей, какъ стала передъ нимъ на колѣни дочь меньшая, любимая, и сказала: «Благослови меня, государь мой батюшка родимый: я поѣду къ звѣрю лѣсному, чуду морскому и стану жить у него. Для меня досталъ ты аленькой цвѣточекъ и мнѣ надо выручить тебя». Залился слезами честнóй купецъ, обнялъ онъ свою меньшую дочь любимую и говоритъ ей таковыя слова: «дочь моя милая, хорошая, пригожая, меньшая и любимая. Да будетъ надъ тобою мое благословеніе родительское, что выручаешь ты своего отца отъ смерти лютыя, и по доброй волѣ своей и хотѣнію идешь на житье противное къ страшному звѣрю лѣсному, чуду морскому. Будешь жить ты у него во дворцѣ, въ богатствѣ и

привольѣ великіимъ; да гдѣ тотъ дворецъ—никто не знаетъ, не вѣдаетъ, и нѣтъ къ нему дороги ни конному, ни пѣшему, ни звѣрю прыскучему, ни птицѣ перелетной. Не будетъ намъ отъ тебя ни слуха, ни вѣсточки, а тебѣ объ насъ и подавно. И какъ мнѣ доживать мой горькой вѣкъ, лица твоего не видаючи, ласковыхъ рѣчей твоихъ не слыхаючи; разстаюсь я съ тобою на вѣки вѣчные, ровно тебя живую въ землю хороню». И возговоритъ отцу дочь меньшая, любимая: «Не плачь, не тоскуй, государь мой батюшка родимый; житье мое будетъ богатое, привольное; звѣря лѣснаго, чуда морскаго я не испугаюся, буду служить ему вѣрою и правдою, исполнять его волю господскую, а можетъ онъ надо мной и сжалится. Не оплакивай ты меня живую, словно мертвую; можетъ, Богъ дастъ я и вернусь къ тебѣ». Плачетъ, рыдаетъ честнОй купецъ, таковыми рѣчьми не утѣшается. Прибѣгаютъ сёстры старшія, большая и середняя, подняли плачъ по всему дому: вишь больно имъ жалко меньшой сестры любимыя; а меньшая сестра и виду печальнаго не кажетъ, не плачетъ, не охаетъ и въ дальній путь невѣдомый собирается. И беретъ съ собой цвѣточекъ аленькой во кувшинѣ позолоченномъ. Пришелъ третій день и третья ночь, пришла пора разставаться честнОму купцу, разставаться съ дочерью меньшою, любимою; онъ цѣлуетъ, милуетъ ее, горючьми слезами и обливаетъ кладетъ на нее крестное благословеніе свое родительское. Вынимаетъ онъ перстень звѣря лѣснаго, чуда морскаго, изъ ларца кованнаго, надѣваетъ перстень на правый мизинецъ меньшой любимой дочери—и не стало ея въ тоё-жъ минуточку, со всѣми ея пожитками.

Очутилась она во дворцѣ звѣря лѣснаго, чуда морскаго, во палатахъ высокіихъ, каменныхъ, на кровати изъ рѣзнаго золота, со ножками хрустальными, на пуховикѣ пуха лебяжьяго, покрытомъ золотой камкой; ровно она и съ мѣста не сходила, ровно она цѣлый вѣкъ тутъ жила, ровно легла почивать, да проснулася. Заиграла музыка согласная, какой сродясь она не слыхивала. Встала она со постели пуховыя и видитъ, что всѣ ея пожитки и цвѣточекъ аленькой въ кувшинѣ позолоченномъ тутъ же стоятъ, разкладены и разставлены на столахъ зеленыихъ малахита мѣднаго, и что въ той палатѣ много добра и скарба всякаго, есть на чемъ

посидѣть-полежать, есть во что пріодѣться, есть во что посмотрѣться. И была одна стѣна вся зеркальная, а другая стѣна золоченая, а третья стѣна вся серебряная, а четвертая стѣна изъ кости слоновыя и мамонтовыя, самоцвѣтными яхонтами разубранная, и подумала она: «должно быть это моя опочивальная». Захотѣлось ей осмотрѣть весь дворецъ, и пошла она осматривать всѣ его палаты высокія, и ходила она не мало времени, на всѣ диковинки любуючись; одна палата была краше другой, и всѣ краше того, какъ разсказывалъ честнôй купецъ, государь ея батюшка родимый; взяла она изъ кувшина золоченаго любимый цвѣточекъ аленькой, сошла она въ зелены сады, и запѣли ей птицы свои пѣсни райскія, а деревья, кусты и цвѣты замахали своими верхушками, и ровно передъ ней преклонилися; выше забили фонтаны воды и громчѣй зашумѣли ключи родниковые; и нашла она то мѣсто высокое, пригорокъ муравчатый, на которомъ сорвалъ честнôй купецъ цвѣточекъ аленькой, краше котораго нѣтъ на бѣлôмъ свѣтѣ. И вынула она тотъ аленькой цвѣточекъ изъ кувшина золоченаго, и хотѣла посадить на мѣсто прежнее; но самъ онъ вылетѣлъ изъ рукъ ея и приросъ къ стеблю прежнему, и расцвѣлъ краше прежняго. Подивилася она такому чуду чудному, диву дивному, порадовалась своему цвѣточку аленькому, завѣтному, и пошла назадъ въ палаты свои дворцовыя, и въ одной изъ нихъ стоялъ столъ накрытъ, и только она подумала: «видно звѣрь лѣсной, чудо морское, на меня не гнѣвается, и будетъ онъ ко мнѣ господинъ милостивый»,—какъ на бѣлой мраморной стѣнѣ появилися словеса огненныя: «Не господинъ я твой, а послушный рабъ. Ты моя госпожа, и все, что тебѣ на умъ придетъ, исполнять я буду съ охотою». Прочитала она словеса огненныя и пропали они со стѣны бѣлой мраморной, какъ-будто ихъ никогда не бывало тамъ. И вспало ей на мысли написать письмо къ своему родителю, и дать ему о себѣ вѣсточку. Не успѣла она о томъ подумати, какъ видитъ она: передъ нею бумага лежитъ, золотое перо со чернилицей. Пишетъ она письмо къ своему батюшкѣ родимому и сестрицамъ своимъ любезнымъ: «Не плачьте обо мнѣ, не горюйте, я живу во дворцѣ у звѣря лѣснаго, чуда морскаго, какъ королевишна; самого его не вижу и не слышу, а пишетъ онъ ко мнѣ на стѣнѣ бѣломраморной, словесами огнен-

ными; и знаетъ онъ все, что у меня на мысли, и тоё-жъ минутою все исполняетъ и не хочетъ онъ называться господиномъ моимъ, а меня называетъ госпожей своей». Не успѣла она письма написать и печатью припечатать, какъ пропало письмо изъ рукъ и изъ глазъ ея, словно его тутъ и не было. Заиграла музы́ка пуще прежняго, на столѣ явились яства сахарныя, питья медвяныя, вся посуда золота червоннаго. Сѣла она за столъ веселехонька, хотя съ роду не обѣдала одна-одинешенька; ѣла она, пила, прохлаждалася, музы́кою забавлялася. Послѣ обѣда, накушамшись, она опочивать легла; заиграла музы́ка потише и подальше, по той причинѣ, чтобъ ей спать не мѣшать. Послѣ сна встала она веселешенька и пошла опять гулять по садамъ зеленыимъ, потому что не успѣла она до обѣда обходить и половины ихъ, наглядѣться на ихъ диковинки. Всѣ деревья, кусты и цвѣты передъ ней преклонялися, а спѣлые плоды, груши, персики и наливныя яблочки сами въ ротъ лѣзли. Походивъ время не малое, почитай вплоть до вечера, воротилась она во свои палаты высокія, и видитъ она: столъ накрытъ, и на столѣ яствы стоятъ сахарныя и питья медвяныя, и все отмѣнныя. Послѣ ужина вошла она въ ту палату бѣломраморну, гдѣ читала она на стѣнѣ словеса огненныя, и видитъ она на той же стѣнѣ опять такія же словеса огненныя: «Довольна ли госпожа моя своими садами и палатами, угощеньемъ и прислугою?» И возговорила голосомъ радошнымъ молодая дочь купецкая, красавица писаная: «Не зови ты меня госпожей своей, а будь ты всегда мой добрый господинъ, ласковый да милостивый. Я изъ воли твоей никогда не выступлю. Благодарствую тебѣ за все твое угощеніе. Лучше твоихъ палатъ высокіихъ и твоихъ зеленыхъ садовъ не найдти на бѣло̀мъ свѣтѣ: то и какъ же мнѣ довольною не быть? Я сродясь такихъ чудесъ не видывала. Я отъ такого дива еще въ себя не приду, только боюся я почивать одна; во всѣхъ твоихъ палатахъ высокіихъ нѣтъ ни души человѣческой». Появилися на стѣнѣ словеса огненныя: «Не бойся, моя госпожа прекрасная; не будешь ты почивать одна, дожидается тебя твоя дѣвушка сѣнная, вѣрная и любимая; и много въ палатахъ душъ человѣческихъ, а только ты ихъ не видишь и не слышишь, и всѣ онѣ вмѣстѣ со мною берегутъ тебя и день и ночь: не дадимъ мы на тебя вѣтру вѣнути, не дадимъ

и пылинкѣ сѣсть». И пошла почивать въ опочивальню свою молодая дочь купецкая, красавица писаная, и видитъ: стоитъ у кровати ея дѣвушка сѣнная, вѣрная и любимая, и стоитъ она чуть отъ страха жива, и обрадовалась она госпожѣ своей, и цѣлуетъ ея руки бѣлыя, обнимаетъ ея ноги рѣзвыя. Госпожа была ей также радошна, принялась ее разспрашивать про батюшку родимаго, про сестрицъ своихъ старшiихъ и про всю свою прислугу дѣвичью, опосля того принялась сама разсказывать, что съ нею въ это время приключилося; такъ и не спали онѣ до бѣлой зари.

Такъ и стала жить да поживать молодая дочь купецкая, красавица писаная. Всякой день ей готовы наряды новые, богатые, а убранства такія, что цѣны имъ нѣтъ, ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать; всякой день угощенья и веселья новыя, отмѣнныя: катанье, гулянье съ музыкой на колесницахъ безъ коней и упряжи, по темнымъ лѣсамъ; а тѣ лѣса передъ ней разступалися и дорогу давали ей широкую, широкую и гладкую, и стала она рукодѣльями заниматися, рукодѣльями дѣвичьими, вышивать ширинки серебромъ и золотомъ и низать бахромы частымъ жемчугомъ, стала посылать подарки батюшкѣ родимому, а и самую богатую ширинку подарила своему хозяину ласковому, а и тому лѣсному звѣрю, чуду морскому, а и стала она день-ото-дня чаще ходить въ залу бѣломраморную, говорить рѣчи ласковыя своему хозяину милостивому и читать на стѣнѣ его отвѣты и привѣты словесами огненными.

Мало ли, много ли тому времени прошло: скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается,—стала привыкать къ своему житью-бытью молодая дочь купецкая, красавица писаная, ничему она ужь не дивуется, ничего не пугается, служатъ ей слуги невидимые, подаютъ, принимаютъ, на колесницахъ безъ коней катаютъ, въ музыку играютъ и всѣ ея повелѣнія исполняютъ; и возлюбляла она своего господина милостиваго, день-óто-дня, и видѣла она, что не даромъ онъ зоветъ ее госпожей своей, и что любитъ онъ ее пуще самого себя, и захотѣлось ей его голоса послушати; захотѣлось съ нимъ разговоръ повести, не ходя въ палату бѣломраморную, не читая словесовъ огненныхъ. Стала она его о томъ молить и просить; да звѣрь лѣсной, чудо морское, не скоро на ея просьбу соглашается, испугать ее сво-

имъ голосомъ опасается; упросила, умолила она своего хозяина ласковаго, и не могъ онъ ей супротивнымъ быть, и написалъ онъ ей въ послѣдній разъ на стѣнѣ бѣломраморной словесами огненными: «Приходи сегодня въ зеленый садъ, сядь въ свою бесѣдку любимую, листьями, вѣтками, цвѣтами заплетенную, и скажи такъ: «говори со мной, мой вѣрный рабъ». И мало спустя времечка, побѣжала молода дочь купецкая, красавица писаная, во сады зеленые, входила во бесѣдку свою любимую, листьями, вѣтками, цвѣтами заплетенную, и садилась на скамью парчевую, и говоритъ она задыхаючись, бьется сердечко у ней, какъ у пташки пойманной, говоритъ таковыя слова: «Не бойся ты, господинъ мой, добрый, ласковый, испугать меня своимъ голосомъ; опосля всѣхъ твоихъ милостей, не убоюся я и рева звѣринаго, говори со мной не опасаючись». И услышала она, ровно кто вздохнулъ за бесѣдкою, и раздался голосъ страшный, дикой и зычный, хриплый и сиплый, да и то говорилъ онъ еще вполголоса; вздрогнула сначала молодая дочь купецкая, красавица писаная, услыхавъ голосъ звѣря лѣснаго, чуда морскаго, только со страхомъ своимъ совладала и виду, что испужалася, не показала, и скоро слова его ласковыя и привѣтливыя, рѣчи умныя и разумныя, стала слушать она и заслушалась, и стало у ней на сердцѣ радошно.

Съ той поры, съ того времечка, пошли у нихъ разговоры почитай цѣлый день, во зеленомъ саду на гуляньяхъ, во темныхъ лѣсахъ на катаньяхъ и во всѣхъ палатахъ высокіихъ. Только спроситъ молода дочь купецкая, красавица писаная: «Здѣсь ли ты, мой добрый, любимый господинъ?» Отвѣчаетъ лѣсной звѣрь, чудо морское: «Здѣсь, госпожа моя прекрасная, твой вѣрный рабъ, неизмѣнный другъ». И не пугается она его голоса дикаго и страшнаго, и пойдутъ у нихъ рѣчи ласковыя, что конца имъ нѣтъ.

Прошло мало ли, много ли времени: скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается,—захотѣлось молодой дочери купецкой, красавицѣ писаной, увидѣть своими глазами звѣря лѣснаго, чуда морскаго, и стала она его о томъ просить и молить; долго онъ на то не соглашается, испугать ее опасается, да и былъ онъ такое страшилище, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать; не токмо люди, звѣри

дикіе его завсегда устрашалися и въ свои берлоги разбѣгалися. И говоритъ звѣрь лѣсной, чудо морское, таковыя слова: «Не проси, не моли ты меня, госпожа моя распрекрасная, красавица ненаглядная, чтобы показалъ я тебѣ свое лицо противное, свое тѣло безобразное. Къ голосу моему привыкла ты; мы живемъ съ тобой въ дружбѣ, согласіи, другъ со другомъ почитай не разлучаемся и любишь ты меня за мою любовь къ тебѣ несказанную, а увидя меня страшнаго и противнаго, возненавидишь ты меня несчастнаго, прогонишь ты меня съ глазъ долой, а въ разлукѣ съ тобой я умру съ тоски». Не слушая такихъ рѣчей молода купецкая дочь, красавица писаная, и стала молить пуще прежняго, клясться, божиться и ротитися, что никакого на свѣтѣ страшилища не испугается и что не разлюбитъ она своего господина милостиваго, и говоритъ ему таковыя слова: «Если ты старъ человѣкъ—будь мнѣ дѣдушка, если середовичь—будь мнѣ дядюшка, если же молодъ ты—будь мнѣ названный братъ, и поколь я жива—будь мнѣ сердешный другъ». Долго, долго, лѣсной звѣрь, чудо морское, не поддавался на такія слова, да не могъ просьбамъ и слезамъ своей красавицы супротивнымъ быть, и говоритъ ей таково слово: «Не могу я тебѣ супротивнымъ быть; по той причинѣ, что люблю тебя пуще самого себя, исполню я твое желаніе, хоша знаю, что погублю мое счастіе и умру смертью безвременной. Приходи во зеленый садъ, въ сумерки сѣрыя, когда сядетъ за лѣсъ солнышко красное, и скажи: «Покажись мнѣ, вѣрный другъ!» и покажу я тебѣ свое лицо противное, свое тѣло безобразное. А коли станетъ не въ моготу тебѣ больше у меня оставатися, не хочу я твоей неволи и муки вѣчныя: ты найдешь въ опочивальнѣ своей, у себя подъ подушкою, мой золотъ перстень. Надѣнь его на правой мизинецъ и очутишься ты у батюшки родимаго, и ничего обо мнѣ николи не услышишь». Не убоялась, не устрашилася, крѣпко на себя понадѣялась молода дочь купецкая, красавица писаная. Въ тѣ поры, не мѣшкая ни минуточки, пошла она во зеленый садъ дожидатися часу урочнаго, и когда пришли сумерки сѣрыя, опустилося за лѣсъ солнышко красное, проговорила она: «Покажись мнѣ, мой вѣрный другъ!» и показался ей издали звѣрь лѣсной, чудо морское: онъ прошелъ только поперекъ дороги и пропалъ въ частыхъ кустахъ, и не взвидѣла свѣта

молодая дочь купецкая, красавица писаная, всплеснула руками бѣлыми, закричала источнымъ голосомъ и упала на дорогу безъ памяти. Да и страшенъ былъ звѣрь лѣсной, чудо морское: руки кривыя, на рукахъ когти звѣриные, ноги лошадиныя, спереди-сзади горбы великіе верблюжіе, весь мохнатый отъ верху до низу, изо рта торчали кабаньи клыки, носъ крючкомъ, какъ у беркута, а глаза были совиные. Полежамши, долго ли, мало ли времени, опамятовалась молодая дочь купецкая, красавица писаная, и слышитъ: плачетъ кто-то возлѣ нея, горючьми слезами обливается и говоритъ голосомъ жалостнымъ: «Погубила ты меня, моя красавица возлюбленная, не видать мнѣ больше твоего лица распрекраснаго, не захочешь ты меня даже слышати, и пришло мнѣ умереть смертью безвременною». И стало ей жалко и совѣстно, и совладала она съ своимъ страхомъ веліимъ, и съ своимъ сердцемъ робкіимъ дѣвичьимъ, и заговорила она голосомъ твердыимъ: «Нѣтъ, не бойся ничего, мой господинъ добрый и ласковый, не испугаюсь я больше твоего вида страшнаго, не разлучусь я съ тобой, не забуду твоихъ милостей; покажись мнѣ теперь же въ своемъ видѣ давишнемъ: я только впервые испугалася». Показался ей лѣсной звѣрь, чудо морское въ своемъ видѣ страшныимъ, противныимъ, безобразныимъ, только близко подойдти къ ней не осмѣлился, сколько она ни звала его; гуляли они до ночи темныя и вели бесѣды прежнія, ласковыя и разумныя, и не чуяла никакого страха молодая дочь купецкая, красавица писаная. На другой день увидала она звѣря лѣснаго, чудо морское, при свѣтѣ солнышка краснаго, и хоша сначала, разглядя его, испугалася, а виду не показала, и скоро страхъ ея совсѣмъ прошелъ Тутъ пошли у нихъ бесѣды пуще прежняго; день-деньской почитай не разлучалися, за обѣдомъ и ужиномъ яствами сахарными насыщалися, питьями медвяными прохлажалися, гуляли по зеленымъ садамъ, безъ коней каталися по темнымъ лѣсамъ.

И прошло тому не мало времени: скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Вотъ однова и привидилось во снѣ молодой купецкой дочери, красавицѣ писаной, что батюшка ея нездоровъ лежитъ; и напала на нее тоска неусыпная, и увидалъ ее въ той тоскѣ и слезахъ звѣрь лѣсной, чудо морское, и вельми закручинился и сталъ спраши-

вать: отчего она въ тоскѣ, во слезахъ? Разсказала она ему свой недоброй сонъ и стала просить у него позволенія: повидать своего батюшку родимаго и сестрицъ своихъ любезныихъ: и возговоритъ къ ней лѣсной звѣрь, чудо морское: «И зачѣмъ тебѣ мое позволенье? золотъ-перстень мой у тебя лежитъ, надѣнь его на правый мизинецъ и очутишься въ дому у батюшки родимаго. Оставайся у него, пока не соскучишься, а и только я скажу тебѣ: коли ты ровно черезъ три дня и три ночи не воротишься, то не будетъ меня на бѣлòмъ свѣтѣ, и умру я тою же минутою, по той причинѣ, что люблю тебя больше, чѣмъ самого себя, и жить безъ тебя не могу». Стала она завѣрять словами завѣтными, и божбами и клятвами, что ровно за часъ до трехъ дней и трехъ ночей воротится во палаты его высокія. —Простилась она съ хозяиномъ своимъ ласковымъ и милостивымъ, надѣла на правый мизинецъ золотъ-перстень и очутилась на широкомъ дворѣ честнàго купца, своего батюшки родимаго. Идетъ она на высокое крыльцо его палатъ каменныхъ; набѣжала къ ней прислуга и челядь дворовая, подняли шумъ и крикъ; прибѣжали сестрицы любезныя и, увидѣвши ее, диву дались красотѣ ея дѣвичьей и ея наряду царскому, королевскому; подхватили ее подъ руки бѣлыя и повели къ батюшкѣ родимому, а батюшка нездоровъ лежалъ, нездоровъ и нерадошенъ, день и ночь ее вспоминаючи, горючими слезами обливаючись; и не вспомнился онъ отъ радости, увидамши свою дочь милую, хорошую, пригожую, меньшую, любимую, и дивился онъ красотѣ ея дѣвичьей, ея наряду царскому, королевскому. Долго они цѣловалися, миловалися, ласковыми рѣчами утѣшалися. Разсказала она своему батюшкѣ родимому и своимъ сестрамъ старшіимъ, любезныимъ про свое житье-бытье у звѣря лѣснаго, чуда морскаго, все отъ слова-до-слова, никакой крохи не скрываючи, и возвеселился честнòй купецъ ея житью богатому, царскому, королевскому, и дивился, какъ она привыкла смотрѣть на своево хозяина страшнаго и не боится звѣря лѣснаго, чуда морскаго; самъ онъ, объ немъ вспоминаючи, дрожкой-дрожалъ. Сестрамъ же старшіимъ, слушая про богатства несмѣтныя меньшей сестры и про власть ея царскую надъ своимъ господиномъ, словно надъ рабомъ своимъ, инда завистно стало. День проходитъ какъ единый часъ, другой день проходитъ

какъ минуточка, а на третій день стали уговаривать меньшую сестру сёстры старшія, чтобы не ворочалась она къ звѣрю лѣсному, чуду морскому. «Пусть де околѣетъ, туда и дорога ему....» И прогнѣвалась на сестеръ старшіихъ дорогая гостья, меньшая сестра, и сказала имъ таковы слова: «Если я моему господину доброму и ласковому за всѣ его милости и любовь горячую, несказанную, заплачу его смертью лютою, то не буду я стоить того, чтобы мнѣ на бѣло̀мъ свѣтѣ жить, и сто̀итъ меня тогда отдать дикимъ звѣрямъ на растерзаніе». И отецъ ея, честно̀й купецъ, похвалилъ ее за такія рѣчи хорошія, и было положено, чтобы до срока ровно за часъ воротилась къ звѣрю лѣсному, чуду морскому, дочь хорошая, пригожая, меньшая, любимая. Сестрамъ то въ досаду было и задумали онѣ дѣло хитрое, дѣло хитрое и недоброе: взяли онѣ, да всѣ часы въ домѣ цѣлымъ часомъ назадъ поставили, и не вѣдалъ того честно̀й купецъ и вся его прислуга вѣрная, челядь дворовая. И когда пришелъ настоящій часъ, стало у молодой купеческой дочери, красавицы писаной, сердце болѣть и щемить, ровно стало что-нибудь подмывать ее, и смотритъ она то и дѣло на часы отцовскіе, аглицкіе, нѣмецкіе, — а все рано ей пускаться въ дальній путь; а сёстры съ ней разговариваютъ, о томъ, о семъ разспрашиваютъ, позадерживаютъ; однако сердце ея не вытерпѣло; простилась дочь меньшая, любимая, красавица писаная, со честнымъ купцомъ, батюшкой родимыимъ, приняла отъ него благословеніе родительское, простилась съ сёстрами старшими, любезными, со прислугою вѣрною, челядью дворовою, и, не дождавшись единой минуточки до часа урочнаго, надѣла золотъ-перстень на правый мизинецъ и очутилась во дворцѣ бѣлокаменномъ, во палатахъ высокіихъ звѣря лѣснаго, чуда морскаго, и дивуючись, что онъ ее не встрѣчаетъ, закричала она громкимъ голосомъ: «Гдѣ же ты, мой добрый господинъ, мой вѣрный другъ? Что же ты меня не встрѣчаешь? Я воротилась раньше срока назначеннаго, цѣлымъ часомъ со минуточкой». Ни отвѣта, ни привѣта не было, тишина стояла мертвая; въ зелены̀хъ садахъ птицы не пѣли пѣсни райскія, не били фонтаны воды и не шумѣли ключи родниковые, не играла музы̀ка во палатахъ высокіихъ. Дрогнуло сердечко у купецкой дочери, красавицы писаной, почуяла она нѣшто недоброе, обѣжала она палаты высокія и сады

зеленые, звала зычнымъ голосомъ своего хозяина добраго— нѣтъ нигдѣ ни отвѣта, ни привѣта, и никакого гласа послушанія; побѣжала она на пригорокъ муравчатый, гдѣ росъ, красовался ея любимый цвѣточекъ аленькой, и видитъ она, что лѣсной звѣрь, чудо морское, лежитъ на пригоркѣ, обхвативъ аленькой цвѣточекъ своими лапами безобразными. И помстилось ей, что заснулъ онъ, ее дожидаючись, и спитъ теперь крѣпкимъ сномъ. Начала его будить потихоньку дочь купецкая, красавица писаная: онъ не слышитъ; принялась будить покрѣпче, схватила его за лапу мохнатую, и видитъ, что звѣрь лѣсной, чудо морское, бездыханенъ, мертвъ лежитъ.... Помутилися ея очи ясныя, подкосилися ноги рѣзвыя, пала она на колѣни, обняла руками бѣлыми голову своего господина добраго, голову безобразную и противную, и завопила источнымъ голосомъ: «Ты встань, пробудись, мой сердешный другъ; я люблю тебя какъ жениха желаннаго...» И только таковы словеса она вымолвила, какъ заблестѣли молоньи со всѣхъ сторонъ, затряслась земля отъ грома великаго, ударила громова стрѣла каменная въ пригорокъ муравчатый, и упала безъ памяти молодая дочь купецкая, красавица писаная. Много ли, мало ли времени она лежала безъ памяти—не вѣдаю; только, очнувшись, видитъ она себя во палатѣ высокой бѣломраморной, сидитъ она на золотомъ престолѣ со каменьями драгоцѣнными, и обнимаетъ ее принцъ молодой, красавецъ писаный, на головѣ со короною царскою, въ одеждѣ златокованной; передъ ней стоитъ отецъ съ сестрами, а кругомъ на колѣняхъ стоитъ свита великая, всѣ одѣты въ парчахъ золотыхъ, серебряныхъ и возговоритъ къ ней молодой принцъ красавецъ писаный, на головѣ со короною царскою: «Полюбила ты меня, красавица ненаглядная, въ образѣ чудища безобразнаго, за мою добрую душу и любовь къ тебѣ; полюби же меня теперь въ образѣ человѣческомъ, будь моей невѣстой желанною. Злая волшебница прогнѣвалась на моего родителя покойнаго, короля славнаго и могучаго, украла меня еще малолѣтняго, и сатанинскимъ колдовствомъ своимъ, силой нечистою, оборотила меня въ чудище страшное и наложила таковое заклятіе, чтобы жить мнѣ въ таковомъ видѣ безобразномъ, противномъ и страшномъ для всякаго человѣка, для всякой твари божіей, пока найдется красная дѣвица, какого бы

роду и званья ни была она, и полюбитъ меня въ образѣ страшилища, и пожелаетъ быть моей женой законною, и тогда колдовство все покончится, и стану я опять по-прежнему человѣкомъ молодымъ и пригожіимъ; и жилъ я таковымъ страшилищемъ и пугаломъ ровно тридцать лѣтъ, и залучалъ я въ мой дворецъ заколдованный одиннадцать дѣвицъ красныихъ, а ты была двѣнадцатая. Ни одна не полюбила меня за мои ласки и угожденія, за мою душу добрую. Ты одна полюбила меня, чудище противное и безобразное, за мои ласки и угожденія, за мою душу добрую, за любовь мою къ тебѣ несказанную, и будешь ты за то женою короля славнаго, королевою въ царствѣ могучіимъ».

Тогда всѣ тому подивилися, свита до земли преклонилася. Честнòй купецъ далъ свое благословеніе дочери меньшой, любимой и молодому принцу-королевичу. И поздравили жениха съ невѣстою сёстры старшія завистныя и всѣ слуги вѣрные, бояре великіе и кавалеры ратные, и ни мало не медля принялись веселымъ пиркомъ да за свадебку, и стали жить да поживать, добра наживать. Я сама тамъ была, пиво, медъ пила, по усамъ текло, да въ ротъ не попало.

Автографъ

С. Т. Аксакова.

26 Декабря, 1854го года.

Шестилѣтней Олѣ ....

Рано дѣдъ проснулся,
Крякнулъ, потянулся;
Давши мыслямъ волю,
Вспомнилъ внучку Олю.
Семь часовъ пробило;
Затопили печку,
Темно очень было
И зажегъ онъ свѣчку,
И дѣдушка хилый
Къ внучкѣ своей милой
Пишетъ поздравленье
Съ днемъ ея рожденья
Пишетъ понемногу,
Часто отдыхая,
Самъ молится Богу,
Олю вспоминая.

„Дай богъ чтобы снова
„Олинька была
„Весела, здорова —
„Какъ всегда мила;
„Чтобъ была забавой
„Матери съ отцемъ:
„Кроткимъ, тихимъ нравомъ,
„Сердцемъ и умомъ!"

Если богъ дастъ силы,
Ровно черезъ годъ,
Олѣ, внучкѣ милой,
Дѣдушка пришлетъ
Книжку не большую
И раскажетъ въ ней:
Про весну младую,
Про цвѣты полей,
Про малютокъ птичекъ,
Про гнѣзда яичекъ,
Бабочекъ красивыхъ,
Мотыльковъ игривыхъ,
Про лѣснаго Мишку,
Про грибочекъ бѣлый.
И — читать день цѣлый
Станетъ Оля книжку.

Дѣдушка Сергѣй Аксаковъ.

Дозволено цензурою. Спб., 19 Сентября 1811 г.   *Типографія и Фототипія В. И. Штейна, Почтамтская, № 13.*

Типографія и Фототипія В. И. Штейна. Спб., Почтамтская, № 13.

Перепл. А. Шнель